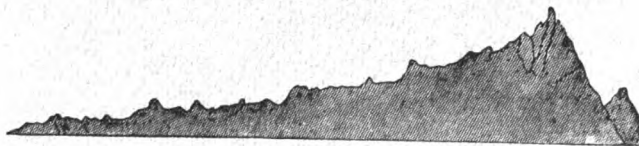

ТОЛКОВАНІЕ
ПЕРВАГО
ПОСЛАНІЯ СВ. АПОСТОЛА ПАВЛА
КЪ КОРИНѢЯНАМЪ.

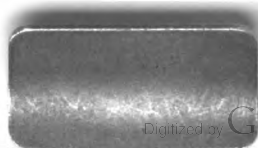
Епископа Теофана.

ИЗДАНИЕ ВТОРОЕ

Аѳонскаго Русскаго Пантелеимонова монастыря.

МОСКВА.
Типо-Литографія И. Ефимова. Большая Якиманка, домъ Смирновой.
1893.

ТОЛКОВАНИЕ

ПЕРВАГО

ПОСЛАНИЯ СВ. АПОСТОЛА ПАВЛА

КЪ КОРИНТЯНАМЪ.

*Tolkovanie
pervogo
pislaniia sv.
Apostola Pavla
k Korintianam*

~~Епископа Теофана.~~

~~Епископа Феодана~~

ИЗДАНИЕ ВТОРОЕ

*BS
2675.3
. F46
1989*

Афонскаго Русскаго Пантелеимонова монастыря.

МОСКВА.

Типо-Литографія И. Ефимова. Большая Якиманка. домъ Смирновой
1893.

118

Отъ Московскаго Духовно-Цензурнаго Комитета печатать дозволяется.
Москва. 12 апрѣля 1893 года.

Цензоръ Священникъ *Іоаннъ Петропавловскій*.

Reprinted by
JUH

2/10/91

ВВЕДЕНІЕ.

1.

Свѣдѣнія о Коринѣ и Коринтянахъ.

Коринѣ лежитъ на перешейкѣ, соединяющемъ собственно Грецію съ Мореею или Пелопонезомъ. Построенъ онъ будто тысячи за полторы (1400) до Р. Х. Сизифомъ и назывался Ефиною; потомъ разоренъ былъ кѣмъ-то и возстановленъ Коринѣомъ, сыномъ Мараѣона, или Пелопса, отъ котораго и имя получилъ. Въ Ахайскую войну Луцій Муммій разорилъ его до основанія въ 146 г. до Р. Х., а въ 44-мъ Юлій кесарь возстановилъ его, послѣ чего онъ быстро поднялся и сталъ первымъ городомъ Ахайи, мѣстопребываніемъ проконсуловъ: умножился числомъ жителей, процвѣлъ науками, искусствами и веселою жизнію. Отличіе его составляли истмійскія игры и храмъ Афродиты съ особымъ при немъ заведеніемъ. То и другое привлекало въ него множество народа. Коринѣ — представитель греческаго легкомыслія, вѣтренности и чувственныхъ наслажденій.

2.

Основаніе въ немъ Церкви Христовой.

(Дѣян. гл. 18).

Святую вѣру принесъ сюда и Церковь Христову здѣсь основалъ св. Павелъ, во второе свое Апостольское путе-

шествиѣ, послѣ того какъ просвѣтилъ вѣрою Филиппы, Солунь, Берію и Аѣины. Злые Евреи вытѣсняли его, послѣ Филиппъ, и изъ Солуни съ Берією. Почему, оставивъ въ Македоніи Силу и Тимоѳея, для наблюденія за ходомъ дѣлъ, онъ направился въ Элладу и, послѣ краткаго, не безполезнаго однакожь, пребыванія въ Аѣинахъ, перешель въ Коринѣъ. Здѣсь онъ встрѣтилъ добрыхъ и гостепріимныхъ Акилу и Прискиллу, Іудеянъ родомъ изъ Понта, которые прежде жили въ Римѣ и въ Коринѣъ переселились по случаю изгнанія Клавдіемъ всѣхъ Іудеевъ изъ Рима. Акила былъ скинотворецъ, и св. Павелъ зналъ это мастерство; они сошлись, и св. Павелъ сталъ жить въ ихъ домѣ.

Если Акила и Прискилла не были прежде научены пути Господню, то теперь, надо полагать, они первые узнали о немъ отъ св. Павла, увѣровали и крестились, и стали ему помощниками въ семь дѣлъ. Св. Павелъ жилъ у нихъ, питаясь трудами рукъ своихъ, а на проповѣдь ходилъ по субботамъ въ іудейскую синагогу, гдѣ убѣждалъ Іудеевъ и Еллиновъ, исповѣдывавшихъ Бога истиннаго, хотя не принимавшихъ обрѣзанія,— что спасенія нѣтъ, какъ только въ Господѣ Іисусѣ Христѣ. Рѣчь о Спасителѣ для Іудеевъ не была странною. Это—ихъ Грядый, Обѣтованный Избавитель. Надлежало только доказать, что Іисусъ Христосъ есть точно сей Чаемый, исполненіемъ на Немъ всѣхъ пророчествъ. Около этого вращалась вся бесѣда у Апостола какъ въ другихъ мѣстахъ, такъ и здѣсь.

Судя по важности предмета, не могло быть, чтобы бесѣды св. Павла ограничивались синагогою. Вѣроятно и къ нему приходили на домъ, и его къ себѣ приглашали иные, желавшіе поточнѣе узнать истину и поскорѣе удовлетворить возраждавшемуся радостному предчувствію, что она наконецъ открылась и предлагается

вѣмъ. Но, какъ видно, на первыхъ порахъ Апостолъ нѣсколько сдерживалъ себя, не зная, какой оборотъ примутъ дѣла въ Македоніи. Когда же пришли оттуда Сила и Тимофей съ радостными вѣстями, тогда Духъ побуждалъ его настойчивѣе свидѣтельствовать Іудеямъ, что Иисусъ есть Христосъ. Это обыкновенно дѣлалъ онъ доказываніемъ, что на Господѣ Иисусѣ точно исполнились всѣ пророчества.

Надо полагать, что Іудеевъ было не мало въ Коринѣхъ: гдѣ торговля, обѣщающая прибыль, тутъ и Еврей. Особенно число ихъ увеличилось здѣсь послѣ распоряженія Клавдіева. (Можно думать, что привѣтствія Апостола въ посланіи къ Римлянамъ, такъ необычайно многія, относились къ Іудеямъ, имъ обращеннымъ въ Ахаіи и потомъ возвратившимся въ Римъ.) Въ Дѣянїяхъ упоминается о двухъ начальникахъ синагоги (— 18, 8. 17) Криспъ и Сосенъ. Если тамъ было не двѣ синагоги, то одна, столь много собиравшая народа, что одного начальника для нея было недостаточно. Если же много было Іудеевъ, то не мало было и увѣровавшихъ изъ нихъ; не такъ однакожь и много, чтобъ могли заслонять собою невѣровавшихъ. Но какъ послѣдніе были посяблѣе и чувствовали себя хозяевами въ синагогѣ, то не ограничились однимъ молчаливымъ невѣріемъ, а гласно воспротивились Апостолу, злословя и его и Господень путь, имъ проповѣдуемый. Почему св. Павелъ, не надѣясь болѣе въ этомъ мѣстѣ дѣйствовать на братїи своихъ, оставилъ синагогу съ вразумительнымъ однакожь для Іудеевъ дѣйствіемъ и словомъ. Онъ отрясъ прахъ одежды своихъ и сказалъ имъ: *кровь ваша на главахъ вашихъ; я чистъ; отнынѣ иду къ язычникамъ* (Дѣян. 18, 6). Одежду отрясъ по заповѣди Господа, а кровную угрозу изрекъ, можетъ быть, потому, что въ ту пору рассказывалъ обстоятельства смерти Спа-

сителя и помянулъ о словѣ іерусалимскихъ Іудеевъ: *кровь Его на насъ и на чадѣхъ нашихъ* (Мѡ. 27, 25). Смысль словъ его такой: вина въ вашей гибели на васъ самихъ; я чистъ отъ ней. Я указывалъ вамъ путь спасенія и доказывалъ, что другаго нѣтъ. Не хотите вѣрить? Оставайтесь въ вашей пагубѣ.

Побужденіемъ къ такому слову служили не ненависть и отверженіе братій своихъ, а надежда раздражить ихъ и возбудить ревность ко взысканію спасенія. Почему онъ и не отходилъ отъ нихъ далеко, а тутъ же подлѣ синагоги, въ домѣ нѣкоего Густа, чтущаго Бога, учредилъ собранія христіанскія и мѣсто оглашенія еще неувѣровавшихъ, желавшихъ однакожь слышать слово Евангелія. Сюда собирались уже не одни Іудеи, но и язычники, не только чтущіе Бога, но можетъ быть неувѣровашіе и ни въ какаго Бога. Дѣло благовѣстія пошло успѣшнѣе и многіе увѣровали и крестились изъ Коринѣянъ.

Между тѣмъ однакожь, тогда какъ разумныхъ Іудеевъ образъ дѣйствованія Ап. Павла точно могъ вразумить, у неразумныхъ и злыхъ онъ возбуждалъ противъ него непримиримую ярость и враждованіе. Особенно такое дѣйствіе могло произвести то обстоятельство, что Апостоль оставилъ синагогу съ такимъ похуленіемъ ея и еще болѣе то, что къ нему перешли многіе Іудеи и прозелиты, если не всѣ, то почти всѣ, и что прочіе Коринѣяне, искавшіе истины, тянулись уже не въ синагогу, а къ нему. Такое враждованіе не могло укрыться отъ св. Павла и не могло не беспокоить его по испытаннымъ уже слѣдствіямъ его въ Солуни и Беріи такъ недавно. Почему пиша къ Солунянамъ, въ это начальное время пребыванія своего въ Коринѣѣ, онъ просилъ ихъ молиться, *да избавится отъ злыхъ чловѣкъ* (2 Сол. 3, 2). Это, вѣрно, обстоятельство разумѣлъ онъ и когда къ

самимъ Коринѣянамъ писалъ: *и азъ въ страхъ и трепетъ мнози быхъ въ васъ* (1 Кор. 2, 3). Не думалъ ли онъ даже оставить городъ, по заповѣди Спасителя—бѣжать въ другой, когда гонять въ одномъ (Мѡ. 10, 14). По крайней мѣрѣ этимъ хорошо можно объяснять необходимость явленія ему Господа, для воодушевленія его. Господь явился ему въ видѣннѣй ночью и сказалъ: *не бойся, но говори и не умолкай; ибо Я съ тобою и никто не содѣлаетъ тебѣ зла; потому что у Меня много людей въ семъ городѣ* (Дѣян. 18, 9. 10).

Укрѣпленный этимъ явленіемъ, Апостоль остался въ Коринѣѣ и пробылъ тамъ полтора года, поучая Коринѣянь слову Божію. Кромѣ сего дивнаго явленія Господа Апостолу было ли еще что свыше, книга Дѣяній не говоритъ; но самъ Апостоль свидѣтельствуетъ, что Богъ не лишилъ Коринѣянь осязательнаго удостовѣренія въ томъ, что онъ есть истинный Апостоль, посредствомъ знаменій, чудесъ и силъ (2 Кор. 12, 12). Слѣдовательно и тамъ Апостоль исцѣлялъ больныхъ, изгонялъ бѣсовъ, открывалъ помышленія сердечныя, повелѣвалъ стихіями, и подобное. Такія знаменія были всюду неотлучными спутниками проповѣди Евангельской. И они обращали, а не слово мудрое, за которымъ св. Павелъ и не гонялся, несмотря на присутствіе среди слушающихъ слово его мудрецовъ. Самъ онъ говоритъ, что особенно въ Коринѣѣ слово проповѣди его было коротко; онъ говорилъ только о Иисусѣ Христѣ распятомъ, яко единственномъ Спасителѣ людей, подъ условіемъ вѣры въ Него. А что это несомнѣнно такъ есть, какъ могъ онъ доказать это язычнику? Онъ и не доказывалъ, а говорилъ только: вотъ смотри, именемъ сего Распятаго я говорю больному: будь здоровъ, и онъ оздоравливаетъ. Вѣруй же, что Онъ точно есть Спаситель. И вѣровали всѣ, у кого не ожесточено было

сердце, и у кого богъ вѣка не успѣлъ такъ ослѣпить очи, чтобъ они не видѣли свѣта даже среди бѣлаго дня.

Такъ-то трудами Апостола, Господу поспѣшествующу и слово утверждающу послѣдствующими знаменьями. основалась наконецъ многочисленная Церковь въ Коринѣѣ. Были вѣрующіе и въ Кенхреѣ (Римл. 16, 1), гавани и предмѣстїи Коринѣа, и въ другихъ мѣстахъ Ахаїи (2 Кор. 1, 1). Надо полагать, что св. Павелъ не все сидѣлъ въ Коринѣѣ, а выходилъ и въ другіе города и веси съ проповѣдію Евангелїя, какъ руководилъ его и внушалъ ему Духъ Божій.

Въ составъ сей Церкви вошли преимущественно язычники, по большинству языческаго населенія; но не мало было, какъ замѣчалось уже, и Іудеевъ. По мірскимъ судя отношеніямъ, въ числѣ вѣрующихъ не много было мудрыхъ, однакоже были; не много было знатныхъ, однакожъ были; не много было богатыхъ, однакоже были. Ихъ и вездѣ не много. Большинство было изъ простецовъ, небогатыхъ и неученыхъ, однакоже были ученые, и богатые, и сильные. Эти внѣшнія отличія сглаживались однакожъ больше или меньше вліяніемъ совершенствъ духовныхъ; и вообще о составѣ Церкви можно было словомъ Апостола къ Галатамъ сказать: нѣсть Іудей, ни Еллинъ, ни рабъ, ни свободъ, ни мужескій полъ, ни женскій. Тѣло Церкви было здраво и отличалось всѣми дарованіями, какими благоволилъ тогда Господь преисполнять вѣрующихъ. Тутъ открывалось слово премудрости и разума, дарованія исцѣленій, дѣйствія силъ, пророчество, разсужденіе духовомъ, роди языковъ, сказанія языковъ, вѣра, горы преставлять могущая и прочее (1 Кор. 12, 7—10; 13, 1—3; 14, 26). Такія проявленія силы Божіей въ вѣрующихъ можетъ быть еще болѣе привлекали къ вѣрѣ, нежели чрезвычайныя дѣйствія отъ лица самого Апостола. Ибо этимъ

осязательное давалось удостовѣреніе, что вѣра въ Господа не тща есть, но вводитъ въ такую близость съ Богомъ, что вѣрующій содѣлывается орудіемъ проявленія силы Его. Вѣроятно все сіе совершалось въ бытность еще тамъ св. Апостола.

По имени изъ увѣровавшихъ поминаются—Іустъ, въ домѣ котораго были, надо думать, и первыя церковныя собранія; Криспъ—начальникъ синагоги, вѣровавшій со всѣмъ домою и крещенный самимъ Апостоломъ Павломъ (Дѣян. 18, 7. 8); Гаій—послѣ страннопріимецъ Павловъ (Римл. 16, 23; 1 Кор. 1, 14), тоже крещенный св. Павломъ; Стефанъ, имъ же крещенный и столько похваленный со всѣмъ домою (1 Кор. 16, 15); Хлоя съ домашними ея (1 Кор. 1, 11); Фортунатъ. Ахаикъ (1 Кор. 16, 17) и нѣкто Епенетъ возлюбленный (Римл. 16, 5): Фива, діаконисса кенхрейская (Римл. 16, 1. 2). Сосѣенъ, битый по случаю возстанія на Павла не какъ христіанинъ (Дѣян. 18, 17), вѣроятно потомъ сталъ искренно вѣрующимъ и былъ при св. Павлѣ въ Ефесѣ, когда писалось посланіе (1 Кор. 1, 1). Еще Ерастъ строитель градскій (экономъ) и Квартъ (Римл. 16, 23; 2 Тим. 4, 20). Не даромъ память о всѣхъ ихъ сохранилась и предана письмени. Вѣрно они были ближайшими сотрудниками св. Апостола въ устроеніи тамъ Церкви и усердными продолжателями его дѣла.

Когда Церковь устроилась и порядки ея установились прочно, Апостолу предлежало направиться въ другое мѣсто. Это конечно состоялось бы и само собою: но случилось обстоятельство, ускорившее отходъ Апостола изъ Коринѳа. Тамошніе Евреи крайне раздражались противъ св. Павла и схвативъ его привели на судъ къ Галліону проконсулу, *говоря, что онъ учитъ людей чтить Бога не по закону* (Дѣян. 18, 13). Галліонъ отказался разбирать дѣло вѣры, а не гражданскихъ отношеній

касающееся, и отослать ихъ отъ себя. Неизвѣстно, какимъ образомъ св. Павелъ избавился отъ рукъ ихъ; но его никто не смѣлъ коснуться, хотя проконсулъ явно выразилъ: разбирайтесь, какъ знаете, и св. Павелъ былъ въ рукахъ ихъ — враговъ своихъ. Только Сосеену, начальнику синагоги, досталось: его били тутъ же предъ судилищемъ, били всѣ, вѣроятно тѣ же, которые *единодушно напали на Павла* (Дѣян. 18, 12) *). Надъ главою св. Павла явно былъ Божій покровъ; однакожь не безопасно было долѣе искушать Господа, и онъ положилъ оставить Коринѣъ, уступая злобѣ враговъ своихъ и Евангелія. Остальные дни довольны (—18) вѣроятно употреблены св. Павломъ на окончательныя распоряженія относительно порядковъ въ Церкви и управленія ею, на избраніе и рукоположеніе предстоятелей, какъ обычно дѣлалъ это св. Павелъ во всѣхъ мѣстахъ. Устроивъ все и простившись съ братіею, онъ отбылъ наконецъ изъ Кенхрейской гавани прямо на Ефесъ, взявъ съ собою Прискиллу и Акилу.

По отбытіи св. Павла изъ Коринѣа Евреи, можетъ быть, начали бы не безъ успѣха отклонять отъ вѣры въ Господа увѣровавшихъ и мѣшать обращаться не увѣровавшимъ еще, настаивая на божественномъ достоинствѣ закона Моисеева и всѣхъ учрежденій ветхозавѣтной Церкви. Но Господь устроилъ противодѣйствіе имъ въ одномъ сильномъ въ словѣ мужѣ, который, по мановенію Его, сначала изъ Александріи прибылъ въ Ефесъ, а оттуда въ Коринѣъ. Это былъ Аполлосъ, Іудеянинъ, родившійся и воспитавшійся въ

*) Били *естъ Еллины*. Но въ Сян. и Ватик. рукописи читается только *естъ* безъ Еллины; то же и въ другихъ лучшихъ рукописяхъ. Соглашаясь не читать *Еллины*, понимаемъ подъ *естъ* приведшихъ св. Павла Евреевъ. Они же били Сосеена, вѣроятно за то, что мало обнаружилъ энергіи противъ Павла, или даже защищалъ его, неохотно шелъ въ судъ, а можетъ быть и склонность къ христіанству обнаруживалъ. Полагать надо, что онъ обратился ко Христу, и есть одно лице съ поминаемымъ въ надписи посланія.

Александріи, человекъ краснорѣчивый и свѣдущій въ Писаніяхъ. Св. Павелъ, отплывши изъ Коринѳа, на короткое время заходилъ въ Ефесъ, обѣщаясь нарочно прибыть къ нимъ и пожить у нихъ подольше. Затѣмъ онъ отправился въ Іерусалимъ, оттуда въ Антиохію, гдѣ пробывъ немного, предпринялъ третье свое апостольское путешествіе, чтобъ, посѣтивъ насажденные прежде Церкви, достигнуть Ефеса. Между тѣмъ какъ св. Павелъ совершалъ этотъ широкій обходъ, въ Ефесъ прибылъ изъ Александріи означенный Аполлосъ. Онъ горѣлъ духомъ по вѣрѣ въ Господа; но наученъ былъ только начаткамъ пути Господня, зная лишь крещеніе Іоанново. Онъ смѣло началъ говорить въ синагогѣ. Акила и Прискилла, услышавъ его, приняли его и точнѣе сказали ему путь Господень. Ему предлежала нужда отправиться въ Ахаію. Когда вознамѣрился онъ отбыть туда, вѣрующіе Ефесскіе, во главѣ ихъ конечно Акила и Прискилла, дали ему рекомендательныя письма къ тамошнимъ христіанамъ. Прибывъ туда, Аполлосъ, благодатію Божіею, много содѣйствовалъ увѣровавшимъ. Ибо онъ сильно опровергалъ Іудеевъ всенародно, доказывая Писаніями, что Іисусъ есть Христосъ (Дѣян. 18, 24—28).

Дѣйствованіе Аполлоса въ Коринѳѣ много принесло пользы тамошнимъ христіанамъ, и св. Павелъ уподобилъ его тамъ проповѣдь напоенію садовыхъ или огородныхъ растений поливаніемъ. Это значитъ, что слово его текло обильно и напаяло души всѣхъ, собирая въ нихъ все большія и большія удостовѣренія, что теперь сила закона должна прейти и что послѣ него единственно-истинною вѣрою остается одна вѣра въ Господа Іисуса Христа. Слово его направлялось будто преимущественно къ Іудеямъ, но оно не менѣе назидательно было для вѣровавшихъ изъ язычниковъ, увѣряя, что вѣра въ

Господа есть не новое что-либо, а есть отъ вѣка предопредѣленный образъ спасенія не Иудеевъ только, но и всѣхъ людей. Это и утѣшало ихъ и одобряло, давая разумѣть, что и объ нихъ Богъ изначала думалъ не менѣе, чѣмъ объ Иудеяхъ. Долго ли Аполлосъ пробылъ въ Коринѣѣ, неизвѣстно. При написаніи посланія онъ былъ опять въ Ефесѣ съ Апостоломъ. Что онъ оставилъ впечатлѣніе въ Коринѣѣ, можно судить по тому, что Коринѣяне желали опять видѣть его у себя и просили св. Павла послать его къ нимъ; но самого его не влекло въ Коринѣѣ, потому онъ не спѣшилъ туда, не смотря на умаливаніе св. Павла (1 Кор. 16, 12).

Этимъ ограничиваются дѣйствія совнѣ на созиданіе Церкви Коринѣской. Ей предстояло теперь зрѣть самой, подъ руководствомъ Богомъ данныхъ чрезъ св. Павла предстоятелей, и дѣйствиємъ воспринятой и пріемлемой ею благодати таинствъ и силы преподаннаго ей Божественнаго ученія. Она и зрѣла.—Предполагаютъ, будто св. Павелъ былъ въ Коринѣѣ еще разъ до написанія посланія, и не только былъ тамъ, но и писалъ посланіе туда раньше того, которое мы имѣемъ первымъ посланіемъ. То и другое предположеніе хорошо объясняютъ двѣ-три фразы въ настоящихъ посланіяхъ, но къ пониманію содержанія ихъ нисколько не способствуютъ, а напротивъ дѣлаютъ совсѣмъ необъяснимымъ, какъ могли образоваться въ Коринѣѣ тѣ нестроенія, къ исправленію которыхъ направлено первое посланіе. Если Аполлосъ пробылъ въ Коринѣѣ полгода, годъ, потомъ спустя полгода или годъ посѣщалъ его св. Павелъ, затѣмъ еще писалъ спустя сколько-нибудь времени, то когда тутъ вкрасться какимъ-либо неисправностямъ? Напротивъ безъ этихъ предположеній, Коринѣяне представляются дѣйствующими сами по себѣ въ продолженіи двухъ или двухъ съ половиною лѣтъ. Что

дивнаго, если подлежа вліянію окружающаго нестройнаго общества, они мало-по-малу допустили нѣкоторыя уклоненія отъ строго-согласнаго съ христіанскими началами дѣйствованія? И св. Павелъ только при этомъ хогь сказать Коринѳянамъ: *не грядущу ми къ вамъ разгорѣвшись нѣцыи* (1 Кор. 4, 18). Какъ долго не былъ онъ у нихъ, то нѣкоторые и начали небрежничать и по гордости ума вводить нѣчто новое, что оказалось непорядочнымъ. Такъ думается, что лучше дѣлають тѣ, которые не держатся такихъ предположеній.

3.

Поводъ къ написанію посланія.

Св. Павелъ трудился въ устроеніи Церкви въ Ефесѣ и въ другихъ мѣстахъ Асіи, когда дошли до него вѣсти о блуженіи одного изъ Коринѳскихъ христіанъ столь необычайно, что его и между язычниками не встрѣтишь (1 Кор. 5, 1). Этотъ неопредѣленный въ началѣ слухъ получилъ опредѣленность отъ домашнихъ Хлои Коринѳянки, которые, находясь, вѣроятно по торговымъ дѣламъ, въ Ефесѣ, рассказали Апостолу и объ этомъ и о томъ особенно, что въ нѣкоторой части Коринѳскихъ христіанъ *рвенія суть* (1 Кор. 1, 11),—споры, состязанія, конечно о предметахъ вѣры, основываемые однакожъ не на началахъ вѣры, а на соображеніяхъ ума,—и что эти споры дошли до того, что одни изъ вѣрующихъ пристають къ одному, другіе къ другому, третьи къ третьему изъ главныхъ зачинщиковъ и коноводовъ спора: отъ сего начало въ Коринѳской Церкви обнаруживаться нѣчто такое, что похоже на образованіе партій. Въ чемъ именно состояло дѣло, возвѣщатели не объяснили. Апостолъ видѣлъ, что надобно дѣйствовать на прекра-

щеніе зла, но не могъ приступить къ сему дѣлу, не понимая хорошо, что именно происходитъ въ Коринѣѣ. Съ этою цѣлію онъ отправилъ туда св. Тимоѳея, чтобъ онъ разобралъ, чтѣ такое тамъ, и сколько могъ прекратилъ безпорядки (1 Кор. 4, 17). Между тѣмъ и самому св. Павлу подходило уже время оставить Ефесъ и Асію, и онъ положилъ, устроивъ все нужное здѣсь, посѣтить македонскія и ахайскія Церкви, побыть въ Іерусалимѣ, а потомъ направиться въ Римъ. Почему, посылая св. Тимоѳея, онъ велѣлъ ему держать путь чрезъ Македонію, намѣреваясь и самъ вслѣдъ за нимъ идти, или двинуться въ путь по полученіи отъ него извѣстія о Коринескихъ состязаніяхъ. Распорядившись такъ, Апостоль самъ остался на время въ Асіи (Дѣян. 19, 22).

Въ эту пору пришли къ нему посланные отъ Коринтской Церкви Стефанъ, Фортунатъ и Ахайкъ съ посланіемъ отъ ней и съ словесными порученіями. Посланіе, можетъ быть, все ограничивалось прошеніемъ разрѣшенія нѣкоторыхъ недоумѣній, но на словахъ посланные подробно рассказали Апостолу все, что происходило въ Коринѣѣ. Много указали они нестроений, но какъ они касались частныхъ лицъ и частныхъ случаевъ, тѣло же Церкви пребывало здорово и сіяло совершенствомъ и благодатію, то Апостоль засвидѣтельствовалъ, что посланные успокоили духъ его (1 Кор. 16, 18). Вѣрно, онъ ожидалъ, что тамъ не знать что такое дѣлается; а когда тѣ рассказали все, онъ увидѣлъ, что это все такія случайности, которыя очень легко исправить; почему успокоился, хотя не равнодушно отнесся ко всему тамъ дѣявшемуся; ибо послѣ говорилъ, что писалъ къ нимъ объ этихъ неисправностяхъ въ тугѣ сердца (2 Кор. 2; 4).

Посланные подтвердили сказанное домашними Хлои о состязаніяхъ и блуженіи и сверхъ того передали

многое другое вновь, какъ-то о тяжбахъ въ языческихъ судахъ, о безпорядкахъ на вечерахъ любви, о покушеніи нѣкоторыхъ женщинъ не покрывать головы въ Церкви и, можетъ быть, о невѣрїи нѣкоторыхъ въ воскресеніе мертвыхъ; въ посланіи предлагались вопросы о брачномъ и безбрачномъ состояніи, о яденіи идолжертвеннаго и объ употребленіи дара языковъ въ Церкви; а можетъ быть, въ немъ было писано представителями и о всѣхъ неисправностяхъ, посланные же только подтверждали то и точнѣе опредѣляли въ чемъ дѣло.

Изъ одного перечисленія этихъ неисправностей видно, что онѣ не касались всего тѣла Церкви, а частныхъ лицъ и частныхъ случаевъ. Но какъ онѣ могли и всю Церковь попортить, еслибъ ихъ оставить безъ исправленія, то св. Павелъ ничего не оставилъ безъ вниманія, а все обсудилъ по началамъ Христовой вѣры, чтобъ неисправное исправить, недоумѣнія разрѣшить и сомнѣнія разсѣять. Въ этомъ-побужденіе и цѣль посланія.

Въ чемъ состояла каждая неисправность, видно изъ самаго посланія и пояснится при толкованіи. Но считаемъ нужнымъ напередъ сдѣлать замѣчаніе относительно того, что значать бывшія въ Коринѣ *рвенія*. Новые западные толковники взглянули на это слишкомъ глубокомысленно. По ихнему между христіанами Коринескими образовались цѣлыя общины, каждая съ своимъ именемъ: то Павлова, то Аполлосова, то Кифина, то Христова; и не только съ именемъ, но и съ своимъ особымъ ученіемъ, которое они и стараются изображать, какъ кто съумѣетъ. Но такъ смотрѣть не позволяеть самое содержаніе тѣхъ главъ, въ которыхъ говоритъ св. Павелъ о *рвеніяхъ* Коринескихъ. Правда, въ самомъ началѣ онъ перечислилъ, что въ Коринѣ будто говорятъ: *азъ убо Павловъ, азъ же Аполлосовъ, азъ же Кифинъ, азъ же Христовъ* (—1, 12); но далѣе во всей

рѣчи его, простирающейся на четыре главы, вы не найдете ни одного слова, которое прямо относилось бы то къ Павлову, то къ Аполлосову, то къ Кифину ученію. Идетъ только разсужденіе о неблагонадежности мудрости человѣческой и о слѣпотѣ ея въ дѣлахъ Божіихъ. Если самый простой человѣкъ, сдѣлавъ подобное означенному раздѣленіе, не оставилъ бы его въ сторонѣ, чтобъ разсуждать совсѣмъ о другомъ предметѣ; то тѣмъ паче нельзя ожидать сего отъ св. Павла. Изъ этого выводимъ, что предполагаемыхъ общинъ съ означенными именами между Коринѣскими христіанами не было.

Предполагающіе это увлекаются удобствомъ приурочить къ каждой общинѣ нѣсколько ученій въ отличіе ея отъ другихъ; удобство же это подаетъ имъ только: *азъ убо Кифинъ*. Кифинъ?! Это непременно іудействующій. Какъ мнѣнія іудействующихъ опредѣлились, то предполагаатели наши безъ затрудненія постраиваютъ систему ученія общины Кифиныхъ. Это сходитъ съ рукъ. Но увлекшись этимъ успѣхомъ, они берутся строить и системы Павловыхъ, Аполлосовыхъ, Христовыхъ; много словъ набираютъ, но ничего опредѣленнаго сказать не могутъ—говорятъ на вѣтеръ. Это должно бы вразумить ихъ, но не хочется отстать отъ такой радужной гипотезы.

Итакъ у предполагаателей нашихъ изображенія ученій Павловыхъ, Аполлосовыхъ, Христовыхъ суть пусторѣчія. Что говорятъ они о Кифиныхъ, даетъ опредѣленную мысль; но спрашивается, откуда берутъ они указанія для охарактеризованія сей общины? Изъ этого ли посланія, изъ тѣхъ ли словъ, кои слѣдуютъ вслѣдъ за указаніемъ того раздѣленія у св. Павла? Нѣтъ; все берется изъ другихъ посланій, особенно изъ посланія къ Галатамъ. Отчего же не изъ этого посланія? Оттого, что здѣсь не говорится объ этомъ ни

слова. Разсуди же теперь всякій, возможно ли, чтобы св. Павелъ удержался и не сказалъ ни слова противъ іудействующихъ, еслибъ онъ зналъ, что они есть въ Коринѣѣ, и ихъ именно онъ означилъ подъ: *азъ Кифинъ*? Невозможно. Еслибъ онъ даже предполагалъ только, что они издали какъ-нибудь подходятъ къ Коринѣу, и тогда онъ не преминулъ бы сказать объ нихъ увѣровавшимъ Коринѣянамъ: а тутъ онъ умолчалъ бы, зная, что они уже въ Коринѣѣ и величаются Кифиными! Думать этого нельзя. Отсюда прямо слѣдуетъ, что іудействующихъ въ Коринѣѣ не было, и что Апостоль подъ говорящими: *азъ Кифинъ* не ихъ разумѣлъ. А если: *азъ Кифинъ* не общину Кифиныхъ означаетъ, то и: „азъ убо Павловъ, азъ же Аполлосовъ,“ тоже не означаетъ общинъ. И все построение предположителей не болѣе какъ только греза.

Но если не это, то что же значать слова Апостола? Наши всѣ толковники: св. Златоустъ, блаж. Θεодоритъ, св. Дамаскинъ, Экумений, Θεофилактъ и Амвросіастъ говорятъ, что въ Коринѣѣ не подъ эти, а подъ другія лица ставили себя нѣкоторые христіане; но Апостоль, не желая ихъ рѣзко обличить, поставилъ свое и другія имена, чтобы тѣмъ выразить, что если не слѣдуетъ этими высокими именами величаться, отдѣляясь отъ прочихъ, то тѣмъ болѣе какими-нибудь менѣе значительными изъ самихъ Коринѣянь. Св. Златоустъ говоритъ: „Коринѣяне не говорили такъ ни о немъ (св. Павлѣ), ни о Петрѣ, ни объ Аполлосѣ; но онъ показываетъ, что если и такихъ лицъ не слѣдуетъ ставить въ такое къ себѣ отношеніе (какъ главу и исключительнаго учителя), то тѣмъ болѣе другихъ. Ибо если не слѣдуетъ называться именами Павла, Аполлоса и Кифы, то тѣмъ болѣе другихъ. Такимъ образомъ онъ только примѣнительно перечисляетъ эти

имена, дабы скорѣе исцѣлить ихъ болѣзнь. Притомъ дѣлаетъ рѣчь свою менѣе непріятною, не упоминая по имени раздѣлявшихъ Церковь.“ Вотъ слова блаж. Феодорита: „Коринѳяне именовали себя по именамъ другихъ учителей; но Павелъ выставилъ свое и Аполлосово имя; приложилъ же и имя первоверховнаго Апостола, научая тѣмъ, что несправедливо даже и изъ сихъ именъ дѣлать такое употребленіе (т.-е. считать себя учениками какого-либо одного изъ нихъ исключительно, съ небреженіемъ о другихъ).“ Такъ выражаются и другіе.

Эти же, коихъ имена скрылъ Апостоль, кто суть? Не еретики и не лжеучители какіе-либо, а нѣкоторые изъ славившихся мудростію мірскою, которые, принявъ христіанство, не вошли въ духъ его, не отказались отъ высокаго мнѣнія о сей мудрости и, опираясь на ней, брались судить о предметахъ вѣры. Отъ этого естественно возникали споры и состязанія. Въ спорахъ же одинъ побѣждаетъ, другой побѣждаемъ бываетъ. Побѣдитель дѣлается предметомъ удивленія и привлекаетъ къ себѣ читателей. Такъ одинъ въ одномъ, другой въ другомъ, третій въ третьемъ случаѣ, или предметъ, оставался побѣдителемъ, привлекалъ читателей и становился ихъ коноводомъ. Вотъ и раздѣленія, совершенно пустыя, дѣтскія. Главную роль играли тутъ притязанія на мудрость и искусство въ словѣ. Это не могло занимать и увлекать всѣхъ христіанъ; но кого занимало и увлекало, тотъ приставалъ къ какому-нибудь, задававшему въ какомъ-либо отношеніи тонъ, лицу, величался имъ, и хвастался предъ другими, укоряя ихъ: вашъ что? Вотъ мой избранникъ—образецъ совершенства. Вы безвкусные и выбрать-то не умѣете, кто того стоитъ. Что точно такого рода раздѣленія были, Апостоль хорошо опредѣлилъ это словами: *сія преобразилъ на себе и Аполлоса... да не единъ по еди-*

ному гордитесь на другаго, — ἵνα μὴ εἰς ὑπὲρ τοῦ ἑνὸς φουσιῶσθε κατὰ τοῦ ἑτέρου. Еис—кто-нибудь, ὑπὲρ τοῦ ἑνός, изъ-за одного, т.-е. того, кого кто считаетъ умнѣе и краснорѣчивѣе, и готовъ во всемъ его слушать, — κατὰ τοῦ ἑτέρου, предъ другимъ, товарищемъ своимъ (1 Кор. 4, 6). То-есть, вся у нихъ размолвка происходила изъ-за того, что одинъ говорилъ другому: мой умнѣе и краснорѣчивѣе, ты съ своимъ ничего не стоишь. Это дѣтскія рѣчи и не стоило серьезно на нихъ взирать; но кто знаетъ греческое легкомысліе и увлеченность, тотъ не сочтетъ этого ничтожнымъ. Было время, когда цѣлый Константинополь раздѣлялся на три части, стоявшія одна за св. Златоуста, другая за Василия Великаго, третья за Григорія Богослова. Весь споръ вращался около—лучше... Для меня Златоустъ лучше, слушать никого не хочу, поди прочь. Другой говорилъ тоже о Василии Великомъ, третій о Григоріи Богословѣ. Дѣтскій споръ, а движеніе было большое и стоило труда пресѣчь его. Подобное сему, надо полагать, происходило и въ Коринѣѣ. Никакихъ лжеученій тамъ не было. Все разногласіе вращалось около: мой лучше. Но надо полагать, что и сами тѣ, которые возбуждали удивленіе къ себѣ кто мудростію, кто искусствомъ слова, не только не противились такому движенію, но еще чѣмъ нибудь поддерживали его. Почему и стояли обличенія и стояли пощадѣнія. Св. Павелъ и прикрылъ ихъ. Желая же прекратить зло, не говоритъ ни противъ кого въ частности, а заграждаетъ самый источникъ зла, крайнее уваженіе къ мудрости человѣческой и къ искусству слова. Объ этомъ у него вся рѣчь въ первомъ отдѣленіи.

Св. Златоустъ въ своемъ предисловіи къ бесѣдамъ о семъ посланіи такъ говоритъ объ нихъ: „нѣкоторые самопроизвольно сдѣлали себя предстоятелями народа,

который приставалъ то къ однимъ, то къ другимъ,— къ однимъ, какъ къ богатымъ, къ другимъ, какъ къ мудрымъ и способнымъ научить чему-то большому; а эти, привлечши его къ себѣ, хвастались, что они преподають ученіе лучше, чѣмъ другіе. Все это происходило отъ безумія внѣшней философіи; она была источникомъ золь; оттого и раздѣлились они, научившись этому также отъ философовъ, которые возставали другъ противъ друга, постоянно противорѣча ученію одинъ другому и стараясь къ прежнему прибавить что-нибудь новое. Они страдали такимъ недугомъ потому, что во всемъ полагались на свои умствованія. Такъ какъ тѣ, которые были причиною раздѣленія Церкви, стыдясь показаться дѣлающими это изъ честолюбія, прикрывали свою страсть тѣмъ, что будто они преподають ученіе совершеннѣйшее и мудрѣе другихъ, то Павелъ прежде всего возстаетъ противъ этого недуга, желая вырвать корень зла и прекратить происшедшее отсюда раздѣленіе, и возстаетъ съ великою силою. Такимъ образомъ, поелику все зло происходило отъ гордости и отъ того, что нѣкоторые почитали себя знающими болѣе другихъ, то онъ низлагаетъ ее прежде всего.“

4.

Время и мѣсто написанія.

Разсказанное предъ симъ теченіе дѣлъ указываетъ мѣстомъ написанія перваго посланія къ Коринѣянамъ— Ефесъ. Довольно въ подтвержденіе этого привести слова Апостола: *пробуду же во Ефесѣ до пятидесятіи* (—16, 8). Написано оно въ концѣ его тамъ пребыванія. Ибо въ посланіи онъ пишетъ, что послалъ къ Коринѣянамъ св. Тимоѳея (—4, 17), наказывая, чтобъ

приняли его получше (—16, 10), а въ Дѣянїяхъ пишется, что онъ послалъ его изъ Ефеса уже предъ тѣмъ, какъ и самъ собирался выходить изъ него (19, 21. 22). По разсчету годовъ, это приходится въ 58 или 59 году.

Въ дополненіе къ обстоятельствамъ происхожденія сего посланія настоитъ необходимость въ такомъ предположеніи: св. Павелъ предполагалъ пребыть въ Ефесѣ до пятидесятиницы, но возмущеніе противъ него Димитрія среброковача не дало ему пребыть тамъ до этого времени. Онъ вышелъ оттуда раньше. Но это не измѣнило его плана. Что здѣсь ускорено, то промедлено въ Троадѣ, которая не входила въ разсчетъ. — Въ Троадѣ же промедлилъ онъ нѣсколько, ожидая св. Тита, котораго онъ, предъ быстрымъ и вынужденнымъ отбытіемъ изъ Ефеса, послалъ въ Коринѣе моремъ, для точнаго наблюденія, какое дѣйствіе произведетъ его посланіе на Коринѣянъ, заповѣдавъ ему поспѣшить къ нему на встрѣчу съ извѣстіемъ о томъ. Его и ожидалъ св. Павелъ въ Троадѣ, и не дождавшись, переправился въ Македонію, гдѣ засталъ еще св. Тимоѳея, не успѣвшаго отбыть въ Коринѣе, — и гдѣ встрѣтилъ его св. Титъ, съ извѣстіемъ о дѣлахъ Коринѣской Церкви, кои подали св. Павлу поводъ написать второе къ Коринѣянамъ посланіе. Этимъ объясняется, почему во второмъ посланіи является дѣйствующимъ преимущественно Титъ, тогда какъ въ первомъ поминается только о Тимоѳеѣ.

5.

Раздѣленіе.

Содержаніе посланія, какъ требовалъ и поводъ къ написанію его, разнообразно. Не одинъ предметъ изъ

лагааетъ Апостоль, а къ чему подавало поводъ состояніе Коринтской Церкви, о томъ и писалъ. Посланіе писано, какъ пишутъ отвѣтныя письма, пунктъ за пунктомъ. Почему въ раздѣленіи его нельзя указать двѣ или три части, чтобъ потомъ исчислять и подчисти. Всѣ предметы посланія одни другимъ равны и разсматриваются особо. Лучше потому разложить его на отдѣленія.

За предисловіемъ, въ коемъ *надпись* и *привѣтствіе*, 1, 1—3, и слѣдующее за тѣмъ *начало посланія*, 1, 4—9, будутъ идти:

Первое отдѣленіе: пресѣченіе начавшихся разнорѣчій, 1, 10—4, 31.

Второе отдѣленіе: обличеніе и исправленіе нравственныхъ недостатковъ, гл. 5 и 6.

Третье отдѣленіе: о бракѣ и безбрачїи, гл. 7.

Четвертое отдѣленіе: запрещеніе вкушать идоложертвенное, гл. 8—11, 1.

Пятое отдѣленіе: обличеніе и исправленіе нѣкоторыхъ непорядковъ при церковныхъ собранїяхъ, 11, 2—34.

Шестое отдѣленіе: о дарахъ духовныхъ, гл. 12—14.

Седьмое отдѣленіе: о воскресенїи мертвыхъ, гл. 15.

Послѣднее заключительное *отдѣленіе*, гл. 16.

Послѣсловіе.

ТОЛКОВАНІЕ
ПЕРВАГО ПОСЛАНІЯ СВ. АПОСТОЛА ПАВЛА
КЪ
КОРИНӨЯНАМЪ.

ПРЕДИСЛОВІЕ.

1.

Надпись и привѣтствіе

1, 1—3.

Надпись и привѣтствіе, въ общемъ, такія же, какъ и во всѣхъ посланіяхъ. Но въ частности нѣкоторыя реченія, надо полагать, вставлены св. Апостоломъ по цѣлямъ посланія,—таковы: *званъ, волю Божію, освященнымъ о Христѣ Исусѣ, со всеми призывающими имя Господа нашего Исуса Христа*. Они очень вразумительно могли отозваться въ сердцѣ тѣхъ, кои недуговали разладомъ изъ-за избранія себѣ учителей, по уваженіямъ, какія предъявляло имъ ихъ сѣмудріе. Но если эти слова были приняты читавшими въ такомъ значеніи, то отъ нихъ подобный же оттѣнокъ переходилъ и на всѣ другія; такъ что въ этомъ самомъ обычномъ началѣ посланія положено было начало вразумленію.

Ст. 1. *Павелъ, званъ Апостолъ Исуса Христавъ, волю Божію, и Сосвемъ братъ*.

Св. Павелъ называетъ себя званымъ, потому что такъ было, чтобъ показать, что хотя онъ былъ не изъ числа 12-ти, но подобно имъ призванъ непосредственно Самимъ Господомъ, потому одинаковый съ ними имѣеть авторитетъ. Но какъ онъ не во всякомъ посланіи это

выставляеть, то причиною, почему онъ выставилъ это здѣсь, вѣроятно были особыя цѣли посланія. Такъ на это смотрять наши толковники, съ разныхъ сторонъ стараясь очертить мысль Апостола. Въ производствѣ разлада между Коринѳянами, которые раздѣлились по учителямъ, конечно были зачинщики, которые выставляли себя точно понимающими дѣло Христово и Церкви, истолкователями воли Божіей, какъ бы вторыми Апостолами. Называя себя званымъ, Апостоль говоритъ имъ: я званъ, а вы какъ? „Я, говоритъ, не саморукположенный Апостоль, какъ же вы сами себя рукоположили въ Апостолы?“ (Экум.). Тоже напоминаетъ онъ и тѣмъ, кои увлекались ихъ умствованіями. „Я посланъ Христомъ, не саморукположенъ, какъ ваши теперешніе новые учителя“ (Теоф.).

Апостоль Іисусъ Христовъ. Послѣ того и эти слова, обычныя, получали особый оттѣнокъ, такой напримѣръ: „вы заимствуете себѣ имена отъ людей, а я именую себя не отъ людей, но отъ призавшаго меня и поставившаго меня Апостоломъ Іисуса Христа“ (Теоф.),— или такой: „учитель нашъ Христовъ, зачѣмъ людей сдѣлали вы своими учителями?“ (Экум.). „Зачѣмъ вносите вы себя въ списокъ учениковъ учителей-человѣковъ?“ (Теоф.).—Или такой: „не самъ я, говоритъ, избрѣлъ то, чему наученъ, и не своею мудростію постигъ это, но бывъ призванъ, тогда какъ гнали и опустошали Церковь. Здѣсь, можно сказать, все принадлежитъ Призавшему, а призванному ничего, развѣ только послушаніе. Учитель вашъ—Христовъ; а вы людей считаете начальниками ученія“ (св. Злат.).

Волю Божію. Воля Божія была на то, чтобы призвать меня и поставить Апостоломъ языковъ. Ему благоугодно было и къ вамъ меня привести и сдѣлать, чтобы вы слышали слово Его. „Богъ восхотѣлъ, чтобы вы

спаслись такимъ образомъ“ (св. Злат.), „Онъ хотѣлъ, чтобъ я былъ вашимъ Апостоломъ. Какъ же вы другихъ теперь хотите учителей? Противъ Бога хотите идти!“ (Феоф.).

Сосеень братъ. Вѣрно, Сосеень былъ извѣстенъ Коринѣянамъ и пользовался у нихъ почетомъ; иначе не сопричислилъ бы его къ себѣ св. Павелъ. Но кто онъ былъ? Очень вѣроятно, что это былъ тотъ начальникъ синагоги въ Коринѣѣ, который подвергся побоямъ, по случаю возмущенія тамъ противъ св. Павла (Дѣян. 18, 17). Этихъ побоевъ нельзя иначе объяснить, какъ какою-либо соприкосновенностію Сосеена къ проповѣди св. Павла. Если онъ и не былъ тогда еще христіаниномъ, то склонялся на то; побои за Христа не могли оставаться безъ слѣда для него: они привлекали обычно благодать. Очень вѣроятно, что онъ бросилъ іудейство, приѣхавъ къ св. Павлу и былъ ему помощникомъ. Отъ того и братомъ названъ, не какъ только христіанинъ, но и какъ единокровный сотрудникъ. Такъ полагаетъ Феодоритъ; согласенъ съ нимъ св. Димитрій Ростовскій. Св. Златоустъ и другіе ничего не говорятъ о семъ, а только дѣлаютъ нравственныя наведенія изъ сего поставленія съ собою—Апостоломъ и Сосеена. Такъ св. Златоустъ говоритъ, что св. Павелъ „выразилъ смиреніе, поставляя на ряду съ собою того, кто былъ гораздо меньше его; ибо великое разстояніе между Павломъ и Сосееномъ. Если же онъ, несмотря на такое разстояніе, поставилъ низшаго на ряду съ собою, то что могутъ сказать тѣ, которые презираютъ равночестныхъ?“ Такъ сдѣлалъ Апостоль „къ пристыжденію высокоумныхъ Коринѣянъ, на всѣхъ свысока смотрѣвшихъ“ (Феоф.). Апостоль этимъ сказалъ какъбы: „не думайте, что присвоивъ себѣ достоинство учителя, я вышусь надъ вами. Се, на ряду съ собою ставлю Сосее-

на, и братомъ его нарицаю, и вмѣстѣ съ нимъ посылаю посланіе, дѣлая его общникомъ всего моего. Зачѣмъ же на васъ нападаю? Затѣмъ, что пагубно для васъ возношеніе ученостію. Вамъ это нисколько не полезно, а тѣ, которые слушаютъ васъ, отступаютъ изъ-за васъ отъ должнаго порядка, и чрезъ это раздѣляется на части единое тѣло Церкви“ (Экум.).

Ст. 2. *Церкви Божіей, сущей въ Коринѳъ, освященнымъ о Христвъ Исусъ, званымъ святымъ, со всеми призывающими имя Господа нашего Исуса Христа, во всякомъ мѣстѣ, тѣхъ же и нами.*

„Все сказанное содержитъ въ себѣ врачевство отъ недуга, потому что связуетъ то, въ чемъ къ несчастію произошло раздѣленіе. И вопервыхъ Апостоль называетъ Коринѳянь единою Церковію Божіею, и прилагаетъ: о *Христвъ Исусъ*, а не о томъ или другомъ. Называетъ же ихъ и званымъ и святымъ и связуетъ съ увѣровавшими въ цѣлой вселенной, научая, что надлежитъ не имъ только пребывать въ единомыслии, но и всѣмъ, повѣрившимъ спасительной проповѣди, имѣть одинъ образъ мыслей, какъ составляющимъ единое тѣло Владыки Христа“ (Теод.).

Это общее представленіе содержанія настоящаго мѣста. Другими нашими толковниками нѣкоторыя реченія объясняются обстоятельнѣе. *Церкви Божіей сущей въ Коринѳъ*. — „*Церкви* не того или другаго, но *Божіей*. Видишь ли, какъ онъ каждымъ выраженіемъ низлагаетъ ихъ надменность, всячески возводя умъ ихъ къ небу? *Церковь* называетъ *Божіею*, выражая, что въ ней должно быть единеніе; ибо если она *Божія*, то соединена и есть едина не только въ Коринѳѣ, но и во всей вселенной. Имя Церкви есть имя не раздѣленія, а единенія, и согласія“ (св. Злат.). Къ тому же „если вы Церковь Божія, то какъ вы по людямъ себя распредѣляете?“ (Экум.).

Освященнымъ о Христѣ Иисусѣ. Этимъ объясняется, почему они—Церковь Божія. Потому, что освящены; а освящены они, когда по увѣрованіи приняли св. крещеніе и возложеніе рукъ или муропомазаніе. Вселившаяся въ нихъ благодать Св. Духа сдѣлала ихъ освященными. „Что такое освященіе? Омовеніе, очищеніе. Напоминаетъ имъ о той нечистотѣ, отъ которой онъ избавилъ ихъ, и научаетъ смиренномудрію; ибо они освящены не за собственные добрыя дѣла, но по челоуѣколюбію Божію“ (св. Злат.). „И вотъ что важно, а не мудрость земная, которою вы превозносите“ (Теоф.).

Званымъ святымъ. Призваны къ святости, дали слово жить въ святости и благодать Св. Духа получили въ таинствахъ на то, чтобы въ точности исполнить это слово. Исполняющіе его святы. Но источникъ всему званію. Пришло званіе свыше, они повѣрили, и вслѣдствіе того святы стали. „И то самое, что вы спасаетесь вѣрою, не отъ васъ, говоритъ: ибо не вы первые приступили, но были призваны, такъ что и это малое не вполне принадлежитъ вамъ. Хотя вы приступили, бывъ виновны во множествѣ золь, но и этимъ обязаны не себѣ самимъ, а Богу. Посему и въ посланіи къ Ефесеямъ онъ говоритъ: *благодатию есте спасени чрезъ вѣру, и сіе не отъ васъ* (Еф. 2, 8). И вѣра не вполне принадлежитъ вамъ; ибо вы не сами, предваривъ Бога, увѣровали, но послушались, когда были призваны“ (св. Злат.).

Со всеми призывающими имя Господа Иисуса во всякомъ мѣстѣ. „Имя не того-то и того-то, но Господа. Во всякомъ мѣстѣ. Хотя посланіе писано только къ Коринѳянамъ, но онъ упоминаетъ о всѣхъ вѣрующихъ по всей вселенной, выражая, что Церковь должна быть едина вездѣ, хотя она находится въ разныхъ мѣстахъ. Мѣсто раздѣляетъ, но Господь соединяетъ, какъ общій

всѣхъ Господь. Какъ находящіяся въ одномъ мѣстѣ, когда имѣютъ многихъ несогласныхъ между собою господь, бывають раздѣлены, и мѣсто нисколько не способствуетъ имъ быть въ единеніи, потому что господа даютъ имъ приказанія различныя и каждый требуетъ своего, такъ и находящіяся въ различныхъ мѣстахъ, когда имѣютъ не различныхъ господь, а только одного, отъ мѣстъ не теряютъ согласія, потому что одинъ Господь соединяетъ ихъ. И такъ, говоритъ, вы, Коринѣяне, должны быть въ согласіи не только съ Коринѣянами, но и со всѣми вѣрующими по всей вселенной, какъ имѣющіе общаго Владыку“ (св. Злат.).

Слова: *тѣхъ же и нашихъ*—ближе будто относятся къ *во всякомъ мѣстѣ*, какъ поясненіе. Иныя такъ и принимаютъ. И пусть ихъ принимаютъ. Но слова—*во всякомъ мѣстѣ* и сами по себѣ ясны и поясненіе ихъ излишне. Потому св. наши толковники *ἀπὸ τῆς καὶ ἡμῶν*—ихъ и насъ относятъ не къ *во всякомъ мѣстѣ*, а къ *со всѣми призывающими Господа* и отсюда выводятъ важную мысль въ побужденіе къ единенію, ту, что Господь есть одинаково Господь и ихъ, т.-е. всѣхъ призывающихъ, и нашъ съ вами. Св. Златоустъ говоритъ, что все это мѣсто такъ надо понимать, какъ бы читалось: „благодать и миръ вамъ, находящимся въ Коринѣѣ, званымъ святымъ, не однимъ вамъ, но вмѣстѣ со всѣми во всякомъ мѣстѣ призывающими имя Господа нашего Иисуса Христа, — Господа ихъ и нашего.“ Вторично присовокупилъ Апостоль — *ἡμῶν*, дабы кто-либо изъ неразумныхъ не подумалъ, что онъ допускаетъ раздѣленіе, когда сказалъ: *имя Господа нашего*. Посему въ концѣ снова присовокупилъ *ἀπὸ τῆς καὶ ἡμῶν*, дабы дать знать, что онъ разумѣетъ: *Господа нашего и ихъ*. Такъ и Теодоритъ съ Экумениемъ и Теофилактомъ.

Ст. 3. *Благодать вамъ и миръ отъ Бога Отца нашего, и Господа Иисуса Христа.*

„Благовременно пожелалъ имъ Апостоль благодати и мира, какъ раздѣлившимся и бывшимъ въ раздорѣ другъ съ другомъ; подателемъ же благодати и мира представилъ не Отца только, но и Сына, доказывая симъ равенство Отца и Сына“ (Феод.). И благодать и миръ отъ Бога. Благодать приноситъ миръ; и гдѣ нѣтъ мира, сомнительно, чтобъ была тамъ благодать. „Потому желаю, чтобъ оба эти блага были у васъ всегда, чтобы вы ни отъ благодати не отпали, ни отъ мира, разоглася другъ съ другомъ. Но какъ же вы распредѣлили себя по разнымъ лицамъ — людямъ, и у нихъ ищите благодати и благоволенія, будто у учителей?“ (Феод.).

2.

Начало посланія

1, 4—9.

- а) Благодарить Апостоль Бога за данную Коринѳянамъ благодать вѣры и дарованій духовныхъ (4—7),
 б) надѣясь, что Онъ сохранитъ ихъ неповинными до конца (8—9).

а).

Благодаря Бога за благодать вѣры и за дарованія Коринѳянамъ, св. Павелъ изъ дарованій именуетъ только даръ слова и разума, потому что этихъ предметовъ касались неправости Коринѳянъ, о прочихъ же дарахъ упоминаетъ вообще, что они ни одного не лишены. Такииъ началомъ онъ, „намѣреваясь обличать, услаждаетъ сперва слухъ, чтобы содѣлать способными къ прия-

тію врачевства; между тѣмъ сказанное имъ и не должно, потому что благодарить Бога за дары, дѣйствительно данные имъ“ (Феод.).

Ст. 4. *Благодарю Бога моего всегда о васъ, о благодати Божіей данный вамъ о Христѣ Исусѣ.*

Благодарю Бога. „Чему другихъ научаеъ св. Павелъ, когда говорить: *со благодареніемъ прошенія ваша да скажутся Богу* (Фил. 4, 6), то дѣлаеъ и самъ, внушая намъ начинать все этими словами и благодарить Бога прежде всего. Ибо ничто такъ не угодно Богу, какъ благодарность и за себя и за другихъ. Почему св. Павелъ начинаеъ такъ почти каждое посланіе; здѣсь же сдѣлать это было необходимо, нежели въ другихъ. Ибо кто благодаритъ, тотъ благодаритъ, какъ чувствующій благодѣяніе и какъбы воздаеъ за дарованную благодать; благодать же не есть ни долгъ, ни награда, ни воздаяніе. Это нужно знать всѣмъ, тѣмъ болѣе Коринѣянамъ, которые склонялись на сторону раздѣлявшихъ Церковь“ (св. Злат.).

Бога моего. „По великой любви онъ усвояеъ себѣ принадлежащее всѣмъ, и называеъ Бога своимъ, какъ обыкновенно выражались и Пророки: *Боже, Боже, мой!* Вмѣстѣ съ тѣмъ внушаеъ и имъ (Коринѣянамъ и намъ) говорить то же. Кто говорить такъ, тотъ, оставивъ все человѣческое, обращаетъ къ Тому, Кого призываетъ съ великою любовію. Ибо такъ говорить можетъ тотъ, кто, отъ житейскаго постоянно обращаясь къ Богу, предпочитаеъ Его всему и непрестанно благодаритъ не только за благодать уже дарованную, но и за всякое благо, какое ни получить, возноситъ Ему хвалу. Посему не просто сказаъ: *благодарю*, но *всегда о васъ*, научая ихъ благодарить всегда, и не другаго кого, а только Бога“ (св. Злат.).

Въ словѣ *всегда* нѣтъ преувеличенія, и для пояснен-

нiя его нѣтъ нужды доразумѣвать: всегда, когда становлюсь на молитву: ибо благодарное сердце можно имѣть постоянно, не смотря ни на какiя занятiя и дѣла. Равно и всѣ другiя благоговѣйныя къ Богу чувства—страха Божiя, упованiя, преданiя себя въ волю Божiю, а наипаче любви—тоже и можно и должно имѣть постоянно. Кто ихъ имѣеть, тотъ непрестанно съ Богомъ пребываетъ и непрестанно молится.

Благодарить за Коринѣянь, а между тѣмъ сколько послѣ обличаетъ въ нихъ неисправностей! Изъ этого надо заключить, что корпусъ Церкви былъ здоровъ, и что немощи прорывались только по окраинамъ, безпоясая конечно и подвергая опасности всю Церковь, но не всю ее проникая.

О благодати Божией, данной вамъ о Христѣ Иисусѣ. Здѣсь разумѣется благодать вѣры во Христа Господа со всѣми благами духовными, коихъ причастниками дѣлаетъ она вѣрующихъ. Великое благодѣянiе Божiе, когда какая мѣстность и тѣмъ паче народъ какой просвѣщается вѣрою! Во Христѣ Иисусѣ — неизслѣдимое богатство духовное. Которые вѣрою прилѣпляются къ Нему, тотчасъ получаютъ все существенное, что необходимо для того, чтобы быть настоящимъ христіаниномъ, а потомъ, по мѣрѣ вѣрности и успѣха въ жизни о Христѣ Господѣ, преподается постепенно и прочее, и сему восполненiю конца нѣтъ. Апостоль поминаетъ здѣсь о всемъ, что уже сообщено Коринѣской церкви, чѣмъ уже они обладали. Тѣмъ, которые среди ихъ были неисправны, этими словами напоминалось: „итакъ, если вамъ дана благодать, то что высокоумствуете? Почему надмеаетесь? И черезъ кого она дана? Черезъ меня ли, или чрезъ другаго Апостола? Нѣтъ, но чрезъ Иисуса Христа; ибо это означаетъ выраженiе: *о Христѣ Иисусѣ*“ (св. Злат.). „Чрезъ Иисуса Христа, а не

чрезъ такого-то или такого-то. Чего же вы челоуѣкамъ внимаете (какъ будто все отъ нихъ)?“ (Ѳеоф.). „Чрезъ Христа Господа все дароваль вамъ Отець“ (Экум.).

Ст. 5. *Яко во всемъ обогатистеся о Немъ, во всякомъ словъ и всякомъ разумъ.*

„Во всемъ обогатистеся. Чрезъ кого? опять чрезъ Него (т.-е. Господа Исуса Христа). И не просто обогатистеся, но во всемъ. Итакъ у васъ есть богатство, и богатство Божіе, и во всемъ, и чрезъ Единороднаго; какое неизреченное сокровище“ (св. Злат.).

Причину представляетъ, почему сказалъ, что благодать дана имъ о Христѣ Исусѣ. Потому, говоритъ, что если вы богаты всемъ въ духовномъ отношеніи, то богаты чрезъ Него. Припомните, что вы были, и посмотрите, что стали теперь. Ничего того не было у васъ, что теперь имѣете; но какъ только увѣровали и прилѣпились къ Господу, видите, какъ стали богаты въ духѣ. Или ударъ мысли на *во всемъ*, и *яко ѡт*—относится къ *благодарю*. Благодарю Бога за благодать—что всемъ обогатилъ васъ.

Во всякомъ словъ и всякомъ разумъ. „Вотъ частные виды духовныхъ дарованій; ибо сказано: *овому дадеся слово премудрости, иному же слово разума, о томъ же Дусъ* (1 Кор. 12, 8)* (Ѳеод.).

Подъ *словомъ* можно разумѣть слово Божіе — Божественное откровеніе, все, что угодно было Богу открыть въ Господѣ Исусѣ Христѣ и чрезъ Апостоловъ сообщить людямъ. Все это слово, говоритъ, вамъ передано, вы имъ обогащены. Далѣе прибавляетъ: *и разумъ*. Не слово только вамъ передано, но и смыслъ его истолкованъ, и вы доведены до разумѣнія его; все домостроительство спасенія вы разумѣете полно, богато. Итакъ Апостоль хотѣлъ выразить: вамъ сказана

вся воля Божія и вы ее уразумѣли, то и другое богато. Это вамъ даръ о Христѣ Исусѣ отъ Бога Отца. И я благодарю Его ради сего за васъ.

Или подь *словомъ* разумѣть Апостоль даръ слова, не естественный, но благодатный, даръ ясно, точно и убѣдительно излагать Божественное ученіе. И мысль его такая: не только вы полно все разумѣете, но и умѣете все хорошо высказать. Такъ св. Златоустъ: „*во всякомъ словѣ*—не внѣшнемъ, но Божіемъ. Есть разумѣніе безъ слова, и есть разумѣніе съ словомъ. Есть много имѣющихъ разумъ и неимѣющихъ слова, каковы невѣжды и не умѣющіе ясно выразить того, что содержатъ въ умѣ. А вы, говорить, не таковы, но способны и разумѣть и говорить.“ Такъ и всѣ наши. Поелику неисправности у Коринтянъ были и въ употребленіи дара слова, то очень умѣстно допустить, что сей даръ и здѣсь разумѣть Апостоль. Даръ слова, или достодолжнаго предлаганія ученія христіанскаго въ церкви есть даръ высокой цѣны. Онъ выше разумѣнія: ибо этимъ въ себѣ только богатится человекъ, а тѣмъ богатить и другихъ.

Ст. 6. *Якоже свидѣтельство Христово извѣстися въ васъ.*

Якоже—*χρῆμα*, такъ какъ, судя потому, что *свидѣтельство Христово*, свидѣтельство о Христѣ, о Его Божествѣ, воплощеніи, страданіи и смерти, воскресеніи и вознесеніи, объ отпущеніи ради Его грѣховъ и дарованіи благодати, и о будущихъ надеждахъ, на Немъ утверждающихся,—вообще проповѣдь Христова или Евангельская (Фотій у Экум. и Θεод.),—*извѣстися*—*ἐβεβαιώθη*, твердо удостовѣрено. Двѣ мысли возможны: утвердилось въ умѣ вашемъ, вы нашли твердыми основанія его и убѣдились въ истинѣ его; и подтверждено, доказано неопровержимыми доводами, что

оно истинно, свыше идетъ и обязываетъ принять его. Эти доводы были знаменія и чудеса, сопровождавшія благовѣстіе. „Извѣщеніемъ Евангелія называетъ Апостоль совершеніе чудесныхъ знаменій, потому что ими доказывалась истинность проповѣди“ (Феоф.). „Не по доводамъ внѣшней мудрости приняли вы проповѣдь, но чрезъ знаменія и благодатные дары, какихъ сподобились“ (Феоф.). Въ этомъ послѣднемъ свидѣтельствѣ соединяется та и другая мысль. Соединяются онѣ и св. Златоустомъ: „не внѣшнею философіею, говорить, и не внѣшнимъ наученіемъ, но благодатию Божіею вы научились догматамъ истины и утвердились во свидѣтельствѣ Господнемъ, т.-е. въ проповѣди. Ибо вы удостоились многихъ знаменій, многихъ чудесъ, неизреченной благодати, когда приняли проповѣдь. Итакъ, если вы утвердились знаменіями и благодатию, то для чего колеблетесь?“

Что подтверждаетъ этимъ Апостоль? То, что благодать Божія богато излилась на нихъ. Что это точно такъ, я, говорить, сужу объ этомъ по тому, какъ утвердилась у васъ проповѣдь.

Ст. 7. *Яко вамъ не лишитися ни во единомъ дарованіи, чающимъ откровенія Господа нашего Иисуса Христа.*

Яко—боже, такъ что. Богато излилась на васъ благодать; такъ что я долженъ сказать, что вы не лишены ни одного дарованія. Что всюду дается, то и вамъ. Никакая Церковь не имѣетъ чего-либо больше, чѣмъ это есть у васъ. Но какія дарованія разумѣтъ Апостоль? Или тѣ, которыми они были обогащены: „ибо были причастны и пророческой благодати, говорили и разными языками, что яснѣе показываетъ Апостоль впоследствии“ (Феодор.); или тѣ, какія явилъ Апостоль въ себѣ среди ихъ, „т.-е. знаменія, явленные имъ у нихъ, какъ онъ говоритъ во второмъ къ

нимъ посланіи: *знаменія бо Апостолова содѣяшася въ васъ—въ знаменіихъ, и чудестъхъ и силахъ. Что бо есть, еже лишистеся паче прочихъ церквей* (2 Кор. 12, 12. 13)!“ (св. Злат.).

И то и другое—все дѣло благодати, щедроты которой Апостоль и выставляетъ во всемъ этомъ небольшомъ начальномъ отдѣленіи, чтобъ потомъ смѣлѣе высказывать имъ исправительные уроки. Св. Златоустъ видитъ здѣсь указаніе и на первый родъ дарованій. Но это родило у него такой важный вопросъ: „если они обогащены всякимъ словомъ и не имѣютъ недостатка ни въ какомъ дарованіи, то какъ они называются плотскими? Если они въ началѣ имѣли все это, то не тѣмъ ли паче теперь? Почему же онъ называетъ ихъ плотскими? *Не могохъ, говорить, глаголати вамъ, яко духовнымъ, но яко плотскимъ* (3, 1). Что сказать на это? То, что они, въ началѣ увѣровавъ и получивъ всякія дарованія, впоследствии сдѣлались нерадивыми. Или если не такъ, то не ко всемъ говорится то и другое, но одно къ достойнымъ обличенія, а другое къ достойнымъ похвалы. А что у нихъ еще были дарованія, объ этомъ онъ говоритъ такъ: *мнои псаломъ имать, откровеніе имать, языкъ имать, сказаніе имать: вся же къ созиданію да бывають...* и еще: *пророцы же два или трие да сказуютъ* (—14, 26. 29). Можно сказать и то, что, какъ мы обыкновенно о большей части говоримъ какъ о цѣломъ, такъ и онъ здѣсь сказалъ. Кромѣ того, мнѣ кажется, онъ намекаетъ на свои дѣянія, т.-е. на знаменія. Такимъ образомъ онъ, или какъ я сказалъ, напоминаетъ о своихъ дѣяніяхъ, или говоритъ это къ тѣмъ, которые еще болѣе достойны похвалы. Ибо тамъ было много святыхъ, которые посвятили себя на служеніе святымъ и содѣлались начаткомъ Ахаіи, какъ онъ говоритъ въ концѣ посланія

(1 Кор. 16, 15). Съ другой стороны, если похвалы и не весьма близки были къ истинѣ, но онѣ предусмотрительно приводятся для того, чтобы предрасположить ихъ къ принятію слова. Кто съ самаго начала говорить строго, тотъ у немощныхъ заграждаетъ слухъ для своего слова. Если слушатели равны ему по достоинству, то гнѣваются; если гораздо ниже его, то предаются скорби. Дабы не случилось этого, онѣ и начинаютъ повидимому похвалою: самая похвала относилась не къ нимъ, а къ благодати Божіей; ибо отпущеніе грѣховъ и оправданіе есть даръ свыше. Посему онѣ и распространяется особенно о томъ, въ чемъ выражается челоуѣколюбіе Божіе, дабы лучше исцѣлить ихъ отъ недуга.“

Чаюшимъ откровенія Господа нашего Иисуса Христа.

Чаюшимъ—ἀπεκδεχόμενοι, съ сильнымъ, напряженнымъ желаніемъ ожидающимъ, какъ-бы простертыя впередъ руки держащимъ для того, чтобы принять чаемое. *Откровенія*—второго пришествія Господа, когда Онъ открыто всѣмъ явится и всѣми увидѣнъ будетъ. Онъ и теперь есть со всѣми, какъ обѣтоваль: *се Азъ съ вами есмь до скончанія вѣка*. Но есть сокровенно; а тогда открыто явится. Тогда же во всемъ блескѣ откроется Его могущество, величіе и слава, яко Судія всей вселенной; откроется и все величіе Его царства.

Въ какой связи эти слова съ предыдущею рѣчью? Впереди сказано: призвалъ васъ Господь, открылъ вамъ волю Свою, снабдилъ васъ всѣми дарами; теперь вамъ отъ Него нечего ожидать, все имѣете. Одного ожидать вамъ предлежитъ—второго Его пришествія. Вы его и чаете. И будьте въ семъ чаяніи, дѣлая конечно и все то, къ чему это васъ обязываетъ, т.-е., пребывая непоколебимо вѣрными св. волѣ Его. Выразивъ такъ мысль Апостола, мы прямо подходимъ къ

тому, что говорится въ слѣдующемъ стихѣ, гдѣ Апостоль выражаетъ надежду, что Господь дѣйствительно сохранить ихъ таковыми до конца. Слѣдовательно слова сии стоятъ здѣсь, какъ переходъ къ слѣдующимъ. Догматы наши кончаются вторымъ пришествіемъ Господнимъ, воскресеніемъ мертвыхъ и жизнію будущаго вѣка. Въ нравственномъ строѣ христіанина, когда онъ настоящимъ образомъ идетъ, все вниманіе тоже упирается на сии послѣдніе моменты. Въ нихъ онъ стоитъ, и ими поддерживаетъ свою энергію и бодренность. Этому научились Коринѣяне у Апостола, который всегда почти сводитъ свои рѣчи къ симъ послѣднимъ надеждамъ христіанъ, когда выражаетъ свои благожеланія. Тоже дѣлаетъ онъ и теперь, пиша къ Коринѣянамъ. Помянулъ онъ объ этомъ будто мимоходомъ, чтобы выразить слѣдующее за симъ благожеланіе; но слова его уже сами собою вызвали цѣлый рядъ вразумительныхъ мыслей. Св. Златоустъ говоритъ: „смотри, съ какою мудростію, отклонивъ ихъ отъ всего челоувѣческаго, онъ приводитъ ихъ въ страхъ, напомнивъ о страшномъ судѣ и показавъ, что не начало только требуется доброе, но и конецъ. При дарованіяхъ и при всякой добродѣтели нужно помнить объ этомъ днѣ; и нужно много трудовъ, чтобы дойти до конца. Онъ называетъ этотъ день *откровеніемъ*, выражая, что хотя онъ еще невидимъ, но онъ есть, предстоитъ и теперь, а тогда явится. Посему нужно имѣть терпѣніе; для того вы и удостоились чудесъ, чтобы пребывать твердыми.“

б).

Ст. 8. *Иже и утвердитъ васъ даже до конца невинныхъ въ день Господа нашего Иисуса Христа.*

Сказалъ, что всѣмъ снабжены и снаряжены въ путь; впереди только откровеніе Христово. Но промежутокъ

великъ. Апостоль говоритъ: не думайте, что вы оставлены одни. Господь, Котораго чаете, Онъ же будетъ вамъ помощникомъ и блюстителемъ въ пути. Онъ утвердитъ васъ въ вѣрѣ и жизни по вѣрѣ и представитъ васъ ко дню Своему неповинными ни въ чемъ. Такова надежда моя о васъ! Таково мое вамъ благожеланіе! — *Утвердитъ* — *βεβαιώσει*, — и нравственную твердость вамъ дастъ, и удостовѣритъ васъ въ томъ, что не поколеблетесь, твердыми пребудете *до конца*— до конца ли жизни, до минуты ли явленія Господня— всяко до того момента, когда должна рѣшиться вѣчная участь ваша.

Неповинныхъ—цѣль и плодъ утвержденія,—такъ что вы явитесь неповинными какъ по вѣрѣ, такъ и по жизни. „Пожелалъ имъ и утвержденія и безукоризненности“ (Фед.). — *Въ день Господа нашего Иисуса Христа*, т.-е. въ день суда: ибо онъ есть день Господень.

Ст. 9. *Въренъ Богъ, Имже званіи бысте во общеніе Сына Его Иисуса Христа Господа нашего.*

Вотъ на чемъ основываетъ надежду свою св. Павелъ! На вѣрности Бога самому себѣ, своимъ обѣтованіямъ и распоряженіямъ.—Уже то, что получаетъ кто бытіе, есть знакъ великаго Божія благоволенія—желанія Его облаженствовать человѣка: ибо Богъ не можетъ давать бытіе для страданій. Но то, что призванъ кто въ общеніе Сына Божія, есть такое распоряженіе, какъ взялъ бы кто кого за руку и ввелъ его въ покои обвеселительные. Вы призваны, говорить, въ общеніе Сына Божія. Сынъ же Божій сказалъ, что гдѣ Онъ, тамъ и слуга Его будетъ; а Онъ одесную Бога въ славу и величіи. Слѣдовательно и васъ ожидаетъ то же. Такова Божья о васъ воля!—Остается за вами одно— пребыть вѣрными слугами Сыну Божію. Въ этомъ-то и утвер-

дѣть васъ Господь,—утвердить, если вы сами не помѣшаете Ему сдѣлать это для васъ.

Св. Златоустъ говоритъ на это: *„вѣренъ, говорить, Богъ, т.-е. истиненъ. Если Онъ вѣренъ, то и сотворить, что обѣщаль; а обѣщаль Онъ сдѣлать васъ общниками Единороднаго Сына; для этого Онъ и призваль, неравнана бо дарованія и званіе Божія* (Римл. 11. 29). Обѣ этомъ онъ говоритъ теперь прежде всего, дабы послѣ сильныхъ обличеній они не впади въ отчаяніе. Обѣщанное Богомъ непремѣнно исполнится, если только мы сами не будемъ сильно противиться, подобно какъ Іудеи, бывъ призываемы, не захотѣли принять благъ. Это зависѣло уже не отъ Призывающаго, но отъ ихъ неблагодарности. Онъ хотѣлъ даровать, а они не хотѣли принять и такимъ образомъ лишили сами себя того, что предлагалось. Еслибы Онъ призывалъ ихъ къ дѣлу трудному и тяжкому, то хотя бы неповиновеніе ихъ и тогда не заслуживало прощенія, но, по крайней мѣрѣ, они могли бы сослаться на это. Если же призываются къ очищенію, къ оправданію, къ освященію, къ искушенію, къ благодати, къ дару, къ уготованнымъ благамъ, *ихже око не видѣ и ухо не слыши* (1 Кор. 2. 9), если призываетъ Богъ, и призываетъ Самъ, то могутъ ли быть достойны прощенія необращающіеся къ Нему? Посему пусть никто не обвиняетъ Бога. Ибо не отъ Призывающаго происходитъ невѣріе, а отъ неповинующихся. Но скажешь: можно бы привести и нежелающихъ? Нѣтъ; Богъ не дѣлаетъ насилія или принужденія. И кто, призывая къ почестямъ, вѣнцамъ, торжествамъ, станетъ влечь кого-либо противъ воли связаннаго? Никто; потому что это свойственно принуждающему. Въ геенну Онъ посылаетъ противъ воли, а въ царствіе призываетъ добровольно; въ огонь ведетъ связанныхъ и плачущихъ, а

къ безчисленнымъ благамъ не такъ; ибо самыя блага не были бы вождельны, еслибы они по свойству своему не были таковы, чтобы къ нимъ стремились добровольно и по сознанію великаго ихъ достоинства.“

ПЕРВОЕ ОТДѢЛЕНІЕ.

ПРЕСѢЧЕНІЕ НАЧАВШИХСЯ РАЗНОРѢЧІЙ

1, 10—4, 31.

Разнорѣчія, какъ видно, неглубокіе пустившія корни, а болѣе исходившія изъ легкомыслія, состояли въ томъ, что иной приставалъ преимущественно къ одному изъ своихъ ученыхъ или вообще знаменитостей, другой къ другому, третій къ третьему. Прежде, въ язычествѣ, имѣвшіе обычай дѣлиться по философамъ, думали, что и въ христіанствѣ тоже позволительно ставить себя подъ титуло того или другаго учителя; и начали въ этомъ родѣ вести рѣчи. Они не отъособлялись другъ отъ друга, не составляли особыхъ партій, общинъ и соборищъ, а были въ ладахъ, какъ христіане, только такія рѣчи себѣ позволяли. Исходило это отъ слишкомъ большаго довѣрія къ рѣшеніямъ своего ума или къ мудрости человѣческой, и отъ непониманія того, что суть учителя—люди въ дѣлѣ устроенія Церкви Божіей на землѣ. Узнавъ объ этомъ, св. Павелъ *сначала* 1) кратко, но сильно обличаетъ нелѣпость такихъ рѣчей (1. 10—16); *потомъ* 2) заграждаетъ источники, изъ которыхъ исходили тѣ нелѣпныя рѣчи (1, 17—4, 16); 3) *въ заключеніе* извѣщаетъ о посланіи къ нимъ св. Тимоѣея и о своемъ скоромъ прибытіи, со внушеніями, могущими отрезвлять (4, 17—21).

1.

Краткое обличеніе начавшихся разнорѣчіи

1, 10—16.

Предпославъ, какъ выводъ изъ предыдущаго, а) увѣщаніе къ единорѣчію и единомыслію—10, и б) указавъ, въ чемъ у нихъ разнорѣчія—11. 12, показываетъ, в) какъ это нелѣпо—13—16.

а) Увѣщаніе къ единорѣчію и единомыслію.

Ст. 10. *Молю же вы, братіе, именемъ Господа нашего Іисуса Христа, да тожде глаголете вси, и да не будутъ въ васъ распри, да будете же утверждены въ томъ же разумѣніи и въ тойже мысли.*

Молю же вы, братіе. „Обличеніе надо дѣлать постепенно и мало-по-малу; такъ Павелъ здѣсь и дѣлаетъ. Приступая къ предмету, исполненному великихъ опасностей и могшему поколебать церковь до самаго основанія, онъ начинаетъ рѣчь съ кротостію. Такъ всегда, если вдругъ станешь рѣзко обличать кого-нибудь, то онъ ожесточится и сдѣлается безстыднымъ; если же сдѣлаешь (кроткое) внушеніе, то преклонишь его выю, укротишь его дерзость и заставишь стыдиться. Это Павелъ и дѣлаетъ, умоляя именемъ Христа“ (св. Злат.).

Молю именемъ Господа нашего Іисуса Христа. Св. Златоустъ, усмотрѣвъ, что въ предыдущихъ девяти стихахъ девять разъ поминалось драгоцѣнное и сладчайшее имя Господа Іисуса Христа, замѣчаетъ, „что св. Павелъ не напрасно и не просто дѣлаетъ это, но частымъ употребленіемъ этого высокаго имени желаетъ низложить ихъ надменность и истребить злой ихъ не-

дугъ“ (подъ 8 ст.). Умоляя именемъ Господа Исуса, онъ и любовь къ Нему Коринѣянь и сознание долга покорствоватъ Ему беретъ въ содѣйствователи силъ своего слова. Именемъ Господа, къ Которому вы прилѣпились любовію, предъ Которымъ благоговѣете, Котораго мановеніямъ готовы слѣдовать, Его именемъ умоляю. Какое сердце могло противостоятъ такому убѣжденію? вмѣстѣ же съ тѣмъ, какъ ни мягка такая рѣчь, она не могла не напоминать, что хотъ Апостоль и умоляетъ, но какъ умоляетъ именемъ Христовымъ, то этимъ вмѣстѣ строго обязываетъ. Это отеческая, не разблужающая, но отрезвляющая рѣчь!

Да тоже глаголете вси. Языкъ говоритъ то, что въ душѣ и сердцѣ. Объедини мысли и чувства, одна будетъ и рѣчь. Но рѣчь распространяетъ разномыслие, и зло раздѣленія расширяется. Это и пресѣкаетъ во-первыхъ св. Павелъ, говоря какъ-бы: перестаньте вы разнорѣчить, говорите всѣ въ одно слово; иначе увеличится раздѣленіе между вами. И потому, можетъ быть, сказалъ онъ объ этомъ въ началѣ, что вѣроятно и все дѣло состояло болѣе въ легкомысленномъ разнорѣчїи, чѣмъ въ серьезномъ раздѣленїи взаимномъ. Потому вслѣдъ за симъ и говоритъ Апостоль: *и да не будутъ въ васъ распри—зѣззата*, то-есть раздѣленія на партїи. Такого распаденія нѣтъ еще; Апостоль только будто опасается его, и говоритъ какъ-бы: перестаньте вы толковать: „я такого-то, я такого-то“, чтобъ не произвестъ раздѣленія въ сердцѣ и не породить партій, не разбить всего общества на части, какъ раздираютъ на клочки одежду. Когда одежду раздираютъ на части, и части никуда негожи, и одежда пропала. Тоже будетъ и у васъ. И части, на какія раздѣлитесь, не представятъ ничего здраваго, и цѣлое уничтожится. Такъ св. Златоустъ и Теофилактъ.

Да будете же утверждени въ томже разумнїи и въ тойже мысли. — Утверждени — *κατηρτισμενοι*. Слово это означаетъ слаживаніе одной части съ другою, чтобъ изъ всѣхъ ихъ, вмѣстѣ слаженныхъ, составилось одно крѣпкое и прочное дѣло. Имъ наводитъ Апостоль на сравненіе, что какъ, напримѣръ, столяръ, слаживая часть съ частію, достигаетъ того, что получается нужная и надежная вещь—столь, или еще что; такъ будьте слажены во всемъ и вы. Св. Златоустъ говоритъ: „послѣ словъ: *да тожде глаголете вси*, не подумайте, говоритъ Апостоль, что я разумѣю согласіе только въ словахъ; нѣтъ, я желаю согласія и въ мысляхъ. А такъ какъ можно имѣть и одинаковыя мысли, но не о всѣхъ предметахъ, то присовокупляетъ: *да будете же утверждени* (*κατηρτισμενοι*—слажены во всемъ). Ибо кто согласенъ въ одномъ, но не согласенъ въ другомъ, тотъ еще не утверждень (не слаженъ), не достигъ совершеннаго единомыслія.“

Различіе въ словахъ: *въ томже разумнїи*—*νοι* и *въ тойже мысли*—*γυμνη*, бл. Феодоритъ объясняетъ такъ: „не за разность догматовъ укоряетъ ихъ, но за споры и соперничество о предстоятеляхъ: смыслъ проповѣди, говоритъ Апостоль, одинъ (сіе и выражаетъ словами: *въ томже разумнїи*), но расположеніе уже не одно (сіе и означаетъ словами: *въ тойже мысли*). Посему умоляетъ ихъ, одно содержа въ мысли и одинаково разумѣя, не дѣлать раздора, и не препираться напрасно о настоятеляхъ.“ Св. Златоустъ опредѣленіе сказываетъ, что есть—*γυμνη*. „Бываетъ и то, что при согласїи въ мысляхъ еще нѣтъ согласія въ духѣ, напримѣръ, когда мы, имѣя одну и ту же вѣру, не соединены между собою любовію. Въ этомъ случаѣ мы согласны въ мысляхъ: ибо думаемъ одинаково; но еще несогласны по духу *γυμνη*. То же было и въ Коринѣѣ, гдѣ

одинъ держаль сторону того, а другой другаго. Посему Павелъ и говоритъ, что надобно быть *утвержденными* (слаженными) *въ тожде разумнии и въ тойже мысли*. Ибо распри у нихъ происходили не отъ различія въ вѣрѣ, но отъ несогласія въ духѣ, по человѣческому тщеславію.“

Такимъ образомъ можемъ положить, что *въ тожде разумнии* означаетъ—въ единомыслии; а *въ тойже мысли*—въ единойдушii: да будетъ у васъ одинъ умъ и одна душа, одно сердце; тоже что: *щитесь блости единеніе духа въ союзъ мира* (Еф. 4, 3). Этимъ очень опредѣлительно выясняется, въ чемъ былъ разладъ. Въ одномъ легкомысленномъ любопреніи: этотъ учитель лучше; нѣтъ, вотъ этотъ.

б) Указаніе въ чемъ разнорѣчіе.

Ст. 11. *Возвѣстися бо ми о васъ, братіе моя, посланнымъ отъ Хлоиси* (отъ домашнихъ Хлои), *яко рвенія въ васъ суть*.

Возвѣстися ми. „Какъ обвиняемый безъ свидѣтелей можетъ остаться упорнымъ до безстыдства, то, дабы они не могли отвергать сказаннаго, приводить свидѣтелей. Не вдругъ сказалъ это, но напередъ изложилъ обличеніе; потому что вѣрилъ возвѣстившимъ; ибо еслибъ не вѣрилъ, то не сталъ бы и обличать, а повѣрить слѣпо Павелъ не могъ. Такимъ образомъ онъ не вдругъ сказалъ: *возвѣстися ми*, дабы не показалось, что онъ обвиняетъ ихъ только по словамъ возвѣстившихъ, и не умолчалъ объ этомъ, дабы не показалось, что онъ говоритъ только самъ отъ себя“ (св. Злат.).

Братіе моя. „Здѣсь опять называетъ ихъ братьями. Хотя грѣхъ ихъ былъ явный, но ничто еще не прятствовало называть ихъ братьями“ (св. Злат.). Если

споры ихъ не касались догматовъ, а представляли только увлеченіе легкомысліемъ, то причины къ раздѣленію съ ними и другому никому не было, тѣмъ паче Апостолу, который надѣялся уврачевать недугъ обличеніемъ ихъ неразумія.

Посланнымъ отъ Хлоиса (отъ домашнихъ Хлои),— это τῶν Χλοῆς — отъ Хлоинныхъ. Хлоя, надо полагать, была извѣстная въ Коринѣ особа, изъ вѣрующіихъ. Если предположить, что она занималась торговлею, а Ефесъ, гдѣ тогда былъ св. Павелъ, находился въ семь отношеніи въ прямыхъ сношеніяхъ съ Коринѣомъ, то само собою видно, какъ домашніе Хлои по дѣламъ торговли могли быть въ Ефесѣ и сообщить св. Павлу о всемъ, что происходило въ Коринѣ. „Замѣть мудрость св. Павла! Онъ не указалъ на отдѣльное лице, но на цѣлый домъ, дабы они не возстали на возвѣстившаго. Такъ онъ и его сокрылъ, и вину ихъ прямо открылъ. Онъ зналъ, что полезно для однихъ, и что нужно для другихъ“ (св. Злат.).

Яко рвенія въ васъ суть. Рвенія—ερίδες, задорные споры, съ желаніемъ переспорить и поставить на своемъ. Вся вина ихъ, выходитъ, состояла въ спорливости, раздражающей и нарушающей братскій союзъ любви. Чтобы они уклонились въ какое-либо заблужденіе, не видно. Св. Златоустъ уже замѣтилъ, что они въ предметахъ вѣры были единомудренны. О чемъ же споры?

Ст. 12. *Глаголю же се, яко кійждо васъ глаголетъ: азъ убо емь Павловъ, азъ же Аполлосовъ, азъ же Кифинъ, азъ же Христовъ.*

Глаголю же се: говорю къ примѣру. Дѣло у васъ похоже на то, какъбы одинъ изъ васъ говорилъ: я Павловъ, Павла люблю, ему слѣдую, его предпочитаю всѣмъ, его сторону держу, за него стою горою, за него умереть пожалуй готовъ. Другой такимъ же имѣлъ

бы для себя Аполлоса, третій — Петра, четвертый — Самого Христа.— *Каждо*, не изъ членовъ Церкви, а изъ увлекшихся въ это движеніе. Наибольшая часть оставалась спокойною, тѣло Церкви не колебалось. Чтобы съ этимъ вмѣстѣ были соединяемы какія-либо ложныя мнѣнія, это и не видно, и въ догадку не должно входить. Еслибъ подь каждымъ титломъ скрывалось какое заблужденіе, св. Павелъ выставилъ бы каждое и обличилъ; а онъ потомъ обличаетъ только мудрость чело-вѣческую вообще и объясняетъ значеніе учителей въ распространеніи вѣры христіанской. Это значитъ, что Коринѣяне упражняли свою мудрость лишь въ томъ, чтобы выставять съ искусствомъ отличныя стороны того или другаго лица, подь знамя котораго они себя ставили. Въ этомъ они показывали свою мудрость и хвастались ею. Какъ въ язычествѣ мудрецы занимались пустяками, такъ и въ христіанство вступивши люди ученые вздумали заниматься предметами, въ дѣлѣ спасенія важности не имѣющими. Имъ и довольно было сказать: не дѣти ли вы? (—3, 1—3), какъ и сказалъ св. Павелъ по обличеніи ничтожества мудрости чело-вѣческой. Несмотря однакожь на то, что подь означенными титлами не скрывались заблужденія, самое распредѣленіе себя подь такія будто знамена не могло быть одобрено; такъ какъ оно обличало непониманіе дѣла спасенія о Христѣ Иисусѣ и отношенія къ Нему вѣрующихъ. И это было терпимо всеми! Никто не видѣлъ, сколько это нелѣпо! Имъ и говоритъ св. Павелъ: ну, замудрились вы! И обличивши потомъ слѣпоту мудрости чело-вѣческой и указавши, что суть учителя въ дѣлѣ христіанства, наводитъ: такъ видите, Павелъ ли, Аполлосъ ли, Кифа ли—все ваши, для васъ, а вы все Христовы, Христосъ же Божій (3, 22. 23). Христа не должно ставить ни съ кѣмъ наравнѣ.

Такимъ образомъ не настоятъ никакой необходимости допытываться, кто такіе были Павловы, кто Аполло-совы, кто Кифины, кто Христовы, опредѣлять ихъ образъ мыслей и сочинять школы. Дѣло не заходило такъ далеко. Коринѣяне распредѣляли только себя, какъбы подъ знамена, подъ какія-то у нихъ знаменитости, и каждая партія защищала свой выборъ. Въ этомъ и споры ихъ состояли. Это совершенно сходно съ тѣмъ, что потомъ было въ Константинополѣ, какъ замѣчено уже, относительно великихъ святителей. Надобно предположить, что въ число вѣрующихъ поступило не мало ученыхъ и они-то все это тамъ и намутили. Въ каждой части были и коноводы. Коноводы эти были ближайшіе руководители каждой части. Св. Златоустъ и другіе наши толковники полагаютъ, что св. Павелъ ихъ-то собственно и имѣлъ въ мысли, но не поименовалъ, чтобъ не ожесточить ихъ. Между тѣмъ цѣль достигалась и такимъ образомъ рѣчи. Ибо если нельзя ставить себя подъ знамя Апостоловъ, тѣмъ болѣе нелѣпо ставить себя подъ знамя тѣхъ, которые несравненно ниже ихъ.

в) Обличеніе нелѣпости такихъ толковъ.

Ст. 13. *Еда раздѣлися Христосъ? Еда Павелъ ряснѣтся по васъ, или во имя Павлово креститесь?*

Однихъ этихъ вопросовъ достаточно было, чтобы разорить паутинныя сплетенія Коринѣскихъ мудрецовъ: „Апостоль не доказываетъ, а только предлагаетъ вопросъ, въ знакъ очевидной нелѣпости заключающейся въ немъ мысли“ (св. Злат.). *Еда раздѣлися Христосъ?* Христосъ есть единый глава Церкви; и Церковь есть едино тѣло подъ главою Христомъ. Какъ же вы надѣлали себѣ столько главъ? Какъ при этомъ и тѣло Церкви пребудетъ едино, будучи поставлено подъ разныя главы?

„Значить вы раздѣлили Христа и расторгли тѣло Его“ (св. Злат.). Св. Златоустъ прибавляетъ затѣмъ: „нѣкоторые находятъ здѣсь и такую мысль: „развѣ Христосъ расторгъ и раздѣлилъ Церковь между людьми, и одну часть взялъ Себѣ, а другую отдалъ имъ?“

Апостоль, сказавши этимъ, что мы всѣ соединены подъ единымъ Христомъ Господомъ и потому нелѣпо избирать себѣ въ головы челоуѣка, хочетъ сказать теперь, что и всѣ блага духовныя мы имѣемъ непосредственно отъ Него. И потому нелѣпо прилѣпляться такъ къ людямъ и какъбы чаять отъ нихъ всего. Онъ умеръ за насъ и мы чрезъ св. крещеніе, вступая въ общеніе смерти Его, пріемлемъ отпущеніе грѣховъ и ветхую жизнь перемѣняемъ на новую благодатную. Въ этотъ собственно моментъ мы становимся и христіанами. Сказать бы только: какъ же все это вы перезабыли? Но св. Павелъ сильнѣе и впечатлительнѣе выражаетъ все это вопросами: *еда Павелъ распятыя по васъ? Или во имя Павлово креститесь?* Бл. Феодоритъ мысль Апостола здѣсь сокрытую такъ изображаетъ: „Не Онъ ли одинъ за всѣхъ васъ пріялъ смерть? Не въ Его ли имя пріяли вы благодать крещенія? Человѣческихъ ли именъ призваніе даровало вамъ оставленіе грѣховъ?“ Но контрастъ въ словѣ Апостола поразителенъ. Онъ долженъ былъ заставить встрепенуться всѣхъ противностію толковъ ихъ первымъ основамъ вѣры во Христа Господа. Они не могли послѣ сего не сказать себѣ: какъ эта простая мысль не пришла намъ въ голову, при нашихъ пустыхъ спорахъ. Теперь ясно, какъ день, какъ неосновательно наше смышленіе. Вразумленіе отсюда исходящее должно было быть полное. Св. Павелъ и не продолжалъ болѣе говорить о семъ. „Ясно доказано, что честь, какую воздавали Коринѣяне своимъ учителямъ, никому не можетъ принадлежать кромѣ Господа“ (св. Злат.).

Ст. 14. *Благодарю Бога, яко ни единого отъ васъ крестилъ, точію Крїста и Гага.*

Благодарить Бога, что не крестилъ, не потому, чтобы совершать крещеніе не считалъ дѣломъ важнымъ или бы унижалъ силу крещенія; но потому, что чрезъ это избавился отъ невиннаго даже поданія повода къ раздѣленію или усиленію толковъ, кои раздѣляли тамъ вѣрующіихъ. Надо положить, что въ числѣ причинъ, почему кто избиралъ себѣ кого въ головы предпочтительно предъ другими, было и то, что крещенъ имъ. Если и при томъ, что Апостоль никого почти не крестилъ, составила часть, считавшая его своимъ главою, что было бы, еслибъ онъ всѣхъ, имъ обращенныхъ, крестилъ? Онъ и благодарить Бога, что не крестилъ, и чрезъ то не подалъ никому повода отклоняться вниманіемъ отъ Христа Господа. Онъ всѣхъ къ Господу приводилъ и радовался, когда кто подобно ему могъ говорить: *живу не ктому азъ, но живу во мнѣ Христосъ*. Видя, что крещенные ближе къ себѣ ставили крестившихъ, чѣмъ Господа, во имя Коего крещены, благодарить Бога, что никакого участія не имѣетъ въ этомъ неугодномъ Господу направленіи умовъ. Еслибъ было такъ, говорить какъ-бы онъ, тогда моей скорби и болѣзнямъ сердца моего не было бы конца, что хотя безъ вины, но былъ причиною того, что иной ближе бы имѣлъ во вниманіи его, нежели Господа. Языкомъ Апостола движетъ его безмѣрная любовь къ Господу. Этимъ онъ и всѣмъ даетъ такой урокъ: „не говори мнѣ, кто тебя крестилъ, но во чье имя? Важно не то, кто крестилъ, но кто призывается въ крещеніи; ибо Этотъ отпускаетъ грѣхи. Крещеніе важно, но эту важность сообщаетъ ему не крещающій, а Призываемый въ крещеніи. Совершеніе крещенія ничего не значить относительно труда человѣческаго; но само по

себѣ столь важно, что безъ него невозможно получить царствія небеснаго. Но такова сила его не отъ того, кто крестить, а во имя Кого крещеніе совершается“ (св. Злат.).

Ст. 15. *Да не кто речеть, яко въ мое имя крестихъ.*

Еще большую предполагаетъ бѣду. Если говорить, когда я никого почти не крестилъ, вы составили партію подъ моимъ именемъ, то, еслибъ крестилъ всѣхъ, пожалуй иной провозгласилъ бы, что я въ свое имя крестилъ, и изъ васъ, подъ мое имя себя собравшихъ, образовалась бы новая часть считающихъ себя крещенными въ мое имя. Я, говорить, считаю и это возможнымъ, и „опасаюсь, чтобы болѣзнь не достигла до такой степени“ (св. Злат.). Ибо послѣ тѣхъ пустыхъ толковъ, которые васъ раздѣлили, отъ васъ всего можно ожидать. Крестить въ свое имя значитъ поставить себя богомъ спасителемъ для кого-либо. Отъ Еллиновъ этого очень можно было ожидать. Въ одномъ мѣстѣ св. Павла сочли было уже богомъ въ образѣ челоуѣка; и ему стоило труда увѣрить ихъ, что онъ простой челоуѣкъ. Почему не ожидать подобнаго чего и отъ Коринѳянъ, когда они обнаружили уже немалое легкомысліе? Св. Павелъ и говорить: Слава Богу, что я никого не крестилъ. Вѣдь, вотъ еще что могло случиться!

Ст. 16. *Крестихъ же и Стефаниновъ домъ; прочее не въмъ, аще кого много крестихъ.*

Поименно перечислилъ Апостоль всѣхъ крещенныхъ имъ. *Криспъ*, начальникъ синагоги, первый увѣровалъ въ Господа со въмъ домоу своимъ; по его примѣру и другіе многіе вѣровали и крестились, какъ только св. Павелъ, оставя Іудеювъ, сталъ учить въ домѣ Іуста (Дѣян. 18, 8). Въ Постановленіяхъ апостольскихъ говорится, что этотъ Криспъ былъ поставленъ епископомъ египетскимъ (кн. 7, гл. 46). *Тайъ*, у котораго

св. Павелъ останавливался, когда послѣ сего посланія прибылъ въ Коринѣъ. Изъ его дома писалъ Апостоль посланіе къ Римлянамъ и привѣтъ имъ отъ него передалъ: *цѣлуетъ вы Гаіе страннопримецъ мой и всея Церкви* (Римл. 16, 23). „Страннопримецъ всей Церкви“ даетъ мысль, что всѣ вѣрующіе, изъ какой бы страны ни были, прибывая въ Коринѣъ, находили себѣ пріютъ въ его домѣ. Св. Димитрій Ростовскій полагаетъ, что онъ былъ потомъ епископомъ въ Ефесѣ. О *домѣ Стефаниновѣ* пишетъ св. Павелъ въ концѣ сего посланія, что это былъ начатокъ Ахайи, т.-е., лица сего дома первыя изъ Ахайцевъ посвятили себя на служеніе святымъ, чтобы споспѣшествовать Евангелію и трудиться вмѣстѣ съ трудящимися въ семь дѣлъ. Самъ Стефанъ былъ вмѣстѣ съ Фортунатомъ и Ахайкомъ присланъ теперь къ св. Павлу съ письмомъ отъ Коринѣянъ, на которое онъ отвѣчаетъ ниже (16, 15—17; 7, 1). Вотъ и всѣ, говоритъ, мною крещенные. Крестилъ ли я еще кого, *не знаю*.оборотъ рѣчи означаетъ совершенное отрицаніе. Онъ выражаетъ: никого другаго не крестилъ. Не имѣлъ я заботы о томъ, чтобы крестить. „Не старался снискивать себѣ честь отъ народа такимъ дѣломъ“ (св. Злат.). Это исполняли помощники мои, и даже первые обращенные и крещенные. Несомнѣнно, что изъ Коринѣянъ не всѣ увлекались толпами суетудрыхъ, и указанныя Апостоломъ лица, имъ крещенныя, не принадлежали къ кругу ихъ. Указывая на нихъ, онъ какъ-бы говоритъ: вѣдь, вотъ эти, мною крещенные, не считаютъ же меня своимъ главою; чего ради вы, прочіе, впали въ такой недугъ ума и въ немъ остаетесь? Образуйтесь; идите по слѣдамъ этихъ. Что такая мысль ужѣстна — показываютъ слова Апостола въ концѣ посланія о Стефаниновѣ домѣ: *и вы повинуйтесь таковымъ* (16, 16). И къ благодаренію эта мысль прямѣе под-

ходить: слава Богу, что никого почти не крестилъ; и кого крестилъ, тѣ здоровы, и не только здоровы, но и послужать къ образузленію другихъ.

2.

Загражденіе источниковъ, изъ которыхъ исходили толки Коринѣянь

1, 17—4, 16.

Толки среди Коринѣянь были столь нелѣпы, что достаточно было двухъ-трехъ вопросовъ, чтобъ обличить эту нелѣпость и заставить образумиться толковавшихъ. Но св. Павелъ вознамѣрился и на будущее время отъратить всякую возможность подобныхъ явленій, заградивъ производящія ихъ источники. Такими источниками были: А) слишкомъ большое довѣріе къ рѣшеніямъ своего ума, какъ вообще къ мудрости человѣческой, и Б) неправое понятіе о томъ, что суть люди, и даже сами Апостолы, въ дѣлѣ насажденія на землѣ спасительной вѣры Христовой. *Первый* заграждается въ 1, 17—2, 16; *второй* въ 3, 1—4, 16.

А).

Первый источникъ толковъ есть допущеніе своей человѣческой мудрости входить въ область вѣры въ качествѣ рѣшительницы вопросовъ и законодательной постановительницы опредѣленій. Чтобъ впередъ Коринѣяне не впади еще въ какое-либо суетумудріе, Апостольскій раскрываетъ теперь, что мудрость человѣческая и Евангеліе—двѣ противоположности. Надобно отказаться отъ первой, чтобы принять второе. Евангеліе есть истинная мудрость Божія; но человѣческой му-

длости оно не кажется таковымъ. Потому, кто хочетъ быть ученикомъ мудрости евангельской, тотъ долженъ отказаться отъ мудрости человѣческой и согласиться быть по-человѣчески буйимъ. Въ этомъ урокъ Апостола на всѣ времена: ибо тутъ опредѣляется отношеніе умовыхъ соображеній къ простотѣ евангельской истины.

Евангеліе есть истинная мудрость; но оно является въ совершенно простой формѣ. Тѣ, которые спознались съ мудростію человѣческою и привыкли къ мудрованіямъ, не могутъ вмѣстить его. Вмѣщаютъ его только тѣ, которые не опутаны этою мудрующею мудростію. Но принимая его простымъ сердцемъ, въ его обнаженной простотѣ, они становятся мудрѣе мудрецовъ. Что это такъ, смотрите, говоритъ Апостолъ: аа) что мы проповѣдуемъ? Мы говоримъ: распятый Христосъ есть Спаситель міра; вѣруйте и спасетесь; которые вѣруютъ, тѣ и умудряются во спасеніе (1, 17—25). Но мудрствующимъ по-человѣчески это не подручно. Ибо сколько, напримѣръ, у васъ въ Коринѣѣ вѣрующихъ! Но посмотрите, бб) кто они? Много ли въ числѣ ихъ мудрыхъ по плоти? Но эти не мудрые по плоти умудряются отъ Господа (1, 26—31). Такъ уже Богъ сему судилъ быть. Потому-то вв) пришедши къ вамъ, я никакихъ мудростей не предлагалъ, а говорилъ только о Господѣ распятомъ, чтобъ въ увѣрованіи вашемъ никакого участія не имѣла мудрость человѣческая (2, 1—5). Но съ такою простотою проповѣди мы только сначала являемся, чтобы сами собою, безъ всякаго участія человѣческихъ усилій, обнаружили и отдѣлились тѣ, которые способны или Богомъ избраны быть учениками мудрости Божіей. Когда же кто увѣруетъ и пойдетъ путемъ Евангелія, гг) тогда мы раскрываемъ ему полнѣе истинную мудрость

Божію, которая обнимаетъ и небо и землю, и безначальное и безконечное. И не мы только, но паче благодать Св. Духа, исполняющая искренно вѣрующихъ и право живущихъ по вѣрѣ (2. 6—16).

аа).

**Предметъ Евангельской проповѣди невмѣстимъ для мудрости
человѣческой, и это по намѣренію Божію
1, 17—25.**

Ст. 17. *Не посла бо мене Христосъ крестити, но благовѣстити, не въ премудрости слова, да не испразднится крестъ Христовъ.*

Этотъ текстъ стоитъ на переходѣ отъ прежней къ настоящей рѣчи. Сначала представляетъ Апостолъ причину, почему не крестилъ многихъ. Не посланъ, говорить, на это. Апостоламъ говорилъ Господь: *идите научите, — крестяще* (Мѡ. 28, 19). Слѣдовательно они должны были совершать то и другое. О святомъ же Апостолѣ Павлѣ Ананіи сказалъ Господь: *сосудъ избранъ Ми есть сей, пронести имя Мое предъ языки* (Дѣян. 9, 15). Самому же Павлу: *отверзти очи ихъ, да обратятся отъ тмы въ свѣтъ* (Дѣян. 26, 18). Но какъ другіе Апостолы могли поручать крещеніе другимъ, такъ св. Павелъ могъ совершать крещеніе не самъ. Св. Павла всегда сопровождали помощники, посвященные имъ на дѣло Божіе. Черезъ нихъ и совершалъ онъ святое крещеніе, а самъ преимущественно занимался проповѣдію; когда же нужно было, совершалъ его и самъ. Онъ это и хотѣлъ сказать: мое главное дѣло просвѣщать вѣрою, а увѣровавшихъ крестятъ у меня другіе. Такъ св. Златоустъ: „благовѣстити гораздо труднѣе, требовало большихъ усилій и особенной твердости духа и заключало въ себѣ все; потому оно и поручено было

Павлу. Но почему онъ, не бывъ посланъ крестить, крестилъ? Онъ дѣлалъ это не изъ противленія Пославшему, но отъ избытка усердія. Не сказалъ, что ему было это запрещено, но: я не былъ посланъ на это дѣло, а на гораздо важнѣйшее. Благовѣствованіе предоставлено было не многимъ, а крестить могъ всякій, имѣющій священство. Ибо человѣка, наставленнаго въ вѣрѣ и увѣровавшаго, крестить можетъ и всякій другой; расположеніе приступающаго и благодать Божія довершаютъ все; а чтобы невѣрныхъ наставить въ вѣрѣ, это требуетъ великаго труда, великой мудрости, и даже представляетъ опасности. Тамъ уже все сдѣлано, желающій принять таинство убѣжденъ въ вѣрѣ, и нисколько не трудно крестить увѣровавшаго; а здѣсь нуженъ великій трудъ, чтобы перемѣнить расположеніе, исправить нравъ, уничтожить заблужденіе и насадить истину. Такъ и нынѣ мы поручаемъ это дѣло (крещеніе) простѣйшимъ изъ пресвитеровъ, а преподаваніе ученія благоумнѣйшимъ; потому что здѣсь нуженъ трудъ и усиліе. Посему и самъ онъ говоритъ: *прилѣжащии добръ пресвитеры сугубья чести да сподобляются, паче же труждающіися въ словѣ и ученіи* (1 Тим. 5, 17). Ибо какъ для обученія ратоборцевъ нуженъ учитель мужественный и искусный, а возлагать вѣнецъ на побѣдителя можетъ и неискусный въ борьбѣ, хотя вѣнецъ и прославляетъ побѣдителя, такъ и въ крещеніи; хотя безъ него невозможно спастись, но не великое дѣло совершаетъ тотъ, кто крестить, принимая расположеннаго и предуготованнаго къ тому.

Не въ премудрости слова, да не испразднится крестъ Христовъ. „Здѣсь переходитъ Апостолъ къ обличенію гордившихся внѣшнею мудростію, и говоритъ противъ нихъ съ особенною силою“ (св. Злат.).

Премудрость слова означаетъ слово, украшенное искус-

ствомъ краснорѣчія и приправленное всевозможными соображеніями ума. Я посланъ, говоритъ Апостоль, благовѣстить безъ этихъ орудій человѣческой мудрости, посланъ предлагать одну голую истину о крестѣ Христо-вомъ,—говорить: Богъ воплотился, пострадалъ, умеръ на крестѣ и спасъ насъ; вѣруйте сему и спасетесь. Такъ я всегда дѣлалъ и дѣлаю: не раскрашиваю слова, не обставляю крестной смерти патетическими картинами, не придумываю никакихъ соображеній умственныхъ о необходимости и пригодности такой смерти къ дѣлу нашего спасенія; одну эту голую истину всюду благовѣствую: Богъ умеръ на крестѣ и спасъ насъ; вѣруйте и спасетесь. На сердца и умы я предоставляю дѣйствовать самой сей истинѣ, безъ всякаго посредства человѣческихъ пособій. Она и находитъ своихъ. Все одно, какъ если навестъ магнитъ на частицы изъ разныхъ металловъ, магнитъ изъ всѣхъ ихъ выберетъ и къ себѣ притянетъ желѣзныя частицы; такъ, когда я простираю слово благовѣстія предъ цѣлымъ собраніемъ людей, слово мое само находитъ своихъ, и тѣ, кои суть отъ истины, сами къ нему обращаются и прилѣпляются. То, что мое слово такое дѣйствіе оказываетъ, надо приписать не моей рѣчи, а самой истинѣ голой и неприкрасной: Богъ умеръ на крестѣ и спасъ насъ. Еслибъ я сталъ ее прикрашивать, то съ нею было бы тоже, что и съ магнитомъ, когда его обернуть тѣмъ, что мѣшаетъ ему дѣйствовать на желѣзо. Оберни я слово крестное прикрасами слова и соображеніями мудрости человѣческой,—я преградилъ бы ему путь дѣйствовать на простыя сердца. И этимъ упразднилъ бы силу его. Никого бы и не обратилъ. И это очень естественно. Раздѣлимъ слушающихъ на двѣ половины: на частныхъ мудрости человѣческой, и на непрчастныхъ ей. Для первыхъ слово о крестѣ, какъ его ни раскра-

пшвай, какъ его ни обставляй соображеніями, никакъ не можетъ быть вмѣстительно. Трудиться для нихъ надъ такимъ словомъ значитъ напрасно терять время и силы. Если есть возможность кому изъ нихъ увѣрывать, то развѣ по предложенію имъ голой истины о крестѣ. Въ прикрасахъ же и соображеніяхъ они всегда найдутъ множество возраженій противъ сей истины, которыя не дадутъ ей установиться въ ихъ умѣ и пройти до сердца, чтобы тамъ положить начатки вѣры. Такъ для ученыхъ прикраса и соображенія не помощь успѣху слова крестнаго, а напротивъ преграда. Преграда они и для неученыхъ, потому что для непривычнаго ума запутываютъ истину въ хитросплетенія рѣчи и въ мудрованія недоступныя простецамъ; и потому еще, что ухищренія рѣчи и изворотливость мыслей всегда навоятъ подозрѣніе, истина ли предлагается. Если истина, говори прямо и просто: что хитритъ? Таковъ законъ сердце простыхъ.

Такимъ образомъ прикраса слова и запутаніе его соображеніями испраздняли бы крестъ Христовъ. Св. Павлу и не велѣно было примѣшивать къ своему благовѣстію этой мудрости слова. И онъ не дѣлалъ этого.

Эта рѣчь Апостола была очень вразумительна для тѣхъ, которые, слишкомъ высоко цѣня человѣческую мудрость, нагородили столько толковъ въ Коринѣѣ. Онъ говорилъ какъ-бы каждому изъ нихъ: „Что ты гордишься тѣмъ, чего слѣдовало бы стыдиться? Ибо если эта мудрость враждебна кресту и противна Евангелію, то слѣдуетъ не хвалиться, а стыдиться ея“ (св. Злат.).

И до сихъ поръ однимъ изъ сильныхъ доказательствъ истины Евангелія служить то, что оно побѣдило міръ безхитростною простотою своею. Св. Златоустъ хорошо изображаетъ эту сторону дѣла: „Потому-то Апостолы

и не были изъ мудрецовъ, не по недостатку дарованій, но дабы проповѣдь не потерпѣла вреда. Мудрецы не содѣйствовали проповѣди, а вредили ей; немудрецы же утверждали ее. Проповѣдь одержала побѣду не человѣческою мудростію, но богатію Божію. Итакъ, когда будутъ говорить, что Апостолы были люди простые, то мы прибавимъ, что они были и неученые, и некнижные, и бѣдные, и незнатные, и немудрые, и неизвѣстные. Не къ безчестію, а къ славѣ Апостоловъ служить то, что они, будучи такими, явились славнѣ всей вселенной. Ибо эти простые, некнижные и неученые мудрыхъ, сильныхъ и державныхъ, хвалившихся богатствомъ, славою и всѣмъ внѣшнимъ, побѣдили такъ, какъ будто это не были люди. Отсюда ясно, что велика сила креста и что все это совершенно не человѣческою силою. Ибо такія дѣла не въ природѣ вещей, а выше природы.“

Ст. 18. *Слово бо крестное погибающимъ убо юродство есть, а спасаемымъ намъ сила Божія есть.*

Почему посланъ благовѣстити не въ премудрости слова? Потому что слово о крестѣ, само по себѣ, для спасаемыхъ есть сила Божія. Слѣдовательно цѣль его достигается и безъ премудрости слова. А для погибающихъ оно юродство есть; и сколько ни раскрашивай его и ни обставляй соображеніями, пользы не будетъ; погибающіе все будутъ юродствомъ его считать и гибнуть.

Слово крестное есть сіе: Богъ воплотившись умеръ на крестѣ и спасъ насъ; вѣруй въ Него и спасешься. *Погибающіе и спасаемые*—какъ будто и опредѣлены—одни на пагубу, а другіе на спасеніе; такъ что какъ ни бейся погибающій, погибнетъ, а спасаемый спасется, сколько ни уклоняйся по временамъ отъ пути спасительнаго. Наблюденіе надъ людьми наводитъ на мысль,

что точно есть будто что-то роковое въ путяхъ чело-
вѣческихъ. Но вѣра удостовѣряетъ, что жизнь чело-
вѣка—вся есть дѣло его свободнаго произволенія, и
если онъ погибаетъ, самъ себя губитъ, и если спа-
сается, не противъ воли влекомъ бываетъ ко спасенію.
Образомъ жизни своей иной дѣйствительно доходить
до того, что не можетъ принять слова крестнаго; а
иной тѣмъ же образомъ жизни доходить до того, что
охотно принимаетъ слово сіе. Первый гибнетъ, второй
спасается. Теченіе жизни со всѣми соприкосновенно-
стями ея хотя не въ нашей волѣ, но нравственный
строй всегда въ нашей волѣ. Потому—то, что одинъ
не принимаетъ крестнаго слова, по образу своихъ мы-
слей и сложившемуся нраву, и чрезъ то гибнетъ, самъ
виноватъ; и то, что другой никакого противленія сему
слову не встрѣчаетъ ни со стороны ума своего, ни со
стороны нрава, потому охотно принимаетъ его и спа-
сается, тоже не имѣетъ ничего, опредѣляющаго его
къ вѣрѣ механически, помимо его произволенія. Св.
Апостоль беретъ тѣ и другія лица, какими они явля-
лись предъ лицомъ его проповѣди. Говоритъ онъ сло-
во въ синагогѣ, въ ареопагѣ, или въ частномъ домѣ:
одни глумятся, другіе предлагаютъ вопросы, а третьи,
въ молчаніи скрывъ слово въ сердцахъ, тайкомъ прихо-
дятъ къ Апостолу на домъ, и окончательно обраща-
ются. Кто привлекъ послѣднихъ? И кто оттолкнулъ
первыхъ? Не знаемъ кто, можемъ сказать и прибавить:
но не Богъ оттолкнулъ первыхъ, потому что Онъ хочетъ
всѣмъ спастися и въ разумъ истины прійти; не Онъ одинъ
влекъ и послѣднихъ, ибо еслибъ Онъ началъ влечь всяка-
го, то всѣ были бы спасены. Такъ исповѣдуемъ. Хотя
здѣсь есть нѣчто непостижимое, но то несомнѣнно, что ни-
чего нѣтъ противнаго благодати Божіей и правдѣ. Апо-
столь словомъ своимъ только утверждаетъ фактъ, то, что

онъ вынесъ изъ наблюденія надъ обращеніями. Одно слово, и слушаютъ его люди одного рода и одной мѣстности, но одни вѣруютъ и спасаются, а другіе не вѣруютъ и гибнутъ. Тѣ у него спасаемые, а эти погибающіе.

Слово крестное для погибающихъ есть безуміе; ожидалось бы, что для спасаемыхъ оно есть премудрость, а онъ говоритъ: для спасаемыхъ сила Божія есть. Не желалъ ли Апостоль, чтобы читающіе дополнили опущенныя будто противоположности, и къ безумію прибавили немощь и безсиліе, а къ силѣ—мудрость? По крайней мѣрѣ въ дальнѣйшемъ раскрытіи своей мысли онъ касается обѣихъ противоположностей и къ концу сводитъ, что Христосъ распятый есть Божія сила и Божія премудрость. Или Апостоль хотѣлъ выставить то, чѣмъ болѣе отталкивается отъ креста гибнущій невѣръ, и чѣмъ болѣе привлекается къ нему спасающійся вѣрующій. Первому крестъ кажется безуміемъ, и онъ отвращается отъ него, а второму видится силою, и онъ прилѣпляется къ нему.

Намѣреніе у Апостола только то, чтобъ сказать, что слово крестное само производитъ свое дѣло, гдѣ нужно, и въ пособіи со стороны мудрости человѣческой не нуждается. Но нельзя не видѣть, что онъ очень неблаговольтельно смотритъ на человѣческую мудрость и подъ погибающими разумѣетъ преимущественно знакомыхъ съ сею мудростію, ей слѣдующихъ и ее одну считающихъ вѣрною руководительницею. Во внѣшней жизни точно эта мудрость господствуетъ, и безвредно: но кто съ нею въ этомъ же значеніи входитъ въ область спасенія, тотъ всегда портитъ дѣло. Образъ спасенія Богъ опредѣляетъ; его надо принять съ покорностью, какъ онъ предлагается. Мудрость же наша, безъ ея покоренія велѣнію Божію, и въ началѣ мѣшаетъ принятію спасительной вѣры, и если, по по-

корномъ принятіи вѣры, вмѣшивается потомъ, то всегда все перепутывается. Путь спасенія рѣшительно несовмѣстимъ съ человѣческою мудростію. Въ словѣ крестномъ она ничего понять не можетъ; а сіе слово— начало и конецъ всего.

Св. Златоустъ говоритъ: „для страждущихъ смертельно бываетъ непріятна и здоровая пища, непріятны друзья и близкіе, которыхъ часто и не узнаютъ они и даже тяготея ихъ присутствіемъ. Такъ обыкновенно бываетъ и съ страждущими душевно: они не знаютъ, что нужно для спасенія, и тяготея тѣми, кто печется о нихъ. Это происходитъ не отъ свойства самаго дѣла, а отъ болѣзни. Какъ помѣшавшіеся въ умѣ не терпятъ тѣхъ, кто заботится о нихъ, и даже порицаютъ ихъ, такъ поступаютъ и невѣрующіе. Будемъ плакать о нихъ, о томъ, что слово о крестѣ, которое есть премудрость и сила, для нихъ есть безуміе. *Слово бо крестное*, говоритъ Павелъ, *погибающимъ юродство есть*. Такъ какъ у язычниковъ крестъ подвергался осмѣянію, то они, вѣроятно, называли ученіе о немъ противнымъ своей мудрости и несогласнымъ съ своимъ ученіемъ; посему Павелъ, вразумляя ихъ, говоритъ: не почитайте его страннымъ и нелѣпымъ; это дѣло по свойству своему таково, что погибающіе не могутъ постигнуть силы его, ибо они потеряли умъ и впали въ безуміе. Потому они поносятъ и ненавидятъ спасительныя врачевства. Что ты говоришь, человѣкъ? Богъ сдѣлался рабомъ, принявъ для тебя *зракъ раба*, былъ распятъ и воскресъ; слѣдовало бы поклониться Воскресшему и подивиться Его челолюбію, какъ все то, чего не сдѣлалъ для тебя ни отецъ, ни другъ, ни сынъ, сдѣлалъ Онъ для тебя, своего врага и оскорбителя; слѣдовало бы удивляться Ему за это; а ты называешь безуміемъ дѣло, испол-

ненное такой мудрости! И неудивительно; ибо погибающимъ свойственно не познавать необходимаго для спасенія. Посему не смущайтесь; нѣтъ ничего страннаго и неожиданнаго въ томъ, что надъ предметами великими смѣются безумные. Такихъ людей невозможно убѣдить человѣческою мудростію; и если станешь убѣждать ихъ такимъ образомъ, то сдѣлаешь противное: ибо для того, что превышаетъ разумъ, нужна одна вѣра. Подлинно, если мы посредствомъ сужденій разума захотимъ объяснять (мудрымъ о себѣ), какъ Богъ сдѣлался человѣкомъ, вселившись во чрево Дѣвы, и не признаемъ этого предметомъ вѣры, то они будутъ только смѣяться. Желаящіе постигнуть это посредствомъ разума, они-то и суть погибающіе.“

Ст. 19. *Писано бо есть: погублю премудрость премудрыхъ, и разумъ разумныхъ отвергу.*

Написано это у Исаи Пророка (29, 14). Тамъ, какъ полагають, слова сіи сказаны въ обличеніе тогдашнихъ мудрыхъ людей, которые царю Езекии, находившемуся въ тѣсныхъ обстоятельствахъ, предлагали совѣты, казавшіеся имъ мудрыми и очень пригожими къ дѣлу. Богъ же, чрезъ Исаю Пророка, объявляетъ, что будетъ то, что у Него положено въ Его божественномъ совѣтѣ. Совѣтъ же сей есть книга запечатанная, которой никто прочесть не можетъ; тутъ и грамотный, какъ неграмотный. Никому не догадаться, что Я сдѣлаю, и когда сдѣлаю, никакая мудрость не разберетъ, почему такъ сдѣлано... *Погублю премудрость премудрыхъ и разумъ разумныхъ сокрою.* Мудрость посрамлена будетъ тѣмъ и разумъ скроется, уничтожится, какъ-бы спрячется. Мудрость посрамится, потому что всё ея способы ни къ чему негожими окажутся, и разумъ скроется, потому что не разберетъ ничего въ томъ, какъ что Мною сдѣлано. Таковы вообще промысли-

тельные суды Божіи, неоднократно оправданные въ исторіи Израильтянъ. Св. Павелъ и приводитъ это мѣсто не какъ пророчество, а какъ законъ промыслительныхъ дѣйствій Божіихъ. Онъ какъ бы говорить: что такъ Господу угодно было сдѣлать, сему дивиться нечего; таковъ законъ Божія Промысла, что повороты въ судьбахъ Его никто постигнуть не можетъ. Никто постигнуть не можетъ и того, почему Онъ устроилъ спасеніе наше крестомъ, и проповѣдь о немъ повелѣлъ вести не въ мудрости слова. Нечего слѣдовательно сюда и втѣсняться съ своею мудростію, и тѣмъ, что она тутъ ничего понять не можетъ, оправдывать свое невѣріе и предлагаемый Богомъ образъ спасенія почитать безуміемъ. По всей исторіи такъ было, что устроенное Богомъ казалось мудрецамъ-людямъ несообразнымъ съ ходомъ дѣлъ и не ведущимъ къ цѣли, на дѣлѣ же оно оказывалось самымъ цѣлесообразнымъ и тѣмъ посрамляло мудрость человѣческую. Вотъ и слово крестное! Смотрятъ на него мудрецы и говорятъ: какое это средство спасенія? Какъ этимъ можно спасти и спастись? А на дѣлѣ оказывается, что оно-то и есть самое дѣйственное средство ко спасенію, и которые принимаютъ его съ вѣрою, спасаются, живо ощущая его спасительную силу. Погубилъ Господь имъ премудрость премудрыхъ и разумъ разумныхъ отвергъ,—оттолкнулъ, такъ что ему осталось только бѣжать и скрывать.

Ст. 20. *Гдѣ премудръ? гдѣ книжникъ? гдѣ совѣтчикъ? въка сего? Не обуи ли Богъ премудрость въка сего?*

Что я говорю правду, продолжимъ рѣчь Апостола, вотъ вамъ доказательство: се крестъ, слово о коемъ спасаетъ вѣрующихъ. Спасительности его отвергать нельзя, ибо опыты сего у всѣхъ предъ глазами: слышать слово крестное, вѣруютъ, принимаютъ крещеніе,

и являются новою тварію; новыми себя они ощущаютъ, новыми видятъ ихъ другіе. Другой у нихъ умъ, другія чувства, другія дѣла. Тѣ, которые за часъ были тоже, что всѣ, по выходѣ изъ купѣли стали совсѣмъ иные. Тамъ они приобщились силѣ крестной. Итакъ не спасительна ли сила креста? Но объясните намъ ее! Гдѣ вы премудрые? Гдѣ книжники? Гдѣ совопросники вѣка сего? Придите, углубитесь вашею мудростію въ дивное дѣло сіе и растолкуйте намъ, отъ чего такъ, что повѣръ только, что Богъ воплотившись умеръ на крестѣ для спасенія нашего, и крестись, и вдругъ сдѣлаешься совсѣмъ другой! Вотъ вамъ цѣлыя общества этихъ обновленныхъ дивнымъ образомъ людей! И никто ни слова. И вотъ дѣло, которымъ Богъ показалъ, что вся мудрость вѣка сего есть безуміе, обуи—обезумилъ ее. А что они называютъ слово крестное, проповѣдь о Распятомъ и вѣру въ Него безуміемъ, то тѣмъ еще болѣе обличаютъ свое безуміе: ибо не безумно ли называть дѣло безумнымъ, когда оно предъ очами всѣхъ оправдываетъ свою мудрость?

„Сказавъ: *писано есть: погублю премудрость премудрыхъ*, онъ присовокупляетъ доказательство на это отъ дѣлъ и говорить: *гдѣ премудрѣ, гдѣ книжникѣ*“ (св. Злат.). Всѣхъ ихъ препобѣдила проповѣдь крестная. Называетъ же *премудрымъ* украшающагося еллинскимъ велерѣчіемъ, *книжникомъ*—іудейскаго учителя, величающагося вѣдѣніемъ закона, а *совопросникомъ* Іудея и Еллина, долго упражнявшагося въ искусствѣ словопренія (Θεод.). Апостоль хотѣлъ сказать: какого бы ранга ни былъ человекъ, хвалящійся мудростію человѣческою, всѣхъ ихъ посрамилъ крестъ; чрезъ него Богъ мудрость ихъ *обуи*, т.-е. „показалъ, что она безумна и къ дѣлу вѣры не гожа. Такъ какъ люди высоко думали о ней, то Онъ прямо обличилъ ее. Что это за мудрость, если

она не можетъ не только найти, даже понять, гдѣ главное благо наше? Онъ обличилъ ея безуміе, потому что она напередъ обличила въ этомъ сама себя“ (св. Злат.).

Ст. 21. *Помеже бо въ премудрости Божіей не разумѣ миръ премудростію Бога. благоизволила Богъ буйствомъ проповѣди спасти върующіихъ.*

„Приводить причину, почему такъ было сдѣлано“ (св. Злат.); т.-е. почему благоугодно было Богу такимъ способомъ устроить наше спасеніе, что онъ мудрости человѣческой кажется буйствомъ. Спасалъ, говорить, Богъ мудростію, не поняли: Онъ и благоизволилъ теперь спасать буйствомъ проповѣди, т.-е. словомъ о крестѣ или Богъ распеншемся, которое мудрости нашей кажется безуміемъ.—Какою премудростію не уразумѣлъ миръ, т.-е. люди Бога? Тою, которую Онъ вложилъ въ насъ, разумомъ, способнымъ различать добро отъ зла, познавать Бога и воздавать Ему достоюльное поклоненіе. Въ какой премудрости не разумѣлъ? Въ премудромъ устроеніи міра, гдѣ Богъ такіе осязательные отпечатлѣлъ слѣды Свои, что непознаніе Его въ твореніи неизвинительно. Апостоль говоритъ здѣсь о естественномъ богопознаніи и богопочтеніи; но не въ томъ смыслѣ, чтобы они были достаточны ко спасенію, когда бы явились въ совершенствѣ, а въ такомъ: вы ратующіе за разумность и мудрость человѣческую такъ высоко ставящіе, что не хотите ничего принять, чтѣ ей кажется непонятнымъ, хотя за истину того ручается Богъ устрояющій и открывающій то, скажите, сдѣлали-ль вы своею разумностію, чтѣ могли сдѣлать и должны были сдѣлать? Предъ вами открылъ Богъ великую Свою книгу—премудро устроенный миръ. Свидѣтельство здѣсь о Богѣ такъ очевидно, что Его какъ бы осязать можно. Что же, вы уразумѣли въ сей премудрости Божіей Бога? Нѣтъ. Если же не уразумѣли, то чтѣ еще тре-

буете разумнаго? Всякое право на то потеряли вы тѣмъ, что не умѣли пользоваться разумностію. Если не умѣли, сознайтесь въ томъ и смиренно покоритесь Божію изволенію спасать насъ буйствомъ проповѣди. Но предоставимъ рѣчь св. Златоусту.

„*Понеже въ премудрости Божіей не разумъ міръ премудростію Бога, то явился крестъ. Что значить въ премудрости Божіей? Въ твореніяхъ, посредствомъ которыхъ Онъ благоволилъ открываться, Онъ устроилъ все такъ, чтобы человѣкъ, переходя отъ предметовъ видимыхъ къ Творцу, удивлялся Ему. Велико небо и необъятна земля; подивись же Творцу ихъ, ибо это великое небо не только Имъ сотворено, но и сотворено легко, и эта необъятная земля произведена Имъ, какъ ничто. Посему о первомъ сказано: *дѣла руку Твоею суть небеса* (Пс. 101, 26); а о землѣ: *сотвори землю, аки ничтоже* (Ис. 40, 23). Такъ какъ міръ не хотѣлъ познать Бога посредствомъ этой премудрости, то Онъ научилъ мнимымъ буйствомъ проповѣди, не чрезъ сужденія (соображенія ума), а чрезъ вѣру. Гдѣ премудрость Божія, тамъ нѣтъ нужды въ человѣческой. Ибо сказать, что Существо, сотворившее столь прекрасный и столь великій міръ, есть Богъ, имѣющій безпредѣльную и неизреченную силу, это было дѣломъ сужденій (соображеній) человѣческой мудрости, и значило постигать Его посредствомъ нихъ; но теперь нужны не сужденія, а одна вѣра. Дабы принять и убѣдиться, что Распятый и Погребенный воскресъ и сѣдитъ горѣ, для этого нужны не сужденія, но вѣра. Апостолы шли не съ мудростію, но съ вѣрою, и явились мудре и выше внѣшнихъ мудрецовъ, и тѣмъ болѣе, чѣмъ принятіе предметовъ божественныхъ вѣрою выше разсужденій, ибо это превышаетъ человѣческій разумъ. Какъ же Онъ погубилъ премудрость? Открывшись намъ чрезъ Павла и*

подобныхъ мужей и показавъ, что она бесполезна. Ибо къ принятію Евангельской проповѣди ни мудрость нисколько не помогаетъ мудрому, ни невѣжество нисколько не препятствуетъ неученому; и даже къ удивленію надобно сказать, невѣжество гораздо скорѣе и легче можетъ принять ее, нежели мудрость. Пастухъ и земледѣлецъ, не увлекаясь сужденіями и предавая себя Господу, скорѣе примутъ ее. Такъ Онъ погубилъ премудрость! Такъ какъ она сама прежде посрамила себя, то и стала затѣмъ ни къ чему негодною. Ибо когда она должна была показать себя и познавать Господа изъ дѣлъ Его, она не хотѣла; а теперь хотя бы и хотѣла содѣйствовать этому, не можетъ; потому что теперь не таково положеніе дѣлъ; есть путь къ богочтенію гораздо лучше ея. Теперь нужна простая вѣра; ее вездѣ надобно искать и предпочитать внѣшней мудрости. Ибо если эта мудрость не открыла ничего тогда, когда можно было изслѣдовать посредствомъ сужденій, то какого успѣха ожидать отъ ней теперь, когда предстоятъ предметы высшіе, когда нужна одна вѣра, а не искусство сужденій. Такъ Богъ показалъ ея безуміе; благоизволилъ же спасти *буйствомъ проповѣди*, впрочемъ буйствомъ не дѣйствительнымъ, но кажущимся.“

Только выразился такъ Апостоль: *буйствомъ проповѣди*; мысль же его та, что Богъ спасаетъ вѣрующихъ посредствомъ высочайшей премудрости, такой мудрости, предъ которою самый великій умъ безумѣетъ, ничего не постигая въ ней. Какъ великій свѣтъ мы называемъ ослѣпительнымъ свѣтомъ, такъ высочайшая премудрость есть обуювающая умъ премудрость. Этой-то премудрости проповѣдію благоизволилъ Богъ спасать теперь вѣрующихъ. Ибо когда умъ обуювается сею премудростію, то принимать ее уже нечѣмъ, кромѣ вѣры.

Ст. 22. 23. *Понеже и Иудее знаменія просятъ, и Еллини премудрости ищутъ: мы же проповѣдуемъ Христа распята, Иудеямъ убо соблазнъ, Еллиномъ же безуміе.*

Объясняетъ св. Павелъ, что проповѣдь, какую онъ и другіе Апостолы ведутъ по Божію повелѣнію, точно есть буйство, и что однакожь несмотря на это она спасаетъ. Онъ говоритъ какъ бы: что точно Богъ устрояетъ спасеніе всѣхъ буйствомъ проповѣди, на это не нужны умственные доказательства, а смотрите на то, что дѣлается во очію всѣхъ и увидите, что такъ есть. Богъ насъ избралъ и послалъ проповѣдать спасеніе и Иудеямъ и Еллинамъ. Что же именно проповѣдать?—Вѣруйте во Христа распятаго и спасетесь. Мы такъ и дѣлаемъ: куда ни придемъ, и Иудеямъ и Еллинамъ говоримъ: вѣруйте во Христа распятаго и спасетесь. Смотря на насъ, не долженъ ли всякій сказать: не безуміе ли вести такую проповѣдь? Какого успѣха можете вы ожидать отъ такой проповѣди? Вы говорите: вѣруйте въ Распятаго и спасетесь. Но для Иудея это соблазнъ, а для Еллина безуміе. Кто васъ станетъ слушать и вѣровать? Иудею дай знаменіе, Еллину представь какую-нибудь мудрую систему философскую и предложи ее въ привлекательной формѣ, тогда можетъ быть они откроютъ ухо для вашей проповѣди, а такъ, какъ вы дѣлаете,—это настоящее буйство: ибо это значитъ хотѣть достигнуть цѣли средствами не только не ведущими къ цѣли, а напротивъ отдаляющими отъ ней.—Такъ и смотрѣли на сію проповѣдь погибающіе. Апостоль приводитъ здѣсь свидѣтельство опыта.

Иудее знаменія, просятъ. Но вѣдь и были знаменія, и отъ Христа Спасителя и отъ Апостоловъ. Что же хочеть сказать симъ Апостоль? Или то, что они все просятъ знаменій и чудесъ,—просятъ все больше и

больше знаменій, не удовлетворяясь тѣми, какія видѣть. Сколько знаменій явилъ Господь?! И однакожь они, видѣвъ многія изъ нихъ, подходятъ къ Нему и говорятъ: Учитель, хотимъ отъ Тебя знаменія видѣти. Хотятъ они знаменій, но когда ихъ дадутъ, не хотятъ, чтобы на основаніи этого заставляли ихъ измѣнить свои надежды и убѣжденія; а безъ этого обойтись нельзя: вотъ они и начинаютъ криво толковать видѣнное знаменіе и желать другаго. Такъ безъ конца.

Или то разумѣлъ Апостоль: знаменія просятъ, а мы не можемъ ихъ давать, когда ни захотимъ. Это дѣло Божіе. Когда угодно Богу, тогда Онъ творитъ чрезъ насъ знаменіе; а когда не угодно, не творитъ. А проповѣдь все-таки мы должны предлагать и предлагаемъ.

Или та мысль у него,—что Іудеи ждуть какого-либо разительнаго знаменія, въ родѣ того, какъ сдѣлалъ Моисей, избавивши Израильтянъ отъ Египта и проведши ихъ сквозь море, въ коемъ погрязъ Фараонъ съ воинствомъ. Тогда по всѣмъ народамъ огласилось это чудо. И теперь бы такъ. Еслибы Господь явился въ свѣтлости Божія величія и поразилъ всѣ народы, а Израиля возвеличилъ, то больше этого знаменія для Іудея не нужно бы.

Христось Господь, живя среди Іудеевъ, оставилъ по Себѣ благоговѣйную память и Своимъ нравственнымъ характеромъ, и ученіемъ, и знаменіями. Память объ этомъ много могла бы содѣйствовать проповѣди. Но крестная смерть все разстроила. Ибо въ глазахъ Іудея смерть на крестѣ есть нѣкая кара небесная. Между тѣмъ проповѣдь говорила имъ: вѣруй въ Распятаго и спасешься. Мысль о распятіи соблазняла ихъ, и они отвращали слухъ отъ сей проповѣди.

Еллини премудрости ищутъ. Желаютъ, чтобы имъ предложено было какое-либо мудрое ученіе и притомъ

рѣчью прекрасною по формѣ; а имъ предлагаютъ сказаніе объ одномъ событіи, самомъ непріятномъ—распятіи человѣка, и говорятъ: вѣруй и спасешься. Чего можно ожидать отъ нихъ каждому проповѣднику, кромѣ: *что хочетъ суесловивый сей глаголати?* (Дѣян. 17, 18). Ученіе о спасеніи крестною смертію Бога воплощеннаго, какъ она раскрыта потомъ Апостолами, представляетъ возвышеннѣйшую и стройнѣйшую метафизическую систему, начинающуюся въ предвѣчности, обнимающую все временное и кончающуюся въ безконечной вѣчности. Но ученіе въ такомъ объемѣ предлагалось не въ началѣ, не новичкамъ, а уже преуспѣвшимъ въ христіанствѣ, какъ ниже и пишетъ св. Павелъ (2, 6 и д.). Въ началѣ же проповѣдь всегда была проста: Богъ воплотившись умеръ на крестѣ; вѣруй и спасешься. Еллину эта проповѣдь не могла не казаться безуміемъ. Какой Богъ, когда распятъ? Если распятъ, значитъ Себя не могъ спасти: какъ же можетъ Онъ спасти другихъ,—и еще всѣхъ, всю вселенную? Это ни съ чѣмъ не сообразно (св. Злат.). Смотря же такъ на проповѣдь, какъ могъ онъ вѣровать?

Такимъ образомъ очевидно, что Богъ устроилъ во спасеніе проповѣдь, которая для всѣхъ должна была представляться буйствомъ. Буйствомъ она казалась и однакоже спасала, и тѣмъ доказывала, что въ ней сокрыта высочайшая премудрость и божественная сила.

Ст. 24. *Самимъ же званнымъ, Иудеямъ же и Еллинамъ Христа. Божію силу и Божію премудрость.*

Какимъ образомъ дѣлалось, что инныя души, несмотря на этотъ кажущійся соблазнъ и это видимое безуміе, проникали сквозь этотъ невзрачный покровъ и узрѣвали въ существѣ проповѣди спасительную силу и премудрость, это тайна Божія. Св. Павелъ и не объясняетъ этого, а только свидѣтельствуетъ, что такъ бы-

ло. Такъ было это съ душами, которыя выше онъ называлъ спасаемыми, а здѣсь наименовалъ званными. То и другое указываетъ на Божіе избраніе, и хотя конечно не безъ участія произволенія человѣческаго, такъ однакожь, что мудрость человѣческая никакого въ этомъ участія не имѣла.

И вотъ этимъ-то блаженнымъ душамъ, изъ Іудеевъ и Еллиновъ, проповѣдь, бывшая для другихъ соблазномъ и безуміемъ, представляла божественную силу и божественную премудрость. Въ такомъ смыслѣ принявши ее, онъ вѣровали и спасались. Заподлинно онъ удостовѣрялись въ сей силѣ и премудрости, когда въ крещеніи спогребались распятому Господу, и вкушали спасительность креста. Но все, что здѣсь получалось, предображалось въ вѣрѣ; и потому получалось, что увѣровано было.

„Одно и то же—и премудрость и буйство, и сила и немощь; буйство и немощь невѣрующимъ, премудрость же и сила вѣрующимъ. Ибо и солнце—видящимъ свѣтъ, а слѣпотствующимъ тьма. Но не оно приноситъ тьму, а болѣзнь задерживаетъ свѣтлость луча. Такъ и гной невѣрія возбраняетъ свѣту боговѣдѣнія озарить душу“ (Феод.).

Св. Златоустъ говоритъ: „Великая сила заключается въ этихъ словахъ Апостола! Онъ хочетъ показать, какъ Богъ побѣдилъ тѣмъ, что повидимому не обѣщало побѣды, и какъ проповѣдь не есть дѣло человѣческое. Слова его означаютъ слѣдующее: когда мы говоримъ Іудеямъ: вѣруйте, то они возражаютъ: воскресите мертвыхъ, испѣлите бѣснующихся, покажите намъ знаменія. Что же вмѣсто этого говоримъ мы? Говоримъ, что Проповѣдуемый нами распятъ и умеръ. Это повидимому не только не можетъ привлечь противляющихся, но можетъ отогнать и непротивляющихся; однако-

же не отгоняетъ, а привлекаетъ, удерживаетъ и покоряетъ. Язычники съ своей стороны требуютъ отъ насъ краснорѣчія и искусства въ сужденіяхъ; а мы и имъ проповѣдуемъ крестъ. Иудеямъ это кажется безсиліемъ, а Еллинамъ безуміемъ. Если же мы предлагаемъ имъ не только не то, чего они требуютъ, но и противное тому, ибо крестъ по сужденію разума представляется не только не знаменіемъ, но тѣмъ-то противнымъ знаменію, не только не знакомъ силы, но знакомъ безсилія, не только не выраженіемъ мудрости, но доказательствомъ безумія,—если требующіе знаменій и мудрости не только не получаютъ требуемаго, но еще слышатъ отъ насъ противное тому, чего требуютъ, и однакожь этимъ противнымъ убѣждаются, то не есть ли это дѣло неизреченной силы Проповѣдуемаго? Апостолы побѣдили не только не знаменіями, но тѣмъ, что повидимому противно знаменіямъ. Такъ Христосъ поступилъ съ слѣпымъ: желая даровать ему исцѣленіе, Онъ уничтожилъ слѣпоту тѣмъ, что производитъ слѣпоту, *положи брение* (Іоан. 9, 15). Какъ слѣпаго Онъ исцѣлилъ брениемъ, такъ вселенную привлекъ къ Себѣ крестомъ, тѣмъ, что повидимому увеличивало соблазнъ, а не уничтожило его. Такъ слѣлалъ Онъ и при сотвореніи, устроая противное противнымъ: оградилъ море пескомъ, обуздавъ сильное слабымъ. Черезъ Пророковъ творилъ, что желѣзо всплывало изъ воды посредствомъ малаго дерева (4 Цар. 6, 6). Такъ и вселенную Онъ возстановилъ посредствомъ креста. Такимъ образомъ убѣждать противнымъ есть знакъ великой силы и премудрости. Крестъ повидимому производитъ соблазнъ, и однако онъ не только не соблазняетъ, но и привлекаетъ. Все это представляя и удивляясь, Павелъ говоритъ:—

Ст. 25. *Зане буетъ Божіе, премудрѣе чловѣкъ есть: и немощное Божіе, крѣпчае чловѣкъ есть.*

Т.-е. что Богъ учреждаетъ и вводитъ въ жизнь, то, хотя нашей мудрости кажется буйимъ и немощнымъ, на дѣлѣ премудрѣе есть всего мудраго, что могутъ придумать люди, и сильнѣе всего, что могутъ сдѣлать люди. „Апостоль буйимъ и немощнымъ Божимъ, по мнѣнію несмысленныхъ, называетъ тайну креста, и доказываетъ, что она превозмогла и мудрыхъ, и сильныхъ“ (Феод.). Казалось мудрости чловѣческой, что крестъ — свидѣтельство немощи и вѣрвать въ него неразуміе; а на дѣлѣ совсѣмъ другое было: вѣрующіе въ него исполнялись силою и премудростію. „Говоря о буйствѣ и немощи креста, Апостоль разумѣетъ не то, чтобы онъ былъ дѣйствительно таковъ, но кажется такимъ; ибо онъ говоритъ примѣнительно къ мнѣнію противниковъ. Чего не могли сдѣлать философы посредствомъ разсужденій, то сдѣлано кажущимся безуміемъ. Кто же мудрѣе? Тотъ ли, кто убѣждаетъ многихъ или тотъ, кто не убѣждаетъ никого? Платонъ сколько старался доказать, что душа безсмертна, но не сказалъ ничего яснаго и не убѣдилъ никого! Напротивъ крестъ чрезъ неученыхъ убѣдилъ и обратилъ цѣлую вселенную, убѣдилъ не въ предметахъ маловажныхъ, но въ ученіи о Богѣ, истинномъ благочестіи, Евангельской жизни и будущемъ судѣ; онъ сдѣлалъ любомудрыми всѣхъ, и земледѣльцевъ, и неученыхъ. Такъ буетъ Божіе премудрѣе и немощное Божіе крѣпчае чловѣкъ есть. Чѣмъ крѣпчае? Тѣмъ, что оно распространилось по всей вселенной, покорило всѣхъ своей власти, и, тогда какъ безчисленное множество людей усиливалось истребить имя Распятаго, сдѣлало противное. Это имя прославлялось и возрастало болѣе и болѣе, а они погибали и исчезали: живые, возставая противъ

Преданнаго смерти, не могли сдѣлать ничего. Что благодатию Божіею совершили мытари и рыбаки, того и философы, и риторы, и властелины, и вообще вся вселенная, при безчисленныхъ усиліяхъ, не могли даже и представить. Чего не сдѣлалъ крестъ! Онъ ввелъ ученіе о безсмертіи души, о воскресеніи тѣль, о презрѣніи настоящихъ благъ и надеждѣ благъ будущихъ; онъ сдѣлалъ людей ангелами; имъ всѣ и вездѣ стали любознательными и способными ко всякой добродѣтели* (св. Злат.).

66).

И въ числѣ вѣрующихъ немного мудрыхъ и видныхъ лицъ; но увѣровавъ, они получаютъ высокое духовное достоинство

1. 26—31.

„Выше выразилъ Апостоль, что мудрость человѣческая отвергнута, и доказалъ это, какъ свидѣтельствомъ Писаній, такъ и самыми событіями; свидѣтельствомъ Писаній, въ словахъ: *погублю премудрость премудрыхъ*; а событіями въ предложенномъ вопросѣ: *гдѣ премудръ, гдѣ книжникъ?* За тѣмъ доказалъ, что это было и полезно, и нужно: *понеже бо въ премудрости Божіей не разумъ міръ премудростію Бога, благоизволи Богъ буйствомъ проповѣди спасти вѣрующихъ*; что крестъ есть доказательство неизреченной силы и премудрости, и что *буетъ Божіе* гораздо выше человѣческой мудрости. Теперь онъ доказываетъ тоже не со стороны учителей, но и со стороны самыхъ учениковъ: *видите бо, говорить, званіе ваше** (св. Злат.).

Ст. 26. *Видите бо званіе ваше, братіе: яко не мнози премудри по плоти, не мнози сильни, не мнози благородни.*

Одно къ одному идетъ. Какъ Богу угодно было устроить спасеніе крестомъ, на видъ немощныхъ, безславныхъ

и ничего мудраго не представляющимъ, то на пропо-
вѣдь о немъ изъ мудрыхъ, славныхъ и сильныхъ міра
никто почти и не идетъ, а идутъ большею частію не-
мудрые, несильные и незнатные. Осмотрите всѣхъ
братій вѣрующихъ, и удостовѣритесь, что такъ есть.
Но это ни креста не унижаетъ, ни васъ. Ибо такъ
быть дѣлу Богъ благоволилъ. Онъ позвалъ васъ. Это
званіе и избраніе честь ваша, высшая всѣхъ славъ
земныхъ. Честь же креста въ томъ, что увѣровавъ вы
не остаетесь, какъ были, но преобразуетесь въ духъ,
и получаете такія преимущества, предъ которыми всѣ
преимущества міра ничто. Словомъ: *званіе* означаетъ
званныхъ всѣхъ.

„*Яко не мнози.* Не сказалъ: ни одного нѣтъ пре-
мудраго, ни одного сильнаго, ни одного благороднаго;
потому что и изъ нихъ были увѣровавшіе, но говорить:
не мнози, потому что большее число увѣровавшихъ
было изъ людей бѣдныхъ“ (Феод.). Виднымъ по плоти
мѣшала вѣровать гордость, а невиднымъ, смиреннымъ,
не мѣшали вѣровать ни неразвитость ума, ни грубость
правовъ. Смиренная вѣра ихъ силою креста облекала
духъ ихъ высокими совершенствами. Св. Златоустъ
пишетъ на сіе: „Не только учителя неученые, но и учени-
ки избраны такіе же: *яко не мнози*, говоритъ, *мудри по
плоти.* Такъ открывается большая сила и большая пре-
мудрость, когда убѣждаются многіе и притомъ немудрые.
Ибо самое трудное дѣло убѣдить невѣжду, особенно
когда внушаются предметы важные и великіе. И одна-
ко ихъ убѣдили, чему свидѣтелями представляетъ ихъ
же самихъ: *видите бо званіе ваше, братіе*, т.-е. посмо-
трите, помыслите. Что значить: *по плоти*? По види-
мости, по-житейски, по внѣшнему ученію. Дабы не
подумали, что онъ противорѣчитъ себѣ (ибо онъ убѣ-
дилъ и проконсула и ареопагита, и Аполлоса, и другіе

мудрые, какъ мы знаемъ, принимали проповѣдь), не говорить: никто изъ мудрыхъ, но: *не мнози мудри*. Ибо онъ не исключительно призывалъ невѣждъ, а мудрыхъ отвергалъ, но принималъ и послѣднихъ, а гораздо больше первыхъ. Почему же? Потому что мудрый по плоти исполненъ великаго неразумія, и особенно онъ бываетъ неразумнымъ тогда, когда не хочетъ отвергнуть нечестиваго ученія. Какъ въ томъ случаѣ, когда какой нибудь врачъ хочетъ научить другихъ своему искусству, люди, знающіе кое-что, но худо и превратно пользующіеся этимъ искусствомъ и упорные, не скоро могутъ научиться, а незнающіе ничего могутъ скорѣе принять ученіе; такъ было и здѣсь. Невѣжды убѣждались скорѣе, потому что они не имѣли того крайняго безумія, чтобы считать себя мудрыми. *Не мнози сильни, не мнози благородни*. Ибо и такіе люди бываютъ исполнены гордости; а ничто столько не вредитъ истинному Богопознанію, какъ гордость и пристрастіе къ богатству; потому что преданные имъ за великое считаютъ настоящее, нисколько не заботятся о будущемъ и заграждаютъ слухъ свой множествомъ попеченій.“

Крестъ сдѣлалъ, что стали презирать все, чѣмъ показанъ бываетъ человѣкъ совнѣ, и напротивъ ревновать о совершенствахъ въ духѣ, кои суть и настоящее благородство, и настоящее властвование, и настоящая мудрость, посрамляющія мудрость, силу и благородство внѣшнія.

Ст. 27. 28. *Но буяя міра избра Бога, да премудрѣя посрамитъ: и немощная міра избра Богъ, да посрамитъ крѣпкая: и худородная міра и уничтоженная избра Богъ, и не сущая, да сущая упряднитъ.*

Буяя міра—люди необразованные, невѣжды не въ словѣ только, но и въ познаніяхъ; *немощная міра*—бѣдные, никакого вѣса въ обществѣ и власти не имѣю-

шіе; *худородная міра и уничиженная*—люди простаго званія, низкаго происхожденія; *не сущія*, которыхъ всё за ничто почитаютъ. Противоположные имъ люди *премудрыя*, не образованные только, но паче высящіеся своимъ образованіемъ и знаніемъ; *крѣпкіе* — сильные властію и вѣсомъ, и богатствомъ въ обществѣ, и на нихъ опирающіеся, и прочность состоянія своего въ нихъ полагающіе; *сущіе* — которые одни будто и есть въ обществѣ, а тѣхъ нѣтъ, знатные и по рожденію и по чести. Богъ избралъ, говоритъ, первыхъ, чтобы *посрамить и упразднить* послѣднихъ. Но какъ? Если бы Богъ, избравъ первыхъ, оставилъ ихъ, какъ они есть, то чрезъ это никакого бы посрамленія не было послѣднимъ. Но Онъ, оставляя первыхъ по вѣщности, какъ и были, исполнилъ ихъ совершенствами въ духѣ, такими высокими и такъ рѣзко выдававшимися, что послѣдніе не могли ихъ не замѣтить и не могли не сознать, что эти совершенства несравненно выше тѣхъ, какія они имѣютъ. Сознать, что тѣ, которыхъ они ни во что вмѣняли, стали несравненно выше ихъ, — вотъ въ чемъ посрамленіе. Входя въ соприкосновеніе съ ними, благородные видѣли въ уничиженныхъ высокое благородство нрава, чувствъ и расположеній, которыхъ сами не имѣли и которыхъ не давало имъ рожденіе по плоти: крѣпкіе видѣли въ немощныхъ власть надъ собою, не нарушаемую никакими страстями, и спокойствіе духа, не колеблемое никакимъ стеченіемъ неблагопріятныхъ вѣщныхъ обстоятельствъ, видѣли власть и спокойствіе, которыхъ были чужды сами и которыхъ не давала имъ ихъ вѣшняя власть; премудрыя видѣли въ буйныхъ свѣтлость понятій о всемъ, и о Богѣ, и о мірѣ, и паче о человѣкѣ, зачѣмъ онъ на землѣ, что его ожидаетъ за гробомъ, и какъ сдѣлать, чтобы перейти туда не на муки, а на блаженство, — видѣли

понятія, предъ которыми ихъ собственныя, съ такимъ трудомъ добытыя, ничто и по скудости, и по недалекости, и по темнотѣ и неопредѣленности. Увидѣвъ все это, лица видныя по плоти не могли не чувствовать себя посрамленными. Опыты показали многократно, что восчувствовавъ себя посрамленными, они бросали все, что считали цѣннымъ, обращались къ вѣрѣ и вступали смиренно въ общество тѣхъ, которыхъ прежде вмѣняли ни во что. Такъ Богъ устроилъ потому, что нельзя было иначе отвлечь умы отъ плотскаго и видимаго, какъ представивъ предъ очи ихъ такъ разительно преимущества совершенствъ духовныхъ, при внѣшней невидности и обнаженіи отъ преимуществъ плоти.

„Апостоль буйимъ, немощнымъ и худороднымъ называлъ по мнѣнію человѣческому; ибо истинное буйство (безуміе) не неопытность въ словѣ, но неимѣніе вѣры: и немощность и худородство—не нищета, но нечестіе и порочность нравовъ. Богъ же всяческихъ неучеными побѣдилъ ученыхъ, нищими — богатыхъ, и рыбарями уловилъ вселенную“ (Ѳеод.).

„Великая побѣда — побѣждать посредствомъ немудрыхъ. Ибо язычники не столько посрамляются тогда, когда побѣждаются мудрецами, сколько тогда, когда видятъ, что люди, работающіе собственными руками и принадлежащіе къ простому народу, любознательствуютъ лучше ихъ. Посему Павелъ и сказалъ: *да премудрѣя посрамитъ. И не только съ этимъ, но то же сдѣлалъ Богъ и съ другими преимуществами житейскими. И немощная міра избра, да посрамитъ крѣпкая. Не только неученыхъ, но и бѣдныхъ, презираемыхъ и незнатныхъ Онъ призвалъ, чтобы посрамить сильныхъ. И худородная міра, уничиженная и не сущая, да сущая упряднитъ. Что здѣсь называется не сущая? Тѣ, которыхъ за ничто считаютъ. Такъ Онъ явилъ великую силу, низлагая великихъ черезъ тѣхъ, которые ка-*

зались ничѣмъ, какъ Онъ и въ другомъ мѣстѣ говоритъ: *сила моя въ немощи совершается* (2 Кор. 12, 9). Ибо нужна великая сила, чтобы людей, уничиженнѣйшихъ и никогда не занимавшихся никакимъ ученіемъ, вдругъ научить любомудрствовать о томъ, что выше неба. Врачу и ритору и всѣмъ другимъ мы удивляемся особенно тогда, когда они успѣшно убѣждаютъ и научаютъ невѣждъ. Если же великое дѣло—внушить невѣждѣ ученіе о какомъ-нибудь искусствѣ, то тѣмъ болѣе такую мудрость. Впрочемъ Богъ сдѣлалъ это не только для удивленія или для показанія Своей силы, но и для того, чтобы смирить превозносящихся. Посему Апостоль, какъ выше сказалъ: *да премудрѣя посрамитъ, да сущія упряднитъ*, такъ и здѣсь говоритъ“ (св. Злат.).

Ст. 29. *Яко да не похвалится всяка плоть предъ Богомъ.*

Да не похвалится всяка плоть, т.-е. всякій чело-вѣкъ предъ Богомъ. Ибо нечѣмъ похвалиться. Людямъ виднымъ по плоти нечѣмъ хвалиться, ибо духовнаго ничего не имѣютъ, а внѣшняя ихъ показность обличена и посрамлена, какъ неимѣющая никакой цѣны. Люди невидные по плоти, бывъ призваны къ духовнымъ совершенствамъ, внѣшно оставлены въ той же смиренной долѣ; внутреннее же ихъ, какъ ни высоко, считается осязательно даромъ благодати, ничѣмъ со стороны ихъ не заслуженнымъ. Такимъ образомъ устроенное Богомъ спасеніе вѣрою въ слово крестное ведетъ прямо къ тому, чтобы ни одна плоть не хвалилась предъ Богомъ.

Или подъ *плотію* разумѣется плотское, внѣшнее, видимое, и мысль здѣсь такая: да не похвалится ничто плотское, да не считается оно чѣмъ-либо важнымъ, стоящимъ вниманія, и обладающіе имъ да не хвалятся:

я богатъ, я ученъ, я знатенъ. Все это ни къ чему достойному цѣненія не ведетъ, напротивъ отклоняетъ отъ него. Вотъ Богъ призвалъ не тѣхъ, которые обладаютъ ими, а тѣхъ, которые не имѣютъ ихъ, и когда призвалъ, не ими обогатилъ ихъ, а совершенствами въ духѣ; ихъ же и по призваніи такъ же отвергъ, какъ не воззрѣлъ на нихъ въ призваніи. Такъ-то не стоитъ хвалить видное по плоти, или хвалиться имъ. Высоко-назидательныя наведенія дѣлаетъ подъ этимъ мѣстомъ св. Златоустъ.

„Такъ сдѣлалъ Богъ для того, чтобы смирить гордость и надменность, чтобы низложить самохвальство. Особенно же Онъ этимъ показалъ, что намъ невозможно спастись самимъ собою. Такъ Онъ устроилъ и въ началѣ: ибо и тогда невозможно было достигать спасенія самимъ собою, а нужно было созерцать красоту неба и величіе земли и изслѣдовать природу другихъ созданій, чтобы восходить къ Творцу тварей. Этимъ Онъ хотѣлъ низложить имѣвшую явиться надменность. Подобно тому, какъ учитель, приказавшій своему ученику слѣдовать туда, куда ведетъ его, когда видитъ, что ученикъ забѣгаетъ впередъ и хочетъ научиться всему самъ собою, то оставляетъ его блуждать и давъ ему испытать, что онъ самъ собою научиться не можетъ, тогда уже начинаетъ самъ руководить его, такъ и Богъ въ началѣ повелѣлъ идти путемъ созерцанія тварей, а когда люди не захотѣли этого, то Онъ, давъ имъ испытать, что они сами собою идти не могутъ, сталъ вести ихъ къ Себѣ иначе. Онъ намъ далъ міръ, какъ бы дщицу (скрижаль); но философы объ этомъ не думали, не хотѣли повиноваться Ему и идти къ Немѣ тѣмъ путемъ, которымъ Онъ повелѣлъ. Посему Онъ предложилъ другой путь яснѣйшій перваго и обучающій, что человѣкъ одинъ самъ по себѣ не-

достаточенъ для себя. Прежде можно было предаваться и разсужденіямъ, пользоваться и внѣшнею мудростію, при руководствѣ природы; а теперь кто не будетъ *буимъ*, т.-е. не оставитъ всякія разсужденія и всякое мудрованіе и не предастся вѣрѣ, тотъ не можетъ спастись. Такимъ образомъ Онъ совершилъ не маловажное дѣло: предложилъ удобный путь, а вмѣстѣ уничтожилъ бывшую болѣзнь и научилъ не хвалиться и не высокоудрствовать: *яко да не похвалятся всяка плоть*. Много бѣды происходитъ отъ того, что люди хотятъ быть мудрѣ законовъ Божіихъ и не хотятъ учиться такъ, какъ Онъ заповѣдалъ: потому ничему и не научаются. Такъ было и въ началѣ. Богъ сказалъ Адаму: это дѣлай, а этого не дѣлай; но онъ, думая найти что-то большее, не послушался, и потерялъ то, что имѣлъ. Потомъ Онъ сказалъ: не останавливайтесь на тваряхъ, но чрезъ нихъ познавайте Творца, а люди, какъ бы отыскивая что-то мудрѣйшее, построили себѣ безчисленные лабиринты; потомъ и сами потерялись и другъ съ другомъ пришли въ столкновение, ни Бога не нашли, ни о тваряхъ не узнали ничего яснаго и не составили о нихъ надлежащаго и вѣрнаго понятія. Послѣ этого, желая рѣшительно уничтожить ихъ высокомѣріе, Онъ призвалъ прежде всего людей простыхъ, и тѣмъ показавъ, что всѣ имѣютъ нужду въ премудрости свыше. Не только въ отношеніи къ познанію, но и во всѣхъ другихъ отношеніяхъ люди и всѣ прочія твари имѣютъ великую въ Немъ нужду; и это Онъ сдѣлалъ для того, чтобы дать имъ сильное побужденіе къ покорности и преданности, дабы они, отлучившись отъ Него, не погибли. Посему Онъ и не попустилъ имъ быть самодовольными. Ибо если и теперь, когда имѣютъ въ Немъ нужду, многіе оставляютъ Его, то если бы этого не было, до какого забвенія дошли бы они? Не по зави-

сти Онъ лишилъ ихъ основанія къ самохвальству, но чтобы избавить ихъ отъ погибели, происходящей отсюда.“

Ст. 30 *Изъ Негоже вы есте о Христѣ Иисусѣ, Иже бысть намъ премудрость отъ Бога, правда же и освященіе и избавленіе.*

Избралъ Богъ бѣихъ, немощныхъ, худородныхъ, такъ что съ этой стороны нечѣмъ намъ похвалиться. „Не думайте однакоже, что лишивъ насъ основанія похвалиться чѣмъ либо, Онъ такъ и оставилъ насъ; нѣтъ, Онъ даровалъ намъ другую похвалу, большую“ (св. Злат.). Въмѣсто видимыхъ ничтожныхъ преимуществъ, Онъ обогащаетъ вѣрующихъ преимуществами духовными, самаго высокаго достоинства. Не имѣютъ они благородства крови по плотскому происхожденію; на мѣсто этого дается имъ богородство по духовному происхожденію. Изъ *Негоже*, говоритъ, *вы есте*, т.-е. изъ Бога. Этимъ указываетъ Апостоль не на начало бытія, а на новое рожденіе духовное, о коемъ сказано: *елшцы пріяшн Его* (Христа Господа, Сына Божія воплотившагося), *даде имъ область чадомъ Божиимъ быти, вѣрующимъ во имя Его. Иже не отъ крове, ни отъ похоти плотскія, ни отъ похоти мужескія, но отъ Бога родишася* (Іоан. 1, 12—13). Почему и говоритъ: *изъ Негоже вы есте о Христѣ Иисусѣ*. По вѣрѣ во Христа Иисуса распятаго вы стали рожденными отъ Бога въ купѣли крещенія. Вы—чада Его и сдѣлались ими чрезъ Христа. Вы стали благороднѣе всѣхъ, потому что имѣете Отцемъ Бога; и виновникъ этого благородства Христосъ Господь (св. Злат., Феод.).

Иже бысть намъ премудрость отъ Бога. Мѣрская мудрость не принята въ область вѣры и въ дѣло спасенія. Въмѣсто ея вѣрующіе исполняются премудростію божественною, тою, которая отъ Бога. Премудрость сія совмѣщаетъ свѣтлыя понятія о всемъ сущемъ и

бывающемъ о Богѣ, въ Троицѣ поклоняемомъ, о твореніи и промышленіи, о паденіи и возстаніи, о воплощеніи Бога Слова, Его крестной смерти, воскресеніи, сѣдѣніи одесную Отца, и Духа Святаго ниспослани, объ устроеніи Церкви, о дарахъ христіанамъ, о надеждахъ ихъ и способахъ не сдѣлать ихъ тщетными, о томъ, что есть жизнь настоящая, и какъ устроиться, чтобы сподобиться блаженной вѣчности. Всѣ эти понятія, изъ которыхъ каждое недосязуемо для самой высокой философіи, дѣлаются достояніемъ всякаго крещаемого, въ первыхъ начаткахъ жизни его о Христѣ Иисусѣ. Христосъ Иисусъ есть намъ сія *премудрость отъ Бога*, потому что Онъ принесъ ее съ неба отъ Отца и сообщилъ намъ сначала Самъ, а потомъ чрезъ Апостоловъ. „Но почему Апостоль не сказалъ: умудрилъ насъ, а: *бысть намъ премудрость?* Этимъ Онъ показываетъ обиліе дара“ (св. Златоустъ). И потому такъ сказано, что Христосъ Господь самъ въ себѣ совмѣщаетъ всѣ исчисленныя понятія и другія многія. Стань разсуждать объ Немъ, то въ одномъ Его лицѣ найдешь всю премудрость. Тутъ и троичность Лицъ, и твореніе съ промышленіемъ, отъ паденія искупленіе, и облагодатствованіе, и надежды въ будущемъ съ обязательствами въ настоящемъ, и всѣ таинства спасенія. И большее еще нѣчто можно при семъ помыслить. Поелику Онъ есть самая премудрость, вѣрующіе же, сочетавааясь съ Нимъ, бываютъ единъ духъ съ Нимъ; то, общаясь съ Нимъ такъ прискренно, они дѣлаются причастниками и Его мудрости. Но всячески здѣсь показывается, что единственный источникъ христіанской мудрости есть Христосъ Господь. Другаго источника ей нѣтъ. Есть слово откровенное; но оно только начальное руководство. Настоящей мудрости надлежитъ быть научену Богомъ, по древнему еще обѣтованію.

Правда же и освященіе и избавленіе. Нѣтъ у вѣрующихъ богатства и силы внѣшней; но есть богатство духовное и сила нравственная: правда, освященіе и избавленіе. Господь Іисусъ Христосъ — наша *правда*, потому что о имени Его дается отпущеніе грѣховъ и благодать, укрѣпляющая на дѣланіе всякаго добра. Онъ — наше *освященіе*, потому что подъ знаменемъ Его, подъ Его руководствомъ и Его силою ведемъ борьбу со страстями и похотями, а чрезъ нихъ съ міромъ и діаволомъ, и достигаемъ чистоты не по внѣшнему только поведенію, но и по потаенному сердца человѣку, чистоты, въ коей истинная святость, водворяющаяся во всемъ составѣ естества нашего. Это и есть освященіе наше. Оно отъ Христа Господа, ибо приходитъ чрезъ облеченіе въ Него. Онъ и наше *избавленіе*. Съ освященнаго всѣ узы спадаютъ: и узы грѣха и плоти, и узы міра, и діавола. Онъ вступаетъ въ полную свободу чадъ. Какъ свободная птичка райская, парить онъ въ поднебесьѣ. Онъ Христа носитъ въ себѣ и Имъ носимъ есть, и не онъ уже боится прежнихъ вязателей его по рукамъ и ногамъ, а они его. Это верхъ благъ духовныхъ и духовнаго совершенства во Христѣ Іисусѣ Господѣ нашемъ.

Такъ изображаетъ это св. Златоустъ, который говоритъ: „смотри, какую соблюдаетъ Апостоль постепенность. Сначала Богъ сдѣлалъ насъ мудрыми, освободивъ отъ заблужденія, потомъ праведными и святыми, даровавъ Духа, и такимъ образомъ избавилъ насъ отъ всѣхъ золъ, такъ что мы стали Его (достояніемъ или частію).“ Тоже пишетъ и Θεодоритъ: „Онъ даровалъ намъ истинную премудрость. Онъ даровалъ намъ отпущеніе грѣховъ, сподобилъ оправданія, содѣлалъ святыми, избавивъ отъ діавольскаго мучительства.“

Ст. 31. *Да, якоже пишется: хваляйся, о Господь да хвалится.*

Внѣшнія преимущества ничто; вся цѣна принадлежитъ преимуществамъ духовнымъ. Но какъ они всѣ пріемлются отъ Господа и въ Господѣ, то если хочешь хвалиться, хвались только о Господѣ. Хвалиться о Господѣ, потому, будетъ,—не языкомъ только, но постояннымъ чувствомъ сердца исповѣдать, что если есть что въ духѣ, все то есть отъ Господа и Господне, и что если есть надежда на сохраненіе имѣющагося и пріобрѣтеніе большаго, она вся опирается на Господа. Хвалиться о Господѣ значить, тоже есть, что славословить Господа за милости Его съ исповѣданіемъ надеждъ на продленіе ихъ. Такая мысль и въ томъ мѣстѣ Пророка Іереміи, примѣнительно къ которому говорить здѣсь Апостоль. *Такъ глаголетъ Господь: да не хвалится мудрый мудростію своею, и да не хвалится крѣпкій крѣпостію своею, и да не хвалится богатый богатствомъ своимъ, но о семъ да хвалится хваляйся, еже разумѣти и знати, яко Азъ есмь Господь, творяй милость и судъ* (Іер. 9, 23. 24). „Посему не приписывай ничего себѣ, но во всемъ хвались Богомъ. Не приписывай никогда ничего никакому человѣку, ибо если не слѣдуетъ ничего приписывать Павлу, то тѣмъ болѣе другимъ. *Азъ, говоритъ онъ, насадихъ, Аполлосъ напои, Богъ же возрости* (1 Кор. 3, 6). Кто научился хвалиться Господомъ, тотъ никогда не будетъ превозноситься, но всегда будетъ смиряться и за все благодарить Его“ (св. Злат.).

вв).

И апостолъ въ коринѳъ приходилъ въ смиренномъ видѣ, съ простымъ словомъ о распятомъ, чтобъ увѣрованіе ихъ ничѣмъ не было обязано мудрости человѣческой, а все Богу

2, 1—5.

„И прежде сказаннаго достаточно было для низложенія гордости превозносившихся своею мудростію; даже довольно было и части сказаннаго. Но дабы побѣда была славнѣе, онъ продолжаетъ рѣчь свою, попирая уже поверженныхъ противниковъ. Указавъ, что Богъ положилъ буйствомъ проповѣди спасать вѣрующихъ, *губя премудрость премудрыхъ*,—и что потому и призвалъ Онъ больше неученыхъ (и невидныхъ), теперь онъ доказываетъ, что и самый способъ проповѣдованія могъ бы смутить, однако не смутилъ. Не только ученики, говорить, люди простые, но и проповѣдующій таковъ же“ (св. Злат.).

Ст. 1. *И азъ пришедъ къ вамъ, братіе, придохъ не по превосходному словеси или премудрости, возвышая вамъ свидѣтельство Божіе.*

Поелику посланъ благовѣстить не въ премудрости слова, и поелику положено было буйствомъ проповѣди спасать, то я и пришелъ къ вамъ благовѣстить и возвѣщалъ у васъ свидѣтельство Божіе не въ красномъ словѣ и не съ мудрыми соображеніями. *Не по превосходному словеси или мудрости, оъ κηδ' ὑπεροχῆν λόγου ἢ σοφίας*—не по превосходству слова или премудрости.—*Свидѣтельство Божіе*—Божіе откровеніе; ученіе Богомъ свидѣтельствуемое или засвидѣтельствованное, что оно истинно, и истинный предлагаетъ путь спасенія, помимо котораго невозможно спастись. — *И пришедъ къ*

вамъ приидохъ. Идя къ вамъ и пришедши, и въ мысляхъ не имѣлъ вести къ вамъ бесѣду съ отличнымъ искусствомъ краснорѣчія или съ мудрыми соображеніями. Но какъ посланъ, и какъ Богъ положилъ, такъ и я имѣлъ на сердцѣ возвѣщать вамъ свидѣтельство Божіе голо, какъ оно есть, и простою рѣчью.

Ст. 2. Не судихъ бо видѣти что въ васъ, точію Исуса Христа, и сего распята.

Выше сказалъ, что пришелъ къ нимъ возвѣщать волю Божію не въ премудрости слова, а какъ повелѣлъ Христосъ; теперь говорить, что будучи у нихъ исполнялъ Божіе опредѣленіе буйствомъ проповѣди спасать вѣрующихъ и возвѣщалъ только слово крестное. Училъ, говорить, но такъ, что будто ничего другаго не зналъ кромѣ Исуса Христа распятаго, или такъ, что не хотѣлъ, чтобъ вы другое что знали кромѣ Исуса Христа распятаго. Только и рѣчей было что о Христѣ Исусѣ. Но и о Христѣ Исусѣ можно многое говорить, не касаясь крестной смерти; я же, говорить, только и говорилъ, что о распятіи Господа. Съ него начиналъ, имъ кончалъ и имъ наполнялъ бесѣду. Впрочемъ слово Апостола не отвергаетъ той мысли, что бесѣды его касались другихъ предметовъ вѣры, только то утверждаетъ, что о чемъ ни начиналъ говорить, всегда исходилъ отъ креста и къ нему возвращался. Распятый Господь господствовалъ въ моихъ бесѣдахъ къ вамъ надъ всеѣмъ. Само слово о Распятомъ кратко: Богъ воплотился и для спасенія нашего умеръ на крестѣ; вѣруйте въ Него и спасетесь. Но чтобы къ Нему подойти, надо сказать, что мы падшіе Бога прогнѣвали и спастись сами не можемъ; скажи, что мы падшіе, надо сказать и о первобытномъ состояніи, а далѣе и о твореніи съ промышленіемъ, а еще далѣе и о Пресвятой Троицѣ. Потомъ сказавши о воплощеніи Бога Слова, о Его дѣяніяхъ

и ученіи, и наконецъ о Его распятіи, нельзя было остановиться на этомъ, а надлежало сказать и о воскресеніи, о вознесеніи на небо, сѣдѣніи одесную Отца, ниспосланіи Духа Святаго на Апостоловъ, о посланіи ихъ на проповѣдь, и о томъ наконецъ, что должно дѣлать слышащимъ проповѣдь и вѣрующимъ, т.-е. что надо креститься, затѣмъ чрезъ возложеніе рукъ (муро-помазаніе) пріять Духа, и, силою Его побѣждая страсти, жить потомъ свято по заповѣдямъ, въ надеждѣ блаженной жизни въ вѣчности. Всѣ эти предметы, входя въ бесѣду, ничего лишняго не вводили въ нее, а дѣлали только рѣчь о Христѣ Господѣ распятомъ округленною. И предметовъ этихъ будто много, но всѣ они сводятся на рѣчь о Распятомъ, — такъ что Апостоль и о многомъ говоря, говорилъ только о Христѣ Исусѣ, и притомъ Распятомъ.

Ст. 3. *И азъ въ немощи и страхѣ и трепетѣ мнози быхъ въ васъ.*

И рѣчь моя у васъ была проста, не красна и предметъ рѣчи такой, который однимъ казался соблазномъ, другимъ безуміемъ, наконецъ и внѣшній мой видъ и положеніе мое внѣшнее не имѣли ничего представительнаго. *Въ немощи*, кто разумѣетъ слабое вообще здоровье, или прилучившуюся тогда болѣзнь, кто — слабость голоса, кто — бѣдность, нищенскій видъ, кто — другое что. Приводимъ рѣчь св. Златоуста, объясняющую весь этотъ текстъ. „Вотъ еще другое обстоятельство. Не только вѣрующіе — люди простые, не только проповѣдующій — человекъ простой, не только способъ ученія исполненъ простоты, не только самый предметъ проповѣди можетъ смущать (слушателей), ибо этотъ предметъ крестъ и смерть; но вмѣстѣ съ тѣмъ были и другія препятствія, именно бѣдствія и козни, ежедневныя опасности и гоненія. Немощію онъ часто на-

зываетъ гоненія, какъ напримѣръ: *еще хвалитися ми подобаетъ, о немощи моеи похвалюся* (2 Кор. 11, 30). О какой немощи? *Языческій князь Аревы царя стрѣжаше Дамаскъ яти мя хотя* (—ст. 32). И еще: *тѣмже благоволю въ немощехъ; а въ какихъ, объясняетъ далѣе: въ досажденіихъ, въ бѣдахъ, во изманіихъ, въ тѣснотахъ* (2 Кор. 12, 10). То же говорить и теперь, ибо сказавъ, и азъ въ немощи, онъ не останавливается на этомъ, но дабы показать, что подъ немощію онъ разумѣетъ опасности, присовокупляетъ: *и страсть и трепеть мнози быхъ въ васъ*. Что это? Неужели и Павелъ боялся опасностей? Боялся и сильно боялся. Ибо онъ былъ хотя и Павелъ, но вмѣстѣ и человѣкъ. Это не вина Павла, но слабость (человѣческой) природы, а вмѣстѣ и похвала его произволенію, если онъ, и боясь смерти и ранъ, отъ страха не дѣлалъ ничего недостойнаго. Посему тѣ, которые говорятъ, что онъ не боялся ранъ, не только не дѣлаютъ ему чести, но и много унижаютъ его достоинство. Ибо, еслибы онъ не боялся, то какая твердость, или какое любомудріе было бы въ перенесеніи бѣдствій? А я потому и удивляюсь ему, что онъ хотя боялся, и не просто боялся, а трепеталъ бѣдствій, однако всегда подвизался со славою, и ни при какой опасности не ослабѣвалъ, очищая вселенную и вездѣ, на землѣ и на морѣ, поствая сѣмена проповѣди.

Ст. 4. *И слово мое и проповѣдь моя не въ препрѣтельныхъ человѣческія премудрости словесехъ, но въ явленіи Духа и силы.*

Что онъ разумѣетъ? Слово его и проповѣдь таковы были у нихъ, или вообще таковы? Говоритъ, что таковы были у нихъ, ибо вслѣдъ за симъ говоритъ: *да въра ваша*. Въ препрѣтельныхъ — *πειθοίς* — убѣдительныхъ, убѣждающихъ. Хочетъ сказать, что слово его не было приправлено оборотами и приемами, какіе обычно

употребляетъ человѣческая мудрость, чтобы убѣдить кого и склонить на свою сторону. Такихъ приемовъ, говорить, я не употреблялъ, а говорилъ просто. Объ этомъ онъ и выше уже сказалъ; теперь снова повторяетъ лишь за тѣмъ, чтобы указать за симъ, чѣмъ же убѣждались слышавшіе, какъ склонялись на слово и вѣровали. Сила проповѣди моей, говоритъ Апостоль на это, состояла *въ явленіи Духа и силы*. Что значить это? Не что другое, какъ то, что проповѣдь моя сопровождалась знаменіями и убѣждала, какъ и Евангелистъ Маркъ говорить, что когда Апостолы пошли проповѣдывать, то имъ всюду *спостъшествовалъ и слово ихъ утверждалъ Господь послѣдствовавшими знаменіями* (Мр. 16, 20). Что у другихъ всѣхъ было, то было и у св. Павла. Нѣтъ сомнѣнія, что благодать Духа дѣйствовала и чрезъ слово Павла на души, и располагала ихъ къ вѣрѣ: таково всегда бываетъ помазанное слово. Но однимъ этимъ утвержденія вѣры объяснить нельзя: ибо переворотъ, производимый ею, былъ крайне великъ. и чтобы кто рѣшился на него, надо произвести на него разительное впечатлѣніе, потрясающее, въ которомъ было бы вмѣстѣ свидѣтельство, что ученіе предлагаемое идетъ свыше, что Богъ послалъ его и требуетъ повиновенія. Какъ обращенъ Апостоль Павелъ самъ, такъ потомъ далъ ему Господь обращать и всѣ народы. Вездѣ проповѣдь его сопровождалась знаменіями—сими явленіями Духа и силы, которыя и запечатлѣвали окончательно убѣжденіе и вѣру. Такъ разумѣютъ это всѣ наши толковники. Феодоритъ пишетъ: „свидѣтельствомъ проповѣди служило чудотвореніе Духа. Весьма прилично Апостоль на ряду съ немощію страданій поставилъ и силу Духа.“ Св. Златоустъ говоритъ пространнѣе: „если проповѣдь не имѣла въ себѣ ничего софистическаго, и призываемые были люди простые, и

проповѣдующіе таковы же, и кромѣ того были гоненія, страхъ и трепетъ, то скажи мнѣ, какимъ образомъ они одержали побѣду? Божественною силою. Посему Павелъ и присовокуилъ: *но въ явленіи Духа и силы*. Проповѣдники простые, стѣсняемые и гонимые побѣдили гонителей. Почему? Потому что проповѣдь ихъ сопровождалась явленіями силы Духа. Ибо, скажи мнѣ, кто не увѣруетъ, видя воскресеніе мертвыхъ и изгнаніе бѣсовъ? Это собственно и доказывало, что она божественна и имѣетъ высшее, небесное происхожденіе.“

Ст. 5. *Да вѣра ваша не въ мудрости человѣчестѣй, но въ силу Божіей будетъ.*

Такъ устроилъ Господь, чтобы увѣрованіе ваше не было ничѣмъ обязано мудрости человѣческой, а все силѣ Божіей. И проповѣдниковъ прислалъ вамъ Богъ, и убѣдилъ васъ Богъ силами и знаменіями. Нечѣмъ человѣческимъ хвалиться. Все въ вѣрѣ вашей отъ Бога. О Господѣ и хвалитесь. И не колеблитесь. Ибо если такія осязательныя свидѣтельства имѣете, что ученіе наше отъ Бога, то увѣровавъ, стойте твердо въ вѣрѣ. Затѣмъ все такъ и устроилъ Господь, чтобы сомнѣнія и подозрѣнія не находили себѣ никакой опоры въ образѣ вашего увѣрованія. Не можете не сознать, что Богъ такъ повелѣваетъ; Богу же покорствовать должно вседушно. Вотъ какое благо послалъ вамъ Богъ, по славу проповѣдь въ простой рѣчи, но съ явленіемъ Духа и силы. Феодоритъ пишетъ: „Для того именно Владыка не позволилъ намъ пользоваться краснорѣчіемъ, чтобы вѣра ваша оказалась не подлежащею подозрѣніямъ и колебаніямъ, какъ не силою слова возбужденная, а путеводимая силою Духа.“

Св. Златоустъ говоритъ по сему пространное наставленіе, которое приложимо во всѣ времена: „Видишь ли, какъ ясно онъ представляетъ великую пользу простоты

и великій вредъ мудрости? Последняя унижала крестъ, а первая возвѣщала силу Божию; эта производила то, что люди не познавали должнаго и хвалились самими собою, а та располагала принять истину и хвалиться Богомъ; мудрость внушила многимъ считать ученіе Апостольское человѣческимъ, а простота ясно выражала, что оно Божественное и низошло съ неба. Когда доказательство составляется изъ мудрыхъ словъ, тогда часто и недостойные, будучи сильнѣе въ словѣ, одерживаютъ верхъ надъ достойнѣйшими, и ложь заступаетъ мѣсто истины. Но здѣсь не такъ: Святой Духъ не входитъ въ нечистую душу, а вошедши (въ возжелавшую чистоты), не можетъ быть побѣжденъ, хотя бы противъ него возстала вся сила краснорѣчія; ибо доказательство посредствомъ дѣлъ и знаменій гораздо яснѣе доказательства посредствомъ словъ. Но можетъ быть кто скажетъ: если проповѣдь должна побѣждать и не имѣть нужды въ силѣ слова, *да не упразднится крестъ*, то почему нынѣ прекратились знаменія?—Почему?!—Не вѣришь ты, и думаешь, что ихъ не было и при Апостолахъ, или въ самомъ дѣлѣ лишь хочешь знать, почему?—Если не вѣришь, то я остановлюсь прежде на этомъ. Если тогда не было знаменій, то такимъ образомъ Апостолы, бывъ гонимы, притѣсняемы, подвергаясь страху и узамъ, бывъ общими всѣмъ врагами и ненавистными для всѣхъ, не имѣя въ себѣ ничего привлекательнаго, ни краснорѣчія, ни знатности, ни богатства, ни извѣстности по городу, по народу, по происхожденію, или по искусству, и ничего другаго подобнаго, но имѣя все противное тому,—неученость, незнатность, бѣдность, простоту и униженіе, и притомъ возставая противъ цѣлыхъ народовъ и возвѣщая такія истины,—производили убѣжденіе?—Правила ихъ были не легки, догматы трудны (для разумнѣія), а слу-

шатели, которыхъ надлежало убѣждать, преданы были сластолюбію, пьянству и великому нечестію. Какъ же они убѣдили, скажи мнѣ? Какъ приобрѣли довѣріе? Если они, какъ я и прежде говорилъ, убѣдили безъ знаменій, то это есть еще большее знаменіе. Итакъ изъ того, что теперь нѣтъ знаменій, не заключай, что ихъ не было и тогда. Тогда они были съ пользою, а теперь полезно, что нѣтъ ихъ. Впрочемъ изъ того, что теперь убѣжденіе производится однимъ словомъ, не слѣдуетъ, будто теперь проповѣдь зависитъ отъ мудрости. Какъ первоначальные сѣятели слова были простые и неученые и ничего не говорили отъ себя, но что приняли отъ Бога, то и преподали вселенной; такъ и мы теперь предлагаемъ не свое, но что приняли отъ нихъ, то и возвѣщаемъ всѣмъ. И теперь мы убѣждаемъ не умозаключеніями, но свидѣтельствами Божественныхъ Писаній и тогдашними знаменіями внушаемъ вѣрить возвѣщаемому. Впрочемъ и Апостолы убѣждали тогда не одними знаменіями, но и бесѣдами; только слова ихъ получали больше силы отъ знаменій и свидѣтельствъ ветхозавѣтнаго Писанія, а не отъ искусства краснорѣчія.“

гг).

ПРОПОВѢДЬ, ПРИ ПЕРВОМЪ ОГЛАШЕНІИ ПРОСТА; НО УВѢРОВАВШІЕ ПОТОМЪ ВЪ ОБЛАСТИ ВѢРЫ ПОЛУЧАЮТЪ ВѢДѢНІЕ ИСТИННОЙ МУДРОСТИ, НЕДОСЯЗАЕМОЙ МУДРЕЦАМЪ МІРА

2, 6—16.

Господь говорилъ притчами—для чего? Для того говорить, что кто имѣетъ сѣмя жизни по Богу, тотъ и подъ приточною оболочкою узрѣть могъ сокрытое сокровище; а потомъ, прильпившись вѣрою къ Нему и

вступивъ въ число учениковъ, наряду съ ними получалъ открытое объясненіе сокровеннаго. То же самое вѣдно было дѣлать Апостолу: предлагать всѣмъ слово крестное, просто безъ прикрасъ и соображеній ума. Кто несмотря на эту простоту приступалъ къ вѣрѣ, и чрезъ крещеніе вступалъ въ число вѣрующихъ, кто т.-е. дѣлался совершеннымъ христіаниномъ, а не оглашенъ только бывалъ христіанскимъ ученіемъ, тотъ затѣмъ слушалъ внутри полное раскрытіе мудрости христіанской. Объ этомъ теперь и говоритъ Апостоль, поясняя вмѣстѣ, что иначе нельзя дѣйствовать: ибо для усвоенія мудрости христіанской потребна благодать Духа, которая дается внутри вѣры. Духовный только разумѣетъ христіанскую мудрость; духовнымъ же дѣлаетъ Духъ Божій.

Ст. 6. *Премудрость же глаголемъ въ совершенныхъ: премудрость же не въка сего, ни князей въка сего престающихъ.*

Эта рѣчь объ истинной премудрости противопологается всему, что говорено было Апостоломъ, начиная съ того мѣста, гдѣ онъ сказалъ, что посланъ благовѣстить не въ премудрости слова (1, 17). Тутъ онъ сказалъ, что и Богъ положилъ привлекать ко спасенію буйствомъ проповѣди, и принявшіе проповѣдь—все больше буйи и невидные по-мірски, и самъ онъ проповѣдалъ просто и только простое слово крестное. Выслушавъ это, всякій могъ подумать: такъ вѣрно христіанство не содержитъ ничего питательнаго для ума, скудно содержаніемъ: премудрость его не велика. Противъ этого говоритъ Апостоль, что буйство проповѣди и вся смиренная обстановка ея приняты, по распоряженію Господа, только съ тою цѣлю, чтобы сами собою оказались сыны мудрости. Когда же таковыя обращаются дѣйствіемъ простой проповѣди, тогда уже обогащаются такою мудростію, которая недосызаема для сыновъ вѣка.

Какую же премудрость слышать они? Полнѣйшее раскрытіе того, какъ спасеніе совершено Господомъ чрезъ крестную смерть и какъ сіе спасеніе усваивается обращающимися къ Господу посредствомъ вѣры; затѣмъ—изъ какихъ источниковъ исходило устройство такого образа спасенія, и какіе плоды его въ кругу тварей. Все это раскрываетъ по мѣстамъ Апостолъ въ посланіяхъ, особенно въ посланіи къ Ефесеямъ и Колоссяямъ. Въ постиженіе же отношеній къ Богу вводятся они постепенно благодатию Духа подъ условіемъ нравственнаго совершенства. Здѣсь раскрывается духовная, Божественная область, и раскрытію сему нѣтъ конца. Наши толковники о сей премудрости выражаются такъ: „премудростию Апостолъ называетъ проповѣдь Евангелія и способъ спасенія посредствомъ креста“ (св. Злат.). „Проповѣдь, названная прежде буйствомъ, для принявшихъ истинную и совершенную вѣру дѣйствительно есть и именуется премудростию“ (Феод.). „Премудростию называетъ проповѣдь и способъ спасенія, какъ спасаются чрезъ крестъ“ (св. Дамаск.),—„какъ крестомъ спасается вся поднебесная“ (Экум.). „Ибо смертію смерть упразднить есть дѣло величайшей премудрости“ (Феод.).

Кого разумѣтъ Апостолъ подъ совершенными?—Это понимаютъ разнo. Противопологая сихъ совершенныхъ христіанъ оглашеннымъ, которые только готовятся къ тому, чтобы стать христіанами, надо подъ ними разумѣть всѣхъ вѣрующихъ, которые крещены, Духа благодати пріяли чрезъ возложеніе рукъ (мвропомазаніе) и причащаются св. Христовыхъ Таинъ. Божественныя таинства сіи и назывались совершительными, ибо совершали христіанина. Пріявшій ихъ почитался совершеннымъ христіаниномъ, ему предлежала послѣ сего забота уже не о томъ, какъ стать христіаниномъ, но о томъ, какъ далѣе слѣдуетъ жить и дѣйствовать по-

христіански, храня данную благодать. Другіе, противопологая сихъ совершенныхъ младенцамъ о Христѣ, только что ставшимъ христіанами, разумѣютъ подъ ними преуспѣвшихъ въ христіанской жизни, достигшихъ высшихъ въ ней степеней безстрастія, дѣйствительнаго проявленія благодати Св. Духа, или осозательнаго освященія. Сдается, будто бы здѣсь умѣстнѣе разумѣть послѣднихъ. Но надо взять во вниманіе, что въ первыя времена обращающіеся приступали къ Господу съ пламенною вѣрою, съ полнымъ самоотверженіемъ и нераскаянною готовностію на все, что бы ни потребовалось для угожденія Ему; почему благодать Божія, нисходя въ нихъ чрезъ таинства, находила сосудъ сердца ихъ готовымъ ко вмѣщенію ея, и проявляла свое дѣйствіе въ нихъ, не сокращая руки. Духовныя въ нихъ совершенства просіявали вдругъ,—и это измѣненіе для всѣхъ было явно. Судя по этому, совершенныхъ христіанъ Апостольскаго времени нельзя такъ отдалять отъ начала ихъ христіанства, какъ это дѣлается нынѣ. Наши толковники поступаютъ осторожнѣе, разумѣя подъ совершенными истинныхъ христіанъ, вѣрующихъ, вѣрныхъ. Такъ св. Златоустъ и другіе. Св. Златоустъ говоритъ: „совершенными называетъ вѣрующихъ. Ибо дѣйствительно совершенны тѣ, которые знаютъ, что все человѣческое весьма немощно, презираютъ все это и увѣрены, что оно не служитъ имъ ни къ чему; а таковы и суть вѣрующіе.“—Св. Златоустъ хочетъ сказать, что это такіе вѣрующіе, которые, оставя все временное и земное, умомъ и сердцемъ возжелали небеснаго, вѣчнаго, духовнаго, Божественнаго, живутъ не въ интересахъ вѣка сего, а въ видахъ вѣка онаго. Другіе такъ пишутъ: „совершенными называетъ вѣрныхъ, которые, все презрѣвъ, воспаряютъ къ небесному“ (Θεοφ.).—„Богу себя предають“ (Экум.).

Премудрость же не вѣка сего. Это земный образъ мыслей, въ познаніи не заходящій за предѣлы видимаго, и въ жизни ограничивающійся умѣніемъ такъ вести дѣла, чтобъ жить въ покоѣ и довольствѣ. Св. Златоустъ разумѣетъ подъ симъ „внѣшнюю мудрость, которая ограничивается здѣшнимъ міромъ и далѣе его не простирается, и которая даже и здѣсь не можетъ принести никакой пользы обладающимъ ею.“

Ни князей вѣка сего престающихъ. Это не лица только властныя, но вообще заправители и блюстители заведенныхъ въ вѣкѣ семъ порядковъ,—коноводы мірскіе. „Князьями вѣка сего, говоритъ Златоустъ, онъ называетъ здѣсь не бѣсовъ, какъ думаютъ нѣкоторые, но людей, облеченныхъ отличіями и властію, и почитающихъ ее чѣмъ-то весьма важнымъ, философъ, риторъ и писателей, которые часто обладали властію и бывали народными правителями. Князьями *вѣка сего* называетъ ихъ потому, что власть ихъ не простирается далѣе настоящаго вѣка; посему и присовокупляетъ: *престающихъ*, и такимъ образомъ доказываетъ ничтожность внѣшней мудрости какъ самымъ ея свойствомъ, такъ и свойствомъ тѣхъ, кои обладаютъ ею. Доказавъ, что она ложна и безумна, что она не можетъ открыть ничего, что она бессильна, теперь онъ показываетъ, что она и кратковременна.“

Ст. 7. *Но глаголемъ премудрость Божію въ тайнѣ сокровенную, юже представи Богъ прежде вѣкъ въ славу нашу.*

Премудрость Божія есть образъ устроенія нашего спасенія въ Господѣ Исусѣ Христѣ, съ исходными его началами, и съ необъятными послѣдствіями, имѣющими отразиться во всѣхъ областяхъ тварнаго бытія, какъ изображаетъ св. Павелъ въ посланіи къ Ефесеямъ (1, 9. 10). Первое очертаніе ея совмѣщается въ словѣ

крестномъ, предлагаемомъ оглашеннымъ, вѣрующіе же вводятся въ полнѣйшее ея созерцаніе; чѣмъ совершеннѣе кто, тѣмъ глубже входитъ и больше видитъ.

Въ какой *тайнѣ сокровенна* сія премудрость? Она была сокрыта въ тайнѣ Божества и до явленія ея никто не зналъ ея, какъ должно. „Ни Ангелъ, ни Архангелъ, и никакая другая сотворенная сила не знали ея прежде, нежели она открылась. Посему Апостоль и говоритъ: *да скажется нынѣ началомъ и властемъ на небесныхъ Церковію многообразичная премудрость Божія* (Еф. 3, 10). Такъ Богъ почтилъ насъ, что и они услышали ее вмѣстѣ съ нами“ (св. Злат.).

Тайною она называется и потому, что мы созерцаемъ въ ней не то, что видимъ; но одно видимъ, а другому вѣруемъ. Таково свойство нашихъ таинствъ. Иначе взираю на нихъ я, иначе невѣрный. Слышу я, что Христосъ сдѣлался рабомъ, и удивляюсь Его промышленію; слышитъ невѣрный, и считаетъ это безчестіемъ. Слышу я, что Христосъ распятъ и умеръ, и удивляюсь Его человеколюбію, изумляюсь силѣ, какъ Онъ, подвергшись смерти, не былъ удержанъ ею, но еще разрушилъ смерть; слышитъ невѣрный, и приписываетъ это Его немощи и безсилію. Слыша о воскресеніи, онъ называетъ это баснею; а я удостовѣряюсь въ томъ самыми событіями, поклоняюсь домостроительству Божію. Слыша о крещеніи, онъ представляетъ одну воду; а я вижу не только видимое, но и невидимое очищеніе души, совершаемое Духомъ. Онъ думаетъ, что у меня только омыто тѣло; а я вѣрую, что и душа стала чистою и святою, и представляю гробъ, воскресеніе, освященіе, оправданіе, искупленіе, усыновленіе, наслѣдіе, небесное царствіе, дарованіе Духа; ибо я взираю на видимое не простымъ зрѣніемъ, но очами духовными. Говорится о тѣлѣ Христовомъ, и иначе разумѣю сказанное я, иначе

невѣрный. Такъ и въ отношеніи ко всѣмъ тайнствамъ: невѣрные, слыша о нихъ, какъ будто не слышатъ, а вѣрующіе, бывъ научены Духомъ, разумѣютъ силу сокровеннаго. Посему Павелъ говоритъ, что *и нынѣ есть покровенно благовѣствованіе: въ гнѣбущихъ—покровенно* (2 Кор. 4, 3). Ибо одни суть люди душевные и не разумѣютъ, другіе имѣютъ покрывало на сердцѣ своемъ и не видятъ“ (св. Злат.).

И потому еще премудрость сія есть сокровенная тайна, что и нынѣ, когда она предана письмени, разумѣется не иначе, какъ просвѣщеніемъ Духа Святаго, безъ Коего читаешь и не разумѣешь. Но хотя бы и все кто уразумѣлъ, позналъ бы только часть ея, а не всю. „Тайна есть премудрость Божія, говоритъ св. Златоустъ, и потому, что хотя и проповѣдуется вездѣ, но не постигается неимѣющими здраваго ума, и открывается не помощію мудрости, но Духомъ Святымъ, сколько мы можемъ вмѣстить. Посему не погрѣшитъ тотъ, кто по этому самому назоветъ ее недовѣдомою тайною; ибо и намъ вѣрующимъ не дано полное и совершенное вѣдѣніе, какъ говоритъ Павелъ: *отчасти разумѣваемъ*“ (1 Кор. 13, 9. 12).

Юже представи Богъ, говоритъ, выражая этимъ попеченіе Божіе о насъ. Ибо обыкновенно тѣ почитаются наиболѣе пекущимися о насъ и любящими насъ, которые издавна расположены дѣлать намъ добро, какъ поступаютъ родители съ дѣтьми: они хотя отдаютъ имъ имущество впослѣдствіи, но бываютъ расположены къ тому за долгое время и съ самаго начала. Такъ и Павелъ старается здѣсь показать, что Богъ любить насъ издревле и всегда, даже и тогда, какъ мы еще не существовали; ибо если бы Онъ не любилъ насъ, то не предназначилъ бы намъ богатства. Посему не представляй вражды, бывшей между Имъ и нами:

любовь древнѣе ея. Слова: *прежде вѣкъ*, означаютъ вѣчность, подобно какъ въ другомъ мѣстѣ говорится: *Сый прежде вѣкъ* (Пс. 54, 20).—*Въ славу нашу*, „потому что не спасеніе только, но и славу подаетъ вѣрующимъ“ (Θеод.). Слава въ будущемъ — дарованіе царствія; но ей предшествуетъ слава здѣсь. Это—очищеніе нашего естества, преисполненіе его свѣтлостію благодати, до того, что оно не только становится свѣтымъ, но и свѣтоноснымъ,—слава совершенства духовнаго во Христѣ Іисусѣ.

Ст. 8. *Юже никтоже отъ князей вѣка сего разумѣ: аще бо быша разумѣли, не быша Господа славы распяли.*

Князьями вѣка сего называетъ тѣхъ же, что и прежде—руководителей и заправителей жизни по духу вѣка сего, по началамъ мудрости человѣческой, со властію ли они, или безъ ней, только всегда вліятельны, и своимъ вліяніемъ ведутъ за собою прочихъ въ пагубу, тогда какъ при лучшемъ направленіи собственномъ могли бы вести ихъ на добро. Прежде сказали, что премудрость проповѣдуемая не та, что есть у этихъ князей; теперь больше говорить, что она такова, что ее никто изъ этихъ князей и разумѣть не могъ и не можетъ. Такъ она противоположна тому духу и тѣмъ началамъ, которыхъ даржатся сіи князи.

Аще бо быша разумѣли, не быша Господа славы распяли. Поелику онъ говоритъ вообще, то о распявшихъ Господа поминаетъ только какъ о представителяхъ князей вѣка. Тутъ былъ и Пилать — представитель князей вѣка изъ язычниковъ, и Иродъ и Каіаѳа съ первосвященниками и книжниками—представители князей вѣка изъ Іудеевъ. И о распятіи поминаетъ, какъ о разительнѣйшемъ свидѣтельствѣ слѣпоты князей вѣка, когда бывъ лицомъ къ лицу съ самою Премудростію не уразумѣли ея. Распятіе совершилось въ Іудеѣ. въ

Іерусалимѣ, и нельзя было сему быть иначе, по бывшимъ пророчествамъ и прообразованіямъ; но оно, по существу дѣла, могло бы совершиться вездѣ. Князи вѣка вездѣ одного духа, и что сдѣлали въ Іерусалимѣ, то же могли сдѣлать и во всякомъ другомъ мѣстѣ. Неразуміе премудрости Божіей продолжается, продолжается и распинаніе Господа славы,—все князьями вѣка, заправителями жизни по духу вѣка и коноводами мудрости человѣческой. Ибо премудрость Божія не для тогдашнихъ только князей вѣка недосызаема, но вообще для всѣхъ ихъ, и поколику они князи вѣка. И не только недосызаема, но и раздражаетъ ихъ и есть предметъ ихъ ненависти, гоненія и притѣсненій, что и дѣлаютъ они во всякое время, какъ только мудрость ихъ найдетъ сподручныя средства и увидитъ, что это можно дѣлать не мѣшая своимъ главнымъ цѣлямъ, какія преслѣдуетъ, т.-е. покою и довольству въ сей жизни.

Господа славы распяли.—Распяли они человѣка Іисуса, но какъ Онъ былъ Богъ воплотившійся, Который есть Господь славы, то распиная Его распяли Господа славы. Такъ говоритъ Апостоль по единству вѣстности въ Господѣ Іисусѣ Христѣ. Скажетъ кто, чѣмъ же они виноваты? ибо сдѣлали такъ по невѣдѣнію. Но самое невѣдѣніе ихъ виновно, Господь не несвидѣтельствована Себе оставилъ. Іудеи сколько имѣли свидѣтельствъ и удостовѣреній, кто есть Іисусъ Христосъ! Онъ и прямо имъ говорилъ: *Отецъ Мой досель дѣлаетъ и Азъ дѣлаю*, и они поняли, что Онъ ставитъ Себя наравнѣ съ Богомъ. И притчею вразумлялъ, говоря въ ней: *усрамятся Сына...*, и они тоже поняли, что къ нимъ говоритъ притчу сію. И пророчествами внушалъ: Давидъ Христа называетъ Господомъ, какъ Сынъ Ему есть? И они умолчали, потому что отвѣтъ велъ ихъ

прямо къ признанію Его Господомъ славы. Также и Пилать не былъ оставленъ безъ вразумленія. Что значили краткія слова къ нему Господа: царство Мое не отъ міра, и прочія, какъ не вразумленіе? Особенно это значеніе имѣлъ сонъ жены его. Такимъ образомъ всѣ распинатели могли уразумѣть, но не уразумѣли. Премудрость Божія была здѣсь прикровенна, и они видя не видѣли. Но почему не имѣли очей видѣть, въ этомъ ихъ была вина. Ибо что они всѣ пропитаны были духомъ вѣка и ничего не хотѣли знать, кромѣ мудрованій по-человѣчески, это не по неволѣ какой было у нихъ, а было плодомъ ихъ свободной жизни. Духъ вѣка противоположенъ премудрости Божіей, и князи вѣка не разумѣютъ ея, потому что у нихъ совсѣмъ не тотъ складъ ума, не тѣ вкусы сердца, не тѣ планы жизни. Но какъ тогда, такъ и всегда. И всегда князи и сыны вѣка не разумѣютъ премудрости Божіей и готовы распинать ее по той же причинѣ,—что она невмѣстима для нихъ и противоположна ихъ началамъ.

Ст. 9. *Но якоже есть писано: ихже око не видѣтъ, и ухо не слышитъ, и на сердце чловѣку не въздоша, яже уготова Богъ любящимъ Его.*

Но—противоположеніе. Чему?—неразумѣнію князей вѣка. Не уразумѣли: не подумалъ бы кто, что это есть нѣчто такое, что и взглянуть не на что. Нѣтъ, говорить, не такъ. Они не разумѣли по слѣпотѣ; но на дѣлѣ это есть столь высокое благо, что подобнаго нѣтъ, не было и не будетъ. „Поелику Апостоль упомянулъ о невѣдѣніи Іудеевъ и сказалъ, что тайна домо-строительства была сокрыта, то по необходимости присовокупилъ, что о чемъ никто не слышалъ, чего никто никогда не видалъ и не помышлялъ самый ненасытный умъ, то уготовалъ Богъ всяческихъ имѣющимъ къ Нему горячую любовь“ (Θеод.).

Писано. Гдѣ? Такого мѣста нѣтъ въ ветхозавѣтныхъ Писаніяхъ. Но Апостолъ беретъ его изъ духа всего Писанія, или заимствовавъ изъ духа Писанія мысль, слово для выраженія его взялъ изъ разныхъ мѣстъ онаго. Напримѣръ: *отъ вѣка не слышавомъ, ниже очи наши видѣша Бога, развѣ Тебе* (Ис. 64, 4). Или еще: *такъ удивятся языцы мнози о Немъ, и заградятъ царіе уста своя: яко имже не возвьстися о Немъ, узрятъ, и имже не слышаша, уразумѣютъ* (Ис. 52, 15). Первое приводитъ Θεодоритъ, на второе указываетъ св. Златоустъ, а можетъ быть и слово въ слово было написано такъ, но писаніе то потеряно. Такъ рѣшаетъ сіе св. Златоустъ: „итакъ говорится (т.-е. написано) и тогда, когда что-нибудь изображено не словами, а самыми дѣйствіями, или когда выражена та же мысль, хотя и не тѣми же словами, какъ здѣсь. Такимъ образомъ Апостолъ или это выражаетъ, или, можетъ быть, дѣйствительно было писано въ книгахъ, но самыя книги утратились.“

Словами: око не видѣ, ухо не слыша, на сердце не възодоша, выражается необычайность, великость, превосходящая всякое ожиданіе, непостижимость и необъятность благъ, дарованныхъ намъ во Христѣ Исусѣ. и самаго образа доставленія ихъ, или домостроительства спасенія. Богъ воплощается, приѣмлетъ зракъ раба и образомъ обрѣтается, якоже человекъ, смиряетъ Себя даже до смерти, смерти же крестныя, и это для того, чтобы людей противъ Него преступныхъ оправдать, всыновить, одухотворить, обожить, явить не свѣтлыми только, но и свѣтоносными, и еще паче, чтобы всяческая возглавить въ себѣ, аще земная, аще ли небесная. Это не до совершенія только и явленія дѣломъ непостижимо, но и по явленіи и совершеніи пребываетъ необъятнымъ и невмѣстимымъ для всѣхъ, кромѣ самихъ

сподобляющихся тѣхъ благъ, и вводимыхъ въ причастіе ихъ; но и они вкушаютъ и видятъ, но постигнуть того не могутъ. Уготовано все это, говорить, *любящимъ Бога*, т.-е. тѣмъ, кои оставя все, къ Богу прильплются всѣмъ сердцемъ, и въ сердечное живое общеніе и единеніе съ Нимъ входятъ путемъ, отъ Него самого указаннымъ и предписаннымъ, изображеніе котораго тоже составляетъ часть премудрости Божіей, сокровенной прежде, нынѣ же всѣмъ являемой и открываемой.

Св. Златоустъ говорить: „что же? Ужели око не видало того, что уготовалъ Богъ? Точно не видало: ибо кто изъ людей видѣлъ имѣвшее быть достроительство Божіе? Ужели и ухо не слышало, и на сердце человѣку не входило? Такъ ли это? Если Пророки предвозвѣстили, то какъ ухо не слышало и на сердце человѣку не входило? Точно не входило. Апостолъ говорить не о Пророкахъ только, но о всемъ естествѣ человѣческомъ. Какъ же? Ужели и Пророки не слышали? Они слышали, но пророческій слухъ ихъ не былъ слухомъ человѣческимъ; они слышали, не какъ люди, а какъ Пророки. Посему и говорить Исаія: *приложи ми ухо, еже слышати* (50, 4), разумѣя приложеніе, даруемое Духомъ. Отсюда видно, что прежде нежели они услышали, человѣку и на сердце не входило; ибо послѣ дарованія Духа сердце Пророковъ было не сердцемъ человѣческимъ, но сердцемъ духовнымъ, какъ и самъ Павелъ говорить: *умъ Христовъ имамы* (1 Кор. 2, 16). Смыслъ словъ его слѣдующій: прежде нежели дарованъ намъ Духъ и открыты недовѣдомыя тайны, не разумѣлъ ихъ никто ни изъ насъ, ни изъ Пророковъ. И могло ли быть иначе, если не знали ихъ даже Ангелы? Что же послѣ этого говорить о князьяхъ вѣка сего. если никто изъ людей и даже горнія Силы

не знали этого? Чего? того, что кажущимся безуміемъ проповѣди будетъ побѣждена вселенная, обращены народы, совершенно примиреніе Бога съ человѣками и дарованы намъ столь великія блага.“

Ст. 10. *Намъ же Богъ открылъ есть Духомъ Своимъ: Духъ бо вся испытуетъ, и глубины Божія.*

Домостроительство спасенія въ Господѣ Иисусѣ Христѣ совершенно во очію всѣхъ; и никто не уразумѣлъ его. Сами Апостолы до удостовѣренія въ воскресеніи Господа были въ крайнемъ недоумѣніи отъ крестной смерти. Естественно спросить: да какъ же вы теперь знаете тайны сего премудраго домостроительства, и видите, яже уготова Богъ любящимъ Его?—Апостоль отвѣчаетъ: *намъ Богъ открылъ Духомъ Своимъ*, т.-е. Духомъ Святымъ, для Коего, какъ единаго отъ Святыя Троицы, ничего нѣтъ сокровеннаго въ тайнахъ Божества.

Намъ. Кому? Очевидно св. Апостоламъ, а потомъ по ихъ руководству и всѣмъ вѣрующимъ; ибо и всѣхъ научаетъ тотъ же Духъ Святой. Онъ и обращеніе устрояетъ, и вѣру образуетъ, и на жизнь укрѣпляетъ, и чрезъ очищеніе сердца вводитъ всякаго христіанина въ созерцаніе тайнъ Божіихъ. Въ семъ отношеніи, *намъ* противопоставляетъ Апостоль князьямъ вѣка со всѣми сынами его. Св. Златоустъ говоритъ: „какъ же мы познали это? *Намъ же.* говоритъ, *Богъ открылъ есть Духомъ Своимъ.* Не внѣшнюю мудростію, которой, какъ презрѣнной рабѣ, не дозволено входить внутрь и видѣть тайны Господни. Видишь ли, какое различіе между тою и другою мудростію? Одна научила насъ тому, чего не знали Ангелы; а внѣшняя сдѣлала противное; не только не научила, но еще служила къ тому препятствіемъ и, когда уже все совершилось, затмѣвала событія и уничтожала крестъ. Такимъ образомъ Павелъ

воздаеть намъ честь, показывая, что мы не только научились, и притомъ вмѣстѣ съ Ангелами, но и научились отъ Самого Духа. Но вмѣстѣ съ тѣмъ онъ показываетъ и важность знанія, давая разумѣть, что еслибы намъ не открылъ этого Духъ, вѣдущій тайны Божіи, то не познали бы и мы. Такъ Богъ благоволилъ хранить дѣло это въ тайнѣ. Посему мы имѣли нужду въ такомъ Учителѣ, который бы зналъ это ясно. Таковъ и есть Духъ Божій.—*Духъ бо испытуетъ вся и глубины Божія.* Здѣсь слово *испытуетъ* означаетъ не невѣдѣніе, а точное вѣдѣніе. Такое же выраженіе онъ употребляетъ и о Богѣ, когда говоритъ: *испытай же сердца вѣсть, что есть мудрованіе Духа* (Римл. 8, 27).—*Вся* вѣдаетъ, т.-е. все сущее и бывающее. Но можетъ быть не знаетъ того, что сокрыто въ Богѣ?!—Нѣтъ, знаетъ и все то, что сокрыто въ сокровенностяхъ Божества,—испытуетъ самыя глубины Божіи,—такъ что ничего не остается для него тайнаго и сокрытаго.

Ст. 11. *Кто бо вѣсть отъ чловѣкъ, яже въ чловѣцѣ, точію духъ чловѣка живуцій въ немъ? Такжеже и Божія никтоже вѣсть, точію Духъ Божій.*

Объясняетъ Апостоль, какъ Духъ Божій вѣдаетъ всѣ глубины Божіи, общепонятнымъ сравненіемъ сего съ тѣмъ, что происходитъ въ каждомъ чловѣкѣ. Что ни происходитъ въ духѣ чловѣка, все то сокрыто отъ внѣшнихъ чрезъ тѣло, самъ же духъ чловѣка, себя сознающій, все то вѣдаетъ и не можетъ не вѣдать. хотя бы не хотѣлъ: ибо все то въ немъ самомъ происходитъ. Такъ Духъ Божій въ Богѣ все вѣдаетъ, потому что все, что есть въ Богѣ, въ Немъ есть, яко нераздѣльно съ другими Лицами сущемъ Богѣ единомъ. А Сынъ Божій развѣ не вѣдаетъ всего? Вѣдаетъ. И Богъ Отецъ все вѣдаетъ. Вѣдѣніе нераздѣльно въ Божествѣ

и одинаково всѣмъ Лицамъ принадлежитъ. О Духѣ же поминаетъ св. Павелъ потому, что рѣчь о Немъ, открывающемъ тайны Божіи. Или можетъ быть онъ указываетъ здѣсь на духъ Божества, всѣ впостаси объединяющій въ единомъ сознаниіи единого Божества, говоря по-человѣчески.

Впрочемъ у Апостола Павла намѣреніе не то, чтобы вводить насъ въ тайны Божества, а то, чтобы пояснить, что Божія никто не знаетъ, кромѣ Духа Божія. Сокротно то отъ всѣхъ тварей, и никто постигнуть того самъ не можетъ, на какой бы высокой ступени въ лѣствицѣ творенія ни стоялъ. Сказалъ онъ, что намъ открылъ Духъ Святой. Теперь, какъ бы кто не подумалъ: вамъ Духъ Святой открылъ, а мы другою дорогою до того же дойдемъ, дополняетъ: Божія никто не знаетъ, кромѣ Духа Божія. Иного пути, слѣдовательно, къ познанію премудрости Божіей, въ тайнѣ сокровенной, нѣтъ и быть не можетъ. Или у насъ учитесь, или оставайтесь внѣ, въ невѣдѣніи и непониманіи дѣла. И намъ послѣдую, не нами будете научены, а Духомъ Божіимъ, всѣхъ обучающимъ и просвѣщающимъ, Котораго подаетъ распятый Господь, вѣры ради.

Ст. 12. *Мы же не духа міра сего пріяхомъ, но Духа, Иже отъ Бога, да въмы, яже отъ Бога дарованная намъ.*

Апостолу предлежало сказать: сего-то Духа, въдушного глубины Божіи и все Божіе, мы и пріяли; но какъ чрезъ противопоставленіе мысль утверждаемая становится яснѣе, то онъ напередъ сказалъ о духѣ міра, что не его пріяли мы,—не этотъ духъ пріяли, предъ которымъ затворена дверь тайнъ Божіихъ,—и который какъ самъ во тьмѣ сидитъ, какъ тьмою покрываетъ и всѣхъ, которые хотя мало нѣчто вдохнуть его въ себя. И князя вѣка съ сынами его исполнены духа, который

тоже вѣдаетъ глубины, но не Божіи, а сатанины. Или сатана самъ и есть этотъ духъ міра, который омрачаетъ разумъ невѣрныхъ, чтобы не возсіялъ въ нихъ свѣтъ благодатный. Всячески духъ міра здѣсь не есть идея,—или образъ мыслей и чинаній сыновъ міра, надежды ими питаемая, цѣли ими преслѣдуемая, обычаи и нравы, заправляющіе всѣмъ среди ихъ,—но духъ, властвующій надъ всѣмъ этимъ, все это приводящій въ движеніе и кружащій тѣмъ міролюбцевъ. Такъ заставляетъ полагать противопоставленіе его Духу Божію.

Не этого духа, но *Духа, Иже отъ Бога* пріяли мы,—отъ Бога—*ἐκ θεοῦ*—изъ Бога, т.-е. Духа, изъ Бога Отца исходящаго. Апостолы пріяли Его въ день пятидесятницы. Отъ нихъ потомъ пріяли Его и всѣ вѣрующіе чрезъ возложеніе рукъ (миропомазаніе). Такъ началось, такъ и доселѣ есть. Въ какихъ общинахъ нѣтъ сего таинства, тамъ нѣтъ и Духа Божія. Если безъ Духа Божія нѣтъ вѣдѣнія христіанства истиннаго, то слѣдствіе очевидно. Говорить можно, но не въ научныхъ Духа.

Да вѣдѣте, яже отъ Бога дарованная намъ. „Самъ, отъ Отца исходящій, Духъ научилъ насъ сокровеннымъ тайнамъ“ (Θεод.). „Свѣтъ есть Духъ Божій, и мы пріяли сей свѣтъ, да имъ просвѣщаемые узримъ сокровенное доселѣ. Что же именно? То, что даровано намъ отъ Бога, даровано по домостроительству Христову, т.-е. какъ Онъ за насъ умеръ, какъ содѣлалъ насъ сынами Богу, и какъ спосадилъ въ себѣ на небесахъ одесную Отца; такъ что Духа неимѣющіе не вѣдаютъ сего“ (Экум.). Это вѣдѣніе Божественное дѣйствительно возсіяло на землѣ со времени сошествія Св. Духа, и доселѣ Имъ хранится въ Церкви Божіей и Имъ сообщается достойнымъ. Апостоль говоритъ не о себѣ только и своемъ времени, но о христіанахъ во всѣ времена.

Написано это въ книгахъ Новаго Завѣта; всякій читать можетъ и оглашаемымъ ко крещенію все то передается. Но вѣдѣніе настоящее всего всегда сообщается Св. Духомъ. Вѣра сильная и искренняя преданность Богу дѣлають душу хартією, на которой Духъ Божій начертываетъ тайны Божіи.

Ст. 13. *Яже и глаголемъ не въ наученыхъ человѣческія премудрости словесъхъ, но въ наученыхъ Духа Святаго, духовная духовными сразсуждающе.*

„Сказавъ о совершенномъ вѣдѣніи Духа, показавъ, что оно равно вѣдѣнію Божію, какъ вѣдѣніе человѣческое равно самому себѣ, и доказавъ, что мы познали все отъ Него, Апостоль продолжаетъ: *яже глаголемъ...* Видишь ли, какъ онъ возвеличилъ насъ достоинствомъ Учителя? Мы столько мудрѣ язычниковъ, сколько Платонъ отстоитъ отъ Св. Духа. Они имѣють своими учителями риторовъ, а мы—Святаго Духа“ (св. Злат.).

Прежде сказалъ о предметахъ открытыхъ Духомъ, или о содержаніи своей проповѣди, теперь говоритъ о формѣ, въ какой предлагали Апостолы свое ученіе. *Яже и глаголемъ.* *Яже*—то, что вѣмы чрезъ Духа, котораго пріяли отъ Бога, т.-е. всѣ тайны царствія, все домостройство спасенія. *Глаголемъ*—проповѣдუმъ. *возвѣщаемъ* вѣмъ; *не въ наученыхъ человѣческія премудрости словесъхъ*, не въ такой формѣ словесной, какую придумала человѣческая мудрость для передаванія своего ученія другимъ. Мысль здѣсь таже, что и въ словахъ: *не въ препрътельныхъ человѣческія премудрости словесъхъ*, или: *не въ премудрости слова.* Отрицается всякое словесное искусство, которому учать риторы. Существо сего искусства въ томъ, чтобы разными оборотами и приѣмами рѣчи возбуждать движенія сердца и страсти. и посредствомъ сего овладѣвать умами и склонять ихъ на свою сторону. Поелику все страстное можетъ быть

обращаемо только на земное, житейское, плотское; мудрость же Божія принадлежитъ совершенно къ противоположной области; то придуманные къ возбужденію страстей приемы рѣчи и неприняты Духомъ при преподаваніи премудрости Божіей людямъ. Мы, говорить, и не пользовались ими. У насъ были свои приемы. Какъ училъ Духъ Божій, такъ мы и говорили. Духъ Божій внушалъ опредѣленные истины; онъ вызывали опредѣленные понятія, а понятія привлекали опредѣленные слова. Слова сіи братья были изъ суммы словъ, какими обладалъ тотъ, кому открывалась истина, равно и образъ рѣчи пробуждался тоже тотъ. къ какому привыкъ, или сроденъ приемлющій откровеніе. Но когда надлежало предлагать ученіе, онъ не только не ходилъ за искусствомъ въ риторике, но и совсѣмъ не заботился о словѣ. Оно лилось изъ сердца, приведеннаго въ движеніе Духомъ, печатлѣвшимъ тамъ тайны царствія. Это и выразилъ Апостоль, сказавши: *глаголемъ... въ наученыхъ Духа Святаго*. Тоже самое обѣтовалъ еще и Господь говоря: *не пещитесь, како или что возглаголете, дастся вамъ въ той часъ, что возглаголете: не вы бо будете глаголющии, но Духъ Отца вашего глаголай въ васъ* (Матѣ. 10, 19. 20).

Духовная духовными сразсуждающе.—Сразсуждающе—εὐφραίνοντες. Глаголь сей значить: подбирать одинъ предметъ къ другому такъ, чтобъ они подходили другъ къ другу. *Духовная*—премудрость Божія, всѣ истины Духомъ Божіимъ внушаемая: *духовными*—духовными словами, оборотами рѣчи, способами выраженія открываемыхъ истинъ. Итакъ Апостоль говорить: для духовныхъ истинъ подбирая соотвѣтственныя тѣмъ предметамъ слова и обороты рѣчи, которые тоже надлежитъ назвать духовными. Мы никогда не позволяли себѣ спускаться долу съ той высоты, на которую ставило насъ созер-

паніе, Духомъ Божиимъ производимое, чтобъ здѣсь, въ сферѣ суетной мудрости человѣческой, находить способы для выраженія Божественныхъ истинъ. Хотя Духъ Божій двигалъ языкъ благовѣстниковъ, но они не теряли самообладанія, и рѣчь свою направляли сознательно.

Св. Златоустъ объясняетъ, гдѣ братья нужны для поясненія предметы. Говорить—изъ прообразовъ и пророчествъ. Вотъ его рѣчь: „что значитъ: *духовная духовными сразсуждающе?* Если касательно духовнаго встрѣчается какое-либо недоумѣніе, то мы приводимъ и объясненія отъ предметовъ духовныхъ, напимѣръ: я говорю, что Христосъ воскресъ, что Онъ родился отъ Дѣвы, и для объясненія привожу свидѣтельства и прообразованія—пребываніе Іоны внутри кита и послѣдующее освобожденіе оттуда, рожденіе безплодныхъ женъ Сарры, Ревекки и другихъ, произрастеніе деревъ въ раю, тогда какъ еще не были брошены сѣмена, не проливался дождь, не были проведены бразды. Ибо будущія событія были начертаны и прообразованы, какъ бы въ тѣни, прежними, дабы увѣрвали въ нихъ, когда они совершились. Показываю еще, какъ человѣкъ произошелъ изъ земли, какъ безъ всякаго совокупленія жена произошла отъ одного мужа, какъ самая земля произошла изъ ничего, какъ вездѣ и во всемъ достаточно было могущество Создателя. Такъ я объясняю духовное духовнымъ, и нигдѣ не прибѣгаю къ внѣшней мудрости, къ разсужденіямъ и умозаключеніямъ. Языческіе мудрецы напрягаютъ и терзаютъ слабый разумъ свой, и никакъ не могутъ объяснить того, о чемъ говорятъ, но еще дѣлаютъ противное, приводятъ въ большее замѣшательство, и увеличиваютъ мракъ и недоумѣніе.“ Такъ и всѣ наши—*Теодоритъ, Экуменій, Теофилактъ.*

Теофилактъ между прочимъ выразилъ еще и такую мысль: „*духовная духовными сразсуждающе, т.-е. духов-*

ныя истины духовнымъ лицамъ предлагая, или о духовномъ съ духовными разсуждая: ибо одни такіе могутъ вмѣстить ихъ.“ Πνευματικα πνευματικοῖς συζητούντες... Πνευματικοῖς можетъ быть и дательнымъ падежомъ переводимо. Къ нему пристали нѣкоторые и новые толковники, и образовалось мнѣніе, что это именно и хотѣлъ сказать здѣсь Апостоль. Предпочестъ такое мнѣніе первому можетъ быть будетъ слишкомъ много, но и совсѣмъ презрѣть его не слѣдуетъ. Ему даетъ вѣроятность слѣдующій текстъ: *душевенъ же человекъ не приемлетъ, яже Духа Божія*, какъ будто вызванный тѣмъ, что сказано, т. е. мы стараемся духовное предлагать духовнымъ,—или о духовномъ съ духовными разсуждать, ибо они только способны принять то; душевный же человекъ не приемлетъ духовнаго. Подразумѣвается: мы ему и не предлагаемъ. Такъ и Спаситель заповѣдалъ: *не пометать бисера.*

Ст. 14. *Душевенъ же человекъ не приемлетъ, яже Духа Божія, юродство бо ему есть, и не можетъ разумѣти, зане духовнъ востязуется.*

Душевный человекъ—тотъ, кто познать все хочетъ своимъ умомъ, и то только признаетъ истиннымъ, что ему кажется таковымъ,—кто жизнь свою и всѣ начинанія свои устрояетъ собственными своими способами, на нихъ однихъ опираясь, какъ на прочной основѣ,—кто цѣлю жизни поставляетъ покой и счастье земные, и все обращаетъ въ средство къ тому,—кто такъ привыкъ къ осязаемому и чувствуемому, что невидимое и духовное не считаетъ и существующимъ. *Яже Духа Божія*—то, что предлагаетъ премудрость Божія, Духомъ Божиимъ внушаемая, совершенно этому противоположно. Она открываетъ догматы, которые принимаются вѣрою наперекоръ уму, заповѣдуетъ отказаться отъ всѣхъ своихъ способствъ, и предать жизнь и внѣшнюю

и тѣмъ паче духовную въ руки Божіи, указываетъ цѣль за гробомъ и для достиженія требуетъ принести въ жертву счастье, довольство и покой земной, велитъ такъ жить, какъ бы ни тѣла и ничего видимаго не было, а было одно невидимое, которое вкушать и значить жить.

По такой противоположности требованій духовной премудрости Божіей и настроенія душевнаго человѣка, очень естественно, что послѣдній не принимаетъ ничего изъ требованій первой. Невмѣстимы для него вѣщанія Духа, юродствомъ кажутся они ему, и онъ ничего въ нихъ понять не можетъ. Чтобы принять и разумѣть духовное и узрѣть въ немъ мудрость, для этого надобно душевному человѣку перестать быть душевнымъ, или покрайней мѣрѣ возжелать сего. Мы имѣемъ въ естествѣ своемъ духовный элементъ—духъ, вдунутый въ лице первозданнаго. Ему свойственъ страхъ Божій, ему принадлежатъ требованія совѣсти, онъ вселяетъ недо-вольство всѣмъ тварнымъ. Когда душа, сила, кою предоставлено завѣдываніе земнымъ бытомъ, возьметъ верхъ надъ духомъ, онъ бываетъ заглушенъ, но никогда не уничтожается, и всегда есть внутри, и тотчасъ по-даетъ голосъ, какъ только откроется случай. Когда Апостолы пошли на проповѣдь, чтобы возвѣщать яже Духа Божія и въ научныхъ Духа Святаго, тогда они повсюду, особенно среди язычниковъ, встрѣчали преимуще-ственно людей душевныхъ. На чемъ же основывалась надежда успѣха, когда душевный не приѣмлетъ яже Духа Божія? На томъ, что какъ ни душевенъ кто, въ немъ сокрытъ духъ, который, подъ дѣйствиємъ благодатнаго благовѣстія, возвышалъ голосъ въ душевномъ человѣкѣ и понуждалъ его и слушать, и соглашаться на слышанное. И это въ разной степени. У иного духъ едва приходилъ въ движеніе, у иного онъ возставалъ съ такою силою, что тотчасъ совершалось и обращеніе.

Но совѣсьмъ душевный затыкаль уши и бѣжалъ отъ проповѣди Апостольской, или возставаль противъ нея. Апостоль всюду былъ свидѣтелемъ сего явленія и свидѣтельствуеть, что погрязшій въ душевность не вмѣщаетъ вѣщаній Духа, не разумѣеть ихъ и не приемлетъ.

Зане духовнѣ востязуется. Востязуется—*ανακρίνεται*!—обсуждается. Въ комъ не заглушены естественныя движенія и проявленія духа, особенно страхъ Божій и совѣсть, тотъ, слушая Апостольское благовѣстіе, находилъ въ немъ сродный элементъ, приковывался къ нему вниманіемъ, обсуждалъ его, и видя, какъ оно соотвѣтствуетъ требованіямъ его собственнаго духа, прилѣплялся къ нему, вѣровалъ, и обновлялся въ таинствахъ. Съ сей минуты онъ уже не своимъ однимъ духомъ обсуждалъ яже Духа Божія, но и оживотворившею его и вселившеюся въ него благодатію. Онъ вступалъ въ область духовную и благодать Духа вводила его постепенно въ вѣдѣніе того, яже Духа Божія. И таковымъ-то лицомъ духовное собственно духовно востязуется. Естественный духъ, возбужденный благовѣстіемъ, востязываль духовное только вѣроятностію, чаяніемъ, а этотъ востязуеть теперь яко дѣйствительное, обладаемое, вкушаемое.

Ст. 15. *Духовный же востязуеть убо вся, а самъ той ни отъ единого востязуется.*

Сопоставляетъ Апостоль кругозоръ духовнаго чело-вѣка и чело-вѣка душевнаго. Хотя онъ не называетъ послѣдняго, но очевидно, что его онъ разумѣеть подъ немогущимъ востязывать духовнаго. Духовный, говоритъ, обсуждаетъ, обозрѣваетъ, и опредѣляетъ *вся*: свою область духовную онъ востязуеть, ибо въ ней пребываетъ, почему и знаетъ ее, какъ знаютъ обыкновенно домъ, въ которомъ живутъ; и душевную область востязуеть и обозрѣваетъ, и понимаетъ, ибо хотя онъ не

въ ней уже, но знаетъ ее хорошо, потому что столько томился подъ игомъ ея, знаетъ всѣ извороты душевности, и все, на чемъ она опирается и куда мѣтитъ, когда то, или другое говорить, то или другое начинаетъ. Съ первыхъ словъ онъ узнаетъ душевнаго и духовнаго, и соотвѣтственно тому распоряжается своимъ поведеніемъ въ отношеніи къ нимъ. Душевный же человѣкъ не можетъ понять духовнаго ни съ какой стороны, ибо то, въ чемъ тотъ живетъ, для него невѣдомая земля. Видитъ только, что онъ не тотъ, и что вмѣсто того, чтобъ въ извѣстномъ случаѣ ожидать такого-то проявленія въ немъ, является въ немъ совсѣмъ другое. И это для него непостижимо. Ни образа мыслей его, ни правилъ жизни понять и объяснить онъ себѣ не можетъ. Для душевнаго человѣка духовный не понятенъ, не востязуется имъ. Тутъ бываетъ тоже что на примѣръ, когда, въ двухъ или трехъ-этажномъ домѣ, человѣкъ, жившій въ нижнихъ этажахъ, переходитъ въ верхній. Онъ свой этажъ хорошо знаетъ, знаетъ и нижніе этажи, а тѣ, которые живутъ въ нижнихъ этажахъ, и которымъ не удавалось побывать въ верхнихъ, ничего таможняго не знаютъ и судить о томъ не могутъ.

Св. Златоустъ говоритъ: „видящій видитъ все и даже то, что относится къ невидящему; а что къ нему относится, того не видитъ никто изъ невидящихъ. Такъ и здѣсь, мы знаемъ и свое, и все то, что относится къ невѣрнымъ, а они нашего не знаютъ. Ибо мы знаемъ, каково свойство предметовъ настоящихъ и каково достоинство будущихъ, что будетъ съ міромъ впоследствии, какое понесутъ наказаніе грѣшники и чѣмъ будутъ наслаждаться праведники; знаемъ, что блага настоящія не имѣютъ никакого достоинства, и обличаемъ ничтожность ихъ, а будущія вѣчны и неизмѣнны. Духовный знаетъ все это, и то, какое понесетъ наказаніе чело-

вѣкъ душевный въ жизни будущей, и то, чѣмъ будетъ наслаждаться вѣрующій, переселившись отсюда; а душевный не знаетъ ничего такого.“

Ст. 16. *Кто бо разумъ ума Господень, иже изъяснитъ и? Мы же умъ Христовъ имамы.*

Причину приводить, по которой никто изъ душевныхъ духовнаго человѣка понять и обсудить не можетъ. Ибо, говорить, что въ духовномъ человѣкѣ есть, то есть умъ Христовъ,—духъ Христовъ, Христовы у него созерцанія, Христовы расположенія, Христовы силы, планы, надежды—все Христово. Христова же ума, ума Господня никто изъ душевныхъ разумѣть не можетъ, такъ чтобы понятно было въ немъ все. Какъ этого никто изъ нихъ не можетъ разумѣть, то не можетъ разумѣть и духовнаго, потому что у него тотъ же умъ. Слова: *иже изъяснитъ и*,—кто относить къ уму Господню, такъ: кто знаетъ умъ Господень, чтобъ ясно понимать его и согласовать съ своими понятіями? (Θεοφ.). Кто относить къ духовному человѣку, такъ: кто разумѣетъ умъ Господень, чтобъ понять и обсуждать духовнаго человѣка? А въ насъ духовныхъ—Христовъ умъ, т.-е. Господень. Главная мысль и при томъ и другомъ разумѣніи сихъ словъ остается одна и таже: духовная область—съ тѣмъ, что въ ней содержится, и съ лицами и предметами—недоступна для душевнаго человѣка: понять онъ въ ней ничего не можетъ, не только какъ она есть въ себѣ, но и какъ отрывается въ лицахъ, духовно живущихъ.

Вотъ что говорить на это св. Златоустъ:

„*Умъ Христовъ имамы*,—т.-е. мы знаемъ то, что въ умъ Христовомъ, чего Онъ хочетъ, и что открылъ намъ. Такъ какъ Апостоль выше сказалъ, что Духъ открылъ намъ, то, дабы кто не отвергъ Сына, присовокупляетъ, что и Христосъ открылъ, выражая не то, будто мы знаемъ все, что знаетъ Христосъ, но что все наше

знаніе не есть человѣческое, и потому подверженное сомнѣнію, но есть знаніе ума Христова и духовное. Разумѣніе, какое мы имѣемъ, есть Христово, т.-е. познаніе, которое мы имѣемъ о предметахъ вѣры, есть познаніе духовное, а потому дѣйствительно о насъ судить никто не можетъ, ибо человѣкъ душевный не можетъ знать предметовъ Божественныхъ. Посему Апостоль и сказалъ: *кто бо разумъ умъ Господенъ*, утверждая, что наше разумѣніе этихъ предметовъ есть Его разумѣніе. И слова: *иже изъяснитъ и*—онъ прибавилъ не напрасно, но соотвѣтственно вышесказаннымъ словамъ, *духовный ни отъ единого възстязуется*.—Видишь ли, какъ разнообразно онъ опровергаетъ внѣшнюю мудрость и показываетъ, что духовный человѣкъ знаетъ больше и лучше?—Мы только такимъ образомъ (т.-е. имѣя умъ Христовъ) можемъ видѣть и познавать предметы высокіе, таинственные и находящіеся выше насъ; а разумъ оказался недостаточнымъ, потому что посредствомъ мірской мудрости мы не можемъ постигнуть то, что выше насъ.—*Мы же умъ Христовъ имамы*,—т.-е. духовный, Божественный, не имѣющій въ себѣ ничего человѣческаго; Свое вѣдѣніе Христосъ сообщилъ нашему разуму.—И Христосъ: Самъ доказательствомъ совершеннаго дружества представляетъ то, что Онъ открылъ намъ тайны: *не кому, говоритъ, васъ глаголю рабы: вы друзи Мои есте: яко вся, яже слышахъ отъ Отца, сказалъ вамъ*. т.-е. ввѣрилъ вамъ (Іоан. 15, 14. 15). Если же и одно только довѣріе служитъ знакомъ дружества, то помысли, какую любовь выразилъ Онъ, ввѣривъ намъ тайны не на словахъ только, но сообщивъ ихъ намъ на самомъ дѣлѣ.—Устыдимся же; и если не слишкомъ устрашаетъ насъ геенна, то пусть будетъ для насъ страшнѣе геенны—оказаться непризнательными и неблагодарными къ такому другу и благодѣтелю.“

б).

Второй источникъ толковъ, раздѣлявшихъ Коринѳянь — неправильное понятіе о томъ, что суть Апостолы въ дѣлѣ проповѣди, а за ними и всѣ другіе учителя,—и если судить объ нихъ, то съ какой точки зрѣнія надо судить объ нихъ. То и другое объясняетъ теперь св. Павелъ, направляя рѣчь къ вразумленію коноводовъ, заправлявшихъ партіями. Съ сею цѣлю св. Павелъ показываетъ аа) что Апостолы суть только работники на нивѣ Божіей (гл. 3),—и бб) что судить ихъ надо не почему-либо внѣшнему, а по тому, вѣрны ли они своему призванію и назначенію (4, 1—16).

аа).

Что суть Апостолы въ дѣлѣ проповѣди, въ устройствѣ спасенія вѣрою въ Господа?

а) Переходъ къ рѣчи объ этомъ Апостоль устроитъ изъ предыдущихъ мыслей. Душевный, говорилъ онъ, не понимаетъ духовнаго. Потому и предлагать ему объ этомъ пространное ученіе не подобаетъ. По этой причинѣ, говорить, и я вамъ не предлагалъ высокаго, ибо вы еще не духовны. А что вы не духовны, видно изъ вашихъ толковъ (3, 1—4). Вы ясно этимъ показали, что не понимаете духовнаго порядка вещей. Зачѣмъ вы распредѣлялись по людямъ? Развѣ мы—источники проповѣди евангельской и производители спасенія?

б) Все устроитъ Богъ, а мы только орудія Его (3, 5—9). Исходя изъ сей мысли далѣе Апостоль дѣлаетъ в) наведенія, вразумительныя для вождей раздѣленія.

а).

Переходъ нъ указанію значенія Апостоловъ въ дѣль устроенія спасенія проповѣдію Евангелія.

3,1—4.

Ст. 1. *И азъ, братіе, не могохъ вамъ глаголати яко духовнымъ, но яко плотнымъ, яко младенцемъ о Христвъ.*

Объяснивши такъ полно отношеніе внѣшней мудрости къ премудрости Божіей и жизни душевной къ духовной, св. Павелъ приготовилъ себѣ твердую точку опоры, утверждаясь на которой онъ теперь начинаетъ понемногу вразумлять заблудившихся и уклонившихся съ пути истины въ слѣдъ своихъ мудрованій. Чтобы объяснить, почему св. Павелъ говоритъ теперь о томъ, что онъ не могъ предлагать Коринѣянамъ высокаго ученія, надо предположить, что заправлявшіе коринѣскими толками въ основаніе предпочтенія св. Павлу, напр. Аполлоса, ставили то, что св. Павелъ говоритъ просто и не высокія истины, не то, что Аполлосъ, который и краснорѣчивъ и многознающъ. Онъ точно сильно доказывалъ Писаніями, что Іисусъ есть Христосъ (Дѣян. 18, 28). Оставляя совершенство Аполлоса или другаго кого въ сторонѣ, св. Павелъ беретъ одно,—почему самъ онъ не предлагалъ у нихъ высокіхъ истинъ, и объявляетъ, что точно не предлагалъ, но причина этому не въ немъ, а въ нихъ самихъ. Не могъ я, говоритъ, возвѣщать вамъ высокіхъ истинъ, какъ духовнымъ, когда вы плотскіе, или какъ мужамъ совершеннымъ, когда вы младенцы.

Мы возвѣщаемъ высшую премудрость, но совершеннымъ (—2, 6). тотчасъ ли по крещенію кто является

таковымъ, или восходить къ такому совершенству постепенно; только пока несовершенъ кто, тому не возвѣщаемъ высшихъ истинъ. Таковъ законъ у насъ—духовныя бесѣды соразмѣрять съ духовностію слышащихъ (—2, 13), чтобъ не тратить понапрасну труда сѣянія и сѣмянъ, когда нива не подготовлена къ принятію ихъ и возвращенію. Такъ дѣйствовать, какъ я у васъ дѣйствовалъ, обязывалъ меня Апостольскій долгъ. „Я не потому умалчивалъ, чтобы не могъ сказать вамъ ничего больше, но потому, что вы *плотстѣи есте*“ (св. Злат.).

Въ какомъ смыслѣ плотскіе? Въ томъ, что еще не совсѣмъ отрѣшились отъ плотскаго и душевнаго образа мыслей и цѣлей. Они уже увѣрвали, уже пріяли крещеніе, ожили духомъ; но плотское и душевное мудрованіе еще живо было въ нихъ и вмѣшивалось въ область духовную, какъ видно даже въ употребленіи чрезвычайныхъ даровъ Св. Духа. „Апостоль называлъ Коринѣянь плотяными, какъ пристрастныхъ къ жизни сей, помогающихъ того, что славно по людскому мнѣнію, и обращающихъ вниманіе на богатство и краснорѣчіе (внѣшнія преимущества)“ (бл. Θεод.).

Апостоль называлъ ихъ плотяными; но чтобы показать, что эта плотяность не такая, какъ у некрещенныхъ, прибавляетъ, что они *суть младенцы о Христѣ*. У некрещенныхъ и начатка нѣтъ духовной жизни, а у нихъ она есть, они уже возродились въ духѣ, но рожденный въ нихъ новый человѣкъ—еще въ младенствѣ, еще вокругъ его прорываются проявленія плотской и душевной жизни, только эти должны малиться и совсѣмъ кончиться, а тотъ расти и мужать. „Поелику сказанное (т.-е. что плотяны) могло поразить ихъ, то смягчая наносимый ударъ нѣкоторымъ подобіемъ, говорить: *яко младенцы о Христѣ*, т.-е. вы плотяны еще, какъ новорожденные и несовершенные“ (Θεод.).

Если св. Павелъ, живя съ ними полтора года, не могъ достигнуть того, чтобы подвигнуть ихъ къ совершенству въ духовной жизни, то надо признать за несомнѣнное, что внѣшняя образованность, доскъ жизни, утонченность житейскихъ нравовъ и вкусовъ—чѣмъ отличались Коринѣяне—служатъ наибольшимъ препятствіемъ къ совершенству христіанскому, задерживая ревнующихъ о томъ плотскими понятіями и видами, а у другихъ погашая и самую ревность о томъ.

Св. Златоустъ рѣшаетъ при этомъ вопросъ, какъ же они имѣли столько дарованій духовныхъ, какъ ниже поминается,—и рѣшивъ его, дѣлаетъ примѣненіе къ совершителямъ таинъ, которое назидательно помянуть во всякое время: „но какъ онъ называетъ плотскими людей, которые получили столько даровъ Духа и которыхъ онъ въ началѣ посланія превозносилъ такими похвалами? Точно также, какъ были плотскими тѣ, которымъ говорилъ Господь: *отыдите отъ Мене, не възмъ васъ, отлающіи беззаконіе* (Мѡ. 7, 23), хотя они изгоняли бѣсовъ, воскрешали мертвыхъ и изрекали пророчества. Слѣдовательно и тотъ, кто совершалъ знаменія, можетъ быть плотскимъ. Такъ Богъ дѣйствовалъ и чрезъ Валаама, открывалъ будущее (во снѣ) и Фараону, и Навуходносору, и Каіава пророчествовалъ, самъ не зная, что говорилъ, и другіе нѣкоторые изгоняли бѣсовъ именемъ Христа, хотя сами не были Христовыми; потому что все это бываетъ не для совершающихъ, а для другихъ. Часто это совершалось и чрезъ недостойныхъ. Случается, что начальники бываютъ злые и невоздержные, а подчиненные — добрые и воздержные,—міряне живутъ благочестиво, а священники порочно; и еслибы благодать всегда искала достойныхъ, то не было бы ни крещенія, ни совершенія тѣла Христова, ни приношеній. Но теперь Богъ дѣйствуетъ и чрезъ недостойныхъ,

и благодать крещенія нисколько не терпитъ вреда отъ жизни священника; ибо иначе и приѣмлющій терпѣлъ бы вредъ. Хотя это бываетъ рѣдко, однако бываетъ. Говорю это для того, чтобы кто-нибудь изъ предстоящихъ, наблюдая за жизнью священника, не соблазнялся касательно совершаемыхъ имъ таинствъ. Человѣкъ ничего не приноситъ въ нихъ отъ себя, но все это есть дѣло силы Божіей; Онъ дѣйствуетъ на васъ въ таинствахъ.“

Ст. 2. *Млекою вы напоихъ, а не брашною: ибо не уможаете, но ниже еще можете нынѣ.*

Млекою называетъ Апостоль начатки христіанскаго ученія, а *брашною* — полное преподаваніе премудрости Божіей, въ тайнѣ сокровенной. Первое прилично младенцамъ о Христѣ, а второе мужамъ совершеннымъ. Какъ вы еще младенцы, то я и преподавалъ вамъ только начатки ученія, и напоилъ васъ имъ, какъ дѣтей поятъ молокомъ. „Ученіе, говоритъ, соразмѣрялъ я съ немощію слуха, и подражалъ отцу, который новорожденнымъ младенцамъ предлагаетъ соразмѣрную съ возрастомъ пищу“ (Θеод.).

Что млеко и что брашно въ христіанскомъ ученіи? Одинъ толковникъ, отвѣчая на это, говоритъ: *млеко* — фактическая сторона устроенія спасенія, а *брашно* — восхожденіе къ основаніямъ, почему такъ, и проведеніе къ слѣдствіямъ, что изъ того. Это можно принять. Ибо вѣрующій приступающій къ Господу долженъ вѣровать, что Богъ, въ Троицѣ поклоняемый, міръ создалъ и о немъ промышляетъ, что Онъ, создавъ человѣка по образу и подобію Своему, поставилъ его въ рай для блаженной жизни, что онъ палъ и отъ паденія своего возстается только Сыномъ Божіимъ воплотившимся, Который воплотившись умеръ на крестѣ и тѣмъ спасъ падшаго, что вѣрующій и крещаемый вступаетъ въ общеніе сей смерти и получаетъ новую жизнь, въ ко-

ей съ помощію благодати среди скорбей и лишеній въ борьбѣ со страстьми и похотьми, пребывъ вѣрнымъ Господу чрезъ исполненіе Его заповѣдей, дѣлается онъ достойнымъ того, что по второмъ пришествіи Господь прославить его съ Собою въ царствіи небесномъ. Такіе очерки всего домостроительства спасенія часто дѣлаеть св. Павелъ въ посланіяхъ. И можно положить, что это служило для него символомъ, какой преподавалъ онъ всѣмъ, оглашая ихъ въ первый разъ призыванія къ вѣрѣ и спасенію. Это же конечно преподавалъ онъ и Коринѣянамъ, и теперь называетъ млекою. Тутъ точно всѣ факты содержатся, то уже совершившіеся, то имѣющіе совершиться. Когда созерцаніе христіанское углубится въ нихъ и дойдетъ до основанія, и пройдетъ до слѣдствій, тогда получится брашно духовной мудрости, отъ преподаванія которой Апостоль воздержался въ Коринѣѣ.

Не у можете. Что тогда не могли, не дивно, ибо только приступили къ Господу; но что и *донныи* (когда писалось посланіе) *не могутъ*, это заставляетъ предполагать большія препятствія къ духовному преспѣванію въ порядкахъ обычной коринѣской жизни. Можетъ быть они тѣ же, что и во всѣхъ столичныхъ и вообще въ большихъ городахъ, — слишкомъ большое развитіе плотской, самоугодливой жизни. Во внѣшней мудрости они преуспѣвали, а въ духовной отставали, не отъ того ли, что онѣ одна съ другою не уживаются. Пять лѣтъ уже, какъ христіанами, а все дѣти. Поелику Апостоль говорить, то надо положить, что такъ и было, т.-е. что Коринѣяне и не могли, и не могутъ еще (въ часъ писанія посланія) принять уроки духовной премудрости Божіей. Св. Златоустъ говорить: „если они не могли въ началѣ, то это, можетъ быть, зависѣло отъ сущности самыхъ предметовъ, хотя и такого оправданія, какъ онъ доказалъ, представить они не могутъ, ибо потому,

говорить, предметы были для нихъ невѣстимы, что сами они были плотяны. Впрочемъ въ началѣ это было еще не столь предосудительно; а не достигнуть вѣдѣнія предметовъ совершенныхъ въ теченіе столь долгого времени, это уже знакъ крайней безпечности.“

Ст. 3. *Еще бо плотстїи есте. Идѣже бо въ васъ зависти и рвенїя и распри, не плотстїи ли есте, и по чловѣку ходите?*

Сказаль, что не могутъ еще принять уроковъ высшей мудрости христіанской; теперь указываетъ, почему онъ такъ судить. Потому, говорить, что вы еще плотскіе, а что вы плотскіе, видно изъ того, что въ васъ дѣйствуютъ страсти, зависть, рвенїя, распри. И въ посланїи къ Галатамъ, перечисляя дѣла плотскїя, поставляя въ нихъ *рвенїя, завиды, распри* (Гал. 5, 20). Почему и теперь къ Коринѣянамъ говорить: если въ васъ дѣйствуютъ эти страсти, то не плотскіе ли вы? и не по чловѣку ли ходите? По чловѣку, т.-е. падшему, поврежденному, по возбужденїямъ и требованїямъ падшей, поврежденной природы. Осязательнѣйшїй слѣдъ и признакъ поврежденїя—страсти: онѣ привзошли вслѣдствїе паденїя въ чистую и безстрастную природу чловѣка. Благодать Духа приходитъ, чтобы истребить ихъ и очистить отъ нихъ природу нашу; но истребляетъ не сама, а помогаетъ въ этомъ произволенїю, которое одно никакого въ семь дѣлѣ успѣха имѣть не можетъ. Какъ произволенїе, и прїявъ Духа, не съ одинаковою ревностїю возстаеъ противъ своихъ страстей, то въ иныхъ скоро, въ иныхъ медленно истаявають и испаряются страсти. Оттого и Духа прїявшїй страстнымъ является; потому что не вседушно противостоить имъ. Пока такой внутри порядокъ держится, до тѣхъ поръ чловѣкъ плотянь, страстенъ. Когда же онъ заставитъ со всѣмъ замолкнуть страсти помощїю благодати, тогда

благодать Духа просіяваетъ въ немъ, и онъ является духовнымъ. Такой и есть достойное вмѣстилище тайнъ премудрости Божіей.

Зависти, рвенія и распри разумѣтъ Апостоль тѣ, которыя обнаруживались по случаю толковъ. Изъ-за этого спорили одни передъ другими, рвались изъ всѣхъ силъ, чтобъ доказать превосходство своей стороны, и завидовали, когда одному удавалось переспорить другаго. „Все это доказываетъ, говорить, что вы не размышляете ни о чемъ духовномъ, но привязаны къ земному“ (Ѳеод.). „Онъ могъ бы укорять ихъ и въ прелюбодѣяніи, и въ невоздержаніи, но особенно указываетъ на тотъ грѣхъ, который теперь старается искоренить. Отсюда мы научаемся, какъ справедливо сказалъ Христосъ, что *всякъ дѣлающій злая не приходитъ къ свѣту* (Іоан. 3, 20), что нечистая жизнь препятствуетъ уразумѣнію великихъ истинъ, не позволяя разуму проявлять свою мыслительность. Ведущему порочную жизнь нельзя возвыситься до разумѣнія нашихъ догматовъ, но должно очиститься отъ всѣхъ страстей каждому, желающему постигнуть истину. Кто очистится отъ нихъ, тотъ избавится и отъ заблужденія, и познаетъ истину. Не думай, что для этого тебѣ довольно только не быть корыстолюбивымъ и не прелюбодѣйствовать; нѣтъ, кто ищетъ истины, въ томъ должны соединиться всѣ добродѣтели“ (св. Злат.).

Ст. 4. *Егда бо глаголетъ кто: азъ убо есмь Павловъ: другій же: азъ Аполлосовъ: не плотстїи ли есте?*

Вотъ въ чемъ распри и чего касаются рвенія! Кажется, будто рвеніе ихъ вращается въ духовной области; но то, что разжигало сіе рвеніе, было совершенно плотскаго свойства. Всякій рвался лишь къ тому, чтобы устоять на своемъ, чего бы это ни стоило: истина тутъ въ сторонѣ. Рвались, чтобъ себя не ударить въ грязь

лицемъ. Самость все приводила въ движеніе; а она источникъ плотяности. Св. Златоустъ говоритъ: „Здѣсь онъ обращается къ подчиненнымъ; въ предыдущихъ словахъ (гл. 2) онъ обличалъ начальниковъ и говорилъ, что мудрость краснорѣчія не имѣетъ никакого достоинства, а теперь обличаетъ подчиненныхъ и показываетъ, что это (я Павловъ, Аполлосовъ) не только не принесло имъ никакой пользы, или пріобрѣтенія, но и заградило имъ путь къ полученію высшаго, ибо это произвело зависть; зависть сдѣлала ихъ плотскими; а когда сдѣлались они плотскими, то стали неспособны къ уразумѣнію высшихъ предметовъ.“

3).

Значеніе Апостоловъ и учителей въ дѣлѣ устроенія спасенія проповѣдію Евангелія

3, 5—9.

Ст. 5. *Кто убо есть Павелъ, кто же ли Аполлосъ? но точію служителие, имиже вѣровасте, и комуждо якоже Господь даде.*

„Объяснивъ и доказавъ свою мысль, онъ уже открыто приступаетъ къ обличенію“ (св. Злат.). Я приходилъ къ вамъ съ проповѣдію, потомъ Аполлосъ. Мы не сами отъ себя дѣйствовали; но вы, какъ плотскіе, остановились вниманіемъ на томъ, что предъ глазами,—на мнѣ съ Аполлосомъ, и какъ мы по личнымъ своимъ свойствамъ были не одинаковы и одинъ нравился болѣе однимъ, а другой другимъ, то естественно одни къ одному больше льнули, другіе къ другому. Еслибъ вы, минуя насъ больше внимали ученію нашему, то, не нашедши въ немъ никакого различія, и между собою не расходились бы. И еще болѣе объединились бы, еслибъ помышляли только о томъ, Кто поручилъ намъ

проповѣдь и привелъ къ вамъ. Увидѣли бы вы тогда, что мы только служители, служители Божіи, какъ исполнители Его порученія, и служители ваши, какъ принесшіе вамъ даръ спасенія. Мы—орудіе въ рукахъ Божіихъ, чрезъ которое вы увѣровали. „Конечно и это важно, и достойно вниманія и уваженія, но въ сравненіи съ первообразомъ и источникомъ благъ—ничто. Ибо не тотъ благодѣтель, кто служить при раздаяніи благъ, а тотъ, кто сообщаетъ и даруетъ ихъ.—Не сказалъ: приведшіе васъ къ вѣрѣ, но: *имже впроставте*, дабы опять и вѣрующимъ воздать должное, и показать, кто—служители (и что увѣрованіе шло помимо ихъ, не безъ дѣйствія свыше).—*И коемуждо якоже Господь даде*. И это малое дѣло (служеніе благовѣстію) зависѣло не отъ нихъ самихъ, а отъ Бога даровавшаго имъ (и въ такой мѣрѣ, какъ Онъ даровалъ). — Но неужели мы, могли бы они сказать, не должны любить служащихъ намъ? Такъ, говорить, но надобно знать, до какой степени; ибо дѣло ихъ не отъ нихъ самихъ, а отъ Бога даровавшаго имъ“ (св. Злат.).

Хочетъ Апостоль этими словами отвѣсть ихъ вниманіе отъ себя и Аполлоса, и перевестъ его къ Господу, отъ Котораго и благовѣстіе, и ихъ посланіе съ проповѣдію, и самое увѣрованіе Коринѳянь. И этой простой истины не дало имъ хорошо понять и усвоить плотское воззрѣніе на благовѣстниковъ, и суетное цѣненіе лицъ мѣркою внѣшней мудрости и внѣшняго вида и представительности.

Ст. 6. *Азъ насадихъ, Аполлосъ напои, Богъ же возрасти.*

Объясняетъ, что каждому изъ нихъ далъ Господь сдѣлать въ насажденіи въ Коринѳянахъ вѣры. „Я, говорить, посѣялъ слово; а дабы сѣмена не засохли отъ искушеній, Аполлосъ прибавилъ нѣчто съ своей сто-

роны; но все было дѣломъ Божиимъ“ (св. Злат.). „Успѣхъ зависитъ отъ благодати Божіей“ (Θеод.). Слѣдующіе внимаютъ проповѣди и желаніемъ склоняются принять ее. Богъ запечатлѣваетъ сіе желаніе благодатію и оно становится дѣломъ. Принявшимъ вѣру предлежитъ жизнь по вѣрѣ: и она невозможна безъ Божіей благодати. Желаніе возводитъ до усерднаго дѣйствованія и во все время дѣйствованія поддерживаетъ терпѣніе въ трудахъ по нему,—какъ вообще въ жизни, такъ и въ каждомъ частномъ дѣлѣ и начинаніи—Богъ. Если ростъ въ духовной жизни опредѣляется дѣйствованіемъ, то очевидно, почему говоритъ Апостоль: *Богъ возрасти.*—Но что же возрасти, когда они еще плотскіе?—Во-первыхъ, вѣру: ибо они въ вѣрѣ были крѣпки; во-вторыхъ въ извѣстной степени и жизнь по вѣрѣ. Ибо упоминаемые Апостоломъ недостатки нравственные касались частныхъ лицъ: въ общности же у нихъ проявлялись порывы и къ совершеннѣйшей жизни, какъ видно изъ вопроса ихъ о безбрачной жизни.—Можно и такъ сказать, что Апостоль не высокую степень роста духовнаго въ нихъ опредѣляетъ, а только хочетъ внушить, что все, что есть въ нихъ добраго, духовнаго,—все то Богъ въ нихъ возрастилъ, а они съ Аполлосомъ были только орудія сѣянія добрыхъ сѣмянъ, которыя тоже получены отъ Бога.

Ст. 7. *Тѣмъ же ни насаждаяй есть что, ни напаяй, но возвращаяй Богъ.*

„Ибо безъ Божія содѣйствія напрасенъ трудъ“ (Θеод.). Почему „все и относитъ Апостоль къ Богу, даровавшему все“ (св. Злат.), — „научая, что Ему одному должно внимать, и къ Нему относитъ все, утверждающееся въ насъ, доброе“ (Θеоф.). Насаждаяй же и напаяй—не суть что-либо, рѣшительно и исключительно важное въ дѣлѣ устроенія вашего спасенія. Трудъ ихъ

не ничто, какъ послѣ скажетъ, но ваше обращеніе къ вѣрѣ и ваше утвержденіе въ ней дѣйствовало среди васъ не ихъ силою. Мы говорили слово, но съ словомъ шла благодать и совершила въ васъ вѣру. Мы совершали для васъ таинства, но благодать вселилась въ васъ и стала обитать въ васъ не отъ нашего дѣйствованія, а отъ Божія устроенія (Августинъ de gratia Christi l. 1, с. 25).

Ст. 8. *Насаждаяй же и напаяй едино суть: кійждо же свою мзду приметъ по своему труду.*

Едино суть, — какъ орудія, чрезъ кои дѣйствуетъ Богъ. У Него же и ослица говоритъ, и каменіе возопіютъ, если то понадобится. „*Едино* называетъ ихъ въ томъ отношеніи, что они ничего не могутъ безъ возвращающаго Бога“ (св. Злат.). „Потому что оба одинаково служатъ Божіей волѣ“ (Ѳеод.), которая дѣйствуетъ чрезъ нихъ, не поколику одинъ таковъ, а другой инаковъ, а поколику то ей угодно.

„Но будучи одно по отношенію къ дѣлу Божію, они не одно по трудамъ своимъ“ (св. Злат.). „Не просто, говоритъ, по исполненію дѣла, но по труду въ дѣлѣ. Одинъ часто съ большимъ удобствомъ приводитъ къ Спасителю двѣсти, а другой, подъявъ большой трудъ, одного или двоихъ освобождаетъ отъ прелести. Тоже видѣть можно въ разсужденіи поста и цѣломудрія. Одинъ, вспомошествоемый природою, безъ трудовъ преиспѣваетъ въ цѣломудріи; другой, борясь съ естественными склонностями, съ великими трудами достигаетъ желаемого. Одинъ, имѣя горячее сложеніе, съ большимъ мученіемъ ждетъ вечера, не вкусивъ пищи; другой проводитъ два и три дня, не вкушая пищи, и однакоже не терпитъ большаго труда. Посему-то праведный Судія взираетъ не на дѣло, а на трудъ“ (Ѳеод.).

Какое утѣшеніе высказано здѣсь трудящимся надъ

чѣмъ-либо добрымъ, въ себѣ или другихъ, и не видящимъ успѣха! — Св. Златоустъ ту и цѣль видитъ въ прибавленіи сихъ словъ Апостоломъ, чтобы у достигшихъ многога безъ большаго труда отъять поводъ къ превозношенію, а много трудившимся и мало успѣвшимъ доставить утѣшеніе, — всѣхъ же воодушевить на трудъ во благо свое и другихъ. Трудись: мѣра труда — мѣра воздаянія.

Ст. 9. *Богу бо есмы споспѣшники: Божіе тяжаніе, Божіе зданіе есте.*

Показываетъ причину, почему трудъ цѣнится. Потому что мы сотрудники Божіи. Ему угодно было избрать насъ въ орудія содѣланія спасенія вашего и другихъ; Онъ и цѣнилъ трудъ нашъ, ибо чрезъ него исполняется Его отеческое хотѣніе спасти. „Мы, учащіе, говоритъ, есмы сотрудники Божіи, содѣйствующіе намѣренію Его, спасти всѣхъ хотящаго; но не мы содѣватели или дарователи самаго спасенія. Ни презирать насъ не слѣдуетъ, яко сотрудниковъ Божіихъ, ни намъ возноситься: ибо все Божіе“ (Θеоф.).

Мы соработники Богу, а вы — Божіе тяжаніе — *γεωργιοι*, — Божія нива, но не праздно стоящая, а воздѣлываемая, — вы — земледѣлице. Божія нива есть и Богу принадлежащая, и Богомъ воздѣлываемая. — Къ этому сравненію прежде начатому прилагаетъ новое — со зданіемъ. Вы — Божіе зданіе, — *οἰκοδομοι*, — не конченное и праздно стоящее, но зданіе, въ процесѣ созиданія, вы — созидаемое Богомъ зданіе. — Отсюда слѣдуетъ: итакъ вы должны все свое къ Богу относить, и Божіими себя считать, а не Павловыми или Аполлосовыми. „Если вы — Божія нива, то вамъ слѣдуетъ носить имя не воздѣлывающихъ, но Божіе; ибо нива называется именемъ не земледѣльца, а господина ея. *Божіе зданіе есте.* Также и зданіе принадлежит не строителю, а

господину... Если вы—зданіе, то вамъ не должно распадаться на части; иначе не будетъ зданія. Если вы—нива, то вамъ не должно раздѣляться, но ограждаться однимъ оплотомъ единомыслія“ (св. Злат.).

Это разъясненіе значенія св. Апостоловъ должно было отрезвить и заправлявшихъ толками, и тѣхъ, кои увлекались ими.—Они вѣрно представляли себѣ Апостоловъ философами, которые сами изобрѣтали свою философію и свое имя давали и философіи, и послѣдователямъ: Апостоль показаль, что такое понятіе неприложимо къ нимъ, и тѣмъ разорилъ основу, на которой утверждались толки. Это похоже на прежнее: *Еда Павелъ распятыя по васъ?*

γ).

**Вразумительныя для заправителей коринѣскихъ толковъ
наведенія**

3, 10—23.

На переходѣ къ этимъ наведеніямъ, св. Павелъ къ прежнему сравненію, которымъ объясняль свое и другихъ Апостоловъ значеніе, т.-е. воздѣльвателя нивы и сѣятеля,—прибавиль другое—здателя, зиждущаго зданія по указаніямъ хозяина. И изъ перваго сравненія можно бы извлечь нужныя вразумленія, но изъ этого удобнѣе, и мысли, подаваемые имъ, общедоступнѣе; почему оно взято св. Павломъ за исходную точку къ вразумленію. Вы, говоритъ онъ къ Коринѣянамъ, Божіе зданіе есте. Я и другіе подобныя мнѣ—работники Божіи въ устроеніи изъ васъ сего зданія, или каждаго изъ васъ въ зданіе.

Чтобы яснѣе представить дальнѣйшее теченіе мыслей Апостола во вразумленіе заправлявшихъ толками, должно имѣть во вниманіи, что когда св. Павелъ былъ

въ Коринѣѣ, то не основаніе только положилъ, но и зданіе возвелъ; ибо и каждый изъ Коринѣянъ былъ уже полный христіанинъ, и всѣ вмѣстѣ составляли настоящую Церковь Божію; почему впереди сказалъ: вы—зданіе,—и послѣ скажетъ: вы — храмъ Божій. Но въ духовномъ созиданіи дѣло такъ идетъ, что каждое предшествующее состояніе служить основаніемъ для послѣдующаго, хотя оно въ существѣ своемъ представляетъ полное зданіе. Почему въ каждый моментъ зданія можно говорить: основаніе положилъ, и можно говорить: вы—храмъ, т.-е. полное зданіе. Такъ и дѣлаетъ св. Павелъ: а) сначала смотритъ на дѣло устроенія имъ церкви въ Коринѣѣ, какъ на положеніе основанія (10—15), а б) потомъ, какъ на полное зданіе (16. 17). Тѣмъ и другимъ дѣлаетъ сильныя вразумленія вождямъ толковъ и самымъ водимымъ ими. Положимъ, говорить, что я положилъ только основаніе. Вамъ слѣдуетъ смотрѣть, каково основаніе, чтобы по нему подбирать матеріалы. Можно строить изъ прочныхъ матеріаловъ и строить изъ непрочныхъ, каковы: дерево, солома, тростникъ. Если вы построите изъ этихъ послѣднихъ, то придетъ огонь суда и все попалитъ; вамъ ничего не останется, и еще самимъ не безбѣдно будетъ (10 — 15). Толки, возникшіе тамъ, точно были солома, между тѣмъ ими величались, думая, что состроили нѣчто величественное. Но Апостоль не дѣлаетъ примѣненія слово въ слово, а даетъ это разумѣть, кому слѣдуетъ, самимъ. Понявъ, къ чему такая рѣчь, они должны были поражиться страхомъ. Но еще болѣе этотъ страхъ долженъ былъ возрасти изъ послѣдующихъ словъ. Да вѣдь у васъ тамъ было мною поставлено полное зданіе (16. 17). Вы взялись пристраивать, да надстраивать. Когда это дѣлается съ умѣніемъ, это хорошо; но можно, взявшись за дѣло безъ умѣнія, разорить зданіе. Зданіе

же это не простое, а Божіе; а кто храмъ Божій растлѣтъ, растлѣтъ сего Богъ.—Примѣненія слово въ слово и здѣсь не дѣлаетъ св. Павелъ. Кого касалась рѣчь, тѣ не могли не понять, къ чему она шла.

Если поняли, а не понять не могли, то вмѣстѣ съ этимъ должны были отказаться отъ толковъ и возвратиться къ простотѣ евангельскаго исповѣданія. Поставивъ ихъ въ такое положеніе, св. Павелъ (γγ) окончательно поражаетъ ихъ мудрованіе, говоря какъ бы: такъ-то бросить надо мудрость вѣка сего. Что вы нагородили, все отъ ней; она по природѣ своей враждебна и Богу, и божественнымъ порядкамъ вещей (18—20). Это къ вождямъ; за тѣмъ и ко всѣмъ прилагаетъ заключительное внушеніе: и вамъ не слѣдуетъ останавливаться вниманіемъ на комъ-либо изъ людей или на чемъ-либо человѣческомъ. Все окрестъ васъ—для васъ, чтобъ приводить васъ ко Христу. Приведены,—и будьте въ Немъ, не преграждая общенія съ Нимъ вставкою посреди человѣческихъ личностей. Все дѣло въ томъ, чтобы быть со Христомъ, и чрезъ Христа съ Богомъ. Вы—Христовы; Христосъ же—Божій (21—23).

αα).

Ст. 10. *По благодати Божіей данный мнѣ яко премудръ архитектонъ основаніе положихъ, инъ же назидаетъ: кійждо же да блюдетъ, како назидаетъ.*

Вы Божіе зданіе, сказалъ онъ. Но Богъ устроилъ изъ васъ зданіе чрезъ меня, какъ сотрудника Своего. Его благодатными пособіями снаряженный, — т.-е. и вѣдѣніемъ премудрости Божіей, и нравственною силою, и даромъ чудотвореній, — я, какъ знающій свое дѣло строитель, положилъ основаніе зданію изъ васъ Божію и возвелъ его до нѣкоторой полноты.—Но все, что я слѣлалъ, можно считать только положеніемъ основанія.—

И примемъ это за исходную мысль: пусть я положию основаніе, а другой строить на немъ, возводить зданіе. Къ чему обязывается прежде всего сей надзидатель? Къ тому, чтобы внимательно вникнуть и достаточно уяснить себѣ, какъ слѣдуетъ возводить зданіе. Хотя мною только основаніе положено, но тутъ уже дано и полное предначертаніе зданія. Въ вещественныхъ зданіяхъ основаніе указываетъ только наружную форму зданія, а въ духовныхъ не такъ: тутъ основаніе предъказываетъ и планъ всего зданія, и характеръ его, и то, изъ какихъ матеріаловъ оно должно быть построено. Кто берется назидать, тотъ долженъ все это хорошо уразумѣть, и потомъ со всѣмъ вниманіемъ возводить зданіе: *да блюдетъ, како назидаетъ.*

Къ чему такая рѣчь, послѣ выясняется. Здѣсь Апостоль оставивъ вниманіе лишь на томъ, чтобы взявшагося возводить зданіе заставить призадуматься, понялъ ли онъ, какъ слѣдуетъ, что и какъ долженъ дѣлать, начавъ зданіе на готовомъ основаніи, и притомъ такомъ, которое все указываетъ. Основавши церковь въ Коринѳѣ, Апостоль пошелъ въ другое мѣсто; послѣ него приходилъ Аполлосъ, и продолжалъ созиданіе церкви. Этотъ продолжалъ дѣло совершенно въ духѣ св. Ап. Павла, слѣдовательно вѣрно, безукоризненно. Не его и имѣетъ св. Павелъ въ виду. Но когда и Аполлосъ отбылъ оттуда, тамъ поднялись изъ мѣстныхъ мудрецовъ болѣе другихъ способные, и болѣе другихъ образованные и говорливые, и выступили въ качествѣ вождей для братій меньшихъ. На нихъ онъ мѣтитъ. Но вмѣстѣ, какъ и всякій христіанинъ есть маленькій образчикъ Церкви, и тоже получилъ отъ Апостола основаніе въ себѣ созиданію спасенія вѣрою въ Господа; то и всякій долженъ былъ видѣть въ этомъ доброе себѣ напоминаніе: блюди, какъ

ты назидашь. Св. Златоустъ и говорить: „здѣсь, мнѣ кажется, онъ обращаетъ ихъ къ подвигамъ жизни.“—Экуменій продолжаетъ: „призываетъ ихъ къ достодолжной жизни, именуя назиданіемъ дѣятельность каждаго. И блюди каждый, какъ назидать на основаніи положенномъ, т.-е. имѣя вѣру, и самого Христа, чтобъ творить благія дѣла.“

Въ словахъ: *яко премудръ архитектонъ*, не та мысль, что онъ называетъ себя премудрымъ; тутъ только сравненіе; когда какой мудрый архитекторъ кладетъ основаніе, то кладетъ должное, прочное, самое лучшее основаніе. Такое именно основаніе и я положилъ, или лучше Богъ чрезъ меня; ибо все, что дѣлаю, дѣлаю по данной мнѣ благодати. Ударъ мысли не на мудрости полагателя основанія, а на прочности основанія, или его неотмѣнности, на томъ, что положено основаніе, котораго нельзя измѣнять, ибо оно есть единственное въ зданіи духовномъ. Объ этомъ онъ и говоритъ тотчасъ. Но хоть и то принять, что онъ себя назвалъ премудрымъ, то и это не въ той мысли, что „превозносить себя, но представляетъ имъ примѣръ и показываетъ, что мудрому свойственно полагать одно (единственное) основаніе.— И смотри, какъ онъ и здѣсь соблюдаетъ смиреніе. Назвавъ себя премудрымъ, онъ не приписалъ этого себѣ, но напередъ всего себя предалъ Богу, и тогда уже такъ назвалъ себя: *по благодати*, говорить, *Божіей, данный мнѣ*. вмѣстѣ съ тѣмъ онъ внушаетъ, что все—Божіе“ (св. Злат.).

Ст. 11. *Основанія бо инаго никтоже можетъ положить паче лежащаго, еже есть Исусъ Христосъ.*

Какъ мудрый архитекторъ кладетъ самое лучшее основаніе, котораго замѣнить лучшимъ нельзя, такъ я положилъ въ васъ такое основаніе, котораго другаго и быть не можетъ. Единственное основаніе духовнаго

зданія церкви и душъ вѣрующихъ есть то, которое я положилъ, т.-е. Иисусъ Христосъ. Это тоже, что: *нѣсть много имене подъ небесемъ, о немже подобаетъ намъ спасатися*. Или что выше: *не судихъ видѣти что въ васъ, точію Иисуса Христа и сего распята*. Все таинство вѣры въ этомъ. Коротко можно описать его такъ: Богъ, въ Троицѣ покланяемый, спасаетъ насъ въ Господѣ Иисусѣ Христѣ, Сынѣ Божіемъ единородномъ, воплотившемся и умершемъ на крестѣ; вѣрующіе въ это, чрезъ крещеніе вводятся въ общеніе сей крестной смерти, и, получая всепрощеніе, сподобляются начатковъ обновленія духа, въ который потомъ вселившись Духъ Божій ведетъ обновляемаго чрезъ труды добродѣланія и чрезъ подвиги самоотверженія и самоумерщвленія, и чрезъ благодушное терпѣніе всего находящаго, къ совершенному обновленію, чтобы совершенно чистымъ и безукоризненнымъ предстать онъ могъ предъ лице Господа въ день втораго пришествія Его. Основаніе спасенія, посему, въ таинственномъ сочетаніи съ распеньшимся Господомъ, и затѣмъ въ устроеніи такой жизни, которая вся была бы спостраданіе Господу. Чрезъ это св. Апостоль сказалъ вожакамъ: вотъ куда надобно направлять умъ всѣхъ, къ чему возбуждать желанія и начинанія; и всѣмъ вотъ о чемъ заботиться вамъ должно, какъ бы пребыть въ сочетаніи съ Господомъ распятымъ, чрезъ сораспятіе съ Нимъ—распятіемъ страстей и похотей, и несеніемъ креста своего.

„Будемъ строить, учить св. Златоустъ, на этомъ основаніи и держаться на немъ, какъ вѣтвь на лозѣ виноградной, и пусть не будетъ никакого раздѣленія между нами и Христомъ; ибо, если отдѣлимся отъ Него, то немедленно погибнемъ. Вѣтвь втягиваетъ въ себя сокъ потому, что соединена съ лозою, и зданіе стоитъ потому, что связано (съ основаніемъ и съ собою); а

что отрывается, то погибаетъ, потому что ни на чемъ не держится. Посему будемъ не просто держаться Христа, но прилѣпляться къ Нему: ибо, если отдѣлимся, погибнемъ. *Удаляющии себе отъ Тебе, погибнутъ*, говоритъ Писаніе (Пс. 72, 27). Будемъ же прилѣпляться къ Нему, и прилѣпляться дѣлами; ибо *соблюдай*, говоритъ, *заповѣди Моя, той во Мнѣ пребываетъ* (Іоан. 14, 20. 21). Онъ (Апостоль) внушаетъ единеніе съ Нимъ многими сравненіями. Смотри: Онъ глава, мы тѣло; между главою и тѣломъ можетъ ли быть какое разстояніе? Онъ основаніе, мы зданіе; Онъ лоза, мы вѣтви; Онъ женихъ, мы невѣсты; Онъ пастырь, мы овцы; Онъ путь, мы идущіе; мы храмъ, Онъ обитатель; Онъ первенецъ, мы братія; Онъ наслѣдникъ, мы сонаслѣдники; Онъ жизнь, мы живущіе; Онъ воскресеніе, мы воскресающіе; Онъ свѣтъ, мы просвѣщаемые. Все это означаетъ единеніе и не допускаетъ никакого раздѣленія, даже малѣйшаго. Ибо кто отдѣлился немного, тотъ потомъ отдѣлится и много. Такъ тѣло, получивъ хотя малую рану отъ меча, портится; зданіе, расщелившись хотя немного, разрушается; и вѣтвь, отломившись отъ корня хотя немного, дѣлается негодною. Такимъ образомъ это малое есть уже не малое, но все почти. Посему когда мы погрѣшимъ въ чемъ-либо такомъ, или почувствуемъ лѣность, не будемъ презирать этого малаго; потому что, будучи оставлено въ небреженіи, оно скоро сдѣлается великимъ. Такъ одежда, если начнетъ раздираться и будетъ оставлена въ небреженіи, вся раздирается, и кровля, если обнажится отъ нѣсколькихъ черепицъ и будетъ оставлена въ небреженіи, разрушится весь домъ.“

Ст. 12. 13. *Аще ли кто назидаетъ на основаніи сѣмъ, злато, сребро, каменіе честное, дрова, сѣно, тростіе: кождо дѣло явлено будетъ: день бо явитъ, зане огнемъ*

открывается: и кождо дѣло, яковоже есть, огнь искуситъ.

Указавши основаніе и въ немъ планъ, масштабъ и характеръ зданія, Апостоль далѣе этихъ предметовъ не касается, потому что для его цѣли достаточно было остановить вниманіе лишь на матеріалахъ зданія. Эти матеріалы онъ указываетъ не поименно, а метафорически, давая свободу разумнымъ самимъ понять, въ чемъ дѣло. Видно только, что онъ хотѣлъ означить матеріалы прочные, и матеріалы непрочные. Прочные—золото, серебро, камни дорогіе, а непрочные—дерево, сѣно и тростникъ. Нѣтъ нужды доискиваться, что подъ каждымъ изъ нихъ въ частности разумѣтъ Апостоль; довольно опредѣлить, что прочно и что непрочно. Прочно, что сообразно съ основаніемъ, непрочно, что несообразно съ нимъ. Ибо само основаніе столько прочно, что его ни сдвинуть, ни замѣнить невозможно; потому и все сообразное съ нимъ будетъ твердо и прочно.

Но напередъ надо опредѣлить, что разумѣтъ подъ назданіемъ, ученіе ли учителей, или жизнь каждаго христіанина?—По цѣли Апостола, ближе бы разумѣтъ ученіе учителей; но какъ онъ говоритъ вообще, то не дивно, что то и другое хотѣлъ внушить,—учителямъ, чтобъ здраво учили, и каждому христіанину, чтобъ жилъ какъ должно. Θεодоритъ пишетъ: „иные утверждаютъ, что сіе у Апостола сказано о догматахъ: а я думаю, что онъ говоритъ сіе о дѣятельной добродѣтели.“—Стало, въ его время мнѣнія раздвоились. Св. Златоустъ подъ словомъ: кійждо да блюдетъ, како назидаетъ, сказалъ: „здѣсь, мнѣ кажется, онъ обращаетъ ихъ къ подвигамъ жизни.“—Но потомъ, изъясняя смыслъ положеннаго основанія, говоритъ: „слова Апостола означаютъ слѣдующее: я возвѣстилъ Христа, далъ вамъ

основаніе; смотрите, какъ вы строите на немъ,—не съ цѣлью ли—отклонять отъ Него учениковъ и привлекать къ какимъ-нибудь людямъ? Не будемъ же увлекаться ересями.“—Изъ сего видно, что св. Златоустъ подъ назданіемъ разумѣлъ ученіе и учителей, и жизнь вѣрующихъ. Хотя онъ потомъ преимущественно бесѣдуетъ о послѣдней, но этого требовали цѣли его бесѣды, всегда нравственныя.

Какое же ученіе прочно?—То, которое прямо развивается изъ положеннаго основанія и на немъ утверждается. Т.-е. когда учителя о томъ только и стараются толковать своимъ ученикамъ, какъ устроилось спасеніе и какъ спастись; т.-е. какъ Богъ создалъ насъ и въ раю поставилъ, какъ пали мы, какъ милосердный Богъ не оставилъ насъ въ нашемъ паденіи, а благоволилъ устроить намъ спасеніе, не пощадивъ Сына Своего единороднаго, какъ Сынъ Божій пришелъ на землю, воплотился, пострадалъ и умеръ на крестѣ ради нашего спасенія; какъ затѣмъ воскресъ, вознесся на небеса, и Духа Святаго ниспослалъ для устроенія спасенія каждого лица; какъ сіи лица благодатію Божіею призываются ко спасенію, приобщаются таинственно смерти Господней и, получивъ новую жизнь, ведутся къ совершенству чрезъ произвольныя и непроизвольныя лишенія и скорби, и чрезъ смерть препровождаются въ область предначинательнаго блаженства съ Господомъ. Кто учитъ все объ этомъ, и притомъ такъ, какъ все сіе изображено въ Новомъ Завѣтѣ, предъизображено въ Ветхомъ, какъ изъяснено св. отцами и содержится св. Церковію, учитъ просто, внятно, имѣя въ виду одно то, чтобы созидать души слышащихъ,—того ученіе прочно, какъ золото, серебро и каменіе честное.—Но кто уча, хотя не нарушаетъ догматовъ, но учитъ все о стороннихъ предметахъ, которые только голову забиваютъ и гордое

мнѣніе объ учености возбуждаютъ,—и въ немъ, и въ тѣхъ, которые наслушаются его, или кто уча излагаетъ предметы вѣры болѣе по соображеніямъ разума, чѣмъ какъ они преподаны въ откровеніи, какъ будто они отъ этихъ соображеній собственно и силу получаютъ,—или кто, уча о жизни христіанской, всячески старается прикрыть обязательную суровость сей жизни, вмѣсто креста вводя самоугодіе и утѣшность, и тѣмъ испраздня крестъ Христовъ,—кто такъ и подобно сему учитъ, того ученіе непрочно—оно сѣно, тростникъ, хворостъ. Сюда относятся и толки коринѣскихъ партій,—мелочныя,—плодь легкомыслія и праздности.

Чья жизнь прочна?—Того, кто сочетавшись таинственно съ смертію Христовою и получивъ новую жизнь во Христѣ, и благодатію Св. Духа укрѣпившись въ сердцѣ своемъ, умѣетъ глубже и глубже входить въ сораспятіе Господу, ни въ чемъ не поблажая самоугодію, постоянно распиная плоть со страстьми и похотьми, готовъ будучи скорѣе умереть, чѣмъ поблажить въ чемъ себѣ, или нарушить въ чемъ хотя малую сознаваемую заповѣдь, и все это дѣлая не изъ страха какого, а изъ любви къ Господу распеньшемуся и животь намъ смертію Своею даровавшему. Кто такъ настроенъ, того правила жизни и дѣла суть золото, серебро и каменіе честное.— Кто же, не нарушая заповѣдей явно, хотя ведетъ исправную жизнь, но о томъ, чтобы хранить для Господа сердце чисто, и для того быть съ собою въ борьбѣ и въ пособіе къ ней держать себя въ подвигахъ самоотверженія, никакой заботы не имѣетъ и потому ни въ какихъ утѣхахъ и удовольствіяхъ, возможныхъ на землѣ и введенныхъ духомъ вѣка сего въ порядки жизни, себѣ не отказываетъ, не считая ихъ противными кресту Христову, который нести обязанъ всякій христіанинъ, того правила жизни и дѣла непрочны. Они—сѣно, тростникъ, хворостъ.

Замѣтить надобно, что въ этой половинѣ вразумленія (—10—15), Апостоль здравому ученію учителей и истинно-христіанской жизни христіанъ, противопоставляетъ не лжеучителей и не явныхъ грѣшниковъ, а такихъ учителей, кои держатся на положенномъ основаніи и трудятся на семъ основаніи возводить зданіе ученія, только матеріаль берутъ непрочный—ученость къ дѣлу не относящуюся и подобное,—и такихъ христіанъ, которые не хотятъ душу свою губить, но мнятся спасать ее и дѣлаютъ для того дѣла подручныя, т.-е. тоже возводятъ зданіе спасенія, но при этомъ и отказывать себѣ ни въ чемъ не отказываютъ, — матеріаль у нихъ—сѣно и тростникъ.

Когождо дѣло явлено будетъ. Теперь не видно, говорить. И учителя пользуются славою, и христіане степенные почетомъ. Но придетъ день, когда все приведено будетъ въ явь. Явлено будетъ и дѣло каждаго, которое наздалъ онъ на принятомъ основаніи вѣры,—учителей зданіе ученія, и всѣхъ христіанъ—зданіе дѣлъ во спасеніе. *День бо явитъ.* Это день суда. Явленіе Господа на судъ изображается такъ, что ему предшествуетъ огненная рѣка. Она есть знаменіе неумытости суда, отъ котораго ничто укрыться не можетъ, и все открытое получить праведную, нелицепріятную оцѣнку, и затѣмъ воздаяніе. Это же выражаетъ и Апостоль, говоря, что день тотъ *огнемъ открывається: и когождо дѣло, яковоже есть, огнь искуситъ.* Апостоль представляетъ такую картину, что всякій долженъ пройти сквозь огонь, предшествующій Господу, чтобъ представъ Ему получить награду. Этотъ проходимый огонь искуситъ дѣло каждаго, каково оно,—прочно или непрочно. Тутъ—образное выраженіе того, что судъ Божій точно опредѣлитъ, чего стоятъ дѣла каждаго.

Ст. 14. 15. *И егोजе аще дѣло пребудетъ, еже назда.*

мзду приметъ: а егоже дѣло сгоритъ, ошцетитсѣ: самъ же спасетсѣ, такожде якоже огнемъ.

Вотъ какая картина! Каждый, какой наздалъ на основаніи вѣры домикъ себѣ, въ томъ и живетъ, какъ здѣсь, такъ и за гробомъ; въ томъ станетъ онъ и предъ лице огненной рѣки, текущей предъ Господомъ. Она перекатится чрезъ каждаго. Чей домикъ останется цѣлъ при переходѣ чрезъ него огня, тотъ получитъ мзду отъ Господа Судіи; а чей сгоритъ, тотъ *ошцетитсѣ*, т.-е. увидитъ, что весь трудъ его былъ тщетенъ: напрасно протрудился, тщетную питалъ надежду, самъ себя обманывалъ, думая, что строить дѣльно. Очевидно, кого разумѣеть подъ сими послѣдними Апостолъ, и кого подъ первыми. Подъ этими — такихъ, которыхъ ученіе и жизнь — сѣно и тростникъ, а подъ тѣми такихъ, которыхъ ученіе и жизнь — золото и серебро.

Что же будетъ тѣмъ, котораго домикъ сгоритъ?!— Онъ *спасетсѣ, такожде якоже огнемъ*. Мѣсто это темно и подало поводъ къ разнымъ толкованіямъ. Слово: *спасетсѣ* означаетъ, что онъ останется цѣлъ: домикъ его сгоритъ, а онъ не сгоритъ, не уничтожится. Что же будетъ съ нимъ? Слова: *такоежде якоже огнемъ* — указываютъ на сравненіе. Возьмемъ это сравненіе, и получимъ: спасетсѣ такъ же, какъ спасаются тѣ, которыхъ огонь захватываетъ въ домѣ. Кругомъ огонь, надо бѣжать сввозъ него. Что тутъ бываетъ? Иной пробѣжитъ почти не опаленный, другіе — въ разныхъ степеняхъ опаленія, а иной такъ и остается въ огнѣ. Подобное сему будетъ и съ тѣми, коихъ на огнѣ суда домики погорятъ. Одни пойдутъ въ огонь, другіе получатъ иныя разныя степени наказанія; а иные и помилованы будутъ. Ибо хотя всѣ они виноваты, что строили не изъ прочнаго матеріала; но виновность ихъ можетъ имѣть разныя степени. Иной можетъ быть и безъ вины виноватъ;

трудился надъ строеніемъ непрочнымъ, не зная лучшаго образа строенія; или можетъ быть по обстоятельствамъ не успѣлъ взяться за лучшее, или еще почему-либо заслуживаетъ извиненія.

ββ).

Доселѣ смотрѣлъ Апостоль на Коринескую церковь, какъ на получившую отъ него только основаніе. Теперь смотритъ на нее, какъ на цѣлое, построенное имъ зданіе. Вы, говоритъ, храмъ Божій.—Цѣль рѣчи еще болѣе устрашить взявшихся строить, или скорѣе перестраивать построенное, по своему смышленію; а это тоже что разорять. Выше онъ оставилъ еще вѣроятнымъ для нихъ спасеніе, хотя съ трудомъ, а здѣсь рѣшительный даетъ приговоръ: *растлѣтъ сего Богъ*.

Ст. 16. *Не вѣсте ли, яко храмъ Божій есте, и Духъ Божій живетъ въ васъ?*

Что выше сказалъ: *вы Божіе зданіе* (ст. 9), тоже теперь говоритъ: *храмъ Божій есте*. Выразилъ это вопросомъ: *не вѣсте ли*, показывая несомнѣнность сей истины и общеизвѣстность ея. Они всѣ знали, что такъ есть; потому довольно было вопросомъ посильнѣе вставить сію истину въ сознаніе, чтобъ ею вразумить, не распространяясь въ объясненіи ея и доказываніи. Съ сознаніемъ, что они всѣ одинъ храмъ Божій, должно было придти на мысль и то, что храмъ обыкновенно, хотя есть многочастное зданіе, но единое, нераздѣльное. При этой мысли совѣсть не могла имъ не напоминать: у насъ же что?—Мы разошлись по разнымъ главамъ, кто подъ одного, кто подъ другаго, кто подъ третьяго учителя. Выходитъ, мы разломали храмъ Божій на части, зданіе Божіе разорили. *И Духъ Божій живетъ въ васъ*. И это также всѣмъ было вѣдомо. Ибо всѣ

явно принимали чрезъ возложеніе рукъ даръ Св. Духа, и Онъ дѣйствія Свои проявлялъ осязательно въ собраніяхъ ихъ. Что напоминаетъ симъ Апостолъ? То, что раздѣленіе, начавшееся среди ихъ, можетъ повести къ тому, что Духъ Божій отойдетъ отъ нихъ. Какъ сосудъ, пока не разбитъ, держитъ въ себѣ и хранитъ ароматъ какой, а когда разобьется, ароматъ выходитъ, такъ и у нихъ могло быть, что по причинѣ раздѣленія, они лишатся Духа.—Эти слова относятся ко всему обществу и его вразумляютъ, а слѣдующія касаются прямо вождей раздѣленія.

Ст. 17. *Аще кто Божій храмъ растлитъ, растлитъ сего Богъ: храмъ бо Божій святъ есть, иже есте вы.*

Хотя вообще говоритъ онъ: *аще кто растлитъ*, но явно намекаетъ на тѣхъ, которые произвели и подерживали раздѣленіе. Онъ не говоритъ, что они уже растлили,—въ такомъ случаѣ Апостолъ и писалъ, и дѣйствовалъ бы иначе,—но и не почитаетъ маловажнымъ сдѣланнаго уже, основательно предполагая, что если продолжится тоже положеніе дѣлъ, то раздѣленіе укоренится, особенно когда какія-либо случайности увеличатъ раздѣляющее средостѣніе. Тогда это уже будетъ настоящее растлѣніе. Онъ и устрашаетъ ихъ возможностью такого исхода дѣла. Начато по легкомыслию и отъ праздности, а можетъ воть чѣмъ кончиться: церковь раздѣлится—растлится. Вина вся на васъ падетъ. Но смотрите, какой тогда падетъ на васъ приговоръ: *аще кто храмъ Божій растлитъ, растлитъ сего Богъ.* „*Растлитъ*, т.-е. предастъ погибели. Апостолъ не проклинаетъ, а предсказываетъ“ (св. Злат.). Какого можно ожидать еще сильнѣйшаго вразумленія?! Чувствуется мечъ надъ головою.

Почему такая кара за растлѣніе храма Божія?—Потому, что онъ святъ, а святъ потому, что есть Божій

и есть жилище Духа, основаніе же его Христосъ Господь. Кто растлѣваетъ храмъ, тотъ грѣшитъ прямо противъ Бога, въ Троицѣ поклоняемаго. Гамалииль, когда власти іудейскія полагали разстроить церковь Іерусалимскую, отвращалъ ихъ отъ этого, устрашая: *да не како богоборцы обрящемся* (Дѣян. 5, 39). Таже мысль и здѣсь.

Иже есте вы. Намѣренно прибавилъ это слово Апостоль, давая разумѣть: вотъ что вы!—Опять обращается ко всему обществу вѣрующихъ и даетъ имъ урокъ, какъ вы, имѣя такое высокое значеніе, позволили поставить себя въ такое положеніе, что можете потерять Духа. Вмѣстѣ же и зачинщикамъ раздѣленія внушалъ: вы такъ легкомысленно взглянули на это общество святыхъ и начали раздирать его на части, а оно вотъ что есть!

Такія мысли видятся въ сихъ стихахъ (16. 17) по ходу рѣчи Апостола. Но онѣ внѣ контекста могутъ быть прилагаемы къ ересеначальникамъ и грѣшникамъ не кающимся. Ересь растлѣваетъ Церковь; грѣхъ смертный—душу. За растлѣніе Церкви отвѣчаетъ ересеначальникъ: растлѣть его Богъ. А за грѣхъ смертный, неочищаемый покаяніемъ, отвѣчаетъ грѣшникъ. И его растлѣть Богъ, т.-е. погубить, если не покается, если не здѣсь, ибо и это бываетъ иногда, то всячески тамъ—въ другой жизни. Эту послѣднюю мысль о растлѣніи храма души грѣшникомъ раскрываетъ св. Павелъ ниже, когда предостерегаетъ отъ блудодѣянія (6, 15—20).

γγ).

Въ стихахъ 18—23 заключеніе предыдущей рѣчи, будто отвѣтъ на вопросъ: чтоже намъ дѣлать? Послѣ предшествовавшаго устрашенія очень естественно ро-

даться такому вопросу, — и св. Павелъ отвѣчаетъ на него: *ααα*) одни пусть бросятъ мудрость вѣка сего, — 18—20; а *βββ*) другіе пусть перестанутъ дивиться ей и подчиняться ея мудрованіямъ, — 21—23. „Намѣреваясь присокупить то, что еще оставалось сказать, чтобъ окончить этотъ предметъ, Апостоль обращается къ опроверженію внѣшней мудрости и къ обличенію тѣхъ, которые, гордясь ею, раздѣляли церковь“ (св. Злат.).

ααα).

Ст. 18. *Никтоже себе да прельщаетъ: аще кто мнитъ ся мудръ быти въ васъ въ вѣкъ семъ, буй да бываетъ, яко да премудръ будетъ.*

Мнящійся быти мудрымъ въ вѣкъ семъ, стань безумнымъ, чтобъ быть премудрымъ, — разумѣтся, истинно или предъ Богомъ. — Кто этотъ мудрый въ вѣкъ семъ? Всякій, мудрствующій не по тому, какъ Богъ повелѣлъ въ откровеніи, а какъ вещи кажутся по его собственному смышленію. „Апостоль разумѣеть здѣсь мудрость лишенную благодати Духа, водящуюся одними человѣческими помыслами“ (Θεод.).

Мудрецъ этотъ свое имѣетъ міровоззрѣніе, въ которое входитъ и понятіе о немъ самомъ, о мѣстѣ его въ мірѣ и послѣднихъ цѣляхъ человѣка; обладаетъ въ разной степени ученостію и искусствомъ слова; и главное, въ устроеніи своей участи, своего быта и въ веденіи дѣлъ своихъ окончательно опирается на свои соображенія, не сознавая нужды въ высшей помощи; предметы, которыми занята его мудрость — всё внѣшніе, земля и земное благобытіе; забота о душѣ и спасеніи ея ему не всходитъ на умъ. Но при всемъ совершенствѣ его мудрованій по указаннымъ частямъ, онъ только

мнится мудръ быти, а не есть. Другіе, можетъ быть, и не всегда считаютъ его таковымъ, но самъ онъ иначе на себя не смотритъ, какъ на мудреца первой степени, хоть и ученость его, и житейская мудрость, и сумма познаній очень ограниченны, но онъ всегда высоко ставитъ себя по мудрости. И въ этомъ онъ самъ себя прельщаетъ. Прелесть въ томъ, что считаетъ себя имѣющимъ то, чего нѣтъ. Въ сей прелести запутаны всѣ не истинные христіане. Она есть облаченье гордости, облакъ, одежащій ее. Эту-то прелесть разсѣивая, Апостоль говоритъ: всякій такой *буй да бываетъ*, т.-е. прежде всего пусть сознаетъ самъ себя, что не имѣетъ никакой мудрости; потомъ и самую мудрость мнимую пусть признаетъ не мудростію, а пустымъ призракомъ мудрости; и затѣмъ пусть приметъ и ученіе, и образъ жизни такіе, которые и самъ онъ прежде считалъ буйствомъ, и всѣ, которые одинаковаго съ нимъ настроенія, и считали, и считаютъ буйствомъ,— и такимъ буйимъ пусть явится предъ лицомъ всѣхъ мудрыхъ въ вѣцѣ семъ. Буйимъ быть значить и самого себя сознать таковымъ по внѣшней мудрости, и другіе чтобъ начали считать его такимъ, потому что онъ во всемъ переѣнился. Не отстать только отъ внѣшней мудрости, но и пристать къ буйству проповѣди заповадуеть Апостоль. А такой не можетъ обойтись безъ того, чтобы его не поносили, какъ буюго: вѣруеть въ Распятаго, раздаеть имѣніе, умерщвляетъ плоть, ночи проводить въ молитвѣ, чуждается увеселеній; обижаетъ кто,—не защищается; предъ нимъ красоты въ разныхъ видахъ, а онъ въ нихъ вкуса не находитъ; денежку не бережетъ про черный день, всегда о чемъ-то думаетъ и чаеть себѣ того, чего не видитъ ни онъ и никто другой. По мудрости вѣка сего—это всякаго осужденія достойное буйство. Вотъ его-то и предлагаетъ Апо-

столь, удостовѣряя, что кто станетъ таковымъ, тотъ-то и будетъ настоящимъ мудрецомъ. *Да премудръ будетъ*, т.-е. иначе нельзя быть истинно премудрымъ, какъ явившись буимъ предъ лицомъ мудрости вѣка сего: ибо кто такимъ явится, тотъ, значить, вступилъ въ область премудрости, аже отъ Бога и сталъ ея обладателемъ.

Св. Златоустъ говорить на это: „какъ повелѣваетъ Апостоль быть мертвымъ для міра (Кол. 2, 20) и эта мертвость не только не вредить, но еще приноситъ пользу, содѣлываясь источникомъ жизни, такъ тсперь повелѣваетъ быть безумнымъ для міра, указывая намъ въ этомъ истинную мудрость. Безумнымъ для міра бываетъ тотъ, кто презираетъ внѣшнюю мудрость и убѣжденъ, что она нисколько не содѣйствуетъ ему въ дѣлѣ вѣры и спасенія. Посему, какъ ничета по Богу ведетъ къ богатству, смиреніе—къ величію, презрѣніе (мірской) славы—къ славѣ, такъ и это безуміе дѣлаетъ человѣка мудрѣе всѣхъ; ибо у насъ все бываетъ напротивъ. И для чего онъ не сказалъ: да оставитъ мудрость, но *буй да бываетъ?* Для того, чтобы какъ можно болѣе унизить внѣшнюю ученость. Ибо не одно и то же сказать: оставь свою мудрость и: будь безумнымъ.— Съ другой стороны, онъ научаетъ насъ не стыдиться нашей неучености; ибо представляетъ все смѣшное достойнымъ осмѣянія. Онъ не стыдится названій, потому что полагается на силу дѣлъ. Какъ крестъ, вещь повидимому поносная, сдѣлался источникомъ безчисленныхъ благъ, причиною и виновникомъ неизреченной славы, такъ и кажущееся безуміе дѣлается для насъ виною мудрости. Какъ тотъ, кто худо научился чему-либо, если не оставитъ всего, не изгладитъ изъ души своей и не представитъ ее чистою для желающаго вновь учить его, не познаетъ ясно здраваго ученія, такъ и при

внѣшней мудрости, если не оставишь всего, не очистишь ума своего и не представишь себя вѣрѣ, подобно простолудину, то не познаешь ничего добраго надлежащимъ образомъ; подобно тому, какъ имѣющій слабое зрѣніе, если, закрывъ глаза, не ввѣряетъ себя другимъ, а будетъ руководствоваться своимъ испорченнымъ зрѣніемъ, блуждаетъ гораздо болѣе тѣхъ, которые совершенно ничего не видятъ. А какъ, скажешь, можно оставить внѣшнюю мудрость?—Не принимая ея ученія.“

Ст. 19. *Премудрость бо міра сего, буйство у Бога есть. Писано бо есть: запинаяй премудрымъ въ коварство ихъ.*

Мірская мудрость—буйство предъ Богомъ. Строгій приговоръ, но совершенно справедливый, повсюднымъ опытомъ оправдываемый. Сами мудрецы міра тотъ же произносятъ приговоръ надъ сею мудростію, когда познаютъ истину и вступаютъ вседушно въ область премудрости Божіей. То, что она считаетъ себя вседовлѣтельною,—не буйство ли? То, что она высится надъ откровенною мудростію и ставитъ ее почти ни во что,—не буйство ли? То, что она только внѣшнимъ, земнымъ и тварнымъ ограничиваетъ свой кругозоръ, будучи сама, хотѣя и неблагопотребная, умнаго выпренняго (ранга) свойства,—не буйство ли? То, что она быть своей, свое счастье и дѣла, думаетъ устроить по своимъ смысленіямъ, тогда какъ осязательно видитъ, какъ все вокругъ течетъ помимо и наперекоръ человѣческимъ соображеніямъ,—не буйство ли? То, что она выбросила изъ предметовъ своего обсуждения, что будетъ за громомъ, тогда какъ ясно видитъ, что настоящая жизнь мгновенна и послѣдней цѣли бытія человѣка вмѣстить не можетъ,—не буйство ли? То, что она и думать не думаетъ, что питомецъ ея человѣкъ нынѣ-завтра умретъ, тогда какъ человѣчество широкою рѣкою течетъ во

врата смерти, — не буйство ли? Такъ она — буйство, и буйство предъ Богомъ, потому что не видитъ осязательныхъ порядковъ Божіихъ, осуждаетъ ихъ, когда другіе о томъ ей возвѣщаютъ, и питомцевъ своихъ удерживаетъ въ своемъ мрачномъ буйствѣ, не позволяя имъ возникнуть отъ опутанія собою и обратиться къ истинной премудрости Божіей. Въ этомъ отношеніи она богоборна. И выходитъ, что „она не только не помогаетъ (человѣку въ послѣднихъ цѣляхъ его), но еще служитъ препятствіемъ; слѣдовательно надобно оставить ее, какъ вредную. Видишь ли какъ побѣдоносно св. Павелъ опровергъ ее, доказавъ, что она не только бесполезна, но еще приноситъ намъ вредъ? Впрочемъ онъ не довольствуется собственными доказательствами, а приводитъ еще свидѣтельство: *писано бо есть: заннаяй премудрымъ въ коварствѣ ихъ* (Іов. 5, 13)“ (св. Злат.).

Коварство премудрыхъ не злонамѣренность означаетъ, а ихъ всяческое ухищреніе, чтобъ все постигнуть и все въ жизни своей и другихъ устроить здѣсь на землѣ по своему смышленію. Пока это имѣетъ свойство только пустодѣлія и не разоряетъ плановъ промышленія Божія о родѣ человѣческомъ, дотолѣ Богъ оставляетъ ихъ копать въ своемъ муравейникѣ, сколько хотять, и все строить и перестраивать, какъ имъ угодно; но когда покушенія ихъ заходятъ далеко, тогда Богъ полагаетъ имъ преграды, разоряетъ ихъ планы, какъ паутинное плетеніе разоряетъ дитя легкимъ прикосновеніемъ тонкаго прутика. Разительный примѣръ тому — столпотвореніе и разсѣянiе людей по лицу земли. Мудрецы, во времена Апостоловъ, до чего дошли? — До того, что и сами уже не знали, на чемъ остановиться: такъ разрознились въ мысляхъ, и такъ много надумали ученій. И належада необходимость научить людей

истинѣ чрезъ неученыхъ.—Св. Златоустъ въ этомъ видитъ уловленіе премудрыхъ въ коварствѣ ихъ. „Въ коварствѣ ихъ, т.-е. уловляя ихъ собственнымъ ихъ оружіемъ. Такъ какъ они употребляли мудрость свою на то, чтобы обходиться безъ Бога, то онъ чрезъ нее самую доказалъ имъ, что они имѣютъ великую нужду въ Богѣ. Какъ и какимъ образомъ? Они чрезъ нее дошли до того, что сами не знали, куда дѣваться; слѣдовательно чрезъ нее и уловлены. Ибо думая обходиться безъ Бога, они пришли въ такое бѣдственное состояніе, что оказались хуже рыбаей и неученыхъ, и въ нихъ же стали имѣть нужду. Потому Апостоль и говоритъ: *запинай ихъ въ коварствѣ ихъ*. Слова: *поблѣю премудрость*—выражаютъ совершенную ея безпольность; а слова: *запинай премудрымъ въ коварствѣ ихъ*, показываютъ силу Божию.“

Ст. 20. *И накі: Господь вѣсть помышленія человѣческа* (въ подл. греч. Апост. *мудрыхъ*), *яко суть суетна* (Пс. 93, 11).

У Пророка стоитъ: *помышленія человѣческа*; но Апостоль поставилъ: *помышленія мудрыхъ*. Не у всякаго только человѣка помышленія суетны, но и у самыхъ мудрецовъ. „А когда безпредѣльная премудрость произносить о нихъ такой судъ и представляетъ ихъ такими-то, какого другаго требовать доказательства крайняго ихъ безумія?“ (св. Злат.).

Въ чемъ суетность? Въ тщетности: надѣются на нихъ, а изъ нихъ ничего прочнаго не выходитъ. Думаютъ мудрые, что своими соображеніями дошли наконецъ до истины,—такъ всякій философъ думалъ,—а истины въ нихъ не было. Думаютъ на землѣ устроить рай; и все онъ не устроивается, а между тѣмъ въ толкѣ никто не возметъ, что это пустое начинаніе и что его слѣдуетъ бросить: все строить и строить. Думаютъ,

что за предѣлами видимости ничего болѣе нѣтъ, а между тѣмъ тамъ-то и есть настоящая сущность. И въ другихъ многихъ отношеніяхъ помышленія самыхъ мудрѣйшихъ суетны. Но никто изъ мудрыхъ не знаетъ этого. Пророкъ и говорить: *Господь вѣсть*, въ смыслѣ: одинъ Господь знаетъ, какъ они суетны. Какъ же быть? Указываетъ это Пророкъ, говоря вслѣдъ за симъ: *блаженъ человекъ, егоче аще накажеши Господи, и отъ закона Твоего научиши его* (Пс. 93, 12).

§§§).

„Воздавъ такимъ образомъ славу суду Божию (надъ мудростію мірскою), Апостоль съ большею силою обращается къ поучаемымъ и говорить“ (св. Злат.):

Ст. 21. *Тѣмже никтоже да хвалится въ человекѣхъ: вся бо ваша суть.*

Обращается теперъ къ увлеченнымъ вожаками въ раздѣленіе и говорить, что послѣ того, какъ самимъ Богомъ такъ обличена суетность мудрости человѣческой, никому не слѣдуетъ дивиться ей, къ ней прилѣпляться и гордиться тѣмъ, что принадлежишь къ ея партіи. *Хвалится въ человекѣхъ*,—надо понимать изъ противоположнаго: хвалится въ Господѣ, или о Господѣ. О Господѣ хвалящійся говорить: вотъ какой нашъ Господь! И то намъ сдѣлалъ, и то сдѣлалъ, и все готовъ намъ сдѣлать, что ни попросимъ. Хвалящійся въ человекѣхъ или о человекѣхъ говорить: вотъ какой у меня учитель! какія познанія! какая рѣчь! какой нравъ! Въ Коринѣ завелось, что стали хвалиться кто однимъ, кто другимъ, кто третьимъ изъ тамошнихъ знаменитостей. Эти вожаки партій стояли у нихъ на первомъ планѣ и увлекали на свою сторону другихъ. Ихъ суетную мудрость обличалъ Апостоль доселѣ. Теперъ беретъ остепенять увлекшихся,

Никтоже да хвалится въ человечьхъ. Я вамъ объяснилъ хорошо, что есть мудрость человѣческая. Видите ясно, что не слѣдуетъ ея увлекаться, говоря: такой-то и такой-то умникъ, говорить такъ и такъ, надо подь его знамя поступить,—и подобное. Свой разумъ христіанскій имѣйте, и по нему опредѣляйте достоинство лицъ и вещей.

Чтобъ они вѣдали, какъ же это сдѣлать, Апостоль представляетъ имъ лѣствицу соотношеній, которая установилась влѣдствіе того, что мы стали возсоединены съ Богомъ въ Господѣ Иисусѣ Христѣ. Христосъ въ Богѣ, вы во Христѣ, все прочее—лица и вещи для васъ, какъ средства возведенія васъ въ общеніе со Христомъ и поддержанія въ Немъ. *Вся ваша суть.*

Ст. 22. 23. *Аще Павелъ, или Аполлосъ, или Кифа, или мръ, или животъ, или смерть, или настоящая, или будущая: вся ваша суть. Вы же Христовы, Христосъ же Божій.*

„И мы Апостолы, говорить, ради васъ сподобились Апостольской благодати, чтобы вамъ проповѣдать слово; вамъ дана и настоящая, и ожидаемая жизнь; да и самая смерть внесена въ естество къ вашей же пользѣ; и все видимое создано на вашу потребность, и ради васъ уготовано ожидаемое. Посему надлежитъ вамъ быть въ единеніи съ Владыкою Христомъ, Который есть податель всякихъ благъ, а чрезъ Него въ единеніи съ Богомъ всяческихъ. Ибо и съ нами Онъ въ единеніи по естеству, въ которое отъ насъ воспріялъ, и со Отцемъ, по Божественной своей сущности, потому что Онъ отъ Отца рожденъ по естеству. Христосъ Божій не какъ Божія тварь, но какъ Сынъ Божій“ (Феод.).

Вотъ куда возвелъ онъ ихъ умъ. Къ той истинѣ, что *животъ нашъ сокровенъ есть со Христомъ въ Богъ* (Кол. 3, 3). И съ сей высоты обозрѣваетъ все сущее,

опредѣляя достоинство всего сею истиною. Первоначально назначены мы для жизни въ Богѣ, но отпали отъ Него. Какъ Божіи дарованія нераскаянны, то Онъ не попустилъ намъ навсегда гибнуть въ семь отпаденіи, но благоволилъ устроить неизъяснимо дивный образъ воссоединенія съ Собою. Сынъ Божій воплотился и въпостасно соединилъ въ Себѣ человѣчество и Божество, нераздѣльно пребывая въ троичномъ единосущіи. Люди, спасаемые вѣрою и благодатію, таинственно и дѣятельно вступаютъ въ живой союзъ со Христомъ, а чрезъ Него съ Богомъ. Такъ первоначальное назначеніе наше исполняется и достигается. Вы Христовы, Христосъ же Божій. Слѣдовательно и вы—Божіи. Подобное сему слову изрекъ и Самъ Господь: *Азъ во Отца Моемъ, и вы во Мнѣ, и Азъ въ васъ* (Іоан. 14, 20). Почему потомъ и въ молитвѣ Своей ко Отцу помянулъ: *якоже Ты Отче во Мнѣ, и Азъ въ Тебѣ, да и ти въ Насъ едино будутъ* (Іоан. 17, 21). Это и начало уже дѣйствоваться и дѣйствуется. Но теперь дивное дѣло сіе совершается сокровенно, въ явь же придетъ, когда исполнится другое прошеніе Господа: *Отче, иже далъ еси Мнѣ, хочу да иже есмь Азъ, и ти будутъ со Мною* (—24).

Господь по воскресеніи вознесся на небо и съѣлъ одесную Отца. Туда возводятся къ Нему данныя Ему Отцомъ вратами смерти (и смерть—ваша). Но чтобы сими вратами къ Нему возведена быть, а не отведена въ другое мѣсто, для сего надобно въ продолженіи земной жизни надлежащимъ образомъ приготовиться къ тому способомъ отъ Самого Господа учрежденными. Способы сіи всѣ совмѣщены во святой Церкви, чрезъ Апостоловъ Господомъ учрежденной на землѣ. Главныя суть: вѣра въ Евангельское слово, общеніе съ Господомъ чрезъ таинства таинственное, и по принятіи благодати углуб-

леніе сего общенія или созрѣніе въ немъ, дѣятельною жизнію подъ руководствомъ сначала Апостоловъ, а потомъ преемниковъ ихъ (и Апостолы—для васъ). Созрѣвшіе здѣсь переходятъ чрезъ смерть туда, гдѣ и Христосъ, да будутъ съ Нимъ въ вѣкъ. Въ этомъ все дѣло домостроительства спасенія во Христѣ Иисусѣ.

Имѣя сіе въ мысли, не трудно видѣть, какъ—*еще Павелъ или Аполлосъ, или Кифа—ваши суть*. Они ваши или для васъ, потому что призываютъ ко Христу, освящаютъ таинствами и руководятъ: это тоже, что въ другомъ мѣстѣ говоритъ Апостолъ: *я обручилъ васъ, какъ дѣву чистую, въ невѣсты Христу* (2 Кор. 11, 2). Апостолы не для однихъ Коринтянъ, но и для всѣхъ вѣрующихъ таковы суть, не только въ жизни своей, но и по смерти, дѣйствуя и сами невидимо, духовно, и чрезъ писанія свои, и чрезъ преемниковъ своихъ. Апостольство и по нимъ пастьерство—невѣстоводительство есть, и есть для насъ вѣрующихъ.

Какъ *міръ—вашъ?* Онъ поприще, на которомъ совершилось домостроительство спасенія и совершается спасеніе каждаго. Міръ стоитъ не для себя: цѣль его въ духовномъ мірѣ. Можно сказать: онъ стоитъ затѣмъ, чтобъ народился всѣ могущіе спастися въ Господѣ Иисусѣ Христѣ.

Какъ *жизнь—вашъ?*—Такъ, что раждаемся затѣмъ, чтобъ увѣровать въ Господа и благодатными Его средствами приготовиться къ блаженной вѣчности.

Какъ *смерть—ваша?*—Такъ, что вратами ея переходимъ къ Господу.

Какъ *настоящая и будущая—ваша?*—Но что этимъ означается?—Будущая—это блаженное сопребываніе съ Господомъ въ царствѣ славы. Соотвѣтственно сему настоящая—будетъ благодатное царство Христово на землѣ,—или Церковь со всѣми благодатными средствами. Какъ это—*ваша*, очевидно.

Вотъ какъ св. Апостоль освѣтилъ всѣ соотношенія вещей и лицъ, и далъ понять, на чемъ должно опираться надеждами, что ставить себѣ въ славу и чего искать. Вы—Христовы. Въ этомъ все. Позаботьтесь же и пребыть навсегда Христовыми: ибо это единственное есть условіе къ тому,—что все ваше. Ничто не будетъ ваше, если вы не Христовы.

δδ).

Если судить объ Апостолахъ, то съ каной стороны судить о нихъ слѣдуетъ

4, 1—16.

Неправо понимая значеніе Апостоловъ, неправо и судили о нихъ. Полагая, что они похожи на основателей философскихъ сектъ, начали опредѣлять достоинство каждаго по личнымъ качествамъ: одинъ краснорѣчивъ, другой—просторѣчивъ; одинъ—показнѣе по внѣшнему виду, другой—такой невидный; одинъ—съ достаткомъ, другой—бѣденъ,—и подобное. Слѣдовательно тотъ лучше этого; тому надо предпочтеніе дать, къ нему пристать, его именемъ именоваться.—На это теперь и намекаетъ Апостоль, говоря, что если мы слуги Христовы и раздаятели Его достоянія, то не на то надобно вниманіемъ упираться, каковъ каждый изъ насъ самъ въ себѣ, а на то, а) какъ онъ вѣренъ, какъ вѣрно исполняетъ порученное ему (4, 1—5). Вѣрность сія должна состоять въ томъ, чтобъ сообщить другимъ, что повелѣно сообщить, не присвоивъ себѣ того, а относя все къ Поручившему. б) Приложите сіе къ самимъ себѣ. Вотъ вы научены нами, и все, что знаете о дѣлѣ Христовомъ, отъ насъ знаете. Зачѣмъ же вы отторгаете учениковъ въ слѣдъ себѣ, какъ будто, что знаете, отъ

себя знаете?—Это ни съ чѣмъ несообразно (4, 6—8).
 γ) Что касается до того, что я непоказанъ и бѣденъ,
 то это въ порядкѣ вещей. Такъ Богу угодно было,
 чтобъ мы позоръ были, отребіе міру. Вы это видите
 на мнѣ и на всѣхъ Апостолахъ (9—13). δ) Но да не
 покажется рѣчь моя горькою для васъ: она плодъ оте-
 ческой любви къ вамъ (14—16).

α).

Указаніе, какъ судить объ Апостолахъ

4, 1—5.

Вы стали судить о насъ по личнымъ каждому свой-
 ствамъ, и впали въ заблужденіе. Если ужъ судить объ
 насъ, то надлежитъ судить лишь съ той стороны, какъ
 кто вѣренъ Господу, поручившему намъ дѣло Свое.—
 Но объ этомъ кто можетъ судить кромѣ самого Господа?—
 Я и не считаю важнымъ, кто какъ о мнѣ судить; и
 самъ о себѣ не сужу, предавая судъ Господу. Такъ
 поступайте и вы: не судите прежде времени. Придетъ
 Господь, все обсудить, и каждому воздастъ по дѣламъ.

Ст. 1. *Тако насъ да нещуетъ человекъ, яко слугъ
 Христовыхъ и строителей тайнъ Божіихъ.*

Подъ насъ разумѣть себя, Аполлоса и Петра, и
 вообще Апостоловъ. *Да нещуетъ*, пусть считаетъ, на
 той линіи пусть ставитъ.—*Яко слугъ*—*ὑπηρέτας* и *строи-*
телей οἰκονόμους.—Какъ у богатаго домовладыки бы-
 ваютъ въ домѣ слуги и экономы, распорядители по
 разнымъ частямъ, такъ и у Господа Иисуса Христа—
 Владыки всѣхъ сокровищъ духовныхъ для рода человѣ-
 ческаго—есть слуги и экономы, коимъ ввѣрилъ Онъ
 раздаяніе Своихъ сокровищъ и устроеніе дѣла Его на

землѣ—спасенія людей, чрезъ насажденіе повсюду церквей. Таковы — мы. Но какъ слуги и экономы въ домѣ господина ничего своего не имѣютъ, а все господское, такъ и у насъ ничего нѣтъ своего, а все Христово. И какъ слуги и экономы ничего по своему желанію дѣлать не могутъ, а дѣлать должны только то и такъ, что и какъ велѣно господиномъ, такъ и мы не можемъ ничего дѣлать по своей волѣ и по своему разуму, а все дѣлаемъ, какъ Господь заповѣдалъ. Напрягаться указать различіе слугъ и экономовъ въ царствѣ Христовомъ не настоятъ надобности; ибо цѣль у Апостола та только, чтобы внушить, что они не самостоятельные дѣйствователи, и не имѣютъ ничего сами отъ себя, и дѣлать ничего не могутъ сами-по-себѣ. *Слуги, говоритъ, Христовы, и строители тайнъ Божиихъ.* Ибо все Христово есть Божіе, и Божіе все Христово. *Вся Твоя—Моя, и Моя—Твоя,* говоритъ Господь къ Богу Отцу. *Тайны* здѣсь не одни таинства, но устройство всего дѣла Христова на землѣ, которое названо премудростію Божіею въ тайнѣ сокровенною; и не одни тайны ученія, а все домостроительство спасенія, въ которое входитъ и ученіе, и заведеніе правой жизни, и преподаніе освящающихъ таинствъ.

Ст. 2. *А еже прочее ищется въ строителяхъ, да вѣренъ кто обрящется.*

Если мы—строители, экономы Христовы, то все наше попеченіе на то и должно быть обращено, чтобы вѣрно устроить повѣренное; въ этомъ и все достоинство наше. Ни умъ нашъ, ни краснорѣчіе, ни достатокъ не должны входить въ расчетъ, какъ моменты опредѣляющіе нашъ вѣсъ. Кто вѣренъ, тотъ настоящій, хорошій экономъ, и насколько вѣренъ онъ, настолько и хорошъ. Вѣрный строитель ничего господскаго себѣ не присвоиваетъ, ничего не утаиваетъ, а все раздаетъ, какъ велѣно, и

всѣмъ говорить, что это не его добро, а господское. Вѣрность и въ дѣлѣ Божіемъ состоитъ въ томъ, „чтобы не присвоять себѣ того, что принадлежитъ Господу, и не приписывать себѣ вмѣсто Господа, а поступать, какъ дѣлаютъ вѣрные домостроители. Ибо дѣло домостроителя—хорошо устроить ввѣренное ему, не называть своимъ принадлежащаго Господу, а напротивъ свое приписывать Господу. Представляя это, каждый владѣющій даромъ слова, или имуществомъ, т.-е. что эти дары ввѣрены ему Господомъ, а не его собственные, пусть не удерживаетъ ихъ у себя и не присвоитъ себѣ, но приписываетъ Богу, даровавшему все. Хочешь ли видѣть вѣрныхъ домостроителей? Послушай, что говорить Петръ: *на ны что взираете, яко своею ли силою, или благочестіемъ сотворихомъ его ходити* (Дѣян. 3. 12)? Равно и Павелъ, сказавъ: *паче всѣхъ потрудихся, присовокупилъ: не азъ же, но благодать Божія, яже со мною* (1 Кор. 15, 10). И ниже, обращаясь къ Коринѳянамъ, сказалъ: *что имали, егоже нѣси пріялъ* (1 Кор. 4, 7)? У тебя все не свое,—и богатство, и даръ слова, и самая душа; ибо и она отъ Господа“ (св. Злат.).

Ст. 3. *Мнѣ же не велико есть, да отъ васъ истязуюся, или отъ человеческого дне: но ни самъ себе востязую.*

Вотъ, говорить, какъ слѣдовало бы объ насъ судить!—Именно, насколько мы вѣрны поручившему намъ свое дѣло Господу. Но объ этомъ кто можетъ судить кромѣ самого Господа? Онъ ввѣрилъ; Онъ же только и опредѣлить можетъ, насколько кто оправдываетъ довѣріе вѣрностію порученію. Вы судите объ насъ не съ этой стороны, и судъ вашъ—ни во что; но еслибъ и съ этой стороны судили, и не укорили, а до небесъ меня вознесли; и тогда это было бы для меня не велико. Говорю съ увѣренностію, какъ смотрю я на эти суды: вы ли судите, другіе ли всѣ станутъ судить и опредѣлять.

чего я стою, это для меня не велико. Я и самъ себя не сужу и не опредѣляю.

Не велико εἰς ἐλαχίστον,— послѣдняго значенія дѣло есть для меня вашъ и вообще человѣческій судъ, самую послѣднюю малостию его считаю, ни во что вмѣняю его. Не потому такъ говорить, чтобы презиралъ людей съ судомъ ихъ, но потому, что судъ этотъ ничего вѣрнаго опредѣлить не можетъ, судя о людяхъ, каковы ето.— *Человѣческимъ днемъ* называетъ Апостоль судъ человѣческій, какъ день Господень есть судъ Господень. *Востязывать ἀνακρίνειν*,— судить или обсуждать кого или что съ опредѣленіемъ достоинства,—судъ произносить съ рѣшительнымъ приговоромъ. Хвалить ли, говорить, будете, судя обо мнѣ, или охудать, это для меня никакого вѣса не имѣетъ, ничтожно есть.

Вотъ назидательное слово св. Златоуста на сіе мѣсто: „Не знаю, какимъ образомъ между другими родами зла вошло въ природу человѣческую зло испытанія и неуѣстнаго осужденія ближнихъ, которое и Христосъ обличилъ, когда говорилъ: *не судите, да не судими будете* (Мѣ. 7, 1). Оно не доставляетъ даже никакого удовольствія, какъ другіе грѣхи, а ведетъ только къ непріятностямъ и наказанію. Между тѣмъ мы, будучи сами виновны въ безчисленныхъ грѣхахъ и имѣя въ глазахъ своихъ какъ-бы бревно, тщательно разбираемъ грѣхи ближняго, которые не болѣе сучка (Мѣ. 7, 3). Такъ было и у Коринѣянъ. Мужей благочестивыхъ и богоугодныхъ они осмѣивали и отвергали за неученость ихъ, а виновныхъ въ безчисленныхъ порокахъ уважали за ихъ краснорѣчіе. Принимая на себя лицо судей, они съ дерзостию произносили приговоры: такой-то достоинъ, такой-то лучше такого-то, этотъ выше того, а тотъ ниже этого; вмѣсто того, чтобы оплакивать свои грѣхи, судили о другихъ, и такимъ образомъ возбуж-

дали великое взаимное несогласіе. — Для врачеванія этой болѣзни Павелъ, смотри, какъ мудро вразумляетъ ихъ. Сказавъ: *а еже прочее ищется въ строителяхъ, да вѣренъ кто обращается*, — и этими словами повидимому дозволивъ имъ судить и изслѣдывать жизнь каждаго, онъ хотеть освободить ихъ отъ такой страсти и говорить: *мнѣ же не велико есть, да отъ васъ истязуся*, опять указывая на свое лицо. Не подумайте, что Павелъ говорить такъ по гордости, будто никто изъ людей не достоинъ произносить объ немъ судъ. Ибо вопервыхъ, онъ не для себя говорить это, а чтобы другихъ испѣлать отъ ихъ болѣзни; вовторыхъ, онъ не остановился на Коринѣянахъ, но не приписалъ и себѣ права сужденія, сказавъ, что такое сужденіе выше его собственнаго разумѣнія; *но ни самъ себе*, присовокупляетъ онъ, *востязую*. Итакъ онъ не превозносить себя, но смиряетъ другихъ, вразумляетъ превозносящихся и научаетъ ихъ смиренномудрію, когда говорить: *мнѣ же не велико есть, да отъ васъ истязуся или отъ человѣческаго дне*. Видишь ли, какъ онъ врачуетъ ихъ? Слыша, что онъ на судъ всѣхъ равно не обращаетъ вниманія и всѣхъ считаетъ неспособными вѣрно судить о немъ, никто изъ нихъ не могъ скорбѣть и говорить, что онъ только одинъ отвергнуть. Еслибы онъ сказалъ: *отъ васъ только*, и остановился, то они могли бы огорчиться, какъ отверженные; а присовокупивъ: *или отъ человѣческаго дне*, онъ облегчилъ ударъ, признавъ вмѣстѣ съ ними и другихъ неспособными. Далѣе смягчаетъ и это, присовокупляя: *но ни самъ себе востязую*. Видишь ли, какъ слова его происходятъ не отъ гордости? Я и самъ, говорить, не въ состояніи произносить судъ.“

Ст. 4. *Ничесоже бо въ себѣ свѣмъ: но ни о семъ оправдаюся: востязуй же мѣ, Господь есть.*

„Что говорить о другихъ? И я, въ точности зная каса-

ющееся до меня, и не сознавая за собою ничего законопреступнаго, не смѣю ни осудить себя, ни признать себя невиннымъ; ожидаю Господня приговора“ (Ѳеод.).

Ничесоже въ себѣ свѣтъ. Ничего не знаю за собою виновнаго предъ Богомъ; совѣсть ни въ чемъ не обличаетъ меня. Съ тѣхъ поръ, какъ позналъ я Господа и предалъ себя на служеніе Ему, не позволялъ себѣ я дѣлать ничего даже малѣйшаго, что признавалъ негоднымъ Господу, и ничего не упустилъ такого, что признавалъ добрымъ и угоднымъ Господу, какъ бы трудно оно ни было и какой бы жертвы ни требовало. По этому судя, можно бы сказать, что я правъ, еслибы можно было быть увѣреннымъ, что и Божій судъ таковъ же, какъ нашъ судъ. Между тѣмъ хотя то несомнѣнно, что кого совѣсть обличаетъ, того осудить и Богъ; но нельзя никакъ основаться на томъ, что кого совѣсть не обличаетъ, того не осудить и Богъ. Такимъ образомъ хоть *ничесоже въ себѣ свѣтъ, но ни о семъ оправдаюся.* „Что же скажемъ мы, которые имѣемъ совѣсть, пораженную безчисленными ранами, и не знаемъ за собою ничего добраго, но все противное тому?—Но почему онъ не считаетъ себя оправданнымъ, тогда какъ не знаетъ за собою ничего? Потому что и ему случалось допускать нѣкоторыя прегрѣшенія, безъ собственнаго признанія этихъ прегрѣшеній“ (св. Злат.). „Нерѣдко случается согрѣшать и не зная, даже признавая въ себѣ сдѣланное справедливымъ; но иначе взираетъ на то Богъ всяческихъ“ (Ѳеод.). Онъ говоритъ какъ-бы: „очень вѣроятно, что я грѣшенъ въ чемъ либо, хоть и не знаю въ чемъ“ (Ѳеоф.). Почему „не могу считать оправданія своего надежнымъ, пока не услышу оправданія изъ устъ Божіихъ“ (Экум.). „Отсюда можешь заключить, какъ страшенъ судъ будущій“ (св. Злат.).

Востязуй же мя Господь есть. Не только другіе не

могутъ вѣрно судить обо мнѣ и постановлять о мнѣ приговоры, потому что мое внутреннее сокрыто отъ нихъ, но и я самъ, могущій видѣть, что во мнѣ, не могу опредѣлять себя, потому что многое ускользаетъ отъ моего сознанія, или совѣсть моя не такъ чутка, чтобы обличить грѣшность нѣкоторыхъ движеній сердечныхъ, а нерѣдко словъ и дѣлъ; или можетъ быть другимъ подалъ я поводы грѣшить, по невниманію къ своимъ дѣламъ и словамъ. И Пророкъ Давидъ молился: *отъ тайныхъ моихъ очисти мя, и отъ чуждыхъ пощуди раба Твоего* (Пс. 18, 13). Почему и предаю судъ надъ собою Господу. Онъ одинъ *праведно испытуетъ сердца и утробы* (Пс. 7, 10), вѣрно опредѣляетъ качество дѣлъ и помысленій и по нимъ произносить приговоръ надъ человѣкомъ. И Судъ Его праведенъ и неизмѣненъ.

Ст. 5. *Тѣмже прежде времени ничтоже судите, дондеже придетъ Господь, Иже во свѣтъ приведетъ тайныя тмы и объявитъ советы сердечныя: и тогда похвала будетъ комуждо отъ Бога.*

„Вы усматриваете видимое, а Богу явно и сокровенное. Но въ настоящей жизни не все обнаруживаетъ Онъ; въ оной же все содѣлается явнымъ. Посему ожидайте праведнаго суда. Ибо тогда увидите праведные приговоры“ (Ѳеод.). Вы, говоритъ, взялись о насъ судить не съ той стороны, съ какой слѣдуетъ, и погрѣшили. Но еслибъ и съ надлежащей стали судить, и тогда нельзя вамъ праведнаго произнести сужденія, потому что не можете видѣть, какъ зараждаются дѣла въ сердцахъ и какъ исходятъ оттуда въ явь. И самъ дѣлающій не всегда это сознаетъ, какъ должно; гдѣ же узнать это стороннему?—Такъ лучше будетъ, если вы перестанете судить совсѣмъ, чтобы не произносить сужденій неправедныхъ, обличающихъ неразуміе. *Тѣмже*

прежде времени ничтоже судите.—*Ничтоже судите*, т.-е. не осуждайте ничего, никакихъ дѣлъ и ничьихъ,—не произносите осудительныхъ приговоровъ, или вообще приговоровъ судительныхъ. Говорить: *прежде времени*; будто, когда придетъ время, имъ можно судить; но когда придетъ время, тогда судьею будетъ Господь, имъ же самимъ будетъ не до суда надъ другими. Слѣдовательно онъ тоже говорить, что никогда не судите.

Когда придетъ время суда, тогда Господь *приведетъ во свѣтъ тайная тмы. Тайная тмы*—дѣла во тьмѣ дѣлаемыя, которыхъ сторонніе люди теперь не видятъ; но тогда Господь выведетъ наружу и всѣ ихъ увидятъ. И не дѣла только скрытыя выведетъ наружу, но и *совѣты сердечныя объявитъ*. Что человекъ самъ съ собою совѣщаетъ сдѣлать, того кромѣ самого человека никто знать не можетъ. Сокрото то завѣсою тѣла; а тогда Господь объявитъ сіи совѣты; и всѣ тоже увидятъ, что у кого было на сердцѣ, когда онъ дѣлалъ дѣла. И самъ дѣлающій себя увидитъ. Теперь Онъ иного не видитъ, иное намѣренно прикрываетъ и отъ себя; но тогда съ неотразимою очевидностію все увидитъ.—Окажется ли тогда кто изъ хулимыхъ здѣсь достойнымъ похвалы,—это очень вѣроятно. Но то несомнѣнно, что многіе хвалимые не выдержатъ пробы суда. И вотъ когда такимъ образомъ и всѣ дѣла, теперь сокрываемыя, выведены будутъ наружу, и всѣ намѣренія сердечныя, теперь естественно невидимыя, объявлены будутъ, тогда будутъ на лицо всѣ данныя для полученія праведнаго о каждомъ опредѣленія. Богъ и издастъ его. *И тогда похвала будетъ комуждо отъ Бога*. Будетъ одному похвала, а другому укоризна; но Апостоль выставяетъ эту одну часть, можетъ быть потому, что Коринѣяне погрѣшали тѣмъ, что говорили, одни: тотъ-то лучше, другіе: тотъ-то.—Тогда окажется, говорить, кто лучше.

„Апостоль говоритъ здѣсь о предпочтеніи такого-то такому-то и объ осужденіи другихъ. Судить объ этомъ безошибочно можетъ одинъ только Тотъ, Который будетъ судить сокровенныя наши помышленія и опредѣлять, какія изъ нихъ достойны большаго, какія меньшаго наказанія или награжденія: а мы судимъ по внѣшности. Что изъ того, если нѣкоторые по внѣшности кажутся добродѣтельными и удивительными? Не по внѣшности судить этотъ Судія, но обнаруживаетъ и сокровенныя намѣренія. Такимъ образомъ по двумъ, или лучше по тремъ причинамъ, судъ нашъ не бываетъ правымъ: вопервыхъ, потому, что хотя бы мы ничего не знали за собою, мы не безвинны предъ судомъ Обличающаго грѣхи наши съ точностію; вовторыхъ, потому что большая часть дѣлъ остается для насъ неоткрытою и неизвѣстною; въ третьихъ, потому что многія изъ дѣяній другихъ кажутся намъ добрыми, но совершаются не съ добрымъ намѣреніемъ. Для чего же вы говорите, что такой-то лучше такого-то? Ибо вотъ Апостоль говоритъ, что *ничесомже въ себѣ свѣтъ*, и однакожь — *о семъ не оправдаюся*, — т.-е. нельзя сказать, что я свободенъ отъ вины и осужденія. — Если же мы и тогда, когда ничего не знаемъ за собою, не можемъ быть свободными отъ осужденія, — и за самыя добрыя дѣла, когда совершаемъ ихъ не съ добрымъ намѣреніемъ, подлежимъ наказанію, то представь, сколь неправы суды человѣческіе. Люди не могутъ видѣть всего; это возможно только для одного недремлющаго Ока; людей мы можемъ обмануть, но Его — никогда. Посему не говори: мракъ и стѣны окружаютъ меня; кто видитъ меня? *Создавый наединѣ сердца наши* (Пс. 32, 15) знаетъ все; потому что *и тма не поумрачится отъ Него* (Пс. 138, 12). Посему не говори: кто видитъ меня? Есть Тотъ, Который проникаетъ

до души же и духа, членовъ же и мозговъ (Евр. 4, 12)“ (св. Злат.).

β).

Примѣненіе сказаннаго къ Коринѳянамъ

4, 6 8.

Ст. 6. *Сія же, братіе моя, преобразихъ на себе и Аполлоса васъ ради: да отъ насъ научитесь не паче написанныхъ мудрствовать, да не единъ по единому гордитесь на другаго.*

Сія же преобразихъ. Что такое *сія*? То, что говорилъ онъ въ третьей главѣ и что сказалъ теперь. Тамъ говорилъ: *кто же есть Павелъ, кто же ли Аполлосъ, точію служителие?* Здѣсь сказалъ: *такъ насъ да не щуютъ человекъ, яко слугъ Христовыхъ и строителей таинъ Божіихъ.* То несомнѣнно, что благовѣстники Евангелія имѣли высокое значеніе въ дѣлѣ устроенія Церкви, спасительницы человѣчества. Но Апостолы ничего себѣ не приписывали, а все относили къ Господу. чрезъ нихъ дѣйствовавшему, почитая себя орудіями Его и всю заботу обращая на то, чтобы вѣрными Ему быть во всемъ. Въ Коринѳѣ же вожди партій, можетъ быть, превосходившіе другихъ и образованностію, и дарами благодатными, вѣроятно много о себѣ думали, высидились надъ другими, а за ними и тѣ, которыхъ каждый привлекалъ на свою сторону, одни предъ другими гордились. Чтобы уврачевать ихъ, св. Павелъ представилъ имъ, что и онъ, столько потрудившійся въ насажденіи вѣры въ Коринѳѣ, и Аполлосъ, не мало къ тому содѣйствовавшій, суть ничто въ семъ дѣлѣ: *ни насаждаай что есть, ни напоаяй, но возвращаяй Богъ;* тогда какъ всѣ видѣли и важность дѣла ими сдѣланнаго, и вели-

кость труда, ими подъятаго. Изъ всего хода рѣчи тѣ, которые высились надъ другими, не могли не уразумѣть, какъ стыдно имъ присвоить что-либо себѣ и выситься, когда Апостолы такъ смиренно о себѣ судятъ. Но какъ грѣшная совѣсть уклончива, то Апостоль справедливо предполагая, какъ бы не уклонила она обличенія и отъ этихъ виновныхъ, счелъ нужнымъ прямо сказать, что все это о себѣ и Аполлосѣ говорилъ съ цѣлю уврачевать ихъ немощь. *Васъ ради*, говорить, *преобразихъ* на себѣ и Аполлосѣ. Хоть онъ и не называетъ, кого ради именно; но и для нихъ и для всѣхъ было очевидно, къ кому рѣчь. Какъ это ни осторожно сдѣлано, однакоже не могло не смутить ихъ; потому, чтобы смягчить впечатлѣнїе, онъ предпосылаетъ слово любви: *братіе моя*. Они все сказанное доселѣ слушали со вниманїемъ и хорошо все усвоили, смутно, можетъ быть, гадая, что рѣчь ихъ касается. Но когда сказалъ Апостоль: *васъ ради*, то для нихъ все стало ясно,—и какъ сказанное идетъ къ нимъ, и для чего далъ Апостоль такой оборотъ рѣчи. Вразумленїе было полное.

„Еслибъ онъ прямо сказалъ: вы осуждаете мужей святыхъ и достопочтенныхъ, то они оскорбились бы и не стали слушать; а теперь, когда онъ сказалъ: *кто есть Павелъ* и проч., то они скорѣе могли принять внушенїе. Посему онъ и сказалъ: *сія преобразихъ васъ ради, да отъ насъ научитесь не паче мудрствовать*,—выражая этимъ, что если бы онъ прямо сталъ говорить о тѣхъ мужахъ, то они не научились бы тому, чему слѣдовало научиться, и не приняли бы вразумленїя, оскорбившись сказаннымъ“ (св. Злат.). А теперь и бѣжать нечего; ибо все нужное для вразумленїя уже выслушано.

Не паче написанныхъ мудрствовать. Что это написанное? То, что написалъ Апостоль впереди. Хочетъ сказать вождямъ: да научитесь отъ насъ все, что имѣе-

те, къ Богу относить; если что успѣли сдѣлать доброе для братій, считать себя только служителями, чрезъ которыхъ Богъ дѣйствовалъ, и если что изъ сдѣланнаго принесло плодъ, Богу то приписывать, возвращающему все доброе; себя же считать ничѣмъ, и никакъ не предвѣрять суда Божія, думая о себѣ, что достойны похвалы и награды.

Слова же: *да не единъ по одному гордится на другаго*, относятся и къ вожакамъ конечно, но болѣе ко всеѣмъ другимъ, ими увлеченнымъ. „Здѣсь онъ, оставивъ учителей, обличаетъ учениковъ“ (св. Злат.). „Ибо Коринѣяне раздѣлившись на толки и положивъ называться—одни именемъ одного, а другіе именемъ другаго, препирались одни съ другими, и каждый толкъ усиливался своему учителю отдать первенство предъ другими“ (Феод.). Апостолы, имена которыхъ носили партіи, закрыты были ближайшими личностями вожаковъ. Ученики ихъ ими гордились и высились другъ передъ другомъ. Это было самое пустое гордѣніе одинаго по одному на другаго. Гордѣніе—плодъ легкомыслія, но все же гордѣніе, надмѣніе. „Дѣйствительно и то происходитъ отъ гордости, когда кто-нибудь, не имѣя ничего у себя, превозносится другими. Какъ превозносящійся чужимъ богатствомъ дѣлаетъ это отъ гордости, такъ и превозносящійся чужою славою. Посему справедливо Апостоль называетъ это гордостію. Когда въ тѣлѣ одинъ членъ дѣлается выше другихъ, то это не что иное, какъ болѣзненная опухоль; ибо одинъ членъ не иначе можетъ подняться выше другаго, какъ отъ воспаленія. Такъ и въ тѣлѣ Церкви—кто гордится и превозносится, тотъ находится въ болѣзненномъ состояніи; потому что онъ поднимается выше общаго соразмѣрнаго положенія и, слѣдовательно, подвергается болѣзненной опухоли. Въ тѣлѣ это бываетъ

тогда, когда накопляется какая-нибудь излишняя и вредная влага вмѣсто обыкновенныхъ питательныхъ соковъ. Такъ и въ душѣ рождается гордость, когда въ насъ входятъ чуждые помыслы. Гордость есть какъ-бы воспалительная опухоль, наполненная вредными соками. Впрочемъ, говоря это, онъ не запрещаетъ оказывать почтеніе (учителямъ), но осуждаетъ почтеніе, соединенное со вредомъ. Ты хочешь оказать почтеніе такому-то? Не препятствую; но только бы безъ вреда другому. Не для того намъ даны учителя, чтобы мы возставали другъ противъ друга, но чтобы всѣ соединились другъ съ другомъ. Военачальникъ поставляется надъ войскомъ для того, чтобы изъ раздѣленныхъ членовъ составить одно тѣло; если же онъ станетъ производить въ войскѣ раздѣленіе, то онъ болѣе врагъ, нежели военачальникъ“ (св. Злат.).

Ст. 7. *Кто бо тя разсуждаетъ? Что же имаша, егоже тыси пріялъ? Аще же и пріялъ еси, что хвалишися, яко не приѣмъ.*

Когда открылось, на кого мѣтила прежняя рѣчь, и указана цѣль скрытаго обличенія, чтобъ не гордились другъ предъ другомъ,—виновные пойманы и не могли уклониться; тогда самое обличеніе обрушивается на нихъ со всею строгостію. Апостоль оставляетъ прочихъ и тѣснить вожаковъ, въ той особенно мысли, что когда они возвратятся къ скромности въ помыслахъ и дѣлахъ, тогда и водимые ими всѣ смирятся, смотря на нихъ. Здѣсь, оставя подчиненныхъ, онъ обращается опять къ начальникамъ. А смыслъ словъ его слѣдующій: откуда извѣстно, что ты достоинъ похвалы? Развѣ былъ судъ? Развѣ произведено было испытаніе, изслѣдованіе, точное дознание? Не можешь этого сказать. Если же люди такъ разсудили, то судъ ихъ невѣренъ (*разсуждаетъ*—*διακρισει*. различаетъ, отличаетъ). Положимъ даже, что ты до-

стоинъ похвалы, что ты дѣйствительно имѣешь дарованія и что судъ человѣческій не ложенъ: и тогда тебѣ не слѣдуетъ высокоумствовать. Ты ничего не имѣешь отъ себя, но все получилъ отъ Бога. Почему же представляешь себя (отъ себя и для себя) имѣющимъ то, чего не имѣешь (отъ себя и для себя)? Что ты имѣешь, то имѣютъ и другіе вмѣстѣ съ тобою (ибо дано для нихъ). Ты получилъ все, что ни имѣешь, а не то только или другое (дары особые). Достоинства твои не отъ тебя, но отъ благодати Божіей. Укажешь ли на вѣру,—она отъ призванія; укажешь ли на отпущеніе грѣховъ, на дарованія, на способность учительства, на добродѣтели,—все ты получилъ оттуда. Что же, скажи мнѣ, ты имѣешь такого, чего бы не получилъ, а достигъ самъ собою? Не можешь указать ни на что. Ты получилъ, и между тѣмъ привозносишься? При этомъ слѣдовало бы смиряться; потому что данное принадлежитъ не тебѣ, но Давшему. Если ты получилъ, то получилъ отъ Него; если получилъ отъ Него, то получилъ не свое; если получилъ не свое, то почему превозносишься, какъ-бы имѣя все отъ самого себя? Посему и присовокупилъ Апостолъ: *аще же и пріялъ еси, что хвалишися, яко не пріемъ?* Такимъ образомъ послѣдовательно доказавъ свою мысль, онъ далѣе показываетъ, что еще многого не достаетъ имѣ, и говоритъ: еслибы даже вы получили все, и тогда никакъ не слѣдовало бы хвалиться, потому что все это не ваше; но вы теперь еще многого не имѣете. И въ началѣ онъ намекалъ на это, когда говорилъ: *не можохъ вамъ глаголати яко духовнымъ* (3, 1), а здѣсь съ укориною внушаетъ имъ это и говоритъ“ (св. Злат.):

Ст. 8. *Се съити есте, се обогатистесь, безъ насъ воцаристесь: и о дабы воцарились есте, да и мы быхомъ съ вами царствовали!*

Се — вотъ какъ, вы уже *сыти* и *обогатились*! Не успѣли вкусить начатка отъ плодовъ вѣры, уже и сыти; не успѣли малость нѣкую стяжать изъ вѣдѣнія христіанскаго и христіанскихъ добродѣтелей, какъ уже и богатыми себя считаете! Это съ чѣмъ сообразно? Съ другой стороны обличаетъ гордость: тамъ обличалъ ее тѣмъ, что она себѣ присволяетъ то, что даровано; а здѣсь тѣмъ, что она всегда исходитъ отъ пагубнаго самопрельщенія, отъ чувства самодовольства: врагъ надуваетъ въ голову мысль, будто того, что имѣется, такъ много, что большаго и желать нечего. Остается только наслаждаться и украшаться вѣнцами похвалъ, или прямѣе сплетать себѣ самовосхваленія, и вслѣдствіе того выситься надъ другими, смотря на нихъ свысока. Какъ такого рода настроеніе очень смѣшно въ существѣ дѣла, то для разоренія его Апостоль и употребляетъ иронію. „*Се сыти есте*. Не напрасно Апостоль употребилъ слово: *се* (вотъ какъ, вы уже и сыти), но самымъ временемъ доказываетъ, какъ неосновательно и безразсудно ихъ мнѣніе. Онъ иронически говоритъ имъ: такъ скоро вы дошли до конца! Это не могло быть по самому времени; совершенство — въ будущемъ; довольствоваться малымъ, это — знакъ слабой души; при маломъ считать себя богатымъ свойственно душѣ болѣзненной и жалкой; благочестіе ненасытимо: при начаткахъ считать себя получившимъ все и только еще въ началѣ дѣла — достигшимъ конца, свойственно дѣтскому разсудку“ (св. Злат.).

Безъ насъ воцаристесь. „Мы еще бѣдствуемъ, подвергаемся страданіямъ за проповѣдь, а вы уже и царствомъ насладились“ (Ѳеод.). Надо подразумѣвать здѣсь — *будто*. Вы такъ себя держите, будто ужъ воцарились, будто настало царство славы, розданы вѣнцы, настало блаженное ликованіе. Но какъ же это безъ насъ? Мы

трудимся, терпимъ всякаго рода лишенія, а вы уже и въ царство будто вступили! Выставляеть Апостоль нелѣпность того помышленія гордыхъ, что у нихъ уже всего вдоволь, нечего болѣе трудиться. Онъ говоритъ здѣсь: нынѣ время труда и потовъ; нелѣпо себя имѣть такимъ, какъ будто ужъ и царство въ рукахъ держишь. Или такая можетъ быть здѣсь мысль: мы трудились и надъ вами и надъ тѣми, которыхъ вы къ себѣ подобрали, а вы въ трудъ нашъ вошли, и распоряжаетесь тамъ себѣ самовластно, будто настоящіе цари. Къ вамъ всѣ уже обратились, мы же вытѣснены изъ вниманія, будто насъ нѣтъ, и мы ничего не значимъ, хотя толки ваши нашими именами украшаются. Но первая мысль прямѣе.

И о дабы воцарились есте! — „Иронія кончилась: Апостоль выражаетъ дѣйствительное свое къ нимъ расположеніе, и говоритъ какъ-бы: въ этомъ отношеніи не только не завидую вамъ, но и желаю, чтобы вы сподобились такого блага“ (Ѳеод.). „А чтобы и эти слова не показались иронією, продолжаетъ: *да и мы быхомъ съ вами царствовали.* Тогда, говоритъ, и мы съ вами получили бы это благо!“ (св. Злат.). Этимъ „выразилъ Апостоль безмѣрность своего смиренія. Христосъ истинно царствуетъ: слуги Его суть причастники Его царства; но Апостоль, въ намѣреніи скромностію своею смирить ихъ (вожаковъ партій) гордыню, употребилъ такое выраженіе“ (Ѳеод.). „Какъ бы такъ: ради васъ и намъ дастся царство; авось и мы не лишимся такого блага. Ибо учителямъ справедливо быть тамъ, гдѣ ученики,—не отставая отъ нихъ. Или такъ: и мы съ вами царствовали бы въ васъ,—т.-е. вапа слава—наша слава. Честь учителямъ, когда ученики стоятъ высоко“ (Экум. и Ѳеоф.).—Слѣдующія слова заставляютъ дополнить: но вѣдь этому нельзя быть теперь. Желали бы мы, чтобы вы уже въ царствѣ будто были,

чтобъ и намъ съ вами тамъ же быть, но время не то. Теперь—время трудовъ, скорбей, смертей.

Мысль сего мѣста темновата. Не видно, что хотѣлъ внушить ею Апостоль.

γ).

Выѣшнее положеніе Апостоловъ въ міръ не свѣтлое

4, 9—13.

Иные думаютъ, что въ этомъ отдѣленіи продолжается начатая предъ симъ иронія; другіе, что Апостоль намѣренно представилъ картину скорбнаго и уничиженнаго положенія своего и всѣхъ Апостоловъ и причину его положилъ въ особомъ намѣреніи Божиѣмъ,—чтобъ тѣ, которые не очистились еще отъ гордостныхъ мірскихъ воззрѣній, не смотрѣли на него и другихъ Апостоловъ съ презрѣніемъ и не уничижали ихъ за то. Последнее будто прямѣе идетъ. Но можно и первое видѣть въ иныхъ выраженіяхъ. Такимъ образомъ со-вмѣстится и то и другое пониманіе этого отдѣленія.

Ст. 9. *Мню бо, яко Богъ ны посланники послѣднія яви, яко насмертники, зане позоръ быхомъ міру и Ангеломъ и человекомъ.*

Бо—ибо, — причина на умолчанную мысль. Желали бы мы вамъ воцариться, чтобъ и самимъ съ вами царствовать; да время не то. Ибо нынѣшнее время вотъ каково: скорби, смерти, лишенія.—И это по Божьему намѣренію. Богъ такъ положилъ. *Мню бо* — полагаю навѣрное, тоже что вижу. Хочетъ сказать: ибо очевидное дѣло, что Богу угодно было явить насъ Апостоловъ послѣдними,—послѣдними по долѣ. Богу угодно было, чтобъ мы состояли въ самой послѣдней, низкой долѣ, чтобъ мы были какъ-бы насмертники, люди на смерть осужденные и преданные позору, какъ, напр..

тѣ, которыхъ отдають на снѣденіе звѣрямъ. Что это такъ, смотрите, чтò мы.—*Мы позоръ быхомъ міру и Ангеломъ и чловѣкомъ.* Позоръ—зрѣлище,—не въ славу, а къ посрамленію и всестороннему униженію, хотя въ духовномъ отношеніи это славно и величественно. Избираемъ изъ словъ св. Златоуста нѣкоторыя положенія: „Апостолъ говоритъ какъ-бы: возвѣщаю, что настоящее время не есть время почестей и славы, но гоненій и скорбей.—Я вижу, что мы, Апостолы, всѣхъ презрѣннѣе и осуждены терпѣть постоянныя бѣдствія. Тѣхъ, которые посѣвають проповѣдь благочестія, Богъ послѣдними явилъ, какъ-бы насмертниками, т.-е. какъ-бы осужденными на смерть и достойными всякаго рода смерти.—*Зане позоръ быхомъ міру и Ангеломъ и чловѣкомъ.* Что значить: *позоръ быхомъ міру?* Не въ потаенномъ мѣстѣ, говорить, и не въ малой части вселенной мы подвергаемся этому, но вездѣ и при всѣхъ. А что значить *и Ангеломъ.* Можно быть зрѣлищемъ для людей, но не для Ангеловъ, когда совершаемое маловажно; а наши, говорить, подвиги таковы, что они достойны быть зрѣлищемъ и для Ангеловъ (несмотря на то, что по видимости они такъ уничижительны). Они обращаютъ на себя взоры не только людей, но и всего сонма Ангеловъ. *Яко нѣсть наша брань съ чловѣками, но съ безплотными силами* (Еф. 6, 12), потому и смотритъ на насъ великое множество зрителей.“

Но таковы Апостолы, т.-е. такъ уничижены и бездольны, только по внѣшности; въ существѣ же дѣла то, что они производятъ, имѣетъ всемірное значеніе. Люди непросвѣщенные благодатию этого не видятъ; просвѣщенные могутъ увидѣть, если отбросятъ мірскія понятія о свѣтлости или несвѣтлости внѣшнихъ состояній; но Ангелы несомнѣнно то видятъ. Злые видятъ, ибо разоряется ихъ царство, а добрые видятъ,

ибо ихъ дѣло—содѣйствовать распространенію царства добра, которое составляетъ всегдашнюю ихъ радость.

Ст. 10. *Мы убо буй Христа ради, вы же мудры о Христѣ: мы немощны, вы же крѣпцы: вы славны, мы же безчестны.*

Наши лишенія, скорби, насмертности—благо міру, не внѣшнее, а духовное и вѣчное. Доказательство тому—вы сами. *Мы буй Христа ради*,—„проповѣдуемъ то, что невѣрные признають буйствомъ“ (Феод.). За нашу проповѣдь о Христѣ Господѣ распятомъ всеъ почитаютъ насъ безумными. И пусть ихъ; мы на это не смотримъ: ибо увѣрены, что это безуміе есть истинная мудрость для тѣхъ, которые съ вѣрою принимаютъ слово наше. Вы это знаете по опыту. Приняли вы слово наше, увѣровали, прилѣпились къ Господу и стали мудры о Христѣ, мудры истинною мудростью, которой никто въ мірѣ не имѣеть кромѣ вѣрующихъ. Смотрите, какъ для васъ все стало ясно; знаете вы, что есть Богъ, что міръ сей, какъ онъ начался и чѣмъ кончится, что человѣкъ и какая цѣль его, откуда зло и какъ уврачевать его, и проч. Кто въ мірѣ знаетъ это такъ, какъ вы?!

Мы немощны, вы же крѣпцы. Надобно и здѣсь какъ въ первомъ положеніи дополненіе доразумѣвать: мы немощны Христа ради, вы же крѣпки о Христѣ. Мы немощны Христа ради въ томъ отношеніи, что насъ гонять, бьютъ, сажаютъ въ темницы: никакой въ насъ внѣшней силы нѣтъ, какъ нѣтъ и внѣшней мудрости. Но тѣмъ, которые послѣдуютъ нашему ученію, мы подаемъ нравственную крѣпость, которой никакая мірская сила преодолѣть не можетъ. Вы это знаете по себѣ. Какъ только положили вы послѣдовать Господу, взявъ крестъ Его, съ твердою рѣшимостію исполнять заповѣди Его, и крестились,—тотчасъ получили новую жизнь, и чрезъ возложеніе рукъ моихъ благодать Св.

Духа, Который излилъ въ васъ нравственную силу, неодолимую для страстей, въ васъ возстающихъ, для прелестей міра, васъ влекущихъ, для врага, васъ бо-рющаго. Такъ стали вы крѣпки о Христѣ. — Такой силы нигдѣ въ мірѣ нѣтъ, и негдѣ ея получить, кромѣ какъ въ проповѣдуемой нами вѣрѣ.

Вы славны, мы же безчестны. И здѣсь должно дополнить: мы безчестны Христа ради, вы же славны о Христѣ. Это не новое что, а будто выводъ изъ предыдущаго. Какая уже тутъ честь, когда всюду считаютъ безумными, гонятъ изъ города въ городъ и изъ веси въ весь, бьютъ, сажаютъ въ темницы! Апостолъ этимъ говоритъ будто: такъ-то мы безчестны Христа ради. Но соотвѣтственно этому и въ первомъ положеніи надо видѣть тотъ же выводъ: такъ-то вы славны о Христѣ, славны истиннымъ вѣдѣніемъ и нравственнымъ совершенствомъ, славны внутренней славою, которая есть начало и задатокъ славы вѣчной о Христѣ Исусѣ Господѣ нашемъ.

Ст. 11. *До нынѣшняго часа и алчѣмъ, и жаждемъ, и наготуемъ, и страждемъ, и скитаемъ, и труждаемъ, дѣлаяще своими руками (12).*

Не вамъ только такое благо принести мы назначены, но разносить его по всему міру, чтобы сообщать его всѣмъ способнымъ принять его. Но какъ для этого, не въ началѣ только, а и всегда надлежитъ быть намъ въ уничиженномъ состояніи, по Божьему опредѣленію, то мы, какъ начали, такъ и доселѣ продолжаемъ вести послѣднюю долю, яко насмертники. До нынѣшняго часа и алчѣмъ, и жаждемъ, и наготуемъ. Не то, чтобъ ходили безъ одежды, не пили и не ѣли, но одѣваемся какъ пришлось, не имѣя въ запасѣ одеждъ, кромѣ той, которую носимъ по заповѣди Господа: ѣдимъ и пьемъ, тоже какъ случится; оттого нерѣдко бываемъ безъ

пищи и питія. Апостоль хочетъ сказать, что удовлетвореніе этихъ первѣйшихъ потребностей тѣлесныхъ у нихъ самое скудное, и не составляетъ предмета ихъ заботъ и попеченій, а совершается, какъ Богъ пошлетъ.

Одежда и пища намъ достаются скудныя, а жилища совсѣмъ не имѣемъ, не имѣемъ гдѣ главу подклонить: *страждемъ и скитаемся*. *Страждемъ* — *χολαφιζόμεθα*, — выражаетъ, когда выталкиваютъ кого изъ дому. *Скитаемся* — *ἀστατοῦμεν*, — остановиться негдѣ на ночлегъ, или для отдыха. Всюду насъ гоняютъ, толкаютъ, мы и переходимъ съ мѣста на мѣсто.

И труждаемся, дѣлающе своими руками. Но гдѣ придется остановиться, мы не бываемъ въ тягость, а тотчас беремся за работу, чтобы снискать себѣ пропитаніе трудовое.

Какая тяжелая доля! Но въ увѣренности, что такъ Богъ судилъ, и въ убѣжденіи, что иначе не возможно быть устроены спасенію міра, чего ради и Самъ Господь не имѣлъ гдѣ главу подклонить, — мы несемъ свою долю благодушно и съ радостію, — не только не ропщемъ, но и радуемся, — и тѣмъ, которые дѣлаютъ намъ зло, воздаемъ добромъ“ (св. Злат.).

Ст. 12. *Укоряеми, благословляемъ: гоними, терпимъ: хулими утѣшаемся* (13).

Насъ бранятъ, злословятъ, а мы благословляемъ, благія рѣчи имъ говоримъ; насъ гонятъ по неприязни, но мы сносимъ то благодушно, безъ сердчанія, не нарушая любви, и не допуская движеній отмщенія; насъ хулятъ — *βλασφημοῦμενοι*. — клянутъ, не только презрительно поносятъ, но какъ на непотребныхъ гнѣвъ небесъ призываютъ, — а мы утѣшаемся, — *παρηλατοῦμεν*, — молимъ, подразумевается, Бога: они на насъ кару съ неба призываютъ, а мы просимъ имъ отъ Бога всякой милости.

Ст. 13. *Хулими утѣшаемся: якоже отребѣ міру быхомъ, вѣсмъ поправіе доселѣ.*

Якоже отребѣ,—періхадарма міру быхомъ, „т.-е. ничѣмъ не отличаемя отъ того что въ домахъ выбрасывается, какъ излишнее, овощей ли то очистки, или другое что подобное. Такъ маловажными считаетъ насъ большая часть людей“ (Θеод.). Какъ соръ, который выметають изъ дома на дворъ, а потомъ и со двора, такъ насъ сметають отовсюду, желая и изъ міра выместъ. *Вѣсмъ поправіе* — (περίφρημα), — этотъ же соръ, выброшенный и всѣми попираемый, безъ всякой опаски и всякаго вниманія.

Уничижительнѣе еще что-либо сказать ужъ и возможности нѣтъ.

Что должны были почувствовать при этомъ тѣ изъ Коринѣянъ, которые говорили: Павелъ невиденъ, бѣденъ, живетъ своими руками, и подобное,—Аполлосъ лучше? А Аполлосъ не терпѣлъ того, что терпѣлъ св. Павелъ, и въ другихъ мѣстахъ, и въ Коринѣ; и это за дѣло Божіе, котораго и они стали причастны. Не могли они не почувствовать, что то, что они считали не преимуществомъ въ св. Павлѣ, было преимущество, которому подобнаго ничего не было въ Аполлосѣ, или въ другомъ комъ изъ насъ самихъ.—И стыдъ и скорбь!

δ).

Отеческое смягченіе укора и обличенія

4, 14—16.

Ст. 14. *Не срамля васъ сія пишу, но якоже чада моя возлюбленная наказую.*

„Не для того, говорить, я сказываю вамъ это, чтобы пристыдить васъ. Но пристыжденіе уже сдѣлано. По-

тому онъ хочетъ этимъ выразить: не съ худымъ, не съ ненавистнымъ намѣреніемъ я сдѣлалъ это. Ибо сказавши слово, оправдывать его намѣреніемъ, это—прекрасный способъ врачеванія. Невозможно было не говорить, потому что иначе они остались бы неисправленными, а сказавши, оставить рану безъ врачеванія, также было бы опасно; посему онъ послѣ обличенія оправдывается. Это не только не уничтожаетъ дѣйствія приложеннаго врачевства, но еще глубже виѣдряетъ его и между тѣмъ утоляетъ всю боль раны; ибо слушающій, что это говорится не съ огорченіемъ, но съ любовію, скорѣе принимаетъ вразумленіе. Впрочемъ и здѣсь великое обличеніе и укоризна. Онъ говорить не какъ учитель, не какъ Апостоль,—что выражало бы достоинство,—но какъ отецъ: *якоже чада возлюбленная наказую*. Не просто *чада*, но и *возлюбленная*. Простите мнѣ, говорить: если сказано что-нибудь непріятное, то это произошло отъ любви. Не сказалъ: обличаю, но *наказую* — вразумляю. Кто не сталъ бы слушать отца, сѣтующаго и предлагающаго полезныя совѣты? Посему сказалъ это не прежде, но когда уже нанесъ поражение“ (св. Злат.).

Ст. 15. *Аще бо и мнози пѣстуны имате, о Христь, но не мнози отцы: о Христь бо Исусъ благовъствованіемъ азъ вы родихъ.*

„Прочихъ учителей Апостоль назвалъ пѣстунами, а себя отцемъ, потому что онъ первый принесъ имъ Евангельское ученіе“ (Θεод.).

Пѣстуны суть учителя, которые назидали ихъ послѣ св. Павла. Здѣсь разумѣется Аполлосъ и свои Коринтскіе наставники. При словахъ: *чада возлюбленная*, иной могъ подумать: „чтоже? другіе развѣ насъ не любятъ?—Апостоль отвѣчаетъ будто: любятъ, но не такъ, какъ я. Они пѣстуны—педагоги, а я отецъ. Какъ въ разсуж-

деніи дѣтей отецъ—одинъ, а пѣстуновъ бываетъ много, и противъ любви одного отца многого не достаетъ въ расположеніи тѣхъ многихъ, такъ и въ разсужденіи васъ“ (Феоф.). „Апостоль указываетъ не на достоинство свое, но на преизбытокъ любви. Онъ не укоряетъ другихъ учителей, присовокупивъ: *о Христѣ*, и назвавъ ихъ не льстецами, а *пѣстунами*, въ означеніе, что они имѣли объ нихъ заботы и трудились ради ихъ; но выразилъ и превосходство своей любви и своего о нихъ попеченія, сказавъ: *не многи отцы*.—Такимъ образомъ онъ не хотѣлъ ни указывать имъ на свое достоинство, ни напоминать, какъ много получили они отъ него пользы, но, согласившись, что и другіе учителя много потрудились для нихъ, — ибо таково свойство пѣстуновъ,—преизбытокъ любви усвоетъ себѣ; ибо таково свойство отца. И не говоритъ только, что никто не любитъ ихъ такъ, какъ онъ,—это было бы не доказательство,—но указываетъ и на самое дѣло.—Какое? *О Христѣ бо Исусъ благовѣствованіемъ азъ вы родихъ*.—*О Христѣ Исусъ*: я не приписываю, говоритъ, этого самому себѣ. Опять намекаетъ на тѣхъ, которые присвоили ученіе себѣ самимъ. Ниже скажетъ: *печатъ моего Апостольства вы есте* (1 Кор. 9, 2); выше сказалъ: *азъ насадихъ* (3, 6); а здѣсь говоритъ: *азъ — родихъ*. Не сказалъ: я возвѣстилъ слово, но: *азъ родихъ*, употребивъ выраженіе, близкое къ природѣ; ибо онъ старался объ одномъ, какъ бы выразить любовь, какую питалъ къ нимъ. Тѣ, принявъ отъ меня, воспитывали васъ; а то, что вы стали вѣрующими, произошло чрезъ меня.—Такъ, сказавъ имъ: *якоже чада*, и желая показать, что это не слово лести, онъ указалъ на дѣло“ (св. Злат.).

Рождены Коринтяне, т.-е. стали христіанами, не чрезъ одно благовѣствованіе, но благовѣствованіе по-

ложило начало сѣму рожденію и освѣщало все производство дѣла; потому и стоитъ одно. Бываетъ же рожденіе о Христѣ такъ: благовѣстіемъ начинается вѣра, а потомъ, при дѣйстви благодати, и завершается имъ же; вѣрующій крещается и получаетъ новую жизнь о Христѣ; затѣмъ новый сѣй человѣкъ помазуется Духомъ чрезъ возложеніе рукъ (нынѣ муропомазаніе). И вотъ совершенный христіанинъ, т.-е. помазанный Духомъ и ставшій духовно Христовымъ или Христомъ.

Ст. 16. *Молю же васъ, подобни мнѣ бывайте, якоже азъ Христу.*

Неожиданное приложеніе! Почему трудно угадать прямую мысль Апостола. Феодоритъ перифразируетъ это мѣсто такъ: „смиряться, какъ смиряюсь я; терпите, что терплю я; хвалитесь страданіями, а не дарованіями.“—Феофилактъ такъ: „подражайте мнѣ во всемъ, не возносите ни мудростію, ни богатствомъ, и не разрывайтесь съ братіями, но и мудростію, и богатствомъ считайте одно то, чтобы любить Христа и братій о Христѣ. Смотри, какая нѣжность!—Просить, а не заповѣдуетъ.“

Можетъ быть, Апостоль хотѣлъ этимъ сказать только: смотрите же, не отдѣляйтесь отъ меня душою вашею, но пребывая вѣрными и ученію, и заповѣдямъ Христовымъ, помните и меня, и не прерывайте со мною духовнаго общенія и союза сердечнаго. *Молю* же стоить вмѣсто всѣхъ убѣжденій: ибо когда любящій молить о любви, кто противиться можетъ?

Св. Златоустъ извлекаетъ изъ сихъ словъ общеназидательный урокъ. „О, какое дерзновеніе учителя. Сколь вѣрнымъ онъ былъ образомъ Христа, если и другимъ указываетъ на это. Впрочемъ здѣсь онъ не превозноситъ себя, но показываетъ легкость добродѣтели. Не говори: я не могу подражать тебѣ: ты—учи-

тель, и великій учитель. Не такое разстояніе между мною и вами, какое между мною и Христомъ, и однако я подражалъ Ему.—Когда онъ пишетъ къ Ефесеямъ, то не предлагаетъ въ посредники себя самого, но прямо руководить всёхъ ихъ къ Богу: *бывайте подражатели Богу* (Еф. 5, 1); а здѣсь, такъ какъ обращалъ рѣчь свою къ немощнымъ, представляетъ посредствующимъ себя самого. Съ другой стороны показываетъ, что и такимъ образомъ можно подражать Христу. Ибо кто подражаетъ вѣрному образу, тотъ подражаетъ первообразу.“

3.

Заключеніе. Извѣщаетъ о посланіи св. Тимоея и своемъ скоромъ прибытіи, съ вразумительными внушеніями

4, 17—21.

Ст. 17. *Сего ради послахъ къ вамъ Тимоея, иже ми есть чадо возлюблено и вѣрно о Господѣ, иже вамъ воспоминаетъ пути моя, яже о Христѣ Иисусѣ, якоже вездѣ и во всякой церкви учу.*

Сего ради. Чего?—„Того, что точно имѣю васъ чадами возлюбленными и пекусь о васъ, какъ отецъ“ (св. Злат.). Или и такъ: по отеческой къ вамъ любви, но по причинѣ беспорядковъ, среди васъ происшедшихъ; такъ что *сего ради* обнимаетъ все предыдущее отдѣленіе.

Послахъ. Когда писалось сіе посланіе, св. Тимоею былъ уже отосланъ въ Коринѣ. Это даетъ мысль о такомъ ходѣ событій. Домашніе Хлоины извѣстили св. Павла о томъ, что недобраго происходило въ Коринѣ. Св. Павелъ и самъ готовъ бы туда поспѣшить, но его удержали дѣла, почему онъ послалъ впередъ св. Тимоея, чтобы онъ или исправилъ, или приостановилъ зло,

пока придетъ самъ св. Павелъ. Это то самое посланіе Тимоѳея, о коемъ поминается въ Дѣянїяхъ, 19, 22, гдѣ говорится, что св. Павелъ положивъ въ духѣ пройти Македонїю и Ахаїю,—въ Коринѣ, послалъ впередъ Тимоѳея и Ераста.—„Посмотри, какъ доблестна душа Павла, какъ она пламеннѣе и живѣе огня! Онъ хотѣлъ самъ придти къ Коринѣянамъ, находившимся въ тяжелой болѣзни и смятенїи, ибо хорошо зналъ, какъ полезно было ученикамъ присутствїе его и какимъ вредомъ сопровождалось его отсутствїе.—Онъ хотѣлъ и слѣшилъ самъ придти; но такъ какъ сдѣлать это было еще невозможно, то вразумляетъ ихъ общанїемъ своего прибытїя, а между тѣмъ отправляетъ къ нимъ ученика“ (св. Злат.). Когда отбылъ св. Тимоѳей, пришли и посланные отъ Коринѣянъ Стефанъ, Фортунатъ и Ахайкъ—16, 17, съ письмомъ; по какому случаю и пишется сіе посланїе.

Послалъ Тимоѳея, иже ми есть чадо возлюбленно и вѣрно о Господѣ. „Къ Коринѣянамъ расположенїе свое выказалъ Апостоль тѣмъ, что послалъ къ нимъ Тимоѳея; а къ Тимоѳею любовь свою тѣмъ, что наименовалъ его чадомъ возлюбленнымъ, объявилъ и другую его добродѣтель, назвавъ вѣрнымъ о Господѣ“ (Феод.). Св. Тимоѳей былъ извѣстенъ въ Коринѣ; ибо вмѣстѣ съ св. Павломъ былъ тамъ, при первомъ насажденїи вѣры. Но Апостоль счелъ нужнымъ выставить его добрыя качества и его близость къ себѣ, ради того, что Коринѣяне оказались очень забывчивыми, когда забыли и о достоинствѣ самого Апостола своего. „Посему словами этими и любовь свою выражаетъ къ Тимоѳею, и вмѣстѣ Коринѣянъ располагаетъ принять его съ уваженїемъ. *Чадю*, говорить, *возлюбленно и вѣрно*. Не просто: *вѣрно*, но: *вѣрно о Господѣ*, т.-е. въ дѣлахъ Господнихъ. Если быть вѣрнымъ въ житейскихъ дѣлахъ—похвально,

то тѣмъ болѣе—въ духовныхъ. Если же онъ вѣренъ, то устроить дѣла безукоризненно“ (св. Злат.).

Иже вамъ воспомянетъ пути моя. Тутъ и обличеніе слышится, и голосъ любви, всячески старающейся смягчить слово. Обличеніе при такомъ пониманіи: „не ска- залъ, что Тимоѳеѣй извѣститъ о путяхъ его, а воспо- мянетъ; сіе же слово обвиняетъ ихъ въ забвеніи, потому что они были самовидцами Апостольской добродѣтели“ (Θеод.) и дѣятельности. Вѣроятно слышали они и о томъ, какъ вездѣ дѣйствовалъ Апостоль; но это не держалось у нихъ въ головѣ, и они дѣйствовали такъ, будто ничего того не знали. Между тѣмъ довольно помнить о томъ, чтобъ держать себя въ должномъ чинѣ.—Голосъ любви, смягчающей слово, при такомъ пониманіи: „не сказалъ: научить, а *воспомянетъ*, дабы они не огорчились, какъ-бы долженствующіе учиться у него. Но и этимъ словомъ не удовольствовался, а простирая далѣе рѣчь, присовокупляетъ: *пути моя*. Не свои пути, но *моя*. Ибо Тимоѳеѣй былъ молодецъ“ (св. Злат.). Не отъ своего лица и не о себѣ будетъ вести рѣчь. Онъ будетъ представителемъ авторитетнаго лица, и дѣйствовать по его порученію. Внимайте!

Пути моя. Это слово обнимаетъ весь образъ Апостольскаго дѣйствованія въ насажденіи церковей: и какъ начиналъ проповѣдь, и какъ ее велъ, какъ поступалъ съ увѣровавшими, какіе заводилъ порядки, въ какомъ отношеніи поставлялъ вѣрующихъ къ предстоятелямъ. Почему говоритъ: *пути моя о Христѣ*,—не частныя мои дѣла, а то какъ я дѣйствую въ порученномъ мнѣ отъ Господа дѣлѣ, проповѣди Евангелія. „Онъ, гово- ритъ Апостоль, расскажетъ, какъ я дѣйствую: ибо путями называетъ образъ дѣйствій своихъ“ (Θеод.). „Т.-е. распоряженія, обычаи, законы, учрежденія, пра- вила Апостольскія, и все прочее“ (св. Злат.).

Якоже вездѣ во всякой церкви учу. Учу—не ученіе одно, или преподаваніе истины, означаетъ, но вообще обученіе,—и наставленіе, и заведеніе всѣхъ порядковъ. Когда воиновъ, новобранцевъ, отдають въ наученіе опытнымъ воинамъ, то эти не разсказываютъ только тѣмъ, что дѣлать должно, но дѣломъ обучаютъ, какъ дѣйствовать. Такъ и здѣсь: учу, т.-е. обучаю церкви,—и истины имъ преподаю, и жить поучаю, и таинства совершать показываю, и всю церковь поставляю въ строй. Этимъ внушалъ Апостоль: нигдѣ ничему особенному не училъ, и нигдѣ иныхъ порядковъ не заводилъ; какъ у васъ, такъ и всюду; такъ что это одно должно было сильно обличить ихъ и вразумить: вездѣ одно; зачѣмъ заводите у себя такія новости? „Устыдитесь! ни одна церковь не отступаетъ отъ путей моихъ, кромѣ васъ“ (Теоф.).

Ст. 18. *Яко не грядущу ми къ вамъ, разгордѣшася нынѣ.*

Послалъ Тимоѳея, а за нимъ и самъ скоро послѣдую, говорить, потому что нѣкоторые изъ васъ, по причинѣ моего непріхода къ вамъ, возгордѣлись.—Вѣрно св. Павелъ, или при удаленіи отъ нихъ обѣщалъ опять побывать у нихъ, или наказывалъ съ кѣмъ, что будетъ. Видя, что онъ все нейдетъ, нѣкоторые разгордѣлись, т.-е. стали дѣйствовать, какъ внушало имъ высокое о себѣ мнѣніе,—съ неуваженіемъ къ другимъ и съ презрѣніемъ распоряженій и правилъ, преподаваемыхъ св. Павломъ, какъ въ притчѣ Господней приставникъ (Мѡ. 24, 48; Лк. 12, 45). На это и намекаетъ св. Павелъ. Вижу, говорить, отъ чего у васъ нѣкоторыя произошли нестройности: отъ того, что я замедлилъ придти. Исправлю это опущеніе. Пока сдѣлаешь что-нибудь у васъ Тимоѳея, а потомъ и самъ скоро буду.— Тутъ скрыто сильное обличеніе имъ. Онъ говорить

какъ-бы имъ: какой у васъ дѣтскій умъ! Когда я у васъ, или есть страхъ, что скоро приду, вы въ порядкѣ. А какъ только я отошелъ и показалось вамъ, что не скоро буду, вы тотчасъ забылись, и пошли у васъ нестроенія. Вы—будто дѣти, которыя въ отсутствіе учителя дѣлаются безпечными и шаловливыми (св. Злат., Теоф.). Чѣмъ и какъ нѣкоторые разгордѣлись? Очень вѣроятно, что тѣ изъ нихъ, которые выдавались изъ-за другихъ ученостію, или достаткомъ, а можетъ быть и христіанскимъ знаніемъ и дѣлами, и даже дарами духовными, начали о себѣ высоко думать; къ этому привилось затѣмъ тщеславіе, и какъ за отсутствіемъ властнаго учителя— Апостола, некому было ихъ обличить и исправить, то они совсѣмъ разгордѣлись (Экум.).

Ст. 19. 20. *Прииду же скоро къ вамъ, аще Господь восхоцетъ, и уразумѣю не слово разгордѣвшихся, но силу. Не въ словеси бо царство Божіе, но въ силѣ.*

Какъ между дѣтьми, когда приходитъ учитель, тотчасъ возстановляется порядокъ, такъ и для возстановленія порядка между Коринѳянами, какъ надѣется Апостоль, достаточно одного его присутствія. „Ибо какъ присутствіе льва приводитъ въ страхъ всѣхъ животныхъ, такъ и присутствіе Павла — развращающихъ церковь“ (св. Злат.).—*Прииду*, говоритъ, *скоро*. Намѣреніе его рѣшительно; но какъ теченіе событій въ рукахъ Божіихъ, то прибавилъ: *аще Господь восхоцетъ*. „Не назначаетъ опредѣленнаго времени,—такъ какъ онъ могъ и замедлить,—дабы неизвѣстностію поддерживать въ нихъ бодрствованіе“ (св. Злат.), и чтобъ они, напередъ зная о возможности промедленія, независимо отъ его воли, не истолковали его криво, не въ созиданіе себя,—еслибъ дѣйствительно оно случилось.

Прииду въ слѣдъ за предшествующимъ *разгордѣвшаяся*,

уже намекаетъ на угрозу; но она осталась бы очень неопредѣленною и потому, можетъ быть, не произвела бы должнаго дѣйствія, еслибъ св. Павелъ тотчасъ не прибавилъ: *и уразумѣю не слово разгордѣвшихся, но силу*. Первая мысль, какую подають сіи слова, есть, что тѣ разгордѣвшіеся гордились не существеннымъ чѣмъ либо. „Гордость ихъ была слѣдствіемъ не собственныхъ ихъ достоинствъ, но отсутствія учителя, что и было знакомъ низкаго расположенія ихъ души“ (св. Злат.). Существенныя достоинства никогда не доводятъ до гордости, а что-нибудь случайное, призрачное, обманчиво цѣнимое—всегда. Апостоль возвращаетъ, что предъ судомъ его этотъ призракъ, гордость возбуждающій, исчезнетъ. Но въ чемъ онъ? Въ словѣ: *уразумѣю*, говоритъ, *не слово разгордѣвшихся, но силу*. Даетъ знать, что слово у нихъ есть, а силы нѣтъ; и что гордятся они именно словомъ, а оно не имѣетъ никакого значенія предъ силою, которой у нихъ нѣтъ. Что же значить слово и что сила?

Теодоритъ и Экуменій понимаютъ такъ, что *слово* означаетъ умѣніе хорошо говорить о дѣлѣ спасенія или себѣ его присвоить словомъ безъ дѣла, а *сила* означаетъ самое содѣваніе спасенія дѣломъ. Теодоритъ пишетъ: „подвергну, говоритъ Апостоль, изслѣдованію не краснорѣчіе, но образъ дѣйствій.“ Экуменій: „Можетъ быть нѣкоторые самохвально выставляли себя совершенными въ духѣ христіанами, не будучи таковы на дѣлѣ. Апостоль и говоритъ: приду и узнаю, праведно ли вы себя восхваляете. Ибо самохвальничать безъ дѣла есть дѣло недостойное, но надобно, чтобы словамъ отвѣчали и дѣла. Не слова нужны, но то, чтобы дѣлать духовное дѣло (спасенія). Слова безъ дѣла не введутъ въ царство небесное, но то, если ты самымъ дѣломъ совершаешь свое спасеніе, дѣлая достойныя его дѣла.“

Св. Златоустъ, св. Дамаскинъ и Теофилактъ *слову* противопоставляютъ *силу* знаменій. Вотъ за всѣхъ ихъ рѣчь св. Златоуста: „но почему же ты не хочешь смотрѣть на *слово*? Не потому, что я скуденъ въ *словѣ*, но потому что наше дѣло въ силѣ. Какъ на войнѣ одерживаютъ верхъ не много говорящіе, но много дѣлающіе, такъ и здѣсь побѣда принадлежитъ не говорящимъ, но дѣйствующимъ. Ты гордишься, говорить, краснорѣчіемъ. Еслибъ теперь было поприще и время риторовъ, то ты справедливо могъ бы гордиться имъ; то такъ какъ теперь время Апостоловъ, возвѣщающихъ истину и подтверждающихъ ее знаменіями, то для чего ты гордишься дѣломъ излишнимъ, ничего незначащимъ и немогущимъ принести въ настоящемъ никакой пользы? Ибо можетъ ли краснорѣчіе послужить къ воскрешенію мертваго, къ изгнанію злыхъ духовъ, или къ совершенію какого-нибудь другаго подобнаго чуда? А теперь это нужно, и чрезъ это утверждается наше дѣло. Посему и присовокупляетъ: *не въ словеси бо царство Божіе, но въ силѣ*. Мы побѣждаемъ, говорить, знаменіями, а не краснорѣчіемъ, и величайшимъ доказательствомъ того, что наше ученіе Божественно и что мы возвѣщаемъ царствіе небесное, представляемъ знаменія, которыя совершаемъ силою Духа. Такимъ образомъ, если превозносящіеся нынѣ хотятъ быть великими, то, когда приду, пусть покажутъ, имѣютъ ли они такую же силу, а не выставляютъ мнѣ пышность краснорѣчія; потому что это искусство не служитъ намъ ни къ чему.“

Это есть настоящее значеніе *силы*, являемой въ царствѣ Христа Господа. Св. Церковь основана проповѣдію св. Апостоловъ, *Господу постышествующу и слово утверждающу послѣдствующими знаменми* (Мр. 16, 20). Св. Церковь силою Духа Божія, въ ней живущаго, есть то,

что есть. Силою духа Божія простые люди дѣлаются христіанами; ею же и пребываютъ ими, и восходятъ на послѣднія степени совершенства христіанскаго, когда она начинаетъ проявляться въ нихъ явно и осязательно, — такъ что существо христіанства состоитъ въ явленіи силы Духа. Отсутствіе ихъ обличаетъ ложность направленія хвалящихся словомъ истины, или нравственную живость присвоющихъ себѣ настоящее христіанское совершенство. Св. Златоустъ коснулся здѣсь силы Духа, поколику она проявлялась въ первоначальномъ насажденіи Церкви на землѣ; но въ другихъ мѣстахъ онъ съ такою же убѣдительностію раскрываетъ и ту истину, что и въ жизни христіанъ, если бываетъ что существенное и цѣнное, все то исходитъ отъ Духа. На этомъ пунктѣ можно и первое мнѣніе согласить съ настоящимъ, т.-е. подѣ силою разумѣть жизнь, или содѣваніе спасенія, и все существенное въ христіанинѣ, присовокупивъ къ тому: поколику все сіе есть плодъ силы Духа Божія.

Ст. 21. *Что хотите: съ палицею ли прииду къ вамъ, или съ любовію и духомъ кротости?*

Этими словами побуждаетъ виновныхъ къ покаянію и исправленію. Онъ указалъ уже грѣхъ ихъ, обличилъ ничтожество ихъ гордѣнія; сказалъ, что это въ царствѣ Божіемъ нетерпимо: ибо оно извергаетъ изъ себя всякую призрачность и стоитъ только на существенномъ. Содержать такъ церкви и вѣрующихъ есть его Апостольское дѣло. Отсюда само собою слѣдовало, что если виновные, обличаемые не сознаются и не исправятся, то ему, пришедши къ нимъ, ничего не останется, какъ произнести надъ ними строгій приговоръ суда, а если покаются и исправятся, то онъ приметъ ихъ съ любовію. Какъ исправленіе себя и неисправленіе въ ихъ власти, то отъ нихъ зависитъ и то, какимъ при-

дѣтся явиться Апостолу по приходѣ къ нимъ, кроткимъ или строгимъ. Почему и говоритъ: *что хотите?* Хотите, чтобъ я съ палицею пришелъ къ вамъ? Оставляйтесь въ своемъ гордѣнїи; а если не хотите этого, бросьте гордость и я явлюсь вамъ полнымъ любви отцемъ.

Говоря: *съ палицею ли?* онъ будто восходитъ на сѣдалище судїи и оттуда произносить слово съ полною властію. Палица означаетъ строгость власти, но она можетъ означать и карательную силу, какою покараны Ананїя съ Сапфиною (Дѣян. 5, 9) и Елима (—13, 11) (св. Злат., Θεод.). Апостолъ употребилъ ее и среди Коринтянъ, предавши сатанѣ кровосмѣсника. Не дивно, что и здѣсь, предвѣщая строгость суда, онъ имѣлъ въ мысли употребить въ дѣло и такую силу, еслибы потребовало того благо Церкви.

Съ палицею ли прииду, или съ любовію? „А придетъ съ палицею развѣ не было знакомъ любви? Было знакомъ любви; но сильно любящій не легко склоняется на наказаніе, потому онъ такъ и говоритъ. Говоря о наказанїи, онъ не выразился подобно тому, какъ о кротости. Здѣсь говоритъ: *съ духомъ кротости*, а тамъ: *съ палицею*; хотя и это было дѣломъ Духа, ибо есть Духъ кротости и Духъ крѣпости (строгости),—но онъ не желаетъ называть Его такимъ образомъ, а приписываетъ Ему дѣла болѣе кроткія. И посмотри на мудрость Павла: имѣя у себя власть, онъ предлагаетъ имъ на выборъ то и другое, и говоритъ: *что хотите?* Отъ васъ это зависитъ, подобно тому, какъ отъ насъ самихъ зависитъ—попасть въ геенну, или получить царствїе, потому что такъ угодно Богу. *Се, говоритъ онъ, огонь и вода: на неже хочешь, прострешь руку твою* (Сир. 15, 16); и еще: *аще хотите и послушаете Мене, благая земли снѣгъ: аще же не хотите, ниже*

послушаете Мене, мечь вы полатъ (Ис. 1, 19. 20)^а
(св. Злат.).

ВТОРОЕ ОТДѢЛЕНІЕ.

ОБЛИЧЕНІЕ И ИСПРАВЛЕНІЕ НРАВСТВЕННЫХЪ НЕДОСТАТКОВЪ

гл. 5 и 6.

1.

а) Обличеніе Коринѳянъ за равнодушіе къ кровосмѣснику и судъ надъ нимъ (5, 1—8), съ прибавленіемъ б) наставленія объ очищеніи христіанскаго общества отъ всѣхъ явныхъ грѣшниковъ (—9—13).

а).

Въ обличеніи за кровосмѣсника св. Павелъ аа) *сначала* показываетъ великость грѣха и оуждаетъ равнодушіе къ нему Коринѳскихъ христіанъ (5, 1—2); бб) *потомъ* произноситъ судъ отлученія надъ кровосмѣсникомъ (3—5), и вв) *наконецъ* выставляетъ основанія, почему такъ надо поступить съ нимъ, и должно такъ дѣйствовать въ отношеніи ко всякому грѣшнику и грѣху (6—8).

аа).

5, 1. *Отнюдь слышится въ васъ блужденіе, и таково блужденіе, якоже ни во языцехъ именуется, яко нѣкому имѣти жену отчюю.*

Отнюдь—*οὐδὲ*—совсѣмъ,—или вѣрность и несомнѣнность слуха означаетъ, или его повсюдность, или то и другое: повсюду идетъ вѣрный слухъ. Фотій у Экуменинія говорить, что „*отнюдь слышится* есть голосъ пораженнаго этимъ слухомъ и мерзящаго имъ и болѣзнуюущаго о немъ, какъ-бы такъ: уа! какое безобразіе!“

Также разумѣлъ это выраженіе и Θεодоритъ, ибо на слова: *отнюдь слышится въ васъ блужденіе*, онъ пишетъ: „Апостоль достаточно даль видѣть чрезмѣрность неприличія; ибо, говорить, не должно быть и слышимо это.“

Слышится въ васъ. „Апостоль силу укоризны сколько возможно направляетъ противъ всѣхъ. Не говорить: почему такой-то предается прелюбодѣянiю? но: *отнюдь слышится въ васъ блужденіе*, дабы они, считая себя совершенно свободными отъ обвиненія, не остались невнимательными, но видѣли бы, что все ихъ общество подлежитъ обличенію и вся ихъ церковь не свободна отъ обвиненія, и оттого были бы ревностны въ благочестіи. Такого рода это дѣло, что вѣдь никто не скажетъ, говорить, что такой-то предается прелюбодѣянiю, но что въ Коринеской церкви совершается такое преступленіе, *яково ни во языцѣхъ именуется*. Апостоль часто примѣромъ язычниковъ укоряетъ вѣрующихъ, чтобъ *не ходили, якоже прочіи языцы ходятъ* (Еф. 4, 17). Но здѣсь укоръ самый сильный. Если непростительно грѣшить одинаково съ язычниками, то превосходить язычниковъ въ этомъ отношеніи, скажи мнѣ, какой великій грѣхъ? У нихъ, говорить, не только не совершается что-нибудь подобное, но *ниже именуется*. Видишь ли, какъ важнымъ онъ считаетъ это преступленіе? Если они допускаютъ такой родъ безнравственности, какого не только не дѣлаютъ, но и не знаютъ невѣрные, то невыразимо величіе грѣха ихъ“ (св. Злат.). „На что не отважатся и обучавшіеся демонскимъ ученіямъ, на то отважились у васъ“ (Θеод.).

При этой мысли выраженіе: *въ васъ* получаетъ крайне укорный смыслъ. „У васъ вѣрующихъ, сподобившихся такихъ таинствъ, получившихъ неизреченныя блага, призванныхъ къ небу. Видишь ли, какого негодованія,

какого гнѣва исполнены слова его? Еслибы онъ не чувствовалъ сильнаго гнѣва, то и не обращалъ бы рѣчи ко всѣмъ, а сказалъ бы такъ: я слышалъ, что такой-то предаётся прелюбодѣянiю: накажите его. Но теперь не такъ, а направляетъ рѣчь противъ всѣхъ. Можетъ быть онъ снисходительнѣе выразился бы, еслибъ они написали ему объ этомъ; но такъ какъ не написали, и тѣмъ показали, что будто прикрываютъ грѣхъ, то надлежало употребить болѣе разительный образъ рѣчи“ (св. Злат.).

Яко нѣкому имѣти жену отчюу. По смерти отца взять себѣ въ жену мачиху. Замѣчаютъ, будто въ языческихъ законахъ помѣнены другiе роды кровосмѣшенiй, а этотъ и не помѣченъ. Такъ онъ противоестественъ! „Но почему онъ не сказалъ: нѣкто прелюбодѣйствуетъ съ женою? Онъ не хотѣлъ выразить слишкомъ низкiй грѣхъ, потому сказалъ объ немъ съ нѣкоторою стыдливостiю и не прямо, но вмѣстѣ тѣмъ же самымъ опять выразилъ важность преступленiя, показавъ, что у нихъ совершается нѣчто такое, чего Павелъ не позволяетъ себѣ даже назвать прямо. Посему и далѣе онъ употребляетъ такой же образъ рѣчи: *содѣлавый дѣло сіе*; опять стыдится и не позволяетъ себѣ сказать прямо, подобно тому, какъ и мы имѣемъ обыкновенiе дѣлать касательно слишкомъ низкихъ поступковъ. Не говоритъ: мачиху, но: *жену отчюу*, дабы сильнѣе тронуть ихъ. Когда самыя названiя достаточны для обличенiй, тогда онъ употребляетъ ихъ, не прибавляя ничего другаго“ (св. Злат.). „И въ этомъ подивиться должно Апостольской мудрости. Не сказалъ: мачиху, потому что имя сіе выражаетъ какую-то непрiязненность, но *жену отчюу*, т.-е. заступающую вмѣсто матери, сочетавшуюся съ отцемъ послѣ собственной его матери, содѣлавшуюся для родителя его тѣмъ же, чѣмъ была родившая его“ (Еод.).

Ст. 2. *И вы разгордитесь, и не плачете, да измѣтается отъ среды васъ содѣянный дѣло сіе.*

И вы разгордитесь. Чѣмъ же? Конечно не грѣхомъ и не грѣшникомъ, поколику онъ грѣшникъ (св. Злат. и др.); но или вообще, высоко о себѣ думаете, надываетесь. Порокъ кровосмѣсника такъ великъ, что затмѣваетъ всѣ добрыя ваши качества; нечѣмъ гордиться. Слѣдовало давно смириться и плакать. „Не возражайте, что одинъ только прелюбодѣйствуетъ; нѣтъ, это грѣхъ общій всѣмъ вамъ“ (св. Злат.). *Или:* а вы гордитесь какими-нибудь свѣтлыми, по-мірски, сторонами этого преступника, на примѣръ, богатствомъ, ученостію. Засмотрѣлись вы на эти призрачныя достоинства и гордитесь, что вотъ-де у васъ какой есть человѣкъ, а того и не усмотрѣли, что онъ столько непотребенъ, что срамить всѣхъ васъ и долженъ быть выгнанъ. Феодоритъ полагаетъ, что онъ былъ одинъ изъ учащихъ, и можетъ быть вожакомъ какой-либо партіи; почему пишетъ: „высоко стали думать о себѣ, какъ имѣющіе многоученаго наставника.“ Св. Златоустъ тоже думаетъ, что они гордились ученостію грѣшника: „и вы возгордитесь. Апостолъ не сказалъ: такимъ грѣхомъ, ибо это безразсудно, но ученіемъ грѣшника. Впрочемъ не выразилъ этого ясно, но опустилъ посредствующую мысль, чтобы сильнѣе тронуть ихъ. И посмотри на благоразуміе Павла. Онъ напередъ изложилъ внѣшнюю мудрость и показалъ, что она ничтожна сама по себѣ, хотя бы не соединена была съ грѣхомъ, а потомъ уже говорить и о грѣхѣ. Если бы онъ доказалъ величіе духовныхъ дарованій сравнительно съ кровосмѣсникомъ, который можетъ быть отличался внѣшнею мудростію, то не сдѣлалъ бы ничего важнаго; но изложивъ ее безъ отношенія къ грѣху и показавъ, что она ничтожна сама по себѣ, онъ доказалъ крайнюю ея негодность. Посему

онъ напередъ произнесъ о ней такое сужденіе, а потомъ уже сталъ говорить о грѣхѣ. Впрочемъ онъ не удостоиваетъ своей бесѣды самого кровосмѣсника, чѣмъ выражаетъ чрезмѣрное безчестіе его поступка, но говоритъ другимъ, что имъ слѣдовало бы плакать, рыдать и стыдиться; а вы, говоритъ, поступаете напротивъ; потому и присовокупляетъ: *вы разгордѣте, а не паче плакаете*. О чемъ скажутъ намъ плакать? О томъ, что нареканіе навлечено на все общество церкви. А для чего намъ плакать? *Да измется отъ среды васъ содѣявый отло сіе*. И здѣсь не называетъ его по имени, или лучше нигдѣ подобно тому, какъ мы обыкновенно дѣлаемъ касательно предметовъ слишкомъ постыдныхъ. Какъ во время заразной болѣзни нужно бываетъ и плакать, и усердно молиться, такъ надлежало вамъ поступать; вы же не плакали, да измется таковой; слѣдуетъ и молиться, и употреблять всѣ мѣры къ тому, чтобы онъ былъ отлученъ отъ васъ; и безъ меня, вамъ самимъ слѣдовало это сдѣлать по причинѣ важности преступленія“ (св. Злат.).

66).

Ст. 3—5. *Зане азъ убо еще не у васъ сый тѣломъ, ту же живой духомъ, уже судихъ, яко тамо сый, содѣявшаго сице сіе, о имени Господа нашего Иисуса Христа, собравшимся вамъ и моему духу, съ силою Господа нашего Иисуса Христа, предати такового сатанъ во изможденіе плоти, да духъ спасетя въ день Господа нашего Иисуса Христа.*

Необычайное засѣданіе суда! Предсѣдательствуетъ Господь, руководитъ всѣмъ Апостоль изъ Ефеса, и постановляется рѣшеніе, одна часть котораго должна была тотчасъ же исполниться невидимою силою, а другая завершиться въ день Господень! Только въ Церкви

Божіей можетъ совершаться такой судъ. Не ему ли подражая, потомъ дѣйствовали и нѣкоторые святители относительно рукоположенія? Такъ рукоположенъ былъ св. Григорій Неокесарійскій въ епископа, когда укрывался въ пустынь; такъ Даніилъ столпникъ рукоположенъ во священника, когда запертымъ оставался на столпѣ, и др. Церковь единое тѣло подъ главою—Господомъ. Кто—живой членъ Церкви, того отсутствіе немислимо, гдѣ бы онъ ни былъ. Раздѣленіе мѣстомъ не составляетъ никакой преграды къ союзу въ духѣ. Теодоритъ пишетъ: „въ трепеть приводящее судилище составилъ Апостолъ. Сперва собралъ всѣхъ о имени Господа, потомъ и себя ввелъ по благодати Духа, и показалъ, что Самъ Владыка предсѣдательствуетъ, изрекаетъ приговоръ, передаетъ исполнителю казни и опредѣляетъ наказать одно только тѣло, потому что душѣ въ самомъ наказаніи уготовляетъ цѣлебное врачевство.“

Ст. 3. Самимъ вамъ слѣдовало изъять таковаго изъ своей среды. Какъ вы этого не сдѣлали, дѣлаю я, и пишу мое рѣшеніе вамъ къ исполненію. *Уже судишь.* „Посмотри на ревность его: не позволяетъ дожидаться его прибытія и по принятіи его наказать кровосмѣсника, но какъ бы желая прекратить какую-нибудь заразу, прежде нежели она проникла все тѣло, старается обуздать его“ (св. Злат.).

Аще не у васъ сый тѣломъ, ту же живый духомъ.— *Живый*—пароч—присущъ, будучи. Славянскій переводъ даетъ мысль, что это не мысленное только присутствіе, но живое; „подобно, какъ Елисей говорилъ, что онъ былъ вмѣстѣ съ Гезіемъ: *не ходило ли сердце мое съ тобою* (4 Цар. 5, 26)? Вотъ какова сила духовнаго дарованія! Она даетъ возможность быть вмѣстѣ всѣмъ въ одно время, и сообщаетъ способность знать отдаленное“ (св. Злат.). Древніе Пророки назывались зря-

щими, потому что живущимъ въ нихъ Духомъ они отдаленное видѣли, какъ присущее. Даръ прозорливства стяжевали и многіе изъ святыхъ, какъ значитъ въ житіяхъ ихъ. Нѣкоторые, пребывая въ своемъ мѣстѣ, осязательно являлись въ другомъ на какую-либо помощь и заступленіе. Это больше, нежели прозорливство. Восхищенъ бывшій до третьяго небесе, существо, а не мечтаніемъ, и слышавшій тамъ глаголы,— зналъ конечно, какъ можно быть и въ Коринѣѣ духомъ, оставаясь тѣломъ въ Ефесѣ. Почему когда говоритъ: *духомъ*, то хотя разумѣетъ свой духъ, не такъ однакожь, чтобъ это была естественная его сила, но что это „черезъ Духа Святаго“ (Θεοφ.). „Сказалъ же это онъ не только для того, чтобы побудить ихъ къ исполненію приговора, но и чтобъ устрашить тѣмъ, что ему извѣстно все, имѣющее тамъ происходить и обсуждаться“ (св. Злат.).—Апостоль пишетъ рѣшеніе; но въ силу оно войдетъ, когда состоится и у нихъ церковное согласіе на то и опредѣленіе.

Уже судихъ, яко тамо сый.—Дѣло рѣшенное. „Онъ не позволяетъ имъ и помышлять о какомъ-либо другомъ рѣшеніи дѣла; я уже положилъ, говоритъ, какъ бы находясь у васъ; не представляйте мнѣ отговорокъ и промедленій: ничего другаго не должно быть“ (св. Злат.). *Содѣяшаго сице сіе.* Какое отвращеніе внушаетъ онъ къ этому пороку, когда виновнаго въ немъ и не именуетъ!—Не именуетъ и самаго порока, а говоритъ только: *содѣяшаго сіе.* Не хочетъ, чтобъ имя порока касалось слуха христіанскаго. Словомъ же *сице* выражаетъ безобразность порока: его, „оскорбившаго имя Христова, бывшаго вѣрнымъ, и называвшагося такимъ именемъ и между тѣмъ дерзнувшаго на такое дѣло, предайте такового сатанъ“ (св. Злат.).

Ст. 4. *О имени Господа нашего Иисуса Христа:—*

или предати сатанѣ, и въ такомъ случаѣ слова эти будутъ значить: „о Богѣ, руководствуясь не человѣческимъ сужденіемъ“ (св. Злат.). Или—*собравшимся вамъ о имени семъ*, — „т.-е. самое имя соединяетъ васъ; о немъ и соберитесь“ (св. Злат.).—Затѣмъ и ихъ дѣлаетъ участниками суда, и присоединяя къ себѣ отдѣляетъ отъ согрѣшившаго, говоря: *собравшимся вамъ и моему духу*. „Опять представляетъ имъ себя, дабы они, производя судъ, какъ бы въ его присутствіи осудили кровосмѣсника на отлученіе, и дабы никто не осмѣлился признавать его достойнымъ прощенія, въ той мысли, что Павелъ узнаетъ происходившее“ (св. Злат.).—*Съ силою Господа нашего Исуса Христа*. Т.-е. когда соберемся вы и духъ мой, то это собраніе, будучи о имени Господа Исуса Христа, будетъ и съ силою Его, яко Главы Церкви; такъ что Онъ самъ вмѣстѣ съ нами произнесетъ противъ согрѣшившаго приговоръ и придастъ ему Божественную силу. Или слова сіи то означаютъ, что „Христосъ можетъ даровать суду силу—предать такового діаволу“ (св. Злат.).

Ст. 5. *Предати такового сатанѣ во изможденіе плоти*. Это не въ томъ только смыслѣ, — чтобъ отлучить отъ Церкви, внѣ которой область сатанина (Дѣян. 26, 18), а въ томъ, чтобъ злой духъ овладѣлъ тѣломъ его и измождилъ его. Плотской грѣхъ въ плоти наказывается. Изможденная плоть ослабитъ узы грѣха, и дастъ просторъ духу покаяться. Это врачевство, а не казнь.— „Подобное было съ блаженнымъ Іовомъ, хотя не съ одинаковою силою: тамъ для славнѣйшихъ вѣнцовъ, а здѣсь для разрѣшенія отъ грѣховъ; дабы сатана наказалъ его злокачественными ранами или другою какою-нибудь болѣзнію. Въ другомъ мѣстѣ онъ говоритъ: *судими отъ Господа наказуемся* (1 Кор. 11, 32); а здѣсь, желая сильнѣе тронуть грѣшника, предаетъ его сатанѣ,

хотя и это зависитъ отъ воли Божіей, чтобы наказана была плоть его. Такъ какъ похотныя желанія рождаются отъ чревоугодія и невоздержанія плоти, то онъ и наказываетъ ее“ (св. Злат.).

Да духъ спасется въ день Господа нашего Іисуса Христа. „Т-е. дабы спасена была душа, не въ томъ смыслѣ, чтобы она спасалась одна, но разумѣя ту несомнѣнную истину, что когда она спасется, тогда и тѣло непременно будетъ участвовать въ спасеніи. Тѣло сдѣлалось смертнымъ за грѣхъ души; потому, если душа станетъ праведною, то и тѣло опять удостоится великой славы. — Такимъ образомъ эти слова означаютъ болѣе попеченіе и врачеваніе, нежели простое пораженіе, или напрасное и тщетное наказаніе; ибо польза больша наказанія: это временное, а та вѣчная. И не просто сказалъ: *да духъ спасется*, но: *въ тотъ день*. Премудро и благовременно напоминаетъ имъ объ этомъ днѣ, дабы и они усерднѣе приступили къ врачеванію, и онъ скорѣе принялъ врачевство, видя, что эти слова происходятъ не отъ гнѣва, но отъ заботливости попечительнаго отца. — Для того онъ и сказалъ: *во изможденіе плоти*; здѣсь онъ предписалъ законы діаволу и не позволилъ ему простираться далѣе предѣловъ, подобно какъ объ Іовѣ Богъ сказалъ: *только души его да не коснешися* (Іов. 1, 12; 2, 6)“ (св. Злат.).

вв).

Ст. 6. *Не добра похвала ваша. Не вѣсте ли, яко малъ квасъ все смѣшеніе кваситъ?*

Возвращается къ прежде сказанному: а вы гордились этимъ, а не паче плакали. *Не добра похвала ваша:—или* не за что васъ похвалить, что допустили такой въ своемъ обществѣ грѣхъ, и до сихъ поръ не попеклись поврачевать его; *или*—не хорошо вы дѣлали, что хва-

лились такимъ лицомъ: это болѣе его укореняло въ грѣхѣ и держало въ ослѣпленіи и нераскаянности. Этими словами Апостоль „показываетъ, что они, хвалясь имъ, были причиною его нераскаянности до настоящаго времени. Далѣе объясняетъ, что онъ дѣлаетъ это (поражаетъ такимъ судомъ) для блага не одного только грѣшника, но и всѣхъ ихъ: *не вѣсте ли, продолжаетъ онъ, яко малъ квасъ все смѣшеніе кваситъ?*— Хотя грѣхъ, говоритъ, принадлежитъ ему одному, но бывъ оставленъ безъ вниманія, онъ можетъ заразить и все тѣло церкви; ибо, если первый согрѣшившій не будетъ преданъ наказанію, то скоро и другіе впадутъ въ тотъ же грѣхъ. Этими словами выражаетъ Апостоль, что тѣмъ, къ кому онъ обращаетъ слово, слѣдуетъ заботиться о всей церкви, а не объ одномъ только членѣ; для того и употребляетъ подобіе закваски. Какъ закваска, говоритъ, хотя и небольшая, измѣняетъ собою все тѣсто, такъ и онъ, если останется безъ обличенія и грѣхъ его безъ наказанія, то заразить и прочихъ“ (св. Злат.).

Это положеніе имѣетъ полное приложеніе и въ отношеніи къ каждому лицу, допускающему какой-либо грѣхъ. Грѣшачій открыто, по мѣрѣ своей вліятельности на окружающую среду, распространяетъ заразу всегда, но не такъ замѣтно и пагубно, какъ это дѣлаетъ въ душѣ каждаго какое-либо удовлетвореніе страсти. Всякое такое дѣйствіе омрачаетъ мысли, сердце огрубляетъ и энергію на добро подавляетъ. Оттого, если тотчасъ не поправитъ дѣла, то грѣшность, получая подкрѣпу въ пораженіи силъ душевныхъ тлетворностью одной страсти, подыметъ и другія страсти, однѣ за другими: ибо онѣ какъ цѣпь связаны. Удовлетвореніе каждой даетъ ей власть надъ душею: удовлетвори всѣ хоть по немного, всѣмъ и рабъ станешь. Вотъ и явился

человѣкъ снова въ положеніи мухи, опутанной паукомъ. Потому, пока малъ квасъ, надо очистить отъ него смѣшеніе, изъ коего составлено естество наше.

Ст. 7. *Очистите убо ветхій квасъ, да будете ново смѣшеніе, якоже есте безквасни: ибо Пасха наша за ны пожрена бысть, Христосъ.*

Кажется, Апостоль переходитъ здѣсь въ общность. Ибо хотя ветхій квасъ, который велитъ онъ очистить, по ходу рѣчи, означаетъ кровосмѣшника; но выраженія употреблены тутъ такія, что подають мысль объ очищеніи общества отъ всякаго грѣшника, а отсюда переводятъ къ мысли объ очищеніи душъ христіанскихъ отъ всякой грѣховной нечистоты. Такъ св. Златоустъ. Онъ говоритъ: „*очистите ветхій квасъ*, т.-е. этого грѣшника; или, лучше сказать, не о немъ только говорить, но намекаетъ и на другихъ; ибо не только прелюбодѣянiе есть старая закваска, но и всякій порокъ.“

Но все же первая мысль — о кровосмѣшникѣ. Апостоль требуетъ, чтобъ общество извергло его изъ себя, и не терпѣло болѣе его присутствія. Почему „не ска- залъ: *очищайте*; но: *очистите*, — тщательно очистите, дабы не было ни остатковъ, ни тѣни его.—Этимъ по- добіемъ весьма разительно отлучаетъ онъ кровосмѣшника отъ Церкви. Онъ не только, говорить, не приносить пользы своимъ присутствіемъ, но и причиняетъ вредъ, заражая все тѣло. Ибо когда гніеніе скрывается внутри и не видно, откуда происходитъ зловоніе, тогда приписываютъ это всему тѣлу. Посему Апостоль съ особою силою побуждаетъ ихъ очистить эту закваску. И посмотри на мудрость его: въ этомъ первомъ посланіи онъ не подаетъ кровосмѣшнику надежды на возвращеніе, но повелѣваетъ ему проводить всю свою жизнь въ покаяніи, дабы обѣщаніемъ прощенія не сдѣлать его болѣе нерадивымъ; не говоритъ: предайте его са-

танѣ, дабы послѣ покаянія онъ опять былъ принятъ въ Церковь,—но что? Да *спасется въ послѣдній день*. Указываетъ на это время, дабы сдѣлать его рачительнымъ; а того, что намѣревался даровать ему послѣ покаянія, не открываетъ подражая своему Господу. Какъ Богъ сказалъ: *еще три дни, и Ниневія превратится* (Ион. 3, 4), и не прибавилъ: если же покается, то спасется; такъ и онъ не сказалъ: если же онъ надежащимъ образомъ покается, то мы крѣпко будемъ любить его, но представляетъ ему самому сдѣлать это дѣло, чтобы тогда и получить благодать. Еслибы онъ сказалъ такъ въ самомъ началѣ, то отогналъ бы отъ него страхъ; посему онъ не только не говоритъ этого, но подобіемъ закваски даже не оставляетъ ему надежды на возвращеніе, а отлучаетъ его до будущаго дня. Когда же онъ покался, то со всею готовностію опять вводитъ его (въ общеніе съ Церковію)“ (св. Злат.).

Да будете ново смѣшеніе. Тутъ смыслъ переходить къ общей всѣхъ чистотѣ, и такой, чтобы въ числѣ ихъ не было ни одного грѣшника, и такой, чтобы ни въ одной душѣ у нихъ не было ни одного грѣха. *Новое смѣшеніе*—только что замѣшанное тѣсто для опрѣснокъ, гдѣ только и есть чистая вода и безпримѣсная мука. Таково должно быть все общество христіанское и всякая христіанская душа. Вновь обращенная душа и вновь образованная церковь всегда таковы и бывають. Такова была и Коринѣская церковь: но вотъ призшелъ грѣшникъ, и обветшилъ или заквасилъ ее. Апостолъ говорить: выбросьте этотъ ветхій квасъ, чтобы вамъ опять сдѣлаться новымъ — чистымъ смѣшеніемъ, какъ были въ началѣ.

Слова: *якоже есть безквасни*—такъ какъ вы безквасны, не настоящую ихъ непорочность означаютъ: ибо они уже очевидно заквасились, но выражаютъ обязатель-

ство ихъ быть безквасными, т.-е. чистыми отъ всякаго грѣха и страсти. „Св. Златоустъ говоритъ: выраженіе *якоже есте безквасни* означаетъ не то, чтобы они всё были чисты, но что имъ всёѣмъ должно быть такими.“— Въ основаніе же, почему имъ,—и намъ вообще,—надлежитъ быть такими, Апостолъ поставляетъ то, что *Пасха наша за ны пожренъ бысть Христосъ*. Какъ предъ лицомъ агнца пасхальнаго у Израильтянъ ни въ одномъ домѣ не оставалось ничего кваснаго, такъ у насъ предъ лицомъ нашего Агнца пасхальнаго, Христа Господа, не должно быть ничего грѣховнаго и страстнаго. И это непрестанно; такъ что безгрѣшность и безстрастность есть нормальное наше состояніе. У Израильтянъ квасное истреблялось на семь лишь дней. У насъ не такъ; но какъ Агнецъ нашъ всегда присущъ яко закланный, то намъ надлежитъ все время быть безъ закваски страстей. Еслибъ у Израиля, положимъ, агнецъ всегда стоялъ на столѣ, то никто у нихъ не осмѣлился бы внести что-либо квасное въ домъ. Въ Церкви,—домъ Божию,—Агнецъ Божій всегда закланнымъ предлежитъ,—общій всей Церкви, и всякому вѣрующему; да не дерзнетъ же никто вносить въ домъ души своей что-либо грѣшное, или, чрезъ обнаруженіе того въ дѣлахъ, въ домъ Церкви Божіей.—Таково назначеніе христіанъ, таково обязательство ихъ неотложное. Это и выражаетъ св. Павелъ въ словахъ: *якоже есте безквасни*. „Безквасность означаетъ то, что вѣрующему надобно быть свободнымъ отъ всякаго порока. Какъ Іудей погибаетъ, если у него найдена старая закваска, такъ будетъ и съ нами, если въ насъ будетъ найденъ порокъ. Ибо если ходящихъ въ сѣни закона постигаетъ такое наказаніе, то насъ не можетъ не постигать гораздо большее. Если они такъ тщательно очищаютъ свои дома отъ закваски, что осматриваютъ даже мыши-

ныя норы, то тѣмъ болѣе намъ должно испытывать свою душу, чтобы извергнуть всякій нечистый помыселъ“ (св. Злат.).

Ст. 8. *Тѣмже да празднуемъ не въ квасъ ветсъ, ни въ квасъ злобы и лукавства, но въ безквасіихъ чистоты и истины.*

У Израильтянъ съ пасхальнымъ агнцемъ соединенъ былъ семидневный праздникъ. У насъ Агнецъ пасхальный всегда присущъ: слѣдовательно наше празднество должно быть непрерывно. И какъ во весь праздникъ Израильтяне не вкушали ничего кваснаго и проводили время свѣтло, облакаясь въ свѣтлыя праздничныя одежды, такъ должно намъ, избѣгая всего грѣховнаго въ словахъ, въ дѣлахъ и помышленіяхъ, и облакаясь въ свѣтлыя и чистыя добродѣтели и благодатныя осѣненія и вселенія, проводить все время жизни съ того момента, какъ стали христіанами, всегда держать себя духовно такъ, какъ держали себя Израильтяне по плоти.

Какъ именно держать, объясняютъ слѣдующія слова: *не въ квасъ ветсъ, ни въ квасъ злобы и лукавства, но въ безквасіихъ чистоты и истины.*

Ветхій квасъ—грѣшность наша: эгоизмъ или самость со страстями душевными и тѣлесными. Это же означаетъ и квасъ злобы и лукавства. Напротивъ чистота и истина означаютъ отверженіе всего грѣховнаго и страстнаго, и преуспѣваніе во всемъ противномъ тому,—во всякой добродѣтели и всякомъ Богоугожденіи. Нѣтъ нужды до тонкости опредѣлять, что есть злоба и лукавство, и что чистота и истина. Апостоль хотѣлъ означить первыми все худое и богопротивное, а вторыми—все святое и Богоугодное.—Мысль его такая: жизнь христіанина отъ начала до конца должна быть безгрѣшна, чиста и свѣтла.

Св. Златоустъ останавливается еще на одной при-

надлежности праздника, — радости, и говорить: „Апостоль сказалъ: *да празднуемъ*, не потому, чтобы тогда была пасха или пятидесятница, но чтобы показать, что для христіанъ всякое время есть время праздника по преизбытку дарованныхъ имъ благъ. Ибо какого не достаесть блага? Для тебя Сынъ Божій содѣлался человекомъ, освободилъ тебя отъ смерти, призвалъ въ царствіе. Получивъ и получая такія блага, не долженъ ли ты праздновать во всю жизнь? Итакъ никто пусть не скорбитъ въ бѣдности, въ болѣзни и въ неприятно-стяхъ; для насъ всякое время есть время праздника. Посему Павелъ и говоритъ: *радуйтесь всегда о Господѣ, и наки реку: радуйтесь* (Фил. 4, 4). Во время праздни-ковъ никто не одѣвается въ нечистыя одежды; такъ будемъ поступать и мы, ибо совершается бракъ, ду-ховный бракъ. *Уподобися*, говоритъ Господь, *царствіе небесное челоѣку царю, иже сотвори браки сыну своему* (Мѣ. 22, 2). А когда царь совершаетъ бракъ, и бракъ сына своего, то что можетъ быть болѣе такого праздни-ка? Посему никто пусть не входитъ одѣтымъ въ ру-бище; говоримъ не объ одеждахъ, а о нечистыхъ дѣ-лахъ. Одинъ оказавшійся на бракъ въ нечистой одеждѣ былъ изгнанъ съ безчестіемъ: смотри же, какая тща-тельность и чистота требуется отъ входящихъ на этотъ бракъ.“

б).

Наставленіе объ очищеніи христіанскаго общества отъ
всѣхъ явныхъ грѣшниковъ

9—13.

Это наставленіе выражаетъ Апостоль требованіемъ не примѣшиваться ни къ какому грѣшнику изъ хри-

стіанъ, ниже съ нимъ ясти. Это значить—считать его изверженнымъ изъ своего общества. Почему и заключаетъ: извергните злаго,—всякаго такого злаго,—изъ среды васъ самихъ.

Ст. 9. *Писахъ вамъ въ посланіи, не примѣшайтесь блудникомъ.*

Въ какомъ посланіи? — Нынѣ всѣ говорятъ: въ посланіи, которое Апостоль писалъ прежде, но которое затеряно. Но наши толковники всѣ полагаютъ, что это говорится о настоящемъ посланіи, намекается на предыдущія слова: *да измется отъ васъ таковой, очистите ветхій квасъ.* Такъ Θεодоритъ, Экуменій, Θεофилактъ. Вотъ слова св. Златоуста: „когда Апостоль говорилъ: *не паче плакасте, да измется таковой, и: очистите ветхій квасъ,* то Коринѳяне могли подумать, что надобно избѣгать всѣхъ блудниковъ; ибо если согрѣшившій сообщаетъ свою заразу несогрѣшившимъ, то тѣмъ болѣе должно удаляться согрѣшающихъ изъ внѣшнихъ (язычниковъ); если не должно щадить своего за тотъ вредъ, который происходитъ отъ него, то тѣмъ болѣе—чужихъ. Но еслибъ стали они удаляться и блудниковъ языческихъ, то это стѣснило бы ихъ самихъ и раздражало язычниковъ. Почему Апостоль дѣлаетъ оговорку и говоритъ: *писахъ вамъ не примѣшайтесь блудникомъ, и не всяко блудникомъ міра сего.* Слово: *всяко* употребляетъ въ смыслѣ оговорки.“

Этимъ объясненіемъ можно удовольствоваться.

Ст. 10. *И не всяко блудникомъ міра сего, или лихоимцемъ, или хищникомъ, или идолослужителемъ: понеже убо должны бы есте были отъ міра сего изыти.*

Дѣлая эту оговорку: *не всяко блудникомъ,* причисляетъ къ нимъ и другихъ явныхъ грѣшниковъ, и говоритъ, что онъ заповѣдуетъ не примѣшиваться не къ грѣшникамъ міра сего, т.-е. изъ языч-

никовъ: ибо иначе надлежало бы искать другой вселенной: *помеже должны бы есте были отъ міра сего изыти*. Какъ возможно, говорить, чтобы человекъ, имѣя домъ и дѣтей, исполняя общественныя обязанности, будучи ремесленникомъ, или воиномъ, при такомъ множествѣ язычниковъ, всегда избѣгалъ блудниковъ? *Блудниками міра* онъ назвалъ блудниковъ изъ язычниковъ (св. Злат.). Та мысль, что то чужой, а не нашъ, умаляла злое вліяніе грѣшника на душу христіанина. вмѣстѣ съ принятіемъ вѣры раздѣленіе въ душѣ совершалось со всѣмъ языческимъ и съ язычниками. Христіане и въ мысли держали, что язычникъ и многогрѣшный одно и то же. Потому грѣшность язычниковъ не могла ихъ соблазнять. Кажется Апостолъ за тѣмъ и поминаетъ о семъ, чтобъ въ слѣдъ за симъ пояснѣ отособить явныхъ грѣшниковъ изъ христіанъ.

Ст. 11. *Нынѣ же писахъ вамъ не примѣшайтесь, аще нѣкій братъ именуемъ будетъ блудникъ, или лихоимецъ, или идолослужитель, или досадитель, или пѣяница, или хищникъ: съ таковымъ ниже ясти.*

Вотъ, говорить, въ какомъ смыслѣ, писалъ я вамъ!— Не примѣшиваться, не входить въ сношенія, не имѣть близкаго общенія съ тѣмъ, кто, нося имя христіанина, предается явнымъ порокамъ. Съ *таковымъ ниже ясти*;—разумѣется обыкновенное хлѣбосолюство, ни къ себѣ его не звать, ни къ нему не ходить и въ сдѣлки съ нимъ не входить. Теодоритъ замѣчаетъ: „если же съ таковыми не должно имѣть общенія въ пищѣ обыкновенной, то тѣмъ паче въ таинственной и Божественной.“—И по ходу рѣчи видно, что если самимъ не примѣшиваться къ таковымъ, то и имъ не позволять примѣшиваться къ себѣ; и если это въ обычномъ порядкѣ жизни, то тѣмъ паче въ церковномъ. Значить Апостолъ опредѣляетъ: считать таковыхъ чуждыми об-

щества христіанскаго, тоже что отлученными, подобно тому кровосмѣснику,—изверженному ветхому квасу. Въ причину этого ставить Апостоль,—чтобъ отъ нихъ не заразиться, не окваситься. Христіане должны быть столько святы, и столько вѣрны заповѣдямъ, что имъ и на мысль даже не должно приходиться, чтобы можно было грѣшить, оставаясь христіаниномъ. Еслибъ оставались въ обществѣ ихъ явные грѣшники, то эта ревность о нравственной чистотѣ была бы сильно колеблема тѣмъ помышленіемъ, что вѣрно и христіанамъ можно носить имя и не быть на дѣлѣ такими, какъ требуетъ имя. Для предотвращенія этого общаго разслабленія и велить Апостоль пресѣкать общеніе съ такими лицами.

Къ числу ихъ относить св. Павель блудника, лихоимца, идолослужителя, досадителя, пьяницу, хищника. Самыя названія ихъ даютъ о нихъ понятія. Блудникъ, кто явно блудодѣйствуетъ; лихоимецъ, кто или неправою торговлею, или ростомъ, или какою хитростію богатѣетъ и бываетъ неподатливъ, скупъ, скряга; идолослужитель—должно быть тотъ, кто ѣстъ идоложертвенное безъ разсужденія, какъ послѣ объяснить св. Павель; досадитель—кто бранчивъ, сварливъ, пересудливъ; пьяница—кто пьетъ не въ мѣру и безобразничаетъ; хищникъ—воръ въ разныхъ видахъ. Впереди выставилъ только блудника, хищника, лихоимца, идолослужителя (ст. 10). Здѣсь прибавилъ—пьяницу, идолослужителя, хотя стихи эти должны быть въ прямомъ соотвѣтствіи. Можно заключить, что и тутъ не всѣ перечислены, кого должно чуждаться, или отчуждать отъ общества христіанъ. Потому позволительно обобщить положеніе Апостола: всякаго явнаго грѣшника должно исключать изъ общества христіанскаго.

Общество христіанское должно быть чисто. Какъ скоро кто впадетъ въ грѣхи, долженъ быть изверга-

емъ. Въ первыя времена грѣшники и были извергаемы; и тѣ, которые, раскаясь, искали снова общенія, хотя были принимаемы, но подвергались строгимъ испытаніямъ и должны были пройти нѣсколько степеней покаянія, чтобъ быть принятыми опять въ полное общеніе. Это была Апостольская мудрая дисциплина. Умноженіе грѣшниковъ сдѣлало исполненіе ея невозможнымъ. Нынѣ стань это исполнять: всѣхъ гони вонъ. И исполнять некому.

Ст. 12. *Что бо ми и внѣшнихъ судити? не внутреннихъ ли вы судите?*

„Внѣшними называетъ язычниковъ, а внутренними—христіанъ. До внѣшнихъ, говорить, мнѣ дѣла нѣтъ. Какъ бы такъ: они внѣ моихъ законовъ. Неумѣстно законы Христовы возлагать на тѣхъ, кои не суть отъ двора Христова. Ибо *елика законъ глаголетъ, сущимъ въ законъ глаголетъ* (Римл. 3, 19)“ (Феоф.). Поелику пишеть законы суда надъ христіанами, то подъ *судити* разумѣть можно: прописывать судные законы для внѣшнихъ мнѣ не слѣдуетъ. Но тутъ же у него опредѣляется и практика суда; почему слова: что мнѣ судить? можно дополнить: что мнѣ съ вами судить внѣшнихъ? или что намъ съ вами судить? Въ своемъ лицѣ представляетъ всѣхъ христіанъ судящихъ, или всю Церковь, которой власть только на чадъ своихъ простирается.

Не внутреннихъ ли вы судите? Говорить: *вы судите?* власть же эту онъ имъ вручаетъ. Почему и здѣсь можно такъ переложить рѣчь: не внутреннихъ ли мы съ вами судимъ? Фотій у Экуменія и говорить: „мы братій исправляемъ, когда разбираемъ дѣла ихъ и судъ надъ ними произносимъ, въ видахъ исправленія, а отъ тѣхъ (язычниковъ) мы уже отдѣлились.“

Въ этихъ словахъ указывается причина, по которой Апостоль въпереди далъ правило не примѣшиваться къ

явнымъ грѣшникамъ только изъ христіанъ, а не изъ язычниковъ. Ибо говоритъ: эти внѣшніе, а тѣ внутренніе; судить же намъ съ вами и можно только внутреннихъ, а не внѣшнихъ. Но если здѣсь о судѣ говорится, то надо положить, что и тамъ не примѣшиваніе къ грѣшникамъ изъ христіанъ должно было вступать въ дѣло вслѣдствіе церковнаго суда. Сквозь все это маленькое отдѣленіе проходитъ мысль, что христіане сами должны блюсти свое общество въ чистотѣ и святости, и въ случаѣ появленія какого-либо не подходящаго подъ уровень съ другими въ семъ отношеніи, — изгнать такого изъ общества суднымъ порядкомъ, и притомъ своимъ внутреннимъ.

Ст. 13. *Внѣшнихъ же Богъ судитъ: и измите зло отъ васъ самихъ.*

И къ Римлянамъ пиша, говоритъ Апостолъ, что внѣшніе, язычники хотя безъ закона, но все же судъ примутъ,—примутъ его не по закону писанному, а по закону совѣсти (Римл. 2, 12 и д.). Тоже и здѣсь говоритъ, что ихъ судитъ Богъ, т.-е. что имъ судья есть Богъ. Всякая разумная тварь носить убѣжденіе, что она отвѣтна предъ Богомъ, и отъ Него судъ приметъ по тѣмъ законамъ, которые Онъ положилъ въ совѣсти ихъ. Язычники заблуждались въ понятіи о Богѣ, но этотъ пунктъ о судѣ Божиѣмъ надъ ними и у нихъ былъ въ силѣ. Потому мысль Апостола такая: мы своихъ судимъ еще здѣсь сами и чрезъ это, располагая ихъ къ покаянію, избавляемъ отъ суда Божія, а у язычниковъ нѣтъ этого посредствующаго исправительнаго суда: ихъ ожидаетъ прямо судъ Божій. Св. Златоустъ говоритъ: „дабы изъ словъ его: *что ми и внѣшнихъ судити*, кто-нибудь не вывелъ заключенія, что язычники останутся безнаказанными, онъ указываетъ на другой судъ—страшный. Говоритъ это, дабы устра-

шить внѣшнихъ и вмѣстѣ утѣшить своихъ, и дабы показать, что это временное наказаніе избавляетъ отъ вѣчнаго и безконечнаго, какъ и въ другомъ мѣстѣ сказалъ: нынѣ *судими наказуемъ, да не съ миромъ осудимъ* (1 Кор. 11, 32).“

И измите злого отъ васъ самихъ. Злаго — не кровосмѣсника только, но всякаго злаго, всякаго явнаго грѣшника. Это изреченіе взято изъ Второзаконія (17, 7), и имъ подтверждаетъ Апостоль свое распоряженіе объ изгнаніи изъ общества христіанъ явныхъ грѣшниковъ. Ветхій Израиль былъ прообразователемъ новаго, и тогдашніе вещественные законы прообразовали духовные законы Церкви Христовой. Тамъ большіе грѣшники побиваемы были камнями, и Израильтяне такимъ образомъ изымали злаго изъ себя самихъ. Въ Церкви же Христовой злой изымается отлученіемъ его отъ общенія и въ таинствахъ и во внѣшнихъ сношеніяхъ, въ видахъ неочищенія только себя самой отъ злаго, но и исправленія его самого. Приводя это изреченіе, Апостоль и оправдываетъ свое распоряженіе, что точно такъ и слѣдуетъ дѣйствовать, и вмѣстѣ выставляетъ на видъ различіе новаго Израиля отъ ветхаго. Св. Златоустъ говоритъ на это мѣсто: „это изреченіе Апостоль заимствовалъ изъ Ветхаго Завѣта, дабы съ одной стороны внушить, что въ такомъ случаѣ (изъявъ злаго) и они сами получаютъ величайшую пользу, освободившись какъ-бы отъ опасной заразы, а съ другой стороны показать, что это не нововведеніе, а еще древнимъ законодателемъ заповѣдано отлучать такихъ людей. Впрочемъ тамъ было строже, а здѣсь снисходительнѣе. При этомъ справедливо можно спросить, почему тамъ законодатель позволялъ казнить грѣшниковъ и побивать камнями, а здѣсь не такъ, но ведетъ его къ покаянію? Почему тамъ узаконено такъ, а здѣсь

иначе? По двумъ причинамъ: во-первыхъ потому, что новозавѣтные призваны къ большому подвигу, слѣдовательно имѣютъ нужду въ большемъ снисхожденіи; во-вторыхъ и справедливѣе потому, что облегченіе въ наказаніи скорѣе располагаетъ ихъ къ покаянію и исправленію, а ветхозавѣтныхъ оно привело бы къ большому развращенію.“

2.

Обличеніе за тяжбы предъ невѣрными

6, 1—8.

Помянувъ о внутреннемъ судѣ въ духовныхъ дѣлахъ, Апостоль желаетъ, чтобъ а) и житейскія дѣла христіане разбирали сами, не доводя ихъ до языческихъ судей (1—6); а лучше бы, еслибъ они б) взаимною уступчивостію и готовностію скорѣе потерпѣть обиду, чѣмъ обидѣть, не давали и заражаться между собою тяжбамъ (7—8). Св. Златоустъ замѣчаетъ, что поводомъ къ сему обличенію послужила предыдущая рѣчь; оно будто вставочное, и кончивъ его, Апостоль опять возвращается къ прежнему предмету, т.-е. къ обличенію блудной и вообще чувственной жизни.

а).

6, 1. *Смѣетъ ли кто отъ васъ, вещь имѣя ко иному, судитися отъ неправедныхъ, а не отъ святыхъ?*

Смѣетъ ли кто? Апостоль рѣчь начинаетъ прямо и съ движеніемъ. Вопросъ показываетъ, какъ неприятно ему это дѣло по причинѣ униженія изъ-за него имени христіанскаго, о чести котораго онъ всегда ревновалъ. *Вещь имѣть ко иному*—имѣть съ кѣмъ спорное дѣло, какъ видно изъ дальнѣйшаго, изъ-за житейскихъ вещей.

Неправедными называетъ язычниковъ, а *святыми*—христіанъ. Христіане въ крещеніи принимаютъ обязательство въ совѣсти — всякую правду соблюдать и всякое добро дѣлать, и страха ради Божія не позволяютъ ничего противнаго совѣсти; такъ что добросовѣстность становится отличительною ихъ чертою. У язычниковъ напротивъ нравственныя силы въ упадкѣ, и они предполагаются всегда готовыми покривить душею. Апостоль, зная тоже по слуху, что Коринѣскіе христіане, можетъ быть, преимущественно изъ язычниковъ, ходятъ судиться, въ случаѣ размолвокъ, къ языческимъ судьямъ, по старой ли памяти, или и потому, что явиться съ тяжбынымъ дѣломъ въ собраніе христіанъ стыдно,—при одномъ воспоминаніи о семъ приходитъ въ негодованіе, и говоритъ: смѣетъ ли кто? Какъ рѣшается кто на это? На что это похоже?

Св. Златоустъ говоритъ: „и въ этомъ опять Апостоль обличаетъ ихъ, какъ въ дѣлѣ извѣстномъ; тамъ говорилъ: *отнюдъ слышится въ васъ блужденіе*; а здѣсь: *смѣетъ ли кто отъ васъ?* Въ самомъ началѣ выражаетъ гнѣвъ и показываетъ, что это дѣло ни съ чѣмъ несообразное. Не странно ли, говоритъ, для примиренія съ другомъ избирать посредникомъ врага? Не стыдно ли и не срамно ли, что язычникъ садится судить христіанина? И смотри, какъ онъ выражается: *судится отъ неправедныхъ, а не отъ святыхъ*, самими названіями обличая неразуміе дѣла и отклоняя отъ него. Не сказалъ: у невѣрныхъ, но: у *неправедныхъ*; употребляетъ такое выраженіе, какое особенно нужно было ему для предполагаемой цѣли, для того, чтобы исправить и отклонить ихъ отъ такого дѣла. Говоря о судѣ и имѣя въ виду, что судящіеся ничего такъ не желаютъ отъ судей, какъ правосудія, онъ этимъ самымъ и вразумляетъ ихъ, какъ-бы такъ говоря: куда ты идешь, и

что дѣлаешь, человѣкъ, поступаая вопреки собственному желанію, ища правды у людей неправедныхъ? А чтобы расположить обращаться къ своимъ, смотри, какъ онъ возвышаетъ и представляетъ достойными всякаго довѣрія, называя ихъ сперва святыми, а потомъ судьями всего міра. Сначала онъ не отвергаетъ вовсе суда у вѣрныхъ; но когда уже сильно обличилъ ихъ, тогда и вовсе запрещаетъ судиться. Если, говоритъ, непремѣнно нужно судиться, то не слѣдуетъ у невѣрныхъ, а лучше и вовсе не судиться. Но послѣднюю мысль онъ высказываетъ послѣ (ст. 7, 8), а теперь пока запрещаетъ только судиться у постороннихъ. Тяжело было прямо услышать запрещеніе судиться; почему онъ не вдругъ заповѣдуетъ это, но сначала только переимѣняетъ судей, обращая судившихся отъ внѣшнихъ судей къ Церкви.“

Ст. 2. *Не вѣсте ли, яко святіи мірови имуть судити? И аще вами судъ приметъ міръ, недостойни есте судищемъ худымъ.*

Доказываетъ, почему христіанамъ неумѣстно судиться у язычниковъ; потому, говоритъ, что христіане—святые будутъ міръ судить, міръ, т.-е. невѣрныхъ, язычниковъ какъ ниже—ангеловъ, тоже невѣрныхъ. Если судить будутъ язычниковъ, то очевидно, что язычники ниже ихъ и языческія судища не по нимъ; недостойно васъ, говоритъ, ходить въ эти судища. Предметъ доказанъ. Сила доказательства въ извѣстности того обстоятельства, что святые, христіане, имѣютъ міръ судить. Когда спрашиваетъ Апостоль: *не вѣсте ли?* самымъ вопросомъ даетъ разумѣть, что тогдашнимъ христіанамъ это было извѣстно. Потому цѣль Апостола достигалась и безъ объясненія, какъ святые будутъ судить міръ. Онъ его и не прилагаетъ. Но для насъ теперь это не совсѣмъ понятно. Судія міра одинъ Гос-

подъ. Самъ Онъ, изображая судъ, даетъ разумѣть, что Ему будутъ подлежать и вѣрные и невѣрные, и что произведши судъ, Онъ скажетъ однимъ: *придите благословеніи*, а другимъ: *отыдите проклятіи*. Какъ же святые будутъ судить, когда сами судимы будутъ? На это скажемъ: слово Апостола не ложно; святые будутъ судить міръ, и ангеловъ, а какъ — не знаемъ. Наше незнаніе не умаляетъ вѣрности слова Апостольскаго. Но такимъ отвѣтомъ кого удовлетворишь? Всякому хочется дойти до рѣшенія, но какъ основать рѣшенія не на чемъ, то неизбѣжно строить предположенія. Ихъ и настроили много. Перечислять ихъ не стоитъ. Возьмемъ то, которое единогласно принимаютъ всѣ наши толковники. Вотъ слова Θεодорита: „сказаль: *имуть судити*, вмѣсто осудять. Ибо сіе даютъ разумѣть послѣдующія слова: *аще вами (ἐν υμῖν) судъ приметъ міръ*. Такъ мужіе ниневитетіи и царица южская осудятъ оный родъ (Мѡ. 12, 41); такъ дванадесять Апостоловъ будутъ судить объманадесять колѣнома Израилевома (—19, 28), т.-е. осудятъ ихъ, осудятъ же, потому что сами изъ нихъ произошли и увѣровали въ Господа, и подверглись тѣмочисленнымъ видамъ смертей, и не отреклись отъ вѣры въ Него. Такъ и увѣровавшіе изъ язычниковъ осудятъ не увѣровавшихъ въ спасительную проповѣдь.“ Вотъ что говоритъ св. Златоустъ: „судить будутъ святые, не садясь и требуя отчета, но тѣмъ, что осудятъ. Это выражаетъ Апостоль словами: *аще вами судъ приметъ міръ*. Не сказалъ: отъ васъ, но *вами (ἐν υμῖν—въ васъ, въ вашей святости)*, какъ и Господь сказалъ: *царица Южская востанетъ и осудитъ родъ сей; и: мужіе Ниневитетіи востанутъ и осудятъ родъ сей* (Мѡ. 12, 41. 42). Они видятъ одно и тоже съ нами солнце и участвуютъ въ одномъ и томъ же, и между тѣмъ если мы окажемся вѣрующими, а они невѣрую-

щими, то имъ невозможно будетъ сослаться на невѣдѣніе; мы осудимъ ихъ тѣмъ, что мы сдѣлали. И много подобныхъ найдется тогда способовъ осужденія.“ Такъ и св. Дамаскинъ, и Экуменій, и Фотій у Экуменія и Теофилактъ. Последняя приписка св. Златоуста показываетъ, что возможны и другіе способы осужденія невѣрныхъ вѣрными. Но все—осужденія, а не суда. На этомъ рѣшеніи и остановимся. Ему даетъ большой вѣсъ — ἐν ὄντι, — въ васъ, какъ бы въ вашемъ лицѣ, или на васъ показывая, судья судъ произнесетъ, и оправдается на судѣ своемъ вами.

Если такъ, говоритъ далѣе св. Павелъ, то *недостойны есте судищею худымъ*; какъ бы такъ: „поведеніе ваше наноситъ вамъ стыдъ и невыразимое безчестіе. Коринтяне, вѣроятно, стыдились судиться у своихъ судей; посему онъ говоритъ: напротивъ, стыдитесь того, что вы судитесь у вѣшнихъ; ихъ судилища маловажны, а не тѣ“ (св. Злат.).

Ст. 3. *Не вѣсте ли, яко ангеловъ судити имамы, а не точію житейскихъ?*

„Апостоль выраженіе: *судити имамы* употребилъ опять вмѣсто: осудимъ; ангелами назвалъ демоновъ, потому что дровле они были ангелами. Осудятъ ихъ святые, потому что, будучи обложены плотію, заботились о Божественномъ служеніи, они же въ безтѣлесномъ ествѣ возлюбили лукавство“ (Θεод.).

Св. Златоустъ опровергаетъ мнѣніе тѣхъ, которые полагаютъ, что Апостоль разумѣетъ здѣсь подъ ангелами священниковъ. Апостоль, говоритъ, ангеламъ противопоставляетъ житейскія дѣла (*житейскихъ*—ζωτικῶν—житейское, дѣла житейскія); а такія дѣла священникамъ не противоположны, ибо и они люди житейскіе; ангеламъ же они противоположны въ томъ смыслѣ, что они по природѣ своей не имѣютъ нужды въ житейскомъ.

„Нѣтъ, Апостоль говоритъ здѣсь о злыхъ духахъ, о тѣхъ ангелахъ, о которыхъ говоритъ Христосъ: *идите въ огонь уготованный диаволу и аггеломъ его* (Мѡ. 25, 41). Когда эти безплотныя силы окажутся хуже насъ, облеченныхъ плотію, то подвергнутся тягчайшему наказанію.“

Ст. 4. *Житейская бо судища аще имате, уничиженыхъ въ церкви, сихъ посаждаете.*

Мѣсто это темновато, по причинѣ неопредѣленности, это суть *уничиженные въ церкви*. Понятны первыя слова: *житейская судища аще имате*, т.-е., если имѣете житейскія дѣла или столкновенія, которыя приходится улаживать судебнымъ порядкомъ. Понятны и послѣднія слова: *сихъ посаждаете*, т.-е. посаждаете на судейское кресло для суда надъ собою, или избираете въ судьи. Но что значать слова: *уничиженныхъ въ церкви*, не понятно.—И это затемняетъ весь текстъ.

Уничиженныхъ въ церкви можно понимать двояко: или это лица, церкви принадлежащія, вѣрующіе члены церкви, но такіе, которые въ ней послѣднія занимаютъ мѣста, ниже другихъ стоятъ; или это лица, внѣ церкви сущія, невѣрующія, которыя по тому самому считаются въ церкви ничего не стоящими,—для церкви и членовъ ея ничего не значать, *уничиженны* суть.

Если подъ *уничиженными* сими будемъ разумѣть внѣцерковныя лица; то, поставя это мѣсто въ связь съ предыдущимъ, получимъ: Ангеловъ судить имѣете, не тѣмъ ли паче житейское? А вы, имѣя житейскія дѣла, посаждаете на судейское кресло, или берете себѣ въ судьи такія лица, которыя въ церкви никакого значенія не имѣютъ, какъ невѣрные, или ничто суть предъ церковію и членами ея. Какая несообразность?! — къ сраму вамъ говорю это.—Нынѣ въ греческомъ текстѣ мѣсто сіе дѣлаютъ вопросомъ. Это не измѣняетъ его

смысла, въ предложенномъ видѣ; но усиливаетъ его, давая ему оттѣнокъ укорнаго неодобренія.

Если подь *уничженными* сими будемъ разумѣть лица, церкви принадлежащія, но не видимыя въ церкви; то,— поставя настоящее мѣсто въ связь съ предыдущимъ: *Ангеловъ имѣете судить, не тѣмъ ли паче житейское?*— можемъ далѣе такую вести рѣчь: что касается до житейскихъ дѣлъ, то, если имѣете нужду улаживать ихъ между собою стороннимъ разбирательствомъ, берите для сего послѣднихъ вѣрующихъ и посаждайте на судейское кресло. Мысль будетъ или такая: возьмите вы послѣднѣйшихъ изъ христіанъ, — и тѣ разберутъ; или такая: берите вы, какіе попадутъ — христіане, хоть самые послѣднѣйшіе, и ввѣряйте имъ судъ надъ собою, только ни за что не ходите къ языческимъ судьямъ. При первой мысли будетъ слышаться внушеніе, что житейскія дѣла и сами по себѣ, и тѣмъ паче между христіанами, должны считаться мелочными, ничтожнѣйшими до того, что ихъ разберетъ послѣдній христіанинъ; а вмѣстѣ съ симъ и укоръ: а вы въ суды идете, будто съ важнымъ какимъ дѣломъ и къ важнымъ лицамъ, тогда какъ то и другое ничтожно. При второй мысли будетъ слышаться внушеніе отвращенія къ суду предъ язычниками, какъ къ дѣлу, для христіанъ ни съ чѣмъ несообразному.

Наши всѣ толковники читаютъ не: *посаждаете*, а: *посаждайте*, — и въ толкованіи выражаютъ послѣднюю изъ приведенныхъ мыслей. Въ толкуемыхъ словахъ они видятъ отвѣтъ на предполагаемый вопросъ: не ходи, говоришь, къ языческимъ судьямъ; но къ кому изъ нашихъ отнестись-то? Некому разсудить, поневолѣ и идешь къ язычникамъ. — Вотъ слова св. Златоуста: „Желая съ особою силою вразумить насъ, что не должно, въ чемъ бы то ни было, обращаться къ внѣшнимъ су-

дѣлѣ, и видя представляющееся возраженіе, онъ напередъ разрѣшаетъ его. Смысль словъ его слѣдующій: можетъ быть кто скажетъ, что между вами нѣтъ ни одного мудраго или способнаго разбирать дѣло, но всѣ не способны къ тому; что же? хотя бы, говорить, у васъ не было ни одного мудраго, поручайте это дѣло самымъ послѣднимъ. — Указавъ на *уничужденныхъ*, онъ не то говоритъ, что на мѣстѣ судей должны быть люди самые неспособные, а пристыждаетъ ихъ. Что судъ надобно предоставлять людямъ, способнымъ разбирать дѣла, это онъ выразилъ ниже въ словахъ: *такъ ли нѣтъ въ васъ мудръ ни одинъ*; а дабы совершенно заградить имъ уста, говоритъ, что еслибы даже между ними не было ни одного мудраго, то лучше предоставить дѣла на судъ немудрыхъ, нежели судиться у внѣшнихъ.“

Ст. 5. *Къ сраму вамъ глаголю: такъ ли нѣтъ въ васъ мудръ ни одинъ, иже можетъ разсудити между братій своихъ?*

Къ сраму вамъ глаголю. Говорю такъ къ посрамленію васъ, вашего неразумія, что идете къ чужимъ, когда дома и не перечесть, сколько есть способныхъ это дѣлать, или къ посрамленію пустой отговорки, что некому судить. Въ церкви же конечно всегда найдутся мудрые люди, могущіе всякое дѣло разобрать и миръ водворить среди братій. Св. Златоустъ говоритъ: „*къ сраму вамъ глаголю.* Осуждаетъ такое возраженіе (что некому разсудить), какъ пустой предлогъ; посему и продолжаетъ: *такъ ли нѣтъ въ васъ мудръ ни одинъ?* Неужели, говорить, у васъ такая скудость? Неужели у васъ такъ рѣдки умные люди? Послѣдующимъ прибавленіемъ еще болѣе поражаетъ ихъ; ибо сказавъ: *такъ ли нѣтъ въ васъ мудръ ни одинъ*, присовокупляетъ: *иже можетъ разсудити между братій своихъ?* Когда

братъ судится съ братомъ, то для посредника въ тяжбѣ не нужны великая мудрость и искусство краснорѣчія, но къ разрѣшенію несогласія много могутъ содѣйствовать расположенность и родство (духовное).

Ст. 6. *Но братъ съ братомъ судится, и то предъ нечестивыми.*

„Двойная вина: та, что судится, и та, что судится у нечестивыхъ“ (св. Злат.). Или даже тройная: „во-первыхъ, что вѣрный судится; потомъ что судится съ единовѣрнымъ, а что всего хуже, судится у судіи нечестиваго“ (Феод.). Если судится съ братомъ само по себѣ есть грѣшное дѣло, то судящійся у внѣшнихъ заслуживаетъ ли какого-либо оправданія? Весьма стыдно, если между братьями не можетъ быть примирителемъ священникъ, но оказывается нужда прибѣгать къ внѣшнимъ. *И то предъ нечестивыми*, говоритъ. „Видишь ли, какъ благоразумно онъ сперва унижилъ судей, назвавъ неправедными, а теперь пристыждаетъ Коринѳяны, называя этихъ судей нечестивыми?“ (св. Злат.).

б).

Ст. 7—8. *Уже убо отнюдѣ вамъ срамъ есть, яко тяжбы имате между собою. Почто не паче обидими есте? почто не паче лишени бываете? но вы сами обидите и лишаете, да еще братію.*

Между тяжущимися двѣ стороны: одинъ считаетъ себя обиженнымъ, или есть въ самомъ дѣлѣ таковъ; другой считается обижающимъ, или есть въ самомъ дѣлѣ таковъ. Апостоль ни одного изъ нихъ не обвиняетъ. Обижаемому говорить: чего ради не соглашаешься остаться обиженнымъ и понести лишеніе? Обижающему говорить: зачѣмъ обижаешь, да еще брата? Правило же его и желаніе его то, чтобы тяжбѣ совсѣмъ не было между христіанами. „Я еще не изслѣдую,

говорить, того, кто правъ и кто не неправъ; уже по тому самому, что судятся, оба они достойны осужденія и ничѣмъ одинъ другаго не лучше. Не говори мнѣ (обиженный), что тебѣ причинена обида; осуждаю тебя уже за то, что судишься. (А тебѣ обижаящій скажу): если не сносить обиды — грѣхъ, то нанесеніе обиды какого достойно осужденія? Здѣсь два преступленія, или лучше три, и даже четыре. Одно то, что не сносятъ обиды; другое, что сами обижаютъ; третье, что ищутъ суда у неправедныхъ; четвертое, что поступаютъ такъ съ братомъ. Ибо неравно судятся грѣхи, когда они совершаются противъ кого-нибудь, встрѣтившагося случайно, или противъ собственнаго члена (брата); въ послѣднемъ случаѣ обнаруживается больше безстыдства: тамъ оскорбляется одно естество, а здѣсь и самое сердце“ (св. Злат.). „Или не вѣсте, яко неправедници царствія Божія не наслѣдуютъ (ст. 9)? Заключаетъ увѣщаніе угрозою, дѣлая чрезъ то слово свое сильнѣйшимъ“ (Ѳеоф.).

Требованіе, чтобъ между христіанами не было тяжбъ, не представляетъ ничего чрезмѣрнаго. Христіанское общество есть общество святыхъ. Такимъ изображаетъ его св. Павелъ всюду. Грѣшниковъ всѣхъ велѣлъ онъ изгонять вонъ, лишая и имени христіанскаго, если не покаются. Изгналъ онъ блудниковъ, изгналъ лихоимцевъ и хищниковъ, изгналъ досадителей и пьяницъ. Но если не будетъ въ обществѣ такихъ лицъ, то и обижать некому будетъ. Не будь обидъ, и повода къ тяжбамъ не будетъ. А если случится какое столкновеніе, то оно всегда можетъ быть улаживаемо помощію какого-либо посредника, а то и безъ него, когда между всѣми царствуетъ любовь и всѣ одинаково стремятся къ сохраненію общаго мира. Какъ нынѣ ослабѣла церковная дисциплина!

3).

Обличеніе а) грѣшной и страстной жизни вообще, 6, 9—11, и въ частности б) жизни плотоугодливой, выражающейся аа) въ чревоугодіи, 12, 13, и бб) блудѣ, 14—19, съ в) общимъ заключеніемъ о прославленіи Бога въ душахъ и тѣлесахъ, — 20.

Осудивъ кровосмѣсника, Апостоль заповѣдалъ Церкви вычищать у себя всякій древній квасъ, всякаго явнаго грѣшника, а для того установилъ внутренній судъ. Какъ ему предлежало обличить Коринтянъ и за то, что они по житейскимъ дѣламъ ходятъ судиться въ языческіе суды, то онъ приобщилъ это обличеніе къ слову о томъ внутреннемъ судѣ. Кончивъ же это обличеніе, снова возвращается къ очищенію Церкви отъ грѣшниковъ, направляя слово уже не къ Церкви, а къ самымъ грѣшникамъ; — къ грѣшникамъ всякаго рода, особенно же плотоугодникамъ.

а).

Ст. 9. 10. *Или не вѣсте, яко неправедницы царствія Божія не наследятъ? Не льстите себе: ни блудницы, ни идолослужители, ни прелюбодѣи, ни сквернителі, ни малакіи, ни мужеложницы, ни лихоимцы, ни татіе, ни пїяницы, ни досадители, ни хищницы царствія Божія не наследятъ.*

Слова: *или не вѣсте, яко неправедницы царствія Божія не наследятъ*, относятся къ предыдущему, — къ убѣжденію, чтобъ воздерживались отъ обидъ готовѣе обижать, и чтобъ такимъ образомъ не было подаваемо повода къ тяжбамъ. Обиды или неправды въ житей-

сихъ дѣлахъ, подающія поводъ къ тяжбамъ, на видъ могутъ казаться и не такъ важными; но какъ онѣ исходятъ отъ неуваженія къ правдѣ, или разлюбленія правды, и тѣмъ обличаютъ покривленіе совѣсти и испорченность сердца, то, какъ-бы ни былъ маловаженъ предметъ ихъ, онѣ дѣлаютъ ихъ нечистыми и въ царствіе Божіе негожими; ибо туда не войдетъ ничто нечистое. Кончивъ это, Апостоль обращается къ обличенію грѣховной и страстной жизни вообще.

Не льстите себе,—не заблуждайтесь, не обманывайтесь, не льстите себя пустыми надеждами, будто грѣхъ ничего. „Здѣсь Апостоль разумѣетъ нѣкоторыхъ, говорившихъ, какъ и нынѣ многіе говорятъ: Богъ чело-вѣколюбивъ и благъ, Онъ не мститъ за преступленія, намъ нечего бояться, Онъ никогда не накажетъ ни за какой грѣхъ. Посему и говоритъ: *не льстите себе*. Ибо крайнее оболъщеніе и заблужденіе—надѣясь пріятнаго, получить противное и думать о Богѣ такъ, какъ не думаютъ и о чело-вѣкѣ. Потому Пророкъ говоритъ отъ лица Божія: *вознещевалъ еси беззаконіе, яко буду тебѣ подобенъ: обличу тя и представлю предъ лице мѣ твоимъ грѣхи твоя* (Пс. 49, 21)“ (св. Злат.). Какъ ни нелѣпы такія мысли, однакожъ всѣ грѣшники всегда ихъ держатъ. Врагъ ужъ такъ набиваетъ имъ въ голову. Только, когда, по милости Божіей, начнутъ каяться, сознаютъ, что были въ обманѣ и ясно видятъ, что у Бога милость милостью, а правда правдою. Благъ Онъ безпредѣльно; но и праведенъ не меньше. Потому страха Его да убоимся.

Раскрывши грѣшникамъ глаза, закрытые лествію, Апостоль теперь перечисляетъ ихъ по родамъ, подобно тому какъ дѣлалъ выше, когда изгонялъ ихъ изъ общества христіанскаго (5, 10. 11). И тѣхъ всѣхъ снова поминаетъ и прибавляетъ новыхъ, не то позволяя пред-

полагать, что, кромѣ этихъ, другимъ грѣшникамъ дверь въ царствіе будетъ открыта, а то давая разумѣть, что, подобно этимъ, и всѣмъ другимъ нарушителямъ заповѣдей входа туда не будетъ.

Ни блудники: безженные, съ безмужными блудницами предающіеся любострастію; *ни идоложертвенники*, которые, позволяя себѣ вкушать идоложертвенное, впадаютъ тамъ и въ другія непотребства съ тѣмъ соединенныя; *ни прелюбодѣи*, которые нарушаютъ вѣрность супружескаго ложа; *ни сквернителѣи*, — въ подлинникѣ нѣтъ сего слова: полагать надо, что оно прибавлено къ непонятному слѣдующему: малакіи, — такъ чтобы читать: *ни сквернителѣи — малакіи*, подъ коими кажется надо разумѣть тѣхъ, кои сами себя скверняютъ блудными сластями, или рукоблудниковъ; *ни мужеложники*, когда мужчина мужину имѣетъ вмѣсто женщины для удовлетворенія блудной похоти; *ни лихоимцы*, жадные до имѣнія, чтобъ все больше и больше имѣть, не разбирая средствъ, какъ-то непомерный ростъ, обманъ въ торговлѣ, разныя хитрости въ оборотахъ; къ нимъ же причисляются и скупцы, которые, имѣя много, и сами тѣмъ не пользуются, какъ должно, ни съ другими нуждающимися не дѣлятся; *ни тати*, — воры, окрадывающіе дома, лавки, церкви, тайно, прикрываясь большею частію ночью темнотою; *ни пияницы*, не тѣ только, которые всегда пьяны, или пьютъ запоемъ, но и тѣ, которые вообще любятъ пьянственное веселье, въ какомъ бы видѣ оно ни было сочиняемо, — осуждаемое, какъ произвольное себя одурѣніе разгоряченіемъ крови и поставленіе себя въ такое состояніе, въ которомъ бывають готовы на все; *ни досадители* — бранчивые и драчливые, наругатели и насмѣшники, отъ которыхъ житья и проходу никому нѣтъ, это и въ грубомъ и въ тонкомъ видѣ; *ни хищники*, которые, подобно хищнымъ

звѣрямъ, рыщутъ по дорогамъ и засѣдаютъ въ тайныхъ, чтобъ напасть на кого и ограбить—разбойники; сюда же относятся и тѣ, которые опустошаютъ карманы, и тѣ, которые насильно удерживаютъ плату какую-нибудь. Два рода перечислено грѣховъ — похоти плотской въ самыхъ срамныхъ видахъ, и любостязанія со всѣми неправдами. Изъ грѣховъ раздраженія и гнѣвлиности только одинъ—досадительство, которое впрочемъ можетъ исходить и отъ безгнѣвной охоты досадовать другимъ.

Всѣ такіе *царствія Божія не насмѣдятъ*. И въ добромъ обществѣ такіе нетерпимы, не только въ пресвѣтломъ и пречистомъ царствіи Божіемъ. Выставляеть же сіе Апостоль, вѣроятно потому, что многіе изъ вѣровавшихъ Коринѣянь принадлежали къ низшему классу и прежде были опутаны дурными привычками. Опытъ кровосмѣсника показалъ, что возможны и въ другихъ ниспаденія къ прежнимъ дѣламъ. Почему и пишетъ ко всей Церкви: изгонять такихъ изъ христіанскаго общества, а тѣхъ, которые могли подвергнуться паденіямъ вновь, устрашаетъ геенною. Ибо ничто столько не сильно отрезвить и отвратить отъ приманокъ привычнаго грѣха, какъ сознаніе опасности потерять царствіе и воспріятіе въ чувство страха попасть въ геенну. Что дѣйствительно цѣль у Апостола та, чтобы предотвратить, видно изъ того, что онъ говорить вслѣдъ за симъ:

Ст. 11. *И сими убо нѣцыи бѣсте, но омыстеса, но освятитеся, но оправдистеса именемъ Господа нашего Исуса Христа, и Духомъ Бога нашего.*

Были нѣкоторые таковы, а теперь вѣрно ни они, ни другіе — не таковы. Ибо еслибъ и теперь были таковы, не пощадилъ бы ихъ Апостоль и не сталъ прикрывать. И св. Златоустъ говорить, что „Апостоль

произнесъ вышепомянутую угрозу не потому, чтобы знать за Коринѣянами всѣ эти грѣхи, но чтобы сдѣлать всѣхъ бдительными и осторожными.“ Для поддержанія бдительности надъ собою, къ угрозамъ онъ прилагаетъ теперь напоминаніе о полученныхъ ими духовныхъ благахъ, при вступленіи ихъ въ лоно Церкви. Онъ какъ бы говоритъ имъ: „подумайте, отъ какихъ золъ Богъ избавилъ васъ, какое явилъ вамъ доказательство Своего человѣколюбія; и не ограничилъ Своего милосердія однимъ избавленіемъ отъ золъ, но простеръ Свое благодѣяніе еще далѣе: сдѣлалъ васъ чистыми. И только-ли? Нѣтъ, но и освятилъ; и это не все, но и оправдалъ. Омыться отъ грѣховъ—уже великій даръ, но Онъ еще обогатилъ насъ безчисленными благами. Итакъ, возлюбленные, зная это и представляя величіе дарованныхъ намъ благъ, будемъ жить благочестиво, соблюдая себя чистыми отъ всѣхъ, исчисленныхъ грѣховъ“ (св. Злат.). И это внушеніе Апостола похоже на то, которое онъ высказалъ, заповѣдавъ очищать ветхій квасъ. Тамъ онъ сказалъ: у васъ пасха на столѣ; будьте безквасны, опрѣсочны, не допуская въ себѣ никакой примѣси грѣха и страстей. Здѣсь говоритъ тоже: омылись, освятились, оправдались; не падайте опять въ нечистоту, не теряйте оправданія и освященія, тоже что: будьте безквасны, опрѣсочны. Сказать: *омыстеся, освятитеся и оправдистеся*, значитъ сказать тоже что: пасха на столѣ. Ибо пасха означала исхожденіе изъ Египта, избавленіе отъ рабства и вступленіе въ свободу независимаго народа. Омыться, освятиться и оправдаться есть — избавиться отъ рабства грѣху, выйти изъ Египта страстей и области сатанины, и вступить въ духовную свободу сыновъ царствія, ходящихъ въ волѣ Царя правды. Памятовать о всемъ этомъ и значить памятовать, что у насъ пасха на

столѣ: ибо все сіе дается о имени Господа нашего Иисуса Христа, Агнца нашего пасхальнаго, благодатию Св. Духа.

Омыстеся, т.-е. первородный грѣхъ и всѣ наши произвольные грѣхи прощены: эти нечистоты смыты въ водахъ крещенія чрезъ приобщеніе крови Господа, на крестѣ грѣхи наши пригвоздившаго. — *Освятитеся*, т.-е. въ прощенныхъ и обезвиненныхъ васъ вселена благодать Св. Духа, положившая въ васъ зачатокъ новой, святой жизни и освятившая васъ. Въ вашихъ мысляхъ, желаніяхъ и чувствахъ все стало свято, и въ сердцахъ вашемъ властвуетъ одна ревность навсегда быть святыми, какъ вышли изъ кушѣли. — *Оправдистеся*, т.-е. сказанное настроеніе ваше и составляетъ вашу внутреннюю правоту, непорочность предъ лицомъ Бога и Ангеловъ и предъ судомъ вашей совѣсти. Именемъ Господа все сіе дается, ибо дается по вѣрѣ въ Него и чрезъ приобщеніе Его смерти и животу. Сила же, производящая сіе, есть благодать Св. Духа.

б).

Отгнавъ страхомъ лишенія царствія отъ явныхъ грѣховъ, и памятію великихъ во Христѣ даровъ благодатныхъ возставивъ ревность о внутренней чистотѣ или пресѣченіи всякаго угодія плоти, св. Павелъ обращается теперь къ созиданію въ сердцахъ ихъ чистоты, отклоняя ихъ отъ сочувствія къ такимъ дѣламъ, въ которыхъ наиболѣе проявляется плотоугодіе, именно — аа) къ чревоугодію, и бб) блуду.

аа).

Ст. 12. *Вся ми лѣтъ суть, но не вся на пользу: вся ми лѣтъ суть, но не азъ обладаю буду отъ чего.*

Вся ми лѣтъ суть. Судя по тому, что, въ слѣдую-

шемъ стихѣ, который прямо связанъ съ настоящимъ, говорится о брашнахъ, дается мысль, что въ словахъ: *вся ми лтъ суть*, говорится: мнѣ можно вкушать всякаго рода пищу. Но можно разумѣть здѣсь вообще услажденіе всѣхъ чувствъ — зрѣнія, слуха, обонянія и осязанія, и удовлетвореніе всѣхъ тѣлесныхъ потребностей, кромѣ пищи, и сномъ, и покоемъ, и прохлажденіями и омовеніями, вообще всѣ утѣшенія плоти. Апостольскій представляетъ здѣсь чье-то лице, которое, обозрѣвъ всѣ эти утѣхи, говоритъ: *вся ми лтъ суть*. Т.-е. всѣмъ этимъ я могу пользоваться свободно. Можетъ быть такая рѣчь заимствована изъ устъ самого Апостола, который оставилъ законъ вязавшій: *не коснися, ни вкуси, ниже осяжи*, и всѣмъ проповѣдывалъ полную въ семъ отношеніи свободу. Но тогда какъ св. Павелъ прибавлялъ при семъ: *точію да не свобода ваша въ вину плоти будетъ* (Гал. 5, 13), другіе забывали это ограниченіе и останавливались болѣе вниманіемъ на свободѣ и нестѣсненности и, можетъ быть, дѣйствительно ничѣмъ себя не стѣсняли, не только закономъ, но и мѣрою благоразумія. Какъ такого рода свобода очень опасна, потому что, развивая чувственную жизнь, тѣмъ самымъ умаляетъ и совсѣмъ погашаетъ жизнь духовную, и особенно потому, что подготовляя похотныя возбужденія, подвергаетъ опасности впасть въ блудъ, въ коемъ смерть, то св. Павелъ спѣшитъ образумить таковыхъ. Онъ беретъ поговорку каждаго изъ таковыхъ: *вся ми лтъ суть*, и говоритъ какъ бы: да, *вся ми лтъ суть*, но не вся на пользу, *вся ми лтъ суть*, но не азъ обладаю буду отъ чего. Два ограниченія полагаетъ онъ свободѣ всѣмъ пользоваться: первое—польза, второе—чтобъ ничѣмъ не быть обладаему.

Богъ далъ тебѣ тѣло и вложилъ въ него потребности, необходимыя для поддержанія его жизни, а внѣ, въ

природѣ, разсѣялъ блага, которыми удовлетворяются сіи потребности. Пользуйся всѣмъ. Божіе на то благо-словеніе изречено уже тѣмъ самымъ, что все это со-здано и создано для тебя. Но пользуйся только въ предѣлахъ пользы. Еслибъ у насъ была одна тѣлесная жизнь, то можно бы истолковать это такъ: въ предѣлахъ пользы для тѣла. Но какъ мы не тѣло только, но и душа, то надо добавить: въ предѣлахъ пользы и для души. И первое многое уже ограничить, и въ отно-шеніи къ родамъ удовольствій, и въ отношеніи къ мѣрѣ ихъ и другимъ особенностямъ. Но когда прибавимъ вто-рое, то оно очень многое вычеркнетъ изъ списка того, что казалось *лѣтъ есть*. И это въ естественномъ по-рядкѣ жизни. Если же взять во вниманіе порядокъ жизни благодатной, которая и начинается самоотвер-женіемъ и ведется вся въ видахъ исканія вышняго, мудрствованія о горнемъ, а не о земномъ, то само со-бою останется уже только самое существенно необхо-димое, все же другое будетъ сочтено не на пользу, и вслѣдствіе сего отнесено къ тому, что не *лѣтъ есть*, хотя по началу оно могло бы быть и не таковымъ. Та-кимъ образомъ очевидно, что Апостоль не связывая вѣжетъ: не налагаетъ внѣшнихъ узъ закона, но пола-гаетъ заповѣдь строгаго самоограниченія.

Второе ограниченіе: *не азъ обладаю буду отъ чего*. Въ тѣлѣ нашемъ лежитъ какой-то законъ навыка, по которому удовольствіе, нынѣ вкушенное, завтра въ тотъ-же часъ снова потребуетъ тѣломъ. Если удовле-творить его завтра, то на третій день требованіе то повторится съ большею силою. Дальше и дальше, на-конецъ образуется привычка,—потребность удовлетво-рять тѣло извѣстнымъ образомъ и въ извѣстной мѣрѣ, которая замѣняетъ собою простую естественную по-требность. Привычка—связа. Тогда какъ естественная

потребность требуетъ только, а не вяжетъ, привычка вяжетъ, назначая и предметъ, и время, и мѣру. Чѣмъ больше привычекъ, тѣмъ больше связь и узъ. Можно на всякую простую потребность навязать по нѣскольку привычекъ и быть такимъ образомъ связану по рукамъ и ногамъ. Это тоже, что мечтая о свободѣ, быть въ постыдномъ рабствѣ у чувственности своей. Это несравненно хуже рабства закона. Ибо *не коснися, ни вкуси, ниже осяжи*, все имѣло добрыя нравственныя цѣли. Вотъ противъ этого и предостерегаетъ Апостоль: пусть тебѣ будетъ все лѣтъ; но не вяжи себя ничѣмъ. Будь, какъ птица свободно парящая въ пространствахъ воздушныхъ. Но это къ тому же ведетъ, къ чему приводитъ и ограниченіе пользою. Чтобъ не связать себя чувственными привычками, надо отказывать себѣ въ чувственныхъ удовольствіяхъ, допуская только существенно необходимыя.

Теодоритъ, кажется, разумѣетъ въ семъ мѣстѣ ограниченіе чувственныхъ удовольствій вообще; а св. Златоустъ ограниченіе относительно однихъ яствъ. Вотъ его слова: „здѣсь Апостоль говоритъ противъ чревоугодниковъ. Намѣреваясь снова обличать блудъ и зная, что это любодѣяніе происходитъ отъ пресыщенія и неумѣренности, онъ сильно поражаетъ эту страсть. Можно, говорить, ѣсть и пить, но бесполезно ѣсть и пить неумѣренно. Отклоняетъ онъ отъ этого, вопервыхъ, какъ бесполезнаго: *не вся на пользу*, а во вторыхъ, какъ отъ ведущаго къ противоположному: *но не азъ обладаю буду отъ чего*. Смыслъ словъ его слѣдующій: ты властенъ ѣсть; сохраняй же свою власть и смотри, чтобъ не сдѣлаться рабомъ этого пожеланія. Кто надлежащимъ образомъ пользуется имъ, тотъ властенъ надъ нимъ; а кто предается ему неумѣренно, тотъ не имѣетъ власти. Но становится рабомъ неумѣренности. Если ты не воз-

держень, то не ты имѣешь власть надъ чревомъ, а оно надъ тобою имѣетъ власть.“

Ст. 13. *Брашна чреву, и чрево брашнома; Богъ же и сіе и сіа упразднитъ.*

„Если хочешь пользоваться въ этомъ (т.-е. въ пищѣ) свободою, то пользуйся, потому что для чрева созданы брашна. Но надлежитъ тебѣ знать, что этому будетъ конецъ, ибо за гробомъ излишни для людей брашна, и будущая жизнь не имѣетъ ничего такого; въ ней, по слову Господа, *какъ ни женятся, ни посягаютъ* (Мѡ. 22, 30), такъ и не ѣдятъ и не пьютъ. Слово же: *упразднитъ*, Апостоль употребилъ пророчественно“ (Феод.). Эта же мысль есть и у св. Златоуста. Вотъ слова Фотія у Экуменія: „если просто принимать брашна въ значеніи пищи, а чрево въ значеніи пріемника съѣстнаго, то слѣдующія за симъ слова лучше принимать какъ пророчество о состояніи въ будущемъ вѣкѣ: *Богъ же и сіе и сіа упразднитъ*, — какъ-бы такъ: но они оба по воскресеніи будутъ упразднены, какъ не нужная; ибо тогда Богъ предложитъ насъ въ неглѣніе, такъ что ни въ пищѣ не будетъ нужды, ни въ пріемникѣ съѣстнаго — чревѣ. Смыслъ словъ: *брашна чреву и чрево брашнома*, будетъ такой: они другъ друга возбуждаютъ и раздражаютъ и другъ друга ищутъ. Аппетитъ чрева ищетъ яства, а яства въ свою очередь возбуждаютъ и раздражаютъ аппетитъ. Но Богъ по воскресеніи сдѣлаетъ ихъ ненужными. Итакъ не слѣдуетъ слишкомъ много заботиться о томъ, что имѣетъ быть упразднено.“ Впереди пользованіе плотскими удовольствіями, а въ числѣ ихъ и пищею ограничилъ Апостоль ихъ пользою и тѣмъ, чтобъ не допускать себя до рабства имъ. Здѣсь, поставляя нынѣшнее наше состояніе предъ лицомъ будущаго, выводитъ отсюда новое побужденіе къ воздержанію и умѣренности. Въ бу-

дущемъ вѣкъ, говорить, не будетъ ни пищи, ни чрева; надо потому позаботиться истребить въ душѣ всякое чревоугодіе и пристрастіе къ яствамъ чрезъ строгое воздержаніе, иначе душа, перешедши въ иной вѣкъ съ этими пристрастіями и не находя тамъ ничего удовлетворяющаго ихъ, будетъ томиться и сама въ себѣ носить адъ. Если тамъ совсѣмъ не будетъ ни чрева, ни яствъ, то, приготовляясь къ той жизни, надобно въ сей доводить ихъ до послѣдней степени малости. Какъ рационально потому поступаютъ великіе постники!

Какой взглядъ на будущую жизнь открываетъ по сему слову блаж. Теодоритъ! Пищи не будетъ, чрева не будетъ, слѣдовательно и подчревныхъ побужденій, слѣдовательно и брачныхъ союзовъ, слѣдовательно и семейныхъ отношеній, слѣдовательно ничего житейскаго. Весь строй жизни тамъ будетъ иной. Если цѣль жизни настоящей есть приготовленіе къ будущей, то какъ разумно поступаютъ тѣ, которые отрѣшаются отъ всѣхъ порядковъ здѣшней жизни, чтобы перейти въ другую никакими связями несвязанными!

Въ немногихъ словахъ очень многое сказалъ Апостоль противъ чувственныхъ удовольствій вообще, особенно противъ чревоугодія, чтобы приготовить путь слову къ обличенію блуда, а воздержнику отъ чувственныхъ сластей и чревоугодія проложить путь къ побѣдѣ надъ движеніями похоти плотской.

66).

Ст. 13. *Тѣло же не блуженію, но Господеву, и Господь тѣлу.*

Научивъ воздержной жизни, начинаетъ теперь учить цѣломудрію. Побужденія къ сохраненію цѣломудрія можно бы вывести и изъ естественнаго достоинства человѣка; но ап. Павелъ минуя естество, заимствуетъ ихъ изъ существа христіанской вѣры.

Тѣло не блуженію, но Господеви, и Господь тѣлу.
 Господь — Глава, яко Богъ и человекъ, изъ души и тѣла состоящій; мы таинственно члены Его, не душею только, но и тѣломъ; слѣдовательно Ему должны принадлежать и служить и душею и тѣломъ. Вслѣдствіе сего, и тѣло наше Господу должно принадлежать и служить вмѣстѣ съ душею.

Но какъ *Господь тѣлу?* Господь воплотился, чтобы входить въ общеніе съ нами, со всѣмъ нашимъ естествомъ, воспринятымъ отъ насъ. И благоволитъ Онъ входить въ такое общеніе таинственно, съ душею Божествомъ и душею Своею, а съ тѣломъ — Божествомъ и тѣломъ Своимъ. Въ семъ отношеніи и Онъ благоволитъ тѣлу нашему сообщиться, или быть и тѣлу. Это мѣсто темновато. Чтобы сколько-нибудь его просвѣтить, не слѣдуетъ въ мысляхъ своихъ въ насъ тѣло отдѣлять отъ души, а въ Господѣ слѣдуетъ созерцать все Богочеловѣчество.

Св. Златоустъ говоритъ: „тѣло создано не для того, чтобы ты жилъ невоздержно и прелюбодѣйствовалъ, равно какъ и чрево не для того, чтобы ты предавался чревоугодію, но чтобы оно служило Христу, какъ Главѣ, и Онъ былъ *Господь тѣлу*. Устыдимся же и устрасимся, что мы удостоившись такой чести, содѣлавшись членами Его, главенствующаго надъ нами, безчестимъ себя такими пороками.“ Феодоритъ пишетъ: „Апостоль нерѣдко называетъ Господа Главою нашею. Посему тѣло сопряжено съ Нимъ, какъ съ главою.“

Блуженіе разумѣется здѣсь не какъ отправленіе естества, а какъ злоупотребленіе естествомъ; потому трезвенная жизнь въ бракѣ не дѣлаетъ того, чтобы тѣло было не Господу; ибо оно при семъ не выступаетъ изъ воли Его и покорности Ему.

Ст. 14. *Богъ же и Господа воздвиже, и насъ воздвигнетъ, силою Своею.*

Къ чему это говорится? Это есть будто отвѣтъ на вопросъ: какъ же тѣло Господу и Господь тѣлу, когда тѣло наше умираетъ и истлѣваетъ? Апостоль отвѣчаетъ на это: „если тѣло наше есть членъ Христовъ, а Христосъ воскресъ, то и тѣло, безъ сомнѣнія, послѣдуетъ за Главою своею“ (св. Злат.). „Онъ воскресенъ; воскреситъ и насъ воскресившій Его Богъ силою Воскресшаго“ (Феод.). Но вмѣстѣ съ тѣмъ, возбуждая помышленіе о свѣтлости тѣла воскресшаго Господа, онъ заставляетъ представить, въ какой свѣтлости воскреснетъ тѣло наше, и въ этомъ уготовляетъ сильнѣйшее побужденіе къ бѣганію блудодѣянія, омрачающаго душу и тѣло. Представленіе свѣтлости будущаго тѣла у всѣхъ подвижниковъ служило сильнымъ побужденіемъ къ тому, чтобы сколько можно утончать его, и особенно не допускать похотныхъ возбужденій. Когда кто изъ нихъ благодатію Божіею сподоблялся того, что въ немъ погасала и замирала похоть, то объ немъ говорили, что онъ прежде всеобщаго воскресенія вкусилъ силы его. Нѣкоторые изъ нихъ при возбужденіи благодатныхъ движеній, во время молитвы, иногда становились всѣ свѣтлыми; у иныхъ просвѣтлялось лице, у иныхъ руки, воздѣтыя къ небу. Это все осязательныя знаменія вкушенія ими силы будущаго воскресенія.

Апостоль сказалъ, что Богъ насъ воскреситъ *силою Своею* для того, чтобъ, „такъ какъ онъ упомянулъ о предметѣ непостижимомъ и необъятномъ для соображеній разума, несомнѣннымъ могуществомъ Виновника воскресенія заградить уста невѣрующихъ. А что онъ приписываетъ воскресеніе Христова Отцу, не смущайся этимъ. Такое выраженіе не означаетъ, будто Хри-

стось безсиленъ: ибо Самъ Онъ говоритъ: *разорите церковь сію, и тремя деньми воздвигну ю* (Іоан. 2, 19); и еще: *область имаѣмъ положить душу Мою, и область имаѣмъ пакы пріяти ю* (Іоан. 10, 18). И Лука въ книгѣ Дѣяній говоритъ: *предъ ними же и постави Себе жива* (1, 3). Почему же Павелъ употребляетъ такое выраженіе? Потому, что свойственное Сыну приписывается Отцу, и свойственное Отцу приписывается Сыну; *яже бо Онъ творитъ, сія и Сынъ такожде творитъ* (Іоан. 5, 19)“ (св. Злат.).

Ст. 15. *Не вѣсте ли, яко тѣлеса ваша удове Христовы суть? Возьмъ ли убо уди Христовы, сотворю уди блудничи? Да не будетъ.*

Что прежде сказалъ: *тѣло Господеви*, тоже и теперь говоритъ въ словахъ: *тѣлеса ваша удове Христовы суть*. Здѣсь онъ повторяетъ это съ большею опредѣленностію для того, чтобы вывести, какъ неумѣстно въ христіанинѣ блуженіе, какъ бессмысленно и страшно. Самая истина, что мы удове Христовы, всюду Апостоломъ Проповѣдуется. Въ крещеніи отрицаѣя сатаны и всѣхъ дѣлъ его, сочетаваемся Христу всѣмъ лицемъ. Сочетаніе это таинственное. Болѣе осязательно оно въ нравственномъ благодатномъ строѣ духа христіанскаго, вслѣдствіе котораго есть у христіанъ, назовемъ такъ, сердечное тяготѣніе ко Христу Господу и сознаніе, что они Его суть. Такъ дѣти всегда тяготѣють къ отцу и матери. Но надо полагать, что есть и еще сочетаніе, хотя не осязаемое, но дѣйствительное, въ участіе въ которомъ входитъ и тѣло. Всѣ планеты сочетаны съ солнцемъ, и солнце съ планетами. Это динамическій союзъ, но силы сочетавающія вещественны; нѣчто подобное есть между Господомъ и вѣрующими. Можетъ быть это совершается посредствомъ свѣтовой всепроникающей стихіи,

съ коею однородны прославленное тѣло Господа и жизненныя силы нашего тѣла, облегаящія душу. Если это принять, то нѣсколько видно будетъ, какъ и тѣлеса наши удове Христовы суть, не ради только нравственно-благодатнаго союза съ Господомъ, но и другимъ путемъ, хотя не безъ зависимости отъ того союза.

Но наши объясненія ничего не прибавляютъ къ несомнѣнности положенія Апостольскаго, что тѣлеса наши удове Христовы суть. Это должны мы принять дѣтскою вѣрою, безъ мудрованій и въ томъ смыслѣ, какой даютъ слова. Итакъ возьми эту истину, и отъ ней смотри, что есть блуженіе. Вотъ что: ты берешь уды Христовы и дѣлаешь ихъ удами блудницы. „Ничего не можетъ быть страшнѣе этихъ словъ. Не сказалъ: возьмъ убо уды Христовы, соединю ихъ съ блудницею (однократно), но что? *сотворю уды блудниччи* (такими и останутся). Такое выраженіе гораздо разительнѣе“ (св. Злат.). „Апостоль весьма увеличилъ силу беззаконія, члены наши назвавъ членами Христовыми. Они уже не твои, говоритъ онъ, но Христовы, какъ же дѣлаешь ихъ уды блудниччи?“ (Ѳеод.). „Кто не устранился сего—отъять уды Христовы и сдѣлать ихъ блудничими?“ (Ѳеоф.). Выводъ такой очевиденъ; остается объяснить, какъ дѣйствительно бываетъ это съ блудникомъ, что и дѣлаетъ св. Апостоль, говоря:

Ст. 16. *Или не вѣсте, яко прилѣпляяйся сквернодѣйцѣ, едино тѣло есть съ блудодѣйцею? Будета бо, рече, оба въ плоть едину.*

„Прилѣпившись другъ къ другу, два уже не могутъ быть двумя, но оба дѣлаются единымъ“ (св. Злат.). Долженствующій быть одно со Христомъ, отторгается отъ Христа и дѣлается одно съ блудницею. По какому закону? По закону первоначальнаго учрежденія

брака. Но, вѣдь, и брачный дѣлается одно съ женою, почему же не укоряется? Брачные оба прибываютъ въ порядкѣ воли Божіей и Христовой, оба Христовы. Блудница же не Христова есть, а служительница сатаны. Сочетающійся съ нею, по дѣйствию хотя похожъ на брачныхъ, но по силѣ противоположенъ имъ, и тѣло свое и себя отторгаетъ онъ отъ Христа и чрезъ сочетаніе съ блудницею ввергаетъ себя въ область противную Ему, сатанинскую. Бл. Феодоритъ пишетъ: „не безъ основанія сказано о брачномъ сочетаніи Апостоль приложилъ къ блуду, потому что и то и другое по сущности дѣла есть одно и тоже, разность же показываетъ законность и незаконность дѣла. Посему говорить, что прилѣпляющійся къ блудницѣ члены свои дѣлаетъ *уды блуднички*; а сочетавающійся съ Господомъ члены свои дѣлаетъ *уды Христовы*. Итакъ, если сочетался ты съ Господомъ и снова идешь къ блудницѣ, то поруганіе простирается на самого Владыку; потому что его уды отдаешь блудницѣ и уды Владычніе дѣлаешь *уды блуднички*.“

Христіанское тѣло чисто и свято и сродно тѣлу Христову, находясь въ таинственномъ съ нимъ сочетаніи. Блудная страсть, и тогда какъ только заражается и душу увлекаетъ, дѣлаетъ уже тѣло мрачнымъ и смраднымъ; когда же блудъ совершается,—мрачность дѣлается непроницаемою и смрадность неприступною. Но плотскіе этого не видятъ и не ощущаютъ: это видятъ и ощущаютъ люди духовные и Ангелы. Есть много объ этомъ сказаній. Еслибъ снять съ блудника грубую оболочку тѣла и оставить его такимъ, какъ онъ есть по душѣ, облеченной жизненною силою тѣла, то увидѣлась бы непроницаемо мрачная фигура чловѣка, издающая невыносимый смрадъ. Между тѣмъ это же самое столь мрачное и смрадное было свѣтло

и благоуханно свѣтлостію и благоуханіемъ тѣла Христова, съ которымъ состояло въ живомъ соотношеніи. Будучи такимъ, оно было Господне, Имъ себѣ усвоилось. Когда начинаютъ склоняться на блуженіе, начинаютъ мрачнѣть и отторгаться отъ Господа. Само блуженіе совсѣмъ отторгаетъ отъ Него: ибо мрачному и смрачному нельзя уже быть едино съ Господомъ.

Ст. 17. *Прилѣпляйся же Господеву, единъ духъ есть съ Господемъ.*

Прилѣпляются къ Господу вѣроу, таинствами и посвященіемъ Ему всей жизни. Кто таковъ, тотъ естественно дѣлается единъ духъ съ Господомъ. Что значить: *единъ духъ есть съ Господемъ*? То же, что когда говорятъ: такіе-то живутъ душа въ душу. Къ Господу прилѣпившійся въ Господѣ пребываетъ, а Господь въ немъ пребываетъ. Отъ того онъ Господомъ только и дышетъ, и всячески старается войти въ Господни намѣренія, виды, планы, чтобъ не допустить ничего не Господняго. Экуменій пишетъ: „таковой, хотя тѣломъ обложенъ, содѣлывается духомъ, чрезъ то, что ничего плотскаго не творить. Или потому онъ таковъ, что чрезъ Духа Святаго сочетаваясь со Христомъ, прилѣпляется къ Нему духовными дѣлами.“ Онъ же приводитъ слова Фотія: „онъ единовиденъ, весь дѣлается духовнымъ чрезъ единеніе съ Господомъ. Не увлекается плотскими страстями, не раздѣляется въ себѣ на двойственность, Богу работая и мамонѣ, но весь единиченъ есть, и весь духовенъ, возведенный въ единеніе духа.“

Зачѣмъ говорить о семъ Апостоль? Затѣмъ чтобъ разительнѣе была противоположность двухъ дѣятелей, изъ коихъ одинъ пребываетъ единъ духъ съ Господомъ, а другой съ блудницею объединяется и чрезъ нее дружится съ сатаномъ. Онъ говоритъ какъ-бы: вотъ

плоды того, вотъ что получаетъ этотъ! Смотри, слитай, и избирай. То, что тамъ—съ *блудницею едино тѣло*, а здѣсь — съ *Господомъ единъ духъ*, не должно затруднять мысли. Ибо и тамъ тѣло не безъ души, а здѣсь духъ не безъ тѣла. Апостоль выставяетъ только преимущественно дѣйствующія части естества нашего тамъ и здѣсь. Цѣль же его—указать на слѣдствія, чтобы отвлечь отъ блуженія и воодушевить пребывать едино съ Господомъ.

Ст. 18. *Въгайте блудодѣянїя. Всякъ бо грѣхъ, егоже аще сотворитъ человекъ, кромѣ тѣла есть: а блудяй, во свое тѣло согрѣшаетъ.*

„Не сказалъ: воздерживайтесь отъ блудодѣянїя, но: *въгайте*, т.-е. тщательно старайтесь удалиться отъ этого порока. Что выставяетъ здѣсь онъ въ побужденіе къ тому, менѣе важно, нежели вышесказанное; но говоря о блудникахъ, онъ со всѣхъ сторонъ обличаетъ грѣхъ ихъ и показываеетъ важность вины ихъ, и великимъ и малымъ; первое сказано для болѣе благоговѣйныхъ, а послѣднее для болѣе слабыхъ. Мудрость Павла обнаруживаеется и въ томъ, что онъ вразумляеетъ представленіемъ не только великаго, но и малаго, и постыднаго, и непростойнаго“ (св. Злат.).

Но какая мысль: *всякъ грѣхъ кромѣ тѣла, а блудяй во свое тѣло согрѣшаетъ?* Одни говорятъ: другіе грѣхи хотя членами тѣла совершаются, какъ орудїями, но самый грѣхъ внѣ тѣла есть, въ блудѣ же самый грѣхъ въ тѣлѣ. Иные говорятъ: другіе грѣхи однимъ какимъ членомъ совершаются, который и скверняютъ, а блудъ все тѣло сквернитъ. Иные еще: потому въ свое тѣло согрѣшаетъ блудяй, что его истощаеетъ, часть его отторгаеетъ и бросаеетъ несмысленно. Дѣлаемъ выписки изъ нашихъ толковниковъ:

Св. Златоустъ говоритъ: „скажешь, развѣ убійца.

корыстолюбець и грабитель не оскверняютъ руки? Это всякому извѣстно (т.-е. что оскверняютъ). Но Апостоль хотѣлъ дать мысль, что нѣтъ никого хуже блудника и какъ прямо сказать этого не хотѣлъ, то иначе изображаетъ важность этого грѣха, объясняя, что отъ блуда все тѣло становится нечистымъ; оно сквернится такъ, какъ-бы упало въ грязный сосудъ, наполненный нечистотами. Потому и у насъ есть такой обычай, что послѣ дѣлъ корыстолюбія и мщенія никто не заботится омыться, но прямо возвращается домой, а послѣ любодѣянія идутъ омыться, какъ-бы всецѣло сдѣлавшись нечистыми: такъ совѣсть стыдится по преимуществу этого грѣха! Тяжель и тотъ и другой грѣхъ, и корыстолюбіе, и любодѣяніе; и тотъ и другой ввергаютъ въ геенну; но дѣлая все предусмотрительно, св. Павелъ показываетъ важность прелюбодѣянія всѣмъ, чѣмъ только могъ.“ Тоже почти пишетъ и Феодоритъ: „это дѣлаютъ тысячи другихъ грѣховъ, нарушаетъ клятвы, сквернить языкъ хулами, присвоаетъ себѣ нимало ему не принадлежащее, тотъ не ощущаетъ такъ живо грѣха, а содѣлавшійся рабомъ непотребства, немедленно по совершеніи грѣха ощущаетъ зло и гнушается самымъ тѣломъ. Посему прибѣгая къ банямъ, оmyваетъ тѣло въ той мысли, что чрезъ сіе свергнетъ съ него нѣсколько гнусности.“ Экуменій: „прочіе грѣхи зараждаются изъ душевной страсти, напримѣръ, тщеславія, корыстолюбія, зависти; а въ любодѣянніи источникъ похоти изъ самаго тѣла исходитъ.“ Онъ же приводитъ мнѣніе св. Аванасія: „прочіе грѣхи одной душѣ вредъ причиняють, а любодѣй съ душею и тѣло растлѣваетъ и разрушаетъ, истощая душевную и жизненную силу,“ — и Фотія: „этому самому тѣлу и себѣ самому причиняетъ любодѣй зло, чего не бываетъ ни въ какомъ другомъ

грѣхъ. Другіе грѣшники другимъ причиняють вредъ, а любодѣй себѣ зло дѣлаеть.“

Преданный сей страсти скоро истощаетъ силы тѣла и души и сходитъ во гробъ. Онъ много схожъ съ пьяницею въ семъ отношеніи: что къ нимъ обоимъ можетъ идти, Апостоль отнесъ къ одному блуднику, потому что объ немъ идетъ рѣчь. Блудящій думаетъ, что услаждаетъ себя, а на дѣлѣ выходитъ, что готовитъ себѣ гробъ.

Ст. 19. *Или не вѣсте, яко тѣлеса ваша храмъ живущаго въ васъ Святаго Духа суть, Егоче имате отъ Бога, и нѣсте свои: куплены бо есте црною.*

Выше говорилъ, что тѣло Господеви, и что тѣлеса наша удове Христовы суть; теперь говорить, что тѣлеса — храмъ Духа. Надо полагать, что тѣлеса наши иначе суть удове Христовы и иначе храмъ Духа. Ибо Христось съ тѣломъ есть; Духъ же безтѣлесенъ. Потому, хотя непостижимо для насъ, какъ, — но тѣлу нашему возможно имѣть соотношеніе къ тѣлу Господню; съ Духомъ же Божіимъ тѣлу можно имѣть соотношеніе не прямо, а чрезъ духъ человѣка. Тѣло — жилище духа человѣческаго. Духъ Божій нисходитъ въ духъ человѣка и обитаетъ въ немъ, а чрезъ него и въ тѣлѣ. — *Егоче имате отъ Бога.* Христіане всѣ духоносцы. Въ миропомазаніи приѣмлють они печать дара Духа Святаго, и съ тѣхъ поръ помазаніе имуть отъ Святаго Духа. Это дѣлаеть ихъ и христіанами; въ этомъ обрученіе и наслѣдія царства небеснаго. Итакъ что же? Сказавши: *тѣлеса ваша удове Христовы суть*, онъ навелъ: *вземъ ли убо уды Христовы, сотворю уды блудниччи?* Но что же изъ того навести, что *тѣлеса наши храмъ Св. Духа суть?* Апостоль объ этомъ умалчиваетъ, давая то разумѣть самимъ читавшимъ и читающимъ его посланіе. Въ другихъ мѣстахъ онъ говорилъ: *не оскорбляй-*

те Духа Святаго, не угашайте Духа. Подобно сему разумѣется и здѣсь. Храмъ Духа Святаго—тѣлеса ваша: не оскверняйте же ихъ нечистыми похотьми и срамными дѣлами, духа же вашего нечистыми помыслами и пожеланіями, чтобы не отогнать Духа Божія чистѣйшаго. Ибо какъ дымъ пчель, такъ эти нечистоты отгоняють Духа (Ѳеоф.).

И нѣсте свои: куплены бо есте цѣною. Это еще особое побужденіе къ бѣганію любодѣянія. Вы не свои, куплены. Слѣдовательно, не можете распорядиться собою, какъ ни захотите. Какъ рабы господамъ, такъ вы должны во всемъ быть покорны купившему васъ Владыкѣ, и изъ воли Его не выступать. Но Ему не угодно, чтобы вы любодѣйничали и тѣломъ своимъ помыкали, какъ вздумается. Оно Его, какъ и душа ваша. Св. Златоустъ говоритъ: „*нѣсте свои.* Это не только служить къ обличенію, но и побуждаетъ къ добродѣтели. Какъ, говорить, можешь ты дѣлать, что хочешь? Ты не властенъ надъ собою. Выражаясь: *нѣсте свои,* онъ не отнимаетъ свободы, но отклоняетъ отъ порока и показываетъ попеченіе о насъ Господа. Онъ хочетъ утвердить насъ, чтобы мы не грѣшили и не слѣдовали порочнымъ похотямъ души. У насъ много бываетъ порочныхъ пожеланій, но мы должны воздерживаться, потому что мы не свои, а *куплены цѣною.* Онъ напоминаетъ о величій благодѣянія и образъ нашего спасенія, показывая, что мы искуплены тогда, когда были чуждыми Ему, и не просто, но *цѣною.*“ Очевидно, цѣною крови Единороднаго Сына Божія. „За васъ излита Владычняя кровь; подъ Нимъ и состоите, и должны жить по Его законамъ“ (Ѳеод.). „Такъ дорого искуплены вы изъ области сатаны; не бросайтесь же опять въ нее чрезъ любодѣяніе“ (Экум.).

в).

Ст. 20. *Прославите убо Бога въ тѣлесѣхъ вашихъ и въ душахъ вашихъ, яже суть Божія.*

Это прямо выходитъ изъ того, что куплены и стали храмомъ Духа. Но по содержанию есть заключеніе всего сказаннаго противъ страстной и плотоугодливой жизни. Не дѣлай ничего, что въ сихъ пунктахъ обличено, а дѣлай противоположное тому, и прославишь Бога и духомъ и тѣломъ. Кто трезвъ, цѣломудръ, воздерженъ, трудолюбивъ и готовъ на всякаго рода дѣла, тѣломъ совершаемыя во исполненіе заповѣдей, тотъ прославляетъ Бога въ тѣлѣ своемъ. Кто всегда помнитъ Бога и прославляетъ великое Его благодѣяніе, въ искупленіи насъ намъ явленное, кто сдѣлавшись причастникомъ Духа, духовное проходить жительство въ исполненіи заповѣдей Божіихъ и во всѣхъ подвигахъ богоугожденія, тотъ прославляетъ Бога въ духѣ своемъ. Когда будемъ таковы, тогда и черезъ насъ исполнится заповѣданное отъ Господа: *Тако да просвѣтитсѣ свѣтъ вашъ предъ чловѣки, яко да видятъ добрая дѣла ваша и прославятъ Отца вашего, Иже есть на небесѣхъ* (Мѣ. 5, 16). — „Какъ прославляютъ Его небеса, не звукъ издавая, но своимъ видомъ возбуждая удивленіе и располагая къ прославленію Создателя, такъ должны прославлять Его и мы, или даже еще болѣе. Ибо не столько небо, сколько святая душа прославляетъ Бога. — *Прославите убо*, говорить, *Бога*, т.-е. являйте Бога и въ тѣлѣ вашемъ, и въ духѣ, *яже суть Божія*. Божіими назвалъ ихъ не потому только, что Богъ сотворилъ ихъ, но и потому, что когда они сдѣлались чуждыми Ему, Онъ вторично пріобрѣлъ ихъ цѣною крови Сына Своего“ (св. Злат.). „Смотри, какъ онъ относитъ все ко Христу, какъ возводитъ насъ на небо. Вы, говорить, члены Христа,

вы—храмъ Духа; не будьте же членами блудницы; вы безчестите не свое тѣло; ибо тѣло ваше не ваше, а Христово. Этими словами показываетъ человѣколюбіе Христа, Который сдѣлалъ наше тѣло Своимъ, и вмѣстѣ пресѣкаетъ нашу порочную власть надъ нимъ. Если у васъ, говоритъ, тѣло не ваше, то вы не имѣете права безчестить его, другому принадлежащее, особенно когда оно принадлежитъ Господу, или осквернять храмъ Духа. Ибо если вошедшій въ домъ частнаго человѣка и произведшій въ немъ безчинство подвергается великому наказанію, то подумай, какому мученію подвергнется дѣлающій храмъ Царя вертепомъ разбойника. Представляя все сіе, стыдись живущаго въ тебѣ; это—Утѣшитель; страшись сочетавшагося съ тобою и усвоившаго тебя Себѣ; это—Христосъ. Не сдѣлалъ ли ты членомъ Христовымъ? Представляй это и будь цѣломудръ. Помысли, чьими были и чьими стали члены твои. Прежде они были членами блудницы, а Христосъ сдѣлалъ ихъ членами собственнаго тѣла. Посему ты уже не имѣешь власти надъ ними, а долженъ служить Тому, Кто освободилъ ихъ. Еслибы ты, имѣя дочь, по безумію продалъ ее содержателю блудницъ на блудодѣяніе, а сынъ царя, случившись при этомъ, освободилъ ее отъ такого рабства и взялъ себѣ въ супружество, то ты уже не былъ бы властенъ отдать ее въ безчестный домъ, послѣ того какъ однажды продалъ ее. То же и съ нами. Мы продали плоть свою діаволу, этому злему искусителю; а Христосъ, видя это, исхитилъ и освободилъ ее отъ злой власти его; посему она принадлежитъ уже не намъ, а Освободившему ее. Пользоваться ею, какъ невѣстою царя, никто тебѣ не препятствуетъ; если же будешь употреблять ее на прежнія дѣла, то потерпишь то, чтó слѣдуетъ терпѣть подобнымъ оскорбителямъ. Итакъ надобно украшать ее,

а не безчестить. Ты не имѣешь власти надъ плотію на удовлетвореніе порочныхъ пожеланій, а только на исполненіе заповѣдей Божіихъ. Помысли, отъ какого безчестія Богъ избавилъ ее“ (св. Злат.).

ТРЕТЬЕ ОТДѢЛЕНІЕ.

НАСТАВЛЕНІЯ О БРАКѢ И БЕЗБРАЧИИ

7, 1—40.

Съ седьмой главы св. Павелъ начинаетъ отвѣчать на посланіе къ нему Коринѣянь и рѣшаетъ разныя возникшія у нихъ недоумѣнія, давая имъ при этомъ наставленія о порядкахъ жизни христіанской.—На первомъ мѣстѣ стоятъ у него наставленія: 1) о бракѣ и 2) о безбрачій. „Исправивъ три весьма важные недостатка, во первыхъ раздѣленіе церкви, во вторыхъ пороки кровосмѣсника, и въ третьихъ корыстолюбца (тяжбы), Апостоль говоритъ теперь болѣе кротко,—и сначала предлагаетъ наставленіе и совѣтъ относительно брака и дѣвства“ (св. Злат.).

1.

Излагая ученіе о бракѣ, Апостоль а) сначала постановляетъ общій о немъ законъ; потомъ даетъ б) наставленія объ употребленіи брачнаго ложа; в) совѣтъ безбрачнымъ и вдовицамъ; г) и урокъ о нерасторжимости брака.

а).

Общій законъ — о бракѣ

7, 1. 2.

Коротко, онъ вотъ въ чемъ: лучше быть безбрачными, но для избѣжанія блуда брачьтесь.

Ст. 1. *А о нихже писасте ми, добро чловѣку женѣ не прикасатися.*

А о нихже писасте ми: конца рѣчи нѣтъ: дополнить надо: вотъ что скажу, или вотъ мой отвѣтъ! — „Апостоль ясно даетъ видѣть, что пишетъ отвѣты на то, о чемъ ими были предложены вопросы“ (Феод.). — *Добро чловѣку женѣ не прикасатися:* совсѣмъ не прикасаться, слѣд. и въ бракъ не вступать. Думать, что это Апостоль говоритъ состоящимъ въ бракѣ, въ той мысли, что хорошо бы мужу съ женою жить, какъ брату съ сестрою, не позволяють слѣдующія за симъ слова, гдѣ въ противоположность этому мѣсту говорится: мужчина пусть имѣетъ жену, а женщина мужа. Св. Златоустъ на это именно мѣсто о неприкосновеніи къ женѣ говоритъ: „Если ты ищешь блага самаго высшаго, то лучше совершенно не сочетаваться съ женщиною; если же ищешь состоянія безопаснаго и сообразнаго съ твоею немощію, то вступай въ бракъ.“ Также понимаетъ мысль Апостола и Теофилактъ: „Превосходное дѣло всякому чловѣку (а не одному іерею, какъ нѣкоторые неправо толкуютъ) — совсѣмъ не касаться жены, но дѣвствовать; для немощныхъ же безопаснѣе бракъ.“

Ст. 2. *Но блудодѣянїя ради кїйждо свою жену да имать, и каяждо жена своего мужа да имать.*

Имѣть жену, имѣть мужа значить жениться и замужъ выходить, т.-е. вступать въ бракъ; а не то, чтобъ имѣть общеніе вступившимъ уже въ бракъ. Апостоль говоритъ: всякій слабый мужчина пусть женится, и всякая слабая женщина пусть замужъ выходить. Чего ради? *Блудодѣянїя ради,* — чтобъ не падать въ блудъ, отъ невоздержанїя. Бракъ имѣетъ и другія цѣли; но Апостоль выставляетъ на видъ опасную для нравственности сторону безбрачїя. Лучше, говорить, быть сво-

бодну отъ брака, но кто не можетъ выдержать, какъ должно, сего состоянія, лучше брачься. Два состоянія вводитъ онъ въ христіанство. Въ томъ и другомъ можно угождать Богу и спасаться; но въ первомъ это дѣлать удобнѣе, во второмъ—менѣе удобно. Можно къ сему прибавить, что брачному нельзя дойти до такого совершенства духовнаго, какъ безбрачному. Бракъ - для немощныхъ. Немошь эта тѣлесная и духовная. Есть сложенія тѣла, болѣе располагающія къ похотливости, и есть сложенія болѣе трезвенныя (холодныя); равно есть духъ ревности сильный, и есть ревность слабая. Сильно ревнующій о спасеніи духа и естество преодо- лѣетъ, при благодати Божіей, подающей и ревность ту, а мало ревностный и съ трезвеннымъ сложеніемъ не сладитъ.—Предлежитъ выборъ благоразумію и самопо- знанію.—Иные хотятъ изъ словъ Апостола вывести обя- зательность брака; но можно вывести и противное. если предоставимъ рѣшать дѣло своимъ соображеніямъ. Остановимся лучше вниманіемъ на томъ внушеніи, какое даетъ св. Павелъ здѣсь брачнымъ. „Самою причиною дозволенія брака онъ побуждаетъ брачныхъ къ воздер- жанію“ (св. Злат.). „Если блудодѣянія ради допускается бракъ, то брачные не должны необузданно сходитья, но держать себя въ возможной трезвенности“ (Феоф.). Животныя, дѣйствующія по инстинкту, однажды въ годъ испытываютъ возбужденія, ради которыхъ для людей устанавливается бракъ.

б).

Советъ объ употребленіи брачнаго ложа

7, 3—6.

Ст. 3. *Женъ мужъ должную любовь да воздастъ: та-
кожде и жена мужу.*

Должную любовь—*οφειλομενη ευνοια*—можно и такъ: должную вѣрность: ибо *ευνοια*—собственно благоуміе; каждое изъ брачныхъ лицъ пусть держитъ тотъ благой умъ, чтобъ не знать сторонняго. Въ иныхъ рукописяхъ вмѣсто означеннаго слова стоитъ *οφειλην*—долгъ, разумѣя брачный долгъ, т.-е. вѣрность. Такъ стоитъ въ Синайской и Ватиканской рукописи. Такъ читалъ кажется и св. Златоустъ. Мысль Апостола та, чтобъ мужъ и жена сохраняли взаимную вѣрность, по добродружью къ другу расположенію. Бл. Теодоритъ выясняетъ ее такъ: „Апостоль узаконяетъ сіе о цѣломудріи (супружескомъ,—вѣрности), повелѣвая и мужу и женѣ равно нести супружеское иго (Экум. *κτισιν*—вѣрность), и не смотрѣть на стороны, не расторгать узъ, но питать другъ къ другу должную любовь. Онъ прежде далъ сей законъ мужу, потому что мужъ глава женѣ. Человѣческіе законы женамъ предписываютъ быть цѣломудренными (вѣрными) и наказываютъ нарушающихъ сей законъ, а отъ мужей не требуютъ равнаго цѣломудрія (вѣрности); потому что мужи, какъ постановители законовъ, не заботились о равенствѣ, но оказали послабленіе себѣ самимъ. Божественный же Апостоль, вдохновенный Божіею благодатію, мужьямъ первымъ предписываетъ закономъ цѣломудріе (вѣрность). А поелику случалось, что или мужья или жены, возлюбивъ воздержаніе, и безъ соизволенія на то живущихъ съ ними въ супружествѣ, удерживались отъ брачнаго общенія; то какъ и слѣдовало, даетъ повелѣніе и о семь.“

Ст. 4. *Жены своимъ тѣломъ не владѣтъ, но мужъ; также и мужъ своимъ тѣломъ не владѣтъ, но жены.*

„Поелику супружескій законъ содѣлалъ ихъ одною плотию, то Апостоль справедливо тѣло жены назвалъ принадлежащимъ мужу, а также и тѣло мужа—состоящимъ подъ властію жены. Но здѣсь женамъ первымъ изрекъ

законъ; потому что у женъ большею частію, преимущественно предъ мужьями, въ обычаѣ любить воздержаніе“ (Феод.). „Жена, говоритъ, не властна надъ своимъ тѣломъ, но есть раба и вмѣстѣ госпожа мужа. Тоже и мужу говоритъ, показывая, что ни одинъ изъ супруговъ не властенъ надъ собою, но что они рабы другъ другу. Посему когда ты видишь, что блудница искушаетъ тебя, то скажи: мое тѣло принадлежитъ не мнѣ, а женѣ. Тоже пусть говоритъ и жена, когда кто сталь бы покушаться нарушить ея цѣломудріе: мое тѣло принадлежитъ не мнѣ, а мужу. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ Писанія отдается мужу большее преимущество; но здѣсь Апостоль приписываетъ обоимъ одинаковую власть, ни больше, ни меньше. Почему? Потому что здѣсь онъ говоритъ о цѣломудріи. Въ другихъ отношеніяхъ, говоритъ, мужъ пусть имѣетъ преимущество, а въ цѣломудріи нѣтъ; мужъ своимъ тѣломъ не владѣетъ, равно какъ и жена,—совершенное равенство, и никакого преимущества“ (св. Злат.).

Ст. 5. *Не лишайте себе другъ друга, точію по согласію до времени, да пребываете въ постъ и молитву: и пакы вкупу собирайтесь, да не искушаетъ васъ сатана неводержаніемъ вашимъ.*

„Что это значитъ? Жена не должна, говоритъ, воздерживаться противъ воли мужа, и мужъ не долженъ воздерживаться противъ воли жены. Почему? Потому, что отъ такого воздержанія происходитъ великое зло; отъ этого часто бывали прелюбодѣянія, блудодѣянія и домашнее разстройство. Ибо если иные, имѣя своихъ женъ, предаются прелюбодѣянію, то тѣмъ болѣе будутъ предаваться ему, если лишитъ ихъ этого утѣшенія. Хорошо сказалъ: *не лишайте себе; ибо воздерживаться одному противъ воли другаго, значитъ лишать, а по волѣ,—нѣтъ.* Такъ, если ты возьмешь у

меня что-нибудь съ моего согласія, это не будетъ для меня лишеніемъ; лишаетъ тотъ, кто беретъ противъ воли и насильно. Это дѣлаютъ многія жены, нарушая справедливость и тѣмъ подавая мужьямъ поводъ къ распутству и все приводя въ разстройство. Всему должно предпочитать единодушіе; оно всего важнѣе. Если хочешь, докажемъ это опытомъ. Пусть изъ двухъ супруговъ жена воздерживается, тогда какъ мужъ не хочетъ этого. Что будетъ? Не станетъ ли онъ тогда предаваться прелюбодѣянію, или, если не станетъ прелюбодѣйствовать, то не будетъ ли скорбѣть, безпокоиться, раздражаться, гнѣваться и причинять женѣ множество непріятностей? Какая польза отъ поста и воздержанія, когда нарушается любовь? Никакой. Сколько неизбежно произойдетъ отсюда огорченій, сколько хлопотъ, сколько раздоровъ! Если въ домѣ мужъ и жена не согласны между собою, то ихъ домъ не лучше обуреваемого волнами корабля, на которомъ кормчій не согласенъ съ правителемъ руля. Посему Апостоль и говоритъ: *не лишайте себе другъ друга, точію по согласію до времени, да пребываете въ постѣ и молитвѣ.* Здѣсь онъ разумѣетъ молитву, совершаемую съ особеннымъ тщаніемъ, ибо еслибы совокупляющимся онъ запрещалъ молиться, то какъ можно было бы исполнять заповѣдь о непрестанной молитвѣ? Слѣдовательно можно и съ женою совокупляться и молиться: но при воздержаніи молитва бываетъ совершеннѣе. Не просто сказалъ: *да молитесь*, но: *да пребываете въ молитвѣ*, потому что брачное дѣло только отвлекаетъ отъ этого, а не производитъ оскверненія. *И паки вкупу собирайтесь, да не искушаетъ васъ сатана.* Дабы не подумали, что это—законъ, присоединяетъ и причину. Какую? *Да не искушаетъ васъ сатана.* А дабы знали, что не діаволь только бываетъ виновникомъ

прелюбодѣнія, прибавляетъ: *невоздержаніемъ вашимъ*“ (св. Злат.) Заповѣдуетъ воздерживаться во время поста для усерднѣйшей молитвы: можетъ это идти ко всѣмъ церковнымъ постамъ, особенно же къ говнѣнію. Прекращать воздержаніе совѣтуетъ, — *да не искуситъ сатана*. Слѣдовательно, если нѣтъ опасности, то можно воздержаніе и продолжить. Видно, что Апостоль хотѣлъ бы, чтобы воздержаніе держали будто законъ, а сходились только уступая крайней необходимости, которая опредѣляется не пожеланіями, а естествомъ и даже не естествомъ, а благоразуміемъ.

Ст. 6. *Сіе же глаголю по совѣту, а не по повелѣнію.*

Что въ извѣстныя времена должно воздерживаться супругамъ, это есть законъ и естества. Къ этому прилагаетъ свое требованіе и законъ богоугожденія. Но какъ все сіе уладить и упорядочить, этого предписаніями опредѣлить нельзя. Оставляется это взаимному согласію и благоразумію супруговъ.—*По совѣту*: какъ совѣтъ, предлагаю въ качествѣ совѣта: *не по повелѣнію*, не какъ повелѣніе даю; слово мое не имѣетъ силы предписанія закона.

в).

Совѣтъ безбрачнымъ и вдовицамъ

7, 7—9.

Ст. 7. *Хочу бо, да вси чловѣцы будутъ, якоже и азъ: но кійждо свое дарованіе иматъ отъ Бога, овъ зубо сице, овъ же сице.*

Намѣреваясь предложить нѣчто трудное и не легко исполнимое, онъ выставляетъ себя въ примѣръ, какъ начоловодя въ преодолѣніи трудностей. *Хочу*, изъ желанія всѣмъ добра существеннаго, *да вси чловѣцы будутъ, якоже азъ*, — т.-е. безбрачными; потому что

это лучший путь къ христіанскому совершенству, безмятежной жизни, къ безпрепятственному приступанію къ Господу. Примѣръ сильнѣе одного ученія, какъ оно ни будь убѣдительно. Апостоль это и дѣлаетъ: предлагаетъ на выборъ лучшее, и чтобы расположить къ избранію его, „представляетъ себя въ образецъ, будучи вынужденъ открыть намъ богатство собственной своей чистоты“ (Феод.). Онъ говоритъ: не угодно ли кому идти этимъ путемъ? — Идите, не отговариваясь невозможностію: ибо вотъ я иду же. — Очень желалъ бы я, чтобы всѣ вы были какъ я. *Но кійждо свое дарованіе имать отъ Бога, овъ убо сице, овъ же сице.* Желалъ бы, но не принуждаю. А всякій самъ смотри, какъ лучше. Всякому свое дарованіе отъ Бога. Дарованіе здѣсь—не естественное расположеніе, а мѣра благодатнаго пробужденія и возбужденія духовной жизни, хотя не безъ отношенія ея къ естеству. У иного такъ возбужденъ и укрѣпленъ благодатію бываетъ духъ, что онъ заставляетъ сразу умолкнуть всѣмъ душевно-тѣлеснымъ требованіямъ; у другаго хотя сильно выдаются требованія духа, но и низшія потребности подають свой голосъ, и ему надлежитъ еще борьба, чтобы совсѣмъ предаться духовной жизни; у иного и то и другое не менѣе сильно, и ему остается только такъ устроиться, чтобы требованія духа стали на первомъ мѣстѣ и всѣмъ заправляли, допуская свою мѣру удовлетворенія и души съ тѣломъ. И вотъ вслѣдствіе этого тѣ двое живутъ безбрачно въ Богѣ, а этотъ въ супружествѣ ищетъ угодить Богу: *овъ сице, овъ же сице.* И послѣдній образъ жизни не заграждаетъ пути къ Богу. Блажен. Феодоритъ пишетъ: „Утѣшилъ Апостоль и живущихъ въ супружествѣ, назвавъ и бракъ дарованіемъ Божиимъ. вспомошествоуемый благодатію Божіею, человекъ и въ брачной жизни преуспѣваетъ въ

цѣломудріи (и всякой добродѣтели); благодать помогаетъ всѣмъ, которые приносятъ отъ себя доброе усердіе; ибо сказано: *просите и дастся вамъ, ищите и обрящете.*“

Ст. 8. *Глаголю же безбрачнымъ и вдовицамъ: добромъ имъ есть, аще пребудутъ, якоже и азъ.*

„Постановивъ приличные законы живущимъ въ супружествѣ, Апостоль пишетъ, что надлежало дѣлать тѣмъ, которые не пріяли на себя супружескаго ига, или и пріяли, но потомъ узы сіи расторгнуты смертію, и оплакиваютъ они вдовство“ (Феод.). Т.-е. *безбрачнымъ и вдовицамъ*. Иные говорятъ, что въ соотвѣтствіе вдовицамъ подъ *безбрачными* должно разумѣть вдовцовъ. Не лучше ли при безбрачныхъ мужчинахъ доразумѣвать и безбрачныхъ женщинъ, а при вдовицахъ и вдовцовъ? Цѣль рѣчи Апостола сказать наставленіе тѣмъ, кои вѣ супружескаго союза состоятъ, послѣ того какъ сказалъ состоящимъ въ немъ; а такихъ два класса: одни совсѣмъ не брачались, а другіе овдовѣли послѣ брака.—Что же онъ говоритъ имъ? Хорошо пребыть имъ, какъ я,—т.-е. однимъ совсѣмъ не брачаться, а другимъ не вступать въ бракъ послѣ вдовства. „Апостоль опять даетъ видѣть, что онъ изъ числа не вступившихъ въ бракъ; ибо не было причины включать себя въ число вдовцевъ тому, кто былъ еще юношею, когда сподобился призванія (къ Апостольству). Никто да не подумаетъ, что онъ узаконяетъ безбрачную жизнь мужамъ и воздержаніе послѣ брака однимъ женамъ. Ибо тому и другому онъ обучаетъ и тотъ и другой полъ“ (Феод.).

Ст. 9. *Аще ли не удержатся, да посягаютъ: лучше бо есть женитися, нежели разживитися.*

„Апостоль разженіемъ называетъ не временныя возстанія похоти, но порабощеніе души и преклонность

ея къ худшему. Сказанное же имъ значить: и вамъ непричастнымъ брачнаго общенія, и вамъ сочетавшимся, но потомъ разрѣшеннымъ отъ брачныхъ узъ смертію, лучше предпочесть воздержаніе. Но если не можете сносить прираженій похоти, и душа наша немощна для сего подвига, потому что нѣтъ въ ней пламеннаго усердія къ доброму, то никакой законъ не возбраняетъ вамъ вступать въ бракъ“ (Ѳеод.).

„Видишь ли благоразуміе Павла, какъ онъ и показываетъ превосходство воздержанія, и не даетъ принужденія тому, кто не можетъ воздержаться, дабы не произошло какого-нибудь грѣха? *Лучше бо есть женитися, нежели разжизатися.* Выражаетъ, какъ велика сила похоти. А смыслъ словъ его слѣдующій: если ты чувствуешь сильное влеченіе и разженіе, то избавь себя отъ ига воздержанія, чтобы тебѣ не развратиться“ (св. Злат.).

г).

Наставленіе брачнымъ — не расторгать брака, аа) оба ли они изъ вѣрующихъ (10—12), или бб) одна половина изъ невѣрующихъ (12—24)

аа).

Ст. 10. 11. *А оженившимся завѣщаваю не азъ, но Господь, жена отъ мужа не разлучатся: аще ли же и разлучится, да пребываетъ безбрачна, или да смирится съ мужемъ своимъ: и мужу жены не отпущати.*

„Намѣреваясь повторить заповѣдь, ясно предписанную Господомъ, касательно того, что не должно разводиться съ женой, развѣ въ случаѣ прелюбодѣянія, говоритъ: *завѣщаваю не азъ.* Ибо сказанное выше не было ясно высказано Господомъ, хотя оно и согласно съ Его ученіемъ; а это Онъ изложилъ ясно; таково

различіе выраженій: *азъ* и *не азъ*. Не принимай однакоже и словъ Апостола за человѣческія, ибо онъ говоритъ: *мнося бо и азъ Духа Божія имѣти* (—40 ст.)“ (св. Злат.). Въ чемъ же заповѣдь? *Женъ отъ мужа не разлучатися, и мужу жены не отпущати*. Господь мужей преимущественно имѣлъ въ виду, заповѣдую имъ *не отпущать женъ развѣ словесе любодѣйна* (Мѡ. 5, 32). А Апостоль эту заповѣдь наипаче обращаетъ къ женамъ. Вѣрно въ Коринѣ женщины пользовались большими правами, а мужа давали себѣ большую свободу. Послѣднихъ онъ уже довольно остепенилъ строгимъ судомъ надъ кровосмѣшникомъ, примѣнивъ потомъ строгость сію и ко всѣмъ блудникамъ и прелюбодѣямъ. Теперь смиряетъ женъ, чтобы не быстро приступали къ разлученіямъ. Почему говоритъ: *еще разлучится жена, да пребываетъ безбрачна, или да смирится съ мужемъ своимъ*, — смирится — помирится. Онъ не поминаетъ о причинахъ разлученія, слѣд. какая бы ни была причина. Это сказалъ онъ къ одной женѣ; но какъ во всей рѣчи его мужъ и жена у него во всемъ идутъ въ равенствѣ, то надо полагать, что это ограниченіе относится также и къ мужу, т.-е. что и онъ если оставляетъ жену, пусть остается безбрачнымъ, или да смирится съ женою. Блаж. Феодоритъ пишетъ: „Апостоль старается сохранить брачныя узы не расторгаемыми. Ибо предписывая разлучающемуся воздержаніе, тѣмъ самымъ удерживаетъ отъ расторженія брака. Воспрещая сочетаваться съ другимъ, понуждаетъ ту и другую сторону возвратиться къ прежнему браку.“ Ограничиваетъ ихъ свободу, чтобы они, хотя бы и были причины къ разлученію, охотнѣе употребляли всѣ средства къ примиренію, нежели спѣшили разводомъ. Тутъ не исключается и слово любодѣйное, разумѣется подъ условіемъ искренняго раскаянія со

стороны согрѣшившей. Что въ первое время это дѣло такъ понималось, можно заключить изъ словъ Ермы, который въ заповѣди 4 глав. говоритъ, что если мужъ, зная, что жена невѣрна, остается съ нею, то грѣшитъ; но равно грѣшитъ и если не приметъ ее, когда она раскаивается и даетъ слово быть вѣрной.

66).

Давая наставленія брачнымъ, изъ коихъ одна сторона принадлежитъ къ невѣрнымъ, Апостоль и при такихъ бракахъ, а) вѣрующимъ совѣтуетъ не разлучаться, если сочетанные съ ними невѣрные того желаютъ—12 - 16; а чтобъ расположить ихъ къ этому, изображаетъ, б) какъ онъ всѣхъ вездѣ учитъ оставаться въ томъ состояніи, въ какомъ кто бываетъ призванъ къ вѣрѣ, 17—24. Эта послѣдняя рѣчь будто сторонняя; но она прямо вела къ цѣли, т.-е. располагала дѣйствовать, какъ совѣтоваль Апостоль.

а).

Ст. 12. 13. *Прочимъ же азъ глаголю, а не Господь: аще который братъ жену имать невѣрну, и та благоволитъ жити съ нимъ, да не оставляетъ ея; и жена аще имать мужа невѣрна, и той благоволитъ жити съ нею, да не оставляетъ его.*

„Сіе: азъ глаголю, значить: не нашель я, чтобы законъ сей написанъ былъ въ священномъ Евангеліи (преданъ былъ отъ Господа), но постановляю оный теперь. А что законы Апостольскіе суть законы Владыки Христа, сіе явно для свѣдущихъ въ божественномъ. Ибо Апостоломъ сказано: *понеже искушенія ищете глаголющаго во мнѣ Христа* (2 Кор. 13, 3); и: *не азъ, но благодать, яже со мною* (1 Кор. 15, 10); и

еще: *благодатно давшееся мнѣ* (Римл. 12, 3). Такъ и здѣсь даетъ законъ, потому что вѣщаетъ чрезъ него Святый Духъ“ (Θеод.).

Въ чемъ же существо узаконенія? „Если, говоритъ, жена имѣетъ мужа невѣрнаго, или мужъ жену невѣрную, то они не должны оставлять другъ друга“ (св. Злат.). „Не узаконяетъ братъ жену невѣрующую, и не повелѣваетъ женѣ вѣрующей сочетаваться съ мужемъ невѣрующимъ, но даетъ правила для сочетавшихся прежде пріятія проповѣди. Ибо случилось, что мужъ увѣруетъ, а жена остается въ невѣріи, и обратно: жена пріемлетъ проповѣдь, а мужъ пребываетъ въ недугѣ невѣрія. И Апостоль повелѣваетъ здравому переносить немощъ пребывающаго съ нимъ въ супружествѣ, заботясь о спасеніи его“ (Θеод.).

Ст. 14. *Святится бо мужъ невѣренъ, о женѣ вѣрнѣ, и святится жена невѣрна, о мужи вѣрнѣ: иначе бо чада ваша нечиста были бы, нынѣ же свята суть.*

Это мѣсто не совсѣмъ понятно. Какъ святятся невѣрные супруги ради вѣрныхъ? Благодатнаго освященія конечно разумѣть здѣсь нельзя; ибо къ сему освященію одинъ путь — вѣра и принятіе таинствъ крещенія и миропомазанія. Невѣрный мужъ и невѣрная жена, желая жить съ вѣрною женою и съ вѣрнымъ мужемъ, не смотря на вѣру во Христа Господа, хотя показываютъ скрытное благорасположеніе, или благовольтельное снисхожденіе къ сей вѣрѣ, но въ этомъ можно предполагать только зародышъ будущей личной вѣры и вслѣдствіе ея имѣющаго быть освященія, но не самое освященіе. Какъ же понять: *святится*? Надо понимать: святится мужъ, яко мужъ, и жена, яко жена, т.-е. въ брачномъ отношеніи. Иначе сказать: бракъ твой, вѣрная жена, съ мужемъ невѣрнымъ, не превратился въ незаконное сожителство отъ того, что

ты увѣровала; напротивъ, твое увѣрованіе осватило сей бракъ (святится—*ἁγιασται* осватился уже) и мужа твоего въ брачномъ отношеніи. Тоже да содержитъ въ умѣ и мужъ вѣрный, у котораго жена остается невѣрною. Цѣль у Апостола успокоить смущеніе совѣсти отъ непониманія, какъ поступать, и та еще, чтобъ предотвратить раздѣленія и распаденія семействъ, mogućія много надѣлать шума и вредно повліять на дѣло проповѣди, и особенно та, что коль скоро мужъ и жена невѣрные не отвращаются отъ жены и мужа вѣрныхъ, то есть надежда, что и они современемъ обратятся, какъ ниже онъ говоритъ о семъ прямо.

Св. Златоустъ говоритъ: „такъ сказалъ Апостоль для того, дабы жена (вѣрная) не опасалась сдѣлаться нечистою отъ сожитія съ такимъ мужемъ (невѣрнымъ, и обратно). Напротивъ чистота жены вѣрной превозмогаетъ нечистоту мужа невѣрнаго, равно какъ и чистота вѣрнаго мужа превозмогаетъ нечистоту невѣрной жены. Идолослужитель нечистъ; но жена его отъ этого не нечиста. Еслибъ она участвовала съ нимъ въ томъ, въ чемъ онъ нечистъ, т.-е. въ нечестіи, то и сама стала бы нечистою; а теперь въ иномъ нечистъ идолослужитель, а въ иномъ участвуетъ съ нимъ жена, въ чемъ онъ не нечистъ; ибо въ бракѣ и совокупленіи они взаимно участвуютъ. Притомъ здѣсь есть надежда, что жена невѣрнаго обратитъ его; ибо она для него своя. Притомъ съ невѣрнымъ она живетъ не просто, а по его желанію. Итакъ, есть ли, скажи мнѣ, какой вредъ отъ того, что они остаются въ соединеніи, когда и благочестіе сохраняется въ цѣлости и остается благая надежда на обращеніе невѣрнаго и избѣгаются поводы къ напраснымъ ссорамъ? *Святится мужъ невѣренъ.* Какъ, неужели язычникъ святъ? Нѣтъ онъ не сказалъ: святъ, но *святится о женѣ*, сказалъ это не для того, чтобы

признать язычника святымъ, а для того, чтобы какъ можно болѣе успокоить жену и въ мужѣ возбудить желаніе истины. Нечистота заключается не въ тѣлахъ сочетавшихся, а въ произволеніи и помыслахъ.“ Теодоритъ полагаетъ, что въ видахъ успокоенія совѣсти и сохраненія мира семейнаго. „Апостоль употребилъ усиленный образъ рѣчи, убѣждая не оставлять сожительства.“ Въ подобномъ же смыслѣ и дѣти отъ таковыхъ браковъ святы. Не въ томъ смыслѣ святы, какъ святы христіане, ибо дѣти и отъ христіанъ освященныхъ рождаются въ такомъ состояніи, что требуютъ освященія таинствами, — но въ томъ, что не суть нечистыя, незаконнорожденныя, непотребныя дѣти. Св. Златоустъ говоритъ: „*святы*, т.-е. не нечисты. Называетъ ихъ святыми для того, чтобы такимъ названіемъ еще сильнѣе отогнать опасеніе супруговъ.“

Ст. 15. *Аще ли невѣрный отлучается, да разлучится. Не работися бо братъ или сестра въ таковыхъ: въ миръ бо призва насъ Господь Богъ.*

Какъ идоложертвенное ѣсть, при здоровомъ понятіи, что идолъ ничтоже есть и не можетъ имѣть никакого вліянія на свойство пищи, не дѣлаетъ нечестивымъ ядущаго, ибо нечестіе въ признаніи идола чѣмъ либо: такъ и жить съ невѣрнымъ въ брачномъ общеніи не дѣлаетъ нечистымъ, какъ дѣлаютъ нечистымъ блудъ и прелюбодѣяніе. Естественное дѣло сожительства само по себѣ ничего не имѣетъ нечистаго: нечистымъ дѣлаютъ это въ блудникахъ и прелюбодѣяхъ похотныя пожеланія. Посему Апостоль и повелѣлъ жить спокойно въ брачномъ союзѣ съ невѣрными. Но узаконилъ это не безусловно, а подъ условіемъ согласія невѣрующаго лица. Коль же скоро этого согласія нѣтъ, т.-е. если невѣрный мужъ не хочетъ жить съ женою вѣрною, а предлагаетъ ей или возвратиться къ прежнему нечестію, или

оставить его, то очевидно, что должно оставить такого мужа: ибо о томъ, чтобъ измѣнить вѣрѣ и думать не слѣдуетъ, а оставаться съ мужемъ при вѣрѣ, наперекоръ ему, значило бы вводить намѣренно разладъ и ссоры въ семью. Итакъ, говорить: мира ради оставляйте таковыхъ мужей и женъ; въ такомъ случаѣ вы свободны отъ ига брачнаго, не подработны ему. „Сторона вѣрующая, говоритъ Апостоль, да не подастъ повода къ разлученію; а если сторона болящая захочетъ разойтись, ты невиновенъ и свободенъ отъ обвиненія“ (Θеод.). „Если невѣрный повелѣваетъ тебѣ приносить жертвы и участвовать въ его нечестіи по праву супружества, или же оставить его, то лучше оставить бракъ, нежели благочестіе. Если невѣрный ежедневно оскорбляетъ и заводитъ ссоры, то лучше разлучиться: *въ миръ бо призва насъ Господь Богъ*. Невѣрный самъ подаетъ къ этому поводъ“ (св. Злат.).

Но какъ же *въ миръ призва Господь*, когда самъ Господь говоритъ: *не придохъ во вѣрещи миръ на землю* (Ме. 10, 34)? „Сказанное Апостоломъ не противорѣчитъ ученію Господню, но объясняетъ его. Ибо, говорить, спасительная проповѣдь не смятеніе вводитъ въ жизнь, а напротивъ того домогается паче истиннаго и боголюбиваго мира. Расторгаетъ сперва худое согласіе (въ нечестіи), и разногласіемъ достигаетъ похвальнаго единомыслія. Ибо пріявшіе божественную проповѣдь, ставъ учителями невѣрныхъ, производили сверхъ чаянія чудный переворотъ, и разъединившіяся семейства приводили въ достолюбезное согласіе. Это и выражаетъ Апостоль тотчасъ“ (Θеодор.):

Ст. 16. *Что бо въси, жено, аще мужа спасеши? Или что въси, мужу, аще жену спасеши?*

„Если мужъ не беспокоитъ тебя, то оставайся, говорить, съ нимъ; отъ этого можетъ быть и польза;

оставайся и увѣщавай, совѣтуй, убѣждай: никакой учитель не можетъ убѣдить такъ, какъ жена. Впрочемъ Апостоль не принуждаетъ ее и не требуетъ этого отъ нея непременно, дабы опять не возложить на нее слишкомъ тяжелаго бремени; совѣтуетъ не отчаяваться и оставляетъ это подъ сомнѣніемъ, по неизвѣстности будущаго“ (св. Злат.). „Съ доброю надеждою, говоритъ, прими на себя трудъ; помощникомъ усердію имѣешь Бога“ (Ѳеод.). Дѣло обращенія къ вѣрѣ благодать совершаетъ; а какъ? — это тайна. Орудій у ней много, но чрезъ какое пройдетъ въ душу грѣшную или невѣрную, и пройдетъ ли, никто опредѣлить того не можетъ. Ибо тутъ привходитъ съ своими правами и свобода, которой уклоненія неопредѣлимы, но съ которою соображается вся во всѣхъ во благо дѣйствующій Богъ. Оттого и говоритъ Апостоль: *что бо вѣси, жено, что бо вѣси, мужу?*

3).

Чтобъ еще болѣе успокоить въ этомъ отношеніи Коринтянъ, Апостоль объявляетъ имъ, что онъ никому нигдѣ не велитъ перемѣнять внѣшняго своего состоянія, въ которомъ призванъ къ вѣрѣ, а заповѣдуетъ оставаться въ немъ. Мысль имъ приводимая та, что внѣшнее въ дѣлѣ спасенія ничего не значитъ; здѣсь все зависитъ отъ вѣры и благодати, созидающей духъ вѣры ради. Можно быть въ самомъ низкомъ состояніи и самымъ высокимъ въ духѣ, и самымъ высокимъ по состоянію и самымъ ничтожнымъ въ духѣ. Такъ, говоритъ, на внѣшнее не смотрите; пусть оно какъ было, такъ и будетъ. „Все это ничего не значитъ для вѣры, посему не спорь и не смущайся; вѣра выше всего этого. Каждый въ какомъ призванъ званіи, въ томъ и оставайся. Призванъ ли ты въ супружествѣ съ женою не-

вѣрною? оставайся съ нею, не изгоняй жены изъ-за вѣры. Призванъ ли рабомъ? Не печалься и оставайся рабомъ. Призванъ ли необрѣзаннымъ? Оставайся необрѣзаннымъ. Увѣровалъ ли, будучи обрѣзаннымъ? Оставайся обрѣзаннымъ. Все это не служитъ препятствіемъ благочестію. Ты призванъ въ состояніи раба, другой въ супружествѣ съ невѣрною, иной въ обрѣзаніи“ (св. Злат.). Всѣмъ равно открытъ путь спасенія и всѣ сокровища благодати.

Ст. 17. *Точію коемуждо якоже раздѣлилъ есть Богъ, кійждо якоже призванъ бысть Господемъ, тако да ходитъ: и тако во всѣхъ церквахъ повелѣваю.*

Точію, — ἐν μὴ, — если не, если нѣтъ. Убѣждаю васъ не разлучаться, въ надеждѣ, что можетъ быть невѣрная сторона увѣруетъ и обратится къ Господу. Но если и не будетъ этого, или если и нельзя питать такой надежды, все же не разлучайтесь, покоряясь тому закону, что надобно жить въ той долѣ, какую Богъ далъ, въ томъ состояніи, въ какомъ кто призванъ. Чтобы понятнѣе былъ строй этого текста, *такъ да ходитъ* надо поставить впереди: *такъ да ходитъ, якоже коемуждо раздѣлилъ есть Богъ, — раздѣлилъ, ἐμερίσεν*, отмѣрилъ часть или долю, — *и якоже кійждо призванъ бысть Господемъ*, въ какомъ т.-е. состояніи призванъ. *Такъ да ходитъ*, такъ и живи, не рвись изъ него, оставайся въ немъ. „Одинъ Богъ знаетъ, что кому полезно, и что лучше, — то ли, чтобы вѣрный съ самаго начала былъ сочетанъ бракомъ съ невѣрною, или то, чтобъ съ вѣрною. Иногда лучше вѣрному быть сочетану и жить съ вѣрною, а иногда съ невѣрною. Это оправдывалось и дѣломъ. Но причинъ этого никто не можетъ знать кромѣ Бога, такъ устроившаго и раздѣлившаго доли, и кромѣ Господа, призвавшаго въ томъ или другомъ состояніи. Если же Богъ и Господь устроилъ и распредѣлил та-

кія сочетанія судя по тому, какъ кому полезнѣе, то вѣрный, оказавшись сочетаннымъ съ невѣрною, не долженъ тяготиться тѣмъ, или искать разрѣшенія и свободы; но какъ кто призванъ, въ томъ и пребывать, и такую жизнь жить“ (Экум.). Экуменій свое объясненіе изреченія Апостольскаго примѣнилъ только къ браку вѣрнаго съ невѣрною и обратно; но что онъ сказалъ въ отношеніи къ нимъ, то можно приложить ко всѣмъ другимъ состояніямъ. Положеніе у Апостола общее, хотя изречено по частному случаю.

Тако во всѣхъ церквахъ повелѣваю... Не у васъ однихъ такіе завожу порядки, но вездѣ тоже. „Это сказалъ онъ для того, чтобъ они узнавъ, что имѣютъ и другихъ общниками подобнаго порядка жизни, тѣмъ усерднѣе расположились къ покорности постановленію Апостола“ (Феоф.).

Ст. 18. *Во обрѣзаніи ли кто призванъ бысть, да не отторгнется; въ необрѣзаніи ли кто призванъ бысть, да не обрѣзывается.*

Выставляетъ примѣры, какъ именно онъ вездѣ повелѣваетъ, и вмѣстѣ поясняетъ, что значить, въ чемъ кто призванъ, въ томъ и пребывай. Только два случая приводитъ: обрѣзаніе и необрѣзаніе, и рабство и свободу. Вѣрно, ихъ коснуться поучительно было для Коринѣянъ.

Да не отторгнется, — μη ἐκτινάσθω. Слово это наводитъ на мысль объ искусственномъ возстановленіи обрѣзанной части, послѣ котораго обрѣзаніе незамѣтно, и обрѣзанный дѣлается будто и не былъ обрѣзанъ. Въ славянскомъ нашемъ переводѣ и дѣлается замѣчаніе: *да не творитъ себѣ необрѣзанія*. Фотій у Экуменія приводитъ замѣчаніе св. Епифанія, что можно какими-то врачебными средствами обрѣзаннаго сдѣлать необрѣзаннымъ. Другіе передаютъ, будто въ гоненіе Антиоха

многіе евреи пользовались этими средствами для прикрытія своего еврейства. Догадываются, что и нѣкоторые изъ увѣровавшихъ евреевъ дѣлали тоже, кто изъ ревности, чтобъ и слѣдовъ не оставалось іудейства, кто по другому чему. Ихъ имѣя въ виду, будто и св. Павелъ написалъ: не дѣлайте этого; напрасный трудъ; и обрѣзаніе и необрѣзаніе — ничто въ дѣлѣ спасенія. Можетъ быть и такъ было.

Зачѣмъ говорить: *необрѣзанный да не обрѣзывается?* Ужели были такіе, которые, бывъ призваны необрѣзанными, обрѣзывались? Вѣрно — бывали. Ихъ доводили до этого толки іудействующихъ. Теофилактъ пишетъ: „нѣкоторые напротивъ, увлекаясь кажущоюся преславною обрѣзанія, обрѣзывались, по принятіи вѣры. Имъ и говоритъ св. Павелъ, что это ничего не прибавляетъ къ дѣлу вѣры и спасенія.“

О томъ и другомъ случаѣ поминаетъ Апостоль, или въ предотвращеніе, или въ обличеніе и исправленіе.

Ст. 19. *Обрѣзаніе ничтоже есть, и необрѣзаніе ничтоже есть, но соблюденіе заповѣдей Божиихъ.*

„Ни обрѣзаніе не пособствуетъ дѣлу спасенія, ни необрѣзаніе не вредитъ ему. Одно требуется — соблюденіе заповѣдей“ (Экум.). „И благо отъ исполненія заповѣдей вкушаютъ равно и обрѣзанные и необрѣзанные“ (Фотій у Экум.). Въ посланіи къ Римлянамъ Апостоль учитъ, что предъ Богомъ цѣнно обрѣзаніе сердца. Что здѣсь требуетъ, есть одно съ этимъ. Ибо обрѣзаніе сердца есть очищеніе его отъ страстей; а заповѣди направлены противъ страстей, такъ что исполняющій ихъ изгоняетъ страсти изъ сердца, или обрѣзываетъ его. Въ другомъ мѣстѣ обрѣзанію и необрѣзанію противопоставляетъ Апостоль вѣру, любовію споспѣшествующую, а то еще и благодать Святаго Духа. И это все совмѣщается въ исполненіи заповѣдей, какъ

средство необходимое. Вѣра приводитъ къ источникамъ благодати; напоившійся ею сильнымъ становится къ исполненію заповѣдей; а исполняя ихъ, доходитъ до чистоты сердечной или истиннаго его обрѣзанія; чистое же сердце пламенѣетъ любовію. Вотъ что нужно, а обрѣзаніе и необрѣзаніе—ничто, какъ и всякое другое внѣшнее состояніе или положеніе.

Ст. 20. *Кійждо въ званіи въ немже призванъ бысть, въ томъ да пребываетъ.*

Уже во второй разъ говорить это Апостоль; и еще разъ скажетъ въ концѣ сего отдѣленьица (ст. 24). Эту заповѣдь напечатлѣть въ умѣ и имѣлъ онъ въ виду; для того и примѣры приводитъ. „Какой родъ жизни имѣлъ ты, въ какомъ классѣ состоялъ, въ какомъ состояніи находился, когда увѣровалъ, въ томъ и оставайся. Призваніемъ называетъ онъ приведеніе къ вѣрѣ“ (Θеоф.).

Ст. 21. *Рабъ ли призванъ былъ еси, да не нерадиши, но аще и можеша свободенъ быти, больше поработи себе.*

Да не нерадиши, — μη σοι μελετω, — греки говорятъ: τί με μελει? какое мнѣ дѣло? И Апостоль хочетъ сказать: какое дѣло, что ты рабъ? И вниманія на это не обращай, и думать объ этомъ не думай (Фотій у Экум.). *Больше поработи себе*—μᾶλλον χρῆσαι, „лучше пользуйся рабствомъ“ (Фотій у Экум.), — лучше оставайся въ рабствѣ, и въ этомъ состояніи принявъ вѣру, и преуспѣвай въ ней.

Св. Златоустъ говорить на сіе мѣсто: „вотъ какъ онъ смотритъ на рабство. Какъ обрѣзаніе нисколько не приноситъ пользы и необрѣзаніе нисколько не вредитъ, такъ равно и рабство и свобода. Но дабы показать это какъ можно яснѣе, онъ говоритъ: *но аще и можеша свободенъ быти, больше поработи себе* (χρῆσαι), т.-е. тѣмъ болѣе служи. Для чего же онъ повелѣваетъ

оставаться рабомъ тому, кто можетъ сдѣлаться свободнымъ? Для того, чтобы показать, что рабство не только не вредитъ, но еще доставляетъ пользу. Знаю, что нѣкоторые утверждаютъ будто слова: *больше поработи себе*, сказаны о свободѣ, и объясняютъ ихъ такъ: если можешь сдѣлаться свободнымъ, то освободись. Но такая мысль была бы совершенно противна намѣренію Павла; утѣшая раба и доказывая ему, что рабство не причиняетъ никакого вреда, онъ не сталъ бы повелѣвать ему искать свободы; ибо тогда иной могъ бы сказать: а если я не могу сдѣлаться свободнымъ, то терплю униженіе и вредъ? Итакъ Павелъ не то разумѣетъ, а хочетъ показать, какъ я сказалъ прежде, что освобождающийся отъ рабства не получаетъ никакой пользы; хотя бы, говорить, въ твоей власти было сдѣлаться свободнымъ, ты лучше оставайся рабомъ.“ Феодоритъ пишетъ: „Благодать не знаетъ различія между рабствомъ и господствомъ. Посему не бѣгай рабства, будто недостойнаго вѣры; но если и возможно получить свободу, оставайся въ рабствѣ, и ожидай воздаянія. Убѣждаетъ не избѣгать рабства подъ предлогомъ благочестія.“

Ст. 22. *Призванный бо о Господѣ рабъ, свободникъ Господень есть; такожде и призванный свободникъ, рабъ есть Христовъ.*

Свободникъ, — απελευθερος, вольноотпущенный. Состоянію рабства и отпущенію на волю внѣшнему противопоставляетъ Апостоль вольноотпущенность въ Господѣ Иисусѣ Христѣ и рабство Ему. Тутъ они оба сходятся въ одномъ и томъ же лицѣ. Свободность въ Господѣ есть освобожденіе отъ рабства грѣху, міру и діаволу. Она производится въ сердцѣ на основаніи вѣры благодатію Св. Духа, чрезъ таинства сообщаемую. Обратившійся къ Господу и таинственно съ Нимъ соединившійся есть уже свободникъ Христовъ: таково

тайнство вѣры нашей. Но эту свободу получаетъ онъ вслѣдствіе совершеннаго преданія себя Господу и полной покорности волѣ Его, какія свидѣтельствуется онъ въ началѣ рѣшимостію, а потомъ во всю жизнь всѣми дѣлами своими. Въ то самое время, какъ онъ всею душею отдастъ себя такимъ образомъ въ рабство Господу, Господь благодатію Своею освобождаетъ его отъ прежняго нравственнаго рабства, врагъ изгоняется изъ сердца, обаянія міра разоблачаются, и видятся въ ихъ отталкивающемъ безобразіи, и надъ живущимъ внутри грѣхомъ дается власть попить его и наступать на выю его всякій разъ, какъ подыметъ онъ голову свою. Это происходитъ со всякимъ,—рабъ ли онъ, или свободенъ внѣшно; будь онъ царь—все одно. „Въ отношеніи ко Христу, говоритъ, тотъ и другой равны. Какъ ты—рабъ Христовъ, такъ и господинъ твой. Когда же рабъ бываетъ свободнымъ, оставаясь рабомъ? Когда онъ освобождается отъ страстей и душевныхъ болѣзней, когда не предается корыстолюбію, гнѣву и другимъ подобнымъ страстямъ“ (св. Злат.). Ибо кто въ такой мѣрѣ свободенъ, въ какой освободившійся отъ грѣха? И кто рабствуетъ въ такомъ горькомъ рабствѣ, въ какомъ состоящій въ рабствѣ у страстей? (Ѳеод.).

Ст. 23. *Цѣною куплены есте: не будите раби чловѣкомъ.*

Предъ этимъ только сказалъ, чтобы даже, когда бы имѣли возможность свободу получить, оставались въ рабствѣ, а теперь говоритъ: *не будите раби чловѣкомъ.* Какъ же это? Надобно разумѣть здѣсь рабство не внѣшнее, а душевное, — нравственное, и именно только въ отношеніи къ чловѣкамъ. Рабство душевное, какъ видѣли, въ разныхъ видахъ является: есть рабство страстямъ, есть рабство міру и діаволу. Отъ этого всесторонняго рабства свободу получаютъ христіане въ Гос-

подѣ Иисусѣ Христѣ. *Куплены*, говорить, вы *цѣною* крови Единороднаго Сына Божія, куплены всѣ и рабы и свободные, работать должны Господу всесторонне. Это нравственно. Слѣдовательно и *не будите рабы чело- ловѣкомъ*—тоже нравственно. Что же это? Не чело- вѣкоугодничайте. Это одна, малозамѣтная, но много зла дѣлающая въ нравственномъ отношеніи, сторона раб- ства міру, чело- вѣческимъ мнѣніямъ, чело- вѣческимъ обы- чаямъ и желаніямъ чело- вѣковъ, съ которыми прихо- дится жить. Апостолъ говоритъ какъ бы: что вы рабы, это не важно во Христѣ, но вотъ что имѣйте въ виду, чтобы не быть рабами чело- вѣческихъ мнѣній, обычаевъ и желаній, наперекоръ волѣ Господа. Куплены вы Гос- подомъ; Его воля во всемъ да господствуетъ въ васъ, противное же сей волѣ, въ чемъ бы оно ни проявля- лось, ни за что не соглашайтесь дѣлать изъ угожде- нія людямъ. Это правило подходитъ къ другимъ пра- виламъ Апостола: плоти угодія не творить въ похоти, не себѣ угождать, а тутъ: людямъ не угождать, когда этимъ нарушается воля Господа.

Теодоритъ пишетъ: „не противный сказанному по- становляетъ законъ; но повелѣваетъ не имѣть рабо- лѣннаго образа мыслей, и тому, кто называется рабомъ, и тому, кто именуется свободнымъ.“ Теофилактъ: „это говоритъ онъ не къ рабамъ только, но и къ свобод- нымъ, убѣждая всѣхъ христіанъ ничего не дѣлать изъ угожденія людямъ и никакъ не слушаться ихъ, когда они велятъ дѣлать что противозаконное; ибо это и зна- чить быть рабами чело- вѣковъ.“ Св. Златоустъ про- странное объ этомъ говоритъ слово: „можно и въ рабствѣ не быть рабомъ, и въ свободѣ не быть свободнымъ. Когда же рабъ не бываетъ рабомъ? Когда онъ дѣлаетъ все для Бога, когда служить не лицемерно и не изъ чело- вѣкоугодія: это и значить быть рабомъ людей и

оставаться свободнымъ. И наоборотъ, когда свободный бываетъ рабомъ? Когда онъ служить людямъ въ чемъ-либо худомъ, въ чревоугодіи, корыстолюбіи, или честолюбіи. Такой человекъ, хотя и свободенъ, хуже всякаго раба. Вотъ примѣръ того и другаго. Іосифъ былъ рабомъ, но не рабствовалъ людямъ; потому и въ рабствѣ былъ свободнѣе всѣхъ свободныхъ: ибо не покорился госпожѣ. Госпожа же его напротивъ хотя была свободна, но оказалась ниже всякаго раба, и не могла склонить его, свободного, къ тому, чего онъ не хотѣлъ. Подлинно онъ былъ не рабомъ, но въ высшей степени свободнымъ. Такъ есть предѣлы рабства, положенные Богомъ, есть законы, до чего оно можетъ простираться, которыхъ преступать не должно. Когда господинъ не требуетъ ничего противнаго волѣ Божіей, тогда должно повиноваться ему и покоряться; а простираться далѣе не должно; такъ рабъ остается свободнымъ! Если же ты простираешься далѣе, то дѣлаешься рабомъ, хотя и свободенъ. Не таковъ былъ Іосифъ; онъ вездѣ и во всемъ былъ истиненъ и оставался свободенъ. Поработить его ничто не могло, ни узы, ни рабство, ни любовь госпожи, ни пребываніе въ землѣ чужой, но всегда онъ оставался свободнымъ. Это и есть высшая свобода, которая сіяетъ и въ рабствѣ.“

Ст. 24. *Кійждо въ немже призванъ бытъ, братіе, въ томъ да пребываетъ предъ Богомъ.*

Опять, въ третій разъ повторяетъ тоже. Здѣсь — и въ заключеніе, и въ предотвращеніе недоразумѣнія. могшаго у иныхъ родиться по поводу словъ: *не будите раби челоувкомъ.* Не въ томъ, говорить, смыслъ сказалъ я это, чтобъ вы бѣжали отъ господъ. Нѣтъ; законъ, прежде изреченный, — пребывать въ томъ же состояніи, въ какомъ кто призванъ, остается и при этомъ неизмѣннымъ. „Предыдущими словами, пишетъ

Теофилактъ, Апостоль не то внушаетъ, чтобы рабы бѣжали отъ господь. Да не будетъ! Что не это внушаетъ, видно изъ настоящихъ словъ: *кійждо въ немже призванъ бысть, въ томъ да пребываетъ*; т.-е. хоть и въ рабствѣ призванъ, оставайся въ немъ. Слово же: *предъ Богомъ*, приложилъ онъ, чтобъ съ другой стороны и отъ Бога не отступать, изъ-за покорности господамъ, незаконное повелѣвающимъ. То и другое онъ устраняетъ: и то, чтобы, подъ предлогомъ угожденія Богу, не отбѣгать отъ господь, и то, чтобы отъ Бога не отступать, покоряясь господамъ болѣе, чѣмъ должно.“

2.

Наставленія о безбрачїи

7, 25—40.

Сначала Апостоль предлагаетъ а) общїя о семъ положенїя, — 25—35; затѣмъ б) пишетъ правила о приложенїи къ дѣлу сихъ положенїй, — 36—40.

а).

Въ общихъ положенїяхъ Апостоль говоритъ, что аа) лучше быть въ безбрачїи, хотя не грѣшатъ и тѣ, которые брачатся, 25—28, поставляя бб) въ основанїе тому съ одной стороны а) прискорбности и скоротечность жизни 29—31, съ другой—б) большее удобство къ угожденїю Господу, въ безбрачїи, — 32—35.

аа).

Лучше быть въ безбрачїи

25—28.

Ст. 25. *О двѣхъ же повелѣнїя Господня не имамъ: совѣтъ же даю, яко помилованъ отъ Господа въренъ быти.*

О двѣхъ—пардеусъ,—идеть и къ мужинѣ и къ женщинѣ, означаетъ и дѣвственника и дѣвственницу. И

нижеслѣдующая рѣчь обращается то къ тому, то къ той. Потому, поставляя сіе слово, Апостоль вѣроятно разумѣль дѣвство вообще. Доселѣ говорилъ о воздержаніи въ брачномъ состояніи, теперь переходитъ къ дѣвству. „Продолжая рѣчь, постепенно доходитъ наконецъ и до дѣвства; научивъ и вразумивъ Коринѳянтъ бесѣдою о воздержаніи, онъ переходитъ къ высшему предмету“ (св. Злат.).

Повелѣнія Господня не имаѣмъ. Говоря это, Апостоль разумѣеть или личныя ему откровенія Господа, бывавшія по временамъ, когда требовалось, или слова Господа, изреченныя Имъ, когда пребывалъ на землѣ. И Господь рѣшалъ этотъ вопросъ, когда, по случаю закона о нерасторжимости брака, ученики сказали: если такъ, то лучше не жениться. Господь отвѣтилъ имъ на это: *не вси вмѣщаютъ словесе сего*, и потомъ указавъ на разныхъ скопцевъ и въ числѣ ихъ на произвольныхъ скопцевъ царствія ради небснаго, присовокупилъ: *могий вмѣстити да вмѣститъ* (Мѳ. 19, 10—12). Это значить: дѣвственникомъ и дѣвственницею не всѣ могутъ быть, а кто можетъ вмѣстить. Тоже постановляетъ и Апостоль. Что же значать слова: *повелѣнія не имаѣмъ*? Не имѣю сдѣлать объ этомъ опредѣленныхъ обязательныхъ постановленій. „Не ввожу закона, но предлагаю совѣтъ. Ибо и Господь, узаконивъ сообразное съ естествомъ, только какъ совѣтъ предлагаетъ то, что выше естества“ (Ѳеод.). „Не дерзаю и я законополагать, ибо это дѣло великое и большими трудностями и опасностями окружено“ (Ѳеоф.).

Яко помилованъ отъ Господа въренъ быти.—*Яко помилованъ, ηλεημενος*, какъ ту милость отъ Господа получившій, или какъ той милости отъ Него сподобившійся, чтобы быть вѣрнымъ,—вѣрнымъ Ему, вѣрнымъ истолкователемъ воли Его, быть лицомъ, которому по-

вѣрено всѣмъ открывать волю Его. Апостоль говоритъ какъ-бы: хотѣ я совѣтъ только даю, но совѣтъ сей такой, что онъ не чуждъ намѣреній Господа. „Поелику нѣкоторые, какъ вѣроятно могли противорѣчить совѣту сему, какъ нововведенію, то Апостоль и присо-вокупилъ эти слова. Съ обычною скромностію и указаль онъ въ нихъ на Апостольское достоинство: достойный вниманія я совѣтникъ, говоритъ онъ, по великой милости Владыки призванный и поставленный проповѣдникомъ“ (Ѳеод.). „Такъ какъ, по великой милости Божіей, сподобился я того, чтобы быть своимъ у Господа, достойнымъ того, чтобы Онъ ввѣрилъ мнѣ тайны Свои“ (Ѳеод.).

Ст. 26. *Мню убо сіе добро быти за настоящую нужду, яко добро чловѣку тако быти.*

„Что же совѣтуешь ты намъ? *Мню убо сіе добро быти... чловѣку тако быти.* Говорить: *мню*, не потому, что сомнѣвается, что дѣвство добро и наилучшее изъ благъ, но чтобы совѣтъ не обратился въ законъ, выразить будто сомнѣніе. Ибо законъ сопровождается храненіемъ, и преступленіемъ, и наказаніемъ преступающихъ: потому не узаконяетъ великаго, но предлагаетъ сіе въ видѣ совѣта“ (Ѳеод.).

За настоящую нужду, или за нужду, которая есть уже, тяготить, или нужду, которая настоитъ, еще вѣтъ ея, но она готова пасть на головы наши. Въ первомъ случаѣ это будутъ или нужды отъ стеченія стѣснительныхъ обстоятельствъ, или нужды самого брачнаго состоянія. Въ этомъ послѣднемъ смыслѣ понимаютъ эти слова Экуменій и Ѳеофилактъ: „хорошо, и очень хорошо чловѣку воздержаться отъ брака, но не потому, чтобы бракъ былъ нечистъ, а по причинѣ трудностей и прискорбностей брачнаго состоянія“ (Ѳеод.). Что въ порядкѣ толкованія посланія сказалъ на сіе мѣсто св.

Златоустъ, не замѣчено; но одинъ толковникъ приводитъ его слова изъ его слова о дѣвствѣ, гдѣ онъ подѣ *настоящею нуждою* разумѣетъ вообще тяготу земной жизни, обременяемой заботами, лишениями, столкновениями, бѣдами и скорбями. Во второмъ случаѣ это будутъ бѣды, готовыя обрушиться на головы Коринѳянъ по причинѣ вѣры. Церковь Коринѳская наслаждалась покоемъ, но Апостоль провидѣлъ, что скоро Коринѳяне подвергнутся бѣдствіямъ за вѣру, которая легче переносить безбрачнымъ, чѣмъ брачнымъ. Ибо тогда ни одна церковь не была свободна отъ этого. Потому говоритъ: не брачьтесь лучше. Такъ блаж. Фотій у Экуменія: „ подѣ *настоящею нуждою*, полагаю, разумѣетъ здѣсь Апостоль гоненіе, направляемое невѣрными противъ вѣрующихъ, и всякія съ ихъ стороны преслѣдованія и озлобленія. Постановляя столь возвышенное правило, Апостоль счелъ излишнимъ и на нихъ основаться, давая видъ, что постановляетъ это будто вынужденный обстоятельствами. Онъ говоритъ какъ-бы: дѣвство, хорошее очень и само по себѣ, хорошо и по причинѣ готовыхъ настать искушеній: одинокому не такъ трудно ихъ переносить, какъ связанному женою и дѣтьми. Душа при этомъ какъ бы на части разрывается,—и самому тѣсно и тѣхъ жаль, и человекъ загружается невыносимою тяготою зла; а одинокому, не поражаемому страданіями столь близкихъ себѣ лицъ, удобнѣе выдерживать тревоженія бѣдствій.“ Какъ же понимать сіи слова? Во всякое другое время къ избранію безбрачной жизни располагаютъ болѣе тяготы самого брачнаго состоянія и преизбытокъ горестей, вообще въ настоящей жизни; а въ ту пору, можетъ быть, Апостоль имѣлъ въ виду болѣе тѣсное положеніе, въ которомъ повсюду почти находились христіане по причинѣ неприязни къ нимъ невѣрныхъ. Такъ вотъ, гово-

рить, мой совѣтъ: за настоящую нужду лучше *человѣку быти тако*.—*Быти тако*, т.-е. не вступать въ бракъ, а оставаться одинокому. *Человѣку* вообще, мужчина ли то, или женщина.

Ст. 27. *Привязался ли еси жентъ, не ищи разрѣшенія; отрѣшился ли еси жены, не ищи жены.*

Привязался ли жентъ,—разумѣется посредствомъ брака, тоже что вступилъ ли въ бракъ, женился ли.—*Не ищи разрѣшенія*,—не того временнаго, по взаимному согласію, себя-лишенія, о коемъ говорилось прежде (7, 5), но развода, того, чтобы бросить жену. Опять подтверждаетъ нерасторжимость брака. Прежде вступленія въ бракъ ищи свободы отъ жены; а когда вступилъ, неси тяготу ея и не бросай, какъ-бы тяжело ни было.—*Отрѣшился ли еси жены*, — *ἀλλοτρίαι*, можно и такъ: отрѣшился ли ты отъ жены, съ которою былъ сочетанъ бракомъ, по причинѣ ея смерти; и можно такъ: отрѣшенъ ли еси отъ жены, т.-е. совсѣмъ не вступалъ въ бракъ. Въ томъ и другомъ случаѣ *не ищи жены*, т.-е. не вступай въ бракъ. Выражено въ формѣ рѣшительнаго повелѣнія; между тѣмъ какъ вездѣ тутъ предлагается это какъ совѣтъ, т.-е. если можешь, если чувствуешь себя довольно сильнымъ къ тому. И такъ, или надобно доразумѣвать это условіе, или объяснять эту рѣшительную форму такимъ образомъ: выше сказалъ, что за настоящую нужду лучше *человѣку быти тако*, т.-е. не имѣть жены. Женатые могли подумать или предложить вопросъ: такъ что же? Намъ бросить женъ? Нѣтъ, отвѣчалъ Апостоль; моя мысль вотъ какая: если ты отрѣшенъ, не связанъ бракомъ съ женою, не ищи жены; а если связанъ, то не ищи разрѣшенія,—того, чтобы ее бросить. Такъ Фотій у Экуменія.

Ст. 28. *Аще ли же и оженишия, не согрѣшихъ еси;*

и еще посянетъ дѣва, не согрѣшила есть. Скорбь же плоти имѣти будутъ таковы; азъ же вы щажу.

Продолжаетъ смягчать ту рѣшительную форму выраженія: *не щизу жены*, и вмѣстѣ точнѣе опредѣляетъ смыслъ своего совѣта, ограждая его отъ всѣхъ недомѣнливъ. Я сказалъ, говорить, *не щизу жены*, не запрещаю тебѣ жениться, а совѣтъ предлагая. Если и женишься, не согрѣшишь; равно и дѣва, если выйдетъ замужъ, не согрѣшитъ. Я предлагаю совѣтъ о безбрачїи не ради того, чтобы въ бракѣ было что грѣшное: никакого нѣтъ грѣха вступать въ бракъ. Но вступившіе въ бракъ будутъ имѣть скорбь плоти, *азъ же вы щажу*, — а мнѣ васъ жаль. „И отеческую любовь свою обнаружилъ Апостоль, и показалъ пользу безбрачной жизни. Надобно притомъ знать, что это Апостоль сказалъ не о тѣхъ, которые однажды навсегда отреклись отъ міра, но о тѣхъ, которые еще не избрали ни того, ни другаго, стоятъ же на общемъ предѣлѣ жизни брачной и безбрачной“ (Теодоритъ).

Что значитъ *скорбь плоти*? Экуменій пишетъ: „брачащїеся, говорятъ, будутъ имѣть скорбь, по причинѣ печалей, связанныхъ съ бракомъ; а я щажу васъ, какъ чадъ своихъ, и желаю, чтобы вы были свободны отъ скорбей и безпечальны. Въ бракѣ находясь, вы будто въ узакъ; и надъ собою-то никто изъ васъ власти не имѣетъ.“ Теофилактъ подъ печалію плоти разумѣетъ заботы и попеченія, неизбѣжныя въ брачномъ состояніи. *Скорбь плоти* τῆ σαρκί, для плоти или во плоти. Апостоль указываетъ на скорбь, которая ближе, чѣмъ внѣшнія скорбныя обстоятельства, на такую скорбь, которая въ самой плоти. Почему не разумѣть здѣсь прежде всего болѣзней дѣторожденія? И мужъ и жена одинаково страдаютъ въ это время: тотъ душою, эта тѣломъ. И затѣмъ уже разумѣть здѣсь скорбныя забо-

ты содержанія дома, воспитанія дѣтей, поддержаніе внѣшнихъ отношеній, лишенія, неудачи, превратности, нападки, раззоренія. Все это неизбежно вынестъ, между тѣмъ какъ безбрачные свободны отъ всего этого и пребываютъ властителями и своего тѣла, и своихъ занятій, и всего своего внѣшняго положенія. Такъ какъ по ходу рѣчи, слова: *скорбь плоти* стоятъ въ соотношеніи съ словами: *за настоящую нужду*, то можетъ быть Апостоль и то имѣлъ здѣсь въ мысли, что бл. Фотій видѣлъ въ *настоящей нуждѣ*, т.-е., готовыхъ всегда возстать гоненія и притѣсненія за вѣру, которыя безбрачному легче переносить, или отъ которыхъ удобнѣе ему укрываться.

бб).

Основанія, по которымъ предпочтительнѣе безбрачность

29—35.

На первомъ мѣстѣ ставитъ Апостоль прискорбности жизни. Эту мысль вставилъ онъ, говоря вообще о предпочтительности безбрачія брачной жизни, въ словахъ: *за настоящую нужду, и: скорбь имѣти будутъ таковыи;* здѣсь „онъ ссылался на обстоятельства, угрожающую нужду, тѣсноту времени и скорбь, и указывалъ, что бракъ сопряженъ со многими затрудненіями“ (св. Злат.). Теперь особенно останавливается а) на скоротечности времени, жизни и благъ міра (29—31); и затѣмъ представляетъ б) большую удобность благоугодить Богу въ безбрачной жизни.

а).

Время прекращено есть.

Ст. 29. *Сіе же глаголю, братіе, яко время прекращено есть прочее, да имущии жены, яко не имущии будутъ.*

Сіе же глаголю. Этими словами и вниманія особаго требуетъ, и вмѣстѣ показываетъ, что приступаетъ къ объясненію пункта, не совсѣмъ ясно высказаннаго, знать который однакоже необходимо. Объясняетъ, что за скорбь и что за нужда. Чѣмъ? Тѣмъ, что, говоритъ—*время прекращено... переходитъ образъ міра сего.* Что же изъ того? Пусть время прекращается, пусть переходитъ образъ міра, намъ-то что? То, что съ этимъ будетъ сопряжено такое всѣхъ пораженіе, что всѣ про все забудутъ: мужья про женъ, жены про мужей, радостные про радость, печальные про печаль, и всѣ пользующіеся какими-либо благами міра про эти блага. Какъ во время испуга, все вытѣсняется изъ сознанія и все его обнимаетъ одинъ испугъ, такъ что испуганные видя не видятъ, слыша не слышатъ: такъ будетъ въ это время. А оно,—вотъ-вотъ, на дворѣ уже почти. Такъ когда тутъ до женитьбы?! Когда тутъ до утѣхъ какихъ и удовольствій?! Не лучше ли напередъ такъ себя расположить и приготовить, чтобъ время то меньше насъ поразило?

Что значить: *время прекращено?* — „Здѣшняя жизнь стремится къ концу, близко окончаніе настоящаго вѣка“ (Ѳеоф.). „Чтобъ на предыдущія слова: *скорбь имѣти будутъ таковыи*, не сказалъ кто: но будутъ имѣть и удовольствія, Апостоль отсѣкаетъ чаяніе удовольствія тѣмъ, что представляетъ время прекращеннымъ. Все идетъ къ разложенію, царство Христово приблизилось, въ него предлежитъ намъ преселиться, такъ что если и возможно какое удовольствіе, то оно мгновенно и только увеличить скорбь“ (Ѳеоф.). „Намъ заповѣдано уже идти отсюда и готовиться къ исходу, а ты стремишься внутрь (т.-е. глубже въ жизнь сію входишь). Еслибы бракъ не сопровождался никакими скорбями, и въ такомъ случаѣ надлежало бы стремиться къ буду-

цему; если же онъ сопровождается скорбями, то какая нужда налагать на себя бремя? Какая необходимость налагать на себя такое бремя, которое и принявъ должно нести такъ, какъ бы не принявъ?" (св. Злат.). Такимъ образомъ словами: *время прекращено*, Апостолъ поставляетъ въ такое же настроеніе, въ какое поставляетъ и Господь, говоря: *бдите, яко не вѣсте, въ кій часъ Господь вашъ придетъ. Сіе же вѣдите, яко аще бы вѣдалъ дому владыка, въ какую стражу тать придетъ, бѣлъъ убо бы, и не бы далъ подкопати храма своего. Сего ради и вы будете готови: яко въ онъже часъ не мните, Сынъ Человѣскій придетъ* (Мѡ. 24, 42—44). *Влудите, бдите, молитесь: не вѣсте бо, когда время будетъ. Якоже чловѣкъ, отходя оставль домъ свой, и давъ работѣ своимъ власть, и коемуждо дѣло свое, и вратарю повелъ, да бдитъ. Бдите убо: не вѣсте бо, когда Господь дому придетъ, вечеръ, или полнунци, или въ тѣтлоглашеніе, или утро: да не пришедъ внезапно обрящетъ вы спяща* (Мар. 13, 33—36). Память объ этомъ, укоренившись и объявъ сознаніе, паче же падши на чувство, измѣняетъ взглядъ на все сущее и бывающее до противоположности. Кто восчувствуетъ, что есть сей часъ Господень, тотъ уже не остановится ни на чемъ земномъ, а весь перейдетъ въ иной міръ, въ тотъ, гдѣ ни женятся, ни посягаютъ, гдѣ упразднены будутъ и чрево и брашна. Выбиваетъ изъ памяти этотъ рѣшительный моментъ то, что ждемъ-ждемъ, и все нѣтъ его. Но вѣдь, все же онъ будетъ, и будетъ такъ, какъ сказалъ Господь — внезапно. Ктому же все одно — не онъ, такъ смерть вотъ-вотъ настанетъ; рѣшеніе же для насъ и при этомъ такое же, какъ и при томъ. Итакъ все одно — нѣчто въ каждое мгновеніе готово постигнуть насъ такое, при чемъ рѣшится участь наша на вѣчныя вѣки.—*Время прекращено есть прочее.*

Нечего тебѣ его растягивать на годы и десятки годовъ. Сократи его на одно мгновеніе, и съ этою мыслию переходи отъ мгновенія къ мгновенію, такъ до конца жизни. Стань въ такое настроеніе, — тогда и имѣя жену, будешь какъ не имѣющій, т.-е. забудешь про все брачное, — а не только не станешь загадывать жениться, если не имѣешь жены. „Что значить: *яко немужии?*“ т.-е. забудутъ про брачное ложе и не будутъ внимать женамъ, когда пристають съ требованіями исполнить ихъ безумныя мірскія желанія“ (Экум.). „Не будутъ къ нимъ привязаны, не всю заботу будутъ обращать только на брачное и на жень“ (Теоф.).

Ст. 30. 31. *И плачущіися, якоже не плачущи; и радующіися, якоже не радующесе; и купующи, яко не содержаще; и требующи мира сего, яко не требующе. Преходитъ бо образъ міра сего.*

Чтобы дѣломъ оправдать, что точно такъ есть и такъ должно быть, стоитъ только поставить себя мысленно въ состояніе умирающаго, готоваго оставить міръ сей. Сдѣлай такъ, и тотчасъ, — о чемъ бы изъ текущихъ вещей и слѣдовало поплакать, или о чемъ уже плакалъ ты, — перестанешь плакать; о чемъ радовался, перестанешь радоваться; если купилъ что, будешь такъ равнодушень къ тому, какъ бы ничего новаго не притяжалъ; да и вообще какими бы благами міра ни пользовался, подсѣчешь всякое отъ того удовольствіе и всякое къ тому сочувствіе. Но если мысленное представленіе о семъ такое оказываетъ дѣйствіе, что должно быть, когда будетъ совершаться самое дѣло? — Апостоль же хочеть, чтобъ мы сердцемъ были такъ, какъ бы уже исходимъ отсюда, какъ бы уже насталь часъ Господень, — хочеть, т.-е., чтобы были отъ всего отрѣшны совершеннымъ отрѣшеніемъ, чтобъ не только на сердцѣ, но на умѣ ничего не держали изъ прехо-

дящаго, съ смущающею заботою. „Настоящее чуждо для насъ, говоритъ Апостоль; потому что переходимъ отсюда весьма скоро“ (Ѳеод.). „И не только о женахъ, но и не о чемъ другомъ не должно намъ слишкомъ много заботиться, прискорбно ли то, или утѣшительно, или прибыль какую доставляетъ по случаю выгодныхъ сдѣлокъ. Да и что, говоритъ, я перечисляю то и то? Однимъ словомъ скажу: *пользующіеся міромъ да будутъ какъ не пользующіеся*, какъ будто бы ничего не имѣли. Ибо пристрастіе имѣть къ мірскому и томить себя о томъ заботою—не есть пользованіе міромъ (употребленіе его), а злоупотребленіе имъ“ (Ѳеоф.). „Поелику время сокращено, то все, что есть у кого, должно считать какъ-бы не сущимъ. Если смерть близъ, то зачѣмъ пристращаться къ здѣшнимъ вещамъ? Кто предается мірскимъ утѣхамъ, величается богатствомъ, высится отъ почетовъ и похвалъ, тотъ не какъ должно пользуется міромъ. Надо на все сіе смотрѣть, какъ на мимоходящее и насъ не касающееся. Не за этимъ вступаемъ мы въ міръ сей, а за тѣмъ, чтобы преуспѣвать въ дѣлахъ благихъ и быть всегда готовымъ къ исходу. Кто забываетъ эту цѣль и предается міру такъ, какъ-бы здѣсь его была вѣчная жизнь, тотъ не какъ должно употребляетъ міръ, а злоупотребляетъ имъ“ (Экум.).

Преходитъ бо образъ міра сего. Все въ мірѣ такъ измѣнчиво, что течетъ, какъ рѣка. Какъ свѣча зажженная горитъ и горѣніемъ сама себя уничтожаетъ, такъ міръ измѣнчивостію своею разлагается и спѣшитъ къ концу. „Апостоль показываетъ этимъ скоротечность настоящаго“ (Ѳеод.). Преходитъ—разлагается. Что же привязываться къ тому, что ничего существеннаго не представляетъ? Ибо сказавши *преходитъ*, да еще—*образъ*, Апостоль далъ разумѣть, что всѣ блага міра таковы только по видимости, сами же въ себѣ ничего

прочнаго и существеннаго не содержать. Или, *приходитъ*, обреченъ на то, чтобы престать, и вотъ-вотъ престанетъ, такъ что послѣ ничто въ немъ не останется въ томъ видѣ, какъ оно теперь есть. Зачѣмъ же ко всему этому привязываться, или обо всемъ этомъ заботиться? „Не будетъ болѣе ни земледѣлія и мореходства, ни царствъ и военачалій, ни рабства и господства, ни искусствъ и наукъ, ни нищеты и богатства: ибо изъ всего этого и подобнаго сему состоитъ настоящій вѣкъ,—а онъ переходитъ. Въ будущей жизни иначе все будетъ устроено, иной приметъ образъ“ (Феод.).

3).

Въ безбрачїи удобнѣе угождать Богу

32—35.

Ст. 32. 33. *Хочу же васъ безпечальныхъ быти. Не оженивыйся печется о Господнихъ, како угодити Господеви; а оженивыйся печется о мирскихъ, како угодити жень.*

Хочу же. Начинается новое наставленіе: хочу также, притомъ хочу,—чтобъ вы были безпечальны, т.-е. безпопечительны, чтобы не были томимы злою заботою. Забота, печаль, многопопечительность—отличительная черта жизни по духу міра и ея двигатель. Ни одна страсть не представляется такою благовидною, какъ эта; и ни одна не дѣлаетъ столько зла человѣку въ его христіанской жизни, какъ она. Она кружить и мрачить умъ, крушить и сушить сердце, и одуматься не даетъ, гоня отъ одного дѣла къ другому, и конца ихъ видѣтъ не давая. Между тѣмъ такъ кружимый, крушимый и гонимый, на видъ не представляетъ ничего худаго, если не употребляетъ открыто худыхъ средствъ для своихъ цѣлей и если притомъ поддерживаетъ должныя отношенія съ другими. Такимъ образомъ у него душа раз-

бита, а думать о себѣ онъ думаетъ, какъ объ исправномъ человѣкѣ и живетъ въ призрачномъ обманѣ самого себя. О спасеніи, о вѣчности, объ угожденіи Господу ему и подумать некогда. Онъ весь въ житейскомъ и мірскомъ; а духовная сторона, обращаема къ Богу и вѣчности, совсѣмъ у него закрыта. Апостоль, говоря: *хощу, чтобъ вы безпечальны были*, требуетъ, чтобъ не томили себя исключительно мірскими и житейскими заботами и печаль вѣка сего перемѣнили на печаль о вѣкѣ ономъ. „Какъ же можемъ мы сдѣлаться безпечальными? Если пребудемъ безбрачными“ (Феоф.).

Ибо *неоженившійся печется о Господнихъ, како угодити Господеву*. И безбрачный можетъ не имѣть попеченія о Господнихъ; но брачный хотя бы и хотѣлъ попецись о семь, не можетъ, какъ бы хотѣлъ; ибо мѣшаетъ жена, дѣти, домъ, кои всѣ требуютъ заботъ и попеченія. А *оженувшійся печется о мірскихъ, како угодити женѣ*. Гдѣ жена, тамъ семья и домъ: и тутъ поприще заботъ. У самой жены и необходимыхъ нуждъ не мало; а если къ этому привьется суетность и желаніе идти въ уровень съ требованіями вѣка, то ихъ и перечислить нельзя. Отъ всѣхъ такихъ заботъ безбрачіе дѣлаетъ свободнымъ и развязываетъ человѣку руки на дѣла богоугожденія, — разумѣется, если онъ хочетъ того. Если хочешь, говорить, угождать Господу, то безбрачное состояніе есть самое къ тому пригожее. Свои потребности удовлетворить легко, и за тѣмъ все время можетъ онъ посвящать Господу. А у брачнаго большую половину времени отнимаютъ заботы, суета и міръ, даже при лучшихъ направленіяхъ брачной жизни. Оттого брачные никогда не могутъ дойти до такой степени совершенства духовнаго, какъ безбрачные. „Самъ Апостоль указалъ на цѣль дѣвства; ибо у дѣвственника душа свободна отъ излишнихъ и неразумныхъ заботъ, и онъ,

сколько возможно, подражаетъ будущей жизни“ (Феод.). „Но какъ же это св. Павелъ, желая насъ сдѣлать безпечальными и для того совѣтуя безбрачіе, опять говорить: *неоженивыйся печется о Господнихъ?*—Се—опять попеченіе! Но, говорить, это попеченіе совсѣмъ не такое, какое навязывается бракомъ. Попеченіе о Господнемъ, какъ угодить Господу, спасительно и сладостно питательно, а попеченія житейскія и мірскія по причинѣ брака раззорительны для души и томительны“ (Феоф.). Это очень замѣчательно, что одно и тоже будто психологически дѣйствіе такія противоположны имѣть слѣдствія. Это отъ разности предметовъ. Въ Господѣ—цѣль наша. Исключительное Ему себя посвященіе въ ближайшее вводитъ съ Нимъ общеніе и, поставляя у цѣли, доставляетъ благобытіе. Къ тому же Господь единъ и тѣхъ, кои Ему себя предають, объединяетъ, цѣлость и крѣпость даетъ, а мірское многосложно: оно разлагаетъ душу на саму себя и цѣлость жизни ея нарушая, истощаетъ ее, томить и сушить.

Ст. 34. *Раздѣлися жена и два: непосягшая печется о Господнихъ, како угодити Господеви, да будетъ свята и тѣломъ и духомъ; а посягшая печется о мірскихъ, како угодити мужу.*

Раздѣлися жена и два, т.-е. такое же различіе и у замужней женщины съ дѣвственницею. Эта послѣдняя заботится только о томъ, какъ угодить Господу, храня въ святости и тѣло и душу, а та заботится только о томъ, какъ угодить мужу, съ сопркосновенными съ этимъ и другими заботами. Апостоль различаетъ, что во вниманіи, въ цѣли и въ сердцѣ у той и другой: у одной Господь и все Господнее, у другой — мужъ съ другими суетностями. Сколько отстоять небо отъ земли и Творецъ отъ твари, настолько отстоять душевное состояніе первой отъ второй. — При этомъ очевидно,

что Апостоль противопоставляетъ дѣву, исключительно себя посвятившую Господу, женѣ осуетившейся. Но если и эта станетъ имѣть заботу объ угожденіи и Господу, то насколько потрудится въ семь угожденіи, настолько вкусить и благобытія свойственнаго первой. Только то несомнѣнно, что ей никакъ нельзя дойти до совершенства первой; потому что и время тратитъ на неизбѣжныя хлопоты, и сердце пріобщаетъ плотскимъ сластямъ, которыя въ своей мѣрѣ умаляютъ всегда вкушеніе благъ духовныхъ.—Семейные знаютъ, какъ совершенно чистыми отъ плотяности имъ быть нельзя. Если это нельзя, то и совершенства духовнаго полнаго достигнуть имъ нельзя.

Хорошо замѣтилъ Апостоль: *да будетъ свята и тѣломъ и духомъ*. „Не довольно быть святою тѣломъ, надо быть святою и духомъ. Ибо истинное дѣвство есть чистота души. Но есть много такихъ дѣвъ, которыя тѣломъ чисты и непорочны, а душою запятнаны. И на то еще обрати вниманіе, что та уже не дѣвственница, которою владѣютъ попеченія мірскія. Посему, когда увидишь, что какая-либо дѣва, дѣвство воспріявшая, вдается въ мірскія попеченія, знай, что ничѣмъ не разнится она отъ замужней. Павелъ точно опредѣлилъ черты, по которымъ ихъ различать должно, — это не бракъ только и безбрачіе, но многопопечительность и безпопеченіе, такъ что многопопечительная уже не дѣвственница: ибо чѣмъ тогда разнится она отъ замужней, многопекущейся о томъ, какъ угодить мужу и другимъ суетностямъ?“ (Феоф.).

Ст. 35. *Сіе же на пользу вамъ самѣмъ глаголю: не да сило вамъ наложу, но къ благообразію и благоприступанію Господеви безмолвену.*

„Не нуждою, говоритъ онъ, привлекаю васъ къ этому богатству, какъ бы наложивъ на васъ *сило* и удов-

ля насильно, но показываю прѣистекающую отсюда выгоду. Ибо не иначе возможно намъ пребывать постоянно въ служеніи Богу, какъ избѣжавъ житейскихъ узъ“ (Ѳеод.).

Уже не разъ говорилъ онъ, что не заповѣдь даетъ, а совѣтъ; но тѣмъ самымъ, что такъ часто повторяетъ это, даетъ разумѣть, какъ бы желательно, чтобъ совѣтъ его добровольно сколько можно большимъ числомъ лицъ былъ исполненъ. Это видно изъ того, чего ради вводитъ дѣвство. Къ *благообразію*, говоритъ, и *благоприступанію Господеви безмолвну*.

Къ *благообразію*: „желая воззвать васъ въ благообразнѣйшее состояніе; и точно, что благообразнѣе дѣвства?“ (Экум., Ѳеод.).—Во второмъ посланіи онъ и о всей церкви Коринѳской говоритъ, что ревностію возревноваль—представить ее Господу дѣвою чистою (2 Кор. 11, 2); а здѣсь ревнуетъ каждую душу представить Господу благообразнѣйшею, употребляя средствомъ къ тому разумное и строго вѣдомое дѣвство. Дѣвственникъ и дѣвственница благообразнѣе предъ Господомъ. Почему такъ? Потому конечно, что черты Богоподобія скорѣе и полнѣе могутъ отпечатлѣться на дѣвственной душѣ, нежели на познавшей сласть брака.

Къ *благоприступанію Господеви безмолвну*. *Благоприступаніе* ἐπιτρέψω—непрестанное присѣдніе Господу свободное, удобное, легкое. *Безмолвну*—ἀπερισπάστως—неразвлеченно. Потому, говоритъ во 2-хъ, совѣтую вамъ такъ настойчиво, хотъ безъ принужденія, дѣвство, что оно даетъ возможность, удобство и легкость—непрестанно присѣдѣть Господу безъ всякаго развлеченія. Никакія заботы, никакіе помыслы не развлекаютъ его; вниманіе его всецѣлостно приковано къ Господу, и ничто не отторгаетъ его отъ Него. Такъ оно всегда съ Господомъ и Господь съ нимъ, та какъ невѣста, Сей

какъ женихъ. Се духовный бракъ — неразлучимый. Какое слѣдствіе отсюда, всякій видитъ самъ. Слово Апостола очень рѣшительно.

б).

Приложеніе данныхъ наставленій къ дѣлу — аа) сначала къ дѣвамъ, 36 — 38; бб) потомъ ко вдовамъ, 39, 40.

аа).

Ст. 36. *Аще ли же кто безобразити о дѣвѣ своей не-
щуетъ, аще есть превозрастна, и тако должна есть быти,
еже хоцетъ, да творитъ: не согрѣшаетъ, аще посягнетъ.*

Если кто, не понимая высокаго благообразія дѣвства, думаетъ, что ему будетъ стыдно оставить дочь свою въ дѣвахъ, по какимъ либо житейскимъ уваженіямъ, или думаетъ, что для дочери его будетъ почему-либо это не такъ удобно и въ мнѣніи людей неодобрительно, — а между тѣмъ она уже въ лѣтахъ и стала переходить за полный возрастъ, — такъ если думаетъ, что для него некрасиво не выдать дочь свою замужъ, некрасиво, если она такъ должна быть, т.-е. незамужнею, — пусть дѣ-
лаетъ, какъ хочеть: грѣха нѣтъ. Пусть брачится, т.-е. пусть для такихъ устроится бракъ.

Апостоль не поминаетъ о расположеніяхъ самихъ дочерей, вѣроятно имѣя во вниманіи такіе случаи, что и онѣ одинаковыхъ мыслей съ родителями. Ибо хотя въ тѣ времена дѣти состояли въ полномъ почти распоряженіи отцевъ; но въ такомъ дѣлѣ, каково безбрачіе, самое недалекое благоразуміе должно было брать въ вниманіе — намѣреніе и рѣшенія самихъ дочерей.

Если, говоритъ, думаетъ отецъ, что некрасиво дер-
жать дочь въ дѣвахъ, пусть выдастъ ее замужъ. Что это, — дѣло Божіе предается въ жертву мнѣнію людско-
му, или еще что? Можетъ быть и это имѣлъ во внима-

ни Апостоль, ради младенчества духовной жизни въ тѣхъ, кому писалъ: а можетъ быть словами *безобразности неписуемъ* — онъ внушалъ: если отецъ видитъ, что дочь его не удержитъ, какъ слѣдуетъ дѣвственной жизни, то пусть лучше устроить ей бракъ. Но и недостатокъ убѣжденія въ превосходствѣ дѣвства, въ лицѣ отца, на рукахъ котораго оставалась бы дочь, не могъ не быть взятъ во вниманіе. Апостоль писалъ начала, предоставляя времени и духовному возрасту христіанъ устанавливать по нимъ самые порядки жизни. Особенно такое новое дѣло, каково дѣвство, не могло быть организовано вдругъ, безъ недоумѣній, при разнообразіи соотношеній житейскихъ.

Ст. 37. *А иже стоитъ твердо сердцемъ, не имый нужды, власть же имать о своей воли, и се разсудилъ есть въ сердце своемъ, блюсти дѣву свою, добръ творитъ.*

Иже стоитъ твердо сердцемъ, твердое имѣетъ убѣжденіе въ превосходствѣ дѣвства и мужественно противостоитъ гнету людскихъ мнѣній (Экум.); *не имый нужды*, — нужды выдавать дочь замужъ не имѣетъ, ни по семейнымъ дѣламъ (напр. для поддержанія семьи), ни по внѣшнимъ отношеніямъ (напр. если состоялись споры о бракѣ и дѣло зашло далеко), ни по нежеланію дочери и опасеніямъ за нее; *власть же имать о своей воли*, совершенно свободенъ, никакого стѣсненія ни съ какой стороны не встрѣчаетъ, чтобы дѣйствовать по своей власти: *и се разсудилъ есть въ сердце своемъ*, — все обдумалъ, разсмотрѣлъ дѣло со всѣхъ сторонъ и убѣдился, что оно и хорошо и удобоисполнимо и ничего не общаетъ кромѣ существеннаго добра и ему и дочери, — сложился всѣмъ сердцемъ *блюсти дѣву свою*, т.-е. дочь свою въ дѣвствѣ; *добръ творитъ* — хорошо дѣлаетъ. — Таковъ долженъ быть нравственный строй и при всякомъ дѣлѣ, чтобы дѣйствовать съ полнымъ убѣжденіемъ

въ правотѣ дѣла, его умѣстности и многосторонней пользѣ. — Когда есть такое убѣжденіе, тогда никакія внѣшнія, стороннія дѣлу, уваженія несильны колебать рѣшеній воли. — Рычагъ, движущій дѣятельностію, — сердце: тамъ слагаются убѣжденія и сочувствія, опредѣляющія волю, и крѣпость ей дающія.

Ст. 38. *Тѣмже и вдалѣй браку свою дѣву, добръ творитъ; и не вдалѣй, лучше творитъ.*

Отношеніе брака къ безбрачію, — какъ *хорошо и лучше*. „Апостоль показаль, что одно хорошо, а другое прекрасно, и тѣмъ наложилъ узы на языкъ еретикамъ осуждающимъ бракъ“ (Ѳеод.); и не этимъ только, но паче тѣмъ, которые осуждаютъ безбрачіе. „Смотри, какъ онъ этимъ сравненіемъ убѣждаетъ къ безбрачію“ (Экум.). Выдать дѣву замужъ есть дѣло благоразумія житейскаго; а не выдать, въ видахъ совершеннѣйшаго угожденія Господу, есть подвигъ и добродѣтель. Если отпу такое одобреніе, сколь большаго одобренія достойна сама рѣшающаяся дѣвствовать!

66).

Ст. 39. *Жена привязана есть закономъ, въ елико время живетъ мужъ ея: аще же умретъ мужъ ея, свободна есть, за негоже хоцетъ посланути, точію о Господѣ.*

Вышедшая замужъ *привязана закономъ* къ мужу, чтобъ его только одного знать, и къ брачному состоянію, чтобъ не бросать его по произволу. Прежде вступленія въ бракъ обдумывай, вступишь или не вступишь; а когда бракъ совершенъ, живи съ мужемъ, пока онъ живъ. А когда онъ умретъ, тогда ты свободна, за кого хочешь выходи, только *о Господѣ*. *О Господѣ* значитъ: „выходи за вѣрнаго, благочестиваго, цѣломудренно, законно“ (Ѳеод.). „Съ цѣломудріемъ, съ чистотою; ибо эти добродѣтели вездѣ нужны, и о нихъ всегда должно

заботиться: иначе невозможно узрѣть Бога“ (св. Злат.). „Для дѣторожденія и воспитанія чадъ въ страхѣ Божи-емъ, а не по страсти похотной“ (Экум.). „И этого достаточно къ обличенію послѣдователей Новата, которые осуждаютъ второй бракъ, какъ блудодѣяніе, прямо вопреки Апостольскимъ законамъ“ (Теод.).

Ст. 40. *Блаженнѣйша же есть, аще тако пребудетъ, по моему совѣту: мнюся бо и азъ Духа Божія имѣти.*

Снисходитъ на второй бракъ, но „блаженнѣйшею почитаетъ ту, которая не вступаетъ во второй бракъ. Ибо какъ дѣвство лучше первобрачія, такъ первобрачіе или однобрачіе, второбрачія“ (Теод.). *По моему совѣту*, такъ я думаю, предлагаю, убѣждаю, не законъ налагаю, а свободѣ предоставляю выборъ лучшаго. „Потомъ, чтобы не сказалъ кто: если это не законоположеніе, какая нужда поступать когда-либо по этому совѣту?— Апостоль присовокушилъ, что совѣтуетъ это по внушенію Духа Святаго. Хотя по немощи вашей не возводитъ ся этотъ совѣтъ въ законъ, но предложеніе его идетъ свыше. *Мнюся бо и азъ Духа Божія имѣти.* Не думайте, что эти совѣты мои, человѣческіе; нѣтъ, они суть законоположенія Духа Утѣшителя“ (Экум.). Онъ законоположилъ, чтобы такія дѣла предлагаемы были въ Церкви, какъ совѣтъ, и чтобы дѣлающіе ихъ, дѣлали по полному своему произволу; но то самое, что Онъ внушилъ дать такой совѣтъ, заставляетъ быть убѣжденными, что Ему желательно, чтобы онъ былъ исполняемъ. Неузаконеніе сего не есть умаленіе достоинства дѣвства, а его возвышеніе. Его приносятъ, какъ жертву и даръ, а не какъ иго закона несутъ.

ЧЕТВЕРТОЕ ОТДѢЛЕНІЕ.

ЗАПРЕЩЕНІЕ ВКУШАТЬ ИДОЛОЖЕРТВЕННОЕ

(гл. 8—11, 1).

„Нужно напередъ сказать, что здѣсь имѣеть въ виду Апостоль; тогда и будетъ понятна намъ рѣчь его. Кто видитъ кого-нибудь обвиняемымъ и не узнаетъ напередъ свойства вины его, тотъ не можетъ понять сказаннаго. Въ чемъ же Апостоль обвиняетъ здѣсь Коринѳяны? Въ преступленіи великомъ, причинявшемъ множество золъ. Въ какомъ же именно? Многіе изъ нихъ, зная, что *не входящая въ уста скверняетъ человека, а исходящая* (Мѡ. 15, 17. 18), и что идолы, т.-е. дерева и камни, не могутъ ни вредить, ни приносить пользу, употребляли такое совершенное знаніе неблагоразумно ко вреду другимъ и себѣ. Они входили въ капища, участвовали тамъ въ трапезахъ, и такимъ образомъ производили гибельныя дѣйствія. Ибо тѣ, которые еще боялись идоловъ, не научились презирать ихъ и потому принимали участіе въ тамошнихъ вечерахъ, видя, что и совершеннѣйшіе дѣлаютъ тоже,—получали отъ того великій вредъ; ибо они касались предлагаемаго не съ такимъ расположеніемъ, съ какимъ совершенные, но какъ къ идоложертвенному, чѣмъ и поддерживалось идолослуженіе; вмѣстѣ съ тѣмъ и сами совершенные впадали въ немаловажный грѣхъ, оскверняясь бѣсовскими трапезами. Вотъ въ чемъ состояла вина Коринѳяны“ (св. Злат.).

Такимъ образомъ вкушавшіе идоложертвенное два грѣха совершали: соблазняли немощныхъ и сами осквернялись, хоть не думали дѣлать ни того, ни другаго.

„Блаженный Апостоль, желая исправить ихъ, не вдругъ употребляетъ слова обличенія; ибо происшедшее у нихъ было слѣдствіемъ болѣе неразумія, нежели развращенія; и потому нужно было въ началѣ употребить болѣе увѣщаніе, нежели сильное и гнѣвное обличеніе“ (св. Злат.).

1) Сначала говоритъ Апостоль противъ перваго грѣха—соблазненія немощныхъ (гл. 8—9).

2) Потомъ—противъ втораго грѣха—оскверненія идоложертвеннымъ (гл. 10—11, 1).

1).

Говоря противъ яденія идоложертвеннаго съ той стороны, что этимъ соблазняются немощные, Апостоль а) напередъ раскрываетъ, какъ происходитъ этотъ соблазнъ (гл. 8); и б) затѣмъ уже — убѣждаетъ удерживаться отъ этого (гл. 9).

а).

И раскрывая, какъ происходитъ соблазнъ, Апостоль внушаетъ уже воздерживаться отъ вкушенія идоложертвеннаго. Для этого онъ подрываетъ основу, на которой держались вкушавшіе—взглядъ ума на это дѣло. аа) По уму, говорить, точно такъ выходитъ, что вкушать идоложертвенное—ничего (8, 1—6); но дѣйствуя по уму, надо еще имѣть въ виду — не произвести бы тѣмъ вреднаго вліянія на другихъ. бб) Ваша свобода въ семъ отношеніи точно худо вліяетъ на немощныхъ, и вы лучше бы дѣлали, еслибъ не поступали такъ. Поступая такъ, вы грѣшите (7—13).

аа).

8, 1. *О идоложертвенныхъ же вѣды; яко вси разумъ имамы. Разумъ убо кичитъ, а любви созидаетъ.*

Первыя слова: *о идоложертвенныхъ же вѣмы, яко вси разумъ имамы*, вѣроятно взяты изъ письма, писаннаго Коринѣянами. Повторивъ ихъ, Апостоль дѣлаетъ на нихъ замѣчаніе, которое идетъ до конца третьяго стиха. Въ четвертомъ стихѣ онъ опять ихъ повторяетъ: *о яденіи идоложертвенныхъ вѣмы*, и затѣмъ излагаетъ, каково есть и должно быть вѣдѣніе христіанъ о семъ предметѣ, до конца 6 стиха. Съ седьмаго стиха начинается вторая половина главы, въ коей излагается, какъ неосмотрительное дѣйствованіе по уму соблазняетъ и губить слабыхъ.

О идоложертвенныхъ, т.-е., о вкушеніи идоложертвенныхъ, какъ видно изъ начала четвертаго стиха. Жертвы, приносившіяся идоламъ, не всѣ были сожигаемы, а часть какая-нибудь; прочее—частію шло жрецамъ, частію возвращалось приносившимъ, которые изъ того учреждали трапезу, или тутъ же при капищахъ, или дома. Христіане, которые были пообразованнѣе, зная, что идолъ ничто и потому не можетъ передать пищѣ ни вреда, ни грѣха, приступали небоязненно къ сей трапезѣ, когда были приглашаемы или по родству, или по знакомству, или по другому чему; но простѣйшіе христіане соблазнялись этимъ. Предстоятели церкви, вѣроятно, спрашивали: знаемъ, что идоложертвенное вкушать — ничего; но вотъ соблазняются, какъ же быть? Какъ быть, Апостоль объясняетъ ниже, а теперь беретъ изъ ихъ письма только первыя слова: знаемъ, и обличаетъ кичливость знанія и неумѣнье его дѣйствовать съ пользою для другихъ.

Вѣмы, яко вси разумъ имамы. Коринѣяне говорятъ о себѣ, что они очень хорошо понимаютъ, что значать идольскія жертвы. Апостоль ничего не говоритъ противъ этого, оставляетъ за ними это преимущество. Послѣ онъ скажетъ, что не у всѣхъ разумъ (—7); а те-

перь уступаетъ, говоря какъ-бы: пусть такъ. Феодоритъ замѣчаетъ, что Апостоль засвидѣтельствовалъ здѣсь объ ихъ разумѣ съ нѣкоторою насмѣшливостію, какъ видно изъ слѣдующаго за симъ укора разуму: *не учто разумъ*. А св. Златоустъ говоритъ: „оставивъ слабыхъ, какъ онъ всегда дѣлаеть, напередъ обращаетъ рѣчь свою къ сильнымъ, и сперва низлагаетъ гордость ихъ. Онъ не отвергаетъ знанія, но поражаетъ гордость, отъ него происходящую, тѣмъ, что самое знаніе представляетъ не только неполнымъ, но и весьма несовершеннымъ, и не только несовершеннымъ, но и вреднымъ, если съ нимъ не будетъ соединено нѣчто другое.“

Разумъ убо кичитъ, а любви созидаетъ.—Убо въ подлинникѣ нѣтъ; тамъ и никакой нѣтъ частицы. Это и даетъ свободу—сочетавать эту рѣчь съ предыдущею, кто какъ разсудитъ. Пусть, говоритъ, имѣете разумъ—знаніе; но вѣдь одно знаніе ненадежный руководитель жизни. Оно возбуждаетъ киченіе, а отъ киченія—раздѣленіе. Только любовь созидаетъ—*сходома*—устраиваетъ изъ всѣхъ христіанъ одно цѣльное и стройное зданіе,—домъ Богу живому. Потому если признаніи нѣтъ любви, то оно бываетъ болѣе вредно, чѣмъ полезно. Св. Златоустъ изъясняетъ это такъ: „если знаніе не соединено съ любовію, то оно производитъ гордость. Знаніе имѣеть нужду въ любви. Кто любитъ, тотъ, какъ исполняющій главнѣйшую изъ всѣхъ заповѣдей, хотя бы и имѣлъ какіе-либо недостатки, при помощи любви скоро можетъ пріобрѣсти знаніе; а кто имѣеть знаніе, не имѣя любви, тотъ не только ничего не пріобрѣтеть, но часто теряетъ и то, что имѣеть. Знаніе удаляетъ любовь отъ человѣка невнимательнаго, поражая въ немъ гордость и надменность. Гордость производитъ раздѣленіе, а любовь соединяетъ. Я не запрещаю, говоритъ, имѣть совершенное знаніе, но заповѣдую имѣть его вмѣстѣ съ любовію;

иначе оно не только бесполезно, но и вредно. Что вы гордитесь знаніемъ? Если не будете имѣть любви, то оно принесетъ вамъ вредъ, ибо что хуже гордости? Если же будете имѣть любовь, то и знаніе будетъ благонадежно; ибо кто знаетъ болѣе ближняго и любить его, тотъ не станетъ превозноситься, но и ему сообщить тоже. Посему сказавъ: *разумъ кичитъ*, онъ присовокупилъ: *а любви созидаетъ*. Не сказалъ: смиряетъ, а выразилъ нѣчто гораздо важнѣйшее и полезнѣйшее. Какъ знаніе не только надмеваетъ, но и производитъ раздѣленіе, такъ и любви свойственны противоположныя дѣйствія“ (св. Злат.).

Ст. 2. *Аще ли кто мнитъся въдыти что, не у что разумъ, якоже подобаетъ разумѣти.*

Тамъ сказалъ только: хорошо, что знаете; но смотрите, есть ли при знаніи и любовь; ибо если оно одно, то добра отъ него не ждите. Слѣдовательно обличеніе оставляетъ только подѣ условіемъ, хотя и зналъ, что они погрѣшили уже противъ любви. А здѣсь прямо обличаетъ. Изъ того самаго, говоритъ, что вы сказали: *вѣдѣны*,—всѣ разумъ—знаніе—имѣемъ, изъ этого самаго я вывожу, что знаніе ваше плохо. Кто думаетъ, что знаетъ что-либо, тотъ тѣмъ самымъ обличаетъ, что не знаетъ того, какъ должно. Ибо самые простые предметы имѣютъ много сторонъ неразъяснимыхъ, и чѣмъ болѣе познаетъ кто, тѣмъ болѣе встрѣчаетъ тайнъ, сокровенностей, недоразумѣній. Примѣры предъ нами: скажи, какъ видимъ, какъ слышимъ, какъ говоримъ? Потому кто точно познаетъ, и углубляется въ область знанія, тотъ никакъ не скажетъ: знаю, мы всѣ это знаемъ. Если такъ бываетъ въ вещахъ простыхъ, не тѣмъ ли паче въ вещахъ духовныхъ. Это обличеніе очень сильно; но Апостоль смягчаетъ его, выражая мысль свою общимъ положеніемъ. „Симъ показалъ Апостоль,

что Коринѣяне не только не имѣютъ любви, но лишены и знанія, которое приписывая себѣ, высоко о себѣ думали. Обвиненіе же выражаетъ неопредѣленно, потому что хочетъ болѣе врачевать, нежели поражать“ (Ѳеод.). „И смотри, какъ онъ низложилъ гордость ихъ. Не сказалъ: вы не имѣете надлежащаго познанія о предметахъ предложенныхъ, но обо всемъ вообще; не сказалъ: вы, но: всякій, Петръ ли, Павелъ ли, или кто бы то ни было. Этими словами онъ превосходно и утѣшилъ и смирилъ ихъ“ (св. Злат.).

Ст. 3. *Аще ли кто любитъ Бога, сей познанъ бысть отъ Него.*

Изъ словъ, если кто думаетъ о себѣ, что онъ знаетъ что, прямо заключаемъ, что онъ ничего не знаетъ, какъ должно,—не слѣдуетъ, что кто такъ не думаетъ, тотъ знаетъ что-нибудь какъ должно. Напротивъ отсюда выходитъ, что никто ничего не знаетъ, какъ должно, и потому только, что вѣрно это положеніе, вѣрно и то первое. Отсюда естественно родится вопросу: такъ какъ же быть-то? Гдѣ искать знанія? Если естественно родится сему вопросу, то естественно ожидать разрѣшенія его отъ Апостола въ слѣдъ за симъ. Онъ и говоритъ: *кто любитъ Бога, тотъ познанъ отъ Него.* Рѣчь точно касается знанія, но совсѣмъ не въ томъ видѣ, какъ-бы ожидалось. Еслибъ сказалъ онъ: кто любитъ Бога, тотъ знаетъ, что должно знать, и знаетъ, какъ должно: тогда бы это вполне отвѣчало ожиданію и удовлетворяло его. А онъ говоритъ: кто любитъ Бога, тотъ познанъ отъ Него, *γνωσται υπ αυτου.* Порусски хотъ и переведено: тому дано знаніе отъ Него; но очевидно, что это не отвѣчаетъ подлиннику. Славянскій переводъ есть настоящій. Итакъ, что же значить—*быть познану отъ Бога?* Поелику Богъ знаетъ все, то когда говорится, что познанъ кто отъ Бога,

должно доразумѣвать здѣсь какую-либо особенность знанія, какъ бываетъ, когда кто все видитъ, но на что-нибудь особенно посмотреть. Пророкъ говоритъ: *вѣсть Господь путь праведныхъ*. Это значить, что Онъ съ особеннымъ вниманіемъ на него смотритъ и блюдетъ его, особенно печется о немъ, какъ видно изъ слѣдующаго: *а путь нечестивыхъ погибнетъ*, будучи брошенъ будто безъ вниманія Господомъ. Такъ знаетъ Богъ и любящаго Его; знаетъ тѣмъ, что особенно печется о немъ, или что тоже, любитъ его. Выйдетъ: кто любитъ Бога, тотъ познанъ отъ Него, т.-е. состоитъ подъ особымъ Его попеченіемъ, какъ свой Ему, возлюбленъ отъ Него. Если любящій Бога въ Богѣ живетъ, то и Богъ, Коему возлюбленъ любящій Его, обитаетъ въ семъ послѣднемъ. Любяй Бога въ Богѣ пребываетъ и Богъ въ немъ пребываетъ. Не это ли хотѣлъ сказать Апостоль? Мы привыкли высоко слишкомъ цѣнить знаніе, и думаемъ, что Апостоль, укорившій знаніе наше, долженъ указать намъ пути къ нему; у Апостола же вся забота о жизни, а не о знаніи. Потому укоривши знаніе, не то ли онъ имѣлъ въ мысли сказать: знаніе одно безъ любви надымаетъ; да и нѣтъ его въ совершенствѣ. Спросить кто: какъ же быть, гдѣ взять знанія? Скажу вамъ на это: бросьте вы всѣ заботы о знаніи; любите Бога, и будете Имъ возлюблены: вотъ и все. Тутъ цѣль ваша! Дальше и идти некуда, больше этого и желать нечего. Блаж. Теодоритъ пишетъ: „много потребно намъ вѣдѣнія, и въ настоящей жизни приобрѣсти совершенное вѣдѣніе есть нѣчто невозможное. Посему возлюбимъ Бога, чтобы сподобиться Его о насъ промышленія. Это и выразилъ Апостоль въ словахъ: *кто любитъ Бога, тотъ познанъ бытъ отъ Него*, т.-е. сподобляется Его попеченія. Такъ и блаженный Моисей сказалъ

самому Богу всяческихъ: *Ты мнѣ реклъ еси; обратъль еси благодать предо Мною и вѣмъ тя паче всѣхъ* (Исх. 33, 12—17).“ Блаж. Теофилактъ этимъ же путемъ приводитъ и къ знанію: „вотъ что говорить здѣсь Апостоль: кто любитъ ближняго, тотъ любитъ конечно и Бога. Любящій же Бога познанъ бысть отъ Него, т.-е. содѣлывается знаемымъ Ему, своимъ—домашнимъ. Ставши же такъ близко знаемымъ Богу, получаетъ отъ Него знаніе, хотя и при этомъ имѣеть его не совершеннымъ. Такъ что, хотя бы ты имѣлъ знаніе, не превозносись, ибо оно несовершенно, и это несовершенное—не твое, а Божій даръ. Видишь, какъ Апостоль смиряетъ ихъ надменіе!“

Ст. 4. *О яденіи же идоложертвенныхъ, вѣмы, яко идолъ ничтоже есть въ мѣръ, и яко никтоже Богъ имъ, токмо Единъ.*

Повторивъ первыя слова изъ письма Коринѣянь о семь предметъ и сдѣлавъ на нихъ замѣчанія, кажется Апостоль продолжаетъ читать ихъ письмо въ этомъ и въ слѣдующихъ двухъ стихахъ—5 и 6; а съ 7-го стиха начинаетъ опять свои замѣчанія. Принявъ это предположеніе, яснѣе будемъ видѣть строй и теченіе рѣчи въ этой главѣ. Отъ того, что слова стиховъ 4—6 будутъ сочтены словами Коринѣянь, они не потеряютъ своей догматической важности; ибо отъ кого ихъ приняли Коринѣяне, если не отъ св. Павла? Потому хотъ Коринѣяне ихъ приводятъ, но они не ихъ ума произведе-ніе, а суть Богооткровенное Апостольское слово. Ктому же Апостоль, приводя ихъ здѣсь, подтверждаетъ своимъ согласіемъ: ибо не дѣлаетъ на нихъ никакого замѣчанія, а одобряя ихъ во всей силѣ, замѣчаетъ да-лѣе, что не всѣ такъ точно и ясно понимаютъ дѣло, и затѣмъ говорить, что изъ этого вышло. Вотъ до ка-кого совершенства доводилъ св. Павелъ своихъ учени-

ковъ, что они могли усвоить и изрекать такія высокія истины! А можетъ быть изъ письма Коринтянъ взяты опять только первыя слова до—*тъмы*, а далѣе Апостоль уже своими словами объясняетъ мысль, содержащуюся въ *тъмы*.

О яденіи же идоложертвенныхъ тъмы, — повторяетъ тоже, только вноситъ: *о яденіи*, чтобъ показать, что недоумѣніе именно этого касалось, а не того, что суть идолы и идоложертвенное.—*Въмы, яко идолъ ничтоже есть*. Теодоритъ влагааетъ въ уста Апостола такое слово: „такъ обыкли вы говорить, потому что у меня научились говорить это, т.-е. что идолы неодушевленны, безчувственны, и что Творецъ и Владыка всяческихъ есть единый Богъ.“ *Идолъ ничтоже есть въ міръ*. „Но развѣ нѣтъ идоловъ? Развѣ нѣтъ кумировъ? Есть; но они не имѣютъ никакой силы, и не суть боги, а камни и бѣсы“ (св. Злат.). *Въ міръ*, т.-е. среди вещей дѣйствительно существующихъ въ природѣ и необходимыхъ въ цѣпи существъ. Они—выдумка воображенія человѣческаго и никакого значенія не имѣютъ. Объ истуканыхъ и кумирахъ иные думали, что они-то сами и суть боги; а другіе вѣрили, что истуканы служатъ только жилищемъ боговъ, а боги—особыя существа. Апостоль и то и другое называетъ идоломъ, и совмѣщая то и другое въ одномъ словѣ, говоритъ, что идолъ ничтоже есть. Идолъ — собственно значить — призрачное, мечтаемое, воображаемое, а на дѣлѣ не существующее. Воображаютъ, что истуканъ—богъ, а онъ не богъ; воображаютъ, что въ немъ живетъ нѣкто, а тамъ никого нѣтъ. Все это мечты. Богъ единъ, и кромѣ сего единаго Бога нѣтъ другаго.

Ст. 5. *Аще бо и суть глаголеміи бози, или на небеси, или на земли: якоже суть бози мнози и господіе мнози.*

Аще бо и суть, не на дѣлѣ суть, а суть глаголеміи,

именуются такъ, называютъ ихъ такъ: *боги*, а на дѣлѣ они не суть то.—*На небеси* боги,—или воображаемыя мечтательныя существа, или солнце, луна, звѣзды.—*На земли* боги—земныя твари или люди, чѣмъ-либо прославившіеся и почитаемые за боговъ.—*Якоже суть бози мнози и господіе мнози*. Опять *суть* не на дѣлѣ, а почитаются такими. Этимъ говорится какъ-бы: ибо вотъ смотри, сколько боговъ и господь чтится всюду. Боги и господа—не высшіе и низшіе боги, а одно и то же значать: кому-кому не воздаютъ божеской чести?—И все это—мечты. Св. Златоустъ говоритъ: „такъ какъ онъ сказалъ, что идолъ есть ничто и нѣтъ другаго Бога, а между тѣмъ были и идолы и такъ называемые боги, то, дабы не подумали, что онъ отвергаетъ очевидное, присовокупляетъ: *аще и суть глаголеміи бози*: хотя и есть боги, не просто боги, а глаголеміи, т.-е. не дѣйствительно существующіе, а только такъ называемые. *Или на небеси, или на земли*. На небѣ разумѣетъ солнце, луну и прочія свѣтила; ибо язычники поклонялись и имъ; а на землѣ бѣсовъ и всѣхъ обоготворенныхъ людей.“—Феодоритъ пишетъ: „Еллины утверждаютъ бытіе многихъ боговъ, ихъ же именуютъ и господами, но они вовсе не существуютъ, извѣстны же по однимъ именамъ.—По еллинскому баснословію, однихъ боговъ называли небесными, какъ-то: Діа, Аполлона, Иру, Аѳину, а другихъ земными, какъ-то: источники, рѣки, такъ называемыхъ нимфъ, Иракла, Діониса, Асклипія и тысячи другихъ.“

Ст. 6. *Но намъ единъ Богъ Отецъ, изъ Негоже вся, и мы у Него; и единъ Господь Иисусъ Христосъ, Имже вся, и мы Тѣмъ.*

Но намъ,—не въ той мысли, что у тѣхъ много, а у насъ одинъ, придавая какое-либо значеніе тѣмъ многимъ, а такъ: по нашему, по нашей вѣрѣ истинной,

единъ Богъ; только и есть, что единъ Богъ. „Еллины, объятые мглою невѣдѣнія, заблуждаются, признавая многихъ, и притомъ не существующихъ боговъ: а мы вѣдаемъ единого Бога Отца и единого Господа Иисуса Христа“ (Θεод.).

Единъ Богъ Отецъ, изъ Негоже вся,—и единъ Господь Иисусъ Христосъ, Имже вся. Единъ Богъ, единъ Господь. Поелику Богъ и Господь суть наименованія Божескаго естества, то Апостоль этимъ утверждаетъ единосущіе Отца и Сына. Къ Отцу говоритъ: *изъ Негоже вся*—ἐξ οὗ, —не изъ естества Его, а отъ силы Его творческой, —тоже, что отъ Него. Къ Сыну же: *Имже вся*,—δι' οὗ, —черезъ Котораго, не какъ черезъ орудіе, а какъ самодѣйствующею, всемогущею силою, какъ въ Евангеліи отъ Іоанна: *вся Тѣмъ быша* (1, 3)—то же, что отъ Него.—И *изъ Негоже*, и *черезъ Негоже* одно и тоже значать: отъ Негоже. Этимъ утверждается единодѣйственность Бога Отца и Господа Иисуса Христа.—Что творитъ Отецъ, то въ тоже время творитъ и Сынъ.—О насъ говоритъ,—въ отношеніи къ Отцу: *и мы у Него*,—εἰς αὐτόν,—въ Него, т.-е. къ тому предназначены, чтобы быть въ общеніи съ Нимъ, въ Немъ наша цѣль, и верховное благо. А въ отношеніи къ Господу Иисусу Христу: *и мы Тѣмъ*,—δι' αὐτοῦ,—т.-е. черезъ Него приходимъ къ Богу, воссоединяемся съ Нимъ по отпадѣніи, и послѣдняго своего назначенія достигаемъ. Вотъ что говоритъ св. Златоустъ на это важное мѣсто: „самыя названія (т.-е. Богъ и Господь) употребленныя Апостоломъ, не надобно разумѣть такъ, будто бы исключительно принадлежали Сыну названіе *Господь*, а Отцу названіе *Богъ*. Въ Писаніи часто употребляется одно вмѣсто другаго, напр. когда говорится: *рече Господь Господеви моему* (Пс. 109, 1); и еще: *сего ради помаза тя Боже Богъ твой* (Пс. 44, 8); и еще:

отъ нижеже Христосъ по плоти, сый надъ всеми Богъ (Римл. 9, 5). И во многихъ другихъ мѣстахъ эти названія употребляются одно вмѣсто другаго. Еслибы каждое изъ нихъ исключительно принадлежало одному Лицу, еслибы Сынъ не былъ Богомъ, и такимъ Богомъ, какъ Отецъ, а былъ бы только Сыномъ, то Павелъ, сказавъ: *но намъ единъ Богъ*, напрасно прибавилъ бы слово: *Отецъ*, для означенія существа нерожденнаго; ибо для этого достаточно было бы сказать слово: *Богъ*, еслибы оно принадлежало Ему одному. — Не только это, но и еще нѣчто можно сказать. — Богъ (Отецъ), скажешь, названъ *единымъ (Богомъ)*; слѣд. имя Бога не свойственно Сыну. Но смотри, и о Сынѣ сказано тоже самое; и Сынъ названъ *единымъ Господомъ*; однако мы не говоримъ, что поэтому имя Господа свойственно Ему одному. Посему, какое значеніе имѣетъ слово *единъ*, по отношенію къ Сыну, такое же и по отношенію къ Отцу; какъ то, что Сынъ называется единымъ Господомъ, не препятствуетъ Отцу быть Господомъ и такимъ же Господомъ, какъ Сынъ; такъ и то, что Отецъ называется единымъ же Богомъ, не препятствуетъ Сыну быть Богомъ и такимъ же Богомъ какъ Отецъ. “ Вотъ слова Θεодорита: „Здѣсь достойна удивленія мудрость Апостольская. Ибо въ сказанномъ выше, показавъ, что наименованію: Богъ, наименование: Господь, равносильно (въ словахъ: *бози мнози и господіе мнози*), теперь Апостоль раздѣлилъ сіи наименованія, и одно положилъ къ Отцу, а другое къ Сыну, врачуя тѣмъ немощь Коринѣянь (т.-е. возводя ихъ къ познанію равенства Отца и Сына). — И ветхозавѣтное Писаніе показываетъ именованія сіи соединенными. Ибо сказано: *Азъ есмь Господь Богъ твой* (Исход. 20, 2): и слыши Израиллю: *Господь Богъ твой, Господь единъ есть* (Втор. 6, 4); и: *Господи Боже мой возвеличился еси зело* (Пс.

103, 1), и многое подобное. Посему истинный Богъ, безъ сомнѣнія, и Господь; и истинный Господь, безъ сомнѣнія, и Богъ. Сверхъ того нѣтъ инаго Бога Отца, потому что единъ Богъ Отецъ и нѣтъ инаго Господа Иисуса Христа, потому что единъ Господь Иисусъ Христосъ.—А слова: *и мы у Него*, значать: къ Нему должны мы обращаться, на Него взирать, Его непрестанно пѣснословить. Слова же: *и мы Тъмъ*, даютъ разумѣть не созданіе, а спасеніе; потому что сотворено Имъ все, а мы увѣровавшіе улучили Имъ спасеніе.“ Но св. Златоустъ оба выраженія: *мы у Него* и: *мы Тъмъ*, одинаково относить ко спасенію, какъ *изъ Негоже вся*,—и *Имже вся*—къ сотворенію: „словами *изъ Негоже вся* онъ указываетъ на сотвореніе и приведеніе изъ небытія въ бытіе; а словами: *и мы у Него* указываетъ на вѣру и соединеніе наше съ Нимъ, какъ онъ говоритъ и выше: *изъ Негоже вы есте о Христѣ Иисусѣ* (1, 30). Мы отъ Бога двоякимъ образомъ: по бытію и по вѣрѣ, которая также есть сотвореніе.—Тоже надобно разумѣть и о Христѣ; ибо черезъ Него родъ человѣческой приведенъ и изъ небытія въ бытіе,—и отъ заблужденія къ истинѣ,—что и выразилъ Апостоль въ словахъ: *Имже вся и мы Тъмъ*.“

66).

Ст. 7. *Но не во всѣхъ разумъ: тѣмъ же совѣстью идоляскою даже досель якоже идоложертвенное ядятъ, и совѣсть ихъ немощна суищи сквернится.*

Если предыдущія слова Апостоль самъ отъ себя говорилъ, то въ заключеніе ихъ прилично вложить ему въ уста такія слова: вотъ какъ слѣдуетъ разсуждать объ идолахъ, и соотвѣтственно тому объ идоложертвенномъ; но не всѣ еще возвысились до такихъ поня-

тій. Если же принять, что онъ беретъ эти слова изъ письма Коринѣянъ, то такія: хорошо вы разсуждаете,—но не всѣ такія имѣютъ убѣжденія относительно идоловъ,—не *во всѣхъ разумъ* такой.—Другіе идоловъ считаютъ чѣмъ-то, и о жертвахъ имъ приносимыхъ думаютъ, что онѣ получаютъ отъ нихъ соотвѣтственное окачествованіе, такъ что вкушать сіи жертвы, по ихъ мысли, значитъ вступать въ общеніе съ идолами, или силами въ нихъ сокрытыми. Прежде такъ они думали; и какъ недавно еще отстали отъ идолопоклонства, то не успѣли еще отвыкнуть отъ такихъ убѣжденій относительно идоловъ и идоложертвеннаго. Это и назвалъ Апостоль *идольскою совѣстію*.—Но сами по себѣ они и не думаютъ прикасаться къ чему-либо идолопоклонническому. Все это отвергли они, принявъ вѣру христіанскую, и съ принятіемъ ея возмѣвъ христіанскую совѣсть. Эта совѣсть претитъ имъ касаться и идоложертвеннаго, такъ какъ, по ихъ мыслямъ, это значитъ пріобщаться идолопоклонства. Между тѣмъ, встрѣчая примѣры сильныхъ разсужденіемъ, которые, смотря на идоложертвенное, какъ на всякую другую пищу, чистую, вкушаютъ то съ спокойною совѣстію,—увлекаются ими и ядятъ тоже идоложертвенное, не имѣя того разсужденія, какое имѣютъ сильные, держа ту мысль, что вкушать идоложертвенное значитъ общиться съ идолопоклонствомъ, и не смотря на то, что христіанская совѣсть претитъ имъ то дѣлать. Такимъ образомъ они поступаютъ противъ своей христіанской совѣсти и сквернятся,—пятнаютъ свою совѣсть.—*И совѣсть ихъ немощна сузи сквернится*. „Не вкушеніе сквернитъ, но сквернится совѣсть, не принявъ совершеннаго вѣдѣнія, а будучи еще одержима идольскою прелестію“ (Феод.). „Нѣкоторые, говоритъ, еще не сознали, что *идолъ ничтоже есть въ мѣртъ*, потому продолжаютъ бояться идо-

ловъ.— Не указывай мнѣ на настоящее состояніе, въ которомъ ты находишься, принявъ благочестіе отъ предковъ, но обратись мыслию къ тѣмъ временамъ, когда лишь только началась проповѣдь, когда еще господствовало нечестіе, курились жертвенники, совершались жертвоприношенія и возліянія, когда еще было весьма много язычниковъ, — и представь, что должны чувствовать тѣ, которые наслѣдовали нечестіе отъ предковъ, произошли отъ такихъ отцовъ, дѣдовъ и прадѣдовъ, и лишь только обратились въ христіанство, — какъ они должны были страшиться и трепетать! Ихъ и разумѣетъ Апостоль, когда говоритъ: *совѣстію идольскою даже досель ядятъ идоложертвенное*, т. е. съ такими же мыслями, съ какими вкушали прежде. *И совѣсть ихъ немощна сущи сквернится*, потому что еще не можетъ считать за ничто и совершенно презирать эти жертвы, но остается еще въ сомнѣніи. Какъ еслибы кто, считая, по іудейскому образу мыслей, прикосновеніе къ мертвецу оскверненіемъ для себя, воздерживался отъ сего, — а потомъ видя, что другіе съ чистою совѣстію прикасаются къ нему, сталъ бы и самъ прикасаться, только не съ тѣми же мыслями, такъ было тогда и съ Коринѣянами. — И совѣсть ихъ сквернилась“ (св. Злат.).

Ст. 8. *Брашно же насъ не поставляетъ предъ Богомъ: ниже бо еще ямы, избыточествуемъ; ниже еще не ямы, лишаемся,*

Въ предыдущемъ стихѣ общую мысль выразилъ Апостоль, какъ у иныхъ можетъ скверниться совѣсть, если они безъ надлежащихъ убѣжденій вкушаютъ идоложертвенное. Слѣдовало теперь сдѣлать только примѣненіе и сказать: вотъ вы, сильные умомъ, вкушаете идоложертвенное и не сквернитесь, потому что убѣждены, что чрезъ это никакого не имѣете общенія съ идолопоклонствомъ. Но вашъ примѣръ можетъ увлечь не-

мошныхъ, которые не имѣютъ такихъ убѣжденій; но не имѣя ихъ, они, вкушая идоложертвенное, будутъ оскорблять свою христіанскую совѣсть и скверниться; оскверненіе же совѣсти—пагуба души. Такимъ образомъ вы своимъ умомъ губите брата, а губя его во Христа согрѣшаете. Итакъ воздержитесь.—Но тѣ могли сказать: намъ какое дѣло до тѣхъ?—Пусть уяснятъ свои понятія!—А это повело бы къ упорству и ожесточенію.—Предотвращая это, Апостоль говоритъ напередъ: ѣсть или не ѣсть—дѣло не великое предъ Богомъ. Изъ чего прямо слѣдовало: слѣдовательно не изъ чего спорить. Эта мысль отсѣкала у нихъ всякое возраженіе прежде еще зарожденія его, и пролагала путь полному дѣйствию исправительныхъ внушеній Апостола.

Такъ понимаютъ теченіе рѣчи Апостола наши толковники. Св. Златоустъ говоритъ: „доселѣ Апостоль не говорилъ еще о сущности дѣла, а только обращалъ вниманіе на совѣсть вкушающаго, — опасаясь, чтобы, исправляя слабаго, не оскорбить сильнаго и не сдѣлать его также слабымъ; равно падить и того и другаго. Почему говоритъ: *брашно же не поставляетъ насъ предъ Богомъ*, — предупреждая, чтобы они не сказали: какое намъ дѣло, что не всѣ имѣютъ такое знаніе?—А почему такой-то не имѣетъ знанія?—Почему онъ немоощенъ? — Не прямо переходитъ онъ къ заключенію, что надобно воздерживаться (отъ идоложертвеннаго), дабы не причинить вреда ближнему, но предварительно только указавъ на это, внушаетъ нѣчто болѣе важное. Что же такое? То, что хотя бы невоздержаніе (отъ этихъ яствъ) и не причиняло никому вреда и не соблазняло ближняго, и въ такомъ случаѣ должно воздерживаться; ибо это—дѣло бесполезное. Кто знаетъ, что какое-либо дѣло хотя причиняетъ вредъ другому, но ему самому приноситъ пользу, тотъ не скоро оставитъ

его, но скорѣе оставить тогда, когда убѣдится, что и онъ самъ не получить отъ того никакой пользы. Посему онъ напередъ и говоритъ: *брашно же насъ не составляетъ предъ Богомъ*. Видишь ли, какъ ничтожнымъ онъ представляетъ то, что повидимому происходитъ отъ совершеннаго знанія? — *Ниже бо аще ямы, избыточствуемъ*, т.-е. не заслуживаемъ благоволенія Божія, какъ бы сдѣлавъ что-нибудь доброе и великое: *ниже аще не ямы, лишаемся*, т.-е. ничего не теряемъ. Такимъ образомъ онъ доказалъ, что яденіе идоложертвеннаго излишне и ничтожно; ибо что не приноситъ пользы, когда есть, и не вредить, когда нѣтъ, то излишне.“ Подъ брашномъ здѣсь разумѣется именно идоложертвенное. Мысль Апостола такая: вы, хвалящіеся высокими умами и яснымъ пониманіемъ дѣла, не думайте, что цѣнное что-либо совершаете предъ очами Бога, когда вкушаете остатки отъ жертвъ идоламъ. Никакой прибавки къ вашей богоугодности, стяжанной другими дѣлами, отъ этого не бываетъ. Не думайте также, что тѣ, которые не ѣдятъ такого рода брашнъ, умаляются чрезъ то въ очахъ Божіихъ. Нѣтъ; ихъ богоугодность, стяжанная другимъ путемъ, чрезъ это никакого урона или лишенія не терпитъ. — Отсюда видно, какъ неосновательно прилагать слово Апостола къ постаніямъ!

Ст. 9. *Блюдите же, да не како власть ваша сія преткновеніе будетъ немощнымъ*.

Нѣкоторые толковники предыдущія слова о брашнѣ считаютъ словами Коринѣянь. По ихъ мнѣнію рѣчь Апостола идетъ въ такомъ порядкѣ: — взявъ онъ изъ письма слова: *въ ямы, яко идолъ ничтоже есть* и проч.; и сдѣлавъ на нихъ замѣчаніе: это вѣрно, но не у всѣхъ такой разумъ. Потомъ опять читаетъ изъ письма Коринѣянь: *брашно же* и проч., т.-е. Коринѣяне пишутъ: идолы ничто, слѣдовательно идоложертвенное не полу-

часть отъ нихъ ни святости, ни грѣшности; это какъ всякая другая пища. Само же по себѣ брашно не поставляетъ насъ предъ Богомъ: ѣшь ли, ничего не прибавляется въ семъ отношеніи, и не ѣшь ли, ничего не умалается. Вотъ мы и ѣдимъ.—На это Апостоль дѣлаетъ теперь замѣчаніе: то правда, что это дѣло безразличное, но смотрѣть надобно, чтобъ не причинить тѣмъ преткновенія брату. Частица: *же*, и впереди поставленная: *брашно же*, — и здѣсь повторенная: *блудите же*, — и особенно слова: *власть ваша сія*, — стоятъ за это предположеніе. И строй рѣчи выходитъ будто стройнѣе.—Но настаивать на семъ нѣтъ никакой надобности. Строй рѣчи и при изложенномъ пониманіи ничего не теряетъ. — Можно однакоже оставить это на выборъ произволенія. — Беремъ прежде изложенную мысль, и продолжаемъ: Апостоль говоритъ какъ-бы: то, что вы при такомъ пониманіи дѣла ѣдите отъ остатковъ жертвенныхъ, не скверните васъ; но это ничего не прибавляетъ вамъ и въ богоугожденіи — главному дѣлу вашему. Между тѣмъ, смотрите, какая опасность! Отъ такого свободнаго вашего отношенія къ жертвеннымъ брашнямъ можетъ преткнуться братъ. А это не мало-важное дѣло. Итакъ поостерегитесь!

„*Блудите же*. Не сказалъ: *власть ваша* служить преткновеніемъ, — не выразилъ этого положительно, дабы они не сдѣлались болѣе безстыдными, но какъ? *блудите*, говоритъ, возбуждая въ нихъ опасеніе, стыдъ и рѣшимость не дѣлать этого. Не сказалъ: разумъ вашъ сей или совершенство ваше, что означало бы больше похвалу, но: *власть*, чѣмъ выразалось болѣе ихъ безстыдство, дерзость и гордость. Не сказалъ: *братіямъ*, а: *немоущимъ* — изъ братій, увеличивая виновность ихъ тѣмъ, что они не щадятъ даже *немоущихъ*, и притомъ братій. Ты не исправляешь и не

поднимаешь брата; пусть будетъ такъ; но для чего поставляешь ему препятствіе и доводишь его до паденія, тогда какъ надлежало бы подать руку помощи? Ты не хочешь помочь ему; по крайней мѣрѣ не повергай же его. Если онъ пороченъ, то имѣетъ нужду въ исправленіи; а если немощенъ, то ему нужно врачеваніе“ (св. Злат.).

Ст. 10. *Аще бо кто видитъ тя, имуща разумъ, въ требищи возлежаща, не совѣсть ли его немощна сущи созидается идоложертвенная ясти.*

Объясняетъ, какъ можетъ произойти преткновеніе.— Увидитъ, говоритъ, братъ тебя въ требищи, — тебя, котораго онъ знаетъ за человѣка многосвѣдущаго, всѣми чтиваго, котораго слово и дѣло имѣютъ всегда вѣсь среди братій—увидитъ и увлечется примѣромъ твоимъ тоже сѣсть за идоложертвенную трапезу, между тѣмъ какъ въ совѣсти своей считаетъ это дѣло не безгрѣшнымъ для христіанина. Поступая такъ, онъ оскорбитъ свою совѣсть и согрѣшитъ предъ Богомъ; ибо противъ совѣсти ни въ какомъ случаѣ не должно дѣйствовать. Вотъ какъ можетъ совершиться преткновеніе и паденіе брата немощнаго!—„И этотъ соблазнъ происходитъ не только отъ его немощи, но и отъ твоего неразумія; ты дѣлаешь его еще болѣе немощнымъ“ (св. Злат.).

Ст. 11. *И погибнетъ немощный братъ въ твоёмъ разумъ, егоже ради Христосъ умре.*

Погибнетъ; ибо дѣйствуя противъ совѣсти грѣшитъ; а можетъ быть еще и то, что, приобщившись трапезы бѣсовской, совѣмъ отпадетъ отъ вѣры и опять обратится къ идолопоклонству. Паль—погибъ, пока не покается; а отпаль—погибъ совѣмъ. Причина же—твой разумъ; ты разумно смотришь на вещи, но неразумно дѣйствуешь при разумныхъ своихъ воззрѣніяхъ. И братъ погибъ,—братъ, за котораго Христосъ умеръ. Пора-

жающее напоминаніе! Онъ уже принялъ очистительное и освятительное дѣйствіе смерти Христовой: капли крови Господа на немъ во спасеніе. А ты ввергаешь его въ прежнюю нечистоту и вмѣстѣ съ нимъ попираешь сію спасительную безцѣнную кровь. Не ужасаетъ это тебя?! „Наносимый тобою вредъ непростителенъ по двумъ причинамъ: потому, что ближній твой немощень, и потому, что онъ братъ твой; но есть еще и третья причина, самая страшная. Какая? Та, что Христосъ не отказался умереть за него, а ты не хочешь оказать ему даже снисхожденія. Не говорить: за котораго тебѣ надлежало бы умереть, но гораздо сильнѣе: *егоже ради Христосъ умре*. Владыка твой не отказался умереть за него, а ты не обращаешь на него никакого вниманія, не хочешь для него воздержаться даже отъ нечистой трапезы, но попускаешь ему погибнуть послѣ того, какъ такимъ образомъ совершенно его спасеніе, и, что всего тяжелѣе, изъ-за пищи!“ (св. Злат.).

Ст. 12. *Такжеже согрѣшающе въ братію, и бѣюще ихъ совѣсть немощну сушу, во Христа согрѣшаете.*

Согрѣшаютъ такіе *въ братію*, т.-е. противъ братіи. Приняли даръ разума и вѣдѣнія, чтобы созидать братію, а неразумно дѣйствуя, разстроиваютъ ихъ. Бьютъ совѣсть:—безжалостное дѣйствіе! какъ у насъ говорятъ иногда: ты меня по сердцу бьешь. Бьютъ совѣсть не тѣмъ только, что въ искушеніе вводятъ, но тѣмъ, что сбиваютъ ихъ съ пути и ввергаютъ въ дѣла, противныя совѣсти. У нихъ чрезъ васъ совѣсть побита; и будучи біема, ихъ бьютъ: они страдаютъ.—*Во Христа согрѣшаютъ*, т.-е. противъ Христа, и тѣмъ уже, что Господь повелѣлъ: *блюдите, да не презрите единаго отъ малыхъ сихъ, наименьшихъ изъ вѣрующихъ въ Меня* (Мѡ. 18, 10), а они не обращаютъ на это никакого вниманія; а особенно тѣмъ, что ввергаютъ въ грѣхъ

брата. „Видишь ли, какъ постепенно и мало-по-малу онъ доказалъ, что вина ихъ есть самое тяжкое преступленіе?—Они грѣшатъ противъ Христа: вопервыхъ потому, что касающееся рабовъ Его Онъ усволяетъ Себѣ; вовторыхъ, подвергшіеся біенію составляютъ тѣло Его и члены Его; въ третьихъ, біющіе (совѣсть немошныхъ) по гордости своей, разрушаютъ дѣло, которое Онъ совершилъ Своею смертію“ (св. Злат.).

Ст. 13. *Тѣмже аще брашно соблазняетъ брата моего, не имамъ ясти мяса во вѣки, да не соблазню брата моего.*

Апостоль говоритъ: судя по такой пагубности соблазна, я вотъ какія имѣю рѣшенія,—что если брашно брата соблазняетъ, то я не вкушу его во вѣки, чтобъ не соблазнить брата. Своей воли рѣшенія, правила и расположенія выставляетъ; но въ мысли у него—дать урокъ Коринѣянамъ, что именно такъ слѣдуетъ имъ дѣйствовать. Свой же примѣръ представляетъ, чтобъ охотнѣе расположить и ихъ поступать такъ. „Поступаетъ какъ отличный наставникъ, въ себѣ указывая примѣръ тому, чему учить. Не говоритъ: будетъ ли это справедливо, или несправедливо, но какъ бы то ни было. Я уже не говорю, внушаетъ какъ-бы онъ, объ идольскихъ жертвахъ, которыя непозволительны и по другой причинѣ; но если соблазняетъ брата моего что-нибудь, зависящее отъ моей власти и дозволенное, я буду воздерживаться и отъ этого, не одинъ и не два дня, а во всю жизнь свою. — *Не имамъ ясти мяса во вѣки.* Не сказалъ далѣе: да не погублю, но даже только: *да не соблазню брата моего.* Подлинно крайне безумно,—тѣхъ, о которыхъ Христосъ такъ печется, что благоволилъ умереть за нихъ, считать столь презрѣнными, чтобъ не воздерживаться для нихъ даже отъ пищи. — Это не только относится къ Коринѣянамъ, но можно сказать, и къ намъ, которые пренебрегаемъ спа-

сеніемъ ближнихъ и произносимъ такія же сатанинскія слова. Ибо говорить: какое мнѣ дѣло, что какой-то соблазняется и такой-то погибаетъ?—это поистинѣ сатанинская жестокость и безчеловѣчіе.—Тогда соблазнъ происходилъ по крайней мѣрѣ отъ немощи соблазнявшихся, а у насъ не такъ; мы совершаемъ такіе грѣхи, которые соблазняютъ даже сильныхъ“ (св. Злат.).

б).

Доказалъ Апостоль, что неразумное пользованіе свободою относительно вкушенія идоложертвенныхъ соблазнительно для немощныхъ, и потому должно быть избѣгаемо. Теперь приступаетъ онъ къ убѣжденію, чтобы такъ и дѣйствовали. Убѣжденіе беретъ изъ своего примѣра. Смотрите, говорить какъ-бы, какъ я дѣйствую: имѣю право пользоваться содержаніемъ отъ обращающихся мною вѣрныхъ, но не дѣлаю этого, чтобы не подать повода думать, что веду проповѣдь изъ корыстныхъ видовъ и тѣмъ не отвратить немощныхъ отъ Евангелія. Самъ работаю, терплю голодь и нужду, а никого не отягощаю собою. Такъ поступайте и вы. Видите, что вашъ образъ дѣйствій соблазнителенъ, измѣните его. Для васъ это не требуетъ никакихъ жертвъ: не такъ какъ для меня.—На разъясненіе этого посвящена девятая глава. Она представляется отступленіемъ; но такъ смотрѣть на нее не слѣдуетъ.

Вотъ слова св. Златоуста объ этомъ: „выраженнаго въ словахъ: *еще брашно соблазняетъ брата моего, не имамъ ясти мяса во вѣки*, Апостоль еще не сдѣлалъ, а только изъявилъ готовность сдѣлать это, если потребуетъ нужда. Посему, дабы кто-нибудь не сказалъ: ты только хвалишься, показываешь любомудріе на словахъ и общаешь,—что легко для меня и для всякаго другаго,—

если же говоришь отъ души, то покажи на дѣлѣ, отъ чего ты отказался, дабы не соблазнить брата, — онъ находитъ нужнымъ объяснить это и показать, какъ онъ воздерживался даже отъ позволеннаго, дабы не соблазнить кого-нибудь, тогда какъ никакой законъ не принуждаетъ его къ тому. Не то только удивительно, — хотя и это само по себѣ удивительно, — что онъ воздерживался отъ позволеннаго, лишь бы не соблазнить, но и то, что воздерживался съ великимъ трудомъ и среди опасностей. Христосъ, говорить, заповѣдалъ проповѣдникамъ Евангелія получать содержаніе отъ поучаемыхъ, но я не дѣлалъ и этого, а рѣшился, въ случаѣ нужды, мучиться голодомъ и подвергнуться самой тяжелой смерти, только бы ничего не брать отъ поучаемыхъ. И свидѣтелями этого представляетъ ихъ самихъ, у которыхъ онъ работалъ, терпѣлъ голодь, получалъ пропитаніе отъ другихъ и находился въ стѣснительномъ положеніи, дабы не соблазнить ихъ, хотя они напрасно стали бы соблазняться, потому что это было бы дѣло законное; такъ много онъ щадилъ ихъ! Если же онъ самъ поступалъ выше закона, дабы не подать повода къ соблазну, и воздерживался отъ позволительнаго въ назиданіе другихъ, то чего достойны они, не воздерживаясь отъ идольскихъ жертвъ, тогда какъ многіе отъ того погибаютъ, и притомъ тогда, какъ и безъ соблазна слѣдовало бы воздерживаться, потому что это бѣсовская трапеза. Вотъ главное содержаніе слѣдующихъ стиховъ (т.-е. девятой главы). Но Апостоль выскзалъ свою мысль не вдругъ, а началъ издалека.“

Это начатіе издалека состоитъ въ томъ, что имѣя дѣло съ учеными, св. Павелъ счелъ нужнымъ доказать имъ всесторонне, что онъ, какъ Апостоль, точно имѣлъ право получать содержаніе отъ обращенныхъ имъ вѣрующихъ. И образовалось такимъ образомъ слѣдующее

теченіе рѣчи: аа) я Апостоль, ст. 1. 2. 3; бб) какъ Апостоль, могъ пользоваться содержаніемъ отъ вѣрующихъ, — 4—14; вв) но я не пользовался этимъ правомъ, — 15—18; гг) и не только не пользовался этимъ, но и отъ многаго другаго отказывался въ пользу обращаемихъ, — 19—23. — Последніе стихи — 24—27 — содержать дд) приложеніе изложеннаго.

аа).

я—Апостоль

9, 1. 2. 3.

Ст. 1. 2. *Нѣсмъ ли Апостолъ? Нѣсмъ ли свободъ? Не Иисуса Христа ли Господа нашего видѣхъ? Не дѣло ли мое вы есте о Господѣ? Аще инымъ и нѣсмъ Апостолъ, но обаче вамъ есмъ: печать бо моего апостольства вы есте о Господѣ.*

Нѣсмъ ли Апостолъ? Вопросъ за вопросомъ идутъ — и съ движеніемъ, можетъ быть намѣренно, чтобы возбудить вниманіе. Къ этому же вела и неожиданность самихъ вопросовъ; ибо съ перваго раза невидно, къ чему они идутъ. — Цѣль его та, чтобы возстановить во вниманіи Коринѳянь мысль, что онъ настоящій Апостоль. *Нѣсмъ ли Апостолъ?* Не настоящій ли я Апостоль, свыше пріавшій поставленіе? (Ѳеод.). Не самъ собою началъ я дѣло проповѣди, и не другимъ кѣмъ изъ людей посланъ. Самимъ Господомъ поставленъ на это служеніе, какъ и всѣ другіе Апостолы. Посему *нѣсмъ ли свободъ?* Не имѣю ли полномочія дѣйствовать вполне въ качествѣ Апостола, какъ и всѣ прочіе? „Я не подъ властію другаго состою, и не въ чинѣ ученика нахожусь, но мнѣ ввѣрена вся вселенная“ (Ѳеод.). „Не

имѣю ли я власти надъ собою? — Развѣ кто имѣеть власть останавливать меня или запрещать? (св. Злат.). — *Не Исуса Христа ли Господа нашего видѣхъ?* „По велику св. Павелъ призванъ былъ по вознесеніи Спасителя, Апостолы же были у всѣхъ въ великой славѣ, потому что сподобились зрѣть самого Господа, то по необходимости присовокупилъ онъ и это“ (Θεод.), чтобы никто не могъ думать, что онъ по Апостольству чѣмъ-либо ниже другихъ. Что другіе имѣли, имѣю тоже и я. Они видѣли Господа, видѣлъ Его и я. Самъ Онъ мнѣ явился (1 Кор. 15, 8), и Самъ послалъ на проповѣдь всѣмъ языкамъ.

Этимъ рядомъ вопросовъ онъ возстановилъ мысль, что онъ настоящій Апостоль. Теперь ему, для его предмета, нужно заставить ихъ вспомнить, какъ онъ у нихъ апостольствовалъ. Отсюда вопросъ: *не дѣло ли мое вы есте о Господѣ?* — *Не дѣло ли*, т.-е. апостольское, не дѣло ли моего апостольства вы? Разумѣтъ ихъ обращеніе къ вѣрѣ и устроеніе изъ нихъ церкви, въ полномъ ея составѣ. О *Господѣ*, или при помощи Господа, или во славу Господа, или дѣло Господне, — настроеніе васъ на спасеніе въ Господѣ. — Это должно было привести имъ на память все, какъ пришелъ къ нимъ св. Павелъ и какъ дѣйствовалъ въ продолженіе полутора года, и какъ держалъ себя среди ихъ. — *Аще имымъ и нѣсмъ Апостолъ, но обаче вамъ есмъ*. Иные, не видавшіе меня, могутъ еще сомнѣваться, Апостоль ли я, но для васъ это должно быть очевидно. Вы осязали апостольскую во мнѣ силу. „Апостоль выразилъ это кратко, но сказалъ въ немногомъ много — о трудахъ въ преподаваніи ученія, о подвигахъ и всякаго рода страданіяхъ за оное, и о чудныхъ дѣйствіяхъ благодати, истинными свидѣтелями которыхъ были Коринѣяне, какъ самовидцы“ (Θεод.). — *Печать бо моего апо-*

стольства вы есте о Господь.—„Печать, т.-е. доказательство. Кто хочет убѣдиться, говорить, въ моемъ апостольствѣ, тому я указываю на васъ. Ибо все, свойственное Апостолу, я сдѣлалъ у васъ и ничего не опустилъ. У васъ я показывалъ и знаменія, и училъ словомъ, и подвергался опасностямъ, и проводилъ безукоризненную жизнь. Во второмъ посланіи онъ полнѣе свидѣтельствуемъ о семъ: *Знаменія Апостолова содѣлываема въ васъ во всякомъ терпѣннѣ, въ знаменіихъ и чудесахъ и силахъ. Что бо есть, егоче лишится паче прочихъ церквей*“ (2 Кор. 12, 11—13)? (св. Злат.).

Ст. 3. *Мой отвѣтъ возстающимъ мене сей есть.*

И вотъ мой отвѣтъ тѣмъ, которые стали бы возражать противъ моего апостольства и спорить. То, что я сказалъ, должно всякаго убѣдить, что я настоящій Апостоль. „Для тѣхъ, которые хотять знать, почему я Апостоль или стараются доказать, что я не Апостоль, доказательствомъ и оправданіемъ моимъ служить ваше обращеніе“ (св. Злат.).

66).

Какъ Апостоль, могу пользоваться содержаніемъ отъ вѣрующихъ.

4—14.

До убѣжденія въ этомъ Апостоль доводитъ разными доводами. *Первый* доводъ беретъ отъ примѣра прочихъ Апостоловъ,—4—6.

Ст. 4—6. *Еда не имамы власти ясти и пити? Еда не имамы власти сестру жену водити, яко и прочіи Апостоли, и братія Господня, и Киѳа? Или единъ азъ и Варнава не имамы власти еже не дѣлати?*

Еда не имамы власти ясти и пити?— „Но не смотря на то, что имѣю власть, я воздерживаюсь. Неужели же онъ ни ѣлъ, ни пилъ? Дѣйствительно, часто ни ѣлъ, ни пилъ. *Во алчбѣ, говорить, и жажди и наготѣ быхомъ* (2 Кор. 11, 27). Но здѣсь онъ разумѣетъ не то, а что? Мы не ѣдимъ и не пьемъ на счетъ учениковъ, хотя и имѣемъ право брать отъ нихъ“ (св. Злат.). „Апостоль разумѣетъ: *ясти и пити* отъ благовѣстія. Намѣренъ показать этимъ, что, имѣя право, по Владычному закону, получать необходимую пищу отъ учениковъ, продолжалъ онъ работать и трудами снискивать необходимое пропитаніе, ради пользы учениковъ“ (Ѳеод.).

Еда не имамы власти сестру жену водити? Подъ *сестрою женою* нельзя разумѣть супругу; въ такомъ случаѣ достаточно было сказать: *жену*. Прибавивъ: *сестру*, Апостоль далъ знать, что не разумѣетъ здѣсь супруги, а женщину изъ вѣрующихъ. И въ этомъ случаѣ достаточно бы было сказать — *сестру*; но чтобы кто не подумалъ, что это сестра по плоти, прибавилъ *жену*. И греческое слово $\gamma\omega\upsilon\eta$ означаетъ собственно женщину, а не жену. Кто же такая *сестра жена*? — „Какъ за Господомъ слѣдовали вѣрныя жены, снабжавшія учениковъ необходимою пищею (Лук. 8, 3), такъ и за нѣкоторыми Апостолами слѣдовали жены, которыя показывали въ себѣ горячую вѣру, привязаны были къ ихъ ученію, и содѣйствовали божественной проповѣди“ (Ѳеод.). Это женщины почтенныя и по состоянію, и по возрасту. — „Богатыя женщины изъ увѣровавшихъ слѣдовали за нѣкоторыми Апостолами, доставляли имъ необходимыя потребности жизни; чтобы они, будучи свободны отъ попеченій объ этомъ, прилежали одной проповѣди“ (Экум.).

Яко и прочіи Апостоли. Апостолы далеко не всѣ

были женаты,—можетъ быть двое, трое. Прочіе были безбрачны; и тѣ, когда вышли на проповѣдь, или даже когда еще позваны были Господомъ, оставили все брачное и житейское, какъ Апостоль Петръ и свидѣтельствовавъ предъ Господомъ: *се мы оставихомъ вся*. Слово: *водити* надо понимать въ такомъ смыслѣ: позволяли ходить за собою, не запрещали имъ промышлять о себѣ. Со стороны смотрящій на нихъ точно можетъ подумать и сказать, что водятъ за собою.

И братія Господня — разумѣются или дѣти Іосифа отъ первой жены, или двоюродные. О нихъ сказалъ Ев. Іоаннъ, что они еще не вѣровали Господу, когда Онъ былъ на землѣ, что надо понимать такъ: не вполне еще вѣровали, и не всѣ, а нѣкоторые. Потомъ они всѣ увѣровали и усердно посвятили себя на дѣло проповѣди Евангелія.

Кифа—Апостоль Петръ. „Видишь ли мудрость св. Павла? Верховнаго Апостола онъ поставляетъ послѣ; самое сильное доказательство помѣщаетъ на концѣ; ибо указаніе на другихъ, дѣлающихъ это, не было бы столь разительно, какъ указаніе на перваго Апостола. Впрочемъ онъ указываетъ не на него одного, а на всѣхъ, и какъ-бы такъ говоритъ: посмотришь ли на низшихъ, или на высшихъ, всѣ они служатъ примѣромъ. Братія Господа, оставившіе прежнее невѣріе, были также достославны, хотя и равнялись съ Апостолами (изъ 12); посему онъ и поставляетъ ихъ посрединѣ, помѣщая главныхъ прежде и послѣ нихъ“ (св. Злат.).

Или единъ азъ и Варнава не имамы власти еже не дѣлати?—*Не дѣлати*,—т.-е. не трудами рукъ своихъ снискивать себѣ пропитаніе. Онъ говоритъ какъ-бы: „Господь позволилъ всѣмъ проповѣдующимъ благовѣстіе отъ благовѣстія жити; и мы ли одни лишены сего

права?“ (Ѳеод.). „Если все прочее у насъ съ ними обще, то почему и этому не быть общимъ? И тѣ и мы—Апостолы, и свободны, и видѣли Христа, и совершили, что слѣдуетъ Апостоламъ: посему и мы имѣемъ право жить безъ трудовъ и получать содержаніе отъ учениковъ“ (св. Злат.). — Зачѣмъ помянуть Варнава, когда въ Коринѳѣ съ св. Павломъ были Сила и Тимоѳей?—Вѣроятно Коринѳянамъ извѣстно было, что св. Варнава и по разлученіи съ св. Павломъ дѣйствовалъ подобно ему, по предмету содержанія себя. Св. Златоустъ замѣчаетъ только при семъ: „видишь ли, какъ душа св. Павла смиренномудра и чиста отъ всякой зависти, какъ онъ не умалчиваетъ о томъ, кто участвовалъ въ трудахъ его?“

Второй доводъ беретъ Апостолъ отъ „житейскихъ обычаевъ“ (Ѳеод.).

Ст. 7. *Кто воинствуетъ своими оброки когда? Или кто насаждаетъ виноградъ, и отъ плода его не ястъ? Или кто пасетъ стадо, и отъ млека стада не ястъ?*

„Приведши сильнѣйшее доказательство — примѣръ Апостоловъ на то, что можно дѣлать это (не трудами рукъ питаться), онъ теперь обращается къ сравненіямъ и общепринятымъ обычаямъ и говоритъ: *кто воинствуетъ своими оброки?* Посмотри, какъ приличны настоящему предмету приводимыя имъ сравненія, и какъ онъ упоминаетъ напередъ о дѣлѣ, соединенномъ съ опасностями,—о воинской службѣ, оружіи и войнѣ. Таково и апостольство, и даже гораздо труднѣе. Ибо у Апостоловъ была брань не только съ людьми, но съ бѣсами и съ предводителемъ ихъ. Смыслъ словъ его слѣдующій: если и внѣшніе (языческіе) начальники, жестокіе и несправедливые, не требуютъ отъ воиновъ, чтобы они шли на войну и подвергались опасностямъ, и между тѣмъ содержали сами себя; то возможно ли,

чтобы Христосъ требовалъ этого (отъ Апостоловъ)?— Онъ не довольствуется однимъ сравненіемъ,—ибо простой грубый человѣкъ скорѣе убѣждается, когда видитъ, что заповѣди Божіи согласны съ общепринятыми обычаями; но приводитъ другое и говоритъ: *кто насаждаетъ виноградъ и отъ плода его не ястъ?* Первымъ онъ выразилъ опасности, а другимъ трудъ, ревность и усердіе. Потомъ присовокупляетъ третье сравненіе: *кто, говоритъ, посетъ стадо, и отъ млека стада не ястъ?* Этимъ означаетъ великую заботливость, какую свойственно имѣть учителю объ ученикахъ. Апостолы были и воины, и земледѣльцы, и пастыри, имѣвшіе дѣло не съ землею, не съ безсловесными животными, не съ чувственными врагами, а съ разумными душами и съ бѣсовскими ополченіями. Замѣть, какъ Апостоль вездѣ соблюдаетъ соразмѣрность, стараясь сказать только полезное, а не излишнее. Не сказалъ: какой воинъ служить и не богатѣеть? но: *кто воинствуетъ своими оброками когда?* Не сказалъ: *кто насадивъ виноградъ, не извлекаетъ золота, или не собираетъ всего плода?* но: *отъ плода его не ястъ?* Не сказалъ: кто пася стадо, не продаетъ агнцевъ? Но какъ?—*И отъ млека стада не ястъ?* Не отъ агнцевъ, а *отъ млека*; выражаетъ, что учитель долженъ довольствоваться малымъ утѣшеніемъ и одной только необходимою пищею. И не это одно внушаетъ Апостоль такими сравненіями, а показываетъ и то, каковъ долженъ быть священникъ. Онъ долженъ имѣть мужество воина, трудолюбіе земледѣльца и попечительность пастыря,—и при всемъ томъ не желать ничего, кромѣ необходимаго“ (св. Злат.).

Третій доводъ беретъ Апостоль изъ прообразовательнаго значенія постановленія закона Моисеева о незагражденіи устъ вола молотяща,—8—10. „Доказавъ и примѣромъ Апостоловъ и сравненіями изъ обыкно-

венной жизни, что учителю не запрещено брать, св. Павелъ приступаетъ къ третьему доказательству, и говорить:“ (св. Злат.).

Ст. 8. *Еда по чловѣку сія глаголю? Не и законъ ли сія глаголетъ?*

„Доселѣ онъ ничего не приводилъ изъ Писаній, а ссылался на общепринятыя обычаи; посему не подумайте, говорить, что я основываюсь на этомъ одномъ и утверждаю заповѣдь на мнѣніи чловѣческомъ; я могу доказать, что такъ угодно Богу и привести древній законъ, который повелѣваетъ то же. Здѣсь онъ продолжаетъ рѣчь вопросомъ, какъ бываетъ въ бесѣдѣ о чемъ-нибудь, совершенно извѣстномъ, и говорить: *еда по чловѣку сія глаголю?* Т.-е. развѣ я основываюсь только на чловѣческихъ обыкновеніяхъ? *Не и законъ ли сія глаголетъ?*“ (св. Злат.).

Ст. 9. *Въ Моисеовъ бо законъ писано: да не заградими устенъ вола молотяща. Еда о волѣхъ радитъ Богъ?* (Второз. 25, 4).

На Востокѣ молотятъ волами. Разбрасаютъ на току пшеницу, или ячмень снопами развязанными, и водятъ по нимъ воловъ, пару, двѣ и три. Они ногами своими изомнутъ все въ мелкія частицы. Тогда отвѣютъ, и зерно получаютъ. Этихъ молотящихъ воловъ уста законъ запрещалъ завязывать. Это можно примѣнить и ко всѣмъ трудящимся. Св. Павелъ примѣняетъ это къ Апостоламъ, трудящимся въ проповѣди, давая мысль, что еслибъ ученики не содержали Апостоловъ,—то это похоже было бы на то, какъ жестокой хозяинъ заградилъ бы уста молотящихъ воловъ, что законъ запрещаетъ. Законность наведенія основывается на томъ, что законъ ветхій во всѣхъ своихъ частяхъ преобразовалъ предметы духовныя, долженствовавшіе явиться въ благодатномъ царствѣ Христовомъ. Всѣ постанов-

ленія точно таковы, что въ нихъ духовная жизнь предъизображается явственно, какъ въ зеркалѣ. Св. Златоустъ говоритъ на это: „Для чего Апостоль упоминаетъ объ этомъ (незагражденіи устѣхъ у молотящихъ воловъ), когда имѣеть примѣръ іудейскихъ священниковъ? Дабы сильнѣе доказать свою мысль. Потомъ, дабы кто не возразилъ, какое намъ дѣло до того, что сказано о волахъ, обстоятельно объясняетъ это и говоритъ: *еда о волыхъ радитъ Богъ?* Неужели же Богъ не печется о волахъ? Печется, но не столько, чтобы постановлять о нихъ особый законъ (разумѣть надо: о нихъ однихъ, — безъ примѣненія). Еслибы Богъ не имѣлъ въ виду чего-нибудь важнѣйшаго, еслибы не хотѣлъ примѣромъ бессловесныхъ научить Іудеевъ челоуѣколюбію и вмѣстѣ съ тѣмъ напомнить имъ объ учителяхъ, то не оказалъ бы такого попеченія о волахъ, чтобы предписывать законъ о незагражденіи устѣ ихъ. (Предписывая послѣднее, имѣлъ въ виду первое). Откуда видно, какъ великъ есть и долженъ быть трудъ учителя, и еще нѣчто. Что же такое? То, что сказанное въ Вѣтхомъ Завѣтѣ касательно попеченія о животныхъ преимущественно относится къ назиданію людей, равно какъ и все другое, напримѣръ, сказанное о разныхъ одеждахъ, о виноградникахъ, о сѣменахъ, о томъ, чтобы не засѣвать землю разными сѣменами, о проѣзѣ, и, можно сказать, обо всемъ прочемъ. Такъ какъ слушатели были люди грубые, то онъ говоритъ имъ такъ, чтобы приводить ихъ къ разумѣнію мало-по-малу. Впрочемъ Апостоль не доказываетъ того, что ясно и очевидно само по себѣ. Ибо сказавъ: *еда о волыхъ радитъ Богъ*, продолжаетъ:“

Ст. 10. *Или насъ ради всяко глаголетъ? Насъ бо ради написася, яко о надеждѣ долженъ есть оряи орати, и молотяи съ надеждею своего упованія причащатися.*

Или, говорить, подь образомъ воловъ. это о насъ говорить законъ? Или *всяко о насъ?*—*Всяко* вставлено, чтобъ въ вопросѣ предуказать и отвѣтъ рѣшительно утвердительный, не допускающій никакихъ возраженій (св. Злат.). Потомъ все-таки прибавляетъ: да, это о насъ написано,—никакого сомнѣнія нѣтъ, что о насъ. Что же написано? Не то, что слѣдуетъ: *яко долженъ есть орай орати* и проч., а что сказано впереди: *да не заградиши устенъ вола молотяща*. Здѣсь же послѣ написано приложено прообразовательное истолкованіе того закона, только опять не простымъ словомъ, а метафорой (св. Злат.). вмѣсто того, чтобы сказать: да, о насъ это написано, въ той мысли, чтобъ мы воздѣлывали души ваши и сѣяли въ нихъ сѣмена истины, и затѣмъ всячески васъ направляли къ тому, чтобы вы приносили плодъ, не безпокоясь о своемъ содержаніи,—подобно тому, какъ воздѣлывающій землю, воздѣлываетъ ее въ надеждѣ, что она дастъ ему плодъ, и молотящій молотить въ полной увѣренности, что вкусить хлѣба,—вмѣсто того, чтобы такъ полно описать мысль свою, Апостоль беретъ одно послѣднее сравненіе и его выставляетъ, давая самимъ читающимъ разумѣть, что подь этими образами онъ разумѣетъ проповѣдниковъ слова. „Словами: *о надеждѣ долженъ есть орай орати*, Апостоль тоже сказалъ, что: учитель долженъ получать возмездіе за труды“ (св. Злат.). Тѣмъ, что помѣстилъ въ словѣ и *ораніе*—начало дѣла, и *молотьбу*, почти конецъ его,—онъ показалъ непрерывность труда Апостоловъ надъ вѣрующими, т.-е. что не такъ они дѣйствуютъ, чтобъ посѣялъ слово, и все тѣмъ сдѣлалъ. Нѣтъ; но продолжаютъ бдѣть надъ ними и трудиться, чтобъ выбить изъ нихъ все доброе и отвѣять отъ нихъ все недоброе. „Отъ сѣянія онъ переходитъ къ молотѣбѣ, и тѣмъ внушаетъ, какъ велики труды учителей,

которые и пашутъ и молотятъ“ (св. Злат.). Последнія слова: *и молотяй*, и проч., можно читать такъ: и молотящій молотить въ надеждѣ причаститься упованія своего, т.-е. того, чего онъ чаялъ съ тѣхъ поръ, какъ началъ орать и сѣять; дѣло къ концу подходитъ, близко время, когда онъ вкуситъ плода трудовъ своихъ. „Такимъ образомъ законъ о незагражденіи устъ вола молотящаго означаетъ не что иное, какъ то, что трудящіеся учителя должны получать вознагражденіе“ (св. Злат.).

„Вотъ и *четвертое* доказательство того, что надобно доставлять пропитаніе учителямъ“ (св. Злат.). Доводъ изъ существа дѣла проповѣди.

Ст. 11. *Аще мы духовная съяхомъ вамъ, велико ли, аще мы ваша тѣлесная пожнемъ?*

„Апостоль приводитъ новую основательнѣйшую причину, почему они имѣютъ право брать, именно ту, что они не только трудятся, но и сами доставляютъ ученикамъ гораздо важнѣйшее“ (св. Злат.). Мы, говорить, сѣемъ. духовное, велико ли, если пожнемъ тѣлесное. „Давъ гораздо большее, погрѣшаемъ ли, если беремъ гораздо меньше?“ (Θεод.). „Видишь ли причину справедливѣйшую и основательнѣйшую прежнихъ? Тамъ, говорить, вещественныя сѣмена, вещественный и плодъ; а здѣсь не такъ, но сѣмя духовное, а воздаяніе вещественное. Дабы доставляющіе что нибудь учителямъ не думали о себѣ много, онъ показываетъ, что они больше получаютъ, нежели даютъ. Земледѣльцы что посѣютъ, то и пожинаютъ; а мы сѣемъ въ душахъ вашихъ духовное, а пожинаемъ вещественное; ибо такова доставляемая намъ пища“ (св. Злат.). Вкушающіе духовныхъ благъ отъ вѣры и сами собою готовы бываютъ все отдать тѣмъ, которые привели ихъ въ причастіе сихъ благъ. Ибо вѣра Христова—не голая теорія, а дѣло обновленія души, которое тотчасъ и ощущается.

Ощутившій же его сознаеть, что сподобился блага, которому цѣны нѣтъ на землѣ. Какъ не будетъ такой готовъ всёму дѣлиться съ своимъ просвѣтителемъ!!

Ст 12. *Аще инии власти вашае причащаются, не паче ли мы? Но не сотворихомъ по области сей, но вся терпимъ, да не прекращеніе кое дамы благовѣствованію Христову.*

Усиливаетъ значеніе предыдущаго повода для Коринѣянь, припоминая, что дѣлають они для другихъ, или какъ у нихъ иные пользуются подобнымъ правомъ получать отъ нихъ или брать съ нихъ. Онъ хочеть сказать, что еслибъ мы у васъ захотѣли пользоваться своимъ правомъ, то вы не могли бы противъ этого ничего сказать не по существу только дѣла,—но и по тому, что бываетъ у васъ съ иными. Кто сіи *иные*? Апостоль не опредѣляетъ ихъ ничѣмъ; но кто бы они ни были, больше того, что доставляють Апостолы, никто доставлять не могъ. Еслибъ даже эти иные не худое что доставляли; и тогда Апостоль могъ сказать: *не тѣмъ ли паче мы?* Еслижъ это были какіе-нибудь смутители, то этому *паче* и мѣры нѣтъ. Св. Златоустъ разумѣетъ здѣсь лжеучителей какихъ-то, о которыхъ во второмъ посланіи писалъ св. Павелъ: посядаютъ васъ, отъемлютъ, величаются, по лицу біють (2 Кор. 11, 20). Строго опредѣляетъ впрочемъ, кто сіи *иные*, не настоятъ надобности. Ибо не въ качествѣ ихъ сила, а въ томъ, что они пользовались содержаніемъ и нѣкоторыми выгодами отъ Коринѣянь, между тѣмъ какъ не могли идти въ сравненіе съ Апостолами. Слова: *власти вашае*, значатъ: власти надъ вами или надъ вашимъ, или права своего на ваше; *причащаются* — пользуются. — *Власть* — право, какъ выше: *или не имѣемъ власти сестру-жену водити, или не имамы власти, еже не дѣлати?* Св. Златоустъ видитъ въ

этомъ указаніе на дерзость, насиліе и корыстолюбіе пользовавшихся властію. „Они управляютъ вами, показываютъ власть надъ вами, поступаютъ съ вами, какъ съ рабами, не только берутъ съ васъ, но и съ великимъ настояніемъ и дерзостію. Очевидно, что онъ намекаетъ на какихъ-то зловредныхъ людей и оболстителей. Но какъ бы то ни было, всяко изъ сего обстоятельства выходило: вы и сами у себя постановили и имѣете правиломъ доставлять содержаніе. Не паче ли намъ? Не паче ли намъ доставили бы вы его, еслибъ мы того захотѣли?“

Но не сотворихомъ по области сей. „Т.-е. мы не брали. Смотри, послѣ сколь многихъ доказательствъ того, что брать имъ не есть дѣло беззаконное, онъ наконецъ сказалъ имъ: мы не беремъ, дабы не подумали, что онъ воздерживается отъ этого, какъ отъ запрещеннаго. Не потому, говорить, я не беру, что не позволительно; это позволительно, какъ я доказалъ многими доводами: примѣромъ Апостоловъ, примѣрами житейскими, какъ-то: война, земледѣльца, пастыря, закономъ Моусеевымъ, самымъ существомъ дѣла, — такъ какъ *мы духовная стѣяхомъ вамъ*, и наконецъ тѣмъ, что вы сами дѣлаете это въ отношеніи къ другимъ. Позволительно; но мы *не сотворихомъ по области сей*, сами по своей волѣ воздерживались отъ этого, не какъ отъ запрещеннаго. Впослѣдствіи онъ выразилъ это яснѣе въ словахъ: *не писавъ же сія, да тако будетъ о мнѣ* (1 Кор. 9, 15); а здѣсь говорить: *не сотворихомъ по области сей*. И притомъ, что еще важнѣе, никто не можетъ сказать, будто *мы не сотворихомъ* потому, что жили въ изобиліи; нѣтъ, бывъ въ нуждѣ, мы не уступили нуждѣ. Тоже онъ говоритъ во второмъ посланіи: *и пришедъ къ вамъ, и въ скудости бывъ, не стужихъ ни единому* (2 Кор. 11, 8); также и въ насто-

ящемъ посланіи: *и алчемъ, и жаждемъ, и наготуемъ, и страждемъ* (1 Кор. 4, 11). И здѣсь опять намекаетъ на то же словами: *но вся терпимъ*. Ибо выраженіе *вся терпимъ* означаетъ и голодь, и нужду, и всё другія бѣдствія. Однако все это, говорить, не принудило насъ нарушить законъ, который мы сами для себя поставили. Почему? *Да не прекращеніе* (εὐχολή—пресѣченіе) *кое дамы благовѣствованію Христову*. Коринѣяне были немощны; посему, говорить, дабы не соблазнить васъ, принимая отъ васъ возмездіе, мы рѣшились лучше дѣлать болѣе, чѣмъ сколько заповѣдано, нежели полагать какую-либо преграду благовѣствованію, т.-е. наученію васъ. Не сказалъ: уничтоженіе, но: *прекращеніе* (пресѣченіе, преграду), и не просто прекращеніе, но *прекращеніе кое*, т.-е. дабы не причинить ни малѣйшаго замедленія и остановки въ распространеніи слова“ (св. Злат.).

Пятый доводъ изъ законоположенія о ветхозавѣтномъ священствѣ—ст. 13.

Ст. 13. *Не вѣсте ли, яко дѣлающіи священная, отъ святилища ядятъ? и служащіи олтарю, со олтаремъ дѣлятся?*

„Весьма тщательно Апостоль старается доказать, что братъ (содержаніе отъ поучаемыхъ) не запрещено. Много сказавъ объ этомъ прежде, онъ не довольствуется тѣмъ, а снова обращается къ закону и представляетъ изъ него примѣръ болѣе близкій, чѣмъ прежній. Ибо не одно и то же представить въ примѣръ воловъ, или привести ясный законъ о священникахъ“ (св. Злат.).

Дѣлающіи священная, — служащіи олтарю. Подъ этимъ разумѣтъ Апостоль или безъ различія всѣхъ, служащихъ въ храмѣ, левитовъ, священниковъ и архіереевъ, или подъ *дѣлающими священная* разумѣтъ архіереевъ и священниковъ, а подъ *служащими олта-*

рю левитовъ (св. Злат.). Слова: *отъ святилища ядятъ, со олтаремъ дѣлятся*, — означаютъ, что тогдашнее священство состояло на содержаніи святилища и олтаря. Приносившіе, что ни приносили, приносили то святилищу и олтарю; а святилище и олтарь удѣляли отъ того служащимъ. Приносимое въ жертву, не все поступало на жертвенникъ, а только часть того. Эти части, оставшіяся отъ жертвъ, Господь повелѣлъ дѣлить служащимъ. Этимъ они и содержались. Апостоль хочетъ внушить: если такъ въ ветхомъ законѣ, который былъ тѣнію новаго; не тѣмъ ли паче такъ должно быть въ новомъ? Но онъ и прямо дѣлаетъ это примѣненіе, отъ Господа изводя особое объ этомъ постановленіе.

Шестой доводъ отъ явнаго повелѣнія Господня, ст. 14.

Ст. 14. *Тако и Господь повелѣ проповѣдающимъ благовѣстіе, отъ благовѣстія жити.*

Когда повелѣлъ Господь? Когда, посылая Апостоловъ на проповѣдь, ничего не велѣлъ брать съ собою, ни одежды (запасной), ни пищи, ни денегъ, а гдѣ примуть, тамъ жить на ихъ содержаніи, говоря: *въ томъ же дому пребывайте, ядуще и піюще, яже суть у нихъ: достоинъ бо есть дѣлатель мзды своея* (Лук. 10, 7; Мат. 10, 10). „Дабы кто не сказалъ: что ты напоминаешь намъ о Ветхомъ Заветѣ? развѣ не знаешь, что теперь время совершеннѣйшихъ заповѣдей? Апостоль предлагаетъ то, что важнѣе всего: *тако и Господь повелѣ*. И здѣсь не говорятъ: питаются отъ людей, но, подобно какъ о священникахъ, сказалъ: *отъ святилища и олтаря*, такъ и здѣсь: *отъ благовѣстія*; и какъ тамъ: *ясти*, такъ здѣсь: *жити*, а не куплю производить или обогащаться“ (св. Злат.). „*Жити*, тоже что получаютъ необходимое пропитаніе“ (Θεод.). Когда при Себѣ еще Господь посылалъ на

проповѣдь Апостоловъ, то тѣмъ, которые принимали ихъ, и то самое, чтобы принять, внушалъ, и то, чтобы содержать ихъ. Равно и послѣ, когда пошли они по вселенной, Онъ же какъ располагалъ слушать проповѣдь ихъ, такъ внушалъ и то, чтобы не давать имъ умирать съ голоду. Выходило, что Апостолы находились на Господнемъ содержаніи. Люди были только орудія. И въ Ветхомъ Заветѣ Господь постановилъ, чтобы остатки жертвъ не приносившіе брали, а оставляли ихъ святилищу, а отъ святилища разбирали ихъ служащіе, получая содержаніе изъ дома Божія, какъ бы отъ рукъ Самого Господа. Это для Апостоловъ доставляло благовѣстіе.

Такъ уяснилъ св. Апостоль всесторонне для Коринѳской учености, что и на волосъ сомнѣваться не должно въ томъ, что онъ, какъ Апостоль, имѣлъ право быть содержимымъ отъ Коринѳянь.

вв).

НО Я НЕ ПОЛЬЗОВАЛСЯ ЭТИМЪ ПРАВОМЪ

15—18.

Ст. 15. *Азъ же ни едино сотворихъ отъ сихъ. Не писяхъ же сія, да тако будетъ о мнѣ: добръ бо мнѣ наче умрети, нежели похвалу мою кто да испразднитъ.*

Теперь для васъ, говорить, очевидно, что я могъ пользоваться содержаніемъ отъ васъ; но я добровольно не пользовался ничѣмъ отъ васъ, не предъявлялъ у васъ никакого требованія, къ какому уполномочивали меня апостольскіе среди васъ труды. „Говорить такъ не однажды и не дважды, но нѣсколько разъ. Выше сказалъ: *не сотворихомъ по области сей*; послѣ скажетъ: *во еже не творити ми по области моей* (—18) и здѣсь:

азъ же ни едино сотворихъ отъ силъ. — Что значить: *ни едино отъ силъ?* Я не пользовался столь многими примѣрами. Многое давало мнѣ право: примѣры воина, земледѣльца, пастыря и Апостоловъ, постановленія закона, дѣйствія наши по отношенію къ вамъ, и ваши по отношенію къ другимъ, примѣръ священниковъ, повелѣніе Христа, и однако ничто не заставило меня нарушить свой законъ и брать отъ васъ“ (св. Злат.).

Не писахъ же сія, да тако будетъ о мнѣ. Я это написалъ вамъ теперъ не съ тѣмъ, чтобы впередъ вы доставляли мнѣ все нужное. Пусть никто не думаетъ такъ: „если доселѣ не дѣлалъ ты этого, то не желаешь ли дѣлать такъ въ будущее время?—Нѣтъ, говоритъ, и на будущее время все то же будетъ. Я рѣшусь лучше умереть съ голода, нежели лишиться такихъ вѣнцовъ: *добры бо мнѣ паче умерети, нежели похвалу мою кто да испразднитъ.* — Не сказалъ: чтобы кто нарушилъ мой законъ, но: *похвалу.* Дабы ктонибудь не сказалъ, что хотя онъ и поступаетъ такъ (самъ по себѣ), но не съ радостію, а съ воздыханіемъ и скорбію, онъ называетъ это похвалою, желаю показать, съ какою великою радостію и съ какимъ великимъ усердіемъ онъ поступаетъ такъ. Ибо онъ такъ далекъ былъ отъ скорби, что даже хвалится и рѣшается лучше умереть, нежели потерять эту похвалу. Она была для него пріятнѣе самой жизни!“ (св. Злат.).

Ст. 16. *Аще бо благовѣствую, нѣсть ми похвалы: нужда бо ми належитъ. Горе же мнѣ есть, аще не благовѣствую.*

Если благовѣствую, не заслуживаю чрезъ то особенной похвалы, *нужда бо ми належитъ.* Это долгъ мой. „Дѣлаю это, какъ рабъ, служа владыкѣ; ни одинъ же рабъ не думаетъ о себѣ высоко, когда выполняетъ лишь приказанное господиномъ“ (Θеод.). „*Нужда бо ми на-*

лежитъ—надобно понимать не такъ, будто бы онъ дѣлалъ это противъ воли,—да не будетъ,—но такъ, что на немъ лежитъ обязанность, и въ противоположность съ свободою—брать или не брать (благовѣствовать я долженъ, хочу или не хочу—долгъ мой; а благовѣствовать на своемъ содержаніи есть дѣло свободы,—когда хочу, тогда и дѣлаю такъ. Тутъ есть мѣсто похвалы за свободное избраніе того, что и не заповѣдано). Посему и Христосъ сказалъ ученикамъ: *егда сотворите вся повелѣнная вамъ, глаголите, яко раби неключими есмы: яко, еже должны бѣхомъ сотворити, сотворихомъ* (Лук. 17, 10)“ (св. Злат.).—Итакъ, если благовѣствую, не за что похвалить, напротивъ, если *не благовѣствую, горе мнѣ*. „Потому что противиться Владыкѣ дѣло достойное наказанія“ (Феод.). „Жалкій ждетъ меня конецъ. Сознаніе этого наводитъ страхъ; страхъ нудитъ къ благовѣстію. Вотъ почему и говорю, что *нужда ми належитъ*“ (Феоф.).

Ст. 17. *Аще убо волею сіе творю, мзду имамъ; аще же неволею, строеніе ми есть предано.*

Неволею, соотвѣтственно *нужда ми належитъ*, означаетъ—по долгу, потому что заповѣдано, а *волею* означаетъ сверхъ долга, по свободному произволенію прилагаю нѣчто и отъ себя къ дѣлу проповѣди, сверхъ заповѣданнаго—благовѣстникамъ отъ благовѣстія жити. „Слова: *волею и неволею* Апостоль употребляетъ въ смыслѣ: заповѣдано и не заповѣдано“ (св. Злат.). Итакъ, говорить, если я творю сіе, т. е. благовѣствую по своей волѣ, не потому что долгъ лежитъ на мнѣ, а что самъ возжелалъ и избралъ; то мзду имѣю,—*мзду*, т.-е. похвалу, по ходу рѣчи,—есть за что воздать мнѣ особеннымъ чѣмъ. Но вѣдь этого о мнѣ сказать нельзя. И какъ бы я самъ посмѣлъ рѣшиться на такое дѣло? Итакъ мнѣ поручено это дѣло, на меня возложенъ долгъ

проповѣди, не волею сіе творю. Если же не волею, то трудяся въ проповѣданіи, ничего особеннаго не дѣлаю, — *строение ми есть предано*, исполняю что поручено (Феоф.).

„Не сказалъ: *еще неволею*, то и не имѣю награды; но *строение ми есть предано*, выражая, что и въ этомъ случаѣ бываетъ награда, но такая, какую получаетъ исполнившій повелѣніе, а не такая, какую получаетъ показавшій собственное усердіе и сдѣлавшій болѣе повелѣннаго“ (св. Злат.).

Ст. 18. *Кая убо ми есть мзда? Да благовѣствуй безъ мзды положу благовѣстіе Христова, во еже не творити ми по области моей въ благовѣствованіи.*

„Что говоришь ты, скажи мнѣ? Если ты благовѣствуешь, то нѣтъ похвалы для тебя; а если преподаешь благовѣстіе безвозмездно, тогда есть? — Слѣдовательно послѣднее важнѣе перваго? — Отнюдь нѣтъ; но въ нѣкоторомъ другомъ отношеніи послѣднее имѣетъ преимущество, именно въ томъ, что первое есть заповѣдь, а послѣднее дѣло моего произволенія. Ибо что дѣлается сверхъ заповѣди, то заслуживаетъ великой награды; а что по заповѣди, то не таково. Въ этомъ отношеніи послѣднее больше перваго, а не по самому существу дѣла. Ибо что можетъ сравниться съ проповѣданіемъ? Оно уподобляетъ (благовѣстниковъ) Ангеламъ. И однако, такъ какъ оно для нихъ есть обязанность и долгъ, а безвозмездное проповѣданіе есть дѣло добровольнаго усердія, то въ этомъ отношеніи послѣднее больше перваго“ (св. Злат.).

Мзда за то, что безмездно благовѣствую. Благовѣстіе Христова или о Христѣ полагаю, — долгъ свой исполняю; но при этомъ принадлежащимъ мнѣ правомъ не пользуюсь, — не *творю по области моей*, по праву Господомъ данному и мнѣ яко Апостолу, *въ благовѣствованіи*, тому праву, чтобы въ благовѣствованіи благо-

вѣстники отъ благовѣстія жили. „Видишь ли, какъ онъ вездѣ употребляетъ слово: *область*, дабы показать, что и тѣ, которые берутъ (содержаніе), не заслуживаютъ порицанія“ (св. Злат.).

Сказанное въ этомъ отдѣленіи бл. Теодоритъ такъ примѣняетъ къ главному предмету главы: я жертвую своимъ правомъ, чтобъ не помѣшать евангелію; поступите и вы правомъ вашего знанія и не ѣшьте идоложертвеннаго, чтобъ не соблазнить брата, за котораго Христосъ умеръ, и не ввергнуть опять въ пагубу того, кого спасла моя проповѣдь. „Владыка далъ мнѣ право, говоритъ Апостоль, отъ учениковъ получать необходимое пропитаніе, а я не пользуюсь симъ правомъ, но тружусь, работая самъ, чтобы пожать плодъ сего труда. О всемъ этомъ распространился Апостоль, пытаясь и Коринѣянь, которые худо пользовались знаніемъ, необязанно ѣли идоложертвенное и тѣмъ подавали немощнымъ поводъ терпѣть вредъ, — заставить отказаться отъ худаго права. Посему-то и показалъ, что получивъ право и отъ закона, и отъ Бога всяческихъ, и видя, что Апостолы пользуются симъ правомъ, и основаніе онаго усматривая въ самомъ естествѣ дѣла, ничему этому не внялъ, имѣя въ виду одинъ только успѣхъ проповѣди и пользу слушающихъ.“

гг).

И не только этимъ правомъ не пользовался, но и отъ многого другаго отказывался въ пользу обращаемихъ

19—23.

Ст. 19. *Свободенъ бо сый отъ всѣхъ, вѣмъ себе поработихъ, да множайшія приобрящу.*

Свободенъ, говоритъ, *отъ всѣхъ*, не вещей, а людей, и *вѣмъ себе поработихъ* не вещамъ, а людямъ. Ибо

рѣчь идетъ все о лицахъ. Порабощеніе же состояло въ томъ, что онъ свой нравъ, свои обычаи и желанія подчинялъ нравамъ другихъ, для того, чтобы, такимъ образомъ сблизясь съ ними, находить доступъ къ ихъ сердцу и, полагая тамъ сѣмя слова, приобрѣтати ихъ Господу. Св. Златоустъ говоритъ: „Здѣсь Апостоль представляетъ еще иное превосходство. И не брать великое дѣло; а то, что онъ хочетъ сказать, гораздо важнѣе. Что же такое? Я не только, говоритъ, не бралъ и не только не пользовался своимъ правомъ, но еще подвергалъ себя рабству, и рабству разнообразному и всестороннему; ибо не въ деньгахъ только, но, что гораздо важнѣе денегъ, въ дѣлахъ многихъ и различныхъ я поступалъ точно также; поработилъ себя, тогда какъ не былъ подчиненъ никому и не имѣлъ никакой необходимости; ибо это означаетъ выраженіе: *свободенъ сый отъ всѣхъ*,—и поработилъ не одному кому-нибудь, а всей вселенной; посему и присовокупляетъ: *всѣмъ себе поработилъ*. Проповѣдывать и возвѣщать вѣренное мнѣ я былъ обязанъ, а изобрѣтати и вымышлять тысячи къ тому способовъ — это зависѣло отъ моего усердія: я былъ обязанъ передать серебро, но я употреблялъ еще всѣ мѣры къ тому, чтобы истребовать его обратно, исполняя болѣе повелѣннаго. Ибо онъ дѣлалъ все по ревности, усердію и любви ко Христу, и имѣлъ ненасытимое желаніе спасенія человѣческаго; посему отъ избытка ревности преступалъ предѣлы и во всемъ простирался выше самаго неба. Сказавъ о своемъ порабощеніи, онъ далѣе говоритъ о разныхъ родахъ его. Какихъ-же?“

Ст. 20. *Быхъ Юдеемъ, яко Юдей, да Юдеи приобрящу; подзаконнымъ яко подзаконенъ, да подзаконныя приобрящу;*

Всѣ чины іудейскіе, въ законѣ предписанные Іудеямъ, черезъ вѣру въ Господа, теряютъ свою обяза-

тельную силу и поступаютъ въ разрядъ вещей безразличныхъ, которыми можно пользоваться свободно смотря по обстоятельствамъ, имѣя въ виду одно богоугожденіе. Такъ дѣйствовалъ и св. Павелъ въ видахъ благопоспѣшенія Евангелію. Когда бывалъ среди Іудеевъ, поступалъ во всемъ внѣшнемъ какъ Іудей, не придавая въ совѣсти какого-либо религіознаго для себя значенія всему, что дѣлалъ. Еслибъ онъ являлся въ средѣ ихъ, особясь отъ нихъ въ вещахъ, цѣны нравственной не имѣющихъ, и между тѣмъ любимыхъ Іудеями, то оттолкнулъ бы ихъ отъ себя, и тѣмъ пресѣкъ входъ слову своему въ ушеса ихъ. Евангеліе чрезъ то теряло бы послѣдователей. Посему, говоритъ, *быхъ Іудеемъ, яко Іудей, да Іудеи приобрящу*. Гдѣ и когда? Повсюду и всегда былъ таковъ, и въ Іерусалимѣ, и въ другихъ мѣстахъ, когда вращался среди Іудеевъ. Сюда относятся, напр. обрѣзаніе Тимооея въ Ликаоніи, хожденіе въ санагоги по субботамъ, какъ въ Филиппахъ, и слушаніе тамъ закона и молитвъ, и другое подобное. Св. Златоустъ говоритъ: „Какъ это было?—Онъ обрѣзывалъ для того, чтобы уничтожить обрѣзаніе. Посему не сказалъ: быхъ Іудей, но *яко Іудей*, такъ какъ это было съ предусмотрительною цѣлю. — Что говоришь ты? Проповѣдникъ вселенной, восходившій до самыхъ небесъ и сѣявшій такую благодатію, могъ ли онъ внезапно такъ низойти? Да; ибо и это есть также восхожденіе. Не на то только смотри, что онъ нисходитъ, но и на то, что нисходя возстановляетъ лежавшаго внизу, и возводитъ его съ собою.“

Подзаконнымъ яко подзаконемъ, да подзаконнымъ приобрящу. Слова эти можно принять за повтореніе предыдущаго. Тамъ указалъ на Іудея вообще, а здѣсь означилъ, съ какой болѣе стороны смотреть на него, именно со стороны ревности его по закону. Или здѣсь

разумѣть онъ другихъ людей, поклонившихся подѣ законъ, кромѣ Іудеевъ, т.-е. прозелитовъ полныхъ, и отчасти и неполныхъ, или тѣхъ изъ увѣровавшихъ въ Господа, которые при вѣрѣ въ Него полагали необходимымъ и закона во всемъ держаться и держались. И таковыхъ надлежало приобрѣтати; ибо они въ духѣ далеки были отъ Христа.—Большой нужды нѣтъ доискиваться точности въ значеніи сихъ словъ; ибо не въ нихъ сила рѣчи. Св. Златоустъ говоритъ: „Эти слова суть или изъясненіе сказаннаго прежде, или означаютъ что-нибудь другое. Іудеями онъ называетъ тѣхъ, которые были такими издревле и съ самаго начала (по роду и крови), а подзаконными—прозелитовъ, или тѣхъ, которые приняли вѣру, но еще держались закона; ибо они не были Іудеями, но были подѣ закономъ.—Когда же Апостолъ былъ подѣ закономъ (въ отношеніи къ этимъ)? Когда остригся, когда приносилъ жертву. (Апостолъ Іаковъ совѣтовалъ св. Павлу исполнить нѣчто по закону іудейскому, ради увѣровавшихъ, но ревновавшихъ о законѣ. Дѣян. 21, 18—26). Онъ дѣлалъ это не потому, чтобы перемѣнилъ свой образъ мыслей,—это было бы порочное дѣло,—но по любви и снисхожденію къ другимъ. Дабы обратитъ дѣйствительныхъ Іудеевъ, онъ самъ былъ, *яко Іудей* не дѣйствительно, а только по видимому, не на самомъ дѣлѣ будучи такимъ, а только поступая такъ безъ истиннаго расположенія. Ибо могъ ли онъ искренно дѣлать это, когда старался обратитъ и другихъ, когда дѣлалъ все, чтобы освободитъ и другихъ отъ такого униженія.“

Ст. 21. *Беззаконнымъ яко беззаконенъ, не сый беззаконникъ Богу, но законникъ Христу, да приобрящу беззаконныя.*

Беззаконными Апостолъ называетъ тѣхъ, кои не были подѣ закономъ Моусеевымъ, ни въ какомъ отно-

пеніи. Это язычники.—Являясь среди ихъ, онъ бывалъ по внѣшней жизни, какъ они; ни пищи ихъ не чуждался, ни другихъ обычаевъ ихъ не дичился: былъ, какъ всѣ. Сюда не могутъ входить обычаи, исповѣданіе вѣры означавшіе, каковы напр. жертвы идоламъ и подобное. Но, дѣйствуя такъ, говорить, я въ совѣсти моей предъ Богомъ былъ чистъ, ибо дѣйствовалъ въ увѣренности, что такъ угодно Ему Самому: *Богу я не былъ беззаконникомъ. Но былъ законникомъ Христу*, т.-е. по вѣрѣ въ Господа все направлялъ во славу Его, Его иго благое несъ, и Его законъ нося въ сердцѣ, законъ вѣры и любви ко всѣмъ людямъ, ради коихъ умеръ Христосъ и хочеть, чтобъ они спаслись, являлъ себя свободнымъ отъ закона Моисеева. Такъ внѣшно я беззаконникъ, а внутренно—самый вѣрный законникъ Богу и Господу Иисусу Христу. Св. Златоустъ говоритъ: „Приходя къ тѣмъ, кои были внѣ закона, Апостоль во многомъ поступалъ по ихъ обычаямъ. Въ Аѳинахъ и рѣчь держалъ по-аѳински, по поводу надписи, бывшей на капищѣ. Но дабы кто не подумалъ, что его дѣйствія происходили отъ перемѣны образа мыслей, онъ присовокупляетъ: *не смѣй беззаконникъ Богу, но законникъ Христу*, т.-е. не только не будучи беззаконникомъ, но подчиняясь закону, не обыкновенному, а гораздо высшему ветхаго, закону Духа и благодати. Затѣмъ, увѣривъ въ неизмѣнности своего образа мыслей, онъ опять представляетъ пользу такого снисхожденія: *да приобрящу беззаконныхъ*, также какъ и вездѣ онъ показываетъ причину своего снисхожденія.“—Теодоритъ пишетъ: „всякаго рода его домостроительство можно видѣть не только въ его писаніяхъ, но и въ дѣяніяхъ Апостоловъ. Ибо иначе бесѣдовалъ въ іудейскихъ синагогахъ, и иначе предлагалъ ученіе въ ареопагѣ, противъ каждой болѣзни употребляя со-

образное съ нею врачевство. “—Къ примѣненіямъ, какія употреблялъ св. Павелъ, справедливо относить и образъ рѣчи, не только языкъ, но и формы для веденія бесѣды.

Ст. 22. *Быхъ немощнымъ яко немощенъ, да немощныя приобрящу: вѣмъ быхъ вся, да всяко нѣкія спасу.*

Подъ немощными можно разумѣть и не христіанъ еще, слушающихъ однако слово, только не могущихъ понять его. Апостолъ говорить, что снисходилъ къ немощи ума такихъ, и, понижаясь до уровня ума ихъ, все употреблялъ, чтобъ возвестъ ихъ къ познанію, въ чемъ дѣло о Христѣ. Но можно подъ ними разумѣть и христіанъ немощныхъ или въ вѣрѣ, или въ жизни, какъ пишетъ и къ Римлянамъ: *должны есмы мы сильніи немощи немощныхъ носити* (Римл. 15, 1). Образъ дѣйствованія Апостола въ Коринѣѣ, — что самъ себя содержалъ, — что другое означалъ, какъ не снисхожденіе къ немощамъ немощныхъ? — Св. Златоустъ ихъ тутъ и разумѣеть. „Здѣсь онъ говорить о Коринѣянахъ, для которыхъ говорить и все прочее. Прежде сказанное было гораздо важнѣе, но это ближе къ нимъ; посему онъ и поставилъ это послѣ всего. Тоже самое онъ дѣлаетъ и въ посланіи къ Римлянамъ, когда вразумляетъ ихъ касательно пищи, и во многихъ другихъ мѣстахъ.“

Вѣмъ быхъ вся, да всяко нѣкія спасу. Какъ въ отношеніи къ кому нужно было дѣйствовать, такъ я и дѣйствовалъ, не считая для себя унижительнымъ ничего, и нигдѣ свою волю и свои хотѣнія и вкусы не ставилъ закономъ. Законъ былъ у меня одинъ — всячески спасать всѣхъ. Желаніе мое — всѣхъ спасти. Удаться этому невозможно, но всячески не сомнѣваюсь, что *нѣкія спасу*: все возможное употребляю, да всѣхъ возможныхъ спасу. И конечно спасу. Образъ выраженія показываетъ увѣренность, что такъ есть и будетъ. „Видишь ли его превосходство? Для всѣхъ, говорить, я былъ

все, не надѣясь спасти всѣхъ, а дабы спасти хоть немногихъ. Усердіе и служеніе мое было таково, какое свойственно спасающему всѣхъ, хоть я и не надѣялся обратить всѣхъ; дѣло великое и показывающее пламенную ревность! И сѣятель сѣетъ вездѣ, и хотя не все сѣмя остается цѣлымъ, дѣлаетъ свое дѣло. Указавъ на малочисленность спасаемыхъ прибавленіемъ слова: *всяко нѣкія*, онъ утѣшаетъ тѣхъ, которые скорбятъ объ этомъ; ибо, хотя невозможно, чтобы все сѣмя осталось цѣлымъ, но невозможно и то, чтобы оно все погибло. Хотя нѣкія, но спасу. Онъ внушаетъ этимъ, что усердный дѣлатель непременно получить успѣхъ.“

Ст. 23. *Сіе же творю за благовѣстіе, да сообщникъ ему буду.*

Благовѣстіе есть Евангеліе царствія Христова. Участникъ въ благовѣстїи есть причастникъ устроенія царства Христова, царства спасаемыхъ, чрезъ устроеніе спасенія призываемыхъ къ вѣрѣ благовѣстіемъ. Причастіе царствію само по себѣ велико; а причастіе устроенію царствія несравненно выше. Апостоламъ сказалъ Господь, что они сядутъ вмѣстѣ съ Нимъ судить. Непонятно намъ что это; но само собою разумѣется, что это есть нѣчто великое. Но Апостоль по смиренію такъ выразился, что будто только и чаеъ, чтобъ спастись наряду съ другими. Св. Златоустъ говоритъ: „дабы и съ своей стороны содѣйствовать (спасенію) и быть участникомъ въ вѣнцахъ, которые соблюдаются для вѣрующихъ.“ Феодоритъ пишетъ: „дѣль Евангелія— спасеніе людей. Для сего-то Владыка и съ мытарями ѣлъ, и жену грѣшницу допустилъ сѣтовать у ногъ Его, научая симъ, что пришелъ ради спасенія человѣковъ.“ Подражая Господу, дѣйствовалъ и св. Павелъ, чтобъ успѣшнѣе устроить спасеніе всѣхъ. А наградъ большихъ не чаеъ, но о томъ лишь заботится, чтобъ са-

тому быть спасену: „да буду, говорить, лишь сообщникомъ увѣровавшихъ благовѣстію.“ „Видишь ли его смиреніе, какъ онъ въ полученіи наградъ поставляетъ себя наряду съ другими, хотя трудами превосходилъ всѣхъ? Несомнѣнно, что онъ болѣе всѣхъ достоинъ почестей, но онъ не приписываетъ ихъ себѣ прежде всѣхъ, а желаетъ быть только сообщникомъ другихъ въ уготованныхъ вѣнцахъ. Говоритъ это не въ томъ смыслѣ, чтобы онъ дѣлалъ все для какой-нибудь награды, но дабы такимъ образомъ расположить и такими надеждами убѣдить Коринѳянъ дѣлать все для братій. Видишь ли его благоразуміе? Видишь ли чрезмѣрную ревность, какъ онъ дѣлалъ болѣе заповѣданнаго, и не бралъ, тогда какъ могъ брать? Видишь ли величайшее снисхожденіе, какъ онъ, будучи подъ закономъ Христовымъ и соблюдая высочайшій законъ, былъ для неимѣющихъ закона какъ безъ закона, для іудеевъ какъ іудей, являясь въ томъ и другомъ отношеніи совершеннѣе и выше всѣхъ? Такъ поступай и ты: не думай, что ты падаешь, если, будучи высокимъ, дѣлаешь для брата что нибудь уничиженное. Это не значитъ падать, а снисходить; ибо кто падаетъ, тотъ лежитъ и самъ едва можетъ встать; а кто снисходитъ, тотъ и возстанетъ съ великимъ приобрѣтеніемъ, подобно какъ Павелъ снисходилъ одинъ, и возставалъ со всею вселенною. Онъ не лицемерилъ; ибо еслибы лицемерилъ, то не искалъ бы пользы спасаемыхъ. Лицемеръ ищетъ погибели другихъ, и лицемеритъ для того, чтобы взять, а не для того, чтобы дать. Онъ—не такъ; но какъ врачъ, какъ учитель, какъ отецъ снисходятъ—первый къ больному, второй къ ученику и третій къ сыну для пользы ихъ, а не для вреда; такъ и Павелъ“ (св. Злат.).

д).

Приложеніе къ Коринѣянамъ изложеннаго

24—27.

Св. Павелъ въ 8 гл. доказывалъ, что не должно ѣсть идоложертвеннаго, чтобъ не соблазнить немощныхъ братій, не смотря на то, что для понимающихъ дѣло тутъ ничего будто нѣтъ пятнающаго вѣру. Понятія умниковъ, что какъ идолъ ничто, такъ и идоложертвенное ничего нечистаго отъ него не приняло, давало имъ право на необязненное вкушеніе отъ жертвъ языческихъ. Св. Павелъ, не отвергая сего права, внушаетъ имъ, что они должны отказаться отъ сего права, чтобъ не соблазнить брата; и чтобъ склонить ихъ такъ и поступать, представилъ имъ пространное изображеніе того, какъ онъ самъ, имѣя право пользоваться содержаніемъ отъ обращаемихъ къ вѣрѣ, не пользовался симъ правомъ, и именно у нихъ же самихъ, чтобъ не положить препоны Евангелію, и какъ въ другихъ многихъ отношеніяхъ онъ уступалъ свое въ пользу обращаемихъ. Слѣдовало только сказать: видите, какъ я отъ всего отказываюсь для пользы братій; откажитесь же и вы отъ того, къ чему будто уполномочиваетъ васъ ваше знаніе, перестаньте вкушать идоложертвенное, чтобы не соблазнять немощныхъ братій. Иначе ваше спасеніе сомнительно. Братъ гибнетъ отъ вашего знанія, братъ, за котораго умеръ Христосъ. Вы грѣшите противъ Христа. Такой образъ дѣйствованія не вѣщается добрымъ концомъ.

Эти мысли и выражаетъ Апостолъ въ ст. 24—27. Онъ представляетъ жизнь cadaго со всѣми ея особенностями поприщемъ, пробѣгаемымъ на ристалищахъ.

Какъ на ристалищахъ всѣ бѣгутъ, чтобъ достигши мѣты получить вѣнецъ, такъ мы течемъ, чтобъ получить истинный вѣнецъ отъ Господа. Ристалища эти были въ обычаѣ у самихъ Коринѣянъ. Апостоль говоритъ имъ: видите, какъ идетъ дѣло на ристалищахъ? Такъ возьмите въ толкъ и *такъ тецьте, да постигнете* (ст. 24). Какъ онъ говорилъ это людямъ умнымъ, то не распространяется въ примѣненіи, давая имъ самимъ понять, чего онъ отъ нихъ хочетъ, т.-е. чтобъ они бросили вѣсть идоложертвенное, ибо это, соблазняя брата, мѣшаетъ имъ достигнуть какъ должно чаемаго. Предполагая однакожь, что можетъ быть они уклонятся отъ должнаго наведенія, намекнулъ имъ на это, сказавъ: *подвизайся отъ всѣхъ воздержитя* (—25). Эта прибавка говорила вотъ что: понимаете, къ чему это ведетъ?! Такъ извольте такъ дѣлать. И чтобъ отнять у нихъ всякій предлогъ къ оговоркамъ, снова представилъ себя въ примѣръ (—26. 27).

Такъ понимаетъ значеніе этихъ текстовъ св. Златоустъ и другіе наши толковники.

Ст. 24. *Не вѣсте ли, яко текущии въ позорищи, вси убо текутъ, единъ же пріемлетъ почеть? Тако тецьте, да постигнете.*

На позорищѣ, у самыхъ Коринѣянъ, состязанія были въ разныхъ видахъ: боролись, бились на кулачки, бросали камни, прыгали чрезъ рвы и столбы,—и въ числѣ ихъ, бѣгали на перегонки, и на ногахъ и на лошадахъ. Для послѣднихъ назначалась извѣстная мѣта, и кто первый добѣжитъ, получалъ награду положенную, а бѣжали всѣ, которые вызывались на это состязаніе.—Апостоль и указываетъ Коринѣянамъ: видите, какъ у васъ на позорищѣ,—всѣ бѣгутъ, которые взялись бѣжать, а честь получаетъ только одинъ.—Отчего? Оттого, что лучше другихъ приготовился, что все бросилъ, что могло

дѣлать помѣху въ бѣгѣ, что не жалѣлъ силъ и напряженія, когда бѣжалъ. Дѣлайте же, говорить, и вы такъ: *такъ тецѣте, да постигнете*. Какіе этотъ одинъ употреблялъ приемы и усилія, такіе же употребляйте и всѣ вы. Отстраните все мѣшающее бѣгу, и не жалѣйте силъ.— А мѣшающее вашему бѣгу знаете что?—То, что губить брата и дѣлаетъ васъ виновными предъ Христомъ. И такъ воздержитесь.

Св. Златоустъ говоритъ: „что одинъ приемлетъ честь, говорится не въ томъ смыслѣ, будто и изъ насъ всѣхъ можетъ спастись только одинъ,—да не будетъ,—но что мы должны прилагать великое тщаніе. Ибо какъ тамъ изъ многихъ, выходящихъ на поприще, увѣнчиваются не всѣ, а только одинъ достигаетъ этого, и потому не довольно только выдти на подвигъ, намаститъ себя и бороться, такъ и здѣсь не довольно только увѣровать и подвизаться какъ-нибудь. Нѣтъ; если мы не будемъ подвизаться такъ, чтобы показать себя безукоризненными до конца и достигнуть награды, то не получимъ никакой пользы. Хотя бы ты, говорить, считалъ себя совершеннымъ по знанію, однако ты еще не достигъ всего; на это имъ намекаетъ словами: *такъ тецѣте, да постигнете*, изъ которыхъ слѣдуетъ, что они еще не достигли.“

Ст. 25. *Всякъ же подвизаяйся, отъ всѣхъ воздержится: и они убо да истлѣннѣхъ вѣнецъ примутъ, мы же неистлѣннѣхъ.*

„Посмотрите на труды подвизающихся тѣлесно. Не все то вкушаютъ они, чего бы пожелалось, но ту употребляютъ пищу, какую предлагаетъ обучающій подвигамъ“ (Θεод.). „Что значить: *отъ всѣхъ*? Т.-е. не такъ, что отъ одного воздерживается, а въ другомъ грѣшнѣ, но воздерживается и отъ чревоугодія, и отъ сладострастія, и отъ пьянства, и отъ всѣхъ вообще страстей.

Такъ бываетъ, говорить, даже при внѣшнихъ подвигахъ; ибо подвизающимся (на зрѣлищахъ) нельзя во время подвига ни упиваться, ни прелюбодѣйствовать, дабы не ослабить своихъ силъ, ни заниматься чѣмъ либо другимъ; но воздерживаясь совершенно отъ всего, они занимались только своимъ подвигомъ. Если же такъ бываетъ тамъ, гдѣ вѣнецъ дается одному, то тѣмъ болѣе должно быть здѣсь, гдѣ больше щедрости; ибо здѣсь не одинъ только увѣнчается,—и самыя награды гораздо выше подвиговъ“ (св. Злат.). „Итакъ познайте, чего еще недостаетъ у васъ, и уразумѣйте способъ, какимъ можно достигнуть вѣнца. Апостоль все сократилъ въ одномъ словѣ: *отъ всего воздержится*“ (Ѳеоф.).

И они убо да истлѣненъ вѣнецъ примутъ, мы же неистлѣненъ. Чаяніе получить благо возбуждаетъ энергію и приводитъ въ напряженіе силы дѣйствующія. Апостоль говоритъ: видите, какъ хлопчутъ и усиливаются; изъ-за чего? Чтобъ получить вѣнецъ, который завтра уже будетъ никуда негодъ. Сравните съ этимъ то, что намъ обѣтовано, и разсудите, сколь больше должно быть у насъ напряженія и труда и заботы.—Вѣнецъ нашъ превосходитъ того не тѣмъ только, что неистлѣненъ, когда тотъ тлѣненъ, но и тѣмъ, что нашему цѣны нѣтъ по его высотѣ и добротности. И этому тоже цѣны нѣтъ; но по его ничтожности.—Апостоль не прибавляетъ къ этому наведенія: оно само собою выходило, какъ тогда, такъ и теперь. Для насъ можно сказать: оплотенѣвшій умъ не видитъ цѣны духовныхъ благъ, и не представляетъ ихъ превосходства сознанию; оттого всюду ослабѣла ревность къ стяжанію ихъ. Мы живемъ такъ, что будто кромѣ земли и земнаго ничего нѣтъ.

Ст. 26. *Азъ убо тако теку, не яко безцѣстно; тако подвизаюся, не яко воздухъ біяй.*

Въ своемъ примѣрѣ представляетъ св. Павелъ, какъ

важно въ жизни духовной уяснить для себя, чѣмъ увѣнчается надлежащій подвигъ, и затѣмъ все въ своей жизни направить такъ, чтобъ она прямо вела къ достиженію чаемаго. Какъ бываетъ въ хозяйствѣ, что благоразумный хозяинъ, начавъ какое-либо предпріятіе и придумавъ для приведенія его къ концу надежныя средства, ведетъ потомъ дѣло съ полною увѣренностію, что достигнетъ того, что задумалъ, и вниманія не обращая на соприкосновенности, или толки стороннихъ: такъ бываетъ и въ духовной жизни. Кто хорошо понялъ конецъ и придумалъ, какъ его достигнуть, тотъ идетъ путемъ сей жизни съ полною увѣренностію, что достигнетъ чаемаго блага, котораго доброта превышаетъ всякое описаніе. При этомъ сторонніе нерѣдко могутъ говорить ему: воздухъ бьетъ (воду толчетъ). А онъ знаетъ твердо, что течетъ не на безвѣстное. „Взираю, говорить, на уповаема блага; потому что не безъизвѣстенъ мнѣ вѣнецъ“ (Θεод.).

Св. Златоустъ беретъ это въ премѣненіи къ неисправности Коринѣянъ и говорить: „Что значить, *не яко безвѣстно?* Я имѣю въ виду, говорить, извѣстную цѣль, подвизаюсь не тщетно и не напрасно, какъ вы. Ибо какая вамъ польза отъ того, что вы входите въ идольскія капища и какъ-бы выказываете свое совершенство? Никакой. Я же не такъ; но все, что ни дѣлаю, дѣлаю для спасенія ближнихъ; показываю ли совершенство,— это для нихъ; снисхожденіе ли, это для нихъ; превосходство ли тѣмъ, что ничего не беру, это для того, дабы они не соблазнились; уничтоженіе ли болѣе всѣхъ, остригаясь и омовеніе принимая, это для того, дабы они не претънулись. Вотъ что значить: *не яко безвѣстно*. А ты скажи мнѣ, для чего ѣшь въ капищахъ? Не можешь представить никакой основательной причины; пища не приближаетъ тебя къ Богу; ѣшь ли, ничего

не пріобрѣтаешь; не ѣшь ли, ничего не теряешь; слѣд. ты идешь напрасно и безъ цѣли; это и значить: *безвѣстно*. *Тако подвизаюся, не яко воздухъ бійю*. Этими словами тоже выражаетъ, что онъ дѣйствуетъ не напрасно и не безъ цѣли. Я имѣю врага, говоритъ, котораго поражаю, т.-е. діавола; а ты не поражаешь его, а напрасно истощаешь свои силы.“ Яснѣе выражаетъ эту мысль блаж. Феодоритъ: „не все тружусь бѣя воздухъ, но наносю ударъ невидимымъ сопротивникамъ. Этотъ образъ рѣчи Апостоль взялъ съ обучающихся борцевъ. Ибо они обыкновенно, упражняясь, вмѣсто противника противъ воздуха приводятъ въ движеніе руки.“

Ст. 27. *Но умерщвляю тѣло мое и порабоцую, да не како, инымъ протопѣдуя, самъ неключимъ буду.*

Имѣю, сказалъ, опредѣленную цѣль, ясно мною сознаваемую, взялъ мѣры и средства, вѣрно ведущія къ сей цѣли, и подвизаюсь въ увѣренности, что достигну чаемаго. Подвиги разнообразны: есть подвиги душевные и есть тѣлесные.—Выставляетъ онъ послѣдніе потому, что указывалъ примѣръ въ себѣ въ исправленіе по блажки тѣлу,—и потому, что когда умерщвлено и порабощено тѣло, то и душа будетъ исправна.—Св. Златоустъ говоритъ: „Здѣсь онъ внушаетъ, что они преданы чревоугодію, не обуздываютъ этой страсти и подъ предлогомъ совершенства удовлетворяютъ ей; на что онъ и выше съ сожалѣніемъ говорилъ: *бранина чреву и чрево бранинамъ*. Отъ пресыщенія раждается какъ блудъ, такъ и идолослуженіе; посему онъ справедливо во многихъ мѣстахъ поражаетъ эту болѣзнь. И здѣсь обуздываетъ ее своимъ примѣромъ. Все терплю; но кромѣ того принимаю на себя и тотъ великій трудъ, чтобы жить воздержно. Ибо хотя трудно преодолѣть страсть и похоть чрева; однако я обуздаю ее, не предаюсь этой стра-

сти, но всячески стараюсь, чтобы не увлечься ею. Не думайте, что я успеваю въ этомъ безъ труда; нѣтъ, это для меня подвигъ, воздержаніе и борьба съ природою, которая непрестанно возстаетъ и домогается свободы, но я не уступаю, а укрощаю и подчиняю ее съ великими усиліями. Говоритъ это онъ для того, дабы никто не унывалъ въ подвигахъ добродѣтели по трудности дѣла; посему и выражается такъ: *умерщвляю и порабощаю*. Не сказалъ: уничтожаю, или мучу, потому что плоть не есть врагъ, но *умерщвляю* (σπλιζω, глаза подбить, наносить удары до синевы) и порабощаю, что свойственно господину, а не врагу, учителю, а не злодѣю, пѣстуну, а не противнику.“

Да не како инымъ проповѣдую, самъ неключимъ буду. Поблажка тѣлу — путь къ неключимости. Есть мѣра, выше которой когда зайдетъ поблажка тѣлу въ пищу, снѣ и всякомъ покоѣ, духовная жизнь замирать начинаетъ, ревность слабѣетъ, трезвенность отходить, охлажденіе обнимаетъ душу. Возбудишься какая страсть, недивно и паденію послѣдовать. Вотъ и неключимость!— Чтобъ этого не послѣдовало, св. Павелъ и даетъ урокъ— умерщвлять и порабощать тѣло. „Если Павелъ, учитель столь многихъ, опасался этого, и опасался послѣ того, какъ распространилъ проповѣдь, сдѣлался благовѣстникомъ и явился предстателемъ вселенной, то что должны сказать мы? — Не думайте, говорить, будто для вашего спасенія достаточно того, что вы увѣровали; если мнѣ, который проповѣдывалъ, училъ, обратилъ тысячи людей, недостаточно этого для спасенія, когда самъ себя не буду вести безукоризненно, то тѣмъ болѣе вамъ“ (св. Злат.).

Вкушающіе идоложертвенное сквернятся.

(гл. 10).

б).

Главную мысль, что вкушающіе идоложертвенное трапезѣ бѣсовской причащаются, потому не безвинны и должны страшиться гнѣва Божія, раскрываетъ Апостоль въ срединѣ главы, 15 — 22. Но впереди этого ставитъ онъ: а) примѣры судовъ Божіихъ надъ Израильтянами, избранными, подобно христіанамъ, и согрѣшившими противъ Бога, при другихъ грѣхахъ, и идолослуженіемъ (1 — 14). А послѣ в) прилагаетъ правила, какъ обходиться съ пищею, чтобъ не согрѣшить употребленіемъ идоложертвеннаго (— 23—33).

а).

Примѣры судовъ Божіихъ.

(—10, 1—13).

Эти примѣры поставилъ Апостоль впереди, чтобъ приготовить покорность своему наставленію воздерживаться отъ идоложертвеннаго, какъ дѣла нечестиваго. Онъ говоритъ какъ-бы: вотъ какъ строго Богъ относился къ тѣмъ, которые повинными явились въ идолослуженіи, чтобы, сказавши за тѣмъ: а вы причастными становитесь идолослуженія чрезъ вкушеніе идоложертвеннаго, вывести: удаляйтесь же отъ этого. Или Бога раздражаете? развѣ вы крѣпче Его? (— 14 — 24). Но чтобы не подумалъ кто, что то Израильтяне, а мы другое, онъ прежде всего проводитъ аа) параллель между Израильтянами и христіанами: вы крещенные, и тѣ кре-

стились въ облацѣ и въ морѣ; вы вкушаете тѣло и кровь Господа, и тѣ брашно духовное ядоша, и пиво духовное пиша (1—4). 66) Но тѣхъ Богъ не пощадилъ, когда согрѣшили; не пощадитъ и васъ: ибо то все *образы намъ быша* (5—13). Выводъ отсюда очевидный: бѣгайте же идолослуженія (ст. 14).

аа).

ПАРАЛЛЕЛЬ МЕЖДУ ИЗРАИЛЕМЪ И ХРИСТИАНИМИ

1—4.

Ст. 1. 2. *Не хочу же васъ не вѣдѣти, братіе, яко отцы наши вси подѣ облакомъ быша, и вси сквозѣ море проидоша; и вси въ Моисеа крестишася во облацѣ и въ мори.*

Когда начиналъ рѣчь о ристалищахъ, говорилъ: *не вѣсте ли?* а здѣсь говорить: *не хочу васъ не вѣдѣти*, — хочу, чтобъ вы знали, тоже, что: знаете ли, или знайте. *Отцы наши*, а не ваши; себя ставитъ на сторонѣ Израильтянъ, въ противоположность язычникамъ, чтобъ дать мысль, что какъ тогда Израильтяне избранны были изъ всѣхъ народовъ, такъ теперь изъ всѣхъ народовъ, не исключая и Израильтянъ, избираются христіане. *Вси подѣ облакомъ быша и сквозѣ море проидоша.* Извѣстная исторія. Пока не видно къ чему рѣчь; но нечаянный оборотъ возбуждаетъ только вниманіе. *И вси въ Моисеа крестишася во облацѣ и въ мори.* Вотъ къ чему рѣчь: чтобъ показать въ шестви подѣ облакомъ и прехожденіи чрезъ море прообразъ крещенія. Св. Павелъ не ставитъ одну черту противъ другой, но однимъ словомъ *крестишася* даетъ разумѣть все, что онъ хотѣлъ сказать. „Бывшее съ ними, говорить, есть образъ совершающагося у насъ. Ибо море уподоблялось купели, облако благодати Духа, Моисей іерею, жезлъ

кресту, перешедшій море Израиль крещаемымъ, а преслѣдующіе Египтяне представляли собою образъ демоновъ; самъ же Фараонъ служилъ изображеніемъ діавола“ (Феод.). Какъ въ Моисея крестились? Не собственно въ Моисея, но въ Того, Кого онъ прообразовалъ. Св. Златоустъ говоритъ: „такъ какъ Апостоль желаетъ сблизить прообразъ съ истиною, то называетъ и прообразъ именемъ истины.“ Т.-е. говоритъ: въ Моисея, а разумѣть подъ симъ надо не его, а Господа; какъ ниже говоритъ, пили отъ духовнаго камня, *камень же бѣ Христосъ*. Креститься въ кого значитъ дать обязательство быть чьимъ, принадлежать кому вседушно. Хотя объ Израильтянахъ сказано, что въ переходѣ чрезъ Черное море они повѣрили Моисею рабу Божию (Исх. 14, 31), но основа увѣренности не въ немъ, а въ Богѣ, явившемъ чрезъ него такое заступленіе. Почему и крещеніе Израильтянъ въ облакѣ и морѣ было чрезъ него въ Бога и Господа.

Ст. 3. 4. *И вси тожде брашно духовное ядоша; и вси тожде пиво духовное пиша, пїяху бо отъ духовнаго посплѣдующаго камени: камень же бѣ Христосъ.*

Брашно духовное—манна, чудесно посылаемая; *пиво духовное*—вода изъ камня, чудесно источенная. То и другое названо духовнымъ потому, что не естественнымъ путемъ было доставляемо, а чудодѣйственною Божіею силою, какъ въ посланіи къ Галатамъ Исаакъ названъ духовнымъ сыномъ Авраама, а Измаилъ плотскимъ, по той причинѣ, что тотъ родился при особомъ дѣйствіи силы Божіей, а сей естественно (Гал. 4, 29). Манна прообразовала тѣло Господа, а вода изъ камня кровь Господа, изъ ребра Коего источилась кровь и вода (Феод.). „Выше онъ указалъ на прообразъ крещенія, а здѣсь на прообразъ священной трапезы. Какъ ты вкушаешь тѣло Господне, такъ Израильтяне вку-

шали манну; какъ ты пьешь кровь Его, такъ они пили воду изъ камня. Хотя это было чувственное, однако подавалось духовно, не по законамъ природы, а по благодати (т.-е. силою Божию). О пищѣ (маннѣ) онъ ничего не прибавилъ (въ объясненіе), потому что она (очевидно) была отлична отъ обыкновенной, не только по способу полученія, но и по существу своему; а о питіи, въ которомъ только способъ полученія былъ чудесенъ и требовалъ объясненія, послѣ словъ: *тоже твое духовное пища*, онъ присовокупилъ: *пяху бо отъ духовнаго послѣдующаго камне*,—и еще: *камень же бы Христосъ*. Не камень по естеству своему источалъ воду, иначе онъ источалъ бы ее и прежде,—но все это дѣлалъ нѣкоторый другой, духовный камень, т.-е. Христосъ, Который постоянно соупотствовалъ имъ и творилъ всѣ чудеса; посему и говоритъ: *послѣдующаго*. Видишь ли мудрость Павла, какъ онъ объясняетъ, что Христосъ есть податель того и другаго, и такимъ образомъ сближаетъ прообразъ съ истиною? Онъ подавалъ, говоритъ, Израильтянамъ тѣ дары, Онъ же предлагаетъ и эту трапезу; Онъ провелъ ихъ черезъ море, Онъ же проводитъ и тебя черезъ воду крещенія; имъ Онъ доставилъ манну и воду, а тебѣ предлагаетъ тѣло и кровь. Таковы дары Его“ (св. Злат.).

Хотя и не совсѣмъ ясно поймемъ мы, черта въ черту, прообразъ и истину, нужды нѣтъ. Общая мысль видна, что Израильтяне получили отъ Бога дары, которыми въ высшемъ значеніи соотвѣтствуютъ дары, христіанамъ поданные. Для цѣли Апостола этого достаточно. „Для чего онъ говоритъ это? Дабы показать, что, какъ Израильтянамъ не послужили въ пользу столь великіе дары, такъ и Коринѣянамъ не послужатъ въ пользу крещеніе и участіе въ духовныхъ таинствахъ, если жизнь ихъ не будетъ соотвѣтствовать такой бла-

годати; для того онъ и указываетъ на прообразы крещенія и таинствъ“ (св. Злат.).

66).

Примѣненіе къ христіанамъ бывшаго во Израили

ст. 5—13.

„Посмотримъ же, пощадилъ ли Богъ Израильтянъ, когда они оказались недостойными даровъ Его? Нѣтъ; посему Апостоль присовокупляетъ“ (св. Злат.):

Ст. 5. *Но не во множайшихъ ихъ благоволи Богъ: поражени бо быша въ пустыни.*

Не во множайшихъ: не ко многимъ-то благоволилъ Богъ. „Ибо кромѣ Халева и Иисуса Навина всѣ вошедшіе въ перечисленіе были истреблены“ (Феод.). Или: не посмотрѣлъ Богъ, что ихъ много: всѣхъ истребилъ, кого огнемъ, кого змїями, кого болѣзнями, всѣ легли въ пустынѣ, кромѣ двухъ. „Они составляли великое множество, но многочисленность нисколько не помогла имъ. Всѣ благодѣянїя были знакомъ любви Божїей, но и это не помогло имъ; потому что они сами не явили дѣлъ любви. Смотрите, сколько благодѣній Богъ оказалъ Израильтянамъ: освободилъ ихъ изъ Египта и тамошняго рабства, провелъ чрезъ море, съ неба ниспослалъ манну, изъ земли источилъ новые и чудные источники водъ, постоянно содѣлывалъ имъ, творя чудеса и вездѣ ограждая ихъ; и однако, когда они оказались недостойными такихъ даровъ, не пощадилъ ихъ, но погубилъ всѣхъ. *Поражени бо быша въ пустыни,* говорить Апостоль, выражая и то, что они внезапно были поражаемы, и то, что поражавшія ихъ наказанїя были ниспосылаемы Богомъ. И притомъ не въ землѣ обѣтованной Онъ ниспослалъ на нихъ все это, но внѣ и весьма далеко отъ нея, наказавъ ихъ сугубою казнїю:

тѣмъ, что не допустилъ видѣть земли обѣтованной, и тѣмъ, что наказаль строго. Но какъ, скажешь, это относится къ намъ? Къ тебѣ именно и относится. Посему Апостоль и продолжаетъ“ (св. Злат.):

Ст. 6. *Сія же образы намъ быша, яко не быти намъ похотникомъ злыхъ, якоже и они похотѣша.*

„Какъ дары ихъ были прообразами, такъ и наказанія были прообразами; какъ крещеніе и таинственная трапеза были прообразованы, такъ послѣдующими событіями было предвозвѣщено и то, что недостойные дара подвергнутся наказанію, дабы мы такими примѣрами научились быть воздержными. Какъ въ благодѣянніи предшествовали прообразы, а за ними послѣдовала истина, такъ будетъ и въ наказаніяхъ. Видишь ли, какъ онъ внушаетъ, что мы не только будемъ наказаны, но еще гораздо больше, нежели Израильтяне? Ибо, если тамъ были прообразы, а здѣсь истина, то и наказанія должны быть гораздо больше, также, какъ дары“ (св. Злат.).

Яко не быти намъ похотникомъ злыхъ: разумѣется или вообще похоть злая, источникъ всякаго грѣха (Θеоф.), какъ говоритъ св. Іаковъ: *похоть зачещи рождаетъ грѣхъ* (Іак. 1, 15); или, примѣнительно къ словамъ: *якоже и они похотѣша*, особенно чревоугодіе и сластолюбіе. Ибо Израильтяне изображаются особенно похотливыми къ яствамъ (Экум.). Такъ Пророкъ Давидъ говоритъ: *похотѣша желанію въ пустыни... И даде имъ прошеніе ихъ, посла сытость въ души ихъ* (Пс. 105, 14. 15). И въ книгѣ Числь пишется: *похотѣша похотѣніемъ, и съдише плакахуся сынове Израилевы, и рекоша: кто ны напитаетъ мясы?* (Числ. 11, 4). И мѣсто то, гдѣ похоронены были пораженные свыше похотники такіе, названо *гробы похотѣнія* (—34). Послѣднее ближе къ цѣли Апостола. Тутъ прикровенно Апостоль

указываетъ причину, влекшую Коринѣскихъ умниковъ къ трапезамъ изъ идольскихъ жертвъ. Они сами говорили: мы знаемъ, что идолъ ничто, и слѣдовательно оправдывали свое поведеніе высшими взглядами; а Апостоль, представляя этотъ образъ изъ исторіи Израильтянъ, даетъ имъ намекъ войти въ себя и посмотрѣть, точно ли высшіе взгляды мирятъ васъ съ жертвеннымъ мясомъ, а не чревоугодіе. Св. Златоустъ говоритъ: „представляетъ и причину, почему они стекались къ трапезамъ: это сластолюбіе.“ Что это точно такъ, видно изъ того, что вслѣдъ за симъ Апостоль говоритъ объ идолослужителяхъ. Въ Коринѣ христіане уже отстали отъ идолопоклонства, а только нѣкоторые умники осквернялись прикосновеніемъ къ идолопоклонству чрезъ участіе въ бѣсовскихъ трапезахъ. „Сказавъ: *яко не быти намъ похотникомъ злыхъ*, и продолживъ: *ни идолослужители бывайте*, указываетъ причину такого нечестія въ сластолюбіи“ (св. Злат.).

Ст. 7. *Ни идолослужители бывайте, якоже нпции отъ нихъ, якоже есть писано: съдоша людіе ясти и пити, и восташа играти.*

Это было послѣ слитія тельца и принесенія ему жертвы (Исх. 32, 6). Наѣвшись, напившись, встали и начали пѣть пѣсни, и составляя хоры, хороводить и всѣчески веселиться. Цѣль у Апостола, историческими событіями, поставить ястіе и питіе въ связь съ идолопоклонствомъ, и тѣмъ внушить Коринѣянамъ: смотрите, тѣ отъ идолопоклонства перешли къ чревоугодію (какъ у язычниковъ всегда и бывало), какъ бы вамъ обратнымъ путемъ не взойти отъ чревоугодія къ поклоненію идоламъ. Но вмѣстѣ съ тѣмъ онъ намекаетъ имъ, что они уже прикосновенны идолослуженію. Ибо къ кому бы иначе могло относиться: *ни идолослужители бывайте?* „Слышишь ли, какъ онъ называетъ Коринѣянъ

идолослужителями? Впрочемъ здѣсь онъ только намекаетъ, а послѣ и доказываетъ это“ (св. Злат.).

Ст. 8. *Ниже соблудимъ, якоже нѣцыи отъ нихъ соблудиши, и падоша во единъ день двадесять три тысящи.*

А тѣ какъ соблудили? По совѣту Валаама (Числ. 31, 8—16), Мадіаниты выслали женщинъ въ ополченіе Израильтянъ, которые, увлекшись ими, приносили жертвы Веельфегору, ѣли отъ жертвъ и пили, и блудили съ женами (Числ. гл. 25). Это привлекло гнѣвъ Божій, и пало въ одинъ день 23 или 24 тысящи Израильтянъ. Выставляя этотъ примѣръ, св. Павелъ и еще прибавляетъ одну черту къ опасеніямъ отъ вкушенія идоложертвенныхъ яствъ, къ опасности впасть въ идолослуженіе—опасность впасть въ блудъ. Ибо замѣчаютъ, что въ иныхъ случаяхъ съ жреческими пирами были соединяемы и нечистыя дѣла. Вниманіе Апостола все стоитъ на одномъ—на вкушеніи идоложертвеннаго, и онъ примѣрами тѣми живописуетъ Коринѣянамъ, какая бездна разверзается подъ этимъ будто незначительнымъ дѣломъ, которое столь благовиднымъ казалось ихъ умникамъ, съ независимыми воззрѣніями.

Ст. 9. *Ни да искушаемъ Христа, якоже нѣцыи отъ нихъ искусиша, и отъ змій погибоша.*

Обстоятельство пораженія Израильтянъ змѣями опредѣляетъ случай, на который указываетъ Апостоль. Отъ горы Оръ направились Израильтяне къ Черному морю въ обходъ земли Едомской, и возмалодушествовавъ, начали роптать на Бога и Моисея, говоря: зачѣмъ вывелъ ты насъ изъ Египта въ пустыню, гдѣ нѣтъ ни хлѣба, ни воды, уморить что ли насъ здѣсь? За это прогнѣвался Богъ и послалъ на нихъ змій (Числ. 21, 5. 6). Св. Давидъ, изображая все, чѣмъ прогнѣвляли Израильтяне Бога въ пустынѣ, въ 77 псалмѣ, то обстоятельство, что Израильтяне желали лучшихъ яствъ,

назвалъ искушеніемъ Бога: *искусиша Бога и рѣша: еда возмогетъ Богъ уготовати трапезу въ пустыни?* (—18. 19). Св. Павелъ это выраженіе: *искусиша*, отъ обстоятельства, о коемъ говоритъ Пророкъ, перенесъ на тотъ случай, когда Израильтяне въ малодушіи жаловались на скудость пищи, хотя тутъ собственно былъ ропоть. И такъ и здѣсь дѣло о пищѣ, кому же и рѣчь ропщущаго тоже есть: *еда могетъ Богъ?* только съ бѣльшимъ сомнѣніемъ.

Словами: *не искусимъ Христа* намекаетъ Апостоль, что Коринтяне какимъ-нибудь образомъ въ этомъ виновны были, но какъ именно, изъ посланія указать нельзя съ вѣрностію. Экуменій пишетъ, что они, искушая Христа, требовали знаменій. Можетъ быть и былъ такой случай во время первоначальной проповѣди. При такой необычайной вѣрѣ знаменія необходимы были, и Апостолы были ими вооружены. Но это требованіе было такъ естественно, что его къ искушенію Господа отнести вполнѣ нельзя. Св. Златоустъ говоритъ, что „Апостоль указываетъ здѣсь еще на одно преступленіе, обвиняя Коринтянъ въ томъ, что они роптали на искушенія и говорили: когда будутъ блага, когда награды?“—Очень вѣроятно, что въ этихъ двухъ стихахъ: *не искусимъ*, — *не ропщите* намекаетъ Апостоль на малодушіе Коринтянъ, противъ котораго ниже и воодушевляетъ (ст. 13). Но можно и не доискиваться до точности; ибо цѣль Апостола въ приведеніи этихъ примѣровъ только та, чтобы внушить, что нельзя безъ опаски жить, опираясь на томъ, что призваны и крещены; а это и изъ понятныхъ въ приложеніи примѣровъ видно. Иные такую еще мысль предлагаютъ: искушать Господа значить ввергать себя въ опасности, съ пытливымъ помышленіемъ: посмотрю, избавитъ ли меня Богъ. Вкушавшіе идоложертвенное подвергали себя разнымъ нравственнымъ иску-

шеніямъ. Можетъ быть у нихъ была мысль: Господь избавить, или: посмотримъ, избавить ли насъ Христосъ, когда будетъ подходить бѣда. Апостолъ и говорить имъ: *не искусимъ Христа.*

Ст. 10. *Ни ропщите, якоже нѣцыи отъ нихъ ропташа, и погибоша отъ всегубителя.*

На какое обстоятельство эти слова указываютъ, опредѣлить трудно. Ибо ропотливостямъ Израильтянъ въ пустынѣ числа не было. Мало-мало затрудненіе, сейчасъ и ропотъ, и сильный. Можно бы воспользоваться для опредѣленія особаго случая словами: *погибоша отъ всегубителя*; но такого обстоятельства, гдѣ бы выдавался какой-нибудь особый всегубитель, не видно. Погибали вообще отъ наказанія Божія; то не звать откуда нападала смертность, то зміи поражали, то огонь пожигалъ, то земля разверзалась и пожирала. Экуменій, перечисливъ разные случаи роптаній Израиля, останавливается на томъ, который описанъ въ 11 гл. Числь: *И быша людие ропщуще злая предъ Господемъ. И слыша Господь, и разгнѣвася гнѣвомъ, и разгорѣся въ нихъ огонь отъ Господа, и потреби часть нѣкую отъ полка* (Числ. 11, 1). Огонь этотъ, говорить, и названъ у Апостола губителемъ (*ολοφρευτου*), какъ нѣкая карательная сила Божія,—это было въ началѣ странствованія. Другіе разумѣютъ здѣсь возмущеніе Корея, Дааана и Авирона, пожренныхъ землею (Числ. 16, 41 и д.). Иные—ропотъ вслѣдствіе согляданія земли, за который Богъ положилъ, что всѣ вышедшіе изъ Египта, свѣше 20 лѣтняго возраста, помрутъ въ пустынѣ, исключая Иисуса Навина и Халева. Какой догадкѣ дать предпочтеніе, не видно; не видно и то, къ чему въ Коринѣянахъ могло относиться такое внушеніе. Воспользуемся лучше общею мыслию, каеую выводить отсюда св. Златоустъ, который въ обоихъ стихахъ (9 и 10), кажется, видитъ одинъ

урокъ: воодушевленіе къ благодушному терпѣнію всего находящаго. „Не ропщите, говорить. Нужно не только страдать за Христа, но и переносить все случающееся мужественно и съ полнымъ удовольствіемъ; это всему вѣнецъ; а если этого не будетъ, то наказаніе постигнетъ ропшущихъ. Апостолы радовались, когда ихъ бичевали; Павелъ хвалился страданіями.“

Бл. Феодоритъ всѣ означенные пять случаевъ (6—10) подводитъ подъ одинъ обзоръ и говорить: „Каждое изъ сказанныхъ событій Апостолъ представилъ, какъ сходное съ тѣмъ, въ чемъ погрѣшали Коринѣяне. И во первыхъ указалъ на злое похотѣніе, отъ котораго рождается большая часть золь; потомъ на идолослуженіе и на чревоугодіе, отъ котораго произошло и первое, потому что и Коринѣяне, поработившись чревоугодію, дѣлали пиры въ идольскихъ капищахъ. Упомянулъ и о блудѣ, показалъ число умерщвленныхъ за оный, посявая тѣмъ страхъ наказанія въ умѣ соблудившаго. Роптали же и у нихъ сподобившіеся меньшихъ дарованій, потому что не всѣ были удостоены (это идетъ къ Даeanу и Авирону съ Кореемъ). И искушали Господа говорившіе разными языками, пользуясь симъ дарованіемъ въ церкви болѣе по любочестію, нежели по нуждѣ (собравшихся).“

Ст. 11. *Сія же вся образи прилучахуся онѣмъ: писана же быша въ наученіе наше, въ нижже концы вѣкъ достигоша.*

Сія же вся образи прилучахуся онѣмъ. Все это дѣйствительно случалось съ ними, но не для нихъ однихъ являлъ Господь суды Свой надъ ними, а во образъ намъ, чтобъ, видя то, мы брали себѣ въ умъ, что для тѣхъ, которыхъ Богъ избралъ Себѣ и дарами благодати снабдилъ, грѣхи не могутъ оставаться не наказанными. Въ какомъ смыслѣ это *образи*, объясняютъ слова: *пи-*

сама быша въ наученіе наше. Читай или слушай, разсуждай и учишь. Никому не будетъ пощадѣ, ни похотникамъ, которые живутъ только въ собственное удовольствіе съ забвеніемъ Бога и будущей жизни, ни идолослужителямъ, которые надеждами своими опираются на людяхъ или вещахъ помимо Бога, ни живущимъ въ плотскихъ грѣхахъ, ни искушающимъ Бога, которые или ввергаютъ себя самонадѣянно въ опасности, или Бога небоязненно оскорбляютъ, говоря: что сдѣлаеть Богъ? ни ропотникамъ, которымъ все подай Богъ, что они ни захотятъ, и мало-мало что случается не по ихъ нраву, возстаютъ на небо. Апостоль взялъ только главнѣйшіе суды; но сказавши: *вся*, далъ разумѣть, что странствование Израильтянъ по пустынѣ, по исходѣ изъ Египта и переходѣ чрезъ Чермное море, во всѣхъ своихъ частяхъ можетъ представлять для насъ поученіе въ жизни. отъ крещенія до вступленія въ обѣтованную землю до перехода вратами смерти въ другую жизнь.

Въ нижше концы вѣкъ достигоша, слово въ слово съ греческаго такъ: въ которыхъ (т.-е. насъ) концы вѣковъ уперлись. Какъ дорога какая идетъ-идеть, и упираетъ наконецъ во что, въ стѣну или въ гору, такъ что дальше некуда идти; такъ, говорить, прежніе вѣка шли-шли съ своими событіями, и уперлись въ насъ, на которыхъ должно осуществиться все въ нихъ предъизображенное. Мы—цѣль предыдущихъ событій; на насъ исполняется, что тамъ только предъказано. Апостоль хотѣлъ устрашить ихъ и отогнать отъ нихъ всякое покушеніе отклонять отъ себя суды Божіи, думая: авось все то какъ нибудь минуетъ насъ. Некуда, говорить, миновать; послѣдніа времена; страшный судъ близокъ (св. Злат.). „Помянулъ о послѣднихъ временахъ, дабы напомнить о кончинѣ міра, и вмѣстѣ съ тѣмъ внушить, что наши наказанія будутъ не кратковременныя, а вѣч-

ныя. Временныя наказанія кончаются съ настоящею жизнію, а будущія будутъ продолжаться вѣчно. Дары наши больше, и наказанія больше“ (св. Злат.).

Ст. 12. *Тѣмже мнѣйся стояти, да блюдется, да не надетъ.*

Въ приведенныхъ примѣрахъ внушалось: смотрите, не увлекитесь отъ пиршества къ идолослуженію и отъ того и другаго къ блуду, или къ искушенію Бога о ропоту. Умники съ высшими взглядами могли на эти сказать, или подумать: о, нѣтъ! мы ясно понимаемъ дѣло и стоимъ твердо. Апостоль вразумляетъ ихъ: но кто думаетъ, что стоитъ, блюдишь, чтобы не пасть. „Снова низлагаетъ гордость тѣхъ, которые превозносились знаніемъ.—Надѣяться на себя самого не значить стоять такъ, какъ должно стоять; такой человекъ скоро упадетъ. Гордость, а за тѣмъ безпечность и сластолюбіе суть источники золь. Посему если ты стоишь, берегись, чтобы не упасть. Стоять здѣсь (въ сей жизни) не значить стоять твердо, пока мы не избавились отъ волнъ настоящей жизни и не достигли тихой пристани. Итакъ не гордись тѣмъ, что ты стоишь, а опасайся, чтобы не упасть. Ибо если опасался Павелъ (9, 27), который былъ крѣпче всѣхъ, то гораздо болѣе должно опасаться намъ“ (св. Злат.).

Ст. 13. *Искушеніе васъ не достиже точію человеческое; впренъ же Богъ, Иже не оставитъ васъ искуситися паче, еже можете, но сотворитъ со искушеніемъ и избытіе, яко возмоуи вамъ понести.*

Какое это искушеніе? Не внутреннее, какъ видно изъ всей рѣчи, а внѣшнее, скорби, бѣдствія, тѣсноты отъ невѣрующихъ. Они состояли подъ симъ искушеніемъ, и несли его; ибо говорить, *достиже*.—И Апостоль Павелъ, говоря о своемъ среди ихъ пребываніи, пишетъ, что былъ у нихъ въ *страсть и трепеть мнозъ* (2, 3),

конечно раздѣляя съ ними бѣдствія. Можетъ быть, начавшись тогда, они не прекращались, и вѣрующіе еще состояли подъ ними, когда писано посланіе. Не того ли ради и впереди, приводя вразумляющіе примѣры, онъ привелъ и такіе, въ которыхъ Богъ наказывалъ за искушеніе Его и ропотъ? Не состояли-ль въ связи эти искушенія съ яденіемъ идоложертвенныхъ? Отчужденіе отъ нихъ наводило подозрѣніе, а потомъ по дознаніи, откуда оно исходило, и гоненіе. Умники, прикрываясь знаніемъ, садились необязанно за трапезы идольскія, и тѣмъ избѣгали отъ всѣхъ непріятностей; а другіе не могли на это рѣшаться, и за то подвергались оскорбленіямъ, насмѣшкамъ, притѣсненіямъ. Первымъ давалъ уже Апостоль сильныя вразумленія и еще будетъ давать; здѣсь нѣсколько словъ говоритъ ко вторымъ: не малодушествуйте, не ропщите. *Искушеніе васъ не постигло какъ только человѣческое, т.-е. „малое, краткое, умѣренное. Вы еще не видали опасности, которая угрожала бы вамъ смертію, искушенія, которое могло бы погубить васъ. Тоже говорилъ онъ и Евреямъ: не у до крове стаете, противу грѣха подвижающагося (Евр. 12, 4)“ (св. Злат.).*

Но такое слово, вмѣсто утѣшенія, могло и большій страхъ наводить. Пусть человѣческое постигло насъ искушеніе малое, но все же оно тяжело, и кто знаетъ, завтра оно сдѣлается еще тяжелѣе. Предотвращая такія мысли, могшія наводить уныніе, Апостоль воодушевляетъ ихъ и ободряетъ, говоря: *вѣрны Богъ, Иже не оставитъ васъ искутитися паче, еже можете.* Возможно, говоритъ какъ-бы, и то, чего вы боитесь, но будьте увѣрены, что Богъ не попуститъ вамъ впасть въ искушенія, превышающія силы ваши. Предайтесь въ волю Его и не смущайте себя мрачными мыслями, но паче воодушевляйтесь благодушіемъ, вѣря въ непре-

ложность обѣтованій Того, Кто сказалъ: *приидите ко Мнѣ вси труждающіиися и обремененніи, и Азъ упокою вы* (Мѡ. 11, 28). Вѣренъ Богъ! Все отъ Него, и все въ рукахъ Его. Онъ умѣетъ соразмѣрить бремя съ силами того, на кого возлагаетъ его. Когда человѣкъ самъ себя ввергаетъ въ искушеніе, то не дивно, что онъ нападаетъ и на такое, которое ему не по силамъ, и онъ падетъ подъ нимъ. А Богъ никогда не искуситъ васъ *паче, еже можете, но сотворитъ со искушеніемъ и избытіе, яко возможи вамъ понести*. Пусть Богомъ насылаемое, или попускаемое искушеніе и нестерпимымъ кажется, но Онъ или скоро избавитъ отъ него, такъ что лишь покажете твердость, пройдетъ и испытаніе, — *сотворитъ вмѣстѣ съ искушеніемъ и избытіе*, или, если нужно будетъ продолжить его, дастъ силы перетерпѣть все, и вы понесете его будто незамѣчая (Фотій у Экум.). „Богъ подаетъ и терпѣніе, и скорое освобожденіе, такъ что искушеніе дѣлается сноснымъ“ (св. Злат.).

Св. Златоустъ дѣлаетъ по сему такое наведеніе: „Значитъ есть искушенія, которыхъ нельзя перенести? Есть. Какія же? Можно сказать: всѣ; ибо возможность переносить ихъ зависитъ отъ помощи Божіей, которую мы приобретаемъ собственнымъ нашимъ расположеніемъ. Не только искушеній, превышающихъ силы наши, но и человѣческихъ мы не можемъ переносить безъ помощи свыше; даже умѣренныхъ искушеній мы не можемъ переносить собственной силою, но и въ этомъ случаѣ имѣемъ нужду въ помощи Божіей, дабы преодолѣть, а прежде нежели преодолѣемъ—переносить ихъ.“

Ст. 14. *Тѣмже, братіе моя возлюбленная, бѣгайте отъ идолослуженія.*

Къ этому преимущественно выводу велъ онъ рѣчь сначала главы. Израильтяне, прообразовательно крещенные и питавшіеся духовнымъ хлѣбомъ и пившіе ду-

ховное пиво, когда коснулись идолослуженія, гибли. Смотрите и вы, истинно крещенные, и истиннаго тѣла и крови Господнихъ вкушающіе, не коснитесь какъ-либо идолослуженія. Ибо и васъ не пощадитъ Богъ, и еще болѣе не пощадитъ, нежели тѣхъ. Бѣгите же идолослуженія!—Идолослуженіемъ называетъ вкушеніе отъ жертвъ идольскихъ. Не прямое это идолослуженіе, но причастіе къ нему, оскверненіе имъ. Прежде онъ не касался этой стороны, соглашаясь, что знаніе, высшіе взгляды, дѣлали ихъ неприкосновенными сквернѣ идолослуженія. Теперь и это приписываетъ ихъ дѣлу, и говоритъ: бѣгите, разумѣя,—бѣгите такихъ трапезъ. Страхъ за участіе въ идолослуженіи онъ возбудилъ уже предыдущими сужденіями Божиими. Осталось ему пояснить, что вкушая отъ жертвъ идольскихъ, они причастны идолослуженію. Объ этомъ и слѣдуетъ рѣчь.

Феодоритъ пишетъ: „Апостоль постепенно усиливаетъ обвиненіе, и показываетъ, что равнодушное вкушеніе идоложертвеннаго ни мало не разнится отъ служенія идоламъ.“ Св. Златоустъ говоритъ: „Почему побуждаетъ поскорѣе отстать отъ грѣха; ибо не просто сказалъ: отстаньте, но: *бѣгите*; называетъ дѣло ихъ идолослуженіемъ, дабы они отстали отъ него не только потому, что оно причиняетъ вредъ ближнему, но и потому что оно само по себѣ весьма пагубно.“

с).

Вкушающіе идоложертвенное трапезъ бѣсовской причащаются, и потому не безвинны отъ идолослуженія

15—22.

Ходъ мыслей у Апостола такой: разсудите сами: когда мы причащаемся Святыхъ Таинъ, то причащаемся тѣла Христова и крови Христовой; также у Іудеевъ тѣ, ко-

торые ядятъ отъ жертвъ, общники бываютъ олтаря; а ядущіе отъ жертвъ идольскихъ, думаете, никому не общники?! Идолы точно ничто; но есть бѣсы, которымъ служатъ чрезъ жертвы идоламъ. Если такъ, то ядущіе идоложертвенное суть общники бѣсовъ. Вотъ куда вы попадаете съ вашимъ мудрованіемъ! Потому я никакъ не хочу, чтобы вы были общники бѣсовъ. Не можете вы Святыхъ Таинъ причащаться, и участвовать въ бѣсовской трапезѣ. Прекратите это. Божію ревность вы этимъ раздражаете. Когда же прогнѣвается Господь, кто устоитъ?

Ст. 15. *Яко мудрымъ глаголю; судите вы, еже глаголю.*

Предыдущій стихъ можно считать и концемъ предшествовавшаго отдѣленія, и началомъ настоящаго. Тамъ сказано: *бѣгите идолослуженія*; мысль же слова такая: прекратите участіе въ трапезахъ капищныхъ, потому что чрезъ это вы дѣлаетесь причастными идолослуженія. Приступая теперь къ доказанію этого, или даже къ доказанію гораздо большаго, именно, что они дѣлаются чрезъ то общниками бѣсовъ, — а это страшно, — Апостоль самихъ Коринѣянь избираетъ судьями надъ самими собою. Онъ говоритъ какъ-бы: я вамъ предложу только данныя, а выводъ вы сдѣлаете сами. Св. Златоустъ говоритъ: „такъ какъ онъ сказалъ многое и усилилъ обличеніе, назвавъ дѣло ихъ идолослуженіемъ, то, дабы не показалось, что онъ говоритъ слишкомъ рѣзко и укоризненно, — отдаетъ это на ихъ судъ, и похваливъ, поставляетъ ихъ судьями: *яко мудрымъ*, говоритъ, *глаголю*. Надобно быть совершенно увѣреннымъ въ правотѣ своей, чтобы самого обвиняемаго ставить судьей дѣла. Это весьма много ободряетъ и слушателей, когда кто бесѣдуетъ съ ними, не какъ повелитель или законодатель, но какъ совѣтникъ, ожидающій суда ихъ самихъ. Съ Іудеями, которые были несмысленны

и дѣтски малодушны, Богъ не такъ бесѣдовалъ и не вездѣ открывалъ имъ причины Своихъ повелѣній, а только повелѣвалъ; но здѣсь, такъ какъ мы удостоены великой свободы и способны участвовать въ свободѣ, Апостоль бесѣдуетъ какъ съ друзьями и говоритъ: я не требую другихъ судей, вы сами произнесете судъ, васъ поставляю судьями.“

Ст. 16. *Чаша благословенія, юже благословляемъ, не общеніе ли крове Христовы есть? Хлѣбъ, егоже ломимъ, не общеніе ли тѣла Христова есть?*

Два вида общенія посредствомъ видимаго съ невидимымъ предлагаетъ Апостоль на разсужденіе мудрыхъ Коринѣянь. *Первый* высшій, общеніе тѣла и крове Христовыхъ подъ видомъ хлѣба и вина. Въ церкви приносится безкровная жертва. Затѣмъ всѣ присутствующіе въ храмѣ причащаются отъ сей жертвы, и причащаясь входятъ въ общеніе крове Христовой и тѣла Христова. Ибо хлѣбъ и вино чрезъ благословеніе таинственно пресуществляются въ тѣло и кровь Господа Иисуса Христа. Вотъ что есть у насъ и что вы знаете, говорить. Сила слова, что мы вступаемъ въ общеніе тѣла и крове Господа; но тутъ же утверждаются и обѣ догматическія истины о таинствѣ Евхаристіи, первая—что въ семь таинствѣ приносится жертва, и вторая, что хлѣбъ и вино пресуществляются въ тѣло и кровь Господа. Первое—по ходу рѣчи, ибо рѣчь идетъ о жертвахъ священнодѣйственныхъ; второе—по силѣ вкушенія, ибо питіе вина есть общеніе крове, и вкушеніе хлѣба есть общеніе тѣла; то и другое не мысленно, а дѣйствительно. „Сподобляясь священныхъ Таинъ, не съ самимъ ли Владыкою вступаемъ въ общеніе, не говоримъ ли, что Его это тѣло и Его кровь?“ (Θεод.).

„*Чашею благословенія* (или Евхаристіи, благодаренія) назвалъ ее Апостоль потому, что мы, держа ее въ ру-

какъ, прославляемъ Бога, удивляемся и изумляемся неизреченному Его дару, благословляя Его, что Онъ пролилъ кровь Свою для избавленія насъ отъ заблужденія, и не только пролилъ, но и преподалъ ее всѣмъ намъ“ (св. Злат.). Слова же: *уже благословляемъ* указываютъ на священнодѣйственное благословеніе, чрезъ которое таинственно силою Христовою вино бываетъ кровь Христова и хлѣбъ тѣло Христова. Вслѣдствіе сего вкушеніе отъ чаши *не общеніе ли крове Христовы есть?* „Весьма вѣрно и страшно онъ выразился; смыслъ же словъ его есть слѣдующій: находящееся въ чашѣ есть то самое, что истекло изъ ребра Господа; того мы и приобщаемся“ (св. Злат.).

Вслѣдствіе сего же вкушеніе отъ хлѣба, *егоже ломимъ, не общеніе ли тѣла Христова есть?* Оба вопроса заключаютъ въ себѣ сугубѣйшее утвержденіе вопрошаемаго. „Почему не сказалъ: причастіе? Потому что хотѣлъ выразить нѣчто большее, показать совершенное единеніе. Ибо приобщаясь, мы не только дѣлаемся участниками и сообщниками, но соединяемся со Христомъ. Какъ тѣло Христова соединено со Христомъ, такъ и мы чрезъ этотъ хлѣбъ соединяемся съ Нимъ“ (св. Злат.).

„Въ Вѣтхомъ Завѣтѣ, когда люди были несовершенны, Онъ такую же кровь, какую язычники приносили идоламъ, благоволилъ и Самъ принимать, дабы отвратить отъ идоловъ, что также доказывало неизреченную Его любовь; а теперь Онъ преподалъ священнодѣйствіе болѣе страшное и совершенное, измѣнивъ жертву, повелѣвъ вмѣсто закланія безсловесныхъ приносить Его Самого“ (св. Злат.).

Ст. 17. *Яко единъ хлѣбъ, едино тѣло есмы мнози: вси бо отъ одинаго хлѣба причащаемся.*

Что точно принятіе Таинъ Христовыхъ есть общеніе

тѣла Его и крови, это, хотя для всѣхъ христіанъ и очевидное и несомнѣнное, счелъ Апостоль нужнымъ пояснить или и доказать, представляя въ подтвержденіе того наглядное дѣло, то, что всѣ причащающіеся, которыхъ много, составляютъ одно тѣло, и тѣло Христово. Какъ бы это могло быть, еслибы причащающіеся Таинъ Христовыхъ не тѣла и крови Его причащались? Такимъ образомъ очевидно, что поелику причащаясь одинаго хлѣба, мы становимся едино тѣло; то значить, причащаясь хлѣба, мы тѣла Христова приобщаемся. Св. Златоустъ говоритъ: „сказавъ: *общеніе тѣла*, хочеть выразить еще тѣснѣйшую связь и говоритъ: *яко единъ хлѣбъ, едино тѣло есмы мнози*. Что я говорю: *общеніе?* продолжаетъ онъ,—мы составляемъ самое тѣло Его. Ибо что такое этотъ хлѣбъ? Тѣло Христово. Чѣмъ дѣлаются причащающіеся? Тѣломъ Христовымъ, не многими тѣлами, а однимъ тѣломъ. Какъ хлѣбъ, составляясь изъ многихъ зеренъ, дѣлается единымъ, такъ что хотя въ немъ есть зерна, но ихъ не видно, и различіе ихъ непримѣтно, по причинѣ ихъ соединенія, такъ и мы соединяемся другъ съ другомъ и со Христомъ. Ибо мы питаемся не одинъ однимъ, а другой другимъ, но всѣ однимъ и тѣмъ же тѣломъ. Посему Апостоль и присовокупляетъ: *вси бо отъ одинаго хлѣба причащаемся*. Христось соединилъ съ Собою тебя, столько отдаленнаго отъ Него. — Смотри, какой жизни ты удостоиваешься? Ибо Онъ не просто далъ Свое тѣло, но вмѣсто прежней плоти, которая по естеству своему происходя изъ земли была умерщвлена грѣхомъ и лишена жизни, Онъ привнесъ такъ сказать другой составъ и другую закваску — Свою плоть, которая хотя по естеству такая же, но чужда грѣха и исполнена жизни и всѣмъ преподаль ее, дабы питаясь ею и отложивъ прежнюю мертвую плоть, мы

уготовились посредствомъ этой трапезы въ жизнь безсмертную.“

Ст. 18. *Видите Израиля по плоти: не ядуци ли жертвы общницы олтаревы суть?*

Второй примѣръ общенія у Израиля по плоти. „То же доказываетъ опять и изъ Ветхаго Завѣта. Величіе сказаннаго много превышало понятія слушателей; по сему онъ убѣждаетъ ихъ прежними обыкновенными примѣрами“ (св. Злат.). Значеніе таинства тѣла и крови Христовыхъ не было неизвѣстно Коринѳянамъ; но понятія точно превышаетъ это не только ихъ, но и всѣхъ. Значеніе жертвъ ветхозавѣтныхъ понятнѣе. Почему Апостолъ говоритъ какъ-бы: „научитесь хотя изъ простѣйшихъ примѣровъ, что вкушающіе отъ жертвъ дѣлаются участниками жертвоприношенія“ (св. Злат.). *Израилемъ по плоти* онъ назвалъ продолжавшихъ слѣдовать Моисееву закону и происходившихъ по плоти отъ Авраама и Иакова, который первый названъ Израилемъ, въ отличіе отъ духовнаго Израиля—христіанъ, зрящихъ Бога и собираемыхъ чрезъ благовѣстіе вѣры изъ всѣхъ народовъ. Законъ о жертвахъ у Израиля былъ такой, что изъ приносимаго къ алтарю часть только возлагаема была на жертвенникъ и сожигалась, а прочее употребляли въ пищу жрецы. Такъ Богъ законоположилъ, говоря, что служащіе алтарю отъ алтаря и питаются должны. Почему колѣну Левіиному, назначенному на отправленіе службъ въ храмѣ, и не назначилъ удѣла, а сказалъ: Я ваша часть, т.-е. тѣ колѣна земля питаетъ, а васъ Я буду питать. Такимъ образомъ священники и левиты питались отъ стола Божія. Столъ — это былъ жертвенникъ. Божія часть потреблялась огнемъ, а часть жреческую потребляли сами жрецы, по благословенію Божію, получая ее отъ жертвенника, какъ бы отъ стола Божія.

Вотъ почему Апостоль назвалъ ихъ *общниками алтаря*, т.-е. трапезы Господней. Они не вступали чрезъ то въ существенное общеніе съ Богомъ, хотя были Божіи, а только съ алтаремъ. У духовнаго Израиля не такъ: здѣсь приносится жертва тѣла и крови Христовыхъ, и вкушающіе отъ сей жертвы суть общники не алтаря, а Самого Христа. Св. Златоустъ говоритъ: „тамъ ядущіе отъ жертвы становятся общниками только алтаря, а у насъ не такъ; а какъ? вкушеніе отъ нашей жертвы есть *общеніе тѣла Христова*; ибо мы дѣлаемся причастниками не жертвенника, а Самого Христа.“

Ст. 19. *Что убо глаголю? Яко идолю что есть, или идоложертвенное что есть?*

Изъ приведенныхъ двухъ примѣровъ очевидно вышло, что вкушающіе отъ жертвъ становятся общниками жертвоприношенія въ томъ смыслѣ и въ той силѣ, въ какихъ оно совершается. Прочитавши это, Коринтяне могли придти въ недоумѣніе и возымѣть позывъ обратиться къ Апостолу съ вопросомъ: изъ сказаннаго видно, что и мы, вкушая идоложертвенное, чему-нибудь становимся общниками. Чему же это? Идолъ ничто, и идоложертвенное ничего не принимаетъ, бывъ принесено тому, что ничто. Такъ училъ самъ Апостоль. Кому же мы общники?—Упреждая ихъ, Апостоль и оговариваетъ рѣчь свою: я не говорю, что идолъ что-нибудь есть, и идоложертвенное что-нибудь есть. Нѣтъ, и идолъ ничто и идоложертвенное чѣмъ было, тѣмъ и остается. Есть другое лицо, съ которымъ жертва и жрущіе ее и ядущіе ее вступаютъ въ общеніе, и это лицо богопротивное.

Въ нравственно-религіозномъ отношеніи есть двѣ области: Божія и сатанинская, бѣсовская, — противоположныя, какъ свѣтъ и тѣма, какъ истина и ложь, какъ добро и зло, какъ жизнь и смерть. Кто въ Бо-

жіей, тотъ не въ бѣсовской, и кто въ бѣсовской, тотъ не въ Божіей. Кто Богу что дѣлаеть, тотъ чуждъ бѣсовъ, а кто не Богу, тотъ на бѣсовской части. Возьмите теперь во вниманіе, Богу ли языцы жрутъ то, что жрутъ? Очевидно нѣтъ. Но если не Богу, то бѣсамъ. Идолъ все остается ничѣмъ; но бѣсъ не ничто, а есть богопротивное существо, врагъ Божій и нашъ. Онъ научилъ этимъ жертвамъ, онъ и принимаетъ ихъ, ему и угождаютъ принимающіе ихъ и вкушающіе отъ нихъ. Трапеза отъ жертвъ идольскихъ есть настоящая бѣсовская трапеза, не смотря на то, что и идолъ ничто и мясо жертвенное остается тѣмъ, чѣмъ было. Такъ вотъ моя мысль!

Ст. 20. *Но зане, яже жрутъ языцы, бѣсомъ жрутъ, а не Богови: не хочу же васъ общниковъ быти бѣсомъ.*

Ходъ рѣчи такой: не то я говорю, что идолъ есть что или идоложертвенное что. Нѣтъ; но что язычники бѣсамъ жрутъ то, что жрутъ. И слѣдовательно вкушающіе отъ сихъ жертвъ общаются съ бѣсами. А я не хочу, чтобъ вы были общниками бѣсовъ. „Говорю это и отклоняю васъ отъ идоловъ не потому, чтобы они могли причинять какой-нибудь вредъ, или имѣли какую-нибудь силу; они ничто; но хочу, чтобы вы презирали ихъ. Если же онъ хочетъ, скажешь, чтобъ мы презирали ихъ, то почему съ такимъ усиліемъ отклоняетъ насъ отъ нихъ? Потому, что жертвы ихъ приносятся не твоему Господу. *Зане яже жрутъ языцы, бѣсомъ жрутъ, а не Богови.* Не обращай же къ тому, что противно Богу. Ты вступаешь чрезъ это въ связь съ врагами Божіими. Вотъ почему я отклоняю тебя отъ этого! Цѣль приносящихъ жертвы и свойства лицъ пріемлющихъ оныя (т.-е. бѣсовъ) дѣлаютъ предлагаемое нечистымъ. *Не хочу же васъ общниковъ быти бѣсомъ.* Видишь ли любовь попечительнаго отца? Видишь ли,

какъ самыя слова его выражаютъ великую доброжелательность? Не хочу, говорить, чтобы вы имѣли какое-нибудь общеніе съ нечистыми силами“ (св. Злат.).

Ст. 21. *Не можете чашу Господню пить и чашу бѣсовскую; не можете трапезъ Господней причащаться и трапезъ бѣсовскѣй.*

Это уже властное законоположеніе. „То говорилъ: *разсудите сами*, будто совѣтъ предлагая; а когда изложилъ имъ весь ходъ разсужденія и вывелъ изъ него, до какой опасности доходятъ вкушающіе отъ жертвъ идольскихъ, что даже на сторону враговъ Божіихъ и своихъ переходятъ,—уже не даетъ мѣста ихъ разсужденію, а пишетъ опредѣленіе: не смѣйте же болѣе касаться этихъ бѣсовскихъ жертвъ: не можете чашу ту бѣсовскую пить, и трапезъ той бѣсовской причащаться. Есть у васъ своя чаша, чаша Господня, и своя трапеза, трапеза Господня. Ихъ причащаясь, другихъ не желайте. Строгое это законоположеніе изрекъ Апостоль, дабы кто изъ упорнѣйшихъ, вида, что онъ говорилъ все прежнее будто въ видѣ совѣта: *какъ разумнымъ говорю, разсудите сами*,—не ослушался и не счелъ себя въ правѣ не дѣлать такъ, какъ выходило изъ того разсужденія. Почему говорить: *не можете... не можете*. Одни эти выраженія достаточны для вразумленія“ (св. Злат.).

Ст. 22. *Или раздражаемъ Господа? Еда крѣпчайши Его есмы?*

„Т.-е. неужели мы смѣемъ искушать Его и раздражать, переходя на сторону противниковъ и становясь на ряду съ врагами Его? Здѣсь онъ напоминаетъ о ветхозавѣтныхъ событіяхъ и беззаконіяхъ предковъ; посему употребляетъ и выраженіе то самое, которое нѣкогда употребилъ Моисей, отъ лица Божія обличая Іудеевъ въ идолопоклонствѣ. *Тѣи*, говорилъ онъ, *раз-*

дражиши мя не о Бозѣ, прогнѣваша мя во идолѣхъ своихъ (Втор. 32, 21). *Еда крѣпчайши Его есмь?* Видиши ли какъ сильно, какъ страшно онъ поражаетъ ихъ, потрясая самые нервы ихъ, доводя ихъ сужденія до нелѣпости и такимъ образомъ низлагая гордость ихъ? Начавъ съ меньшаго, онъ дошелъ до самаго главнаго; послѣднее гораздо скорѣе могло быть принято послѣ того, какъ душа слушателей смягчилась прежними доводами“ (св. Злат.). Разсужденіе хорошо; но на опредѣленія воли слабо дѣйствуетъ, если въ основѣ нравственной жизни не лежитъ страхъ Божій. Гдѣ страхъ Божій, тамъ и слабое разсужденіе сильно; а гдѣ нѣтъ его, тамъ и сильное ничего не сдѣлаетъ. Въ огражденіе немощи нравственной, Апостоль и возставляетъ страхъ Божій, и при томъ въ его грозномъ видѣ, какъ страхъ наказанія и пораженія. Никакое чувство такъ сильно не дѣйствуетъ на напряженіе силъ, какъ чувство самосохраненія. Его и раздражаетъ здѣсь Апостоль. Дошедши до опасенія, какъ бы не поразилъ Богъ за вкушеніе идоложертвеннаго, они скорѣе и рѣшительнѣе могли воздерживаться отъ сего, опираясь на сей страхъ.

Въ словахъ: *или раздражаемъ Бога?*—раздражаемъ—не гнѣвъ, а ревность, *παραζηλομεν*. Богъ названъ Богомъ—ревнителемъ, какъ ревнитель о славѣ Своей, о славѣ Божества Своего. *Славы Моєю*, говоритъ, *иному не дамъ, ниже добродѣтелей Моихъ истуканнымъ*. Сей ревности раздраженіе разумѣетъ Апостоль. А что она у Бога не бываетъ праздною, этому сколько доказательствъ въ исторіи Израильтянъ!—Вотъ и вопросъ: *еда крѣпчайши Его есмь?* Подвигнется ревность Божія и въ прахъ сотретъ васъ. Такъ поопаситесь и, усмиривъ свои высшіе взгляды, не прикасайтесь болѣе жертвъ идольскихъ.

в).

Какъ же обходиться съ пищею, чтобы не согрѣшить употребленіемъ идоложертвеннаго?

23—33.

Такого вопроса нельзя было обойти и въ отвѣтъ на него не написать правилъ, по внѣшнимъ тогдашнимъ обстоятельствамъ. Идоложертвенное не при капищахъ только ѣли, но и въ домахъ предлагали на трапезѣ, и продавали на рынкахъ. Такимъ образомъ возможно было или на рынкѣ купить идоложертвенное и вкусить, или пришедши на трапезу къ язычнику, коснуться его. Какъ же быть? Апостоль отвѣчаетъ: все вкушайте, пока вамъ не скажетъ кто: *се идоложертвенное есть*. Услышавъ это, не вкушайте, чтобы не соблазнить кого,—Иудея, Эллина, или брата немощнаго. Принимайте пищу съ благодареніемъ, и ея употребленіе обращающая во славу Божию и духовное назиданіе другихъ.

Ст. 23. *Вся ми лѣтъ суть, но не вся на пользу; вся ми лѣтъ суть, но не вся назидаютъ.*

Послѣ страшной угрозы рѣчь потекла покойно. Начинаетъ ее Апостоль тѣмъ, что подало поводъ и ко всему разсужденію объ идоложертвенномъ, — со свободы относительно употребленія всякаго рода безвредной пищи. На это начало опираясь, умники сажались за трапезы въ капищахъ идольскихъ. Апостоль не отвергаетъ ея, а утверждаетъ: *вся ми лѣтъ суть, вся ми лѣтъ суть*. Совершенная, говоритъ, правда. Но пользование симъ правомъ свободы не можетъ быть безъ ограниченій. Я полагаю для этого два ограниченія: пользу себѣ и назиданіе ближнимъ. Коль скоро вкушеніе чего-либо не полезно себѣ и не назидаетъ ближ-

няго, то отъ него надо воздержаться. Полагаетъ Апостоль въ началѣ сии мысли, потому что ими потомъ руководствуется въ изложеніи нижеслѣдующихъ правилъ. Св. Златоустъ говоритъ: „видишь ли великую мудрость Апостола? Такъ какъ иной изъ нихъ могъ сказать: я совершенъ, я властенъ надъ собою, я вкушаю предлагаемое съ полнымъ знаніемъ дѣла; то онъ говоритъ: положимъ, что ты совершенъ и властенъ надъ собою; но смотри не на это, а на то, не причиняетъ ли твое поведеніе какого-нибудь вреда, или какого-нибудь разстройства. То и другое онъ выразилъ словами: *не вся на пользу, не вся назидаютъ*, разумѣя первое о немъ самомъ, а другое о братѣ; ибо слово: *не на пользу*, указываетъ на погибель его самого; а слово: *не назидаютъ*, на соблазнъ брата.“

Вредъ себѣ называетъ св. Златоустъ погибелью себя самого, вѣроятно потому, что чрезъ вкушеніе идоложертвеннаго становятся общниками бѣсовъ; а въ этомъ явная пагуба. Экуменій и Теофилактъ видятъ вредъ сей въ томъ, что привыкши вкушать идоложертвенное, и къ идоламъ опять привыкнетъ и можетъ отпасть отъ Церкви, тоже на пагубу себѣ.

Но можно и пользу и назиданіе разумѣть только въ отношеніи къ братьямъ, какъ подаетъ поводъ думать слѣдующій текстъ, гдѣ о себѣ ничего не говорится, а все вниманіе заповѣдуются обращать на пользу ближняго. Такъ разсуждаетъ блаженный Теодоритъ: „Позволительно тебѣ, по тому вѣдѣнію, какое приписываешь себѣ, дѣлать все; но не полезно тебѣ дѣлать вредъ другимъ. Дѣлаемое тобою не назидаетъ ихъ. Положимъ, что ты совершенъ; но надобно позаботиться и о немощныхъ. Ибо сіе присовокупилъ Апостоль.“

Ст. 24. *Никтоже своего си да ищетъ, но еже ближняго кійждо.*

„Не на одно то смотри, что ты вкушаешь съ чистою совѣстію, но и на то особенно, назидаетъ ли это ближняго твоего. Во многихъ мѣстахъ выставляетъ св. Павелъ это правило, какъ необходимѣйшее. Но не просто велить онъ не искать своей пользы, а только тогда, когда это вредно для брата. Въ такомъ случаѣ полезное ближнему должно предпочитать своей пользѣ, и то избирать, а это оставлять“ (Феоф.). Коренной законъ дѣятельности христіанской: люби Бога паче всего, и люби ближняго какъ себя. О любви къ себѣ нечего и правилъ писать; ее только можно ограничивать. Любовь къ Богу наипаче есть дѣйствіе сердечное, внутреннее, сокровенное. Въ явной жизни дѣйствующею является одна любовь къ ближнимъ, возрѣваемая внутри любовію къ Богу. Бога паче всего любить должно; но къ Богу дѣятельной любви ничѣмъ не можешь ты показать, какъ дѣлами любви къ ближнимъ. Потому, *да ищетъ кійждо еже ближняго*—есть сокращеніе всего нравственнаго закона. Но надо при этомъ держать въ душѣ строго дополнительную главную мысль, чтобы сіе исканіе, *еже ближняго*, исходило изъ любви къ Богу. Ибо есть гуманисты, которые представляются млѣющими отъ любви къ человѣчеству, между тѣмъ не только любви къ Богу, но и вѣры въ Него не имѣютъ. Пустыя личности!

Этими двумя стихами напоминалъ Коринѣянамъ Апостолъ: итакъ вкушать идоложертвенное открыто въ капищахъ — съ этихъ поръ не дерзайте. Но оставались другіе случаи, въ которыхъ и не вѣдая можно было вкусить идоложертвенное. Ихъ теперь и опредѣляетъ св. Павелъ.

Ст. 25. 26. *Все, еже на торжици продаемое, ядите, ничтоже сумнящися, за совѣсть: Господня бо земля, и исполненіе ея.*

„Поелику Апостоль совершенно воспретилъ вкушеніе идоложертвеннаго, а въ то время города полны были таковыхъ мясъ, и вѣроятно, одни изъ уваженія къ Апостольскому закону, не стали бы вовсе покупать ихъ, а другіе по чревоугодію пренебрегли бы законъ, то по необходимости и касательно сего узаконяетъ, что слѣдовало. Сущность законоположенія въ слѣдующемъ: на торжищѣ покупайте все, не спрашивая, идоложертвенное это, или нѣтъ, и затѣмъ вкушайте то необязанно“ (Феод.).

Жрецы, не успѣвая всего приносимаго въ жертву потреблять сами, отсылали излишнее на рынокъ, или можетъ быть кто скупалъ у нихъ это и продавалъ. Такимъ путемъ идоложертвенное могло попасть и христіанамъ. Апостоль говорить: что на рынокѣ покупаете. ѣшьте то безъ разсужденія, *μηδὲν ἀναχρίουτες*. Тутъ будто нѣтъ и мысли объ испытаніи и изслѣдованіи, идоложертвенное ли то; а то одно, чтобы вкушать то безъ всякихъ раздумываній, какъ пищу простую, чистую и ничѣмъ незапятнанную, въ простотѣ мысли. Славянскимъ нашимъ переводомъ мысль Апостола точно выражена: *ничтоже сумнящеся*. Слово: *за совѣсть* *δια τῆς συνείδησις*, значить: по тому убѣжденію совѣстному, что всякое созданіе Божіе добро и ничтоже отменно. Съ этою свѣтлою совѣстію, съ этимъ свѣтлымъ убѣжденіемъ кушайте все, что продается на рынокѣ. Почему и прибавилъ въ основаніе такого распоряженія: *Господня бо земля и исполненіе ея*. Все Господне, Господнее же благословенно. Нечего и раздумывать: кушайте все, какъ даръ Божій благословенный.

Св. Златоустъ говорить: „Апостоль не дозволяетъ имъ даже сомнѣваться, т.-е. изслѣдовать и развѣдывать, идоложертвенное это или нѣтъ, а заповѣдываетъ просто ѣсть все находящееся на торжищѣ, не разспраши-

вая, что такое предлагаемое. Идоложертвенное дурно не по природѣ своей, но производитъ оскверненіе по произволію вкушающаго. Посему онъ и говоритъ: ничтоже сумнящся. *Господня бо земля и исполненіе ея*, а не бѣсовъ. Если же Господня земля, и плоды и безсловесныя животныя, то нѣтъ ничего нечистаго; нечистымъ же дѣлается что-либо вслѣдствіе злонамѣренности и преслушанія человѣка.“ Вотъ еще нѣсколько фразъ бл. Фотія, котораго пространное мнѣніе приводитъ Экуменій. „Рыночное вкушайте, безъ раздвоенной мысли, *μηδὲν διαζοντες*, съ совѣстію чистою, неколеблющеюся. Безъ размышленія, *αζητήτως* вкушай рыночное, съ совѣстію чистою, нераздумывающею, и не требующею другаго удостовѣренія, кромѣ того убѣжденія, что Господня земля. Если Господня земля, и что на ней, что еще раздумывать?“

Ст. 27. *Аще ли кто отъ невѣрныхъ призываетъ вы, и хотите ити, все предлагаемое вамъ ядите, ничтоже сумнящся, за совѣсть.*

Другой случай, когда кто изъ язычниковъ позоветъ на обѣдъ, а они имѣли обычай брать части отъ жертвъ и приносить домой. Какъ тутъ быть? И здѣсь тоже правило: *все предлагаемое вамъ ядите, ничтоже сумнящся, за совѣсть*, т.-е. по тому же убѣжденію, что всякое созданіе Божіе добро, не допуская и мысли о томъ, чтобы тутъ было что идоложертвенное, *ничтоже сумнящся*, въ простотѣ мысли.

Ходить къ языщикамъ на обѣды Апостолъ не запрещаетъ, и не повелѣваетъ, а оставляетъ это на свободу приглашаемому. Теодоритъ замѣчаетъ: „потому что невозможно было бы уловлять невѣрныхъ, прекративъ сообщеніе.“ „А избавляетъ ядущихъ отъ всякаго подозрѣнія (въ чемъ-либо идоложертвенномъ), объясняетъ св. Златоустъ, ради того, дабы излишняя осторож-

ность не показала дѣломъ страха и опасенія: ибо кто развѣдываетъ, тотъ дѣлаетъ это по страху, а кто воздерживается послѣ того какъ узналъ дѣло, тотъ воздерживается по нерасположенію, презрѣнію, отвращенію“ (къ идолослуженію, и ко всему, что прикосновенно ему). Апостоль хочетъ, чтобы содержа въ крѣпкой совѣсти твердое убѣжденіе, что одинъ царь надъ всѣмъ Господь, и что всѣ творенія Его суть, съ сею свѣтлою вѣрою вкушали все, съ благодареніемъ къ Подателю благъ.

Ст. 28. *Аще ли же кто вамъ речетъ: сіе идоложертвенно есть, не ядите за онаго повѣдаваго, и совѣсть: Господня бо земля, и исполненіе ея.*

Не всѣ кушанья предполагаются идоложертвенными, а нѣкоторыя. Итакъ, если кто, когда дойдетъ до нихъ чередъ, скажетъ: *сіе идоложертвенное есть*, въ такомъ случаѣ не ѣсть. Кто этотъ повѣдавшій? Какъ Апостоль не опредѣляетъ, то прямѣе бы было и не касаться этого вопросомъ. Кто бы ни былъ. Но какъ предварительное рѣшеніе этого вопроса. хоть предположеніемъ, даетъ удобства къ приведенію въ понятность теченія всей послѣдующей рѣчи, то и стали его рѣшать. Инымъ кажется, что лучше всего подъ нимъ разумѣть слабаго христіанина, который говоритъ это крѣпкому; а другимъ кажется, что лучше будетъ разумѣть какого-либо язычника, который говоритъ это, съ лукавымъ намѣреніемъ искусить христіанина, и посмотрѣть, какъ-то онъ поступитъ. Но вѣдь Апостоль пишетъ правило не на одинъ случай, а на всѣ; во всѣхъ же могло быть, что иногда это скажетъ слабый христіанинъ, иногда язычникъ. Итакъ положимъ: христіанинъ ли слабый или язычникъ искушающій скажетъ: это идоложертвенное, — не ѣшь, говоритъ Апостоль. Не ѣшь *за онаго повѣдаваго*, т.-е. щадя его. Слабаго хри-

стіанина падѣніе очевидно въ чемъ. Въ томъ, что еслибы крѣпкій послѣ сего увѣдомленія сталъ ѣсть, то слабый не могъ бы уже отказаться ѣсть, а ставши ѣсть, ѣлъ бы то какъ нѣчто имѣющее значеніе въ религіозномъ отношеніи, и тѣмъ осквернилъ бы свою совѣсть; отказавшись же ѣсть, онъ придастъ ему мужества воздержаться и себѣ, и тѣмъ спасетъ его отъ запятнанія совѣсти. Но въ чемъ падѣніе язычника? Если язычникъ говоритъ объ этомъ христіанину, то очевидно по той мысли, что ему не слѣдуетъ этого ѣсть. Такъ сложилась его языческая совѣсть. Еслибы христіанинъ несмотря на то сталъ ѣсть, то язычникъ могъ подумать: чтожъ это, христіане хвалятся высотой вѣры и нравоученія, а между тѣмъ, покажи только имъ лакомый кусокъ, и они готовы опять съ нашими богами въ мирѣ жить. Для него идоложертвенное есть нѣчто священное (въ нѣк. списк. стоитъ *ιεροδουτον*), вкушеніе отъ коего намащаетъ благословеніемъ боговъ. То же, по его мысли, перейдетъ и на христіанина. Какъ же это, подумаетъ онъ? И отъ невыгодной мысли о христіанинѣ перейдетъ къ невыгодной мысли о христіанствѣ. Слѣдовательно ѣсть послѣ сказаннаго увѣдомленія будетъ значить унизить себя, какъ христіанина, унизить въ своемъ лицѣ всѣхъ христіанъ и самое христіанство. Слѣдовательно далѣе достоинство свое, какъ христіанина, честь христіанъ и самаго христіанства требуютъ не вкушать извѣстной пищи, коль скоро скажутъ, что это идоложертвенное. И это надобно сдѣлать ради повѣдавшаго и другихъ подобныхъ ему, и ради самого повѣданія. Въ какихъ мысляхъ такъ сдѣлать? Въ показаніе презрѣнія ко всему идолослужебному. Не потому, что идоложертвенное есть что, но потому, что поелику оно идолослужебно, то омерзительно. Изъ презрѣнія къ идолослуженію, я

презираю и это идоложертвенное. Такъ св. Златоустъ: „Апостоль повелѣваетъ воздерживаться отъ жертвъ идольскихъ, не какъ отъ имѣющихъ силу, но какъ отъ достойныхъ отвращенія. Избѣгайте, говорить, идоложертвеннаго, не потому, чтобы оно могло причинить вредъ; оно не имѣетъ никакой силы; но потому, что оно презрѣнно. Впрочемъ на томъ основаніи, что оно не имѣетъ никакой силы, не вкушайте его безразлично; ибо это трапеза враговъ и нечестивыхъ.“

Такимъ образомъ это воздержаніе предъ лицомъ язычниковъ будетъ вразумляющею проповѣдію о достоинствѣ христіанства и презрѣнности идолослуженія. *За онаго повѣдавшаго* будетъ значить въ семъ случаѣ: чтобы не заградить ему двери къ восходу до яснаго познанія высоты христіанства, и чрезъ то двери вѣры. Ибо вкушеніе перепутало бы всѣ его понятія и помрачило свѣтлый ликъ вѣры Христовой.

И совѣсть. Чью совѣсть? Ниже объясняетъ Апостоль: совѣсть не свою, а другаго. Въ предыдущихъ двухъ случаяхъ (ст. 25 и 27) совѣсть разумѣлась своя, а здѣсь другаго. Чья же? ближе всего — повѣдавшаго. Язычникъ ли скажетъ: это идоложертвенное, или слабый христіанинъ, невкушеніе сего идоложертвеннаго будетъ цѣлительно для совѣсти того и другаго.

Господня бо земля, и исполненіе ея. Это такъ надо связывать съ теченіемъ рѣчи: я разумѣю не твою совѣсть, а совѣсть другаго; для твоей же совѣсти остается неизмѣннымъ то убѣжденіе, что въ царствѣ Господа все добро и ничтоже отменно. „Не потому, говорить, я возбраняю, будто это чуждая вещь, Господня бо земля, но *за совѣсть*, т.-е. дабы не сдѣлать вреда. Слѣдовательно надобно развѣдывать? Нѣтъ, говорить, я разумѣю не твою совѣсть, а другаго; ибо я предварительно сказалъ: *за повѣдавшаго*“ (св. Злат.).

Ст. 29. *Совѣсть же глаголю не свою, но другаго: вскую бо свобода моя судится отъ иныя совѣсти?*

Дѣйствуй такъ, щадя совѣсть другаго, а не свои убѣжденія измѣняя. Когда другой сказалъ: *это идоложертвенное*,—отъ этого слова твое убѣжденіе, что всякое созданіе Божіе добро, слѣдовательно и это идоложертвенное добро, не принявъ никакого само по себѣ оскверненія, не должно мѣняться, не должно переходить на мысль, будто предъ тобою вещь, чуждая Богу, не Его твореніе. Въ этомъ будь твердъ; но воздержись отъ вкушенія ради пользы другихъ. Не мнѣнію говорящихъ подчиняясь такъ поступай, но совѣмъ другому началу слѣдуя—волѣ Божіей, заповѣдующей любить ближняго и о благѣ его пешишься, о душевномъ еще болѣе, чѣмъ о тѣлесномъ. Они говорятъ потому, что идоложертвенное считаютъ чѣмъ-то, а ты воздержись не по этому, а чтобъ показать имъ, что отставъ отъ идолослуженія, не хочешь ничѣмъ входить въ соприкосновеніе съ нимъ, гнушаешься имъ и отвращаешься отъ него.

Вскую свобода моя судится отъ иныя совѣсти. Причину выставляетъ, почему въ словѣ его должно разумѣть совѣсть другаго, а не свою. Онъ говоритъ какъ-бы: совѣсть другаго для меня не законъ. Своему убѣжденію долженъ я слѣдовать, а не чужому. По своему убѣжденію я имѣю свободу, полную, относительно всякаго рода пищи, другіе судятъ иначе. Этимъ сужденіемъ моя совѣсть и моя свобода не связывается. И я безъ смущенія могъ бы ѣсть, не смотря на указаніе, что предлагаемое идоложертвенно; но я воздерживаюсь не по этому слову: оно меня не вяжетъ, я и при немъ по прежнему свободенъ. Вяжетъ меня другой законъ моей же совѣсти, а не чужой. Св. Златоустъ развиваетъ другую мысль,—ту, что если я по свободѣ

своей стану ѣсть, то язычники, не понимая, почему я такъ дѣлаю, стануть осуждать сію свободу. Не хочу я допустить до того, чтобъ такъ было: ибо осужденіе моей свободы есть осужденіе свободы христіанской вообще. Не хочу я быть виною этого. Онъ говоритъ: „Свободою онъ называетъ—не быть обязаннымъ соблюдать и не подвергаться запрещенію (относительно пищи). А смыслъ словъ его такой: Богъ создалъ меня свободнымъ (или возсоздалъ во Христѣ къ свободѣ) и поставилъ выше всякаго вреда; но язычникъ не умѣетъ ни судить о моемъ любомудріи, ни понимать щедродательности моего Владыки, а станеть осуждать меня и скажетъ самъ въ себѣ: ученіе христіанъ—басня; они удаляются идоловъ, избѣгаютъ бѣсовъ, а отъ приносимаго имъ не отказываются: велико ихъ чревоугодіе.—Какъ же, скажешь, для насъ вредъ отъ того, что онъ будетъ судить такъ несправедливо? Но не гораздо ли лучше вовсе не подавать ему повода къ осужденію? (Судъ отъ одного лица переходитъ на осужденіе вѣры). Если ты будешь воздерживаться, то онъ не скажетъ и этого.—Какъ не скажетъ? Видя, что я не развѣдывая пользуюсь всѣмъ и на торжищѣ и на пиру, какъ онъ не скажетъ и не осудитъ меня, что я употребляю все безразлично?—Точно нѣтъ; ибо ты пользуешься этимъ не какъ идоложертвеннымъ, но какъ чистымъ; не развѣдывая ты показываешь, что не боишься предлагаемаго. Посему войдешь ли ты въ домъ язычника, или придешь на торжище, я не позволяю тебѣ развѣдывать, дабы тебѣ не быть безпокойнымъ и трусливымъ и не навлекать на себя излишнихъ заботъ.“

Ст. 30. *Аще азъ благодатию причащаюся, почто хулу приѣмлю, о немже азъ благодарю?*

Темновато сіе мѣсто. Подъ благодатию разумѣть должно благодать вѣры, которая просвѣтила понятія наши

и дала намъ разумѣть, что можно свободно вкушать всякую пищу, какъ даръ Божій. Такъ я и дѣлаю: все вкушаю и Бога благодарю. Но если я безъ разбора буду вкушать во всякомъ случаѣ, то другіе, не понимая дѣла, будутъ осуждать меня за то, а чрезъ меня и вѣру мою. Не хочу я допускать до того, чтобы такъ было. — Это смыслъ словъ: *почто хулу пріемлю*, — не хочу допускать, чтобы хула падала на меня. — Экуменій пишетъ: „по благодати Божіей, содѣлавшей душу мою столько возвышенною, что я убѣжденъ, что ничѣмъ такимъ не оскверняюсь, по сей благодати съ дерзновеніемъ вкушаю. Но если, говорить, ты таковъ, если благодатию Божіею дошелъ ты до познанія, что идола ничто и что никакого вреда нѣтъ вкушать тебѣ идолжертвенное, то зачѣмъ допускаешь, чтобы тебя злословили, а чрезъ тебя и вѣру, и даже Бога, — и притомъ изъ-за того самаго, за что ты долженъ благодарить, получивъ совершенное разумѣніе о вещахъ. Апостоль въ своемъ лицѣ увѣщаніе обращаетъ къ Коринтянамъ.“

Св. Златоустъ говорить (*О немже благодарю*): „Что же, скажи мнѣ, ты принимаешь съ благодарностію? Божіи дары. Благодать Его такова, что она дѣлаетъ душу мою чистою, и поставляетъ ее выше всякой нечистоты. Какъ солнце, касаясь лучами своими всякихъ нечистотъ, сохраняетъ ихъ (лучи свои) чистыми, такъ или еще болѣе и мы, обращаясь среди міра, можемъ оставаться чистыми, если захотимъ, и тѣмъ болѣе, чѣмъ большую имѣемъ силу. Почему же, скажешь, воздерживаться? Не потому, что иначе можно сдѣлаться нечистымъ, но для брата, для того, чтобы не имѣть общенія съ бѣсами, и для того чтобы не подвергнуться осужденію отъ невѣрнаго. Здѣсь не свойство явствъ, но преслушаніе и общеніе съ бѣсами дѣлаютъ меня

нечистымъ, и отъ произволенія зависить оскверненіе. Что же значать слова: *почто хулу приѣмлю, о немже азъ благодарю?* Я, говоритъ, благодарю Бога, что Онъ столько возвеличилъ меня и поставилъ столько выше іудейскаго униженія (ибо у нихъ: *не коснися* и проч.), что ничто не можетъ вредить мнѣ; а язычники, не зная моего любомудрія, будутъ подозрѣвать противное и скажутъ: хрістіане желаютъ нашего; они лицемѣры, хулятъ бѣсовъ и отвращаются отъ нихъ, а къ трапезамъ ихъ стекаются; что можетъ быть неразумнѣе этого? Значить они не для истины, но изъ честолюбія и сластолюбія приняли это ученіе.—Посему не безумно ли подавать поводъ къ хулѣ за тѣ самыя благодаренія, за которыя приносится благодарность? Но, скажешь, язычникъ будетъ говорить это и тогда, когда увидить, что я не развѣдываю. Нѣтъ; ибо не все наполнено идоложертвеннымъ, чтобы имѣть такое подозрѣніе; притомъ ты вкушаешь это не какъ идоложертвенное. Итакъ не развѣдывай напрасно; а съ другой стороны, не принимай пищи, когда тебѣ скажутъ, что она идоложертвенная. Христосъ, даровавъ тебѣ благодать, столько возвеличилъ тебя и поставилъ выше всякаго вреда не для того, чтобы подавать поводъ къ худой молвѣ о тебѣ, и не для того, чтобы тѣми самыми преимуществами, за которыя ты благодарить, столько оскорблять другихъ, что они могутъ хулить.“

Ст. 31. *Аще убо ясте, аще ли пите, аще ли ино что творите, вся въ славу Божию творите.*

Всѣ соображенія покрываетъ Апостоль однимъ всеобщимъ правиломъ: „Видишь ли, какъ онъ отъ частнаго предмета перешелъ въ поученіи къ общему и преподаль намъ превосходное правило — прославлять Бога во всемъ? (св. Злат.). Отсюда видно, что по мысли Апостола, отъ неразборчиваго вкушенія идоло-

жертвеннаго, нѣкоторая тѣнь падала на самую вѣру и Господа Бога. Почему Апостоль и выставилъ этотъ общій законъ, что мы обязаны не пищу только и питіе употреблять, но и все другое дѣлать во славу Божию,—ничего не позволяя себѣ, чрезъ что, хоть на малѣйшій волосъ, могъ бы кто либо нѣчто не хвалебное помыслить о святой вѣрѣ нашей и о Богѣ. „Прекрасно Апостоль все это,—и сидѣть, и ходить, и бесѣдовать, и сожалѣть, и наставлять,—совокупляетъ воедино, чтобы во всемъ поставить для себя одну цѣль—Божію славу. Такъ повелѣлъ и Господь: *да просвѣтитсѣ свѣтъ вашъ предъ челоуѣки, яко да видятъ ваша добрая дѣла, и прославятъ Отца вашего, Иже есть на небесахъ* (Мѣ. 5, 16). Такъ сказано и здѣсь“ (Θεод.). „Такъ, говорить, все творите, чтобы тѣмъ подавать побужденія къ прославленію Бога, давая разумѣть, что то, какъ они тогда дѣйствовали, служило къ безславію Бога и къ хулѣ на Него и на св. вѣру Его“ (Экум.). „Ястъ же кто и пиетъ во славу Божию, когда ястъ и пиетъ не на соблазнъ другимъ, не какъ чревоугодникъ и сластолюбець, но какъ желающій такъ содержать тѣло, чтобы оно было способно къ дѣланію всякой добродѣтели; и просто, всякое дѣло творить кто во славу Божию тогда, когда ни другому не вредить соблазномъ, ни самому себѣ чѣмъ либо, и когда ничего не дѣлаетъ изъ челоуѣкоугодія, или по другому какому страстному помыслу“ (Θеоф.).

Ст. 32. *Безпреткновенн бывайте Иудеямъ, и Еллиномъ, и церкви Божіей.*

„Т.-е. не подавайте никому никакого повода къ соблазну (не вкушайте). Иначе и братъ соблазнится, и Иудей еще болѣе возненавидитъ и осудитъ тебя, и азычникъ будетъ смѣяться надъ тобою, какъ надъ чревоугодникомъ и лицемѣромъ. Не должно соблазнять не

только братій, но, если возможно, и вѣшнихъ. Ибо, если мы свѣтъ, закваска, свѣтила и соль, то мы должны просвѣщать, а не помрачать, скрѣплять, а не ослаблять, превлекать къ себѣ невѣрныхъ, а не отгонять отъ себя. Для чего же ты отгоняешь тѣхъ, которыхъ долженъ привлекать? Подлинно, язычники соблазняются, когда видятъ, что мы возвращаемся къ этимъ вещамъ; потому что они не знаютъ нашего образа мыслей и того, что наша душа стала выше всякаго чувственнаго оскверненія; Иудеи и немощные изъ братій испытаютъ тоже самое. Видишь ли, сколько онъ привелъ причинъ, по которымъ должно воздерживаться отъ жертвъ идольскихъ? Потомъ, когда сказалъ: *безпреткновенно бывайте*, возложилъ на нихъ отвѣтственность за соблазнъ Иудеевъ и язычниковъ, и выразилъ нѣчто тяжкое“ (св. Злат.).

Ст. 33. *Якоже и азъ во всемъ вѣмъ угождаю, не искій своя пользы, но многихъ, да спасутся.*

„Искать полезнаго для всѣхъ—вотъ правило совершеннѣйшаго христіанства, вотъ точное его назначеніе, вотъ верхъ совершенства“ (св. Злат.): „Всѣмъ угождать и льстецамъ свойственно, но не таково то, что говорить о себѣ Апостоль. Лъстецы не чужой пользы, а своей ищутъ, лучше же сказать, и своей не ищутъ, потому что вредятъ себѣ больше, чѣмъ другимъ. А божественный Апостоль своего не искалъ, но имѣлъ въ виду спасеніе другихъ, чрезъ нихъ приумножая негиблющее богатство“ (Феод.). Какъ св. Павелъ былъ всѣмъ вся, да всяко нѣкія спасетъ, объ этомъ онъ уже говорилъ. Теперь только напоминаетъ объ этомъ, поставляя образъ своего дѣйствованія въ законъ для всѣхъ. Это третье начало въ руководство къ устроенію нашей жизни, или даже четвертое: первое, чтобъ все дѣлать по ясной и твердой совѣсти, по вѣрному сознанию сообразности дѣла съ волею Божіею; второе, чтобы все

дѣлать во славу Божию, не только имѣя въ виду, въ цѣли, славу Божию, но такъ, чтобы самымъ дѣломъ выходила изъ нашего дѣйствованія слава Божія; третье, чтобъ не соблазнять никого не только намѣренно, но и ненамѣренно; четвертое, чтобы все направлять ко спасенію ближнихъ нашихъ, и словомъ и дѣломъ. До какой мѣры Апостоль всѣмъ готовъ былъ жертвовать для спасенія другихъ, можемъ судить по молитвѣ его, въ которой онъ выражалъ готовность свою даже быть отлученнымъ, лишь бы братія его спаслись (Римл. 9, 3). Такое расположеніе, паче другаго чего, давало ему дерзновеніе сказать:

Гл. 11, 1. *Подражатели мнѣ бывайте, якоже и азъ Христу.*

„Это слово не самомнѣнія, а желанія всячески расположить къ дѣлу, которое внушалъ. Если, говорить, я подражалъ Христу, и жизнь Свою презрѣвшему, чтобъ намъ даровать животъ, не тѣмъ ли паче вы мнѣ можете подражать? Ибо я не столько выше васъ, сколько выше меня Христосъ, безконечно всѣхъ превосходящій“ (Θеоф.). Или, ограничивая взоръ ума текущими только въ рѣчи предметами, Апостоль говоритъ какъ-бы: „Соревнуйте симъ моимъ мѣрамъ въ дѣлѣ домостроительства; потому что я подражаю Владыкѣ, Который иначе бесѣдовалъ съ Иудеями, а иначе съ Апостолами, иное предлагалъ совершеннымъ, а иное несовершеннымъ“ (Θеод.).

Св. Златоустъ говоритъ: „ничѣмъ ты не можешь столько подражать Христу, какъ попеченіемъ о ближнихъ. Воздержаніе отъ жертвъ идольскихъ само по себѣ есть дѣло полезное; а я, говоритъ Апостоль, дѣлалъ много и не полезнаго, напримѣръ, обрѣзывать и приносилъ жертвы: такія дѣйствія, если разсматривать ихъ самихъ въ себѣ, могутъ даже погубить со-

вершающихъ и лишить ихъ спасенія, но я подвергъ себя и этому для проистекающей отъ того пользы. Такъ Павелъ, будучи выше всѣхъ по совершенству, становился ниже всѣхъ по снисхожденію! Видишь ли превосходство его ревности и величіе его души? Подражай и ты ему.“

ПЯТОЕ ОТДѢЛЕНІЕ.

ОБЛИЧЕНІЕ И ИСПРАВЛЕНІЕ НѢКОТОРЫХЪ НЕПОРЯДКОВЪ ПРИ ЦЕРКОВНЫХЪ СОБРАНІЯХЪ

Гл. 11, 2—34.

Это касается двухъ предметовъ: 1) непокровенія женами главъ въ церкви, 11, 2—16; и 2) нестройностей на вечерахъ любви (—17—34).

1).

Противъ непокровенія женами главъ въ церкви

11, 2—16.

Дѣло вотъ въ чемъ состояло. „Женщины съ открытыми и обнаженными головами и молились и пророчествовали, — тогда пророчествовали и жены, — а мужи отращали волосы, подобно занимавшимся философіею, и покрывали свои головы, когда молились и пророчествовали, придерживаясь въ томъ и другомъ языческаго закона“ (св. Злат.). Находя это неприличнымъ для христіанъ, Апостоль пишетъ противъ этого; впрочемъ, какъ видно, рѣчь его направляется преимущественно противъ женщинъ, не покрывавшихъ своихъ головъ. Онъ настаиваетъ на томъ, что имъ слѣдуетъ покрывать ихъ въ знакъ подчиненнаго своего положенія относительно мужа, выясняя это положеніе и а) по порядку домо-

строительства (2—6) и б) по порядку творенія (7—12), прилагая въ подтвержденіе своей мысли и в) требованіе здраваго смысла (1 —16).

а).

Ст. 2. Хвалю же вы, братіе, яко вся моя помните, и якоже предахъ вамъ, преданія держите.

Этими словами пролагаетъ путь слѣдующему за симъ укору. Будучи у нихъ, онъ завелъ у нихъ всесторонніе порядки, по которымъ и сформировалась тамъ жизнь и семейная, и гражданская, и церковная. Вся моя, говоритъ, помните, и преданія мои держите. Помните, что я заповѣдалъ, и держите порядки, какіе завелъ. Между тѣмъ и уже обличалъ онъ многія у нихъ неисправности, и вслѣдъ за симъ будетъ обличать. Что же значитъ эта похвала? Можно положить, что обличаемыя неисправности открылись въ отсутствіе Апостола и обнаружались въ предметахъ, относительно которыхъ не сдѣлано подробныхъ распоряженій; потому онъ говоритъ какъ-бы: что я завелъ у васъ, то вы хорошо все соблюдаете; но вотъ открылись у васъ не порядки въ другихъ отношеніяхъ; пишу вамъ объ нихъ и дѣлаю новыя распоряженія, чтобы вы исправились, въ полной надеждѣ, что и это все вы будете хранить и держать неукоризненно. Или такъ понять это можно, что въ большинствѣ церковь Коринеская была во всемъ исправна и дѣйствовала, какъ онъ заповѣдалъ, уклоненія же бывали только въ нѣкоторыхъ случаяхъ, и обнаруживались въ нѣкоторыхъ лицахъ. Въ такомъ случаѣ похвала большинству есть наилучшее побужденіе меньшинству возревновать и себѣ объ исправности. Св. Златоустъ такъ и понимаетъ это дѣло. „Похваливъ исправныхъ и укоровъ неисправныхъ, Апостоль пер- выхъ ободраетъ, а послѣднихъ приводитъ въ стыдъ.“

Укоризна, хотя и сама по себѣ можетъ тронуть, но имѣетъ еще большую силу, когда соединяется съ похвалою исправнымъ. Посему онъ и начинаетъ не съ укоризнъ, но съ похвалъ, притомъ съ великихъ похвалъ и говоритъ: *хвалю же вы, яко вся моя помните*. Такъ обыкновенно поступаетъ Павелъ: за малыя достоинства воздаетъ великія похвалы, дѣлая это не изъ лести, да не будетъ; ибо могъ ли употребить лестъ тотъ, кто не искалъ ни денегъ, ни славы и ничего подобнаго? но во всемъ имѣя въ виду ихъ спасеніе.—*И якоже предахъ вамъ, преданія держите*. Слѣдовательно онъ еще прежде преподаль имъ многое неписьменно, какъ выражаетъ это во многихъ и другихъ мѣстахъ; но прежде онъ только оставилъ имъ преданія, а теперь присовокупляетъ и причину. Такимъ образомъ онъ еще болѣе утверждаетъ послушныхъ и низлагаетъ гордость непослушныхъ. Не говоритъ: хвалю васъ за то, что вы послушались, тогда какъ другіе не послушались, но не выражая прямо намекаетъ на это въ дальнѣйшемъ изложеніи своего наставленія.“

Ст. 3. *Хочу же васъ вѣдѣти, яко всякому мужу глава Христосъ есть; глава же женъ—мужъ; глава же Христу—Богъ.*

Онъ говоритъ какъ-бы: въ общности васъ хвалю; но вотъ то и то у васъ не совсѣмъ исправно. И намѣреваясь начать съ непокровенія женами головъ въ церкви, выставляетъ напередъ твердое для разсужденія о томъ начало въ лѣствицѣ подчиненія, какая устроится во Христѣ Иисусѣ, по домостроительству спасенія.

Хочу васъ вѣдѣти. Будто они не знали того, о чемъ здѣсь говорится? Конечно знали, и слово Апостола означаетъ лишь: приведите себѣ на память, сознайте или вообразите себѣ слѣдующую истину. Развѣ предположить, что они не знали ея въ томъ видѣ или въ томъ отношеніи, въ какомъ она здѣсь представлена: ибо она

здѣсь такъ представляется, какъ нигдѣ. Въ такомъ случаѣ Апостоль сообщаетъ имъ новую истину къ вѣдѣнію.

Всякому мужу глава Христосъ есть. Христосъ—глава всѣхъ есть, Глава всей Церкви, какъ въ тѣлѣ голова есть голова не груди только, рукъ или ногъ, а всего тѣла. Слѣдовательно, и жены глава Христосъ же есть. Но какъ въ тѣлѣ иныя члены прямо относятся къ головѣ, а иныя чрезъ посредство другихъ членовъ, такъ и въ Церкви Св. Апостолы и ихъ преемники, предстоятели церквей и вообще священство прямѣе относятся ко Христу, яко главѣ; иныя члены церкви, при всемъ томъ что состоятъ въ союзѣ со Христомъ яко съ главою, во многихъ случаяхъ имѣютъ нужду въ ихъ посредствѣ. Подобнымъ образомъ есть нѣчто, почему мужъ представляется прямѣе относящимся ко Христу, яко главѣ, а жена не смотря на то, что имѣетъ главою Христа вмѣстѣ съ мужемъ, относится къ Нему нѣкоторымъ образомъ чрезъ мужа. Въ какомъ именно это смыслѣ? Совѣмъ не въ томъ, въ какомъ она есть спасаемая въ Господѣ; въ семъ отношеніи и у ней все отъ Господа, какъ и у мужа. Вѣра отъ Господа, благодать отъ Господа, всякая помощь тоже отъ Господа. И сообщается все сіе жёнѣ совѣмъ не отъ мужа, поколику онъ мужъ. Это все идетъ своимъ Богоучрежденнымъ порядкомъ. Какимъ же? Этому не поясняетъ Апостоль, и вѣрную о семъ внести отъ себя догадку очень трудно. Одна мысль представляется,—та, что во Христѣ Иисусѣ обычная подчиненность жены къ мужу не нарушается, и что хотя жена также состоитъ въ союзѣ съ Господомъ, но не отторгаясь отъ подчиненія мужу; и она въ Господѣ, но состоя подъ мужемъ. Какъ дѣти и родители, господа и слуги, подначальные и начальники остаются и въ Господѣ тѣмъ же, чѣмъ были по житейскому порядку,

такъ мужъ и жена. Здѣсь мужъ берется какъ глава и представитель семейства.

Глава женѣ—мужъ. Не присвоили-ль жены въ Коринѣ себѣ равенства съ мужами и во всѣхъ отношеніяхъ, зная, что во Христѣ Іисусѣ нѣсть мужескій полъ, ни женскій и что женамъ также открытъ свободный къ Нему доступъ, какъ и мужамъ? Апостоль этимъ словомъ ставитъ ихъ въ свой чинъ. И крещены вы одинаково, и даръ Духа въ мвропомазаніи получили одинаково, и тѣла и крови Христовыхъ причащаетесь одинаково, и наслѣдіе царства обѣтовано вамъ одинаково; но при всемъ томъ не забывайте, что глава женѣ мужъ. „Мужамъ желая подчинить женъ, и уча, что издревле Богъ повелѣлъ имъ состоять подъ властію мужей, употребилъ Апостоль сей образъ выраженія“ (Ѳеод.).

Глава Христу—Богъ. Глава Христу—Богъ, яко Богочеловѣку, по домостроительству спасенія. И Сынъ Божій воплотившійся есть Богъ, ничѣмъ не меньше Бога Отца и Бога Духа Святаго; но принявъ на Себя, въ совѣтѣ Божества, исполнить домостроительство спасенія, Онъ и яко Богъ есть исполнитель положеннаго въ совѣтѣ Божества. Почему говоритъ, что снизшелъ съ неба, не да творю волю Мою, но волю Пославшаго. Въ семъ отношеніи глава Христу Богъ.

Ѳеодоритъ полагаетъ: „не божественные предлагая догматы и не богословіе излагая, Апостоль далъ рѣчи такой порядокъ.“ Что же онъ хотѣлъ? Только навестъ на мысль о подчиненіи жены мужу съ христіанской точки зрѣнія. На основаніи сихъ словъ никакъ нельзя полагать, что какъ жена мужу, мужъ Христу, такъ и Христось подчиненъ Богу. Если мужъ безмѣрно далеко отстоитъ отъ Христа, а въ такой же мѣрѣ и подчиненіе его Христу, то измѣряя сею же мѣрою подчиненіе жены мужу, гдѣ мы найдемъ ему мѣру? Св. Златоустъ

говорить: „если во всей этой рѣчи мы примемъ слово: глава въ одномъ и томъ-же смыслѣ, то жена будетъ ниже мужа столько, сколько мужъ ниже Бога-Слова. А это кто можетъ допустить?“ Излагая эту лѣствицу подчиненія жены мужу, мужа Христу, Христа Богу, Апостоль не точную мѣру подчиненія опредѣляетъ, а только наводитъ мысль о томъ, — имѣя преимущественно во вниманіи подчиненное положеніе жены относительно мужа. Хоть мы и не поймемъ точно этого текста, мысль Апостола главная видна; а этого для насъ и достаточно.

Ст. 4. 5. *Всякъ мужъ молитву дѣлай, или пророчествуяй покрытою главою, срамляетъ главу свою. И всяка жена молитву дѣлющая, или пророчествующая откровенною главою, срамляетъ главу свою: едино бо есть и тожде остриженный.*

Въ какой связи состоятъ сіи слова съ предыдущими, не видно. Они будто составляютъ особое положеніе, отъ тѣхъ независимое. Точно можно допустить, что между ними опущена связующая мысль, и именно такая: если жена и въ благодатномъ порядкѣ остается въ подчиненномъ положеніи относительно къ мужу, то она должна являть это и всёмъ своимъ внѣшнимъ видомъ, равно какъ и мужъ внѣшнимъ видомъ долженъ являть власть свою и преимущество предъ женою. Въ числѣ этихъ знаковъ подчиненія жены мужу и власти мужа надъ женою есть и то, чтобы первая всегда покрывала главу свою, а второй не покрывалъ ея въ извѣстныхъ случаяхъ. Изъ этого прямо и выходитъ, что если первая открываетъ главу свою, а второй если покрываетъ ее, то выступаютъ изъ своего чина, и тѣмъ срамятъ себя.

Эту посредствующую мысль св. Златоустъ вводитъ въ толкованіе сего мѣста: „мужу и женѣ дано много

знаковъ, одному власти, а другой подчиненности, между прочимъ и тотъ, чтобы жена покрывалась, а мужъ былъ съ обнаженною головою. Если же таковы знаки, то оба они погрѣшаютъ, если нарушаютъ благочиніе и заповѣдь Божию, если преступаютъ собственные предѣлы, мужъ ниспадая до униженія жены, а жена, возвышаясь своимъ внѣшнимъ видомъ предъ мужемъ. Ибо если имъ не позволительно измѣнять свою одежду, т.-е. женѣ одѣваться въ мужское платье, а мужу надѣвать женскую одежду, *да не будетъ, говорить, утварь мужеска на женъ, ни да облачится мужъ въ ризу женску* (Втор. 22, 5); то непозволительно мѣняться и относительно покрововъ. То, чтобы одна покрывалась, а другой не покрывался, происходитъ отъ самой природы. Подъ именемъ природы я разумѣю Бога; ибо Онъ есть создатель природы. Посему, если ты преступишь эти предѣлы, смотри, сколько произойдетъ вреда. Не говори мнѣ, что это преступленіе маловажно; оно велико и само по себѣ, потому что оно есть преслушаніе, а еслибы и было маловажно само по себѣ, то оно велико потому, что касается знака великихъ предметовъ. А что этотъ знакъ великъ, видно изъ того, что онъ производитъ благоустройство въ родѣ человѣческомъ, представляя въ надлежащемъ видѣ начальствующаго и подчиненнаго; поступающій же противъ этого приводитъ все въ смѣшеніе, лишаетъ себя даровъ Божіихъ, унижаетъ честь, дарованную ему свыше, не только мужъ, но и жена. Ибо для ней велика та честь, чтобы сохранить свое мѣсто, а напротивъ постыдно выходить изъ предѣловъ. Посему Апостолъ и говоритъ такъ объ нихъ обоихъ.“

Впрочемъ, поелику во всей этой рѣчи о покровеніи главы вниманіе обращается преимущественно на жену, то съ достовѣрностію можно полагать, что о посрамле-

нїи мужа покровенїемъ главы говорится здѣсь лишь для округленїя слова и для выясненїя дѣла противоположенїемъ. И относительно жены иные толковники допускаютъ догадку, что покрывающая голову даетъ знать всѣмъ, что имѣетъ мужа и живетъ съ нимъ честно, а открывающая даетъ знать, что у ней нѣтъ мужа и что она не тверда въ правилахъ. Тѣмъ и срамитъ себя предъ всѣми честными. Говорятъ еще, будто въ той мѣстности, для которой писано посланїе, жены язычницы въ капища свои ходили открыто съ нечистыми цѣлями. Изгоняя изъ христіанскаго храма этотъ обычай, Апостоль и пишетъ такъ, не поминая о срамныхъ цѣляхъ язычницъ, а выводя запрещенїе изъ другихъ источниковъ, чтобы тѣмъ напоминанїемъ не осквернить цѣломудренныхъ душъ, а этимъ выводомъ повелѣнїя изъ высшаго источника освятить его и самое дѣло, котораго оно касалось, общими христіанскими созерцанїями, чтобы во всемъ видѣлся Христосъ Господь съ Своими законоположенїями.

Св. Златоустъ и о самомъ выводѣ повелѣнїя изъ христіанскихъ началъ, или о подтвержденїи его причинами, говорить, что сего могло бы и не быть, ибо для вѣрующихъ достаточно было одного повелѣнїя; причину эту приводитъ Апостоль для немощныхъ. „Приводить, говоритъ, Апостоль эту причину для того, чтобы немощныхъ сдѣлать болѣе внимательными. Ибо вѣрующій какъ должно и твердый въ вѣрѣ не нуждается ни въ доказательствѣ, ни въ причинѣ того, что заподвѣдывается ему, а довольствуется однимъ преданїемъ; но немощный, узнавъ причину, съ большимъ усердїемъ соблюдаетъ сказанное и повинуется съ большею преданностію.“

Что значитъ: *жена молитву дѣлющая и пророчествующая?* — Въ первое время, въ собранїяхъ вѣрующихъ,

Духъ Божій являлъ на иныхъ особенное Свое воздѣйствіе, и одному внушалъ молитву, другому слово назиданія. И молитва и слово назиданія могли и могутъ рождаться отъ собственнаго размышленія и углубленія въ христіанскія истины. Но они умѣли различать, что отъ Духа, и что свое. Восчувствовавшій это возбужденіе вставалъ и произносилъ предъ собраніемъ что внушалъ ему Духъ Божій: молитву или слово назиданія. — Дара бывать въ такомъ состояніи не лишены были и жены, и тоже вставали и произносили молитвы или слова назиданія. Но Апостолы нашли, что женщинамъ въ церкви и молитвы произносить и читать наставленія непристойно, почему запретили это, какъ ниже запретилъ и св. Павелъ (въ гл. 14). Здѣсь же онъ говоритъ только о неприличіи дѣлать это откровенной главою, чтобы не вдругъ отяготить ихъ своимъ законоположеніемъ. — Слово назиданія названо здѣсь пророчествомъ, потому что воодушевленіе это походило на пророческое состояніе. Впрочемъ и въ молитву и въ слово нерѣдко входили прямыя пророчества, т.-е. предсказанія о будущемъ.

Св. Златоустъ говоритъ: „Въ то время были и мужи пророчествовавшіе, и жены, имѣвшія этотъ даръ, напр. дочери Филиппа и другія прежде и послѣ нихъ. О нихъ и Пророкъ въ древности сказалъ: *прорекутъ сынове ваши и дщери ваши видѣнія увидятъ* (Іоиль 2, 28). Мужу повелѣваетъ Апостолъ быть открытымъ не всегда, а только во время молитвы; женѣ же повелѣваетъ быть покрытою всегда, какъ видно изъ приложенія: *едино бо есть и тожде, еже быти остриженный*. Если быть остриженной всегда постыдно, то очевидно, что и быть непокрытою всегда постыдно.“

Ст. 6. *Аще бо не покрывается жена, да стрижется; аще ли же срамъ женѣ стрищися, или бритися, да покрывается*

„Сначала требуетъ, чтобы жена не обнажала головы своей во время молитвы, а потомъ объясняетъ, что она постоянно должна быть покрытою; и притомъ покрытою со всею тщательностію и осмотрительностію; ибо не сказалъ просто: да накрывается (*χαλυπτεσθαι*), но: *да покрывается* (*χатаχαλυπτεσθαι*), т.-е. должна тщательно закрыться со всѣхъ сторонъ. Показываетъ и неприличіе противнаго образа дѣйствій, и сильно укоряетъ, когда говоритъ: *еще не покрывается, да стрижется*; если, говоритъ, ты свергаешь покрывало, установленное закономъ Божиимъ, то свергни и данное природою. Но, скажетъ кто-нибудь, какъ можетъ служить женѣ безчестіемъ то, если она достигаетъ до чести мужа? Чрезъ это, скажемъ мы, она не только не возвышается, но и лишается и собственной чести. Ибо не соблюдать собственныхъ предѣловъ и законовъ; установленныхъ Богомъ, но преступать ихъ, это не возвышеніе, а униженіе. Какъ желающій чужаго и похищающій не принадлежащее ему не приобретаетъ, а унижается и теряетъ и то, что онъ имѣлъ, какъ, напр., было въ раѣ; такъ и жена въ этомъ случаѣ не приобретаетъ себѣ благородства мужа, но теряетъ и благопристойность жены. Такимъ образомъ указавъ на то, что несомнѣнно признается постыднымъ въ словахъ: *еще ли срамъ женѣ стрищися или бритися*, Апостолъ наконецъ отъ себя говоритъ: *да покрывается*, не сказалъ: да растить власы, но: да покрывается, внушая, что и то и другое одинаково. Покрывало и отрощенные волосы, говоритъ, одно и то же; равно какъ бритая и обнаженная голова одно и то же, *едино бо*, говоритъ, *и то же еже быти остриженнѣй*.—Но, спросить кто, какъ одно и то же, когда та имѣетъ естественное покрывало, а бритая не имѣетъ и этого? Та, скажемъ мы, имѣя обнаженную голову, произволеніемъ своимъ

отвергла и естественное покрывало; если же она не лишена волосъ, то это дѣло природы, а не ея; слѣдовательно какъ обритая имѣетъ обнаженную голову, такъ и она. Для того Богъ и повелѣлъ природѣ покрывать голову волосами, чтобы жена научившись отъ природы и сама покрывалась“ (св. Злат.).

б).

Ст. 7. 8. *Мужъ убо не долженъ есть покрывати главу, образъ и слава Божія съи; жена же слава мужу есть. Нсть бо мужъ отъ жены, но жена отъ мужа.*

„Это уже вторая причина“ (св. Злат.). Приступаетъ Апостоль къ объясненію подчиненія жены мужу по порядку творенія. — Сначала созданъ мужъ и созданъ по образу и подобію Божію: онъ—отблескъ славы Божіей. Жена потомъ взята отъ мужа, какъ-бы по его уже образу создана, и есть потому образъ образа, или есть отблескъ славы мужа. Почему и прибавляетъ въ доказательство сего: *нсть бо мужъ отъ жены, но жена отъ мужа.*

Феодоритъ, ограничивая образъ Божій однимъ даннымъ человѣку господствомъ надъ тварями, примѣнительно къ ходу рѣчи говорить: „человѣкъ образъ Божій по праву начальства. Такъ какъ ему ввѣрено начальство надъ всѣмъ, что на землѣ, то и называется образомъ Божіимъ. А жена, состоя подъ властію мужа. *слава мужу есть*, и какъ-бы образъ образа. Ибо хотя и она начальствуетъ надъ другими, но повелѣно ей быть въ подчиненіи у мужа.“

Отсюда вотъ что выводитъ св. Златоустъ: „мужъ не долженъ покрываться не только потому, что имѣетъ главою своею Христа, но и потому, что имѣетъ власть надъ женою (по порядку творенія). Когда имѣющій

власть приступаетъ къ царю, то онъ долженъ имѣть на себѣ знакъ своей власти. Посему какъ никто изъ имѣющихъ власть не осмѣлился бы явиться предъ облеченнаго діадемою безъ пояса и приличной сану одежды, такъ и ты безъ знаковъ своей власти, т.-е. безъ обнаженной головы не молись Богу, дабы не нанести безчестія и себѣ и почтившему тебя. Тоже самое должно сказать и о женѣ: и для нея безчестно не имѣть знаковъ своей подчиненности.“

Ст. 9. *Ибо не созданъ бытъ мужъ жены ради, но жена мужа ради.*

Мужъ прежде созданъ; потому являетъ нѣкоторое самостоятельное значеніе. Жена создана по потребности мужа быть въ обществѣ съ подобнымъ; и создана быть помощницею мужу. Этимъ выражено ея зависимое и подчиненное положеніе. „Такъ мужъ имѣетъ первенство по порядку созданія. И сего достаточно въ доказательство, что мужу принадлежитъ власть и право распоряжаться; потому что не онъ приведенъ въ бытіе на потребность женѣ, а она на потребность мужу“ (Феод.). „Это второе преимущество, или лучше третье и четвертое. Первое то, что наша глава есть Христосъ, а мы глава жены; второе то, что мы слава Божія, а наша слава жена; третье то, что не мы отъ жены, но жена отъ насъ; четвертое то, что не мы для нея, а она для насъ“ (св. Злат.).

Ст. 10. *Сего ради должна есть жена власть имѣти на главѣ, Ангелъ ради.*

„Чего же ради? Ради воѣхъ показанныхъ причинъ, и кромѣ того *Ангелъ ради*. Если ты, говорить, не обращаешь вниманія на мужа, то постыдись Ангеловъ“ (св. Злат.). *Власть имѣти на главѣ*, т.-е. знакъ власти мужа надъ нею — покрывало головное. — „*Властію* называлъ Апостоль покрывало, какъ-бы такъ говоря: пусть

показываетъ подчиненность, покрывая себя, и особенно ради Ангеловъ, которые приставлены къ людямъ, потому что имъ ввѣрено попеченіе о нихъ. Такъ и въ Дѣянїяхъ сказали о Петрѣ (стучавшемъ въ двери): не самъ онъ, но *Ангелъ его есть* (Дѣян. 12, 15). И Господь говоритъ: *блюдите, да не презрите единого отъ малыхъ сихъ, вѣрующихъ въ Мя: Аминь бо глаголю вамъ, яко Ангели ихъ выну видятъ лице Отца Моего небеснаго* (Мѡ. 18, 10).“

Ангелъ ради иные относятъ къ людямъ, т.-е. къ предстоятелямъ Церкви, или честнѣйшимъ изъ присутствующихъ въ церкви христіанамъ. Но никакой нѣтъ нужды отступать отъ обычнаго значенія слова: *Ангелъ*. Какая же мысль: *Ангелъ ради*? Стыдясь ихъ, или боясь оскорбить ихъ. Одна мысль о невидимомъ присутствїи Ангеловъ должна остепенять и держать въ своемъ чинѣ. Лично для самихъ Ангеловъ и покрываніе и непокрываніе главы равно безразлично; но то, съ какимъ намѣренїемъ и въ какомъ духѣ это дѣлается, можетъ или утѣшать ихъ или оскорблять; и это тѣмъ паче, если зло не ограничивается однимъ лицомъ открыто держащей главу, но распространяется и кругомъ. Врагъ иногда чрезъ одно лице надѣлаетъ зла цѣлымъ сотнямъ.

„Итакъ покрываніе есть знакъ покорности и подчиненія; оно побуждаетъ смотрѣть внизъ, смиряться и соблюдать добродѣтель; ибо добродѣтель и честь подчиненнаго состоятъ въ томъ, чтобы пребывать въ послушанїи. Мужу не предписывается дѣлать это; ибо онъ есть образъ Самого Господа; а женѣ справедливо предписывается“ (св. Злат.).

Ст. 11. 12. *Обаче ни мужъ безъ жены, ни жена безъ мужа, о Господь? Якоже бо жена отъ мужа, сице и мужъ женою; вся же отъ Бога.*

Доказываніе кончено. Но какъ въ немъ слишкомъ

кажется возвышаемою власть мужа, а это могло подать мужьямъ поводъ не превозноситься только, но и преобладаніе и властолюбіе излишнее являть, то предотвращая это, Апостоль говорить, что и мужъ состоитъ въ нѣкоторой зависимости отъ жены; потому долженъ являть свое надъ нею преимущество съ умѣренностію: не все на сторонѣ мужниной, есть нѣчто на сторонѣ жениной. Это выражаетъ Апостоль словами: *ни мужъ безъ жены, и мужъ женою*. Но на что именно этимъ указывается, опредѣлить трудно.

Первое предложеніе: *ни мужъ безъ жены, ни жена безъ мужа о Господѣ*,—словомъ: *о Господѣ*, показываетъ, что здѣсь говорится о мужѣ и женѣ, какъ они есть во Христѣ Иисусѣ. Во *Христѣ же Иисусѣ нѣтъ мужескій полъ, ни женскъ*. Обоимъ равно открытъ путь къ Господу, и обои равно приѣмлются. Изъ этого выходитъ: итакъ не особьтесь и предъ Господа не являетесь раздѣленными; но какъ сочеталъ васъ Господь, такъ сочетанно и приближайтесь къ Нему. Ни мужъ не является предъ Господа такъ, какъ-бы у него не было жены, ни жена такъ, какъ-бы не было у нея мужа. Но ни мужъ безъ жены, ни жена безъ мужа, не будьте никогда въ Господѣ. Поставляя эту мысль въ соотвѣтствіе съ первою причиною подчиненія жены мужу, по порядку домостроительства, можемъ сказать, что какъ равенствомъ мужа и жены въ Господѣ не уничтожается подчиненіе послѣдней первому, такъ равно и закономъ подчиненія ея ему не уничтожается равенство ихъ въ Господѣ. И это-то послѣднее, кажется, имѣлъ въ виду представить здѣсь св. Павелъ.

Второе предложеніе: *якоже бо жена отъ мужа, сине и мужъ женою*,—переноситъ мысль о мужѣ и женѣ, какъ они есть въ порядкѣ творенія. Сначала жена отъ (ѣѣ) мужа взята: а потомъ мужъ сталъ раждаться же-

ною (*διά*), чрезъ жену. Этимъ говорится будто: жена имѣетъ обращеніе къ мужу, изъ коего взята; зрирай же и ты на естество родившей тебя въ женѣ, и относись къ ней почтительно.

Вся же отъ Бога. *Вся*—всѣ такія ваши отношенія, или *вся*—оба вы—отъ Бога. Богъ и васъ создалъ, и все относительно васъ такъ устроилъ, и храните эти законоположенія Божіи, по естеству ли они или по благодати. Св. Златоустъ говоритъ: „не смотри, говоритъ, только на первоначальныя преимущества и на сотвореніе, а обрати вниманіе на послѣдующее, и увидишь, что каждый изъ нихъ зависитъ отъ другаго, или лучше не другъ отъ друга, а всѣ отъ Бога.“

в).

Ст. 13. *Взъ васъ самѣхъ судите, мѣло ли есть женѣ откровенный Богу молитися?*

Обращается наконецъ Апостоль къ естественному чувству или смыслу. Опять предоставляетъ имъ самимъ судить о сказанномъ, подобно какъ поступилъ въ бѣсѣдѣ объ идоложертвенномъ. И внушаетъ нѣчто страшное: „Здѣсь, говоритъ, оскорбленіе касается Бога; впрочемъ не говорить этого прямо, а выражается снисходительнѣе и прикровеннѣе: *мѣло ли есть женѣ откровенный Богу молитися?*“ (св. Злат.). Рѣчь обращаетъ къ одной женѣ; чѣмъ показываетъ, что и все предыдущее было говорено преимущественно для вразумленія ея, хотя тамъ слово касалось и мужа.

Ст. 14. 15. *Или и не самое естество учитъ вы, яко мужъ убо иже власы раститъ, безчестіе ему есть; жена же иже власы раститъ, слава ей есть; зане растеніе власовъ вмѣсто одѣянія дано бысть ей.*

„Если жена вмѣняетъ себѣ въ честь имѣть волосы,

отнятіе же ихъ почитаетъ безчестіемъ, то пусть разсудить, какъ безчеститъ она Давшаго волосы, приступающая (къ Нему въ молитвѣ) не съ подобающею стыдливостію и честію“ (Ѳеод.). „Какъ въ другихъ многихъ мѣстахъ всегда онъ употребляетъ общеизвѣстныя доказательства, такъ и здѣсь обращается къ общеизвѣстному обычаю и сильно пристыждаетъ слушателей, получающихъ отъ него наставленія въ томъ, что они могли знать и изъ обыкновеннаго обычая; ибо это не безызвѣстно и варварамъ“ (св. Злат.).

Но въдъ рѣчь идетъ о покровеніи головы покровами, а приводимый обычай говоритъ о ращеніи волосъ. Какая связь?—Связь эту прежде указалъ Апостоль, когда сказалъ, что безъ покрыва быть женѣ тоже, что быть остриженной. А теперь тоже съ противоположной стороны высказываетъ: безъ покрыва быть женѣ тоже, что быть остриженной, и съ покровомъ,—тоже что растить волосы. Какъ растить волоса слава женѣ, такъ и покрывать главу—слава. „Но скажешь: если ращеніе *власовъ вмѣсто одѣянія дано женѣ*, то для чего прибавлять къ одному одѣянію другое? Для того, дабы показать подчиненіе не только по природѣ, но и по произволенію. Природа напередъ установила, чтобы ты была покрыва; а ты приложи нѣчто отъ себя, дабы не показалось, что ты нарушаешь законы природы; ибо противиться не только намъ, но и природѣ, есть знакъ великаго безстыдства“ (св. Злат.).

Ст. 16. *Аще ли кто мнитъ спорливъ быти, мы такового обычая не имамы, ниже церкви Божіа.*

„Поелику писалъ къ охотникамъ философствовать, которые имѣли обычай посредствомъ силлогизмовъ свои мысли отстаивать, а чужія опровергать, то говорить имъ: не время нынѣ спорить. Кто будетъ безстыдно возставать противъ сказаннаго, то мы и церкви Божіа

не имѣемъ такого обычая. Какого? Спорить; но охотно покоряемся распоряженіямъ учителей, ни мало имъ не возражая“ (Экум.). „Мы, говорить, не имѣемъ такого обычая, чтобы спорить, состязаться и противорѣчить. Не останавливаясь на этомъ, прибавляетъ: *ниже церкви Божіа*, внушая, что не повинуюсь, они враждуютъ и противятся всей вселенной. Слѣдовательно противленіе есть знакъ упорства, а не разсудительности“ (св. Злат.).

Или такое у Апостола теченіе рѣчи. Онъ говоритъ какъ-бы: я доказывалъ, убѣждалъ, объяснялъ, что женщинамъ въ церкви должно быть съ покрытою головою; для внимательныхъ и разсудительныхъ достаточно сказаннаго. Но если кто подниметъ споръ, будетъ избобрѣтать возраженія, такому скажу: нечего спорить; дѣло рѣшенное, мы и всѣ церкви Божіи такого обычая не имѣемъ, т.-е. обычая, чтобъ женщины являлись въ церкви съ непокрытою главою. Брось возраженія и покорись общему голосу. Св. Златоустъ и заключаетъ свое объ этомъ слово: „если тогда Коринѳяне противорѣчили этому закону, но теперь приняла и сохраняетъ его вся вселенная. Такова сила Распятаго!“ Это второе мнѣніе прилагаютъ Экуменій, Теофилактъ и Θεодоритъ. Послѣдній пишетъ: „Слова сіи достаточны къ тому, чтобы пристыдить и крайне спорливыхъ,“ ибо Апостоль показалъ, что таково мнѣніе не его одного, но и всѣхъ церквей Божіихъ.

2.

Противъ нестройностей на вечеряхъ любви

11, 17—34.

„Прежде всего надобно объяснить причину предлагаемаго обличенія; тогда наша рѣчь будетъ удобопонятнѣе. Въ чемъ же состоитъ эта причина? Какъ въ началѣ

вѣрующіе, въ числѣ трехъ тысячъ, вкушали пищу за общимъ столомъ и имѣли у себя все общее (это въ Иерусалимѣ, тотчасъ по сошествіи Св. Духа),—такъ было и тогда, когда Апостоль писалъ это, хотя и не съ такою точностію, а только какъ-бы нѣкоторый остатокъ прежняго общенія сохранился и соблюдался въ послѣдующее время. Вѣрующіе, изъ которыхъ одни были богаты, а другіе бѣдны, хотя не отдавали всего своего имущества въ общую пользу, однако въ установленные дни по обычаю учреждали общіе столы и, по окончаніи собранія и причащенія Таинъ, сходились всѣ на общую трапезу, причемъ богатые приносили яства, а бѣдные и ничего не имѣющіе были приглашаемы ими; и такимъ образомъ вкушали пищу всѣ вмѣстѣ. Обычай прекрасный и благодѣтельный!—Ибо онъ служилъ къ поддержанію любви, утѣшенію бѣдности, благоупотребленію богатства, внушенію великаго любомудрія, сохраненію смиренномудрія“ (св. Злат.). Введенъ онъ былъ и въ Коринѣ, какъ и вездѣ; и сначала все здѣсь шло въ порядкѣ, а потомъ произошли нѣкоторыя нестроенія, которыми извращалось самое существо сихъ вечерній. Узнавъ объ этомъ, св. Павелъ обращаетъ къ нимъ теперь обличительное и исправительное слово.

Теченіе его рѣчи таково: а) сначала указываетъ, въ чемъ нестроенія, и обличаетъ ихъ, 17—22; б) потомъ, чтобъ расположить къ благовѣнству въ отношеніи къ вечерамъ любви, говоритъ о таинствѣ тѣла и крови, именно—аа) какъ оно установлено, 23—26, —и бб) какъ приступать къ нему достойно, 27—32; и в) наконецъ дѣлаетъ постановленія относительно порядковъ на вечерахъ любви, 33. 34.

а).

Указаніе и обличеніе нестроеній на вечеряхъ любви

17—22.

Ст. 17. *Сіе же завѣщавая не хвалю, яко не на лучшее, но на худшее собирается.*

*Сіе же завѣщавая, παραγγέλλον, —*возвѣщая, предлагая. Эти слова относятся къ предыдущему. При этомъ приходитъ на мысль слѣдующее наведеніе: начиная рѣчь о покровеніи женами головъ въ церкви (11, 2—), Апостолъ говорилъ: *хвалю васъ, что все мое помните, и какъ я предалъ вамъ преданіе держите.* Потомъ идетъ рѣчь все о покровеніи женами головъ въ церкви, и никакого намека не дѣлается на то, чтобы у Коринѳянъ это не исполнялось, а пишется только вообще, что этому слѣдуетъ быть и какъ нелѣпо противное. Въ концѣ разсужденія только прибавляется: если кто спорить будетъ еще послѣ всего сказаннаго, то пусть знаетъ, что таковъ обычай повсюду.—Этотъ тонъ рѣчи такой общій, безъ намека на неисправность, даетъ мысль, что Коринѳскія женщины покрывали свои главы и исполняли распоряженіе относительно сего св. Апостола; были только нѣкоторые умники, которые возражали противъ этого. Апостолъ и пишетъ: хвалю васъ, что дѣлаете, какъ я велѣлъ; а противъ возражателей выставилъ основанія, по которымъ такъ, а не иначе должно женщинамъ держать себя въ церкви, приписывая въ заключеніе: больше не спорить, ибо всѣ церкви такъ дѣлаютъ.

Итакъ будетъ: хвалю, что дѣлаете какъ я предалъ, а противъ возражателей говорю то и то... Возвѣщая же сіе, — не хвалю вотъ что, — что *собирается не на*

лучшее, а на худшее. Можетъ быть такъ и лучше будетъ понять дѣло.

Собираетесь, т.-е. сходитесь на вечера любви. *Не на лучшее, а на худшее,* даетъ мысль, что прежде у нихъ было хорошо, а теперь стало худо. Надлежало бы все подвигаться впередъ и восходить къ лучшему, а они подвинулись назадъ и низошли къ худшему. „Упрекаю васъ справедливо; ибо должно было съ теченіемъ времени приумножать добродѣтель, а вы утрачиваете ее и умаляете сіе богатство“ (Феод.). „Тогда какъ слѣдовало преуспѣвать и возрастать въ любви, вы сократили уже господствующій обычай, и сократили такъ, что оказалась надобность въ моемъ увѣщаніи вамъ возвратиться къ прежнему порядку“ (св. Злат.).

Ст. 18. *Первое убо, сходящимся вамъ въ церковь, слышу въ васъ распри сущія, и часть нѣкую съихъ върую.*

Въ чемъ состоялъ безпорядокъ? Въ томъ, что когда надлежало всѣмъ вмѣстѣ вкушать вечерю любви, они раздѣлялись на кумы, или семьями, или пріятствами, а бѣдныхъ оставляли самимъ себѣ, тогда какъ и цѣль учрежденія сей вечери была, чтобы и бѣдные въ сіи дни общаго причащенія Св. Таинъ имѣли утѣшеніе отъ недостаточныхъ. Объ этомъ онъ говоритъ въ 21 стихѣ прямо; а здѣсь означаетъ тоже общимъ выраженіемъ: *распри*. *Распри сущіага*, раздѣленія,—что показываетъ, что они не вздорили, а просто раздѣлялись по нехотѣнію подѣлиться своимъ достаткомъ съ неимущими. Св. Златоустъ и говоритъ: „дабы не показалось, что онъ говоритъ только въ пользу бѣдныхъ, Апостолъ не тотчасъ начинаетъ рѣчь о трапезахъ, а дабы обличеніе его не было принято ими за маловажное, употребляетъ выраженіе болѣе разительное и внушающее болѣе страхъ.—Что же онъ говоритъ? *Слышу... распри*. Не говоритъ: я слышу, что вы не учреждаете общихъ ве-

черей; слышу, что вы вкушаете пищу каждый порознь, а не вмѣстѣ съ бѣдными; но употребляетъ выраженіе, которое могло сильнѣе потрясти ихъ душу, именно: *распри* (распаденія на части, какъ одежду раздраютъ на клочки), которыя были причиною и этого безпорядка, и такимъ образомъ опять напоминаетъ о томъ, о чемъ говорено было въ началѣ посланія и что возвращено было ему домашними Хлои. *И часть нѣкую сихъ вѣрюю.* Дабы не сказали: а что если солгали какіе-нибудь клеветники?—Онъ не говоритъ: *я вѣрю*, дабы они не сдѣлались безстыдными, не говоритъ и: *не вѣрю*, дабы обличеніе не показалось излишнимъ, но: *часть нѣкую* говорить, *вѣрюю*, т.-е. нѣсколько вѣрю, и тѣмъ дѣлаетъ ихъ внимательными и призываетъ къ исправленію.“

Такимъ образомъ *первое* или признать надо оставленнымъ безъ *второе*, или на его долю отнести то, что дѣлились на купы, тогда какъ слѣдовало всѣмъ одну трапезу составить, одинъ общій столъ; а подъ *второе* поставить то, что бѣдныхъ оставляли.

Сходящимся вамъ въ церковь. Сходились въ церковь не прямо на вечерю любви, а для совершенія Евхаристіи и причащенія Св. Таинъ. Послѣ сего священнодѣйствія учреждали и вечерю любви, изъ остатковъ принесеннаго для безкровной жертвы, и изъ того, что прямо для вечера и приносилось. Обличаемый безпорядокъ не могъ не указывать и на недостатокъ благоговѣнія къ таинству тѣла и крови; почему вслѣдъ за симъ и говоритъ Апостолъ о важности сего таинства и о должномъ къ нему вниманіи. Отчего такъ произошло?—Привыкли, присмотрѣлись,—и стали на все и въ церкви смотрѣть, какъ на всякое другое житейское дѣло и вести его непопереча своему праву. И выступило напередъ: это мое, а ты себѣ самъ приготовь.

Слово *церковь* означаетъ ли только собраніе? Можетъ быть и это только означаетъ; но ничего нѣтъ дивнаго, что имѣлось и особое мѣсто для собраний, новое ли зданіе, или готовое кѣмъ изъ вѣрующихъ уступлено. — Имѣть особое мѣсто для общей молитвы и удовлетворенія религіозныхъ потребностей есть потребность вѣры. Для избранія его и устроенія не нужны особыя постановленія. Это дѣлается само собою.

Ст. 19. *Подобаетъ бо и ересемъ въ васъ быти, да искусніи явлени бывають въ васъ.*

„Подъ именемъ ересей онъ разумѣетъ здѣсь не заблужденія касательно догматовъ, но настоящія (и подобныя) распри. Впрочемъ, еслибы онъ говорилъ и о заблужденіяхъ касательно догматовъ, то и въ такомъ случаѣ не подалъ бы повода къ соблазну (словомъ: *подобаетъ*). Ибо и Христосъ сказалъ: *нужда есть прити соблазномъ* (Мѣ. 18, 7), и однако не нарушилъ свободы воли и не поставилъ насъ въ какой-нибудь необходимости и неизбѣжности, но предсказалъ будущее, имѣвшее произойти отъ злой человѣческой воли, не вслѣдствіе Его предсказанія, но отъ произвола развратныхъ людей. Не потому происходили соблазны, что Онъ предсказалъ о нихъ, но потому Онъ предсказалъ, что они имѣли произойти. Ибо еслибы соблазны происходили по необходимости, а не по волѣ производящихъ ихъ, то онъ напрасно бы сказалъ: *горе человеку тому, имже соблазнъ приходитъ* (Мѣ. 18, 7). — Что Апостоль дѣйствительно *ересями* назвалъ здѣсь безпорядки при трапезахъ и бывшія при томъ раздѣленія, это онъ ясно выразилъ послѣдующими словами. Ибо сказавъ: *слышу въ васъ распри сущія*, не остановился на этомъ, но желая объяснить, какія онъ разумѣетъ распри, говоритъ далѣе: *каждо свою вечерю предваряетъ* (—21). Очевидно, что онъ говоритъ объ этихъ безпо-

рядкахъ; а что называетъ ихъ распрями (раздираніями общества), не удивляйся этому; онъ хотѣлъ, какъ я сказалъ, сильнѣе подѣйствовать на нихъ такимъ выраженіемъ. Еслибы онъ разумѣлъ догматическія ереси, то не говорилъ бы съ ними такъ кратко“ (св. Злат.).

„Что означаютъ слова: *да искуснии явлени бываютъ въ васъ?* Дабы болѣе просіяли. Онъ хочетъ сказать, что людямъ непреклоннымъ и твердымъ это не только не вредить, но еще дѣлаетъ ихъ болѣе замѣтными и славными. Частица *дабы* не всегда означаетъ цѣль, но часто слѣдствіе дѣла. Такъ употребляетъ ее Христосъ, когда говоритъ: *на судъ азъ въ міръ сей придохъ, да невидящии видятъ, и видящии слѣпы будутъ* (Іоан. 9, 39); такъ и самъ Павелъ, когда говоритъ о законѣ: *законъ же привиде, да умножится прегрѣшеніе* (Римл. 5, 20). Законъ данъ былъ не для того, чтобы умножились преступленія Іудеевъ; но такъ было. И Христосъ пришелъ не для того, чтобы видящіе сдѣлались слѣпыми, а съ противоположною цѣлю; но такъ было. Подобнымъ образомъ и здѣсь нужно понимать слова: *да искуснии явлени бываютъ*; ереси (раздѣленія и безпорядки на вечерахъ) были не для того, чтобы открылись искусные, но когда явились онѣ, тогда это случилось.— Апостоль сказалъ это для утѣшенія бѣдныхъ, великодушно переносившихъ презрѣніе. Посему не сказалъ: *да искуснии бываютъ*, но: *да искуснии явлени бываютъ*, выражая, что они и прежде были такими, но смѣшались съ другими и, получая утѣшеніе отъ богатыхъ, не очень были замѣтны, а теперь смятеніе и несогласіе сдѣлали ихъ извѣстными, подобно какъ буря дѣлаетъ извѣстнымъ кормчаго. Также не сказалъ: *да вы искуснии явитесь* (вы—такіе-то), но: *да искуснии явлени бываютъ въ васъ*; какъ въ обличеніи не указалъ ни на кого прямо, дабы не сдѣлать ихъ болѣе безстыдными,

такъ и въ похвалѣ, дабы не сдѣлать ихъ безпечными, но выражается неопредѣленно, предоставляя совѣсти каждаго прилагать къ себѣ сказанное. — Мнѣ кажется, что здѣсь онъ утѣшаетъ не только бѣдныхъ, но и тѣхъ, которые не нарушали того обычая; ибо, вѣроятно, между ними были и соблюдавшіе его. Посему онъ и сказалъ: *часть нѣкую върую*. Справедливо онъ называетъ искусными тѣхъ, которые не только вмѣстѣ съ другими соблюдали обычай, но и безъ нихъ не преступали этого прекраснаго установленія. Такими похвалами онъ старается въ тѣхъ и другихъ возбудить большее усердіе“ (св. Злат.).

Говоря: *подобаетъ бо*, причину приводитъ. На что? На то что впереди: *слышу распри...* Почему можно думать, что онъ и себя утѣшаетъ этими словами, какъ бы такъ: *слышу распри въ васъ*. Скорбно; но что дѣлать? Подобаетъ и этому бывать. Одни уклоняются отъ порядковъ, другіе, твердыми въ нихъ являясь, еще болѣе утверждаютъ въ нихъ на будущее.

Ст. 20. *Сходящимся убо вамъ вкуить, нѣсть Господскую вечерю ясти.*

Господская вечеря—вечера Господня. Вечера Господня собственно есть причащеніе Св. Христовыхъ Тайнъ Тѣла и Крови; но по связи съ нею вечера любви, названіе то переходило и на эту вечерю: подобно какъ и вечерю, на коей установлено таинство Евхаристіи, мы называемъ всю тайною вечерію, между тѣмъ какъ тамъ часть только небольшая была собственно тайною вечерію, когда Господь установилъ таинство Тѣла и Крови и причастилъ впервые св. Апостоловъ,—прочее же все было простая трапеза: ибо хотя она была ветхозавѣтная пасха, но въ это время она престала; и стала простою трапезою. Ей и соотвѣтствовала вечера любви, бывавшая вслѣдъ за причащеніемъ Св. Тайнъ.

Апостолъ говоритъ: когда вы сходитесь въ одно мѣсто ѣсть Господню вечерю, то вы такъ себя держите, что совсѣмъ непохоже на то, чтобъ вы ѣли Господню вечерю. Тамъ всѣ были вмѣстѣ, никто не былъ задѣляемъ, даже и Иуда предатель; а у васъ бѣдные задѣляются, которые въ терпѣннн подобны Апостоламъ. „Владычняго таинства говорить, вы причащаетесь всѣ: и живущіе въ бѣдности, и хвалящіеся богатствомъ, и слуги и господа, и начальники и подначальные. Посему должно было, чтобы и общія трапезы дѣйствительно были общими, и уподоблялись Владычней вечера, которая всѣмъ одинаково предлагается. Нынѣ же не такъ вы поступаете“ (Ѳеод.). „Видишь ли, какъ онъ пристыждаетъ ихъ, и подъ видомъ повѣствованія предлагаетъ внушеніе?—Наружный видъ собранія, говоритъ, показываетъ одно, ибо происходитъ какъ-бы изъ любви и братолюбія; вы собираетесь въ одномъ мѣстѣ, и всѣ вмѣстѣ, — а трапеза не соотвѣтствуетъ собранію. — Не сказалъ: когда вы собираетесь, то не вкушаете вмѣстѣ, не раздѣляете пици другъ съ другомъ, но опять выражается иначе и гораздо разительнѣе: *нѣтъ*, говоритъ, *Господскую вечерю ясти*, напоминая имъ и ту вечерю, на которой Христосъ преподаль страшныя тайны. Посему и назвалъ яденіе ихъ вечерію, такъ какъ на той вечера возлежали всѣ вмѣстѣ. Хотя не такъ отличны другъ отъ друга богатые и бѣдные, какъ Учитель и ученики, — между послѣдними различіе безпредѣльно, — но что я говорю объ Учителѣ и ученикахъ? Представь, какое различіе — между Учителемъ и предателемъ; и однако Онъ Самъ возлежалъ вмѣстѣ съ ними, не изгналъ и предателя, но и съ нимъ раздѣлили соль и сдѣлалъ его участникомъ Тайнъ“ (св. Злат.).

Ст. 21. *Кійждо бо свою вечерю предваряетъ въ смѣненіи, и овъ убо алчетъ, овъ же утливается.*

Вотъ отчего ваша вечеря не похожа на вечерю Господскую! — Каждый, изъ виновныхъ конечно, спѣшить поскорѣе съѣсть, что принесъ, не желая дѣлиться съ другими. И особенность эта предосудительна, и особенно то, что вы принесенное въ церковь, какъ даръ Господу, продолжаете считать своимъ и распоряжаетесь имъ какъ желаетъ сердце ваше неисправное. А слѣдовало не такъ. Принесли въ церковь, что Богъ послалъ, и должны были отдать то распорядителямъ вечера, чтобъ они все всѣмъ разложили поровну, и чтобъ никто не получилъ ничего лишняго предъ другими. Отъ вашихъ же беспорядковъ вышло то, что одинъ сытъ и даже пьянъ, а другой голоденъ. „Видишь ли, какъ они посрамляютъ болѣе самихъ себя!—Принадлежащее Господу они присвоятъ себѣ, и потому прежде всѣхъ унижаютъ самихъ себя, лишая свою трапезу того, что составляетъ величайшее ея достоинство. Почему и какимъ образомъ? *Господская вечеря*, т.-е. вечеря Господа должна быть общеою; принадлежащее господину не принадлежитъ тому или другому рабу, но есть общее для всѣхъ; она—Господская, говорить, слѣдовательно общая. Если же она принадлежитъ твоему Господу, какъ и дѣйствительно принадлежитъ, то ты не долженъ присвоить ее себѣ, но какъ принадлежащую Господу и Владыкѣ, предлагать ее всѣмъ вообще.—Она *Господская*, а ты прпятствуешь ей быть Господскою, не позволяя ей быть общеою, но вкушая самъ по себѣ. Посему и присовокупляетъ: *кійждо бо свою вечерю предваряетъ въ смѣненіи*. Не сказалъ: отдѣляетъ, но: *предваряетъ*, прикровенно обличая ихъ въ неумѣренности и невоздержаніи, что объясняется и послѣдующимъ, ибо сказавъ это, онъ продолжаетъ:

и оъз убо алчеть, оъз же упивается; то и другое, недостатокъ и излишество, показываетъ неумѣренность. Вотъ и вторая вина, которая также вредитъ имъ самимъ; первая въ томъ, что они безчестяютъ свою вечерю; а вторая въ томъ, что пресыщаются и упиваются, и, еще важнѣе, тогда, какъ бѣдные алчутъ.—То, что слѣдовало предлагать всѣмъ вообще, они потребляютъ одни, и такимъ образомъ впадаютъ въ пресыщеніе и пьянство. Каждое изъ этихъ дѣлъ само по себѣ достойно осужденія: упиваться, не пренебрегая бѣдныхъ, преступно; и пренебрегать бѣдныхъ, не упиваясь, преступно. Если же то и другое соединяется вмѣстѣ, то представь, какое произойдетъ великое преступленіе“ (св. Злат.).

Ст. 22. *Еда бо домовъ не имате, во еже ясти и пити? Или о церкви Божіей нерадите, и срамляете не имущія? Что вамъ реку, похвалю ли вы о семъ? Не похваляю.*

„Если любите роскошествовать, то въ домахъ это дѣлайте. А здѣсь—это оскорбленіе и явное поруганіе Церкви. Не самое ли неумѣстное дѣло, внутри храма Божія, въ присутствіи Владыки, Который предложилъ намъ общую трапезу, вамъ роскошествовать, а нуждающимся алкать, и быть въ стыдѣ по причинѣ бѣдности?“ (Θεод.). „Видишь ли, какъ отъ бѣдныхъ онъ переноситъ оскорбленіе на Церковь, дабы усилить рѣчь свою?—Вотъ и четвертая вина, состоящая въ томъ, что они оскорбляютъ не только бѣдныхъ, но и Церковь. Какъ Господскую вечерю, говорить, такъ и самое мѣсто вы присвояете себѣ, пользуясь церковію, какъ бы своимъ домоу. Церковь устроена не для того, чтобы собирающіеся въ ней раздѣлялись, но чтобы раздѣленные соединялись, какъ показываетъ и самое слово: *собраніе*.—*И срамляете неимущія*. Не сказалъ: оставляете голодными неимущихъ, но съ большею укоризною: *срамляете*,

выражая, что онъ не столько заботится о пищѣ, сколько объ оскорбленіи, причиняемомъ бѣднымъ. Вотъ и пятая вина въ томъ, что они не только презираютъ алчущихъ, но и посрамляютъ ихъ.—Этими словами онъ съ одной стороны похваляетъ бѣдныхъ, выражая, что они не столько беспокоятся о чревѣ, сколько о безчестіи, а съ другой располагаетъ слушателя къ милосердію.—Показавъ столько преступнаго въ ихъ поведеніи, униженіе вечери, униженіе Церкви, оскорбленіе бѣдныхъ, онъ вдругъ смягчаетъ силу обвиненія и говорить: *похваляю ли вы о семъ? Не похваляю.*—Это особенно и достойно удивленія, что показавъ столько преступленій, когда слѣдовало бы сильнѣе выразить гнѣвъ свой, онъ поступаетъ совершенно иначе,—смягчаетъ рѣчь и дѣлаетъ имъ облегченіе. Почему же такъ?—Онъ уже сильно тронулъ ихъ, доказавъ важность вины ихъ, и, какъ превосходный врачъ, употребляетъ врачевство, соответственное ранамъ. Требующія глубокаго разрѣза (нарывы) онъ не разрѣкаетъ только на поверхности,—ты слышалъ, какъ онъ отсѣкъ отъ нихъ кровосмѣсника,—а къ требующимъ болѣе легкаго врачеванія не прилагаетъ желѣзо; посему и здѣсь говорить съ ними кротко. Съ другой стороны, онъ преимущественно старался сдѣлать ихъ кроткими къ бѣднымъ, посему и самъ бесѣдуетъ съ ними кротко“ (св. Злат.).

б).

О таинствѣ Тѣла и Крови Господнихъ.

Говорить о семъ Апостолъ потому, что вечера любви учреждалась въ связи съ симъ таинствомъ; потому неприличное поведеніе на сей вечери обличало неблагоговѣиство къ сему таинству. Возставляя въ сознаніи ихъ, коль высоко сіе таинство, и съ какимъ строгимъ

приготовленіемъ должно приступать къ нему, онъ тѣмъ самымъ чаётъ положить конецъ происходившимъ безпорядкамъ. Да еслибъ предварительно у виновныхъ не изсякло благоговѣніе къ таинству, не могли бы они допустить неисправностей и на вечери. Св. Златоустъ говоритъ объ этомъ такъ: „Почему онъ упоминаетъ здѣсь объ этихъ тайнахъ? Потому что это было весьма нужно для настоящаго предмета. Господь твой, говорить, удостоилъ всѣхъ одной и той же трапезы, и притомъ самой страшной и многопревосходящей достоинство всѣхъ; а ты считаешь другихъ недостойными твоей трапезы, маловажной и незначительной, и тогда какъ они не получаютъ отъ тебя ничего изъ благъ духовныхъ, отнимаешь у нихъ и тѣлесныя, хотя и онѣ не твои. Впрочемъ онъ не говоритъ этого (прямо), дабы слова его не были слишкомъ тяжкими, но употребляетъ рѣчь болѣе кроткую (представляя самимъ догадаться, къ чему клонится слово его).“

Говорить здѣсь Апостоль — аа) объ установленіи таинства Тѣла и Крови Господнихъ, 23—26, и бб) о достойномъ приступаніи къ нему, 27—32.

аа).

УСТАНОВЛЕНІЕ ТАИНСТВА ТѢЛА И КРОВИ ГОСПОДНИХЪ

23—26.

Ст. 23. *Азъ бо пріяхъ отъ Господа, еже и предахъ вамъ, яко Господь Иисусъ въ ночь, въ нюже преданъ бываше...*

*Пріяхъ отъ Господа, „т.-е. наученъ былъ Господомъ“ (Экум.). Св. Павелъ всему наученъ былъ непосредственно Самимъ Господомъ. Не только тайны вѣры преподалъ ему Господь лично, но и образъ совершенія всѣхъ таинствъ благодати. *Еже и предахъ вамъ.* Какъ принялъ отъ Господа, такъ и вамъ предалъ. Св. Златоустъ говоритъ при семъ: „говорить сіе Апостоль, дабы*

ты уразумѣль, что та вечеря не заключала въ себѣ ничего большаго въ сравненіи съ послѣдующими. Ибо и нынѣ тотъ же Господь все совершаетъ и преподаетъ, какъ и тогда.“

Въ ночь, въ которую преданъ бываше. „Для чего онъ напоминаетъ намъ объ этомъ времени, объ этой вечери и предательствѣ?—Не просто и не безъ причины, но дабы сильнѣе тронуть и самымъ временемъ. Ибо всякій, хотя бы кто былъ даже камнемъ, представивъ, какъ въ эту ночь Господь скорбѣлъ съ учениками, какъ былъ преданъ, связанъ, веденъ и осужденъ, какъ терпѣлъ все прочее, сдѣлается мягче воска, отрѣшится отъ земли и всей здѣшной суеты. Для того Апостолъ и напоминаетъ намъ о всемъ этомъ; пристыждаетъ насъ и временемъ, и вечерію, и предательствомъ и говорить: Господь твой предалъ Себя Самого за тебя, а ты не хочешь и хлѣба удѣлить брату для самого же себя?—И не для этого только напоминаетъ онъ намъ объ этой ночи, но дабы тронуть насъ еще инымъ образомъ. Какъ вообще мы болѣе помнимъ послѣднія слова, которыя слышимъ отъ умирающихъ, и наслѣдникамъ ихъ, когда они дерзаютъ нарушать ихъ завѣщанія, въ укоризну говоримъ: вспомните, что это послѣднія слова отца вашего, которыя онъ завѣщалъ предъ самую кончину свою; такъ и Павелъ, желая такимъ образомъ усилить рѣчь свою, говоритъ: вспомните, что это было послѣднее таинство, которое Онъ преподавалъ вамъ, что Онъ завѣщалъ это въ ту ночь, въ которую готовился умереть за насъ, и, предложивъ намъ эту вечерю, послѣ нея не предложилъ уже никакой другой.“

Ст. 24. *Пріемъ хлѣбъ, и благодаривъ преломи, и рече: примите, ядите, сіе есть Тѣло Мое, еже за вы ломимое; сіе творите въ Мое воспоминаніе.*

Взявъ хлѣбъ въ пречистыя руки Свои, *благодаривъ,*

преломи. Слово благодаренія у Господа было не ветхозавѣтное объ изведеніи изъ Египта и прочихъ благодѣяніяхъ Божіихъ, а объ основаніяхъ новаго завѣта, подобно Его преосвященнической молитвѣ въ концѣ той же вечери, о совершеніи дѣла, которое Ему дано было; съ благодареніемъ соединено было благословеніе, какъ говорятъ Евв. Матѳей и Маркъ, обращенное на подлежащія хлѣбъ и вино, благословеніе тайносовершительное. По благодареніи и благословеніи, хлѣбъ—Тѣло и вино—Кровь; почему преломивъ хлѣбъ, Господь сказалъ: *пріимите, ядите, сіе есть Тѣло Мое.* Взявъ хлѣбъ, а по благодареніи и благословеніи, подавалъ ученикамъ уже не хлѣбъ, а Тѣло: ибо онъ пресуществился благословеніемъ. Это есть Тѣло Мое, *за вы ломимое*, не будетъ за вы ломимо, а ломимо есть, означая тѣмъ непрерывность ломленія и непрестанность жертвы Тѣла. Оно—жертва за весь человѣческій родъ, но ея спасительность и ходатайственная сила осѣняетъ только тѣхъ, кои вѣрою пріобщились ко Христу Господу и вкушаютъ ее; почему *за вы ломимое. Сіе творите въ Мое воспоминаніе.* Св. Златоустъ уже сказалъ: что тогда на вечери было совершено, то совершается и теперь на вечеряхъ Господнихъ. Тогда не было ничего преимущественнаго предъ теперешними тайными вечерами: и въ теперешнихъ тайныхъ вечеряхъ ничего нѣтъ недостающаго противъ той. Ибо совершитель Тайнъ тотъ же Господь, Который и тогда устанавливалъ сіе таинство. Съ той минуты сіе таинственное воспоминаніе о Господѣ продолжается въ Церкви среди всѣхъ всюду вѣрующихъ, и не мысленное, а какъ повтореніе дѣла въ самомъ существѣ его.

Ст. 25. *Такожде и чашу, по вечери, глаголя: сіа чаша новый заветъ есть въ Моей Крови; сіе творите, елижды аще пиете, въ Мое воспоминаніе.*

Такожде и чашу, т.-е. приѣмъ, благодаренія и благо-словенія тайносовершительнаго не повторяетъ, а уже какъ готовую кровь подаетъ, говоря: *сія чаша новый завѣтъ есть*. Апостоль не приводитъ словъ: *пійте отъ нея*, ибо это разумѣлось само собою, а только воспоминаетъ слова, означающія таинственную силу крови: *сія чаша новый завѣтъ есть въ Крови Моей*. Моисей, прочитавъ законъ вслухъ всѣхъ Израильтянъ, окропилъ ихъ кровію жертвенною, и сказалъ: *се кровь завѣти, который положилъ Господь съ вами* (Исх. 24, 8). Смыслъ ветхозавѣтнаго кропленія былъ: не исполнишь закона, свою кровію заплатишь за неисполненіе. Смыслъ чаши новаго завѣта есть, хоть бы мнѣ пришлось всю кровь свою пролить, не отступлю отъ Тебя и заповѣдей Твоихъ, Господи. Какъ Господь ради насъ пролилъ кровь Свою, такъ мы должны быть готовы пролить за Него свою. Въ этомъ существе новаго завѣта. На наше рѣшеніе жертвовать жизнію за Господа и вѣру въ Него и заповѣди Его, животворящая Кровь Господа нисходитъ внутрь, какъ очистительная и освятительная сила. Піющіе ее не страхъ смерти на себя приѣмлютъ, а воодушевленіемъ благодатнымъ исполняются, готовымъ на всѣ святія дѣла и всѣ лишенія и скорби. *Сіе творите, елижды аще піете, въ Мое воспоминаніе.*—*Сіе творите*, т.-е. совершайте таинство Крови и пейте Мою Кровь,—въ Мое воспоминаніе, въ воспоминаніе Крови, Господомъ пролитой за насъ, а вмѣстѣ и завѣта, нами въ приобщеніи Крови Его приѣмлемаго.—*Елижды аще піете*, всякій разъ, какъ піете. Сила таинства одна и таже всегда: и ваше обязательство при семъ должно быть одно и тоже, и чувство, съ какимъ должно приступать къ чашѣ, какъ въ первый разъ, такъ и всегда должно быть одно и тоже. Апостоль воспоманулъ сіи слова, чтобъ предотвратить пагубное наше ко всему

привыканіе и послѣдующее за тѣмъ равнодушіе, и чтобъ расположить всякій разъ предъ чашею возобновлять расположенія, какія бываютъ при семь въ первый разъ.

Вотъ какъ, говоритъ, установлено таинство Тѣла и Крови, по принятіи коихъ вы переходите и на вечерю любви, и тамъ ведете себя такъ, какъ не слѣдуетъ тому, кто помнитъ и разумѣетъ, какую силу и какое значеніе имѣетъ сіе таинство. Какія исправительныя внушенія могли отсюда заимствовать Коринѣяне, это св. Златоустъ такъ излагаетъ: „Если ты приступаешь (къ таинству Тѣла и Крови) для благодаренія (таинство сіе иначе называется Евхаристія — благодареніе), то не дѣлай ничего недостойнаго благодаренія, не посрамляй брата своего, не презирай алчущаго; не упивайся, не оскорбляй церкви. Ты приступаешь, чтобы благодарить за тѣ блага, которыя получилъ: воздавай же и съ своей стороны, и не отдѣляйся отъ ближняго. Христосъ преподаль вечерю равно всѣмъ, сказавъ: *примите, ядите*. Онъ равно всѣмъ преподаль Тѣло, а ты не хочешь равно всѣмъ раздавать общій хлѣбъ? Хлѣбъ былъ преломленъ Имъ равно за всѣхъ, и содѣлался Тѣломъ равно за всѣхъ. *Сіе творите въ Мое воспоминаніе*. А ты что дѣлаешь? Совершаешь воспоминаніе о Христѣ, и презираешь бѣдныхъ, и не трепещешь? Когда ты совершаешь воспоминаніе по умершемъ сынѣ, или братѣ, то совѣсть замучила бы тебя, еслибы ты не исполнилъ обычая и не пригласилъ бѣдныхъ, а совершая воспоминаніе о своемъ Господѣ, ты не хочешь даже подѣлиться трапезою.“

Ст. 26. *Елижды бо иже ясте хлѣбъ сей, и чашу сію пите, смерть Господню возвъщаете, дондеже придетъ.*

Это выводъ изъ образа установленія таинства, которымъ опредѣляется значеніе его, на все время до вто-

раго пришествія Господня.—*Смерть Господню возвъщаете.* „Какъ Христосъ, сказавъ о хлѣбѣ и о чашѣ: *сіе творите въ Моё воспоминаніе*, открылъ намъ причину установленія таинства, а между прочимъ внушилъ, что эта причина достаточна для возбужденія въ насъ благоговѣнія; ибо когда ты представишь, что потерпѣлъ для тебя Господь, то сдѣлаешься любомудреннѣе: такъ и Павелъ говоритъ здѣсь: *смерть Господню возвъщаете.* Такова эта вечеря! Внушаетъ также этимъ Апостоль, дабы вѣрующіе и нынѣ въ такомъ же расположеніи духа приступали къ Тайнамъ, какъ будто присутствовали на той самой вечери, возлежали вмѣстѣ съ Апостолами и принимали отъ Самого Христа эту жертву“ (св. Злат.).

Всякій разъ, говоритъ, какъ *ясте хлѣбъ сей*, тотъ т.-е., о коемъ Господь сказалъ: сіе есть Тѣло Мое,— и *чашу сію пїете*,—ту, т.-е., о коей Господь сказалъ, что она есть новый завѣтъ въ Крови Его,—*смерть Господню возвъщаете.* Этимъ торжественнымъ дѣйствіемъ всѣмъ возвъщаете о смерти Господа, именно, что былъ на землѣ Господь, Богъ воплотившійся, Который умеръ на крестѣ грѣхъ ради нашихъ. Не вѣра, не слово возвъщаетъ о семъ, а причащеніе Тѣла и Крови, безъ слова, гласно говоритъ о семъ всѣмъ. Какъ преступно непричащеніе! Какъ неизвинительно нечастое причащеніе! Въ первое время ни одно собраніе христіанъ не проходило безъ причащенія собравшихся. Нынѣ гдѣ причастники?! А литургій много совершается, особенно въ городахъ. Это очень похоже на то, какъ забѣжитъ кто въ церковь, поставитъ свѣчу и бѣжитъ вонъ, на дѣла свои: пусть свѣча молится! Безкровная жертва приносится; а христіанамъ и дѣла до того нѣтъ. Пусть она возвъщаетъ смерть Господню! Апостоль же пишетъ, что не она за cadaго возвъщаетъ смерть Господню, а причащеніе ея. То, что нѣтъ при-

чащающихся, скорѣе означаетъ, что христіане хотятъ заглушить вѣсть о смерти Господа.

66).

О ДОСТОЙНОМЪ ПРИСТУПАНІИ КЪ ТАЙНАМЪ ТѢЛА И КРОВИ ГОСПОДНИХЪ

27—32.

Ст. 27. *Тѣмже иже аще яствъ хлѣбъ сей, или пїетъ чашу Господню недостойно, повиненъ будетъ Тѣлу и Крови Господни.*

Тѣмже—*ωε*—такъ что. Откуда выводъ? Изъ существа таинства. Хлѣбъ сей есть Тѣло Господне, и чаша сія содержитъ Кровь Господню, истинныя, а не вмѣстообразныя истиннымъ. Посему кто недостойно причащается ихъ, тотъ *повиненъ Тѣлу и Крови Господнимъ*. Что значить эта обязанность? — То, что онъ убиваетъ Господа и проливаетъ Кровь Его. Св. Златоустъ говоритъ: „Почему въ этомъ онъ повиненъ? Потому что проливаетъ кровь и производитъ закланіе, а не жертву приносить. Какъ тогда пронзившіе Господа пронзали не для того, чтобы пить, но чтобы пролить Кровь Его, такъ поступаетъ и тотъ, кто прїобщается недостойно. Видишь ли, какъ страшна рѣчь его, и какъ сильно онъ тронулъ ихъ, показавъ, что если они такимъ образомъ намѣрены пить (Кровь Господа), то будутъ недостойно причащаться подлежащихъ Таинъ? И подлинно, не недостойно ли приступаетъ тотъ, кто презираетъ алчущаго, и кромѣ того, что презираетъ, еще посрамляетъ его? Ибо, если неподаваніе милостыни бѣднымъ лишаетъ человѣка царствія небеснаго, хотя бы онъ былъ дѣвственникъ, равно какъ и нещедрое подаваніе, ибо и дѣвы имѣли у себя елей, но только не въ изобиліи, то представь, сколь велико зло, если совершится столько преступленій? Какихъ, скажешь, преступленій? О какихъ преступле-

нѣхъ говоришь ты? Приобщившись такой трапезы, тебѣ слѣдовало бы сдѣлаться смиреннѣе всѣхъ и уподобиться Ангеламъ, а ты сдѣлался жестокосердѣе всѣхъ; ты вкусилъ Крови Господней и не признаешь своего брата; достоинъ ли ты прощенія? Еслибы даже ты не зналъ его доселѣ, то послѣ этой трапезы долженъ былъ бы признать его; а ты безчестишь и самую трапезу, считая сподобившагося быть причастникомъ ея недостойнымъ яствъ твоихъ. Развѣ ты не слышала, чему подвергся требовавшій сто динарѣвъ отъ брата своего, какъ онъ утратилъ даръ, уступленный ему господиномъ его? Развѣ не знаешь, чѣмъ ты былъ, и чѣмъ сталъ теперь? Развѣ не знаешь, что гораздо болѣе этого бѣднаго деньгами ты былъ бѣденъ добрыми дѣлами, бывъ исполненъ безчисленныхъ грѣховъ? Однако Богъ простилъ тебѣ всѣ грѣхи и удостоилъ тебя такой трапезы; но ты и послѣ того не сдѣлался челоуѣколюбивѣе; посему не остается ничего болѣе, какъ и тебя предать мучителямъ (Мѣ. 18, 34). Будемъ же внимать словамъ Апостола всѣ мы, которые здѣсь приступаемъ къ священной трапезѣ вмѣстѣ съ бѣдными, а вышедши отсюда не хотимъ и смотрѣть на нихъ, но предаваясь пространному себя питанію, алчущихъ оставляемъ безъ вниманія, въ чемъ тогда виновны были и Коринѳяне. Скушавъ за обѣдомъ что-нибудь пріятное, ты остерегаешься, чтобы другимъ дурнымъ кушаньемъ не испортить прежняго; а принявъ Духа, предаешься удовольствіямъ. Вспомни, что дѣлали Апостолы, причастившись священной вечери; не къ молитвамъ ли и пѣснопѣніямъ обратились они, не къ священному ли бдѣнію, не къ ученію ли продолжительному и исполненному великаго любомудрія? А ты, если прежде причащенія попостишься, чтобы сколько-нибудь оказаться достойнымъ причащенія, то послѣ причащенія, когда надлежало бы

усилить воздержаніе, погубляешь все. Но не одно и тоже поститься прежде или послѣ; должно быть воздержнымъ и въ то и въ другое время, но особенно послѣ принятія Жениха; прежде для того, чтобы содѣлаться достойнымъ пріятія, а послѣ для того, чтобы не оказаться недостойнымъ полученныхъ даровъ.“

Такимъ образомъ св. Златоустъ выяснилъ, что недостойно причащаются не только тѣ, которые не приготавливаются къ тому какъ слѣдуетъ, но и тѣ, которые послѣ причащенія ведутъ себя недостойно сего причащенія. Примѣръ Коринѣянь ведетъ именно къ такому уроку.

Ст. 28. *Да искушаетъ же человекъ себе, и тако отъ хлѣба да ястъ, и отъ чаши да пьетъ.*

Искушать себя значитъ испытать и внимательно изслѣдовать, достоинъ ли святаго Причастія. Но какъ тутъ говорится: *и тако отъ хлѣба да ястъ и отъ чаши да пьетъ*, то этимъ вмѣстѣ указывается, что коль скоро найдешь что препятствующее причащенію, устранить то и исправить. Испушеніе здѣсь значитъ достойное приготовленіе. Въ чемъ оно? Въ очищеніи совѣсти. Принеси покаяніе во грѣхахъ, и положи твердое намѣреніе впередъ не грѣшить, а вмѣсто грѣховъ творить всякую добродѣтель, и ты достойно готовъ къ причащенію. Св. Златоустъ говоритъ: „главное благо въ томъ, чтобы приступать къ Тайнамъ съ чистой совѣстію. Не довольствуясь сказаннымъ прежде, онъ присовокупляетъ еще слѣдующее: *да искушаетъ себе человекъ*, какъ онъ говоритъ и во второмъ посланіи: *себе искушайте* (2 Кор, 13, 5), а не такъ, какъ поступаемъ теперь мы, соображаясь болѣе со временемъ, нежели съ душевнымъ расположеніемъ. Мы стараемся не о томъ, чтобы приступить приготовившись, очистившись отъ всего злаго и съ полнымъ благоговѣніемъ, но лишь бы приступить, когда приступаютъ всѣ. Не такъ повелѣ-

ваетъ Павелъ; онъ знаетъ одно только время для приступа къ Тайнамъ и причащенію, когда чиста совѣсть. Если мы не приступаемъ къ чувственной трапезѣ, страдая горячкою и приливомъ дурныхъ соковъ, дабы не подвергнуться смерти, то тѣмъ болѣе намъ не должно касаться этой трапезы съ порочными пожеланіями, которыя хуже горячки. Подъ именемъ порочныхъ пожеланій я разумѣю, какъ тѣлесныя, такъ и душевныя—любостыжаніе, гнѣвъ, злопамятность, и вообще всѣ порочныя наклонности. Приступающему должно очиститься отъ всего такого, и тогда касаться этой чистой жертвы. Посему Апостоль и говоритъ: *да искушаетъ себе каждый*, и тако да приступаетъ; повелѣваетъ испытывать не одному другаго, но самому себя, устроая судилище безъ гласности и обличеніе безъ свидѣтелей.“

Ст. 29. *Ядый бо и пійй недостойнъ, судъ себѣ ястъ и пїетъ, не разсуждая Тѣла Господня.*

„Что говоришь ты? Источникъ столь многихъ благъ, трапеза, источающая жизнь, обращается въ осужденіе! Не по своему существу, говоритъ онъ, а по винѣ приступающаго. Какъ пришествіе Господа, доставившее намъ великія и неизслѣдованныя блага, послужило къ большому осужденію не принявшихъ Его, такъ и эти Тайны навлекаютъ большее наказаніе на недостойно причащающихся. Почему же *судъ себѣ ястъ? Не разсуждая Тѣла Господня*, т.-е., не размышляя, не представляя, какъ должно, величія предложенныхъ Тайнъ и не думая о важности дара. Если бы ты вполне понималъ, Кто предлежитъ предъ тобою и кому Онъ предлагаетъ Себя, то не имѣлъ бы нужды ни въ какомъ увѣщаніи, а одного этого было бы достаточно для возбужденія въ тебѣ полного благоговѣнія, если только ты не палъ слишкомъ глубоко“ (св. Злат.).

Судъ ястѣ,—предполагаетъ въ минуту самаго вкушенія бывающій приговоръ суда Божія,—и не это только, но и присужденіе наказанія. Приговоръ суда предъ симъ указанъ: *повиненъ Тѣлу и Крови Господни*; а здѣсь разумѣется присужденіе наказанія. „Пріявъ даръ противозаконно, не только не получишь отъ того спасенія, но еще понесешь наказаніе за поруганіе“ (Ѳеод.). Какое наказаніе? Какъ вина одна, а степени ея разны, такъ и наказанія; и одни въ сей жизни совершаются, и иногда тотчасъ, а другія оставляются до будущей жизни. Все, какъ судить правда Божія и милость къ намъ, даже въ самомъ наказаніи. Что на недостойно причащающихся посылаемы были наказанія еще въ сей жизни, опыты сего были у самыхъ Коринѣянь, какъ вслѣдъ за симъ сказываетъ Апостоль.

Ст. 30. *Сего ради въ васъ мнози немощни и недужливи, и спятъ* (усыпаютъ) *довольни*.

„Такъ конечно на самомъ дѣлѣ было; ибо не рѣшился бы Апостоль писать о томъ, чего не было, зная, что это явная ложь“ (Ѳеод.). *Немощни*—означаетъ вообще слабость, *недужливи*—опредѣленныя болѣзни, *спятъ, усыпаютъ*—умираютъ. „Здѣсь онъ приводитъ въ примѣръ уже не другихъ, какъ сдѣлалъ въ бесѣдѣ объ идоложертвенномъ, гдѣ говорилъ о древнихъ событіяхъ и о бѣдствіяхъ Евреевъ въ пустынѣ, но самыхъ Коринѣянь, что придаетъ словамъ его болѣе трогательности. Сказавъ: *судъ себѣ ястѣ*, и имѣя въ виду, чтобы это не было принято за одни слова, онъ указываетъ и на дѣла, призываетъ въ свидѣтели ихъ самихъ, чѣмъ и дѣйствуетъ сильнѣе угрозы, выражая, что угроза уже перешла въ дѣло. Не довольствуясь этимъ, онъ потомъ напоминаетъ и о гееннѣ и твердо доказываетъ слова свои, устрашая ихъ со всѣхъ сторонъ и разрѣшая вопросъ. часто предлагаемый. Многіе въ недоумѣ-

ни спрашиваютъ другъ друга, отъ чего происходятъ преждевременныя смертныя случаи, отъ чего продолжительныя болѣзни? Причина многихъ, говоритъ онъ, изъ такихъ нечаянныхъ бѣдствій заключается въ грѣхахъ. Тѣ, которые грѣшатъ, а между тѣмъ и здоровы и счастливы по-мірски, берегутся для будущихъ мукъ. Тамъ они подвергнутся жесточайшему наказанію“ (св. Злат.). Итакъ нечего себя обнадеживать, или предавать себя дерзости, тѣмъ, что случается, и недостойно причастившись, не подвергаться явному наказанію. Отъ правды Божіей никакой грѣхъ не укроется, и никакому грѣху не возможно остаться безъ воздаянія. Когда-нибудь онъ получитъ его.

Ст. 31. *Аще бо быхомъ себе рассуждали, не быхомъ осуждени были.*

Себе рассуждать здѣсь тоже, что выше: *да искушаетъ себе кійждо*. Это значитъ: еслибы мы надлежащимъ образомъ себя испытывали предъ причащеніемъ и достоительно приготовлялись къ нему, то *не быхомъ осуждени были*, т.-е. не ѣли и не пили бы мы себѣ суда, не былъ бы надъ нами произносимъ приговоръ: *повиненъ Тылу и Крови Господни*. Осужденіе, т.-е. судъ и присужденіе наказанія, бываетъ за недостойное причащеніе, а недостойное причащеніе допускается отъ того, что себя не рассуждаемъ, не испытываемъ и не очищаемъ отъ грѣховъ поканіемъ, иное утаивая, иное сказывая въ половину.

„Не сказалъ Апостолъ: еслибы наказывали себя, или мучили себя, но: еслибы только захотѣли сознать грѣхи свои сами и осудить себя и свои беззаконія, то избавились бы отъ наказанія и здѣсь и тамъ. Ибо осуждающій самъ себя вдвойнѣ умилостивляетъ Бога и сознаниемъ грѣховъ своихъ и готовностію не дѣлать ихъ на будущее время. Но мы не хотимъ дѣлать, какъ должно, и этого легкаго дѣла“ (св. Злат.).

По ходу рѣчи это относится къ причащенію; но внѣ контекста это положеніе идетъ ко всякому грѣху. Всякій грѣхъ отъ неразумнаго себя, и всякому грѣху изрекается судъ и наказаніе въ самый актъ грѣха. Исполненіе приговора и отлагается иногда до времени, но самый приговоръ тотчасъ послѣдуетъ. Себя разсудить значитъ сознать, кто ты, дерзающій творить грѣхъ, прогнѣвляющій Бога предъ лицомъ Самого Бога, невидимо, но тѣмъ не менѣе дѣйствительно присущаго тебѣ? Принявъ эту непреложную истину сознаниемъ, едвали бы кто рѣшился грѣшить. Но въ дѣлѣ грѣха врагъ ее затмѣваетъ и совѣмъ изгоняетъ изъ сознанія. Какъ ни нелѣпо слово грѣшника: не видитъ Богъ, а оно всегда проходитъ въ мысляхъ грѣшника грѣшащаго.

Ст. 32. *Судими же, отъ Господа наказуемъ, да не съ міромъ осудимся.*

Мысль Апостола все стоитъ на недостойномъ причащеніи Св. Таинъ. *Судими*—значитъ, что въ моментъ недостойнаго причащенія приговоръ надъ нами произносится; ибо причастившись недостойно, мы судъ себѣ вѣли и пили. За приговоромъ слѣдуетъ наказаніе, когда немощь, когда недугъ, когда смерть. Такъ *отъ Господа наказуемъ*. Но обо всемъ этомъ Апостоль уже говорилъ выше. Что теперь прибавляетъ, есть: *да не съ міромъ осудимся*, т.-е. эти временныя наказанія посылаетъ Господь затѣмъ, чтобъ избавить насъ отъ осужденія на вѣчныя муки вмѣстѣ съ міромъ, или со всѣми грѣшниками невѣрами.

„Апостоль не угрожаетъ намъ наказаніемъ вмѣстѣ съ міромъ, но шадитъ насъ, угрожая здѣшнимъ наказаніемъ, которое временно и заключаетъ въ себѣ много утѣшенія; ибо оно освобождаетъ отъ грѣховъ и подаетъ сладостную надежду на будущее, которая облегчаетъ настоящія страданія. Этимъ онъ желаетъ и утѣ-

шить немощныхъ и сдѣлать другихъ болѣе ревностными. Нынѣ же, говоритъ, *судими, отъ Господа наказуемся*. Не сказалъ: подвергаемся казни или мукамъ, но *наказуемся падевореба*, обучаемся, вразумляемся. Ибо настоящее наказаніе есть болѣе вразумленіе, нежели осужденіе, болѣе врачеваніе, нежели караніе, болѣе цѣленіе, нежели мученіе, болѣе исправленіе, нежели воздаяніе. И не только этимъ, но и угрозою большаго (будущаго) наказанія онъ облегчаетъ настоящее: *да не съ міромъ*, говоритъ, *осудимся*. Видишь ли, какъ онъ указываетъ на геенну и на страшный судъ и доказываетъ, что этотъ судъ и наказаніе неизбѣжны и будутъ непременно? Ибо если вѣрующіе и находящіеся подъ покровомъ Божиимъ не избѣгаютъ наказанія за свои прегрѣшенія, какъ видно изъ настоящихъ указаний, то тѣмъ болѣе не избѣгутъ невѣрные и согрѣшающіе тяжело и неисцѣльно“ (св. Злат.). „*Міромъ* назвалъ погрязшихъ въ невѣріи и грѣхахъ, и говоритъ, что какъ Богъ особенно благоволяетъ и печется о вѣрующихъ, то воздаетъ имъ за грѣхи здѣсь, чтобъ не быть имъ осужденными вмѣстѣ съ тѣми“ (Экум.).

в).

Постановленія о вечери любви

33—34.

„Что слово о тайнахъ Апостоль предложилъ для примѣра, уча Коринѣянь, чтобы они общія трапезы въ церквахъ дѣлали, взирая на оную священную трапезу, о семь свидѣтельствуется присовокупляемое имъ“ (Θεод.).

Ст. 33. *Тѣмже, братіе моя, сходящася ясти, другъ друга ждите.*

Хотя здѣсь говорится только, чтобъ ждали другихъ, т.-е. не спѣшили ѣсть и никого тѣмъ не упреждали; но вмѣстѣ съ тѣмъ внушается, и чтобъ не одни ѣли, а дѣлились со всѣми. „Опять предлагаетъ наставленіе касательно бѣдныхъ, по поводу котораго онъ сказалъ все предыдущее; и внушаетъ, что не исполняющіе этого недостойны причащенія. Не сказалъ: сходясь удѣляйте бѣднымъ, но возвышеннѣе: *другъ друга ждите*. Ибо такими словами онъ и внушалъ прикровенно попеченіе о бѣдныхъ, и предлагалъ увѣщаніе въ сообразномъ съ дѣломъ видѣ“ (св. Злат.). Словомъ: *ждите* показалъ, что принесенное въ собраніе есть общее достояніе, и вкушать его должно со всѣми вмѣстѣ“ (Феоф.).

„Если не сдѣлаете такъ, то покажете, что недостойно причастились Тѣла и Крови Господнихъ, ставъ повинными въ убіеніи Тѣла Его и въ пролитіи Крови Его; и за это должны ждать себѣ неотложно суда, а за судомъ болѣзней, страданій и смерти“ (Фотій у Экум.).

Ст. 34. *Аще ли кто алчетъ, въ дому да ястъ, да не въ грѣхъ сходитесь. О прочихъ же, егда прииду, устрою.*

Уступка немощи: ужъ если потребность ѣсть у васъ такъ велика, что вкусивъ, что достанется на вашу долю за общей трапезою, вы чувствуете голодъ, дома кушайте; а въ собраніи грѣха не допускайте, потому что на грѣхъ сходиться не безопасно. Когда ѣсть въ домѣ дозволяетъ Апостоль, прежде вечера, или послѣ? Прежде некогда, и непристойно. Ибо вечера предшествовало причащеніе Тайнъ. Итакъ послѣ. Но объ этомъ и говорить нечего: кто голоденъ, и самъ собою возьмется за хлѣбъ. Св. Златоустъ замѣчаетъ, что это сказалъ Апостоль, чтобы „присстыдить ихъ. Давая такое позволеніе, онъ запрещаетъ еще сильнѣе, нежели прямымъ запрещеніемъ; ибо изгоняетъ изъ церкви, посылаетъ домой и такимъ образомъ сильно трогаетъ,

представляя ихъ рабами чрева и невоздержными. Не сказалъ: если кто пренебрегаетъ бѣдныхъ, но: *еще ли кто алчетъ*, разсуждая какъ бы съ нетерпѣливыми дѣтьми, или съ безсловесными животными, служащими чреву. Не довольствуясь этимъ, онъ присовокупляетъ болѣе страшную мысль: *да не въ грѣхъ*, говоритъ, *сходитесь*, дабы собираться вамъ не на осужденіе, не навлекать на себя наказанія, оскорбляя церковь, посрамляя брата. Вы собираетесь для того, чтобы показать любовь другъ къ другу, получить пользу и принести пользу; если же бываетъ противное, то лучше вамъ насыщаться дома. Говоритъ это для того, чтобы болѣе расположить ихъ къ общенію; для того онъ указалъ и на вредъ, происходящій отъ необщенія, и доказалъ, что оно немаловажный грѣхъ, и внушилъ страхъ со всѣхъ сторонъ, со стороны Таинъ, больныхъ, умирающихъ, и прочаго вышесказаннаго.“

О прочихъ же, егда прииду, устрою. „Ибо не о всемъ можно было писать; но написавъ о болѣе нужномъ, прочее соблюлъ Апостоль до своего прибытія“ (Ѳеод.).

„Но этимъ опять внушаетъ страхъ. Что обѣщаетъ устроить? Или чтонибудь другое, или тоже самое. Такъ какъ, вѣроятно, они приводили какіянибудь другія причины и невозможно было устроить всего посредствомъ посланія, то онъ и говоритъ: пока пусть соблюдается такъ, какъ я научилъ; если же вы имѣете сказать еще чтонибудь, то пусть останется до моего прихода. Говоритъ это, какъ я сказалъ, или о томъ же самомъ дѣлѣ, или о какихънибудь другихъ дѣлахъ не очень важныхъ; и поступаетъ такъ для того, чтобы тѣмъ самымъ сдѣлать ихъ болѣе внимательными. Ожидая его прибытія, они могли исправить свои недостатки; ибо прибытіе Павла было немаловажное дѣло. И не только обѣщается придти; но дабы они не сомнѣва-

лись и не предались безпечности, представляетъ и причину, дѣлающую необходимымъ его прибытіе: *прииду—устрою*, внушая, что если бы даже онъ и не предполагался идти къ нимъ, необходимость исправленія прочихъ дѣлъ понуждаетъ его придти туда“ (св. Злат.).

Чего бы ни касалось это устройство, нельзя не видѣть изъ сего, что въ порядкахъ церковныхъ существовавшее все отъ Апостоловъ. И пора бы образумиться тѣмъ, которые любятъ повторять: покажи, гдѣ написано?

ШЕСТОЕ ОТДѢЛЕНІЕ.

О ДАРАХЪ СВЯТАГО ДУХА ВЪ ЦЕРКВИ

Гл. 12—14.

Въ первенствующей церкви, съ особенною силою проявлялись чрезвычайные дары Св. Духа въ вѣрующіхъ: что всему свѣту давало разумѣть, что только христіанство есть единая истинная Вѣра. Между этими дарами скорѣе всѣхъ обнаруживался даръ говорить языками. Сами Апостолы, по сошествіи на нихъ Св. Духа, тотчасъ начали говорить иными языками; въ Корниліѣ сотникѣ, какъ только сошелъ на него Духъ Божій, обнаружился и даръ говорить языками; тоже открылось и на тѣхъ 12, которые прежде и не слыхали, есть ли Духъ Святой, и получили Его по крещеніи и возложеніи на нихъ рукъ Апостоломъ Павломъ въ Ефесѣ. Тоже вѣроятно бывало и во всѣхъ другихъ мѣстахъ, тоже и въ Коринѣѣ. Здѣсь, какъ видно, многими дарами обладали вѣрующіе и между ними не малое число обладало и даромъ языковъ. Употребленіе другихъ даровъ опредѣлялось сими дарами и шло въ

порядкѣ; а употребленіе дара языковъ было больше другихъ свободно; почему въ немъ обнаружались уклоненія отъ разумнаго порядка и требовали вразумленія.

Таковъ поводъ, по которому св. Павелъ говоритъ объ этомъ. Бл. Феодоритъ объясняетъ его такъ: „Древле пріившимъ Божественную проповѣдь и сподобившимся спасительнаго крещенія явственно подаваема была дѣйственность духовной благодати; и одни начинали говорить разными языками, которыхъ по природѣ не знали и которымъ у другихъ не учились; другіе творили чудеса, исцѣляли болѣзни; иные получали пророческій даръ, и предсказывали будущее, а иногда дѣлали явнымъ совершаемое тайно, обнаруживая силу обитающей въ нихъ благодати. Ибо когда большая часть поработена была демонской прелести, невозможно было бы симъ невѣжественнымъ и живущимъ въ нищетѣ людямъ такъ легко увѣровать, и дознать истину, еслибы не открывалась явственно Божественная благодать и не представляла чудесъ, какъ бы въ поручительство за истину вѣры. Сими дарами, вмѣстѣ съ другими увѣровавшими во вселенной, пользовались и Коринѣяне, но не какъ должно употребляли имъ дарованное. Ибо по любостію паче, нежели по нуждѣ, выказывали дѣйственность благодати. Преимущественно же надмевало ихъ кичливостію дарованіе языковъ; и хотя не было ни слушателя, ни толмача, говорили разными нарѣчіями и дѣлали это не въ порядкѣ, но въ одно время двое, трое и четверо. Посему и о семъ написалъ преблагенный Павелъ, уча Коринѣянь надлежащему благочинію.“

Тоже говоритъ объ этомъ поводѣ и святой Златоустъ, прибавляя къ сказанному и еще одну черту: „какъ Апостолы прежде всего получили это знаменіе (говорить на языкахъ), такъ и вѣрующіе получали тотъ же даръ языковъ, и не только это, но и многое дру-

гое. Такъ многіе воскрешали мертвыхъ, изгоняли бѣсовъ, совершали много и другихъ подобныхъ чудесъ. Впрочемъ одни имѣли меньше даровъ, другіе больше. Чаше всѣхъ у нихъ былъ даръ языковъ. Это и послужило поводомъ къ несогласію между ними не по существу дѣла, а по неразумію получавшихъ дары. Получившіе больше даровъ превозносились предъ получившими меньше; а эти скорбѣли и завидовали получившимъ больше, какъ доказываетъ далѣе Павелъ. Нарушая чрезъ это взаимную любовь, они получали смертельную рану, которую онъ съ великимъ тщаніемъ старается исцѣлить.“

Итакъ поводомъ къ разсужденію о благодатныхъ дарахъ послужили главнымъ образомъ неразумное употребленіе дара языковъ, потому нѣкоторая немирность по случаю разности и неравномѣрности въ полученіи благодатныхъ даровъ, и наконецъ нарушеніе чрезъ то главнаго закона жизни христіанской—любви. Соотвѣтственно сему Апостоль пишетъ 1) о благодатныхъ дарахъ вообще, объясняя, какъ они необходимы и равноцѣнны и по источнику и по ихъ значенію въ церкви (гл. 12); 2) о любви, какъ вмѣстилищѣ и вмѣстѣ условіи даровъ (гл. 13); 3) объ употребленіи дара языковъ (гл. 14).

1).

О БЛАГОДАТНЫХЪ ДАРАХЪ ВООБЩЕ

гл. 12.

Въ этой главѣ Апостоль направляетъ преимущественно рѣчь свою на то, чтобъ никто не считалъ дара своего маловажнымъ, каковъ бы ни былъ сей даръ, и заботу всю обращалъ бы на то лишь, чтобы дѣйствовать имъ достоудолжно. Это объясняетъ онъ б) сравне-

нѣмъ устройства Церкви, вмѣщающей разнообразныя дары, съ тѣломъ, составленнымъ изъ разныхъ членовъ (ст. 12 — 26). Но въ основу сему главному предмету ставить онъ напередѣ а) указаніе источника, цѣли и разнообразія даровъ благодатныхъ (1—11); а въ приложеніи его в) перечисляетъ сущихъ въ церкви разныхъ носителей сихъ даровъ, или сказываетъ, какъ предыдущія разсужденія осуществляются въ церкви (27—31).

а).

Указаніе источника, цѣли и разнообразія даровъ Св. Духа
—12, 1—11.

Приступая къ бесѣдѣ о сихъ предметахъ, Апостоль помѣщаетъ нѣчто въ родѣ аа) предисловія (ст. 1—3). „Это мѣсто весьма неясно,“ говоритъ св. Златоустъ. Кажется св. Павелъ имѣлъ въ намѣреніи напомнить Коринѳянамъ, что они были прежде въ язычествѣ. То вѣра была нѣмая, — пустая, ничего не дававшая (ст. 2); а во Христѣ Иисусѣ вы получаете Духа, и преимущественно говорящаго. Но какъ Коринѳянамъ извѣстны были и другіе духи говорящіе, то, чтобъ они не смѣшивали одного съ другимъ, онъ указываетъ имъ пробу: истиннымъ Духомъ говорящій исповѣдуетъ Господа Иисуса; кто не исповѣдуетъ Его, въ томъ не добрый духъ (ст. 3).

аа).

Ст. 1. *О духовныхъ же, братіе, не хочу васъ не вѣдѣти.*

Подъ духовными здѣсь разумѣются не люди, а дары духовныя, *χαρίσματα* (Экум., Теоф.). Св. Златоустъ называетъ это знаменіями: „Духовными Апостоль назвалъ знаменія; потому что они суть дѣйствія одного Духа,

а человѣческія усилія нисколько не содѣйствуютъ къ ихъ совершенію.“ Надо полагать, что объ этомъ Коринѣяне сами спрашивали. Дошла чередъ и до этого предмета; Апостоль и говорить: что касается до духовныхъ даровъ, то я очень желаю, чтобъ вы имѣли здравое понятіе объ томъ предметѣ, конечно для того, чтобъ соотвѣтственно тому и дѣйствовать потомъ.

Но не были-ль среди Коринѣянь и лица, которыя присвоили себѣ наименованіе духовныхъ, и не изъ числа ли такихъ были говорившіе разными языками?

Ст. 2. *Въстѣ, яко егда невѣрни бѣсте, ко идоламъ безгласнымъ яко ведоми ведостеся.*

Когда, говорить, вы были въ язычествѣ, то вы тянулись къ идоламъ безгласнымъ такъ, какъ бы кто влекъ васъ къ нимъ, обвязавъ веревками. — Язычники опутаны были омраченіемъ смысла и такъ обольщены, что видя не видали, что предъ ними бездушный и безгласный идолъ, ими же сдѣланный, въ которомъ никакой не было силы, а они надѣялись отъ него имѣть все. Врагъ такъ опутываль, держа ихъ въ прелести, и не давая имъ здраво взглянуть на дѣло; лъстя же пустыми надеждами, влекъ къ нимъ, какъ ужомъ. Привычка съ дѣтства и общность дѣла много придавали силы этой прелести влекущей и дѣлали покрывавшій ее мракъ непроницаемымъ. Коринѣяне возникли отъ сей дьявольской сѣти и перешли изъ области сатанины къ Богу. Глаза ихъ теперь открылись, и они видѣли, какая глупость была прежде влеченіе къ идоламъ. Апостоль и говорить имъ: *въстѣ*. Что здѣсь о злобѣрии говорится, идетъ и къ грѣшности. Грѣхъ также опутываетъ, и въ слѣдъ его грѣшникъ какъ ведомый ведется и однакожъ не видитъ ни прелести, ни связности своей. Уже послѣ какъ обратится онъ къ добродѣтели, ясно воззрѣваетъ на грѣховное состояніе, какъ

оно дурно, и какъ вяжетъ, не давая свободы отвязаться отъ него. Вражеская прелесть и въ вѣрованіи языческомъ и въ грѣховной жизни одинакова.

Теодоритъ такъ изображаетъ прелесть идолопоклонства: „Апостоль хочетъ и обличить безсмысліе еллинскаго баснословія, и показать истину благочестія. Ибо демоны, восхитивъ и присвоивъ себѣ наименованіе—богъ, въ великое заблужденіе ввели людей; потому что, совратившись съ праваго пути и оставивъ истиннаго Бога, стали они многимъ воздавать божеское чествованіе и думали, что не всякій богъ все можетъ, но признавали одного подателемъ мудрости, другаго воинской опытности, а инаго мореходнаго искусства. Сіе то божественный Апостоль и выразилъ въ сказанномъ имъ, именно же: прежде нежели пріяли вы свѣтъ благочестія, служа еще лжи, подобно безсловеснымъ, водимы были туда и сюда, будучи поработены прелести безчувственныхъ идоловъ.“

Св. Златоустъ обращаетъ вниманіе при этомъ на другую сторону предмета, именно, что идолопоклонство поддерживалось между прочимъ прорицателями въ изступленномъ состояніи. Прорицанія шли или изъ людей въ изступленіи находившихся, или даже изъ идоловъ. Эта дивность влекла къ идоламъ. Св. Златоустъ разъясняетъ намѣренно различіе этихъ изступленныхъ прорицаній и истинныхъ пророчествъ, чтобъ показать, что дары Духа, о коихъ начинается рѣчь, ничего схожаго не имѣютъ съ уродливыми дивностями язычества. Онъ говоритъ: „въ капищахъ идольскихъ, когда кто бывалъ одержимъ нечистымъ духомъ и прорицалъ, то какъ-бы ведомый и связанный былъ увлекаемъ духомъ и насколько не сознавалъ того, что говорилъ. Прорицателю свойственно быть въ изступленіи, терпѣть принужденіе и насиліе, увлекаться и неистовствовать, какъ бѣсно-

втому. А Пророкъ не таковъ, но онъ говоритъ все съ трезвою душею и здравымъ разсудкомъ, зная, что онъ говоритъ. Такъ различай прорицателя изступленника и пророка. Когда кто-нибудь разными волхвованіями и обрядами вводилъ въ челоуѣка бѣса, тогда этотъ челоуѣкъ начиналъ прорицать, и прорицая рвать и терзать себя, не могли выносить насилія бѣса; наконецъ начиналъ кричать: развяжите же, развяжите мнѣ вѣнки, окропите мои ноги чистою водою, и изгладьте черты, чтобы я могъ идти. Все это и тому подобное, ибо можно бы сказать гораздо болѣе, доказываетъ и принужденіе, съ какимъ бѣсы удерживаются и служатъ, и насиліе, какое терпятъ люди, однажды предавшіе себя имъ и лишающіеся въ это время здраваго смысла. Намекая на все это и тому подобное, Павелъ сказалъ: *ведомы ведостеса*. Такъ какъ онъ говорилъ къ понимавшимъ дѣло, то и не излагаетъ всего подробно, дабы не отяготить ихъ, но только напоминаетъ имъ. Не объясняетъ онъ и нашего, т.-е., того, что касается пророковъ; ибо Коринѣянамъ и это было извѣстно; и между ними были пророки, которые пророчествовали какъ слѣдовало, съ разсудкомъ и совершенною свободою. Они властны были говорить и не говорить; ибо не были принуждаемы, но вмѣстѣ съ честію сохраняли и волю. Вотъ первое различіе между изступленно-прорицателемъ и Пророкомъ.“

Ст. 3. *Тѣмже сказую вамъ, яко никтоже Духомъ Божиимъ глаголаѣи, речетъ анагема Исуса; и никтоже можетъ рещи Господа Исуса, точію Духомъ Святимъ.*

Связь сихъ словъ съ предыдущимъ не такъ ясна. *Тѣмже сказую*, говорить,—будто выводъ изъ предыдущаго дѣлаетъ; а какъ это выходитъ, оттуда невидно. Развѣ такъ: и въ язычествѣ представляются нѣкоторыя дивности, какъ напримѣръ прорицанія въ изступ-

леніи, какія издавали бѣсы устами людей; и это будто дарованія необычныя, только бѣсовскія, богопротивныя; если хочешь удостовѣриться, заставь изступленника исповѣдать имя Господа Иисуса, и увидишь разность. „Когда ты увидишь, что кто-нибудь не произноситъ имени Иисуса, или даже анаематствуетъ Его, то онъ бѣсоизступленникъ; а когда увидишь другаго, который обо всемъ говоритъ съ именемъ Его, то знай, что онъ истинный Духоносецъ“ (св. Злат.). „Въ комъ дѣйствуетъ Божественный Духъ, тому невозможно сказать, что Христосъ чуждъ Божественнаго естества; никому невозможно также искренно исповѣдать Его Богомъ, какъ только просвѣщенному оною благодатию“ (Θеод.). Вѣрующіе окружены были идолопоклонниками, которые иногда являли нѣчто могшее изумлять. Апостоль уже указалъ признакъ обмана въ состояніи бѣсоизступленности ихъ пророчателей. Теперь указываетъ другой (св. Злат.)— въ томъ, что тѣ не могутъ терпѣть имени Иисуса, хулять Его, злословять, говорятъ Ему анаема. Исполненный Духомъ Божиимъ не можетъ сказать худаго слова объ Иисусѣ; да и исповѣдать, какъ должно, Иисуса Господомъ никто самъ собою не можетъ, а если исповѣдуетъ, то не иначе, какъ Духомъ Святымъ. Истинная вѣра, что Господь Иисусъ Христосъ есть Богъ во плоти и Спаситель, Духомъ Божиимъ печатлѣтся въ сердцѣ. Есть разнаго рода нарицанія Иисуса Господомъ; нарицають Его такъ иногда языкъ только, иногда память, иногда и мысль; но нарицаніе сердцемъ совѣмъ иное отъ всего подобнаго. И бѣсы говорили Господу: *вѣмъ Тя, кто еси, Сынъ Божій* (Мр. 1, 24; Лук. 8, 28). Но тутъ ничего не было искренняго, а крылась хитрость и намѣреніе посредствомъ этого другимъ путемъ отклонять отъ Господа. Въ наше время хитрость подобная крылась у спиритовъ; сначала они хорошо говорили о

Господѣ, потому запрещали говорить о Немъ, а теперь открыто стали одни порицать Его, а другіе увѣрять, что и Онъ изъ ихъ партіи.

Показавъ такимъ образомъ существенное различіе того, что у язычниковъ призрачно представляется выходящимъ изъ обычнаго порядка, отъ того, что сверхъестественнымъ образомъ дѣйствуется въ Церкви, въ видѣ чрезвычайныхъ дарованій, св. Павелъ говоритъ теперь бб) объ источникѣ ихъ (4—6), вв) цѣли (—7) и гг) разнообразіи (8 — 11), „бесѣдуя объ этомъ не просто, но такъ, чтобы прекратить происходившее отсюда несогласіе и убѣдить тѣхъ, которые получили меньше, не скорбѣть, а тѣхъ, которые получили больше, не превозноситься“ (св. Злат.).

бб).

Ст. 4—6. *Раздѣленія же дарованій суть, а тойжде Духъ; и раздѣленія служеній суть, а тойжде Господь; и раздѣленія дѣйствъ суть, а тойжде есть Богъ, дѣйствующій вся во всѣхъ.*

„Въ сихъ словахъ Апостолъ показалъ, что хотя дарованія многочисленны и различны, но источникъ ихъ одинъ. Одно и то же, говоритъ онъ, подается и Всесвятымъ Духомъ, и Господомъ, и Богомъ Отцемъ. Ибо одни и тѣ же дары назвалъ онъ дарованіями и служеніями и дѣйствами. Называются они *дарованіями*, потому что даются по щедрости Божіей, и *служеніями*, потому что подавались чрезъ людей, поставленныхъ на сіе священнослуженіе (назначались на служеніе другимъ). Да и *дѣйствами* назвалъ онъ также дарованія, какъ приѣмлющія дѣйственность отъ божественнаго естества. Ибо не то сказалъ Апостолъ, какъ предполагали иные несмысленные еретики, будто бы иное приводится въ дѣйственность Духомъ, а иное Богомъ вся-

ческихъ; напротивъ того, показалъ онъ, что однихъ и тѣхъже даровъ подательница есть Святая Троица. Этимъ утѣшаетъ онъ пріившихъ меньшія, какъ имъ казалось, дарованія, научая, что изъ одного и тогоже источника подаются и тѣ и другія дарованія“ (Ѳеод.).

„Прежде всего онъ вразумляетъ того, кто получилъ меньшій даръ и потому скорбитъ. О чемъ, говоритъ, ты скорбишь? О томъ, что не получилъ столько, сколько другой? Но помни, что это даръ, а не долгъ, и получишь утѣшеніе въ скорби. Посему онъ съ самаго начала и выразился такъ: *раздѣленія дарованій суть*. Не сказалъ: знаменій, или чудесъ, но: *дарованій*, названіемъ дара убѣждая не только не скорбѣть, но и чувствовать благодарность. Вмѣстѣ съ тѣмъ, говоритъ, представь и то, что хотя ты получилъ даръ меньшей мѣры, но удостоившись получить его оттуда же, откуда и получившій больше, ты имѣешь одинаковую съ нимъ честь; ты не можешь сказать, что ему даровалъ Духъ, а тебѣ Ангелъ; ибо и тебѣ и ему даровалъ Духъ. Посему и прибавляетъ: *а тойжде Духъ*. Хотя есть различіе въ дарѣ, но нѣтъ различія въ Даровавшемъ: ибо изъ одного источника получили и ты и онъ“ (св. Злат.).

„И *раздѣленія служеній суть, а тойжде Господь*. Дабы усилить утѣшеніе, Апостоль приводитъ и Сына и Отца. Самые дары называетъ здѣсь другимъ именемъ, желая и чрезъ это доставить большее утѣшеніе. Потому и говоритъ: *раздѣленія служеній суть*. Услышавъ о дарованіи, получившій меньше, можетъ быть, сталъ бы скорбѣть; но услышавъ о служеніи, не станетъ; ибо это слово означаетъ трудъ и работу (т.-е. что дары на служеніе). Что ты скорбишь, говоритъ, если Богъ другому повелѣлъ трудиться больше, а тебя пощадилъ“ (св. Злат.).

„И раздѣленія дѣйствъ суть. Что такое, скажешь, дѣйство? Что такое дарованіе? Что такое служеніе? Только различныя названія, а предметы одни и тѣже. Ибо онъ (въ другихъ мѣстахъ) называетъ и дарованіе и служеніе дѣйствомъ. Видишь ли, какъ онъ не полагаетъ никакого различія между дарами Отца (и Сына) и Святаго Духа, не смѣшивая лица Ихъ, но показывая равночестіе существа? Что даруетъ Духъ, говоритъ онъ, то производитъ Богъ Отецъ; а раздѣляетъ и назначаетъ Сынъ. Еслибы одно было меньше другаго, то онъ не сказалъ бы этого такъ и не сталъ бы такимъ образомъ утѣшать скорбящаго“ (св. Злат.).

вв).

Ст. 7. *Комуждо же дается явленіе Духа на пользу.*

Цѣль не раздаянія даровъ, а неравномѣрности раздаянія. Почему такъ дѣлается? Потому что въ такой, а не въ иной мѣрѣ получить даръ и именно такой даръ полезно тому, кто получаетъ его. Что даръ всякій на пользу церкви дается, это само собою разумѣется; ибо иначе онъ и не могъ обнаружиться, какъ принося пользу другимъ. Но цѣль у Апостола получателю дара сказать: если у тебя меньше даръ, то этого требовала твоя собственная польза. Такъ разумѣютъ пользу всѣ наши толковники. Слова: *явленіе Духа* значатъ явное дѣйствіе Духа, обнаруженіе Его, замѣтное для всѣхъ. Не сказалъ Апостоль: дается благодать, но: *явленіе Духа*; потому что и нынѣ сподобившимся всесвятаго крещенія благодать дается, но не явственно; а тогда они немедленно начинали и говорить разными языками, и творить чудеса, чѣмъ были научаемы и утверждаемы въ томъ, что ученіе истинно. По необходимости сказалъ Апостоль, что на пользу дается явленіе Духа, ободряя опечаленныхъ Коринѣянь, и научая, что ясно

все Вѣдущій и Знающій премудро раздаетъ всѣмъ, что именно кому полезно (Θεод.).

Таже мысль и у св. Златоуста, который говоритъ: „Апостоль здѣсь утѣшаетъ скорбящаго еще и другимъ образомъ, именно тѣмъ, что сообщенная ему мѣра дарованій, хотя и малая, служить ему въ пользу. Дабы кто не сказалъ: чтожъ изъ того, что одинъ и тотъ же Духъ, одинъ и тотъ же Господь, одинъ и тотъ же Богъ, когда я получилъ меньше, Апостоль говоритъ, что это *ни пользы*. Явленіемъ Духа онъ называетъ (явныя) знаменія, и справедливо. Мнѣ вѣрующему извѣстно, кто имѣетъ Духа, именно тотъ, кто крещенъ, а для невѣрующаго это ни откуда не видно, какъ только изъ (явныхъ) знаменій. И отсюда опять слѣдуетъ немалое утѣшеніе: хотя дарованія различны, но откровеніе одинаково; хотя бы ты имѣлъ много, хотя бы мало, ты равно открываешься (носящимъ Духа), такъ что если хочешь показать, что ты имѣешь Духа, для этого ты имѣешь достаточно. Итакъ если одинъ есть Даровавшій, и данное тебѣ есть даръ, и явленіе Духа можетъ быть отъ него, и это наиболѣе полезно тебѣ, то не скорби, какъ будто бы ты былъ презрѣнъ. Не въ безчестіе тебѣ, не для униженія тебя предъ другими Богъ постушилъ такъ, но изъ снисхожденія къ тебѣ и желанія тебѣ пользы. Ибо получить больше и не быть въ состояніи вынести — вотъ что не полезно, пагубно и достойно скорби.“

гг).

Ст. 8—10. *Овому бо Духомъ дается слово премудрости, иному же слово разума о томъ же Дусѣ; другому же вътра, тѣмъ же Духомъ; иному же дарованія исцѣленій, о томъ же Дусѣ; другому же дѣйствія силъ, иному же про-*

рочество, другому же разсужденія духовомъ, иному же роду языковъ, другому же сказанія языковъ.

Таково разнообразіе даровъ Св. Духа!

„Что значить слово *премудрости*? То, которое имѣлъ Павелъ, которое имѣлъ Іоаннъ, сынъ громовъ. А слово *разума*? То, которое имѣли многіе изъ вѣрующихъ, хотя имѣвшіе знаніе, но не бывшіе въ состояніи учить и удобно передавать другому то, что сами знали“ (св. Злат.). „Словомъ *премудрости* Апостоль называетъ не краснорѣчіе, но истинное ученіе, благодать котораго пріяли и самъ божественный Апостоль, и богомудрый Евангелистъ Іоаннъ, и божественнѣйшій первоверховный изъ Апостоловъ Петръ, и первый изъ мучениковъ блаженный Стефанъ. Ибо рыбаки, питающіеся трудами рукъ, не знающіе грамоты, не могли бы отважиться всенародно говорить и писать, исполняя притомъ слова и писанія свои самой великой, какая только возможна, силы, еслибы не пріяли истинной премудрости отъ Божественнаго Духа. Другіе же изъ увѣровавшихъ, хотя имѣли вѣдѣніе, но не въ силахъ были, подобно имъ, говорить народу. И сіе было даромъ вѣдѣнія, по благодати Св. Духа“ (Θεод.). Θεοφιλαктъ выставляетъ такую причину, почему такъ надобно понимать слово премудрости: премудрость, — *σοφία*, она называется уяснительницею, — *σαφεια*, — такъ какъ она проясняетъ, — *διασαφους*, сокровенное. Но, можетъ быть, подъ словомъ премудрости можно разумѣть слово дѣятельное, отъ опытности духовной, о тайнахъ жизни духовной; а подъ словомъ разума слово знательное, умозрѣніе, о тѣхъ же предметахъ, сколько то доступно уму.

Что *вѣра*?— Это „не вѣра въ догматы, но вѣра чудодѣйственная, о которой Христось говоритъ: *аще имате вѣру, яко зерно горучино, речете гортъ сей: прейди отсюду тамо, и прейдетъ* (Мѡ. 17, 20). И Апостолы о ней про-

силы, когда говорили: *приложи намъ вѣру* (Лк. 17, 5). Ибо она мать чудотвореній“ (св. Злат.). „Здѣсь разумѣтъ Апостоль не вѣру общую, но ту, о которой говоритъ нѣсколько ниже: *и еще имамъ всю вѣру, яко и горы представляти* (—13, 2). Ибо по причинѣ преобладающаго невѣрія (Апостолы и другіе вѣрующіе) творили много подобныхъ изумительныхъ чудесъ, и ими руководили невѣрныхъ къ истинѣ“ (Ѳеод.).

Что *дарованія исцѣленій?*—Ѳеодоритъ пишетъ: „Апостоль разумѣтъ подъ симъ уврачеваніе недужныхъ; дарованіе хожденія хромыхъ, и возвращеніе свѣта лишеннымъ зрѣнія. Ибо сіе совершалось въ то время, свидѣтельница чему исторія Дѣяній. Такъ о богомудромъ Петрѣ сказано, что *многихъ недужныхъ на стогнахъ полагали на одрѣхъ, да грядущу Петру поне спнѣ его оспытитъ нѣкогого отъ нихъ* (Дѣян. 5, 15); а о божественномъ Павлѣ, что потъ одеждъ его изгонялъ болѣзни (—19, 12).“

Что *дѣйствія силъ?* Св. Златоустъ говоритъ: „имѣтъ *дѣйствія силъ и дарованія исцѣленій* не одно и тоже. Кто имѣлъ даръ исцѣленій, тотъ только врачевалъ; а имѣвшій дѣйствія силъ могъ и наказывать; ибо отъ силы не только врачеваніе, но и наказаніе, какъ напр., Павелъ ослѣпилъ, Петръ поразилъ смертію.“ Тоже и Ѳеодоритъ: „Сіе дарованіе нерѣдко налагало и наказанія, какъ на Елиму—лишеніе свѣта, а на Ананію и Сапфиру—преждевременную смерть.“ Экуменій прилагаетъ сюда силу *предавать сатанѣ, да научатся не хулити* (1 Тим. 1, 20).

Что *пророчество?* Это даръ прозрѣвать будущее, отерывать сокровенное, узнавать у кого что на сердцѣ. „И сего дарованія были тогда участниками многіе, не только мужи, но и жены“ (Ѳеод.). Пророчествовали дочери Филиппа; нѣкто Ананій предсказалъ св. Павлу узы, и др.

Что *разсужденія духовомъ?* Θεодоритъ пишетъ: „велику въ то время были и прорицатели (по внушенію бѣсовъ), обольщавшіе людей, то инымъ подаваема была Божественнымъ Духомъ и такая нѣкая благодать, чтобы обличать одержимыхъ сопротивнымъ духомъ.“ Св. Златоустъ говоритъ, что „разсужденіе духовомъ есть знаніе того, кто духовный (Духомъ Святымъ исполненъ) и кто не духовный (отъ себя только говоритъ), кто пророкъ, и кто обманщикъ. Въ то время была великая опасность отъ лжепророковъ, потому что дьяволъ всячески старался противопоставить ложь истинѣ.“

Что *роди языковъ?* Даръ говорить на разныхъ языкахъ, не отъ изученія ихъ, а по дарованію отъ Духа Божія. Римская имперія преисполнена была народами разноязычными. Чтобы никто не лишень былъ возможности слышать благовѣстіе, всюду подаваемъ былъ даръ говорить разными языками. Этотъ даръ, и даръ слова премудрости были самые необходимые. „Апостолъ далъ ему послѣднее мѣсто, а дарованію учительства первое; потому что для обоихъ сихъ дарованій даны и прочія, чтобы проповѣдь приѣмлема была съ вѣрою“ (Θеод.). „Этотъ даръ (языковъ), почитался великимъ; его и Апостолы прежде всего получили, и изъ Коринтянъ многіе имѣли; но даръ ученія выше. Его и поставилъ Апостолъ прежде, а объ этомъ говоритъ въ концѣ; ибо этотъ для того (дара ученія), равно какъ и все прочее, и пророчества, и дѣйствія силъ, и дарованіе исцѣлений,—и ничто не можетъ равняться съ нимъ, какъ самъ онъ говоритъ: *прилежащии добръ пресвитеры сугубля чести да сподобляются, паче же труждающіися въ словѣ и ученіи* (1 Тим. 5, 17)“ (св. Злат.).

Что *сказанія языковъ?* Даръ истолковывать для другихъ сказанное на чужихъ языкахъ. „Иной самъ зналъ, что говорилъ, но другому истолковать не могъ; а иной имѣлъ

способность къ тому и другому“ (св. Злат.). „И это было духовное дарованіе. Ибо нерѣдко знающій одинъ только еллинскій языкъ, когда другой бесѣдовалъ на языкѣ скинскомъ и еракійскомъ, переводилъ его слушающимъ“ (Феод.). „Этотъ даръ иногда имѣли и сами говорившіе на языкахъ, и сами себя истолковывали“ (Экум.).

Перечисляя такія дарованія, Апостоль изъяснилъ, что онѣ даются то *о томъ же Духъ*, то *тѣмъ же Духомъ*, „научая, что хотя потоки различны, но источникъ несомнѣнно одинъ. Но и сего призналъ недостаточнымъ, а присовокупилъ“ (Феод.).

Ст. 11. *Вся же сія дѣйствуетъ единъ и той же Духъ, раздѣляя властію коему же до якоже хоцетъ.*

„Всѣмъ этимъ Апостоль утѣшаетъ пріившихъ меньшія дарованія, научая ихъ, что и это дары Божія Духа, а Духъ Божій подаетъ, какъ Ему угодно; угодно же Ему полезное“ (Феод.). „Вотъ главное основаніе утѣшенія: мы всѣ получаемъ изъ одного и того же корня, изъ одной и той же сокровищницы, изъ одного и того же источника. Посему-то онъ непрестанно употребляетъ это слово, и тѣмъ уравниваетъ мнимое неравенство и утѣшаетъ. Выше онъ говорилъ, что и Духъ и Сынъ и Отецъ подаютъ дарованіе, а здѣсь говоритъ только о Духѣ, дабы ты отсюда позналъ, что у нихъ одно и тоже достоинство.—И не только утѣшаетъ онъ этимъ, но и заграждаетъ уста противнику словами: *раздѣляя коему же до, якоже хоцетъ*; ибо утѣшая надобно и разумлять, какъ онъ поступаетъ и въ посланіи къ Римлянамъ, когда говоритъ: ты кто еси противу отвѣщай Богови (Римл. 9, 20)? Такъ и здѣсь: *раздѣляя властію коему же до, якоже хоцетъ*. Вмѣстѣ съ тѣмъ показываетъ, что принадлежащее Отцу принадлежитъ и Духу. Ибо какъ объ Отцѣ сказалъ: *а той же Богъ дѣйствующій вся*

во *всѣхъ*; такъ и о Духѣ: *вся же сія дѣйствуетъ единыи и тойжде Духъ*. Но дѣйствуетъ, скажешь, подъ вліаніемъ Бога? Нигдѣ Апостоль не сказалъ этого, а ты самъ это выдумываешь. Когда онъ говоритъ о Богѣ Отцѣ: *дѣйствующій вся во всѣхъ*, говоритъ это о людяхъ, а вовсе не считаетъ съ людьми и Духа, хотя бы ты тысячу разъ, какъ безумный, повторялъ это. Такъ какъ онъ выше сказалъ: *Духомъ* (*διὰ τοῦ Πνεύματος*,—*дается слово премудрости*), то, дабы ты не подумалъ, что это выраженіе означаетъ униженіе Духа, или зависимость дѣйствій Его отъ другаго, присовокупляетъ, что Духъ *дѣйствуетъ*, а не побуждается къ дѣйствию, и дѣйствуетъ, *якоже хочетъ*, а не какъ повелѣваютъ Ему. Какъ объ Отцѣ Сынъ говоритъ, что *Онъ воскрешаетъ мертвыя и живитъ*, равно и о Себѣ Самомъ, что Онъ *ихже хочетъ живитъ* (Іоан. 5, 21); такъ и о Духѣ въ одномъ мѣстѣ сказано, что Онъ *дѣлаетъ все со властію*, и ничто ему не препятствуетъ, — ибо слова: *идѣже хочетъ, дышетъ* (Іоан. 3, 8), хотя сказаны о вѣтрѣ, но доказываютъ и это; а здѣсь говорится, что Онъ *вся дѣйствуетъ, якоже хочетъ*. И изъ другаго мѣста можешь видѣть, что Онъ не такое существо, чрезъ которое дѣйствуютъ, но самъ дѣйствуетъ; *кто бо вѣсть*, говоритъ Апостоль, *яже въ человѣцѣ, точію духъ человѣка? такожде и Божія никтоже вѣсть точію Духъ Божій* (1 Кор. 2, 11). Духъ человѣка, т.-е. душа, не имѣетъ нужды въ постороннемъ побужденіи, чтобы знать свое; это всякому извѣстно; слѣд. и Духъ Святой—чтобы знать Божіе; ибо, говоритъ, Духъ Святой знаетъ тайны Божіи также, какъ душа человѣческая свои тайны. Если же въ этомъ случаѣ Онъ не побуждается къ дѣйствию кѣмъ либо другимъ, то, зная глубины Божіи и дѣйствуя безъ посторонняго вліанія въ раздаяніи даровъ Апостоламъ, Онъ тѣмъ болѣе Самъ

не находится въ зависимости.— Не будемъ же унывать, скорбѣть и говорить: почему я то получилъ, а это не получилъ; не будемъ требовать отчета отъ Святаго Духа; ибо если ты знаешь, что Онъ подаетъ по своему промышленію, и сознаешь, что по тому же промышленію Онъ подаетъ въ извѣстной мѣрѣ, то будь доволенъ и радуйся тому, что получилъ; не огорчайся тѣмъ, чего не получилъ, но еще воздавай благодареніе за то, что не получилъ выше силъ своихъ“ (св. Злат.).

б).

Сравненіемъ устройства Церкви, вмѣщающей разные дары и разнородныхъ, съ тѣломъ, составленнымъ изъ разныхъ членовъ, мирить съ неравномѣрностію даровъ

12, 12—16.

Ст. 12. *Якоже бо тѣло едино есть, и уди имать мнози, вси же уди единого тѣла, мнози суще, едино суть тѣло: тако и Христосъ.*

Св. Златоустъ говоритъ: „Утѣшивъ Коринѣянь тѣмъ, что всякое дарованіе есть даръ благодати, что все подается однимъ и тѣмъ же Духомъ и подается на пользу, что Духъ открывается и въ меньшихъ дарованіяхъ, и вмѣстѣ заградивъ ихъ уста тѣмъ убѣжденіемъ, что должно покоряться власти Духа, Апостоль утѣшаетъ (и вразумляетъ) ихъ еще инымъ общеизвѣстнымъ сравненіемъ, сравненіемъ съ тѣломъ, которымъ (сравненіемъ) старается доказать, что никто изъ христіанъ не униженъ предъ другими (хотя получилъ неодинаковый даръ). Человѣка малодушнаго и получившаго меньше другихъ ничто такъ не утѣшаетъ и не располагаетъ оставить скорбь, какъ убѣжденіе, что онъ не униженъ предъ другими. Посему Апостоль и доказываетъ это: *якоже бо, говоритъ, тѣло едино есть и уди имать мнози. Ви-*

дишь ли глубокую его мудрость? Онъ доказываетъ, что одно и тоже есть единое и многое. Раскрывая еще болѣе этотъ предметъ, присовокупляетъ: *все же уди одинаго тѣла, мнози суще, едино суть тѣло*. Не сказалъ: многіе члены принадлежать единому тѣлу, но: самое единое тѣло есть многое, и многіе члены его суть единое. Если же многое есть единое и единое многое, то гдѣ различіе, гдѣ преимущество, гдѣ униженіе? *Все же, говоритъ, едино суть*: не просто *едино*, но будучи разсматриваемы собственно въ отношеніи къ составу тѣла, всѣ они суть едино; а когда они разсматриваются порознь, тогда есть различіе и притомъ различіе во всѣхъ ихъ. Ни одинъ изъ нихъ не можетъ самъ по себѣ составить тѣла, и каждый одинаково недостаточенъ къ тому, чтобы составить тѣло, а необходимо для этого ихъ соединеніе; ибо когда многіе сдѣлаются единымъ, тогда и составляется одно тѣло. Выражая это, онъ и говоритъ: *все же уди одинаго тѣла, мнози суще, едино суть тѣло*. Не сказалъ: высшіе и низшіе, но: *мнози суще*, что относится ко всѣмъ вообще. Какъ же они могутъ быть едино? Когда, оставивъ различіе ихъ какъ членовъ, будешь разсматривать ихъ по отношенію къ тѣлу. Ибо что глазъ, тоже и нога, въ томъ отношеніи, что они суть члены и составляютъ тѣло; въ этомъ между ними нѣтъ никакого различія. Не можешь сказать, что одинъ какой-нибудь членъ составляетъ тѣло самъ по себѣ, а другой нѣтъ; въ этомъ отношеніи они всѣ равны, и всѣ суть одно тѣло“ (св. Злат.).

„Сказавъ и ясно доказавъ это по общему всѣхъ здравому смыслу, Апостоль присовокупляетъ: *такъ и Христосъ*. Надлежало бы сказать: такъ и Церковь, ибо это слѣдовало изъ предыдущаго; но онъ не сказалъ такъ, а вмѣсто Церкви наименовалъ Христа, употребивъ выраженіе болѣе возвышенное и болѣе пристыдивъ слу-

пателя. Смысль его словъ слѣдующій: такъ и тѣло Христово, которое есть Церковь. Какъ тѣло и глава составляютъ одного человѣка, такъ и Церковь и Христость, говоритъ, едино суть; посему и именуется вмѣсто Церкви Христа, разумѣя здѣсь тѣло Его. Какъ наше тѣло есть нѣчто единое, хотя состоитъ изъ многихъ членовъ, такъ и въ Церкви всѣ мы составляемъ нѣчто единое; ибо хотя она состоитъ изъ многихъ членовъ, но эти многіе суть одно тѣло“ (св. Злат.).

„Такимъ образомъ успокоивъ и ободривъ общезвѣстнымъ примѣромъ того, кто считалъ себя униженнымъ, Апостоль оставляетъ обыкновенные предметы и переходитъ къ другому предмету—духовному, который могъ доставить еще больше утѣшенія и ясно показать равенство чести (у членовъ Церкви). Къ какому же?“ (св. Злат.).

Ст. 13. *Ибо единъма Духомъ мы вси во едино тѣло крестихомся, аще Иудеи, аще Еллини, или раби, или свободни; и вси единъма Духомъ напоихомся.*

„Смысль словъ его слѣдующій: одинъ Духъ составилъ изъ насъ одно тѣло и возродилъ насъ; ибо не инымъ Духомъ крещень одинъ, а инымъ другой. И не только крестившій насъ Духъ есть одинъ, но и то, во что Онъ крестилъ, т.-е. для чего крестилъ, есть едино; ибо мы крестились не для того, чтобы составлять различныя тѣла, но чтобы всѣ мы въ точности составляли одно тѣло, т.-е. крестились для того, чтобы всѣмъ намъ быть однимъ тѣломъ. Такимъ образомъ и составившій насъ одинъ, и то, во что Онъ составилъ насъ,—едино. И не сказалъ Апостоль: дабы мы принадлежали одному тѣлу, но чтобы были едице тѣло: *мы вси во едино тѣло крестихомся.* Хорошо также сказалъ: мы вси, включивъ и себя самого. И я, говоритъ Апостоль, не имѣю предъ тобою никакого преимущества въ этомъ

отношеніи; и ты тѣло такъ, какъ я, и я такъ, какъ ты, и всѣ мы имѣемъ одну и ту же Главу и родились одинаковымъ рожденіемъ, потому и составляемъ одно и тоже тѣло.—*Аще Иудеи.* Но что я указываю на Иудеевъ? И язычниковъ, которые были такъ далеки отъ насъ, Богъ привелъ въ составъ одинаго тѣла. *Аще Иудеи, аще Еллины, или раби, или свободни.* Если же мы, бывшіе прежде столь далекими другъ отъ друга, соединились и стали едино, то тѣмъ болѣе послѣ соединенія намъ не слѣдуетъ скорбѣть и унывать; ибо уже нѣтъ мѣста различію. Если Онъ удостоилъ одного и того же и язычниковъ, и Иудеевъ, и рабовъ, и свободныхъ, то удостойвъ, станетъ ли раздѣлять насъ, тогда какъ самое сообщеніе дарованій служить къ совершеннѣйшему единенію?“ (св. Злат.).

И вси единѣмъ Духомъ напоимся. Это напоеніе отлочно отъ возрожденія въ крещеніи. Тамъ получается бытіе духовное; здѣсь духовное существо напоется Духомъ. Когда это? Въ таинствѣ мвропомазанія,—при Апостолахъ чрезъ возложеніе рукъ. Въ семъ таинствѣ подаются дары Св. Духа, что и есть напоеніе Духомъ. Экуменій пишетъ: „чрезъ одинаго Духа имѣемъ мы благодать дарованій духовныхъ.“ Теофилактъ сказалъ-было, что это напоеніе совершается въ причащеніи; но потомъ прибавилъ: „но истиннѣ здѣсь разумѣть наитіе на насъ Св. Духа, котораго сподобляемся мы послѣ крещенія и прежде причащенія Св. Тайнъ.“ Очевидно онъ разумѣеть св. мвропомазаніе. Такова мысль и св. Златоуста, отъ котораго они оба заимствовали свое толкованіе. И онъ, помянувъ сначала о Св. Тайнахъ, потомъ прибавляетъ: „впрочемъ мнѣ кажется, что онъ говоритъ здѣсь о томъ наитіи Духа, которое совершается надъ нами при крещеніи (по крещеніи) еще прежде таинства причащенія. *Напоимся,* сказалъ онъ

потому, что это переносное выраженіе весьма прилично настоящему предмету, какъ будто бы онъ говорилъ о растеніяхъ и садѣ, что всѣ дерева орошаются однимъ и тѣмъ же источникомъ, одною и тою же водою. Такъ точно и мы, говоритъ, напояемся однимъ и тѣмъ же Духомъ, сподобляемся одной и той же благодати. Итакъ, если единый Духъ составилъ насъ и въ едино тѣло соединилъ всѣхъ насъ, ибо это означаютъ слова: *во едино тѣло крестихомся*; если затѣмъ онъ одно и тоже орошеніе сообщилъ всѣмъ намъ, ибо это означаютъ слова: *единымъ Духомъ напоихомся*, и столь далекихъ между собою соединилъ вмѣстѣ, и если многіе только тогда составляютъ тѣло, когда становятся едино; то о какомъ твердишь ты различіи? Если же скажешь, что членовъ много и они различны; то знай, что это-то самое и удивительно и составляетъ особенность тѣла, что въ немъ многое и различное составляетъ одно; а еслибы не было множества, то не было бы такъ удивительно и чудно, что тѣло одно; или лучше, тогда не было бы и тѣла.“

Ст. 14. *Ибо тѣло нѣсть единъ удѣ, но мнози.*

„Тѣло есть не простое нѣчто, но сложное изъ многихъ частей“ (Θεод.). Посему разнообразіе тутъ необходимо. Но при всемъ разнообразіи должно быть единство: иначе не составится тѣло; единство въ томъ, что всякій членъ дѣлаетъ все только для всего тѣла, забывая о себѣ, и за это все получаетъ отъ всего тѣла. Условія жизни тѣла многи; ихъ исполняютъ разные члены, и потому что исполняютъ, тѣло живетъ, живое же тѣло и ихъ живить. Вотъ зачѣмъ тѣло не одинъ имѣетъ членъ, а много!

Ст. 15. 16. *Аще речетъ нога, яко нѣсмъ рука, нѣсмъ отъ тѣла: еда сего ради нѣсть отъ тѣла? И аще речетъ ухо, яко нѣсмъ око, нѣсмъ отъ тѣла: еда сего ради нѣсть отъ тѣла?*

Мысль Апостола та, что уже когда составилось тѣло, то хочеть-не хочеть всякій членъ бываетъ тѣмъ, чѣмъ есть. Потому ему предлежитъ не рваться вонъ изъ тѣла, потому что онъ меньшій членъ, а держать свое мѣсто и свое значеніе. Св. Златоустъ говоритъ: „Еслибы то, что одинъ меньше, а другой больше, препятствовало входить въ составъ тѣла, то не стало бы и всего тѣла. Посему не говори: я не отъ тѣла, потому что я меньше другихъ; нога занимаетъ низшее мѣсто, но и она въ составѣ тѣла. Быть или не быть въ составѣ тѣла зависитъ не отъ положенія въ томъ или другомъ мѣстѣ,—это производитъ только различіе въ мѣстѣ,—но отъ соединенія или несоединенія; быть или не быть отъ тѣла зависитъ отъ соединенія съ нимъ, или несоединенія. И замѣть мудрость Павла, съ какою онъ представляетъ наши члены произносящими эти слова. Какъ выше онъ говорилъ: *сѣ преобразилъ на себѣ и Аполлоса* (—4, 6), такъ и здѣсь, дабы сдѣлать рѣчь свою еще болѣе кроткою и удобопріемлемою, представляетъ говорящими самые члены, дабы читатели, слыша отвѣтъ себѣ отъ самой природы, обличаясь самымъ опытомъ и общимъ здравымъ смысломъ, не могли болѣе противорѣчить. Хотя бы, говорить, и вы говорили то же самое и сколько бы ни возражали, вы не можете быть внѣ тѣла; ибо какъ законъ природы, такъ и еще болѣе сила благодати все соблюдаетъ и сохраняетъ. И смотри, какъ онъ избѣгаетъ излишества: говоритъ не о всѣхъ членахъ, а только о двухъ, и притомъ крайнихъ, о самомъ высшемъ—глазѣ, и о самомъ низшемъ—ногахъ. Кромѣ того представляетъ ногу говорящую не съ глазомъ, но съ рукою, которая немного выше ея, а ухо съ глазомъ. Какъ мы обыкновенно завидуемъ не тѣмъ, которые слишкомъ превосходятъ насъ, а тѣмъ, которые не много выше насъ, такъ и онъ дѣлаетъ свое сравненіе.“ Теодоритъ на-

водитъ при семь: „пріявшихъ меньшіе дары снова убѣждаетъ Апостоль не огорчаться, но любить дарованное. Ибо, если исполняешь ты должность не руки, а ноги, и проходишь служеніе не глаза, но слуха, надлежитъ тебѣ знать, что и это необходимо тѣлу.“

Ст. 17. *Аще все тѣло око, гдѣ слухъ? Аще же все слухъ, гдѣ ухитіе?*

Это желаніе тянуться въ высшіе члены ведетъ къ упраздненію низшихъ, а это къ разстройству тѣла и общей пагубѣ. Еслибы удовлетворять подобное желаніе, то всѣхъ надлежало бы производить (напримѣръ) въ глаза или слухъ, благороднѣйшіе члены; и все тѣло стало бы глазъ или слухъ. А это на что похоже? „Если все тѣло станетъ имѣть одинъ лишь членъ, хотя бы и самый достаточный, то оно безъ сомнѣнія будетъ ни къ чему негодно, какъ лишенное прочихъ членовъ“ (Ѳеод.). „Такъ какъ онъ указалъ на различіе членовъ, упомянулъ о ногахъ, рукахъ, глазахъ и ушахъ, и тѣмъ подавъ мысль о низшемъ и высшемъ достоинствѣ, то смотри, какъ опять утѣшаетъ и показываетъ, что это полезно, что отъ того преимущественно и бываетъ тѣло тѣломъ, что члены у него многіе и различны. Еслибы они всѣ были одно, то и не составили бы тѣла; посему онъ и говоритъ ниже: *аще ли быша вси единъ удъ, гдѣ тѣло?* А здѣсь выражаетъ нѣчто еще гораздо большее, именно, что въ такомъ случаѣ не только не было бы тѣла, но не было бы и прочихъ членовъ“ (св. Злат.).

Ст. 18. *Нынѣ же положи Богъ уды, единаго кожеждо ихъ въ тѣлеси, якоже изволи.*

Вотъ что выходило бы по вашему желанію не тѣмъ быть, чѣмъ есть, а чѣмъ-либо повыше! А Богъ судилъ иначе: положилъ быть многимъ членамъ, и каждому члену свое опредѣлилъ мѣсто; отъ этого и тѣло живетъ, и каждому члену хорошо. Итакъ „возлюби всякій да-

рованное; ибо, если Богъ раздѣлилъ частямъ тѣла дѣйствующія силы, то не остающійся въ положенныхъ предѣлахъ прямо, идетъ вопреки Положившему сии предѣлы“ (Феод.). А это не совсѣмъ безопасно.

„Если Богъ такъ изволилъ, то не спрашивай, почему такъ, и почему не такъ. Хотя бы мы могли представить тысячи причинъ, мы ничѣмъ не можемъ столько же сильно доказать, что это хорошо, сколько словами: какъ восхотѣлъ высочайшій Художникъ, такъ и сдѣлалось; ибо Онъ хочетъ такъ, какъ полезно. Если же не должно быть слишкомъ пытливымъ касательно членовъ въ нашемъ тѣлѣ, то тѣмъ болѣе въ Церкви. Хорошо сказалъ Апостоль: *когосждо*, выразивъ пользу всѣхъ ихъ. Ты не можешь сказать, что такой-то членъ устроилъ Господь, а такой-то нѣтъ; но каждый поставленъ такъ по Его волѣ; и ногѣ полезно быть на томъ именно мѣстѣ, а не одной только головѣ (на своемъ); и еслибы какой-нибудь членъ перемѣнивъ положеніе, оставилъ свое мѣсто и перешелъ на другое, то хотя повидимому занялъ бы лучшее мѣсто, но погубилъ бы и разстроилъ все; онъ потерялъ бы свое мѣсто и не достигнулъ бы чужаго“ (св. Злат.).

Ст. 19. 20. *Аще ли быша вси единъ удѣ, гдѣ тѣло? Нынѣ же мнози убо удова, едино же тѣло.*

„Изъ чего тѣ заключали о неравенствѣ чести, т.-е. что между ними было великое различіе, изъ того самаго онъ доказываетъ, что они имѣютъ равную честь. Смысль этихъ словъ слѣдующій: еслибы не было между вами великаго различія, то вы не были бы тѣломъ; не будучи тѣломъ, вы не были бы едино; а не будучи едино, вы не имѣли бы равной чести. Обратное: еслибы вы всѣ имѣли равную честь (безъ отношенія къ тѣлу), то не были бы тѣломъ; не будучи тѣломъ, вы не были бы едино; а не будучи едино, какъ вы имѣли бы равную

честь? Теперь же, такъ какъ вы имѣете не одно дарованіе, то и составляете тѣло; и будучи тѣломъ, вы всё составляете едино и ничѣмъ не различаетесь другъ отъ друга въ томъ отношеніи, что составляете тѣло. Слѣдовательно это именно различіе и производитъ равенство чести. Представляя себѣ это, оставимъ и мы всякую зависть; не будемъ ни завидовать тѣмъ, которые имѣютъ больше дарованій, ни презирать тѣхъ, которые имѣютъ меньше. Такъ угодно было Богу; не будемъ же роптать. Если же ты еще смущаешься, то подумай, что другой часто не въ состояніи исполнить твоего дѣла, и потому, хотя ты меньше его, но въ этомъ отношеніи превосходишь его; а онъ хотя и больше тебя, но въ этомъ отношеніи меньше, и такимъ образомъ вы равны. И въ тѣлѣ члены, повидимому маловажные, совершаютъ не маловажныя дѣйствія, но часто причиняютъ погибель и важнымъ, если будутъ отдѣлены отъ нихъ. Отними одинъ палецъ, и увидишь, что и прочіе будутъ менѣе дѣятельны и не такъ будутъ исполнять свое назначеніе“ (св. Злат.).

Ст. 21. *Не можетъ же око рещи руцѣ: не требъ ми еси; или паки глава ногама: не требъ ми есте.*

„Обличивъ зависть низшихъ и уничтоживъ скорбь ихъ, которую они могли имѣть отъ того, что другіе удостоились большихъ дарованій, Апостоль смиряетъ теперь гордость тѣхъ, которые получили больше. Онъ дѣлалъ это и прежде, когда бесѣдовалъ съ первыми, именно когда внушалъ, что дарованіе есть даръ, а не заслуга; но теперь дѣлаетъ тоже съ большею силою, продолжая тоже сравненіе. Отъ тѣла и его единства онъ приходитъ къ сравненію между собою самыхъ членовъ, что особенно нужно было знать Коринѣянамъ; ибо не столько могло утѣшить ихъ то, что всё они составляютъ одно тѣло, сколько убѣжденіе въ томъ,

что и при тѣхъ дарахъ, которые получены ими, они нисколько не унижены. И меньшее дарованіе также необходимо. Какъ безъ великаго былъ бы большой недостатокъ, такъ и безъ малаго нарушилась бы полнота Церкви. Не сказалъ: не речеть, но: *не можетъ рещи*; т.-е. хотя бы оно и захотѣло, хотя бы и сказало, однако это невозможно по самому существу дѣла. Береть онъ два крайніе члена и на нихъ останавливаетъ рѣчь свою, именно приводитъ въ примѣръ, во первыхъ, руку и глазъ, а во вторыхъ, голову и ногу. Въ самомъ дѣлѣ, что маловажнѣе ноги, или что почтеннѣе и необходимѣе головы? Голова собственно и составляетъ челоуѣка. Однако и она сама по себѣ недостаточна и не можетъ одна совершать всего; иначе намъ напрасно даны ноги“ (св. Злат.).

Ст. 22—24. *Но много паче, мянущіися уди тѣла немощнѣйши быти, нужнѣйши суть. И ихже мнимъ безчестнѣйшихъ быти тѣла, симъ честь множайшую прилагаемъ. И неблагообразніи наши благообразіе множайше имутъ; а благообразніи наши, не требъ имутъ.*

„Нѣкоторые думаютъ, что Павелъ называетъ здѣсь членами слабѣйшими и нужнѣйшими, менѣе благородными и пользующимися большимъ попеченіемъ глаза и ноги, именно подъ первыми глаза, такъ какъ они хотя слабѣе силою, но превосходнѣе по употребленію, а подъ вторыми ноги, о которыхъ между тѣмъ прилагается много попеченія. Хорошо сказалъ онъ: *мянущіися и ихже мнимъ*, выражая, что такое положеніе основывается не на существѣ вещей, а на мнѣніи людей. У насъ нѣтъ ничего безчестнаго, потому что все это дѣло Божіе. Богъ устроилъ такъ, что одни члены отъ природы ни въ чемъ не имѣютъ нужды, а другимъ должны мы доставлять то, чего не дано имъ отъ природы; и однако они отъ того не безчестны, подобно какъ жи-

вотныя, по природѣ своей, большею частію ни въ чемъ не имѣютъ нужды, ни въ одеждѣ, ни въ обуви, ни въ кровѣ, и однакоже наше тѣло не безчестнѣ ихъ тѣла потому, что имѣетъ нужду во всемъ этомъ. Подлинно, если разсмотрѣть внимательно, то увидимъ, что эти члены (мящіеся не такъ красивыми) и по природѣ своей почтенны и необходимы, на что намекаетъ и самъ Апостоль, произнося свое сужденіе о нихъ не на основаніи нашего вниманія и большаго о нихъ попеченія, но на основаніи самаго существа вещей; ибо называя ихъ слабыми и менѣе благородными, онъ говоритъ: *мящіиися быти*; а называя ихъ необходимыми, не прибавляетъ: мящіиися, но произноситъ собственное сужденіе и говоритъ, что они *нужнѣйшии суть*. Далѣе, дабы не было преувеличенія съ другой стороны, онъ говоритъ: *а благообразніи наши не треба имутъ*. Дабы кто не сказалъ: какъ, неужели члены благородные нужно оставлять въ пренебреженіи, а о менѣе благородныхъ заботиться? онъ говоритъ: мы дѣлаемъ это не изъ пренебреженія къ нимъ, но потому, что они не имѣютъ въ томъ нужды“ (св. Злат.).

Ст. 24. 25. *Но Богъ растворилъ тѣло, худѣйшему большу давъ честь,—да не будетъ рас_дм въ тѣлеси, но да тоже въ себѣ пекутся уди* (равно одинъ о другомъ).

Растворилъ—какъ вино съ водою растворяютъ. Берется во вниманіе мнимая худость и попеченіе. Чего недостаетъ въ мнимой добротности, то восполняется большимъ попеченіемъ, а гдѣ мнится болѣе добротности, тамъ соразмѣрно умалется и попеченіе. И вышли всѣ ровны. Св. Златоустъ говоритъ: „если Богъ растворилъ тѣло, то не оставилъ возможности различать въ немъ менѣе благородное; ибо растворенное дѣлается единымъ, такъ что уже не видно, чѣмъ оно было прежде; иначе о немъ нельзя было бы сказать, что оно растворено.“

И смотри, какъ онъ вездѣ только слегка упоминаетъ о недостаткахъ, выражаясь: *худѣйшему* (*устеробити*—умаленному въ чемъ либо). Не сказалъ: безчестному или постыдному, но *худѣйшему* (чего-нибудь противъ другаго неимущему). *Худѣйшему*, говоритъ, *давъ большую честь*, показывая, что Богъ съ пользою и даровалъ меньше и почтилъ больше. *Да не будетъ распри въ тѣлеси*. Подлинно было бы великое неравенство, еслибы одни члены и отъ природы и отъ насъ пользовались большимъ попеченіемъ, а другіе не имѣли бы этого ни съ той, ни съ другой стороны; тогда они распались бы, не имѣя возможности сохранить союзъ между собою; а еслибы одни отпали, то и прочіе потерпѣли бы вредъ. Видишь ли, какъ онъ доказалъ, что менѣе совершеннымъ членамъ необходимо было дать болѣе чести (т.-е. попеченія). Еслибы было не такъ, то погибли бы всѣ вообще. Но, можетъ быть, кто скажетъ: о тѣлѣ точно можно сказать, что менѣе совершенные члены получили болѣе чести; но какъ это можно видѣть между людьми? Между людьми еще болѣе можно видѣть это. Такъ, пришедшіе въ одиннадцатый часъ первые получили награду; для заблудшей овцы пастырь оставилъ девяносто девять другихъ, пошелъ за нею, и нашедши несъ, а не гналъ ее; блудный удостоился большаго попеченія, нежели ведшій себя честно; разбойникъ былъ увѣнчанъ и прославленъ прежде Апостоловъ. И такъ, зная это, высшіе не притѣсняйте низшихъ, дабы прежде нихъ вамъ самимъ не потерпѣть вреда; ибо если они отдѣлятся, то разрушится и все тѣло. Апостоль требуетъ не того только, чтобы мы не отдѣлялись другъ отъ друга, но чтобы самымъ тѣснымъ образомъ были соединены между собою. Ибо сказавъ: *да не будетъ распри въ тѣлеси*, онъ не удовольствовался этимъ, но прибавилъ: *да тоже въ себѣ некутся уди*. Богъ устро-

илъ такъ не только для того, чтобы члены не отдѣлялись другъ отъ друга, но и для того, чтобы между ними была великая любовь и согласіе. Ибо если каждый долженъ заботиться о спасеніи ближняго, то не говори мнѣ о высшихъ и низшихъ; здѣсь нѣтъ высшаго и низшаго. Не говори же, что такой-то членъ не важенъ, но помни, что онъ членъ того же тѣла, которое содержитъ въ себѣ все. Посему Апостоль и требуетъ одинаковаго о всѣхъ попеченія“ (св. Злат.).

Ст. 26. *И аще страждетъ единъ удѣ, съ нимъ страдаютъ вси уди; аще ли же славится единъ удѣ, съ нимъ радуются вси уди.*

„Для того, говорить, Богъ установилъ взаимное попеченіе другъ о другѣ, устроивъ единство въ такомъ разнообразіи, чтобы и все случающееся было общимъ для всѣхъ. Если отъ попеченія о ближнемъ зависитъ спасеніе всѣхъ, то необходимо и слава и скорбь дѣлаются общими для всѣхъ. Такимъ образомъ Апостоль предлагаетъ здѣсь три заповѣди: не раздѣляться, но быть въ тѣсномъ единеніи, имѣть равное попеченіе другъ о другѣ, считать все случающееся общимъ. Во всемъ случающемся какъ пріятномъ, такъ и непріятномъ, члены взаимно сочувствуютъ одинъ другому. Когда напр., въ пятую вонзится тернь, то все тѣло чувствуетъ боль и тревожится, спина сгибается, чрево и бедра сжимаются, руки, какъ оруженосцы и слуги, простираются впередъ и вынимаютъ занозу, голова наклоняется и глаза наблюдаютъ съ великимъ тщаніемъ. Опять: когда болятъ глаза, тогда и всѣ члены страдаютъ, всѣ впадаютъ въ бездѣйствіе, ноги не ходятъ, руки не дѣйствуютъ, чрево не принимаетъ обычной пищи, хотя болѣзнь въ глазахъ. Помня сіе, будемъ всѣ мы подражать взаимной любви тѣлесныхъ членовъ и не поступать противно тому. Увѣнчивается голова,—и весь человѣкъ

праславляется. Такъ бываетъ и въ Церкви: когда отличаются нѣкоторые, тогда все общество пріобрѣтаетъ добрую славу. Отличается ли кто даромъ краснорѣчія, тогда и враги хвалятъ не его только, но и всю Церковь. Не говорятъ: такой-то достоинъ удивленія, но что?—Христіане имѣютъ учителя достойнаго удивленія, и это сокровище дѣлаютъ общимъ. Такъ язычники соединяютъ, а ты раздѣляешь, враждуешь противъ собственнаго тѣла и возстаешь противъ собственныхъ членовъ?—Развѣ не знаешь, что чрезъ это низвергается все? *Царство*, говоритъ Господь, *раздѣльшиися на ся, не станеть* (Мѡ. 12, 25)“ (св. Злат.).

в).

Примѣненіе предыдущихъ разсужденій къ тому, что есть въ Церкви

(12, 27—31).

Ст. 27. *Вы же есте тѣло Христово, и уди отъ части.*

„Дабы кто не сказалъ: какое имѣетъ отношеніе къ намъ примѣръ тѣла? Оно устроено такъ по природѣ, а наши совершенства зависятъ отъ воли,—Апостоль прилагаетъ этотъ примѣръ къ нашимъ обстоятельствамъ и показываетъ, что мы по волѣ должны имѣть такое же согласіе, какое члены тѣла имѣютъ по природѣ: *вы же есте тѣло Христово*, говоритъ. Если въ нашемъ тѣлѣ не должно быть несогласія, то гораздо болѣе въ тѣлѣ Христовомъ, и тѣмъ болѣе, чѣмъ благодать сильнѣе природы“ (св. Злат.).

Всѣ вмѣстѣ вы тѣло Христово, а каждый отдѣльно членъ сего тѣла. Но собственно тѣло Христово есть „вся вселенская Церковь, а не одна Коринѣская. Присовокупляя: *отъ части*, онъ даетъ имъ разумѣть: ваша

церковь есть часть Церкви вселенской, сего таинственнаго тѣла Христова, составляемаго всѣми церквами: такъ что вы обязаны быть въ мирѣ не только другъ съ другомъ, но и со всею вселенскою Церковью, если вы въ самомъ дѣлѣ члены цѣлаго тѣла“ (св. Злат.).

Ст. 28. *И овыхъ убо положи Богъ въ Церкви первыя Апостоловъ, второе пророковъ, третіе учителей, потомъ же силы, также дарованія исцѣленій, заступленія, правленія, роди языковъ.*

Богъ положи. Устроители церквей и хранители порядковъ въ нихъ не сами по себѣ установились: они небеснаго происхожденія. Потому существующее въ церквахъ устроеніе должно принять съ полною покорностію, какъ непосредственное Божіе учрежденіе (Ѳеоф.). Говоря: *первыя, второе, третіе*, Апостоль ставитъ чины церковныя по ихъ достоинству.

Первыя Апостоловъ. „Превосходнѣйшій чинъ становится выше всѣхъ; ибо Апостолы имѣли въ себѣ всѣ дары“ (св. Злат.). „Они началовожди вѣры“ (Экум.). „Проводники всѣхъ духовныхъ благъ и сокровищъ“ (Ѳеоф.). „Разумѣть не двѣнадцать только, но и семьдесятъ, и другихъ, въ послѣдствіи сподобившихся сей благодати. Ибо и самъ будучи въ послѣдствіи призванъ, пріялъ сіе поставленіе, также Божеств. Варнава, а кромѣ ихъ и многіе другіе“ (Ѳеод.).

Второе пророковъ. „Разумѣть бывшихъ не прежде благодати, но подѣ благодатію. Изъ числа ихъ былъ Агавъ“ (Ѳеод.). „Пророчествовали и дочери Филиппа, и тѣ изъ Коринѣянъ, о которыхъ онъ говоритъ: *пророцы же два или три да сказуютъ* (—14, 29). Вообще тогда было гораздо больше пророковъ, нежели въ Ветхомъ Завѣтѣ; потому что этотъ даръ былъ ниспосылаемъ не на десять, двадцать, пятьдесятъ, или сто человѣкъ, но обильно изливалась эта благодать, и каждая

церковь имѣла много пророковъ. Если Христосъ говорить: *законъ и пророцы до Иоанна* (Мѡ. 11, 13), то говорить о тѣхъ пророкахъ, которые предвозвѣщали Его пришествіе“ (св. Злат.).

Третье учителей. „И они великую приносили пользу, и по справедливости полагаются тотчасъ за пророками“ (Экум.). „Вдохновенные Божественною благодатію, они предлагали ученіе Божественныхъ догматовъ, и дѣлали нравственныя наставленія“ (Ѳеод.). „Пророчествующій говорить все отъ Духа, а учащій говорить иногда и отъ собственнаго разума. Почему Апостоль и говорить: *прильжащии добръ пресвитеры сугубья чести да сподобляются; паче же труждающіися въ словъ и ученіи* (1 Тим. 5, 17). Кто говорить все отъ Духа, тотъ *не труждается*; посему Апостоль и поставилъ учителя послѣ пророка, такъ какъ дѣло послѣдняго есть всецѣло даръ, а перваго и трудъ человѣческій; учитель говоритъ много и отъ себя, хотя конечно, согласно съ Божественными Писаніями“ (св. Злат.).

Потомъ же силы, также дарованія исцѣленій.

Прежде указывалъ на лица, получившія дары, а теперь сталъ указывать только дары, — что никакой разности не производитъ въ ходѣ рѣчи: ибо и эти дары лицамъ же опредѣленнымъ были посылаемы. — „Видишь ли, какъ онъ опять отдѣляетъ даръ исцѣленій отъ силы, какъ сдѣлалъ и прежде? Это потому, что сила больше исцѣленія. Имѣющій силу и поражаетъ, и исцѣляетъ, а имѣющій даръ исцѣленій только исцѣляетъ“ (св. Злат.). Можетъ быть, *силы* означаютъ и даръ, обнаруживавшійся въ чрезвычайной власти надъ силами и стихіями природы. „Апостоль напередѣ сихъ даровъ поставилъ учительство не просто, но научая тѣмъ, что дарованія сіи ради ученія, а не оно ради ихъ; потому что ученіе споспѣшествовало спасенію. Поелику же не

принимали онаго безъ знаменій, то по необходимости для приходящихъ, какъ бы въ нѣкое поручительство, творили чудеса“ (Θεод.).

Заступленія, ἀντιλήψεις.—Заступаются за обижаемаго и терпящаго насиліе. Если взять пополюе это значеніе, и перебрать все, отъ чего терпѣть можетъ немощный человѣкъ, и вслѣдствіе того требовать заступленія; то подъ этимъ даромъ многое можно разумѣть. Терпятъ отъ неправдъ человѣческихъ, терпятъ отъ бѣдности и болѣзней, терпятъ насиліе и стуженіе отъ бѣсовъ. Соотвѣтственно сему даръ заступленій будетъ или даръ мужества и мудрости въ защищеніи притѣсняемыхъ предъ властями, или даръ попеченія о бѣдныхъ и больныхъ, или даръ власти надъ бѣсами. Что признать болѣе умѣстнымъ въ настоящемъ случаѣ? Наши толковники не дали этому слову строгаго опредѣленія; потому можно разумѣть все. Но ближе заступленіе отъ злыхъ людей и бѣсовъ.

Правленія, κωζερυσεις.—Даръ управленія частными церквами—пастырство. Θεодоритъ правленія и заступленія ставитъ вмѣстѣ и говоритъ: „симъ Апостоль изобразилъ домостроительство церквей.“ Θεοφιλαктъ говоритъ то же объ обоихъ вмѣстѣ: „*заступленія, правленія*, т.-е. чтобъ заступаться за немощныхъ и управлять, или устроить дѣла братій. Это хотя и отъ нашего усердія зависитъ, но Апостоль называетъ то дарами Божиими, научая быть и за нихъ благодарными Богу и къ Нему взирать, а не возноситься.“ Св. Златоустъ говоритъ: „Что такое *заступленія*? То, чтобы помогать слабымъ. Неужели и это есть даръ? Безъ сомнѣнія, помогать и распоряжаться духовными предметами (здѣсь св. Златоустъ говоритъ и слово: *правленія*) есть даръ Божій.— Впрочемъ Апостоль и многія изъ нашихъ добродѣтелей называетъ дарами не съ тѣмъ, чтобы мы

предавались безопасности, но дабы показать, что мы всегда имѣемъ нужду въ помощи Божіей, и дабы расположить къ благодарности, сдѣлать болѣе ревностными и возбудить души слушателей.“

Роди языковъ. „Дарованіе сіе поставилъ Апостоль на послѣднемъ мѣстѣ не просто, но потому, что Коринѳяне высоко о немъ думали и неумѣренно пользовались имъ напоказъ, а не по мѣрѣ нужды. Ибо поэтому Апостоль представилъ и порядокъ дарованій, и сказалъ, которое изъ нихъ есть первое, которое второе, и которое третье, чтобы прилагали попеченіе о болѣе нужномъ“ (Ѳеод.).

Ст. 29. 30. *Еда вси Апостоли? Еда вси пророци? Еда вси учителя? Еда вси силы? Еда вси дарованія имутъ исцѣлений? Еда вси языки глаголютъ? Еда вси скажутъ.*

„Симъ Апостоль снова утѣшилъ пріившихъ дарованія, по мнѣнію ихъ меньшія, и ясно научилъ, что невозможно всѣмъ имѣть одни и тѣ же дарованія, и что они имѣютъ нужду другъ въ другѣ, какъ члены тѣлесныя имѣютъ нужду во взаимномъ пособіи“ (Ѳеод.).

„Такъ какъ перечисленіемъ даровъ онъ опять показалъ великое между ними различіе и возбудилъ болѣзнь тѣхъ, которые получили меньшіе дары, то наконецъ, послѣ того какъ представилъ множество доказательствъ на то, что они не слишкомъ унижены, обращается къ нимъ съ весьма сильнымъ обличеніемъ и говоритъ: *еда вси Апостоли?* и проч. Не останавливается на одномъ или другомъ дарѣ, но исчисляетъ всѣ до послѣдняго, выражая или то, что всѣмъ нельзя имѣть всего, или вмѣстѣ съ тѣмъ присовокупляя къ слову утѣшенія еще нѣчто другое. Что же такое? То, что и меньшіе дары, подобно большимъ, равно должны составлять предметъ желаній, потому что и они даны не всѣмъ вообще. Для чего, говорить, ты скорбишь о томъ, что не имѣешь

дара исцѣленій? Помысли, что имѣющій большее часто не имѣеть того, что ты имѣешь, хотя бы это было меньшее. Какъ не всеѣмъ Богъ дароваль все великіе дары, но одному такой, а другому другой, такъ Онъ поступилъ и съ меньшими, даровавъ не всеѣмъ все. А сдѣлалъ Онъ это для того, чтобы внушить великое согласіе и любовь, дабы каждый, имѣя нужду въ ближнемъ, тѣснѣе соединялся съ нимъ. Тоже Онъ сдѣлалъ и въ художествахъ, и въ стихіяхъ, и въ растеніяхъ, и въ нашихъ членахъ, и во всеѣмъ вообще“ (св. Злат.).

Ст. 31. *Ревнуйте же дарованій большихъ; и еще по превосходенію путь вамъ показую.*

Этотъ текстъ стоитъ на переходѣ къ слѣдующему слову о любви. Сказавъ все о чрезвычайныхъ дарахъ благодатныхъ, проявившихся въ Церкви, и умиротворивъ всеѣхъ, смущавшихся полученіемъ меньшихъ сравнительно съ другими даровъ, Апостоль говоритъ какъ бы имъ: желаете лучшихъ даровъ? Ищите. Но я скажу вамъ, что дѣло жизни христіанской не въ дарахъ. Дары все могутъ прекратиться въ Церкви. Есть въ христіанствѣ нѣчто, что выше всеѣхъ даровъ. И вотъ это я вамъ хочу теперь показать.

По превосходенію путь, превосходнѣйшій путь, т.-е. путь жизни, духъ жизни о Христѣ Иисусѣ. Фотій у Экумения говоритъ: „показую вамъ путь, на коемъ, не имѣя нужды ни въ одномъ изъ показанныхъ дарованій, вы окажетесь однакожъ лучшими и совершеннѣйшими всеѣхъ. Что же это такое?—Нѣчто самое простое, безтрудное, наилегчайшимъ образомъ достигаемое, именно любовь. Стяжавшій чистую любовь, всеѣхъ сталъ выше, всеѣхъ превзошелъ. А у кого нѣтъ ея, тотъ низпалъ ниже всеѣхъ, и сверхъ того пусть есть (отъ всеѣхъ духовныхъ благъ).—Стяжавъ любовь, не будешь уже съ завистію малодушно взирать на высшія дарованія другихъ.“

Вотъ слова св. Златоуста. „Не сказалъ: ревнуйте дарованій выспихъ, но христтова, лучшихъ, т.-е. нужнѣйшихъ, полезнѣйшихъ. Не сказалъ: дарованіе, но *путь*, дабы болѣе возвысить то, о чемъ намѣревался говорить; не одинъ, не два, не три дара, говорить, я покажу вамъ, но одинъ путь, ведущій ко всёмъ имъ, и не просто путь, но путь превосходнѣйшій, открытый для всёхъ вообще. Это не то, что прочіе дары, изъ которыхъ одни даются тѣмъ, другіе другимъ, а не всё всёмъ, но есть даръ всеобщій.“

2).

О любви, какъ пути высшемъ

Гл. 13.

Сначала показываетъ Апостоль: а) превосходство любви надъ всёми дарами и подвигами (1—3); потомъ б) изображаетъ свѣтлый ликъ ея, указывая въ ней полноту добродѣтелей и отверженіе всёхъ страстей (4—7); наконецъ в) сказываетъ, что она непрестаема (8—13).

а).

Ст. 1. *Аще языки человѣческими глаголю и ангельскими, любве же не имамъ, быхъ яко мѣдь звенящи, или кимвалъ звяцаий.*

Любовь — внутренняя сила жизни. Погружаясь въ Богъ и Богомъ исполняясь, она и Божіе все и свое иждиваетъ на братій, въ которыхъ также живетъ не мыслію, а сердцемъ, все, ихъ касающееся, почитая касающимся себя. Это самораспятая жизнь, неистощимый источникъ всякаго добра. Говореніе на языкахъ совсѣмъ внѣшнее дѣло; и въ естественномъ порядкѣ имъ занята развѣ только память, а въ благодатномъ и того нѣтъ: ибо и ослица могла говорить, когда то

нужно было, и каменіе возопіють, говорить Господь, когда некому будетъ изрѣчь волю Божию. Говорящій безъ присутствія внутренней жизни точно есть мѣдъ звенящая, или кимвалъ звяцаѣй. Первымъ выражается однотонный звукъ, какъ ударъ по куску мѣди, или по мѣдной вещи, а вторымъ и перемѣны тоновъ, но безъ значенія. По-гречески—*ἀλαλαζον*,—далаचितъ, а ничего опредѣленнаго не сказываетъ.

„Апостоль, дѣлая сравненіе дарованій, первымъ изъ всѣхъ поставилъ дарованіе языковъ, потому что оно, по мнѣнію Коринѣянъ, было важнѣе другихъ. Важнѣйшимъ же почитали оно, потому что прежде всѣхъ другихъ дано Апостоламъ въ день Пятидесятницы при сошествіи Всесвятаго Духа. Онъ говоритъ: если узнаю всѣ человѣческіе языки, а сверхъ того и языки невидимыхъ Силь, но любви къ ближнему имѣть не буду, то ничѣмъ не отличусь отъ неодушевленныхъ орудій“ (Θеод.). „И смотри, съ чего начинается онъ: прежде всего съ того, что они почитали удивительнымъ и великимъ, т.-е., съ дара языковъ, и говоря объ этомъ дарѣ, представляетъ его не такимъ, какой они имѣли, но гораздо большимъ. Не сказалъ: *еще языки глаголю*, но: *еще языки человѣческими глаголю*. Что значитъ *человѣческими*? Языками всѣхъ народовъ вселенной. Не довольствуясь и этимъ увеличеніемъ, прибавляетъ еще другое, гораздо большее: *и ангельскими*, говоритъ. Видишь ли, какъ онъ возвысилъ этотъ даръ и какъ послѣ низвелъ и уничижилъ его? Не просто сказалъ: тогда я ничто, но: *быхъ яко мѣдъ звѣнящи*, нѣчто безчувственное и бездушное, издающее звукъ попусту, безъ цѣли и безъ всякой пользы, и не только пользы никому не приносящее, но для многихъ кажущееся безпокойнымъ, тягостнымъ и несноснымъ (*χοιζαλον*—означаетъ и трещетку)“ (св. Злат.).

Что за ангельскій языкъ? Блаж. Феодоритъ пишетъ о немъ: „Подъ ангельскими языками разумѣть не чувственные, но нѣкіе мысленные, на которыхъ пѣснословятъ Ангелы Бога всяческихъ и бесѣдуютъ между собою. Ибо Исаія слышалъ поющихъ, а Іезекиль, также Данииль, Захарія и Михей слышали ихъ бесѣдующихъ. Выразилъ же это бож. Апостоль преувеличенно, въ намѣреніи показать превосходство любви.“ Св. Златоустъ говоритъ: „Говоря о языкѣ ангельскомъ, Апостоль не приписываетъ Ангеламъ тѣла, но выражаетъ слѣдующее: хотя я буду говорить такъ, какъ обыкновенно бесѣдуютъ Ангелы между собою, безъ любви я ничто и даже тягостенъ и несносенъ. Подобнымъ образомъ и въ другомъ мѣстѣ, когда говоритъ: *поклонитя Ему всяко колѣно небесныхъ* (Фил. 2, 10), онъ не приписываетъ Ангеламъ колѣнъ и костей,—да не будетъ, но подобіемъ нашего поклоненія желаетъ выразить усердное поклоненіе Ангеловъ. Такъ и здѣсь говоритъ о языкѣ, означая не членъ тѣлесный, а извѣстнымъ нашимъ способомъ собесѣдованія выражая взаимное собесѣдованіе ихъ между собою.“

Ст. 2. *И аще имамъ пророчество, и вѣмъ тайны вся и весь разумъ, и аще имамъ всю вѣру, яко и горы престаивати, любви же не имамъ, ничтоже есмь.*

Эти дары внутреннѣе, и указываютъ на большую близость къ Богу. При всемъ томъ они не самой глубины естества нашего касаются, и несущественное сочетаніе съ Богомъ означаютъ. Пророчество—съ полнымъ вѣдѣніемъ таинъ Божіихъ въ устроеніи царства благодати и съ полнымъ познаніемъ устройства міра и всѣхъ тварей, въ началѣ ихъ, въ теченіи времени и въ цѣляхъ, къ чему все ведется,—и такое пророчество все-же въ головѣ имѣетъ свое сѣдалище, и когда нужно, Богъ можетъ преподать его уму, не соображаясь съ тѣмъ,

что происходитъ въ сердцѣ, также какъ заставить ослицу говорить. Слѣдовательно и при этомъ внутреннѣйшее можетъ быть чуждо Бога и ближнихъ, чуждо истинной жизни. Вѣра чудодѣйственная, горы представляющая, предполагаетъ великое предъ Богомъ дерзновеніе; но какъ дѣла ея совершаемыя суть внѣшнія, и не ея собственно, а Божіи, Богъ же по цѣлямъ промышленности можетъ дѣйствовать и чрезъ несовершенныя орудія, не ихъ имѣя въ виду, а другихъ, то и этотъ даръ можетъ обнаруживаться совершенно внѣшнимъ образомъ, не быть рѣшительнымъ удостовѣреніемъ о внутреннѣйшемъ единеніи съ Богомъ и съ братіями въ Богѣ. Обычнымъ порядкомъ духовной жизни ни такого пророчества, ни такой вѣры имѣть нельзя безъ совершенной чистоты и прискреннаго богообщенія; но Богъ, по цѣлямъ Своимъ, когда нужда належитъ, можетъ сообщить то и другое и такимъ лицамъ, которыя по внутреннему своему строю и не могли бы имѣть ихъ. Отсюда выходитъ, что дѣянія такого рода не суть удостовѣрители въ духовномъ истинномъ совершенствѣ, которое совмѣщается все въ любви, т.-е. можно и при нихъ быть безъ любви, и слѣдовательно быть ничѣмъ. Возможность такихъ явленій и Самъ Господь подтвердилъ, когда сказалъ: *мнози рекуть Мнѣ въ день онъ: Господи, Господи, не въ Твое ли имя пророчествовахомъ, и Твоимъ именемъ бѣсы изгонихомъ, и Твоимъ именемъ силы многи сотворихомъ? И тогда исповѣмъ имъ, яко николиже знахъ васъ: отзидите отъ Мене дѣлающіи беззаконіе* (Матѣ. 7, 22. 23). Я никогда не зналъ васъ, скажетъ, такъ какъ *вѣсть Господь сущая Своя*. Этимъ выразилъ Господь, что несмотря на такія знаменія, творившіе ихъ не были свои Ему, а не были свои Ему потому, что воли Его не творили, или что тоже, любви не имѣли. Такъ слово Апостола сходится со словомъ

Господа. Мысль Апостола не та, чтобы сказать, что такіе дары никогда не указываютъ на пріискреннюю близость къ Богу проявляющихъ ихъ, но та, что и при нихъ возможно отсутствіе такой близости, а безъ ней все ничто.

Св. Златоустъ такія мысли высказалъ на это мѣсто: „Апостолъ не останавливается на дарѣ языковъ, но указываетъ и на прочіе дары и, показавъ ничтожность ихъ безъ любви, потомъ уже начертываетъ *ея изображеніе*. А какъ онъ хотѣлъ постепенно усиливать рѣчь, то восходитъ отъ меньшаго къ большому; то, что поставилъ послѣднимъ при исчисленіи даровъ, т.-е. даръ языковъ, теперь поставляетъ на первомъ мѣстѣ, восходя, какъ я сказалъ, отъ меньшаго къ большому. Сказавъ о языкахъ, онъ тотчасъ переходитъ къ пророчеству, и это также представляетъ въ превосходной степени. Ибо какъ тамъ указалъ не на языки только, но на языки всѣхъ людей, и даже на языки Ангеловъ, и потомъ уже сказалъ, что этотъ даръ безъ любви ничто: такъ и здѣсь говоритъ не о пророчествѣ только, но о пророчествѣ самой высшей степени. Сказавъ: *аще имахъ пророчество*, присовокупляетъ: *и вѣмъ тайны вся и весь разумъ*, представляя и этотъ даръ въ превосходной степени.“

„Потомъ Апостолъ переходитъ и къ прочимъ дарамъ, и дабы не показаться тягостнымъ, исчисляя ихъ порознь, указываетъ на мать и источникъ всѣхъ ихъ, и опять въ превосходной степени: *и аще*, говоритъ, *имахъ ою вѣру*. Не довольствуясь этимъ, присовокупляетъ и то, что Христосъ призналъ великимъ: *яко и горы представляютъ, любви же не имахъ, ничтоже есмь*. Смотри, какъ онъ и здѣсь опять уничижаетъ даръ языковъ. Отъ пророчества показываетъ великую пользу, именно — знаніе таинъ и всякое разумніе, равно и отъ вѣры

немаловажное дѣло, именно—переставленіе горь: а о дарѣ языковъ только упомянулъ и болѣе не сказалъ о немъ ничего. Замѣтъ еще, какъ онъ въ краткихъ словахъ обнимаетъ всѣ дары, т.-е. въ пророчествѣ и вѣрѣ; это потому, что чудеса заключаются или въ словахъ или въ дѣлахъ. Вѣрѣ приписываетъ переставленіе горь, не потому, чтобы вся вѣра могла производить только это, а потому, что людямъ грубымъ это казалось великимъ по тяжести горь. Апостоль такимъ образомъ возвышаетъ предметъ, и смыслъ словъ его слѣдующій: если я имѣю всю вѣру, если даже могу переставлять горы, а любви не имѣю, то я ничто.“

Ст. 3. *И аще раздамъ вся имѣнія моя, и аще предамъ тѣло мое, во еже сжещи е, любви же не имамъ, никакая польза ми есть.*

Отъ даровъ переходитъ Апостоль къ самымъ высокимъ видамъ подвиговъ,—раздаянію имѣнія и преданію себя на сожженіе. Апостоль смотритъ на нихъ, какъ на дѣла, внѣшнимъ образомъ совершаемыя, при которыхъ внутреннее настроеніе можетъ и не соответствовать достоинству внѣшняго. Можно все раздавать безъ любви, и рѣшиться на смерть, тоже не имѣя любви. Если Богъ смотритъ на сердце и по нему цѣнитъ дѣла, цѣна же дѣлъ вся отъ любви, то можетъ статься, что и такого рода великія дѣла не будутъ предъ Богомъ имѣть никакой цѣны, т.-е. никакой не принесеть пользы. Не та мысль Апостола, чтобы сказать, что дѣла такія ничтожны, но та, что вся цѣна ихъ отъ любви; и не та также, чтобы можно было любить и не совершить такихъ дѣлъ, когда потребуется. У него одна мысль—представить чрезъ такія сопоставленія, что и всѣмъ дарамъ и всѣмъ подвигамъ цѣну даетъ одна любовь, и что коль скоро ея нѣтъ, все ни во что.

Св. Златоустъ говоритъ: „Какая усиленная рѣчь! И

здѣсь онъ представляетъ все въ превосходной степени. Не сказалъ: если я отдамъ бѣднымъ половину имѣнія, или двѣ, или три части, но: *вся имѣнія моя*. Не сказалъ: отдамъ, но *раздамъ*—φωρίζω (кормить кого своими руками), выражая кромѣ употребленія имущества самую усердную услужливость. Также не сказалъ: если я умру, но опять выражается усиленно, представляетъ самую жестокую смерть, т.-е. сгорѣть живому, и говорить, что и такая смерть безъ любви не важное дѣло. Но вся сила словъ Апостола откроется, когда я приведу свидѣтельство Христово о милостынѣ и смерти. Какое же свидѣтельство? Богатому Христосъ сказалъ: *аще хочещи совершенъ быти, иди, продаждь имѣнїе твое и даждь нищимъ: и имѣти имаша сокровище на небеси* (Мѡ. 19, 21); также бесѣдуя о любви къ ближнему, сказалъ: *болыи сея любви никтоже имать, да кто душу свою положитъ за други своя* (Іоан. 15, 13). Отсюда видно, что и въ очахъ Воинихъ такая любовь есть самая высокая. Но я утверждаю, говорить Павелъ, что если мы положимъ душу свою даже за Бога, и не просто положимъ, но и будемъ сожжены, то и тогда не будетъ намъ никакой пользы, если мы не любимъ ближняго. Нѣтъ ничего удивительнаго въ томъ, что дары безъ любви не приносятъ никакой пользы,—они даже ниже доброй жизни; потому что многіе обладавшіе дарами будутъ наказаны, какъ нечестивые, какъ напри- мѣръ, именемъ Христовымъ пророчествовавшіе, изгнавшіе бѣсовъ и производившіе многія чудеса, подобно Іудѣ предателю. Итакъ нисколько неудивительно, что дары имѣютъ нужду въ любви; но чтобы самая исправная жизнь ничего не значила безъ нея, это можетъ показаться преувеличеніемъ и ввести въ недоумѣніе, особенно когда Христосъ приписываетъ великое достоинство этимъ двумъ добродѣтелямъ, т.-е. нестяжатель-

ности и мученическимъ подвигамъ. Почему же говорить онъ такъ? Что сказать на это?

„Или то, что Павелъ предполагаетъ невозможное возможнымъ, какъ онъ обыкновенно дѣлаетъ, когда хочетъ сказать что-нибудь чрезвычайное; напримѣръ въ посланіи къ Галатамъ говоритъ: *еще мы, или Ангелъ съ небесе благовѣститъ вамъ паче, еже благовѣстихомъ вамъ, а навѣма да будетъ* (Галат. 1, 8). Ни онъ самъ, ни Ангелъ, конечно, не могли сдѣлать этого; но, дабы изобразить предметъ самымъ усиленнымъ образомъ, онъ предполагаетъ то, чего никогда не будетъ. Тоже самое онъ дѣлаетъ и здѣсь. Итакъ или это надобно сказать, или“... Но эту вторую мысль возьмемъ у Феодорита, который выражаетъ ее короче, согласно однакоже съ св. Златоустомъ. Онъ говоритъ: „Надлежитъ знать, что праведный Судія взираетъ не только на праведное дѣло, но и на цѣль сего дѣла. Многіе же весьма многое дѣлають ради славы человѣческой.“

Какъ можно не имѣя любви страдать, примѣръ этому представилъ нѣкто Саприкій, іерей Антиохійскій. Онъ былъ въ самыхъ дружескихъ отношеніяхъ къ одному мірянину Никифору. Потомъ они изъ-за чего-то разладили, и очень. Никифоръ впрочемъ скоро опомнился и искалъ примиренія, но безуспѣшно. Въ этомъ состояніи застало ихъ гоненіе въ царство Валеріаново. Саприкія взяли; онъ твердо стоялъ въ вѣрѣ и за это разнообразно мучень, а наконецъ осужденъ на отсѣченіе главы. Никифоръ, узнавъ о томъ, поспѣшилъ вслѣдъ его, и просилъ примиренія; но тотъ отказалъ ему въ этомъ. За то отступила отъ него благодать, и онъ отрекся отъ Христа Господа въ ту минуту, какъ ужъ совсѣмъ было преклонилъ голову подъ мечъ. Вотъ онъ страдалъ и на все готовъ былъ, а любви не имѣлъ; и никакой не получилъ пользы отъ страданій (см. Чет.-Мин. 9 февр.).

6).

Ст. 4—7. *Любы долготерпитъ, милосердствуетъ; любы не завидитъ; любы не превозносится, не гордится, не безчинствуетъ, не ищетъ своихъ си, не раздражается, не мыслитъ зла, не радуется о неправдѣ, радуется же о истинѣ; вся любитъ (покрываетъ), всему вѣру еяметъ, вся уповаетъ, вся терпитъ.*

„Доказавъ, что безъ любви нѣтъ большой пользы ни отъ вѣры, ни отъ знанія, ни отъ пророчества, ни отъ дара языковъ, ни даже отъ совершенной жизни и мученичества, Апостоль описываетъ, какъ и необходимо было, безпремѣрную красоту ея, украшая ея изображеніе, какъ-бы какими-нибудь красками, различными родами добродѣтели и тщательно соединяя всѣ его части. Посему, возлюбленный, будь внимателенъ къ сказанному и вникни въ каждое слово съ великимъ тщаніемъ, дабы видѣть и совершенство предмета, и искусство живописца. Смотри, съ чего онъ началъ и что поставилъ первую причинойъ всѣхъ благъ. Что же именно? Долготерпѣніе“ (св. Злат.).

Любы долготерпитъ. Благодушно сносить всѣ неприятности, оскорбленія и напраслины, не поддаваясь движеніямъ гнѣва или отщепенія. „Долготерпѣніе—корень всякаго любуудрія; посему и Премудрый говорить: *долготерпѣливъ мужъ мнѣгъ въ разумъ, малодушный же крѣпко безуменъ* (Притч. 14, 29); и далѣе, сравнивая эту добродѣтель съ крѣпкимъ городомъ, говорить, что она крѣпче его. Это несокрушимое оружіе, непоколебимый столбъ, легко отражающій всѣ нападенія. Какъ искра, упавшая въ море, не причиняетъ ему никакого вреда, но сама тотчасъ исчезаетъ, такъ все,

неожиданно непріятное, поражая долготерпѣливую душу, скоро исчезаетъ, а ея не возмущаетъ. Долготерпѣливый, какъ-бы пребывая въ пристани, наслаждается глубокимъ спокойствіемъ; причинишь ли ему вредъ, не подвинешь этого камня; нанесешь ли ему обиду, не потрясешь этого столпа; нанесешь ли ему удары, не сокрушишь этого адаманта; потому онъ и называется долготерпѣливымъ, μακροθυμος, что имѣетъ какъ-бы долгую и великую душу; ибо долгое называется и великимъ. Эта добродѣтель раждается отъ любви, и тѣмъ, которые имѣютъ и хорошо употребляютъ ее, доставляетъ великую пользу. Не говори мнѣ, что люди потерянные, дѣлая (долготерпѣливому) зло и не претерпѣвая за то зла, становятся хуже: это происходитъ не отъ долготерпѣнія, а отъ тѣхъ самыхъ, которые пользуются имъ не такъ, какъ должно. Посему не говори мнѣ о нихъ, а вспомни о людяхъ болѣе кроткихъ, которые получаютъ отъ того великую пользу; ибо, когда они, дѣлая зло, не претерпѣваютъ за то зла, то, удивляясь терпѣнію страждущаго, получаютъ самый лучший урокъ любомудрія“ (св. Злат.).

Милосердствуетъ χρηστευεται, благуствуетъ: отъ другихъ терпитъ непріятности, сама же не только никому не причиняетъ ничего скорбнаго, напротивъ, всѣ скорби другихъ считаетъ своими, и, входя въ сочувствіе ихъ скорби, всячески старается облегчить ихъ горе; она, какъ елей на раны, такъ есть на всякую нужду, скорби и немощь ближняго, — не успокоивается, пока не утѣшить, не поможетъ, не умиротворитъ; болѣзнуетъ о всѣхъ, паче же о нуждающихся и страждущихъ; даже тѣмъ самымъ, которые ей причиняютъ непріятности, старается вложить въ душу мирное расположение; „кротко поступаетъ съ пламенѣющими гнѣвомъ, чтобы укротить его и погасить и не только мужественнымъ тер-

пѣніемъ, но и угожденіемъ и увѣщаніемъ врачуетъ рану и исцѣляетъ язву гнѣва“ (св. Злат.).

Любы не завидитъ ни дарованіямъ, ни внѣшнему благосостоянію, ни отличіямъ, ни успѣху въ дѣлахъ, и никакому благу и преимуществу другаго предъ собою. Это противно ея природѣ, существо ея есть и желать и дѣлать другимъ одно добро, и притомъ всякое; потому не ищетъ того, чтобы самой быть счастливѣе другихъ, а чтобы всѣ были счастливы возможно полнымъ счастіемъ; къ благу подлежащему сама пропустить всѣхъ, чтобы всѣ вкусили его, не заботясь, достанется ли что на ея долю, лишь бы другимъ всѣмъ досталось.

Любы не превозносится, оу перпереветат. — не заносится. Заносчивый въ словахъ, сужденіяхъ, манерахъ, въ обращеніи, въ дѣлахъ, допускаетъ много неосмотрительнаго, потому что дѣйствуетъ съ плеча, въ увѣренности, что все отъ него исходящее прекрасно и должно въ другихъ оставлять одно изумленіе и похвалу; онъ паритъ, ни на чемъ не останавливаясь; оттого ничего полезнаго ни произвести, ни посовѣтовать не можетъ; во все вмѣшивается съ своимъ сужденіемъ и кромѣ смятенія ничего по себѣ не оставляетъ. Любовь такъ не паритъ; она дѣйствуетъ потихоньку, высматривая и удостовѣряясь, гдѣ, что, какъ можетъ сдѣлать полезнаго, и дѣлаетъ то, безъ шума и заявленій. Св. Златоустъ говоритъ: „*Любы не превозносится* (не заносится), т.-е. не поступаетъ легкомысленно. Она дѣлаетъ любящаго благоразумнымъ, степеннымъ и основательнымъ. Заносчивое легкомысліе свойственно людямъ, любящимъ плотскою любовію; а любящій любовію истинною совершенно свободенъ отъ этого; любовь, пребывая въ душѣ, какъ бы какой-нибудь искусный земледѣлецъ, не допускаетъ выростать на полѣ сердца ни одному

подобному злomu тернію.“ Тоже пишетъ и Θεодоритъ: „любящій ни въ чемъ не соглашается поступать опрометчиво.“ Экуменій: „ничего опрометчиво не дѣлаетъ: *περπερος ὑπὸ προπέτης*.“ Также мысль и у Θεοφιλάкта: „любовь не опрометчествуетъ, но дѣйствуетъ самоуглубленно и внимательно. *Πέρπερος*—парящій, *μετεορίζμενος*—легкій“—въ мысляхъ, словахъ и дѣлахъ.

Не гордится, ὡς φυσιοῦται,—не надымается отъ *φυσῶν*—дую, надуваю, напр. пузырь. Какими бы совершенствами любовь ни обладала, думаетъ, что ничего не имѣетъ сравнительно съ другими лучшаго, и сколько бы добра ни надѣлала въ своемъ кругу, совсѣмъ не думаетъ, чтобы что-либо сдѣлала. Какъ мать, ухаживающая за дѣтьми, сколько бы ни трудилась надъ ними, такъ себя имѣетъ, будто бы ничего не дѣлала, и дѣлая что, снова дѣлаетъ такъ, какъ будто начинала дѣлать въ первый разъ: такова и любовь. „Не думаетъ много она о своихъ добротяхъ“ (Экум.). „Не превозносится надъ братіями“ (Θεод.). „Но смиренномудрствуетъ, несмотря на то, что обладаетъ высокими совершенствами“ (Θεοф.). „Мы видимъ, что многіе гордятся самими своими добродѣтелями, т.-е., тѣмъ, что они не завистливы, не злы, не малодушны, не безразсудны (эти пороки соединены бывають не только съ богатствомъ и бѣдностію, но и съ самыми добрыми по природѣ качествами), а любовь совершенно очищаетъ все“ (св. Злат.).

Сводя подъ одинъ обзоръ всѣ сказанныя доселѣ качества, св. Златоустъ замѣчаетъ слѣдующее: „Замѣтъ: долготерпѣливый не всегда еще милосердъ; если же онъ не будетъ милосердъ, то его доброе качество становится порокомъ и можетъ обратиться въ памятозлобіе; но любовь, доставляя врачество, то-есть милосердіе, сохраняетъ сію добродѣтель чистою. Также

милосердый часто бываетъ легкомысленъ; но любовь исправляетъ и этотъ недостатокъ. Милосердый и долготерпѣливый часто бываютъ гордыми; но любовь истребляетъ и этотъ порокъ. Она съ одной стороны производитъ добродѣтели, съ другой уничтожаетъ пороки, или, лучше, не допускаетъ имъ зародиться. Не сказалъ Апостоль такъ напримѣръ: хотя у ней бываетъ зависть, но она побѣждаетъ зависть, или: хотя бываетъ гордость, но она укрощаетъ эту страсть; а говорить: *не завидитъ, не гордится*; и, что особенно удивительно, она безъ усилій дѣлаетъ добро, безъ борьбы и сопротивленія воздвигаетъ трофей. Ибо кто имѣетъ ее, того она не заставляетъ трудиться, чтобы достигнуть вѣнца, но безъ труда доставляетъ ему награду; потому что гдѣ нѣтъ страсти, противоборствующей добродѣтельному расположенію, тамъ какой можетъ быть трудъ?“

Замѣчательно послѣднее слово св. Златоуста о безтрудномъ и безпрепятственномъ со стороны страстей добродѣланіи. Любовь есть отрицаніе всѣхъ страстей и вселяется въ сердцѣ по изгнаніи ихъ. Сіе изгнаніе въ иныхъ прямо по обращеніи, въ моментъ возрожденія, совершается Духомъ Святымъ, изливающимъ въ тоже время въ сердце и совершенную любовь. Какъ теперь мы приходимъ въ сознаніе христіанскихъ обязанностей довольно спустя послѣ крещенія, тогда уже, какъ умерщвленные въ возрожденіи страсти успѣваютъ снова ожить и возстать съ силою; то намъ, прежде чѣмъ исполнится сердце полною любовію, предлежитъ еще бороться со страстями и побороть ихъ, чтобы безпрепятственно творить всякое добро. Благо любви для насъ чаемое благо. Св. Исаакъ Сиріанинъ любовь называетъ раемъ, который на островѣ среди моря. Туда еще плывемъ мы. И о, когда бы доплыть!

Не безчинствуетъ, — духъ ἀσχημονεί, — не мерзитъ, не

брезгуеть, не гнушается ничѣмъ, коль скоро того требуетъ благо ближняго; какъ бы что ни казалось уни-
зительнымъ въ глазахъ людей, она не останавливается
предъ тѣмъ, а съ охотою рѣшается на то, лишь бы
сдѣлать добро любимому. Такъ всѣ наши толковники!
 Θεодоритъ пишетъ: „не отказывается для пользы бра-
 тій сдѣлать что-либо и унижительное, не почитаетъ и
 такого дѣйствія для себя неблагоприличнымъ.“ Экуменій:
 „хотя приходится иногда перенести ей нѣчто срамное
 для любимаго, она не ставитъ того себѣ въ посрамле-
 ніе.“ Тоже и у Θεофилакта. Но вотъ пространное
 слово св. Златоуста: „Что я говорю, продолжаетъ
 Апостоль, что любовь не надымается? Она такъ далека
 отъ этой страсти, что и терпя крайнія бѣдствія за
 любимаго, не считаетъ того безчестіемъ для себя. Не
 сказалъ опять: хотя терпитъ безчестіе, но мужественно
 переноситъ его, а—даже несколько не чувствуетъ без-
 честія. Посмотримъ въ этомъ отношеніи на Христа,
 и увидимъ истину сказаннаго. Господь нашъ Іисусъ
 Христосъ подвергался оплеванію и бичеванію отъ
 жалкихъ рабовъ, и не только не считалъ этого безче-
 стіемъ, но еще радовался и вмѣнялъ въ славу; разбой-
 ника и челоуѣкоубійцу Онъ вмѣстѣ съ Собою прежде
 другихъ ввелъ въ рай, бесѣдовалъ съ блудницею, при-
 томъ въ присутствіи всѣхъ обвинителей Своихъ, и не
 считалъ этого постыднымъ, а даже позволилъ ей цѣло-
 вать Свои ноги, орошать слезами Свое тѣло и отирать
 волосами, и все это предъ глазами враговъ и против-
 никовъ; потому что любовь, *οὐκ ἀζηλοῦσεί*,—не гну-
 шается ничѣмъ. Посему и отцы, хотя бы они были
 мудрѣе и краснорѣчивѣе всѣхъ, не стыдятся лепетать
 вмѣстѣ съ дѣтми, и никто изъ взирающихъ на это не
 осуждаетъ ихъ, а напротивъ это кажется столь хоро-
 шимъ дѣломъ, что даже удостоивается похвалы.“

Не ищетъ своихъ си. „Сказавъ: не безчинствуетъ, онъ показываетъ и то, какимъ образомъ любовь не терпитъ безчестія. Какимъ же? *Она не ищетъ своихъ си.* Любимый составляетъ для нея все, и она вмѣняетъ себѣ въ безчестіе, когда не можетъ изъавить его отъ безчестія, такъ что если можно собственнымъ безчестіемъ помочь любимому, то не считаетъ и этого безчестіемъ для себя; любимый для любящаго есть тоже, что онъ самъ. Любовь такова, что любящій и любимый составляютъ уже не два отдѣльные лица, а одного человѣка, чего не можетъ сдѣлать ничто кромѣ любви. Посему не ищи своего, дабы тебѣ найти свое; ибо кто ищетъ своего, тотъ не находитъ своего. Потому и Павелъ говоритъ: *никтоже своего си да ищетъ, но еже ближняго кійждо* (1 Кор. 10, 24). Польза каждаго заключается въ пользѣ ближняго, а польза ближняго въ его пользѣ. Богъ такъ устроилъ для того, чтобы мы были привязаны другъ къ другу“ (св. Злат.).

Не раздражается,—*ὄχι παροξύνεται,*—не огорчается. Встрѣчая что-либо непріятное отъ того самаго, которому усиливается сдѣлать добро, не огорчается тѣмъ; или не огорчается неуспѣшностію трудовъ своихъ во благо чье-либо, и не перестаетъ искать способовъ къ тому, чтобы достигнуть своей въ семъ отношеніи цѣли; или такъ, какъ Теодоритъ пишетъ: „если и прискорбное что встрѣчаетъ отъ кого-либо, переноситъ великодушно по горячности любви, какую имѣетъ въ себѣ.“ Также говоритъ и св. Златоустъ: „смотри опять, какъ она не только истребляетъ пороки, но даже не дозволяетъ имъ получить начало. Ибо не сказалъ: хотя раздражается, но преодолеваетъ раздраженіе, а: *не раздражается.*“ Не допускаетъ и зародиться огорченію.

Не мыслитъ зла,—*ὄχι λογίζεται τὸ κακόν,*—не беретъ въ счетъ зла, и даже совѣзмъ не думаетъ, чтобы въ

дѣйствіяхъ другаго было зло, не видитъ во злѣ зла; другіе видятъ, а она не видитъ; для любящаго всѣхъ всѣ кажутся добрыми, и какъ онъ ничего не замышляетъ для другихъ кромѣ добра, такъ и въ дѣйствіяхъ другихъ въ отношеніи къ себѣ не подозреваетъ никогда ничего злаго. Такъ Теодоритъ: „извиняетъ погрѣшительные поступки, предполагая, что то сдѣлано не съ худымъ намѣреніемъ.“ Другая мысль: не замышляетъ зла въ отмщеніе, будетъ прямымъ слѣдствіемъ предудущей, и можетъ быть видима здѣсь, но въ связи съ тою (Феофилактъ). Св. Златоустъ разумѣетъ не замышленіе зла, помимо обидъ полученныхъ, а такъ: „не только не дѣлаетъ, но даже и не замышляетъ ничего худаго противъ любимаго. И дѣйствительно, какъ она будетъ дѣлать зло, когда не допускаетъ даже худой мысли? А здѣсь и есть источникъ любви.“

Ст. 6. *Не радуется о неправдѣ, радуется же о истинѣ.*

Неправда и истина здѣсь опредѣляютъ себя взаимно. Какъ поймешь неправду, такъ по противоположности долженъ понимать истину, и обратно. Толковники такъ разнообразно понимаютъ сіи слова, что собравъ все во едино, приходится подъ неправдою разумѣть всякое зло, а подъ истинною всякое добро. Св. Златоустъ говорить: „не радуется, когда другіе страдаютъ какиибудь зломъ (нравственнымъ); радуется же о тѣхъ, которые благоустроены въ жизни. Или здѣсь тоже самое содержится, что говорится въ другомъ мѣстѣ: *радоватися съ радующимися и плакати съ плачущими* (Римл. 12, 15). Потому она и не завидуетъ, потому и не гордится: блага другихъ она признаетъ своими. Видишь ли, какъ любовь дѣлаетъ питомца своего почти Ангеломъ? Ибо если онъ не имѣетъ гнѣва, чуждъ зависти и чистъ отъ всякой пагубной страсти, то оче-

видно, что онъ уже выше природы человѣческой и достигнулъ безстрастія Ангеловъ.“ Θεодоритъ пишетъ сообразно съ этимъ: „ненавидитъ противозаконное, веселится о томъ, что хорошо.“ Θεофилактъ нѣсколько отлично: „не радуется, когда кого онеправдываютъ, обижаютъ и причиняютъ ему зло; сорадуется же людямъ благоустроеннымъ, тогда, какъ истина благоспѣется, считая то славою для себя.“

Ст. 7. *Вся любитъ*, — *ἀγάπη*, — покрываетъ. Св. Златоустъ говорить: „Любовь *вся покрываетъ*, по своему долготерпѣнью и кротости, что бы ни случилось прискорбное и тяжкое, хотя бы то были обиды, хотя бы побои, хотя бы смерть, или что-нибудь другое подобное. Это можно видѣть изъ примѣра блаженнаго Давида. Что можетъ быть тяжелѣе, какъ видѣть сына, возмущагося, ищущаго власти и жаждущаго крови своего отца? Но блаженный Давидъ перенесъ и это; онъ не хотѣлъ даже произнести укоризненнаго слова противъ убійцы, а предоставивъ все прочее военачальникамъ, повелѣлъ сохранить его жизнь; такъ крѣпко было у него основаніе любви! Посему и говорить Апостолъ: *вся покрываетъ*. Этими словами онъ выражаетъ силу любви.“ Θεодоритъ пишетъ: „по любви терпитъ и прискорбное.“ Можно и такъ: *ἀγαπή* — кровля. Отсюда мысль: любовь служитъ покровомъ для всѣхъ, всѣ прибѣгаютъ къ ней и въ ней находятъ себѣ защиту и прикрытіе отъ всѣхъ невзгодъ. Кровь даетъ мысль и о прикрытіи: отсюда любовь покрываетъ грѣхи, немощи, недостатки и слабости другихъ; не только не разглашаетъ, но покрываетъ все то добрымъ словомъ.

Всему въру емаетъ. „Любимаго почитаетъ неживымъ“ (Θεод.). „Вѣритъ всему, что ни скажетъ любимый; и не только сама не говоритъ ничего съ хитрымъ лукав-

ствомъ, но не подозрѣваетъ даже, чтобы другой кто говорилъ такъ“ (Феоф.).

Вся уповаеъ. Дѣлая добро и встрѣчая неуспѣхъ, не останавливается, но изобрѣтаетъ новые способы, и если эти не приводятъ къ цѣли, берется еще за другіе, и такъ далѣе, воодушевляясь надеждою, что Богъ благословитъ наконецъ этотъ трудъ любви успѣхомъ. Теодоритъ пишетъ: „если видить любимаго склоннымъ къ худому, ожидаетъ въ немъ перемѣны на лучшее.“ Сама же не сложа руки сидитъ, но употребляетъ съ своей стороны всѣ зависящія средства къ его исправленію, и употребляя ихъ, „не отчаявается, но уповаеъ, что онъ наконецъ возвратится на лучшее“ (Феоф.).

Вся терпитъ: всѣ труды, необходимые въ добродѣланіи, поднимаетъ охотно, мужественно преодолеваетъ препятствія, благодушно переноситъ непріятности, и все, что ни встрѣтится на пути добра, терпитъ, имѣя одну цѣль—дѣлать добро любимому, т.-е. всякому человѣку; терпитъ и самую безуспѣшность въ добрѣ. „Если случится, что любимый не поддается ея заботамъ и остается на своемъ недобромъ пути, благодушно терпитъ его паденія“ (Феоф.). „И что бы ни было въ любимомъ, или со стороны его, ничто не можетъ отторгнуть любящаго отъ любви къ нему“ (Феоф.).

Св. Златоустъ всѣ сіи три: „уповаеъ, вѣритъ, терпитъ,“ соединяетъ въ одну рѣчь и говоритъ: „не отчаяваясь, ожидаетъ отъ любимаго человѣка всего добраго и, хотя бы онъ былъ худъ, не перестаетъ исправлять его, пецись и заботиться о немъ, и не просто надѣется, но съ увѣренностію, потому что сильно любить; и хотя бы сверхъ чаянія не происходило добра, и даже любимый становился бы еще хуже, она переноситъ и это.“

Ст. 8. *Любы николиже отпадаетъ.* „Божественный

Павель, изобразивъ вышесказанныя свойства любви въ чертахъ частныхъ и примѣтивъ, что языкъ его недостаточенъ къ тому, чтобы восхвалить любовь, вкратцѣ присовокупляетъ: *любы николиже отпадаетъ*, т.-е. не уклоняется, но всегда остается постоянною, неподвижною, пребывающею вѣчно. Ибо сіе даетъ видѣть Апостоль въ присовокупляемыхъ за симъ словахъ“ (Феод.). „Видишь ли, чѣмъ онъ завершилъ изображеніе, и что особенно превосходно въ этомъ дарѣ? То, что она николиже отпадаетъ, т.-е. не прекращается, не ослабѣваетъ отъ того, что терпитъ, потому что любить все. Кто любить, тотъ никогда не можетъ ненавидѣть, что бы ни случилось: въ этомъ величайшее достоинство любви. Таковъ былъ и самъ Павель. Сколько зла дѣлали ему Іудеи! Но это не только не охладило его любви, но еще болѣе возвысило ее до того, что онъ молился отлученнымъ быть отъ Христа по братіи своей (Римл. 9, 3)“ (св. Злат.); „или: не престааетъ въ этой жизни, перейдетъ въ вѣкъ будущій и тамъ пребудетъ, хоть все прочее упряднится“ (Феоф.).

в).

„Доказавъ превосходство любви тѣмъ, что въ ней имѣютъ нужду и дарованія, и добрыя дѣла, исчисливъ всѣ ея совершенства и показавъ, что она есть основаніе истиннаго любу мудрїа, Апостоль еще съ иной, третьей, стороны показываетъ ея достоинство“ (св. Злат.).

Ст. 8. *Аще же пророчества упряднятся, аще ли языцы умолкнутъ, аще разумъ испряднится.*

Это надо читать въ связи съ *николиже отпадаетъ*. Пусть это все случится, а любовь не упадетъ. На какое время указываетъ здѣсь Апостоль? Языки умолкли, но даръ пророчества еще дѣйствуетъ въ Церкви и еще очевиднѣе разумъ. И нѣтъ основанія предполагать,

чтобы не было такъ до скончанія вѣка. Потому надо полагать, что Апостоль разумѣетъ здѣсь вѣкъ будущій. „Будущій вѣкъ не имѣетъ въ себѣ (въ сихъ дарахъ) нужды: излишне пророчество, когда самыя вещи на лицо; и знаніе языковъ бесполезно по уничтоженіи ихъ различія; прекратится и меньшее вѣдѣніе, когда будетъ преподано большее“ (Феод.). „Если пророчества и языки были ниспосланы для вѣры, то съ распространеніемъ ея повсюду употребленіе ихъ уже излишне. Но любовь другъ къ другу не прекратится, а еще болѣе будетъ возрастать и здѣсь, и въ будущемъ вѣкѣ, и тогда еще болѣе, нежели теперъ. Здѣсь многое ослабляетъ любовь,—деньги, житейскія дѣла, тѣлесныя страсти, душевныя болѣзни; а тамъ не будетъ ничего такого. Впрочемъ въ томъ, что упразднятся пророчества и языки, нѣтъ ничего удивительнаго; а что упразднится знаніе, это кажется страннымъ. Какъ? Неужели мы тогда будемъ жить въ невѣдѣніи? Нѣтъ; тогда-то въ особенности и должно увеличиться знаніе, какъ и онъ сказалъ: *тогда познаю, якоже и познанъ быхъ* (—ст. 12). Посему дабы ты не подумалъ, что и оно упразднится подобно пророчествамъ и языкамъ, онъ послѣ словъ: *аще разумъ испразднится*, не остановился, но показалъ и способъ упраздненія, тотчасъ присовокупивъ“ (св. Злат.):

Ст. 9. 10. *Отчасти бо разумываемъ, и отчасти пророчествуемъ. Егда же придетъ совершенное, тогда, еже отчасти, упразднится.*

„Слѣдовательно упразднится не знаніе, а неполнота знанія; потому что мы будемъ знать не только это, но и гораздо большее. Такъ, поясню это примѣромъ, теперъ мы знаемъ, что Богъ есть вездѣ, но какъ — не знаемъ, знаемъ, что Онъ сотворилъ все существующее изъ ничего, а какимъ образомъ — не знаемъ; знаемъ,

что Онъ родился отъ Дѣвы, а какъ—не знаемъ. Тогда же узнаемъ это болѣе и яснѣе“ (св. Злат.).

Ст. 11. *Егда быхъ младенецъ, яко младенецъ глаголахъ, яко младенецъ мудрствовахъ, яко младенецъ смышляхъ; егда же быхъ мужъ, отвергохъ младенческую.*

„Сказавъ, что когда придетъ совершенное знаніе, тогда знаніе отчасти престанетъ, теперъ въ поясненіе этого приводитъ примѣръ, которымъ вмѣстѣ показывается и то, коль велико разстояніе нынѣшняго знанія отъ тогдашняго. Нынѣ мы, по познанію подобны младенцамъ, а тогда станемъ мужами. *Яко младенецъ глаголахъ*, это сказалъ намекая на даръ языковъ; *яко младенецъ мудрствовахъ*, намекая на даръ пророчества; *яко младенецъ смышляхъ*—на даръ знанія. Словами же: *егда быхъ мужъ, отвергохъ младенческую*, даетъ разумѣть, что въ будущемъ вѣкѣ будемъ имѣть знаніе столь же совершеннѣйшее предъ нынѣшнимъ, сколько совершеннѣе знаніе мужа предъ знаніемъ младенца; тогда упразднится это, младенческому подобное знаніе, которое мы имѣемъ теперъ“ (Феоф.). „Ибо по достиженіи совершеннаго возраста украшающіеся смѣтливостію и блаторазуміемъ не имѣютъ нужды въ отроческомъ знаніи. Итакъ Апостолъ въ настоящей жизни данное намъ знаніе уподобилъ знанію дѣтей, ожидаемое же въ жизни будущей—знанію совершенныхъ мужей, научая опять этимъ не высоко думать о своемъ знаніи тѣхъ, которые разсѣкали церковь изъ-за знанія“ (Феод.). Когда говоритъ: *отвергохъ*, то внушаетъ, что изъ теперѣшнихъ возрѣній и самыхъ премудрыхъ едвали что останется въ будущемъ вѣкѣ. И земля, и небо будутъ новы; новы условія существованія и взаимныхъ отношеній. Все явится въ другомъ видѣ, въ другомъ смыслѣ и понимается. Имѣющее быть въ будущемъ вѣкѣ предсказывается намъ посредствомъ уподобленій. Какъ

уподобленія берутся изъ вещей сего вѣка, а онъ пре-
станеть; то такія уподобленія ничего въ настоящемъ
видѣ и не даютъ разумѣть, а только гаданія возбужда-
ютъ. Это вслѣдъ за симъ и говорить Апостоль.

Ст. 12. *Видимъ убо нынѣ якоже зеркаломъ въ гаданіи,
тогда же лицемъ къ лицу; нынѣ разумно отчасти, тогда
же познаю, якоже и познанъ быхъ.*

„Тоже объясняетъ Апостоль и другимъ примѣромъ:
видимъ, говоритъ, *нынѣ якоже зеркаломъ*. Но такъ какъ
зерцало представляетъ видимый предметъ довольно ясно,
то онъ присовокупляетъ (якоже, а потомъ): *въ гаданіи*,
дабы показать, что настоящее знаніе въ высшей сте-
пени неполно“ (св. Злат.). „Настоящее есть тѣнь бу-
дущаго; ибо во святомъ крещеніи усматриваемъ образъ
воскресенія, а тогда увидимъ самое воскресеніе. Здѣсь
видимъ вмѣсто-образная Владычняго тѣла, а тамъ уз-
римъ самого Владыку. Сіе значать слова: *лицемъ къ
лицу*. Увидимъ же не невидимое Его естество, для всѣхъ
незримое, но воспринятое Имъ отъ насъ“ (Феод.). „*Ли-
цемъ къ лицу*, сказалъ Апостоль, не потому, будто Богъ
имѣетъ лице, но чтобы выразить яснѣе и удобопонят-
нѣе (совершенство тогдашняго знанія предъ нынѣш-
нимъ). Видишь ли какъ возрастутъ всѣ наши познанія?“
(св. Злат.).

Богъ всегда сокровененъ есть и пребудеть; не зрять
Его непосредственно и самыя высшія существа, а только
въ проявленіяхъ Его славы. Большаго и совершеннѣй-
шаго лицезрѣнія Божія не будетъ, какъ то, котораго
удостоятся вѣрующіе въ лицѣ Господа Иисуса Христа.
Въ этомъ неизреченная къ намъ милость Божія. Онъ
всячески хочеть, чтобы мы узрѣли Его, но какъ пря-
мо этому быть нельзя, то Онъ благоволилъ воплощену
быть Единородному Сыну Божію, чтобы достойные могли
зрѣть Бога въ очахъ Его. Въ очахъ нашихъ душа ду-

шу видить и душа съ душою соединяется. Опытъ имѣемъ въ тѣхъ, кои полюбили другъ друга. Они чувствуютъ, что чрезъ глаза душа будто переливается въ душу. Такъ вѣрующіе чрезъ очи Господа будутъ ближе общиться съ сокровеннымъ Божествомъ. И въ этомъ все ихъ блаженство.

Нынѣ и изъ того, что уже имѣемъ, многое сокровенно, можетъ быть и потому, что многое здѣсь является только въ начаткахъ, тогда же явится, какъ есть. Кто можетъ сказать, въ чемъ обновленіе нашего естества? Но оно есть и есть въ дѣйствіи, идетъ къ концу, зрѣетъ, явится же въ будущемъ вѣкѣ. Почему св. Іоаннъ Божесловъ говоритъ: вотъ мы чада; но *не у явися что будемъ* (1 Іоан. 3, 2). Нынѣшнее наше знаніе относительно будущаго похоже на ветхозавѣтное относительно настоящаго. Такъ понимаетъ это св. Златоустъ. „Дабы хотя немного объяснить тебѣ это различіе и ввести въ душу твою хотя нѣкоторый лучъ разумнѣя этого предмета, припомни теперь, когда возсіяла благодать, о временахъ подзаконныхъ. До благодати тогдашнее казалось чѣмъ-то великимъ и удивительнымъ, но послѣ благодати оно стало невелико. Но дабы сказанное мною сдѣлалось болѣе яснымъ, возьмемъ какое-нибудь одно изъ тогдашнихъ священнодѣйствій, и ты увидишь различіе. Представимъ, если хочешь, пасху ветхозавѣтную и новозавѣтную, и ты поймешь преимущество (послѣдней надъ первою). Іудеи совершали ее, но совершали какъ бы въ зеркалѣ и гаданіи; неизреченныхъ же тайнъ они даже и на умѣ никогда не имѣли, и не знали, что прообразовали ихъ дѣйствія; они видѣли закланнаго агнца, кровь безсловеснаго и помазаннаго ею двери; а что воплотившійся Сынъ Божій будетъ закланъ, избавить всю вселенную, дать въ снѣдь Грекамъ и варварамъ Кровь Свою, отверзеть

для всѣхъ небо, предложить тамошнія блага человѣческому роду, вознесеть окровавленную плоть выше неба и неба небесъ и вообще выше всѣхъ горнихъ воинствъ, Ангеловъ, Архангеловъ и прочихъ Силъ и посадить ее на самомъ царскомъ престолѣ одесную Отца въ сіяніи неизреченной славы, этого никто изъ нихъ тогда и не могъ представить въ умѣ своемъ.“

Что значать слова: *тогда же познаю, якоже и познаю быхъ?* И этимъ тоже объясняется высшая мѣра будущаго вѣдѣнія сравнительно съ настоящимъ. Тогдашнее *познаю, якоже познаю быхъ* замѣнитъ нынѣшнее: *разумлю отчасти*. Слѣдовательно *якоже познаю быхъ* объясняетъ мѣру тогдашняго знанія. Ибо это уже совершившееся дѣло. Въ чемъ же оно?—Что за смыслъ въ словахъ: *якоже познаю быхъ?* Св. Златоустъ говоритъ: „какъ Онъ Самъ напередъ позналъ меня и Самъ снишелъ ко мнѣ, такъ и я достигну до Него тогда гораздо больше, нежели теперъ. Сидящій во мракѣ, прежде нежели увидитъ солнце, не самъ приходитъ къ прекраснымъ лучамъ его, но они являютъ ему себя, когда засіяютъ; а когда онъ приметъ сіяніе ихъ, тогда уже и самъ стремится къ свѣту. Такой же смыслъ въ словахъ: *якоже и познаю быхъ*, не тотъ, будто мы познаемъ Его такъ, какъ Онъ насъ, но какъ Онъ Самъ снишелъ къ намъ нынѣ, такъ и мы достигнемъ до Него тогда, узнаемъ многое такое, что нынѣ сокровенно, и сподобимся блаженнѣйшей бесѣды и премудрости.“

Феодоритъ же понимаетъ это такъ: „Не то говоритъ Апостоль, что познаю Его, какъ самъ Имъ познанъ; но, что опредѣленнѣе узрю Его, какъ содѣлавшійся Ему своимъ. Ибо слово: *познаю* употребилъ Апостоль вмѣсто слова: *присвоенъ*. Такъ и Моусею сказалъ Господь: *вѣкъ ты паче всѣхъ* (Исх. 33, 17), и Апостоль говоритъ: *позна Господь сущая Своя* (2 Тим. 2, 19),

т.-е. удостоиваетъ ихъ большаго промышленія.“ Не разъ употребилъ Апостоль сiе слово,—и все оно темно-вато. Вѣрно и это принадлежитъ къ предметамъ, кои тогда познаны будутъ въ совершенной ясности.

Ст. 13. *Нынѣ же пребываютъ вѣра, надежда, любви, три сiя; больши же силъ—любви.*

Св. Златоустъ говоритъ: „здѣсь новая похвала любви. Не довольствуясь прежде сказаннымъ, Апостоль старается найти въ ней еще нѣчто иное. Смотри: онъ сказалъ, что любовь есть великій даръ и путь къ дарамъ превосходнѣйшій; сказалъ, что безъ нея дарованія не приносятъ большой пользы; написалъ ея изображеніе обильными чертами, а теперь хочетъ наипаче возвысить ее и показать величіе ея тѣмъ, что она не прекращается. *Нынѣ же, говоритъ, пребываютъ вѣра, надежда, любви, три сiя: больши же силъ — любви.* Почему же любовь больше? Потому что тѣ переходятъ. Вѣра и надежда прекращаются,—когда являются блага, составляющія предметъ вѣры и надежды.“ Тоже пишетъ и Θεодоритъ: „Въ будущей жизни излишня вѣра, когда явными содѣлаются самыя вещи. Если *вѣри есть уповаемыхъ извѣщеніе* (Евр. 11, 1), то, по явленіи самыхъ вещей, нѣтъ уже потребности въ вѣрѣ. Также излишня тамъ и надежда. Ибо *упованіе видимое нѣсть упованіе: еже бо видитъ кто, что и уповаетъ* (Римл. 8, 24)? Но любовь тамъ паче имѣетъ силу, когда упокоятся страсти, тѣла содѣлаются нетлѣнными, а души не будутъ избирать нынѣ то, а завтра другое.“

Θеофилактъ сопоставляетъ сiи добродѣтели съ дарамы благодатными и говоритъ: „есть теперь пока и пророчества, и языки, потому что они необходимы для утвержденія вѣры. Но когда вѣра распространится всюду и утвердится, тогда дары тѣ прекратятся, а пребудутъ: вѣра, надежда и любовь, пребудутъ до скон-

чанія вѣка. По скончаніи же вѣка, вѣра и надежда престануть, а любовь перейдетъ и въ будущій вѣкъ.“

Новые толковники полагаютъ, что Апостолъ о всѣхъ трехъ добродѣтеляхъ говоритъ, что онѣ не только въ этомъ вѣкѣ переживутъ всѣ дары, но и въ будущій вѣкъ перейдутъ тоже всѣ три: будутъ тамъ свои предметы и для вѣры, и для надежды, а не для одной любви. Тогда увидимъ; а дотолѣ будемъ держаться святоотеческаго толкованія, по которому вѣра теперешняя перейдетъ въ созерпаніе вѣруемаго, а надежда — въ обладаніе уповаемымъ, любовь же пребудетъ любовью, какъ есть. Если вѣра и надежда получаютъ другіе предметы, то хоть и будутъ онѣ, но не тѣ, кои здѣсь оживляютъ насъ и воодушевляютъ. Нечего слѣдовательно и мудрить.

3).

Объ употребленіи дара пророчества и языковъ

гл. 14.

Цѣль Апостола въ этой главѣ—расположить Коринѣянъ и искать и въ собраніяхъ употреблять болѣе даръ пророчества, нежели даръ языковъ. Съ этою цѣлю а) сначала убѣждаетъ ихъ въ преимуществѣ дара пророчества предъ даромъ языковъ (14, 1—25), потомъ б) пишетъ правила объ употребленіи того и другаго въ Церкви (26—38), наконецъ в) ставитъ краткое заключеніе всего разсужденія о сихъ дарахъ (39, 40).

а).

Превосходство дара пророчества предъ даромъ языковъ

14, 1—25.

Ходъ мыслей здѣсь такой: аа) пророчествуя боліе есть, нежели глаголая языки, потому что тотъ церковь назидаетъ, а этотъ только себя, 1—5.

бб) Но если такъ станемъ дѣйствовать, что будемъ только себя созидать, то какъ устроится спасеніе міра? Вотъ я Апостоль, еслибъ пришедши къ вамъ началъ говорить на непонятномъ вамъ языкѣ, кто бы увѣровалъ? Это тоже было бы, какъ еслибъ военачальникъ давалъ трубою знакъ, котораго изъ воиновъ никто не понимаетъ. Воины не двинулись бы съ мѣста. Такъ и я никого бы изъ васъ не обратилъ (6—11).

вв) Такъ и вы ищите даровъ, полезныхъ Церкви, разумѣю—даръ пророчества. Если уже кто имѣетъ даръ языковъ, то пусть молится, чтобъ ему даровано было и сказаніе языковъ. Тогда моляся духомъ, онъ станетъ потомъ молиться и умомъ внятно для другихъ, оттого и духъ его и умъ съ плодомъ будутъ (12—19).

гг) А безъ этого употреблять даръ языковъ въ Церкви, когда его никто не понимаетъ, есть младенчество, дѣйствующее безъ цѣли (ст. 20); есть дѣйствованіе, безъ соображенія съ тѣми, передъ кѣмъ дѣйствуютъ; ибо на языкахъ говорить надо къ невѣрующимъ, а тутъ все вѣрующіе (ст. 21 — 22); есть поступокъ могущій вести къ посмѣянію вѣрныхъ и къ ущербу вѣры (23—25).

Всѣмъ этимъ Апостоль убѣждаетъ и склоняетъ отъдать преимущество дару пророчества и его взыскать, и отказаться отъ высокаго мнѣнія о дарѣ языковъ, признавъ его ошибочнымъ.

аа).

Ст. 1. *Держитесь любви: ревнуйте же духовнымъ, ниче же да пророчествуете.*

Держитесь, — *дѣшегъ,* гоните, стремитесь, усиленно ищите любви.—*Ревнуйте,*—ищите усердно и *духовныхъ* даровъ, и изъ нихъ наиболѣе того, чтобы пророчествовать. Пророчествовать значитъ по движенію Духа Бо-

жія вести рѣчь къ вѣрующимъ въ назиданіе имъ на понятномъ имъ языкѣ. Предметомъ ея могли бытъ и догматы, и правоученіе, и утѣшеніе, и молитвенное славословіе, и собственно пророчество. Этого дара искать преимущественно внушаетъ св. Павелъ, — предъ чѣмъ не сказываетъ, но изъ слѣдующихъ за симъ словъ видно, что предъ даромъ языковъ.

Св. Златоустъ говорить: „Обстоятельно показавъ все достоинство любви, Апостоль наконецъ убѣждаетъ ихъ ревностно достигать ея; посему и говоритъ: *держитесь*. гоните. Нужно гнаться за нею и усильно стремиться къ ней; такъ она улетаетъ отъ насъ, и столько препятствій стремленію къ ней! Посему намъ нужны великія усилія, чтобы достигнуть ея. Дабы выразить это, Павелъ не сказалъ: ищите любви, но: гонитесь за любовію, побуждая насъ и воспламеняя къ ея достиженію. Ибо она часто удаляется отъ насъ; потому что мы обращаемся съ нею не надлежащимъ образомъ и готовы предпочитать ей все другое. Далѣе, дабы не подумали, будто онъ вель рѣчь о любви для того, чтобы унижить дарованія, присовокупляетъ: *ревнуйте же духовнымъ, паче же да пророчествуете.*“

Мысль его такая: „поелику любовь есть достояніе столько великое, то приобрѣтеніе ея почитайте дѣломъ великимъ; не оставайте однакожъ въ нерадѣніи и о духовныхъ дарованіяхъ, и предпочтительно другимъ возлюбите пророчество. Очевидно, Апостоль снова смиряетъ высокоуміе величавшихся дарованіемъ языковъ“ (Теод.).

Ст. 2. *Глаголай бо языки, не челоукомъ глаголетъ, но Богу; никтоже бо слышитъ, духомъ же глаголетъ тайны.*

Глаголай языки, — кто говоритъ на языкѣ неизвѣстномъ для собравшихся въ церковь, — *не челоукомъ гла-*

голетъ, не для этихъ людей говорить; для нихъ это совсѣмъ сторонняя рѣчь; они и не догадываются, для нихъ ли говорится что, а можетъ быть и говорившій въ мысли не имѣлъ сказать что-либо имъ, а такъ говорилъ только потому, что пришло движеніе говорить, которымъ однакожъ онъ могъ управлять, — *но Богу*, всевидящему и слышащему самое сокровенное, то, что происходитъ и говорится въ умѣ и сердцѣ, — Богъ одинъ его понимаетъ, *никтоже бо слышитъ*; слышать, да не понимаютъ, все одно, что не слышать, слова его не входятъ въ ухо и чрезъ ухо въ умъ, а совнѣ бьютъ ухо, не сообщаясь внутрь; *слышатъ* здѣсь—внять и разумѣть. — *Духомъ же глаголетъ тайны*, или Духомъ Божиимъ движимый, или самъ въ себѣ, въ своемъ духѣ и самому себѣ, своему духу (Экум.), говоритъ тайны, то, что сообщилось его духу, тайны вѣры и жизни, сокровенное для другихъ. Рѣчь Апостола такова, что она и дара не унижаетъ, но пользующагося имъ не какъ слѣдуетъ ведетъ къ вразумленію. „То и другое вмѣстѣ производитъ онъ. Коринѣянь обвиняетъ въ любочестіи и даетъ видѣть потребность дарованія. Оно дано проповѣдникамъ по причинѣ разныхъ языковъ у людей, чтобы пришедши къ Индамъ, предлагали божественную проповѣдь, говоря ихъ языкомъ, а тоже бесѣдуя съ Персами, Скивами, Римлянами и Египтянами, проповѣдали имъ Евангельское ученіе на языкѣ каждаго народа. Посему бесѣдующимъ въ Коринѣ лишнимъ дѣломъ было говорить на языкахъ скинскомъ, или персидскомъ, или египетскомъ, которыхъ не могли Коринѣяне понимать“ (Феод.). „Коринѣяне много превозносились даромъ языковъ и считали его великимъ дарованіемъ,—считали великимъ потому, что Апостолы получили его прежде всего и съ такою торжественностію. Но это не дѣлало его превосходяще другихъ.

Апостолы почему получили его прежде всего? Потому что должны были ходить повсюду. Какъ во время столпотворенія одинъ языкъ раздѣлился на многіе, такъ тогда (во время Апостоловъ) многіе языки часто принадлежали одному человѣку, и одинъ и тотъ же говорилъ на многихъ языкахъ, по внушенію Духа. Такое дарованіе называлось даромъ языковъ. Смотри, какъ Апостолъ и смиряетъ его и возвышаетъ; словами: *не чело-вѣкомъ глаголетъ, никтоже бо слышитъ*, смиряетъ, показывая, что это дарованіе не безусловно полезно, а словами: *Духомъ глаголетъ тайны*, опять возвышаетъ, дабы оно не показалось излишнимъ, бесполезнымъ и напрасно даннымъ“ (св. Злат.). Ибо изъ сихъ словъ выходитъ, что хотя непонятно для другихъ, но все же онъ говоритъ тайны Божіи и говоритъ Духомъ.

Ст. 3. *Пророчествуай же, чело-вѣкомъ глаголетъ созиданіе и утѣшеніе и утвержденіе.*

Пророчествуай, кто говоритъ тоже по движенію Духа Божія, говоритъ тайны же Божіи, но понятно для людей слышащихъ, тотъ не себѣ одному говоритъ и Богу, но и чело-вѣкамъ, и пользу имъ духовную приноситъ—созиданіе, утѣшеніе, утвержденіе. *Созиданіе*—*οἰκοδομή*, вообще доброе настроеніе духа возставляетъ внутри, по всѣмъ частямъ, или преимущественно по нравственной; *утѣшеніе*—*παράκλησις*, увѣщаніе, убѣжденіе, уговореніе, польза умовая; *утвержденіе*—*παράνομια*, собственно утѣшеніе, умиротвореніе сердца, уврачеваніе его болѣзней. „Видишь-ли, съ которой стороны онъ доказываетъ превосходство этого дарованія? Со стороны его общепользности. И вездѣ онъ предпочитаетъ то, что приноситъ пользу многимъ. А тѣ, скажи мнѣ, развѣ не людямъ говорили? Людямъ; но не въ назиданіе, не въ увѣщаніе, не въ утѣшеніе. Имѣтъ вдохновеніе отъ Духа одинаково свойственно обонмъ, и

пророчествующему и говорящему языками; но первый, т.-е. пророчествующій, имѣеть преимущество предъ послѣднимъ въ томъ, что онъ еще полезенъ слушателямъ. Говорящихъ языками не слышали и не понимали не имѣвшіе сего дара“ (св. Злат.).

Ст. 4. *Глаголюй бо языки, себе зиждетъ, а пророчествуяй, церкви зиждетъ.*

Говорящій языками только самъ себя понимаетъ; потому себя только и назидаетъ, а пророчествующаго всѣ находящіяся въ Церкви понимаютъ, всѣ и назидаются. А въ этомъ и цѣль даровъ. Они даются на потребу Церкви, или на умноженіе членовъ ея чрезъ обращеніе ихъ къ вѣрѣ, къ чему служитъ и даръ языковъ, или на созиданіе увѣровавшихъ, къ чему служитъ преимущественно даръ пророческій, проповѣдническій. Нѣкоторые полагаютъ, что говорившіе на языкахъ и сами себя не понимали; но какъ бы они назидали себя, еслибъ не понимали себя? „Апостоль бесѣдуетъ о тѣхъ, которые знали, что говорили,—знали сами, но другимъ передать не могли“ (св. Злат.). Пророчествующій какъ назидаль другихъ? И вообще раскрытіемъ таинствъ вѣры и жизни, или иногда и частнѣе „чрезъ откровеніе помысловъ и обнаруженіе тайно совершающагося“ (Θеод.). Этого рода рѣчи должны были всѣхъ содержать въ строгомъ къ себѣ вниманіи, изъ опасенія пристыженія при всѣхъ. Пусть не всегда, а изрѣдка это бывало; да хоть и однажды только, и это не могло не держать всѣхъ въ бодренности. Отсюда исходило назиданіе, не на одинъ моментъ, а на всю жизнь. Сличивъ пользы отъ того и другаго дара, увидимъ, что „какое различіе между однимъ и церковію, такое же различіе и между сими дарами. Видишь ли, какъ Апостоль не обращаетъ этого дара въ ничто, а показываетъ, что онъ хотя приноситъ пользу, но малую,

ограничивающуюся только тѣмъ, кто обладаетъ имъ“ (св. Злат.).

Ст. 5. *Хощу же всѣхъ васъ глаголати языки, паче же да прорицаете: болій бо пророчествуяй, нежели глаголяй языки, развѣ аще (кто) сказуетъ, да церковь созиданіе приѣмлетъ.*

Поелику много было говорящихъ языками въ Коринѣѣ, то Апостоль точнѣе опредѣляетъ мысль свою о сравнительномъ достоинствѣ даровъ. Я не гонитель, говоритъ, дара языковъ: дай Богъ вамъ всѣмъ говорить на языкахъ; но разсуждаю о томъ, что лучше, и лучшаго вамъ желаю, именно, *да прорицаете*. Пророчествующій больше говорящаго языками. Большаго и желаю вамъ. Больше тотъ этого, судя по пользѣ, какую доставляетъ онъ Церкви. Только въ такомъ случаѣ говорящій языками будетъ стоять наравнѣ съ пророчествующимъ, когда будетъ изъяснять на понятномъ языкѣ то, что говорить на непонятномъ. Ибо тогда и онъ будетъ одинаково съ тѣмъ назидать Церковь. Одинаковость пользы уравниваетъ ихъ, а безъ того послѣдній не можетъ идти въ сравненіе съ первымъ. Св. Златоустъ говоритъ: „выраженія *паче* и *болій* означаютъ не противоположность, а преимущество. Апостоль не порицаетъ дарованія, но руководитъ слушателей къ лучшему, показывая свое о нихъ попеченіе. И этому дару онъ готовъ дать одобреніе, *аще сказуетъ*, — если обладающій имъ будетъ способенъ и къ этому, т.-е. къ истолкованію; тогда, говоритъ, онъ дѣлается равнымъ пророку, потому что тогда многіе получаютъ пользу. Надобно особенно замѣтить, какъ онъ во всемъ ищетъ пользы прежде всего.“ Теофилактъ прибавляетъ: „если можетъ и истолковывать свою рѣчь, въ такомъ случаѣ говорящій языками равенъ пророчествующему. Ибо и онъ тогда назидаетъ Церковь по-

средствомъ истолкованія того, что невнятно сказано языкомъ. И сказаніе языкомъ было дарованіе, которое инымъ изъ говорящихъ языками было даваемо, а инымъ не было даваемо.“ Теодоритъ пишетъ: „Апостоль ясно далъ видѣть, почему сказалъ: *паче*. Я не умаляю, говорить, дарованія, но ищу болѣе полезнаго. Когда нѣтъ переводчика сказующаго, тогда лучше пророчество; потому что отъ него больше пользы.“

66).

Затѣмъ пространно объясняетъ Апостоль, какъ не толково говорить къ другимъ, когда никто не понимаетъ. Дѣлаетъ это потому, что на этомъ основывается все его увѣщаніе и всѣ распоряженія относительно употребленія сихъ даровъ. Только пойми хорошо, какъ это недѣло, и уже не станешь впадать въ подобную погрѣшность.

Ст. 6. *Нынѣ же, братіе, аще прииду къ вамъ языки глаголю, кую вамъ пользу сотворю, аще вамъ не глаголю или во откровеніи, или въ разумѣ, или въ пророчествіи, или въ наученіи?*

Приводитъ имъ на память, какъ былъ у нихъ, и несмотря на то, что паче всѣхъ говорилъ языками, велъ рѣчь къ нимъ на ихъ языкѣ, а не на чужомъ. Этимъ очень ихъ остепеняетъ и вразумляетъ.оборотъ же рѣчи далъ, будто предполагая только возможный случай. Еслибъ, говорить, я самъ пришелъ къ вамъ и сталъ говорить языками, не было бы пользы; а онъ уже былъ у нихъ, и они знаютъ, какъ онъ держалъ у нихъ бесѣды. Онъ внушаетъ, будто: еслибъ и я самъ такъ дѣйствовалъ у васъ, и тогда не похвалилъ бы такого образа дѣйствованія. Слова: *аще вамъ не глаголю*, и пр., не то значать, что на языкахъ не сообщается ни откровеніе, ни разумъ и ничто другое: все это могъ пред-

лагать и говорящій языками; но то, что хотя бы все это и содержалось въ моей рѣчи, вы не получили бы ни откровенія, и ничего подобнаго, потому что говоря вамъ на непонятномъ языкѣ, я тоже что не говорилъ бы ничего такого. „Смысль словъ его слѣдующій: если я не скажу вамъ чего-либо такого, что можетъ быть для васъ понятнымъ и яснымъ, а только покажу, что я имѣю даръ языковъ, то выслушавъ языки, вы отойдете, не получивъ никакой пользы; ибо какая польза отъ словъ, которыхъ вы не понимаете?“ (св. Злат.).

Слова: *откровеніе, разумъ, пророчество, наученіе* даютъ разумѣть, что предлагали въ рѣчи своей пророчествующіе, а подобно имъ и говорившіе языками, когда истолкованіе сопровождало ихъ рѣчь; слѣдовательно все, чѣмъ назидалась Церковь. Потому точное ихъ опредѣленіе желательно. Св. Златоустъ не касается сего. Θεодоритъ пишетъ вообще: „какую принесу вамъ пользу, если не преподамъ ученія, открывая вамъ сокровенныя тайны, путевода къ божественному, и предлагая приличные для васъ совѣты?“ Θεофилактъ объясняетъ сіи слова полно: „въ откровеніи, т.-е. то, что обычно говорить получающимъ откровенія отъ Бога, куда относится и то, если въ присутствіи всѣхъ открываемы бывають помышленія каждаго; въ разумѣ, т.-е. то, что могутъ говорить имѣющие вѣдѣніе и излагающіе слушающимъ тайны Божіи; въ пророчество, т.-е. сказывая то, что было, есть и будетъ: пророчество всеобъемлюще откровенія; въ наученіи, т.-е. въ видѣ учительнаго слова, когда идетъ бесѣда о добродѣтели, о догматахъ.“

Ст. 7. *Обаче бездушная гласъ дающая, аще сопль, аще гусли, аще разнствія писканіемъ не дадутъ, како разумно будетъ писканіе или гуденіе?*

„Что я говорю, продолжаетъ Апостоль, что это без-

полезно у насъ, и что полезно только ясное и понятное для слушателей? То же можно видѣть и на бездушныхъ музыкальныхъ орудіяхъ; если, напр., будешь дуть въ свирѣль, или ударять въ гусли безъ надлежащей стройности и согласія, но смѣшанно и безпорядочно, то не доставишь удовольствія никому изъ слушателей; ибо и отъ нечленораздѣльныхъ орудій требуется нѣкоторая ясность, и если будешь ударять въ гусли, или дуть въ свирѣль безъ искусства, то не сдѣлаешь ничего. Если же отъ бездушныхъ вещей мы требуемъ такой ясности, стройности и раздѣльности, если бессмысленнымъ звукамъ мы стараемся и усиливаемся придать великое значеніе, то тѣмъ болѣе требуется удобовразумительность отъ одушевленныхъ и разумныхъ людей и духовныхъ дарованій“ (св. Злат.).

Ст. 8. *Ибо аще безвѣстенъ гласъ трубы дастъ, кто уготовится на брань?*

„Отъ вещей не необходимыхъ Апостоль переходитъ къ необходимѣйшимъ и полезнѣйшимъ и говоритъ, что можно видѣть тоже не только на гусляхъ, но и на трубѣ. Ибо и отъ нея бываютъ стройные звуки, означающіе то войну, то что-нибудь другое, то призывъ къ нападенію, то къ отступленію; и кто не знаетъ этого, тотъ подвергается крайней опасности. Дабы объяснить это и указать эту опасность, онъ и говоритъ: *кто уготовится на брань?* А кто не дѣлаетъ этого, тотъ погубляетъ все“ (св. Злат.).

Ст. 9. *Тако и ъвы аще не благоразумно слово дадите языкомъ, како уразумѣется глаголемое? Будете бо на воздухъ глаголюще.*

Не благоразумно слово,—*μη ἔωσθημιον*,—слово яснаго значенія не имѣющее, непонятное. Если, говорить, вы будете говорить такими словами, кто васъ пойметъ? Вы будете говорить на воздухъ. „Ибо когда присут-

ствующіе не понимаютъ, слова напрасно разливаются въ воздухъ“ (Ѳеод.). „Т.-е., вы не скажете ничего, будете говорить ни для кого“ (св. Злат.). Какъ военная труба, если протрубитъ невнятно, звукъ ея пронесется въ воздухъ, а изъ воиновъ никто ни съ мѣста, такъ и ваши слова на чужомъ языкѣ сказанныя и непонятныя. Какъ будто этимъ намекается: хотите, чтобъ труба слова вашего, на чужомъ языкѣ произносимаго, не на воздухъ издавала звуки? Соединяйте его съ истолкованіемъ своимъ, или чрезъ другаго. Ѳеодоритъ пишетъ: „что для гуслей стройная мѣрность и для трубы военный знакъ, то для языковъ *сказаніе*.“ Ту же мысль наводитъ и св. Златоустъ: „чтобы даръ языковъ полезенъ былъ и другимъ, для того нужно соединять съ нимъ истолкованіе. Хорошо и необходимо этотъ даръ, но тогда, когда кто-нибудь и объяснить сказанное. Не обнаружится искусство, если не будетъ вещества; не образуется и вещество, если ему не будетъ сообщена форма. Поставь же голосъ на мѣсто вещества, а ясность (понятность) на мѣсто формы, безъ которой не можетъ быть никакой пользы отъ вещества.“ Это говоритъ онъ объ истолкованіи слова, на чужомъ языкѣ сказаннаго.

Ст. 10. *Толики убо, аще ключится, роди гласовъ суть въ мѣртъ, и ни единъ ихъ безгласенъ.*

Роди гласовъ—языковъ и нарѣчій. Безгласенъ—немертвый, небезмолвный. На всѣхъ ихъ говорятъ и общаются другъ другу свои мысли: „Столько языковъ, столько нарѣчій, Скиеовъ, Ѳракіанъ, Римлянъ, Персовъ, Мавровъ, Индійцевъ, Египтянъ, и многихъ другихъ народовъ!“ (св. Злат.). Говорятъ одноязычные съ одноязычными, вы же чего ради между своими говорите не зная на какомъ нарѣчій? И себя для нихъ вы дѣлаете чужими, и ихъ для себя.

Ст. 11. *Аще убо не увъмъ силы гласа, буду глаголющиму иноязычникъ; и глаголющій, мнѣ иноязычникъ.*

Не увъмъ силы гласа,—не буду понимать языка того, кто ко мнѣ обращаетъ рѣчь, то я для него чужестранецъ, — *βάρβαρος*, и онъ для меня такой же. Говоря непонятно, вы сдѣлали то, что зашли будто въ чужую сторону и вращаетесь среди инородныхъ, и себя сдѣлали для нихъ такими же: не понимая рѣчи вашей, и другіе васъ въ правѣ считать инородцами. Вотъ какая выходитъ нелѣпость! (мысль Фотія у Экум.). „Говоря это, я не порицаю языка, но показываю, что онъ бесполезенъ для меня, пока бываетъ неясенъ. Замѣть, какъ онъ вездѣ старается показать, что самый даръ не заслуживаетъ порицанія, а переноситъ вину на получившихъ его“ (св. Злат.).

вв).

Ст. 12. *Тако и вы, понеже ревнители есте духовомъ, (яже) къ созиданію Церкви просите (ищите), да избыточествуете.*

Ревнители духовомъ,—т.-е. духовныхъ даровъ. Вторую половину текста надо представить такъ: ищите, да избыточествуете тѣмъ, что служить къ созиданію Церкви. Ревнуете, говорить, о духовныхъ благодатныхъ дарахъ? Хорошо, ревнуйте; но ищите такихъ, какими бы Церковь назидалась. „Видишь ли всегдашнюю его цѣль, какъ онъ постоянно и во всемъ имѣетъ въ виду одно, нужду многихъ, пользу Церкви, поставляя это какъ бы какимъ правиломъ? И не сказалъ: ищите, дабы вамъ получить дарованія, но: *да избыточествуете*“ (св. Злат.).

Ст. 13. *Тѣмже глаголюй языкомъ, да молится, да сказуетъ.*

Да молится, да сказуетъ, пусть молится, чтобъ получить даръ и истолкованія того, что онъ говоритъ на

чужомъ языкѣ. „Проси, говоритъ Апостоль, Даровавшаго тебѣ дарованіе языковъ приложить и дарованіе сказанія, чтобы могъ ты принести пользу Церкви“ (Θеод.). „Апостоль показываетъ, что отъ нихъ зависить получить дарованіе: *да молится*, говоритъ, т.-е. пусть приложитъ то, что въ его власти. Ибо если усердно будешь просить, то получишь. Итакъ проси, чтобы тебѣ имѣть не одинъ только даръ языковъ, но и даръ истолкованія, дабы тебѣ быть полезнымъ для всѣхъ, а не заключать дара въ одномъ себѣ“ (св. Злат.).

Ст. 14. *Аще бо молюся языкомъ, духъ мой молится, а умъ мой безъ плода есть.*

„Духомъ называетъ Апостоль дарованіе, а умомъ изъясненіе сказаннаго“ (Θеод.). Умъ плодъ имѣеть, когда понимая что, передаетъ то другимъ, и тѣмъ пользу имъ доставляетъ. Сія польза—плодъ ума. На языкахъ чужихъ говоря, предлагали все, сказанное выше, и откровеніе, и разумъ, и пророчество, и наученіе, а нерѣдко и молитву. Духъ мой, говоритъ Апостоль въ лицѣ всякаго говорящаго языками, духъ мой, Духомъ Божиимъ возбужденный, молится на чужомъ языкѣ, даръ Божій при этомъ въ дѣйстви, онъ свое дѣло исправляетъ, но умъ мой при этомъ остается безъ плода, потому что не передаетъ другимъ на понятномъ языкѣ того, что самъ приѣмлетъ отъ Духа Божія. Еслибъ я это дѣлалъ, приносилъ бы пользу другимъ, и тогда умъ мой не былъ бы безъ плода. „Плодомъ для говорящаго служитъ польза слушающихъ. Сіе сказалъ Апостоль и въ посланіи къ Римлянамъ: *да нѣкій плодъ имѣю и въ васъ, якоже и въ прочихъ языцехъ* (Римл. 1, 13). Посему бесѣдуя на другомъ языкѣ, и не предлагая присутствующимъ истолкованія, не буду имѣть никакого плода, потому что они не получаютъ никакой пользы“ (Θеод.). Говоря о молитвѣ на языкѣ, Апостоль беретъ только

примѣръ, а разумѣть вообще говореніе на языкахъ. „Если я говорю языкомъ, а въ то же время не истолковываю, то духъ мой,—душа моя сама по себѣ, получаетъ пользу, а умъ мой — безъ плода есть, потому что другимъ не приноситъ пользы“ (Феоф.).

Ст. 15. *Что убо есть? Помолюся духомъ, помолюся же и умомъ; воспую духомъ, воспую же и умомъ.*

Что убо? Итакъ какъ же быть? Какъ поступать? Надобно сдѣлать такъ, чтобъ и на языкѣ чужомъ, по движенію Духа, молиться и пѣть, и потомъ то же самое дѣлать и на языкѣ понятномъ. Какъ же это сдѣлать? Это уже указалъ Апостоль: или другой кто пусть истолковываетъ, или самъ испроси себѣ такого дара. Такъ блаженный Феодоритъ: „Апостоль говорить, что бесѣдующему на иномъ языкѣ, въ псалмопѣніи ли то, въ молитвѣ ли, въ ученіи ли, надлежитъ, или самому быть переводчикомъ къ пользѣ слушающихъ, или другаго, способнаго на это, брать въ сотрудники къ ученію.“

Ст. 16. *Понеже ище благословиши духомъ, исполняяи мѣсто невѣжды како речеть аминь, по твоему благодаренію? Понеже не вѣсть, что глаголеши.*

Невѣждою — ἰδιωτης, называетъ Апостоль простеца мірянина. „Смысль словъ его такой: если ты будешь благословлять на языкѣ иностранномъ, не умѣя истолковать того, то мірянинъ не можетъ отвѣтить: *аминь*; ибо не слыша (не понимая) окончательныхъ словъ: *во вѣки вѣковъ*, онъ не скажетъ: *аминь*“ (св. Злат.). Это наводитъ на мысль, что виновными въ неразумномъ употребленіи дара были сами предстоятели, которымъ ввѣрено было назидать и блюсти вѣрующихъ. Замѣчательно также указаніе, что и міряне принимали участіе въ молитвѣ церковной. Всѣмъ нельзя было, говорить, молиться; но одни говорили молитвы, потому что Богъ давалъ имъ молитву, а другіе внимали молитвѣ той, и

согласіе свое съ нею изрекали словомъ: аминь, — да будетъ такъ, доказывая тѣмъ, что съ молитвою предстателя молилось и ихъ сердце.

Ст. 17. *Ты убо добръ благодаршии, но другій не создается.*

„Чтобъ не показалось, будто онъ унижаетъ самый даръ языковъ, онъ говоритъ: *ты убо добръ благодаршии*, ибо говоришь по внушенію Духа, но тотъ, кто ничего не понимаетъ изъ сказаннаго, стоитъ, не получая никакой пользы“ (св. Злат.). „Знаю, что вдохновенный Божіею благодатію, пѣснословишь ты Бога; но незнающій языка не понимаетъ произносимаго“ (Θеод.). Польза ограничивается однимъ тобою. Ты ее можешь получить и моляся молча, самъ въ себѣ.

Ст. 18. *Благодарю Бога моего, паче всѣхъ васъ языки глаголя.*

„Дабы не подумали, будто онъ унижаетъ ихъ потому, что самъ лишенъ сего дара, онъ говоритъ: *паче всѣхъ васъ говорю—языками*. Посему не превозносите, будто вы одни имѣете этотъ даръ; и я имѣю его, и притомъ гораздо больше васъ“ (св. Злат.). Какъ дѣйствовалъ Апостоль въ кругу вѣрующихъ, они знали это; но о его дарѣ языковъ можетъ быть и не знали, если онъ безъ нужды не употреблялъ его, а случая нужнаго не представлялось въ бытность его среди ихъ. Потому упоминаніе объ этомъ не было неумѣстно; но на Коринтянъ оно должно было подѣйствовать крайне вразумительно. Ибо они не могли не видѣть въ Апостолѣ примѣръ для подражанія.

Ст. 19. *Но въ Церкви хощу пять словесъ умомъ моимъ глаголати, да и нынѣ пользую, нежели тмы словесъ языкомъ.*

„Прежде васъ сподобился я сего дарованія; чрезъ меня и вы пріяли благодать сію. Однакоже, заботясь о пользѣ многихъ, ясное ученіе предпочитаю неясному“ (Θеод.).

„Что значить: *умомъ моимъ глаголати, да и ны пользую?* Говорить то, что понимаю, что могу истолковать и другимъ, говорить внятно и поучать слушателей. *Нежели тмы словесъ языкомъ.* Почему? *Да и ны пользую,* говорить. Первое доставляетъ только вѣшнюю славу, а послѣднее—великую пользу. Вездѣ онъ ищетъ одного—общей пользы. Хотя даръ языковъ былъ необыкновеннымъ, а даръ пророчества обыкновеннымъ, древнимъ, и принадлежалъ уже многимъ, между тѣмъ какъ тотъ сталъ извѣстенъ тогда въ первый разъ, однако Павелъ считалъ его не очень вождѣльнымъ для себя, и даже не пользовался имъ, не потому, чтобы не имѣлъ его, но потому что искалъ полезнѣйшаго. Онъ былъ чуждъ всякаго тщеславія и имѣлъ въ виду только одно, какъбы сдѣлать лучшими слушателей. Потому онъ и могъ видѣть полезное и для себя и для другихъ, что былъ свободенъ отъ тщеславія; а кто поработилъ себя этой страсти, тотъ не можетъ видѣть полезнаго не только для другихъ, но и для себя“ (св. Злат.).

гг).

Довольно уже доказалъ свою мысль Апостоль, что не должно въ церкви употреблять дара языковъ, когда никто не понимаетъ того языка; теперь собираетъ еще нѣсколько представленій, чтобы совсѣмъ отклонить ихъ отъ такого дѣйствованія, выясняя, какъ это безобразно.

Ст. 20. *Братіе, не дѣти бывайте умы, но злобою младенствуйте, умы же совершенни бывайте.*

„Послѣ многихъ объясненій и доказательствъ Апостоль справедливо употребляетъ теперь рѣчь болѣе сильную, соединенную съ великимъ обличеніемъ, и приводитъ примѣръ сообразный съ предметомъ. Дѣти удивляются и изумляются при видѣ малыхъ вещей, а при

весьма великихъ не приходятъ въ такое удивленіе. Подобнымъ образомъ и имѣвшіе даръ языковъ, который былъ меньшимъ изъ всѣхъ, думали, что они имѣли все, посему онъ и говоритъ: *не дѣти бывайте*, т.-е. не будьте неразумными тамъ, гдѣ слѣдуетъ быть разумными, но будьте простыми дѣтьми тамъ, гдѣ неправда, гдѣ тщеславіе, гдѣ гордость. Кто младенецъ на злое, тому должно быть и мудрымъ; какъ мудрость съ злобою не была бы мудростію, такъ и простота съ неразуміемъ не была бы простотою; въ простотѣ надо избѣгать неразумія, и въ мудрости злобы. Какъ лѣкарства болѣе надлежащаго горькія или сладкія не приносятъ пользы, такъ и простота и мудрость сами по себѣ. Посему и Христосъ, повелѣвая соединять то и другое, сказалъ: *будьте убо мудри, яко змїя, и цѣли, яко голубїе* (Матѣ. 10, 16). Что значитъ: *младенчествовать злобою*? Даже и не зная, что такое зло. Онъ хотѣлъ, чтобы они были и мужами и дѣтьми: дѣтьми на злое, а мужами по мудрости. И мужъ тогда будетъ мужемъ, когда вмѣстѣ съ тѣмъ будетъ младенцемъ; а пока онъ не будетъ младенцемъ на злое, то не будетъ и мужемъ; потому что злой не можетъ быть совершеннымъ, а бываетъ неразумнымъ“ (св. Злат.).

Высказавъ такую мысль, Апостоль не разъясняетъ ее и не дѣлаетъ изъ нея никакого приложенія къ предмету своему. Ибо это было само собою очевидно. Онъ имъ хотѣлъ сказать, какъ и у насъ часто говорится: дѣйствовать такъ, какъ вы, значитъ ребячиться. „Не извращайте порядка и соревнуйте не маломыслію, но незлобію дѣтей; а у совершенныхъ возрастомъ заимствуйте не лукавство, но благоразуміе“ (Ѳеод.).

Ст. 21. *Въ законѣ пишетъ: яко иными языки и устны иными возглаголю людемъ симъ, и ни тако послушаютъ мене, глаголетъ Господь.*

Подъ закономъ здѣсь разумѣется вообще Ветхозавѣтное Писаніе; ибо приводимыя слова взяты у пророка Исаи (28, 11. 12). Училъ Богъ чрезъ пророковъ народъ Свой, и пока онъ слушался, довольствовался этимъ средствомъ вразумленія и исправленія. Когда же дошелъ онъ до того, что слово пророческое уже болѣе не дѣйствовало на него, тогда Онъ грозилъ имъ: не слушаютъ пророковъ? такъ Я заговорю къ нимъ другимъ языкомъ, т.-е. пошлю на нихъ чуждый народъ. *И ни тако послушаютъ Мене*, — а они все таки останутся упорными. Св. Павелъ беретъ въ сопоставленіе только двѣ черты: пророки говорили народу, пока онъ слушалъ ихъ; пророчество слѣдовательно есть знакъ того, что тѣ, къ кому обращается рѣчь пророческая, послушны, вѣрны, вѣрующіи. Напротивъ появленіе людей съ чуждымъ языкомъ есть знакъ, что тѣ, къ которымъ они пришли, вышли изъ повиновенія Богу, невѣрны Ему. Взявъ во вниманіе это, онъ говоритъ:

Ст. 22. *Тѣже языцы въ знаменіе суть не вѣрующимъ, но невѣрнымъ; а пророчество не невѣрнымъ, но вѣрующимъ.*

Онъ говоритъ какъбы: какая у васъ вышла несообразность! Изъ того обстоятельства, которое указываетъ въ писаніяхъ пророка Исаи, выходитъ, что когда вы говорите на чуждомъ собранію языкъ, это значить, что предъ вами все упорные невѣры, вышедшіе изъ повиновенія Богу; а на дѣлѣ это все искренно вѣрующіе, готовые слушать, жаждущіе назиданія. Къ нимъ не на чуждыхъ языкахъ говорить надо, а языкомъ пророческимъ, съ какимъ и древле Богъ обращался къ народу Своему, пока онъ вѣренъ былъ Ему и слушался пророковъ. Вы совсѣмъ извращаете порядокъ! Изъ вашего образа дѣйствованія выходитъ такое нелѣпое сопоставленіе! Въ вашемъ собраніи и звука не должно быть иноязычнаго, а должно слышаться одно пророческое слово.

Ст. 23. *Аще убо снидется Церковь вся екупъ, и вси языки глаголютъ, видутъ же и неразумивіи или неспрнни, не рекутъ ли, яко бѣснуется?*

Это стоитъ не въ связи съ предыдущимъ, а особо,— новая, третья несообразность указывается въ образѣ дѣйствованія Коринѳянъ. Положимъ, говоритъ, что вся собралась Церковь ваша, и всѣ, имѣющіе даръ языковъ, начнутъ говорить на нихъ, то одинъ, то другой, а то и вмѣстѣ нѣсколько. И само по себѣ это безобразно. Но если войдутъ къ вамъ неразумивіи—*idiota*, простецы, селяне, или невѣрные, что подумаютъ они, послушавъ одного, другаго, или нѣсколькихъ вмѣстѣ? Не скажутъ ли, что вы бѣснуетесь, съ ума посошли? И оттолкнете вы отъ дверей спасенія тѣхъ, кои пришли взыскать спасенія, и притомъ такъ, что и послѣ уже ихъ не привлечешъ послушать истины, и не ихъ только, но и многихъ другихъ, которымъ расскажутъ они о безобразіяхъ, происходящихъ въ вашихъ собраніяхъ.

Ст. 24. 25. *Аще же вси пророчествуютъ, видетъ же нѣкій невѣрекъ или неспѣжда, обличается всѣми, и истязуется отъ всѣхъ. И сице тайная сердца его явлена бываютъ; и тако падъ ницъ, поклонится Богови, возглаголюя, яко воистинну Богъ съ вами есть.*

Совсѣмъ противоположное дѣйствіе окажетъ ваше собраніе на простеца или невѣрующаго, когда, вошедши къ вамъ, они встрѣтятъ то, что вы одинъ за другимъ пророчествуете, т.-е. говорите на языкѣ всѣмъ понятномъ, что кому внушаетъ Духъ Божій, пророчествова ли, разумъ ли, откровеніе ли, наученіе ли, молитву ли. Что бы кто ни говорилъ, истины христіанскія всѣ такого рода, что онѣ способны тревожить совѣсть, возбудить страхъ Божій и обратить на добрый путь всякаго невѣра и грѣшника. Вошедшій обличаемъ и истязываемъ будетъ всѣми не посредствомъ судебныхъ допро-

совъ. Нѣтъ; всякій будетъ говорить и не зная, что на душѣ у вошедшихъ, а самыя истины такого рода, что онѣ обличаютъ слышащаго. Духомъ Божиимъ вдохнутыя слова падаютъ на совѣсть, и она, пробудившись, производитъ полное обличеніе, никому-же видящу. Но одно обличеніе само по себѣ безотраднo, и еслибъ только это одно производила христіанская бесѣда, то плода отъ нея было бы мало. Въ томъ и сила, что бесѣда сія всегда предлагаетъ обличаемымъ и утѣшительный путь спасенія; ибо и существо бесѣды есть спасеніе въ Господѣ Иисусѣ Христѣ, — и о чемъ ни заведи рѣчь, все сойдетъ на Господа, единую отраду всѣхъ сокрушенныхъ. Оттого обличаемый не обличается только, но и воспріемлетъ надежду спасенія и доходитъ до рѣшимости не отлагая стать на путь спасенія. Благодать Духа, всѣхъ осѣняющая въ собраніи и самое слово говорящихъ проникающая, довершаетъ дѣло. И се невѣрный, внутренно измѣнившійся подѣ дѣйствіемъ пророческаго слова, незримо ни для кого, падъ ницъ поклоняется Богу христіанскому, и исповѣдуетъ, что въ собраніи христіанъ, въ Церкви, воистинну есть, присутъ и дѣйствующъ, Богъ! „Видишь ли, какъ сила пророчества измѣнила челоуѣка грубаго, научила его и привела къ вѣрѣ“ (св. Злат.).

б).

Правила объ употребленіи въ Церкви даровъ пророчества
и языновъ

14, 26—38.

Сначала выражаетъ аа) *общій законъ*: все къ созиданію—26; потомъ пишетъ бб) *правила а) для говорящихъ языками* (27. 28); б) *для пророковъ* (29—33); γ) *для женъ* (34—36), наконецъ прилагаетъ вв) *общее убѣжденіе къ исполненію сказаннаго* (37—38).

аа).

Ст. 26. *Что убо есть, братіе? Егда сходитесь, кійждо васъ псаломъ имать, ученіе имать, языкъ имать, откровеніе имать, сказаніе имать: вся же къ созиданію да бывають.*

Что убо есть? Что изъ всего сказаннаго выходитъ? Какъ вамъ слѣдуетъ поступать? Вотъ какъ! Собрались вы въ церковь; каждый имѣетъ что-либо отъ Духа Божія: кто *псаломъ*, всякаго рода молитвенное къ Богу обращеніе, прошеніе, благодареніе, славословіе Богу Спасителю нашему, въ Господѣ Иисусѣ Христѣ, благодатию Св. Духа; кто—*ученіе*, догматъ, правоученіе, совѣтъ, рѣшеніе недоумѣній; кто—*откровеніе*,—прозрѣніе въ будущее, узрѣніе сокровеннаго въ настоящемъ, или прошедшемъ, увѣдѣніе тайнъ сердечныхъ: „откровеніемъ названо пророчество“ (Эжум., Теоф.); кто—*языкъ*,—даръ, все показанное говорить на языкѣ чуждомъ; кто—*сказаніе*, даръ истолковывать сказанное на языкѣ непонятномъ. Итакъ, собрались вы въ церковь со всѣмъ этимъ богатствомъ духовнымъ: вотъ вамъ общій законъ на употребленіе его: *вся къ созиданію да бывають*. Помните, что никто ничего не получаетъ исключительно для себя, но все, что ни получаетъ, получаетъ для всего собранія вѣрующихъ. Съ нимъ онъ и долженъ дѣлиться, не славы своей ища, а исполняя Божіе порученіе относительно дарованнаго. Въ самомъ дарованіи Богъ будто говоритъ каждому: возьми и раздай.

Св. Златоустъ говоритъ на это: „Видишь ли основаніе и правило христіанства? Какъ дѣло зодчаго строить, такъ дѣло христіанина всѣми способами приносить пользу ближнимъ. Кто псаломъ, кто ученіе, кто языкъ имѣетъ: но все это, говорить, пусть клонится къ одно-

му—къ назиданію ближняго; пусть ничто не дѣлается напрасно; ибо если ты приходишь не для назиданія брата, то для чего и приходишь? Для меня не очень важно различіе дарованій; мои заботы и старанія клонятся только къ одному, чтобы все дѣлалось для назиданія; тогда даже имѣющій малое дарованіе превзойдетъ имѣющаго великое, если будетъ употреблять его съ назиданіемъ. Дарованія для того и даются, чтобы каждый получалъ назиданіе; если же этого не будетъ, то дарованіе послужитъ даже къ осужденію получившаго его; ибо скажи мнѣ, какая польза пророчествовать, какая польза воскрешать мертвыхъ, если никто не получаетъ назиданія? Если же въ этомъ состоитъ цѣль дарованій, которой можно достигнуть и другимъ способомъ безъ дарованій, то не превозносись знаменіями и не считай себя несчастнымъ, не имѣя дарованій.“

бб).

Этотъ общій законъ прилагая къ возможнымъ въ собраніи случаямъ, Апостоль говоритъ:

а).

Къ говорящимъ языками.

Ст. 27. 28. *Аще языкомъ кто глаголетъ, по двѣма, или множае по тріемъ, и по части; и единъ да сказуетъ. Аще ли не будетъ сказатель, да молчитъ въ церкви; себѣ же да глаголетъ и Богови.*

Языками говорить въ собраніи, только когда будетъ сказатель, истолкователь, переводчикъ; а когда его не будетъ, молчать, себѣ говоря и Богу. *По двѣма, или множае по тріемъ, и по части...* Не то значитъ, что могутъ говорить двое и трое за разъ, а то, чтобъ во все собраніе говорили одинъ-другой, много-много и третій, и то не вдругъ, а раздѣльно, одинъ за другимъ

(Экум.). *Себѣ же да глаголетъ и Богови.* Т.-е. „говори про себя, въ умѣ, тайно и безъ шума“ (св. Злат.); въ умѣ предъ Богомъ перебирай, что бы хотѣлось изречь языкомъ, и углубляйся въ то. „Говорящій языками самъ по себѣ недостаточенъ: посему, если кто имѣетъ и даръ истолкованія, пусть говорить; если же не имѣетъ, а хочетъ говорить, то пусть дѣлаетъ это при истолкователѣ. Если нѣтъ сказателя, да молчитъ, ибо ничего не должно дѣлать напрасно и по честолюбію. Не для того вы собираетесь, говорить, дабы показать, что имѣете дарованіе, но дабы назидать слушателей“ (св. Злат.).

β).

Къ пророкамъ.

Ст. 29. *Пророцы же два или тріе да глаголетъ, и друзіи да разсуждаютъ.*

Пророки—это тѣ, которые получили отъ Духа Божія откровеніе, разумъ, наученіе, чтобъ передать то собранію на общемъ ему языкѣ. *Два или тріе да глаголетъ*, т.-е. одинъ за другимъ. „Какъ прежде касательно языковъ, такъ и здѣсь требуетъ, чтобы это было порознь“ (св. Злат.). *Друзіи же да разсуждаютъ*, да внимаютъ слышимому и углубляются, усваяя себѣ слышимое; ибо только такимъ образомъ открытое одному-другому можетъ сдѣлаться общимъ достояніемъ. Или слова: *да разсуждаютъ* даютъ занятіе тѣмъ, которые имѣли даръ разсужденія духовомъ. Такъ блаженный Теодоритъ: „Бож. Апостоль причислялъ уже къ духовнымъ дарованіямъ и *разсужденіе духовомъ* (1 Кор. 12, 10). Здѣсь говорить, что сподобившіеся сего дарованія да разсуждаютъ о произносимомъ, по дѣйствию ли Духа Божія говорится это. Ибо діаволь, какъ Пророкамъ противопоставлялъ лжепророковъ, такъ и Апостоламъ лжеапосто-

ловъ; и сіе даетъ видѣть Апостоль во второмъ посланіи къ Коринѣянамъ; ибо говоритъ: *такові живи апостоли, длатели лъстивіи* (2 Кор. 11, 13).“ То же разумѣтъ и св. Златоустъ: „Апостоль сказалъ это для предостереженія слушателей, чтобы между ними не случился *маѳис*, бѣсопрорицатель. Остерегаться этого онъ повелѣлъ и въ началѣ, и теперь повелѣваетъ различать и наблюдать то же самое, дабы не вкралось что-либо діавольское.“

Ст. 30. *Аще ли иному открытѣя спъащу, первый да молчитъ.*

„Что означаютъ эти слова? Если, говоритъ, въ то время, когда ты пророчествуешь и говоришь, Духъ другаго возбудить его, тогда ты молчи. Ибо для чего тебѣ продолжать рѣчь, когда другой возбуждается къ пророчеству? Но не слѣдовало ли говорить обоимъ? Это неумѣстно и произвело бы безпорядокъ. Не слѣдовало ли (продолжать, пока кончитъ) первому? И это неумѣстно; ибо для того Духъ и возбудилъ другаго, когда говоритъ первый, чтобы и онъ сказалъ что-нибудь (а тотъ замолчалъ). Потомъ въ утѣшеніе тому, которому заповѣдуетъ молчать, говоритъ“ (св. Злат.):

Ст. 31. *Можете бо вси по единому пророчествовати, да вси учатся и вси утѣшаются.*

Какъ-бы такъ: пусть этотъ, вновь возбужденный поговорить, потомъ и тотъ, кто прерванъ, можетъ опять говорить, если осталось еще что сказать. Почему такое предпочтеніе вновь возбужденному? Потому, что рѣчь у такого бываетъ пламеннѣе, сердечнѣе и потому вліятельнѣе. Какъ цѣль распорядженій у Апостола, да вси учатся и утѣшаются, то справедливо такому дать поскорѣе мѣсто говорить; а тотъ, прежде говорившій, предполагается получившимъ благія внушенія прежде собранія, во время домашней молитвы и богомыслия;

слѣдовательно они у него не новы, не разъ повторялись въ умѣ, и предлагаются уже болѣе по памяти. Но и эта переѣна должна была происходить въ порядкѣ. Теодоритъ пишетъ: „Ничто да не дѣлается безпорядочно и съ замѣшательствомъ; потому что можетъ всякій изъ васъ предложить пророчество собравшимся, и чрезъ это принести имъ пользу. Этотъ порядокъ и до настоящаго времени остался въ церквахъ, и изъ учителей одни бесѣдуютъ съ народомъ въ одно торжественное собраніе, а другіе—въ другое.“

Ст. 32. *И души пророчестіи пророкомъ повинуются.*

„Видишь ли, какъ онъ опять приводитъ и причину, почему такъ заповѣдуетъ? Дабы человекъ не возражалъ и не противился (отговариваясь неудержимостію Духа), онъ говоритъ, что самое дарованіе повинуется (тому, кто получилъ его). *Духомъ* здѣсь онъ называетъ дѣйствіе (Его). Если же *Духъ повинуется*, то тѣмъ болѣе ты, получившій его, не имѣешь права возражать“ (св. Злат.).

Ст. 33. *Нѣсть бо нестроенія Богъ, но мира, яко во всѣхъ церквахъ святыхъ.*

„Доказываетъ, что и Богу такъ угодно. Видишь ли, сколь многими доводами онъ побуждаетъ къ молчанію и утѣшаетъ уступающаго другому? Во первыхъ тѣмъ, что въ этомъ случаѣ и онъ не исключается: *можете бо*, говоритъ, *все по единому пророчествовати*; во вторыхъ тѣмъ, что это свойственно Духу: *ибо души пророчестіи пророкимы повинуются*; далѣе тѣмъ, что это согласно съ волею Божию: *нѣсть бо нестроенія Богъ, но мира*; въ третьихъ тѣмъ, что это правило простирается на всю вселенную, и что онъ не заповѣдуетъ ничего новаго: *яко*, говоритъ, *во всѣхъ церквахъ святыхъ* (заповѣдую). Можетъ ли быть что-нибудь изумительнѣе этого? Церковь тогда была небомъ; Духъ устроялъ все въ народѣ, руководилъ и вдохновлялъ cadaго изъ

предстоятелей. А теперь у насъ одни только знаки тогдашнихъ дарованій. И нынѣ мы говоримъ; но все это только знаки и памятники прежняго. Въ древности говорили не по собственной мудрости, но по внушенію Духа. А теперь не то; я говорю свое. Нынѣ Церковь подобна женѣ, лишившейся прежняго богатства, сохраняющей во многихъ мѣстахъ только знаки первоначальнаго благоденствія и показывающей вмѣстилища и хранилища золотыхъ сокровищъ, а самаго богатства не имѣющей; такой женѣ уподобилась нынѣ Церковь. Говорю это, имѣя въ виду не дарованія,—не было бы слишкомъ прискорбно, если было бы только это,—но и жизнь и добродѣтель“ (св. Злат.).

γ).

Къ женамъ.

Ст. 34. *Жены ваша въ церквахъ да молчатъ; не по-
велься бо имъ глаголати, но повиноватися, якоже и за-
конъ глаголетъ.*

Поелику рѣчь у Апостола идетъ все объ ученіи въ церкви, то и здѣсь конечно о томъ же говорится. Вѣрно и жены приходили въ воодушевленіе, и опираясь на то, что во Христѣ Иисусѣ нѣсть мужскій полъ, ни женскъ, вставали въ собраніи и говорили въ назиданіе всѣхъ. Св. Павелъ находитъ это неумѣстнымъ и запрещаетъ, налагая на уста ихъ печать молчанія закономъ повиновенія въ отношеніи къ мужамъ. Св. Златоустъ говоритъ: „обличивъ безпорядокъ, происходившій отъ языковъ и отъ пророчествъ, Апостоль переходитъ къ безпорядку, производимому женщинами, и пресѣкаетъ неумѣстное ихъ дерзновеніе. Здѣсь онъ не увѣщаетъ, не совѣтуетъ, а повелѣваетъ со властію, приводя о томъ и древній законъ. Какой? Къ мужу твоему обращеніе твое, и той тобою обладаетъ

будетъ (Быт. 3, 16). Видишь ли мудрость Павла, какъ онъ привелъ такое свидѣтельство, которое повелѣваетъ имъ не только молчать, но и молчать со страхомъ, и притомъ съ такимъ страхомъ, съ какимъ надлежитъ безмолвствовать рабѣ!—Если же онъ таковы должны быть въ отношеніи къ мужьямъ, то тѣмъ болѣе въ отношеніи къ учителямъ и отцамъ и общему собранію Церкви. Имъ должно слушать что слѣдуетъ, а о сомнительномъ спрашивать у мужей дома.“

Ст. 35. *Аще ли чесому научитися хотятъ, въ дому своихъ мужей да вопрошаютъ: срамно бо есть женъ въ церкви глаголати.*

„Имъ, говорить, непозволительно въ церкви не только самимъ говорить открыто, но и спрашивать о чемъ-нибудь. Если же не должно спрашивать, то тѣмъ болѣе не позволительно говорить. Почему же онъ поставляетъ ихъ въ такомъ подчиненіи? Потому, что жена существо слабѣйшее, непостоянное и легкомысленное. Посему онъ и поставляетъ имъ въ учителя мужей и доставляетъ пользу тѣмъ и другимъ: женъ дѣлаетъ скромными, а мужей внимательными, такъ какъ они должны съ совершенною точностію передавать женамъ то, что услышать. Далѣе, поелику у нихъ считалось честію говорить въ собраніи, онъ опять доказываетъ противное и говоритъ: *срамно бо есть женъ въ церкви глаголати*; доказываетъ это сначала закономъ Божиимъ, а потомъ общечеловѣческимъ сужденіемъ и обычаемъ, какъ поступилъ онъ и тогда, когда бесѣдовалъ съ ними о волосахъ. И вездѣ можно видѣть такой его образъ рѣчи, что онъ обличаетъ не только Божественнымъ Писаніемъ, но и общеизвѣстными обычаями. Кромѣ того онъ заимствуетъ обличеніе отъ согласія всѣхъ и отъ повсюдности заповѣдей, какъ дѣлаетъ и здѣсь“ (св. Злат.).

Ст. 36. *Или отъ васъ слово Божіе изыде? Или васъ единыхъ достиже?*

„Здѣсь онъ выражаетъ, что прочія церкви соблюдаютъ тотъ же законъ, и такимъ образомъ пресѣкаетъ безпорядокъ указаніемъ на нововведеніе, и дѣлаетъ слова свои болѣе убѣдительными указаніемъ на голосъ всѣхъ. Онъ говоритъ какъ-бы: вы не первые, и не одни вы вѣрны, но (такова) вся вселенная. Вы, говорите, не можете сказать: мы были учителями другихъ и намъ не слѣдуетъ учиться у другихъ; здѣсь только утвердилось ученіе вѣры, и намъ не слѣдуетъ подражать примѣру другихъ. Видишь ли, какъ много доводовъ онъ привелъ въ ихъ обличеніе? Привелъ законъ, показалъ постыдность дѣла, представилъ въ примѣръ прочія церкви“ (св. Злат.).

Нынѣшніе толковники и слова: *яко во всѣхъ церквахъ святыхъ* (—33) соединяютъ съ: *жены ваша въ церквахъ да молчатъ*. Такъ что, и въ началѣ и въ концѣ, наложеніе молчанія на женщинъ въ церкви ограждается общностію такого закона во всей Церкви. Вѣрно ожидалось какое-либо, въ семъ отношеніи, непослушаніе, отъ котораго могла предотвратить увѣренность, что дѣйствуя такъ, онѣ особятся отъ всѣхъ и слѣдовательно дѣйствуютъ на срамъ себѣ: ибо личности въ христіанствѣ срамятъ, а не возвышаютъ.

вв).

Ст. 37. *Аще кто мнитъя пророкъ быти или духовенъ, да разумѣетъ, аже пишу вамъ, зане Господни суть заповѣди.*

Этимъ подтверждаетъ св. Павелъ свои распоряженія относительно дѣйствованія въ Церкви дарами пророчества и языковъ. Итакъ, говоритъ, вы, говоряшіе

языками и пророчествующіе, вникните какъ слѣдуетъ въ то, что пишу, и исполняйте то въ точности; ибо это Господни заповѣди. „Богъ повелѣваетъ это чрезъ меня“ (св. Злат.). Я не какъ совѣтъ предлагаю это вамъ, а даю отъ лица Господа, какъ заповѣдь къ исполненію. „Не самъ отъ себя подвигся я сказать это“ (Экум.). Кто это *духовенъ* здѣсь у Апостола? Вообще подъ духовнымъ можно разумѣть того, „въ комъ обитаетъ Духъ Божій“ (Феод.), или „кто имѣетъ какое-либо дарованіе духовное“ (Экум., Феоф.). Но здѣсь, по теченію рѣчи, будто ближе разумѣть имѣющаго даръ языковъ. Ибо объ немъ съ пророчествомъ говорилъ все Апостоль, и къ нимъ обращаетъ это заключительное внушеніе.

Ст. 38. *Аще ли кто не разумѣетъ, да не разумѣваетъ.*

Мысль темновата! Если, говоритъ, кто изъ тѣхъ, къ кому онъ обращаетъ рѣчь, не разумѣетъ, что это Господни заповѣди, пусть не разумѣетъ, — будто такъ: какъ хочеть, его воля, не приневоливаю; но пусть беретъ на себя и отвѣтственность, лежащую на тѣхъ, кои волѣ Божіей противятся. „Я сказалъ, что нужно; желающій слушайся, а не желающій дѣлай, какъ хочеть“ (Экум., Феоф.). И св. Златоустъ почти тоже говоритъ: „для чего онъ присоветовалъ это? Дабы показать, что онъ не принуждаетъ и не хочеть состязаться. И въ другомъ мѣстѣ онъ похоже на это сказалъ: *аще ли кто мнитися спорливъ быти, мы такового обычая не имамы* (1 Кор. 11, 16). Впрочемъ не вездѣ онъ поступаетъ такъ, но только тамъ. гдѣ проступки были не очень велики.“ Феофилактъ выставляетъ еще такую мысль. Напередѣ сказалъ: *духовный да разумѣетъ*; здѣсь говоритъ: если *кто не разумѣетъ*, — тоже, что если кто не духовенъ, — *да не разумѣваетъ* — тоже, что и оставаясь недуховнымъ. Такой оборотъ рѣчи всѣхъ заста-

вить послушаться даннаго распоряженія, чтобъ не обличить себя недуховными.

в).

Заключеніе всего сказаннаго о дарѣ пророчества и языковъ.

Ст. 39. 40. *Тѣмже, братіе моя, ревнуйте еже пророчествовати, и еже глаголати языки не возбраняйте. Вся же благообразно и по чину да бывають.*

Начавъ разсуждать о сихъ дарахъ, Апостоль сначала доказалъ, что даръ пророчества лучше и полезнѣе для Церкви дара языковъ; теперь заключаетъ: итакъ о дарѣ пророчества ревнуйте, но и когда кому данъ даръ языковъ, не возбраняйте употреблять его, съ тѣми ограниченіями, какія я сдѣлалъ. Потомъ Апостоль писалъ правила, какъ дѣйствовать въ Церкви этими дарами; и въ заключеніе къ этому преимущественно прилагаетъ слова: только все благообразно и по чину; а какъ благообразно и по чину будетъ, это онъ изобразилъ въ изложенныхъ правилахъ. Св. Златоустъ говоритъ: „Апостоль возвращается къ прежнему предмету, который подалъ ему поводъ говорить объ этомъ. И видишь ли, какъ онъ до конца соблюдаетъ различіе (между этими дарованіями), и какъ внушаетъ, что первое весьма необходимо, а послѣднее не такъ необходимо? О первомъ говоритъ: *ревнуйте*, а о послѣднемъ: *не возбраняйте*. Потомъ, какъ-бы въ совокупности предлагая и всѣ данныя правила, присовокупляетъ: *вся же благообразно и по чину да бывають.*“ „Чинъ же этотъ Апостоль далъ видѣть въ сказанномъ прежде (т.-е. въ правилахъ)“ (Феод.).

СЕДЬМОЕ ОТДѢЛЕНІЕ.

О ВОСКРЕСЕНІИ МЕРТВЫХЪ.

(Гл. 15).

„Окончивъ рѣчь о духовныхъ дарованіяхъ, Апостоль переходитъ къ предмету самому важному, къ ученію о воскресеніи; ибо Коринѣяне и въ этомъ отношеніи были весьма немощны. Какъ въ тѣлѣ, когда болѣзнь коснется самыхъ основныхъ частей его, зло дѣлается неисцѣльнымъ, если не приложить великаго попеченія; такъ и здѣсь предстояла подобная опасность, потому что зло простерлось до самыхъ основаній благочестія. Посему Павелъ и прилагаетъ великое попеченіе. Коринѣяне разногласили касательно ученія о самомъ воскресеніи. Такъ какъ въ немъ заключается вся наша надежда, то діаволъ сильно возставалъ противъ него, и иногда совершенно отвергалъ воскресеніе, а иногда говорилъ, что оно уже было. Въ посланіи къ Тимошею, Павелъ назвалъ это нечестивое ученіе гангреною (ракъ), и указалъ распространителей его, Именея и Филита, которые говорили, что воскресеніе уже было (2 Тим. 2, 17. 18). Иногда они говорили это, а иногда то, будто, если говорится гдѣ о воскресеніи, то тутъ разумѣется не воскресеніе тѣла, а очищеніе души (что и есть ея воскресеніе). Такое ученіе внушалъ имъ бѣсъ, желая не только отвергнуть воскресеніе, но и представить баснею все совершенное для насъ. Ибо, еслибы повѣрили, что нѣтъ воскресенія тѣла, то онъ мало-помалу убѣдилъ бы, что и Христосъ не воскресъ, и отсюда далѣе вывелъ бы, что Христосъ не приходилъ и не совершалъ того, что совершилъ. Такова злоба діав-

вола! Посему Павелъ и называетъ дѣйствія его *кознями* (Еф. 6, 11); ибо діаволь не обнаруживаетъ прямо того, что хочетъ надѣлать. дабы не быть обличеннымъ, но принимая на себя нѣкоторую личину, производитъ нѣчто другое, подобно какъ коварный врагъ, приступивъ къ городу и стѣнамъ, тайно подкапывается снизу, дабы такимъ образомъ не быть замѣченнымъ и успѣть въ своемъ предпріятіи. Но св. Павелъ всегда открывалъ такія сѣти его и преслѣдовалъ злыя козни его: *не не разумѣваемъ бо*, говорилъ онъ, *умышлений его* (2 Кор. 2, 11). Такъ и здѣсь онъ открываетъ все лукавство діавола, показываетъ всё его хитрости.—Говорить же объ этомъ предметѣ послѣ другихъ, потому что онъ есть самый важный и составляющій для насъ все“ (св. Злат.)

Откуда зашли къ Коринѣянамъ такія противныя истинѣ мнѣнія о воскресеніи?—Когда св. Павелъ говорилъ о семъ предметѣ въ Аѳинахъ, то нѣкоторые, выслушавъ его, насмѣхались надъ нимъ (Дѣян. 17, 32). Такъ невѣроятнымъ оно казалось тогдашней учености. Подобные ученые могли быть и въ Коринѣѣ, и даже въ числѣ увѣровавшихъ. Они и были—говорившіе, что воскресенія мертвыхъ нѣтъ. Это было не общее заблужденіе, а нѣкоторыхъ. Но и ихъ нельзя было оставить безъ вразумленія; ибо отъ нихъ зло могло перейти на другихъ, а пожалуй и всѣхъ заразить.—Видно, что изъ числа ихъ одни совсѣмъ не вѣрили воскресенію или сомнѣвались въ немъ (—12), а другіе только недоумѣвали, какъ возстанутъ мертвые, и какимъ тѣломъ придутъ (—35).—Исправляя тѣхъ и другихъ, Апостоль: 1) *сначала* доказываетъ истину воскресенія мертвыхъ—1—34; 2) потомъ объясняетъ, какъ оно будетъ,—35—53, и 3) наконецъ поетъ пѣснь побѣдную надъ смертію, съ краткимъ увѣщаніемъ—54—58.

1).

Приступая къ убѣжденію въ сей истинѣ Апостоль: а) владеть прочное основаніе всему послѣдующему разсужденію—въ несомнѣнности воскресенія Христова—1—11. Потомъ б) на этомъ основаніи строить доказательства и общаго всѣхъ воскресенія—12—32.—А въ заключеніе прилагаетъ в) краткое увѣщаніе — 33. 34.

а).

Истина воскресенія Христова несомнѣнна

15, 1—11.

Въ истинѣ воскресенія Христова въ числѣ увѣровавшихъ Коринтянъ никто не сомнѣвался. Св. Павелъ и не усиливается доказывать ее, а только напоминаетъ о ней, воспроизводя, какъ онъ ихъ самихъ оглашалъ вѣрою. Оглашеніе первое всегда и начиналось такъ: умеръ Христосъ и воскресъ, и вознесся на небо, откуда и придетъ судить живыхъ и мертвыхъ.—Такъ было и въ Коринѣ, и такъ они увѣровали.—Объ этомъ напоминаетъ имъ Апостоль, чтобы, какъ замѣчаетъ св. Златоустъ, когда послѣ станетъ онъ выводить отсюда истину воскресенія мертвыхъ, имъ нельзя уже было не вѣрить: ибо это значило бы не вѣрить самимъ себѣ и себя самихъ предавать осужденію.

Ст. 1. 2. *Скажу же вамъ, братіе, благовѣствованіе, еже благовѣстихъ вамъ, еже и пріяте, въ немже и стоите, иже и спасаетесь, кацѣмъ словомъ благовѣстихъ вамъ, аще содержите, развѣ аще не всуе отвѣстите.*

Скажу же вамъ—ἠγορεύω,—даю знать; но какъ они знали объ этомъ, то Апостоль хочеть этимъ сказать: возбуждаю ваше знаніе, возстановляю въ вашемъ со-

знаніи, напоминаю. Такъ всѣ наши толковники. Теоодоритъ: „намѣреваюсь напомнить вамъ.“ Теофилактъ и Экуменій: „напоминаю.“ Св. Златоустъ: „внушаетъ, что не преподаетъ ничего новаго, а напоминаетъ о томъ, что уже было извѣстно имъ.“—Можно такъ: припомните, братіе, *благовѣствованіе, еже благовѣстихъ вамъ.* Цѣль Апостола напомнить, какъ шло у нихъ благовѣстіе, съ чего началось, на чемъ утверждалось, какъ видно изъ словъ: *какоумъ словомъ благовѣстихъ;* но здѣсь вообще говоритъ о томъ,—въ той мысли однакожь, что и это напомнить имъ, около чего преимущественно вращалось благовѣстіе. „Сущность благовѣстія состоитъ въ томъ, что Богъ сдѣлался человѣкомъ, былъ распятъ и воскресъ“ (св. Злат.). Это и было всегда первымъ словомъ благовѣстія; объ этомъ и хочеть напомнить св. Павелъ.

Еже и пріяте. Я благовѣстилъ, а вы пріяли. Еслибъ я только благовѣстилъ, а вы не пріяли, можетъ быть, вы затруднились бы **припомнить**; а какъ пріяли, то вамъ трудно не **помнить**: ибо то, что напоминаю, составляетъ основу вѣры, есть причина того, что вы пріяли. *Въ немже и стоите.* Не только пріяли, но и стоите въ благовѣстіи. *Естѣхате,*—стали, установились, утвердились, или утверждены есте. Пріянуть можно иную вещь и сложить ее въ сокровищницу; но благовѣстіе не таково: если пріяно, то уже составляетъ духъ жизни; таково оно и у васъ, оно у васъ въ дѣйствіи, имъ живете и дышете. Никакого нѣтъ труда припомнить о томъ, что всегда на глазахъ.—*Имже и спасаетея.* Погибали прежде, а теперь спасаетея, видите и сознаете, что вышли изъ бездны пагубы, и находитесь на пути спасительномъ, въ увѣренности, что пребывъ до конца на пути, улучите и вѣчное спасеніе. Слѣд. благовѣстіе такой предметъ, который долженъ

быть дорогъ, какъ дорога жизнь, и жизнь вѣчна, — какъ не помнить?

Кацѣмъ словомъ благовѣстилъ вамъ. Итакъ припомните, какимъ словомъ я благовѣстилъ вамъ. Ниже, съ 3-го стиха онъ самъ сказываетъ, какимъ словомъ благовѣстилъ, т.-е. что говорилъ о смерти Господа, а потомъ о Его воскресеніи. Нельзя было не говорить о смерти, ибо на ней стоитъ наше спасеніе; но сказать о смерти и не сказать о воскресеніи значитъ подѣлать вѣру въ самое ея зародышѣ. Проповѣдь Евангелія всегда и состояла въ этомъ: умеръ Господь грѣхъ ради нашихъ, потомъ воскресъ, вознесся на небо и взявъ бразды правленія, всѣхъ къ Себѣ ведетъ, чтобы, съ Собою облаженствовать въ вѣчномъ царствѣ Своемъ. Итакъ, говоря: припомните, какимъ словомъ я благовѣстилъ вамъ, — объ этомъ словѣ напоминаетъ св. Павелъ. Главное здѣсь воскресеніе. Оно свѣтомъ божественнымъ освѣщаетъ крестъ и вводитъ во вседержительство Христово. На немъ и благовѣстіе стоитъ. *Кацѣмъ словомъ:* прямо возстановляло въ сознаніи слово о воскресеніи. Св. Златоустъ и опредѣляетъ смыслъ сего слова такъ: „какимъ образомъ я проповѣдывалъ вамъ дѣйствительность воскресенія.“

Аще содержите. — Если содержите въ памяти. Это обычный оборотъ: припомните, если не забыли. — Но онъ былъ увѣренъ, что не забыли, а содержатъ, что доказываютъ всѣ предыдущія слова. Онъ хочетъ этимъ выразить, что еслибъ забыли, то это было бы ни на что не похоже. Нѣкоторые переставляютъ эти слова съ предыдущими такъ: *аще содержите, кацѣмъ словомъ благовѣстилъ вамъ* — и всю эту рѣчь сочетаваютъ съ: *имже и спасаетея*, въ такой мысли: спасаетесь, если содержите, какъ я благовѣстилъ вамъ. — Никакой нѣтъ нужды въ такой перестановкѣ; рѣчь Апостола и безъ

того течетъ плавно. Не было у него въ цѣли, выстав- лять условія спасенія, а напомнить лишь, на чемъ стояло благовѣстіе, какимъ словомъ образовалась вѣра ихъ. *Кацѣмъ словомъ*—зависитъ отъ: *скажу*, напоми- наю, или припомните.

Развѣ аще не всуе вѣровасте. Если только вы не по- пусту увѣровали, не легкомысленно приняли вѣру, а установясь напередъ на твердомъ основаніи вѣры. Осно- ваніе же вѣры есть воскресеніе Христово. Онъ гово- ритъ: если только вы разумно увѣровали, то должны держать постоянно въ мысли истину воскресенія Хри- стова. „*Аще содержите.* Содержите же конечно,—*развѣ аще не всуе вѣровасте*, т.-е. если только не тщетно именуетесь христіанами. Ибо всецѣлость христіанства держится на догматѣ о воскресеніи Христовомъ“ (Ѳеод.). „Этимъ показываетъ, что зло касается главнаго пред- мета, что дѣло идетъ не о чемъ-нибудь маловажномъ, но о цѣлой вѣрѣ“ (св. Злат.).

Ст. 3. *Предахъ бо вамъ исперва, еже и пріяхъ, яко Христосъ умре грѣхъ нашихъ ради, по Писаніемъ.*

То ихъ приглашалъ припомнить, а теперь и самъ по- вторяетъ, какъ было дѣло, т.-е. кацѣмъ словомъ благо- вѣстилъ онъ; это было благовѣстіе о смерти и вос- кресеніи Господа. Съ первыхъ словъ моихъ къ вамъ рѣчь началась объ этомъ. Это смыслъ слова: *исперва*—*ἐν πρώτοις*. Но въ этомъ словѣ могло скрываться для нихъ особое нѣкое внушеніе: „указываетъ на время и внушаетъ, что крайне постыдно измѣнять вѣрѣ послѣ того, какъ вѣрили столь долгое время, и не только это, но и то, что объясняемый догматъ необходимъ; потому онъ и преподаанъ между первыми и въ самомъ началѣ“ (св. Злат.).

Предахъ, еже и пріяхъ. Ничего не вводилъ отъ сво- его ума; истина сошла съ неба и расходится по землѣ;

мы—передатчики. „Внушаетъ, что въ благовѣстіе ничего не должно вводить отъ себя, и показываетъ, что изъ догматовъ нѣтъ ни одного человѣческаго“ (св. Злат.). „Не самъ я изобрѣлъ проповѣдь, и не человѣческии послѣдовалъ разсужденіямъ; но отъ Владыки Христа пріялъ ученіе о семъ. Что же пріялъ ты? *Яко Христосъ умре грѣхъ ради нашихъ по Писаніемъ.* Сіе предсказали и Пророки, и Исаія взываетъ: *Той явленъ бысть за грѣхи наша и мученъ бысть за беззаконія наши* (Ис. 53, 5)“ (Θεод.).

Лычннкн съ укоромъ всегда обращались къ хрнстіанамъ: вы въ Распятаго вѣруете. Апостолы знали, что убѣжденіе вѣровать въ Распятаго само себя разрушаетъ,—но однакожь съ этого всегда начинали слово, не прикрываясь и говоря истину, какъ она есть. Былъ на землѣ человекъ—Иисусъ; и распятъ: вѣруйте въ Него и спасетесь. Что въ Коринѣ такъ было, прежде поминалъ уже объ этомъ св. Павелъ, говоря: *не судилиъ что видѣти въ васъ, точію Иисуса Христа, и сего распята* (—2, 2).—А между тѣмъ вѣра все росла и росла и обняла всю вселенную. Чѣмъ прикрѣплялась она къ сердцамъ?—Тѣмъ убѣжденіемъ, что Христосъ Иисусъ *умеръ грѣхъ ради нашихъ.* Никто не могъ скрывать отъ себя, что онъ грѣшенъ, и что грѣшнику нѣтъ спасенія. Слухъ о смерти подъятой ради грѣховъ нашихъ отверзалъ дверь спасенія. Въ нее и потекли всѣ. Надлежало только увѣреніе возымѣть, что смерть та не именуется только смертію грѣхъ ради нашихъ, но и дѣйствительно такова есть. А что она такова, объ этомъ свидѣтельствовало воскресеніе Умершаго. Вотъ золотая цѣпь спасительныхъ истинъ и убѣжденій! Вотъ почему и слово о смерти смѣло было, и вѣра въ Него дерзновенна!

По Писаніемъ. „Крестъ былъ всѣмъ извѣстенъ, потому что Христосъ распятъ въ глазахъ всѣхъ, а при-

чина не всѣмъ была извѣстна: что Онъ умеръ, это всѣ знали; а что Онъ претерпѣлъ смерть за грѣхи вселенной, этого многіе не знали; посему Апостоль и приводитъ свидѣтельство изъ Писаній“ (св. Злат.). Указываетъ на Писаніе, опредѣляя имъ значеніе смерти Христовой. „Не станемъ исчислять порознь всѣхъ мѣстъ Писанія, изъ которыхъ одни прямыми словами, а другія прообразованіями въ нихъ заключающимися доказываютъ, что Христось умеръ плотію, и что Онъ умеръ за грѣхи наши. *Ради беззаконій*, говорится въ Писаніи, *людей Моихъ ведеса на смерть*; и: *Господь предаде Его грѣхъ ради нашихъ*; и еще: *язвенъ бысть за грѣхи наша* (Исаіи 53, 8. 6. 5)“ (св. Злат.). Слово: *по Писаніемъ* показываетъ, что такъ издревле предречено; а древле предречено потому, что Богъ такъ внушалъ предречь; а Богъ такъ внушалъ предречь, потому что такъ положено въ предвѣчномъ совѣтѣ. Такимъ образомъ, вотъ куда возводило одно это слово. Дѣла идутъ во времени, а опредѣленіе объ нихъ предначертано въ вѣчности. Такое помышленіе тѣмъ паче необходимо было при словѣ о спасительной смерти Господа Іисуса Христа, умершаго яко человекъ.

Ст. 4. *И яко погребенъ бысть, и яко воста въ третій день, по Писаніемъ.*

И яко погребенъ бысть. „Желая показать, что смерть была истинная, а не кажущаяся, какъ думали нѣкоторые еретики, Апостоль прибавилъ и это слово: *и яко погребенъ бысть.* Погребеніе есть подтвержденіе дѣйствительности смерти“ (Экум.). *И яко воста въ третій день.* И это, говорить, я вамъ предалъ; и, какъ вслѣдъ за симъ приводитъ многія свидѣтельства о Его воскресеніи, то показываетъ тѣмъ, что въ этомъ и проповѣдь его главнымъ образомъ состояла, и теперь онъ поминаетъ о томъ съ тою особенно мыслию, чтобъ

они преимущественно этотъ предметъ возстановили въ сознаніи. — По Писаніемъ относится и къ: погребенъ и къ: *воста въ третій день*, и сказано не въ доказательство истины погребенія и воскресенія, а въ показаніе значенія ихъ, что это все случилось не просто, а по предначертанію предвѣчному и требуетъ не вѣры только, но и благоговѣнія, и углубленія въ созерпаніе всеобъятнаго значенія сихъ событій.

Св. Златоустъ говоритъ: „Гдѣ же сказано въ Писаніи, что Христосъ будетъ погребенъ и въ третій день воскреснетъ? — Въ прообразѣ Іоны, на который указываетъ Самъ Христосъ, когда говоритъ: *якоже бы Іона во чревь китовъ три дни и три нощи: тако будетъ и Сынъ Человѣческій въ сердцы земли три дни и три нощи* (Мѡ. 12, 40); въ прообразѣ кушины въ пустынь: какъ она горѣла и не сгорала, такъ и тѣло Христово было мертво, но не удержано смертію навсегда; въ прообразѣ змія, бывшаго при Даніилѣ: какъ онъ, принявъ пищу, данную ему Пророкомъ, разсѣлся, такъ и адъ, принявъ тѣло Христово, распался; потому что оно расторгло чрево его и воскресло. Если же ты хочешь и въ словахъ слышать то, что видишь въ прообразахъ, то послушай Исаію, который говоритъ: *яко возьмется отъ земли животъ Его* (Исаіи 53, 8) (т.-е. Онъ погребается); и еще: *Господь хочетъ очистити Его отъ язвы и живити Ему свѣтъ* (т.-е. воскреситъ) (—10. 11); также Давида, который еще прежде (Исаіи) сказалъ: *не оставиши душу мою во адъ, ниже даси преподобному Твоему видѣти истлѣнія* (Пс. 15, 10). Посему и Павелъ отсылаетъ тебя къ Писаніямъ, дабы ты зналъ, что это совершилось не просто и не безъ причины. Ибо могло ли быть такъ, если столь многіе Пророки преднаписали и предвозвѣстили это.“

Ст. 5. *И яко явися Кифъ, также единомадесятимъ.*

О явленіи Господа св. Петру въ Евангеліи (Лк. 24, 34) упоминается; и нѣтъ сомнѣнія, что оно было. Св. Павелъ могъ слышать о томъ отъ самого Петра. Св. Златоустъ говорить: „въ Евангеліи говорится, что Христосъ прежде всѣхъ явился Маріи; но изъ мужей—прежде всѣхъ Петру, который особенно желалъ видѣть Его.— Кто первый сподобился видѣть Господа, тому нужна была великая вѣра, чтобы не смутиться отъ необычнаго видѣнія. Посему Христосъ явился прежде всѣхъ Петру. Кто первый исповѣдалъ его Христомъ, тотъ справедливо первый удостоился видѣть и воскресеніе Его. И не поэтому только Христосъ явился прежде всѣхъ одному Петру, но и потому, что Петръ отверкся Его; дабы совершенно утѣшить его и показать, что онъ не отвергнуть, Христосъ удостоилъ его Своего явленія прежде другихъ.“

„Кифа достаточное для свидѣтельства лице, но оно одно. Посему Апостоль прибавилъ: *также единомадесятимъ*“ (Θεод.). У св. Златоуста и всѣхъ другихъ нашихъ толковниковъ стоитъ не одиннадцать, а двѣнадцать, — *δωδεκα*. Такъ обычно Писанію именовать все собраніе Апостоловъ, по первоначальному числу ихъ, хотя изъ числа ихъ и палъ Іуда; почему и Θома названъ у Евангелиста Іоанна однимъ *изъ обоюмадесяте* (20, 24). Собранію Апостоловъ явился Господь вечеромъ въ самый день воскресенія, и въ осьмый день спустя послѣ того, а можетъ быть и еще когда, хотя не записано. Когда же явился Апостолу Петру? Если принять, что св. Павелъ въ перечисленіи явленій соблюдаетъ порядокъ времени, то надо полагать, въ самый день воскресенія.

Ст. 6. *Потомъ же явися болъ пяти сотъ братямъ единоу, отъ нижше множайшии пребываютъ досель, ныци же и почина.*

Послѣ упоминанія о явленіи Господа двѣнадцати,— „чтобы не сталъ кто подозрѣвать, будто бы они о любимомъ учителѣ проповѣдали воскресеніе, котораго не было, Апостоль помянулъ и о явленіи болѣе, чѣмъ пяти стамъ братій,—не порознь, а всѣмъ вкупѣ. Свидѣтельство такого числа людей неподозрительно. И чтобы не подумалъ кто, что онъ самъ говоритъ, чего не было, прибавилъ, что изъ нихъ многіе живы доселѣ. Кому угодно, можетъ дознатъ объ этомъ отъ нихъ самихъ“ (Θеод.). „Хотя я, говоритъ, повѣствую о прошедшихъ событіяхъ; но имѣю свидѣтелей еще живущихъ. *Нѣции же и почиша*; не сказалъ умерли, но: *почиша*, утверждая и этимъ выраженіемъ истину воскресенія“ (св. Злат.).

Ст. 7 *Потомъ же явился Иакову, также Апостоламъ всѣмъ.*

Иакову— „мнѣ кажется, брату Своему; его говорятъ, Онъ самъ рукоположилъ и поставилъ первымъ епископомъ въ Іерусалимъ“ (св. Злат.). „Это было лице значительное не по одному родству, такъ какъ назывался братомъ Господнимъ, но и по собственной своей добродѣтели, такъ какъ нареченъ былъ праведнымъ“ (Θеод.).

Также Апостоламъ всѣмъ. „Ибо были и другіе Апостолы (кромѣ 12), именно семьдесятъ“ (св. Злат.). „Апостолами назвалъ здѣсь св. Павелъ не опять тѣхъ же двѣнадцать, ибо объ нихъ упоминалъ, но всѣхъ пріявшихъ такое рукоположеніе“ (Θеод.). „Были и другіе Апостолы изъ учениковъ Господа по подражанію двѣнадцати, каковы напр. Варнава, Фаддей“ (Экум.). Не избраны ли были они Самимъ Господомъ изъ числа увѣровавшихъ по воскресеніи?!

Обозрѣвъ всѣ сія явленія, св. Златоустъ наводитъ: „Христось не вдругъ всѣмъ явился по воскресеніи, но сначала являлся порознь, дабы посѣять предварительно сѣмена вѣры въ немногихъ и чрезъ нихъ приготовить

къ вѣрѣ и всѣхъ. Ибо кто первый увидѣлъ Его и совершенно удостовѣрился, тотъ сказалъ о томъ другимъ; потомъ сказанное распространялось, производило въ слышавшихъ ожиданіе великаго чуда и пролагало путь вѣрѣ въ явленіе. Посему Христосъ явился не вдругъ всѣмъ вмѣстѣ и немногимъ въ началѣ. Тѣ, которые увидѣли послѣ того, какъ видѣли другіе и когда уже слышали отъ нихъ, въ свидѣтельствѣ ихъ имѣли не малое пособіе, располагающее къ вѣрѣ и предуготовляющее душу. Прежде всѣхъ явился Онъ одному только верховному. Послѣ Петра являлся и другимъ порознь, и вмѣстѣ,—немногимъ и многимъ: дабы они сдѣлались другъ для друга свидѣтелями и учителями въ этомъ дѣлѣ.—Такъ шло дѣло. Достовѣрнѣйшіе же свидѣтели и проповѣдники воскресенія суть безъ сомнѣнія Апостолы.“

Ст. 8. *Послѣди же встѣхъ, яко нѣкоему извергу, явился и мнѣ.*

Выслушавъ все сказанное доселѣ, могъ иной подумать: ты все говоришь по слухамъ. Слухъ не вѣрный свидѣтель. Чтобъ этого кто не сказалъ, или чтобы кто-либо самъ себя не смутилъ такими мыслями, св. Апостолъ выставляетъ и себя очевидцемъ и свидѣлемъ воскресенія Господня, придавъ словамъ своимъ обычную ему скромность въ образѣ мыслей (Θεοδ.). *Извергъ*—не злодѣй, а выкидышъ. „Уподобляетъ себя выкинутому зародышу, который не включается и въ число людей“ (Θεοδ.). „Что хочетъ онъ сказать здѣсь такими смиренномудрыми словами, и по какому поводу? Если онъ хочетъ показать себя достовѣрнымъ и причислить себя къ свидѣтелямъ воскресенія, то слѣдовало бы сдѣлать противное, слѣдовало бы превознести и возвеличить себя, какъ онъ дѣлаетъ во многихъ мѣстахъ, когда требуютъ обстоятельства. Но здѣсь онъ

унижаетъ себя потому, что намѣревается сдѣлать то же самое, только не вдругъ, а съ свойственнымъ ему благоразуміемъ. Ибо уничививъ напередъ себя и высказавъ на себя много укоризнъ, онъ потомъ возвеличиваетъ дѣла свои. Для чего? Для того, чтобы когда онъ скажетъ о себѣ великое и высокое изреченіе: *паче всѣхъ потрудился*, слова его были несомнѣнными и приняты, какъ-бы сказанныя по ходу рѣчи. Кто говоритъ что-нибудь великое о другихъ, тотъ говоритъ смѣло и дерзновенно; а кто принужденъ хвалить самого себя, особенно когда представляетъ себя въ свѣдѣтели, тотъ стыдится и краснѣетъ. Потому и этотъ блаженный мужъ напередъ уничиваетъ, а потомъ возвеличиваетъ себя. Онъ дѣлаетъ это какъ для того, чтобы смягчить непріятность самохваленія, такъ и для того, чтобы сдѣлать чрезъ то достовѣрными слѣдующія слова свои; ибо, сказавъ неложно о томъ, что достойно осужденія, и не скрывъ ничего такого, напр., что онъ гналъ Церковь, что истреблялъ вѣру, онъ дѣлаетъ чрезъ то несомнѣнными и достохвальными дѣла свои. И смотри, какъ велико его смиренномудріе. Сказавъ: *послѣдні же всѣхъ явился и мнѣ*, онъ не удовольствовался этимъ, — ибо *мнози будутъ*, говоритъ Господь, *послѣдні первіи и перві послѣдніи* (Мѣ. 19, 30), — но присовокупляетъ: *яко нѣкому извергу*; и на этомъ не останавливается, но присоединяетъ собственное осужденіе, и приводитъ причину“ (св. Злат.).

Ст. 9. *Азъ бо есмь мній Апостоловъ, иже нѣсмь достоинъ нарецися Апостолъ, зане гонихъ церковь Божию.*

Перечисленіе очевидцевъ-свидѣтелей воскресенія кончено. Ихъ такъ много, что не вѣрить воскресенію Господню будетъ тоже, что называть день ночью. — Слѣдовало бы теперь сказать только то, что сказалъ чрезъ два стиха: такъ проповѣдуемъ, и такъ вы увѣровали.

Но коснувшись себя и своего призванія, Апостоль не могъ удержаться, чтобы не остановиться на этомъ и по своему чувству смиренія и благодарности и по цѣли, съ какою приводилъ свидѣтельства воскресенія. *Гонихъ церковь*, говоритъ, и потому Апостоломъ не стою именовать. Сильное выраженіе смиренія; но между тѣмъ, если прежде гналъ Церковь, а теперь сталъ проповѣдникомъ вѣры, основаніемъ которой служить воскресеніе Христово, то для всякаго отсюда выходило наведеніе: вѣрно этотъ гонитель имѣлъ поразительное удостовѣреніе въ воскресеніи, когда изъ гонителя сдѣлался проповѣдникомъ вѣры. Это наведеніе придавало свидѣтельству св. Павла о воскресеніи Христовомъ высшую цѣну предъ всѣми другими; оно и ихъ всѣхъ возвышало и вѣнчало собою. Св. Златоустъ говоритъ на это: „*Азъ есмь*, говоритъ, *мнѣй Апостоловъ*. Не сказалъ: только двѣнадцати, но и всѣхъ прочихъ (въ Еф. 3, 8—и всѣхъ святыхъ). Все это онъ говоритъ, какъ по смиренію, такъ и съ тѣмъ намѣреніемъ, дабы расположить слушателей къ скорѣйшему принятію послѣдующихъ словъ. Ибо еслибы онъ вмѣсто этого сказалъ: вы должны вѣрить мнѣ, что Христосъ воскресъ, потому что я видѣлъ Его, и я достовѣрнѣе всѣхъ свидѣтелей, потому что потрудился болѣе всѣхъ: то могъ бы такими словами оскорбить слушателей. А теперь, изображая напередъ обстоятельства, служащія къ его униженію и осужденію, онъ и смягчаетъ рѣчь свою, и пролагаетъ путь къ вѣрѣ въ его свидѣтельство.“

Ст. 10. *Благодатію же Божіею есмь, еже есмь, и благодать Его, яже во мнѣ, не тща бысть, но паче всѣхъ ихъ потрудихся: не азъ же, но благодать Божія, яже со мною.*

Опять тоже и обнаруженіе смиренномудрія, и возвышеніе своего свидѣтельства до несомнѣнности, за-

граждающей уста всякому пререканію. *Благодатию Божію есмь еже есмь*, а онъ есть Апостоль языкъ, огласившій до того времени всю Малую Азію, Македонію, Грецію и нѣкоторые острова. Послѣ этого онъ могъ сказать, что благодать Божія, избравшая его, не тща бысть въ немъ, что она не напрасно его избрала, что она чрезъ него успѣшно дѣлаетъ, что предназначила сдѣлать. Потому хотя и указываетъ на то, что потрудился больше всѣхъ Апостоловъ, но видитъ въ этомъ не плодъ своего усердія, а тоже дѣло благодати. Ибо не достало бы у его собственнаго духа силы возгрѣвать такъ напряженно это усердіе, и у его воли энергіи къ продолженію такихъ неимовѣрныхъ трудовъ. Это искреннее исповѣданіе: *не азъ, но благодать яже со мною*. Сведите теперь во едино: *благодатию Божію есмь, еже есмь,—благодать во мнѣ не тща бысть, благодатию Божію потрудихся*, и вы должны убѣдиться, что это есть лице, носящее благодать и носимое благодатию. Если такъ, то что есть въ устахъ его свидѣтельство о воскресеніи, если не то же, что свидѣтельство свыше, отъ Самого Бога? Такимъ образомъ обнаруженіе смиренія стало непреоборимымъ удостовѣреніемъ въ несомнѣнности свидѣтельства о воскресеніи Христа Господа.

Ст. 11. *Аще убо азъ, аще ли они, тако проповѣдуемъ, и тако впривосте.*

Сводитъ все сказанное. Припомните, говорить, какимъ словомъ благовѣстилъ я у васъ Евангеліе. Я говорилъ вамъ, что Христосъ Господь умеръ грѣхъ ради нашихъ, потомъ погребенъ и воскресъ въ третій день, свидѣтели чему безчисленны,—не одни Апостолы, но и множество вѣрующихъ, которые доселѣ живы, наконецъ и я самъ. И вотъ слово, которымъ мы оглашаемъ всѣхъ, которымъ оглашены и вы, и которому повѣрили.

Это значило: если вы вѣрующіе, то несомнѣнно стоите на твердомъ камнѣ вѣры въ воскресеніе Христа Господа. Апостоломъ очень достаточно сказано для того, чтобы возобновить въ сознаніи Коринѣянъ истину воскресенія Господня и оживить убѣжденіе въ ней. Экуменій пишетъ: „*аще азъ, аще ли они, тако проповѣдуемъ.* Мы согласны, говорить, въ проповѣди,—согласны всѣ и проповѣдуемъ такъ не гдѣ-либо въ углу, а открыто, всѣмъ всюду. Такъ и вы увѣровали вмѣстѣ со всѣми. Эту самую вѣру ихъ призываетъ теперь Апостоль въ свидѣтели истины (воскресенія). Ибо говоря: *впроставте,* даетъ разумѣть, что они не обманчивыми и лживыми словами были увлечены, а убѣждены вѣрными доказательствами въ истинѣ проповѣди, и потому повѣрили.“

б).

Доказательства воскресенія мертвыхъ

15, 12—34.

„Положивъ воскресеніе Спасителя нашего и Бога какъ-бы въ нѣкое основаніе, Апостоль назидаетъ на немъ ученіе объ общемъ воскресеніи, доказывая его самыми твердыми умозаключеніями“ (Феод.).

аа).

Первое доказательство беретъ Апостоль изъ разъясненія того, какъ нелѣпо при вѣрѣ въ воскресеніе Христова думать, что нѣтъ воскресенія мертвыхъ, и какое разстройство эта мысль вводитъ въ систему вѣрованія христіанскаго (ст. 12—19).

Ст. 12. *Аще же Христосъ проповѣдуется, яко изъ мертвыхъ воста, како глаголютъ нѣцыи въ васъ, яко воскресенія мертвыхъ нѣсть?*

Всюду проповѣдуется воскресеніе Христово, несомнѣнными свидѣтельствами удостовѣряемое, всюду вѣруютъ ему, вѣруете ему и вы. Такъ какъ же говорить у васъ нѣкоторые, что воскресенія мертвыхъ нѣтъ? Вотъ оно: Христось воскресъ изъ мертвыхъ. Ибо Онъ, будучи Богъ, былъ и человѣкъ; какъ человѣкъ, умеръ и погребенъ и затѣмъ возсталъ; чѣмъ умеръ, тѣмъ и воскресъ; тѣломъ умеръ, тѣломъ и воскресъ, тѣмъ самымъ, которое имѣлъ, обращаясь среди насъ, и въ котормъ распять; и по воскресеніи оно имѣло язвы принятыя въ распятіи. Итакъ вотъ вамъ воскресеніе мертваго! Какъ же говорить у васъ, что воскресенія мертвыхъ нѣтъ? Надо полагать, что смыслъ словъ ихъ былъ такой: воскресеніе мертвыхъ невозможно. Указавъ имъ на дѣйствительное воскресеніе, Апостоль исполнивъ опровергъ ихъ: ибо если есть—совершилось, то возможно: *ab esse ad posse valet consequentia*.

Блаж. Феодоритъ пишетъ: „Мы проповѣдали, говорить Апостоль, что Христось не только Богъ, но и человѣкъ; ибо *во образъ Божіи смѣ*, пріялъ Онъ зракъ раба (Фил. 2, 6. 7); и сказали, что Онъ и умеръ и возсталъ. Но очевидно, что Божество безстрастно, страданію же подлежитъ тѣло. Его-то и кресту предаль Христось, и воздвигъ отъ гроба. Посему какъ же продолжаетъ Апостоль, нѣкоторыми подвергается сомнѣнію воскресеніе тѣлъ, когда мы увѣровали въ воскресеніе Владыки Христа?“ Св. Златоустъ говоритъ: „Не сказалъ: какъ говорите вы, но: *како глаголютъ тѣци въ васъ*; не всѣхъ укоряетъ, и укоряемыхъ не отерываеъ, дабы не ожесточить ихъ, и не скрываетъ ихъ совершенно, дабы исправить ихъ. Для того онъ отдѣливъ ихъ отъ всѣхъ, устремляется противъ нихъ, и такимъ образомъ съ одной стороны обезсиливаетъ и поражаетъ ихъ, а съ другой утверждаетъ другихъ въ

истинѣ для борьбы съ ними, не допуская вѣрующихъ уклоняться къ тѣмъ, которые старались развратить ихъ; противъ такихъ людей онъ приготовился сказать сильную рѣчь.“

Ст. 13. *И аще воскресенія мертвыхъ нѣтъ, то ни Христосъ воста.*

Возьмемъ, говорить, вашу мысль съ другой стороны. Пусть она истинна. Смотрите теперь, что изъ нея должно слѣдовать? Если невозможно воскресеніе мертвыхъ, то и воскресеніе Христа невозможно; если невозможно, то его не было. Ибо *a non posse ad non esse* заключеніе идетъ само собою. Или: что есть неотъемлемая принадлежность рода, то имѣетъ мѣсто въ каждомъ недѣлимомъ. Если по вашему воскресеніе мертвыхъ немыслимо, то оно немыслимо и во Христѣ; слѣдовательно Онъ не воскресъ. Вы не можете ссылаться на то, что Христосъ былъ Богъ. Онъ былъ не Богъ только, но и человѣкъ, и тѣло было у Него настоящее наше тѣло со всѣми его существенностями. Если по вашему тѣламъ существенно не воскресать, то тоже должно принадлежать и тѣлу Христову. Бл. Феодоритъ пишетъ: „если невозможно одно (т.-е. воскресеніе мертвыхъ), то не было и другаго (т.-е. воскресенія Христова), потому что Владыка Христосъ имѣлъ тѣло (одинаковое съ нашимъ).“

Ст. 14. *Аще же Христосъ не воста, тщя убо проповѣданіе наше, тщя же и вѣра ваша.*

Если же Христосъ не воста, то отсюда выходятъ страшныя заключенія. Первое то, что стало-быть проповѣдь наша пуста, ничего истиннаго и существеннаго не содержитъ, пуста и вѣра ваша, ничего существеннаго вамъ не даетъ; мы рассказываемъ вамъ мечты, а вы мечты приняли; все у насъ одно сновидѣніе. На этомъ одномъ и останавливается Апостоль. Надлежало бы при-

бавить: такъ думать нельзя ни о проповѣди нашей, ни о вѣрѣ вашей. Но это онъ предполагалъ столь очевиднымъ, что и говорить о томъ находить излишнимъ. Увѣрованіе Коринѣянъ основывалось не на однихъ словахъ, а было подтверждено знаменіями и чудесами, изъ которыхъ они уразумѣли, что предъ ними Божіи послы и возвѣщаютъ имъ волю Божію, и вѣра ихъ не была пуста, и сопровождалась очевидными удостовѣреніями, что они вступили на путь истинный, Божій. Осязательнѣе всего это доказывали чрезвычайные дары Духа Святаго. Если же вѣра такъ явно не пуста, то и проповѣдь. То и другое было такъ очевидно, что нечего было и разяснять эти пункты. Св. Златоустъ и говоритъ: „онъ хочетъ потрясти души ихъ. Мы, говоритъ, все потеряли, все погибло, если Христосъ не воскресъ. Видишь ли таинство домостроительства? Если Христосъ умерши не могъ воскреснуть, то и грѣхъ не истребленъ, и смерть не побѣждена, и клятва не разрушена, и не мы только тщетно проповѣдывали, но и вы тщетно увѣровали.“

Ст. 15. 16. *Обрътаемъ же и лжесвидѣтеле Божіи, яко послушествовахомъ на Бога, яко воскреси Христа, Егоже не воскреси, аще убо мертвіи не востаютъ: аще бо мертвіи не востаютъ, то ни Христосъ воста.*

Но не тщета только нашей проповѣди и вашей вѣры отсюда выходить, а еще и большее нѣчто, именно: мы лжесвидѣтели, вы во грѣхахъ еще; и мертвые о Христѣ погибоша. *Обрътаемъ лжесвидѣтеле Божіи*, т.-е. о Богѣ; *яко послушествовахомъ*, потому что за свидѣтельствовавали, удостовѣряли; *на Бога*, — хатѣ тоѣ *Ѳеод*, — противъ Бога. Свидѣтельствовавали будто въ славу Божію, а вышло противъ Бога, въ хулу на Него, будто воскресилъ, когда не воскрешалъ. *Ѳеодоритъ* пишетъ: „мы подлежимъ наказанію за клевету, осмѣлившись утверждать, что Богъ воскресилъ Христа,

Егоже не воскреси.“ Не воскреси, какъ это слѣдуетъ по вашей мысли, т.-е., *еще мертвіи не востаютъ*. Ибо то уже непремѣнно должно слѣдовать, какъ я сказалъ: *еще мертвіи не востаютъ, ни Христосъ воста*. Апостолъ часто повторяетъ это умозаключеніе съ намѣреніемъ утвердить его въ мысли, ибо оно очень впечатлительно и въ такомъ, отчасти ужасающемъ, а болѣе нелѣпомъ видѣ представляетъ мысль о невоскресеніи мертвыхъ; потому что она ставится чрезъ то въ противорѣчіе съ очевидностію воскресенія Христова, столь неопровержимо доказаннаго, свидѣтель котораго есть самъ, вѣру утверждавшій въ Коринѣянахъ, и пишущій сіи убѣжденія.

Ст. 17. *Аще же Христосъ не воста, суетна вѣра ваша, еще есте во грѣсахъ вашихъ*.

А вотъ и для васъ что выходитъ изъ того, если Христосъ не воскресъ: *суетна вѣра ваша, еще есте во грѣсахъ вашихъ*. Вы увѣровали въ надеждѣ получить отпущеніе грѣховъ и пріять силы на противустояніе грѣху и истребленіе его въ себѣ новою жизнію. Эта надежда ваша суетна. Ибо на чемъ основывается надежда, что вѣрующему отпускаются грѣхи? На томъ, что Христосъ, умерши на крестѣ, принесъ за всѣ ихъ искупительную жертву: *се Агнецъ Божій, взявляй грѣхи міра* (Іоан. 1, 29). А что сія жертва принята, это чѣмъ свидѣлствуется? Воскресеніемъ Умершаго за грѣхи. Если Онъ не воскресъ, жертва не принята. Смерть Его, какъ и смерть всѣхъ. Съ другой стороны, избавленіе отъ грѣховъ, имѣетъ двѣ стороны: первая есть отпущеніе грѣховъ, а вторая сѣмя новой жизни во истребленіе грѣха. Первое подается приобщеніемъ смерти Христа, а вторая приобщеніемъ воскресенія Его. То и другое приемятъ вѣрующіе въ купѣли крещенія — омываются отъ грѣховъ и возвращаются къ новой жизни, чтобъ по

крещеніи ходить въ новой жизни, свѣтлой, какъ свѣтло состояніе Христа по воскресеніи. Если же не воста Христосъ, то и общенія воскресенію Его нѣтъ; а если этого нѣтъ, то нѣтъ и сѣмени въ насъ новой жизни; если этого нѣтъ, то грѣхъ по прежнему нами обладаетъ, то мы во грѣхахъ еще. Грѣхи, кои на насъ, смываются, когда грѣхъ въ насъ пресѣкается. Изъ этого выходитъ, что хотя бы смерть Христова и цѣну имѣла, мы все бы оставались въ грѣхахъ, ибо не могли бы получить новой жизни, на коей стоять и самое отпущеніе грѣховъ. Итакъ, *еще Христосъ не воста, еще есте во грѣсѣхъ вашихъ.*

Ст. 18. *Убо и умершии о Христѣ погубоша.*

Вотъ и еще страшное слѣдствіе вашей мысли, приводящей къ тому, что Христосъ не воста. Если Христосъ не воста: *убо умершии о Христѣ погубоша.* Почему погубили? Потому что умерли во грѣхахъ. Если вы, живые, еще есте во грѣхахъ, безъ воскресенія Христова, то и они, когда живы были, оставались во грѣхахъ; если же живые были такими, то такими и отошли отселѣ; если такими, т.-е. сущими во грѣхахъ, отошли, то какая имъ отрада тамъ? Погубили, пошли въ пагубу, въ адъ, на вѣчныя мученія. Въ вѣрѣ же Христовой то и отрадно, что она избавляетъ отъ ада и дѣлаетъ наслѣдниками царства небеснаго со Христомъ, по воскресеніи и вознесеніи сѣдящимъ одесную Отца. Одна ваша пустая мысль о невоскресеніи мертвыхъ разстраиваетъ всю цѣпь утѣшительныхъ христіанскихъ истинъ и надеждъ.

Умершими о Христѣ называетъ Апостоль не вѣрующихъ только, но и потерпѣвшихъ за вѣру, — тѣхъ и другихъ. Такъ св. Златоустъ: „Выраженіе—*умершии о Христѣ* означаетъ умершихъ или въ вѣрѣ, или за Него претерпѣвшихъ многія опасности и великія страда-

ніа, шедшихъ путемъ тѣснымъ. — Теодоритъ всю мысль текста изображаетъ такъ: „Напрасно, повидимому, умерщвлены за исповѣданіе Христова добродѣтельные мученики; и хотя съ усердіемъ подъяли подвиги, но вѣнцовъ не пріяли; потому что, если нѣтъ воскресенія, то нѣтъ возглашенія и о побѣдѣ.“ Кто будетъ раздавать вѣнцы, когда Самъ Подвигоположникъ не увѣнчанъ? А Онъ не увѣнчанъ, если не воскресъ.

Ст. 19. *И аще въ животъ семъ точію уповающе есмы во Христа, окаяннѣйшии всѣхъ человекъ есмы.*

Тутъ двѣ мысли возможны. Или такая: если всѣ наши надежды, какія питаемъ мы, прилѣпляясь вѣрою ко Христу, ограничимъ только сею жизнію, только въ сей жизни будемъ чаять получить отъ Него что-либо; то, сами видите, мы несчастнѣе всѣхъ людей; и образоваться невозможно такой надеждѣ, ибо насъ всѣхъ тѣснятъ, гонятъ, лишаютъ всего, и мы сами себя подвергаемъ всякаго рода лишеніямъ, въ видахъ нравственнаго преспѣянія. Какъ кто можетъ придти къ мысли чаять чего-либо отъ Христа въ сей жизни? И еслибы кто сталъ ее питать, неразумнѣе и жалче такого человѣка и вообразить нельзя. — Или такая: если, живя здѣсь, въ сей жизни, всю надежду нашу мы имѣемъ во Христѣ, — въ Христѣ, — въ томъ, что послѣ сей скорбной жизни, отъ Него получимъ утѣшеніе въ будущей, а между тѣмъ и мы, какъ умершіе уже, умремъ во грѣхахъ и погибнемъ, по сказанному предъ симъ, — т.-е. если Христосъ не воста, — то мы самые несчастные изъ людей. Здѣсь всего лишаемся, и тамъ ничего не получимъ, и это тѣмъ горше, что чаемъ тамъ получить то, чего и вообразить невозможно. Не такъ горько не получить нечаемаго, сколько горько не получить, что чаешь несомнѣнно получить. Бл. Теодоритъ пишетъ: „Мы проходимъ жизнь среди опасностей всякаго рода: томимые

голодомъ, терпя непрестанно обиды, переходя изъ темницы въ темницу по вселенной, не имѣя пріюта, скитаясь, борясь съ непрестанными тревоженіями. Нашъ поддерживаетъ добрая надежда (на упокоеніе въ будущемъ), и въ воскресеніи Спасителя нашего имѣемъ мы залогъ нашего воскресенія (и будущаго прославленія).“ А если Христосъ не воскресъ, — дополнимъ сію рѣчь, — то и прославленія въ будущемъ не будетъ. И останемся мы ни при чемъ. — Что можетъ быть горше такой участи?!

66).

Второе доказательство беретъ Апостолъ изъ силы воскресенія Христова, несомнѣнно доказаннаго и всѣми тѣми, къ кому онъ говоритъ, вѣруемаго. Тамъ онъ разъяснялъ, какъ та нелѣпая мысль (о невоскресеніи мертвыхъ) противна сей очевидности воскресенія; теперь раскрываетъ, какъ изъ сей очевидности воскресенія Христова выходитъ мысль совершенно противоположная той нелѣпой, именно: поелику Христосъ воскресъ, то и всѣ воскреснуть должны. Онъ говоритъ какъ-бы: тамъ я разъяснялъ, что выходитъ, если допустить вашу мысль; теперь покажу не только что выходитъ, но что есть и должно быть, если принять сущую истину. Ст. 20—28.

Ст. 20. *Нынѣ же Христосъ воста отъ мертвыхъ, начатокъ умершимъ бысть.*

Нынѣ же. То выводилъ я слѣдствія изъ того, если Христосъ не воста; теперь беру истину, что Христосъ воста, и покажу вамъ, что отсюда выходитъ. — Или *нынѣ же*, на дѣлѣ же, въ настоящей дѣйствительности вотъ что есть. Изъ вашей мысли мрачная картина выходитъ; а въ дѣйствительности не то есть, не то выходитъ по истинному исповѣданію вѣры нашей. — И

живописуетъ а) картину воскресенія всѣхъ (20—23) и б) преславное измѣненіе всего по возустроеніи всяческихъ (—24—28).

а).

Христосъ воста отъ мертвыхъ. Берите эту истину, которую вы приняли и въ которой стоите. *Христосъ воста* для Себя ли? Не для Себя. Онъ весь есть не для Себя. Не для Себя сошелъ на землю Единородный Сынъ Божій, не для Себя Онъ воплотился, не для Себя страдалъ и умеръ, не для Себя и воскресъ. Для кого же? Для того, ради кого и пришелъ,—для рода человѣческаго. Не смотри на сіе воскресеніе такъ, какъ бы оно въ Немъ совершилось и Имъ однимъ ограничилось; но какъ смерть Его упразднила смерти всѣхъ, такъ о воскресеніи Его разумѣй, что оно есть основа воскресенія всѣхъ. „Въ воскресеніи Спасителя нашего имѣемъ залогъ воскресенія нашего. Онъ первый сокрушилъ державу смерти, а за Нимъ, яко за начаткомъ, конечно послѣдуетъ и все смѣшеніе (и все человѣчество)“ (Θεод.).

Воскресши, Онъ воскресъ, какъ *начатокъ умершихъ*, имѣющихъ, т.-е, воскреснуть, какъ *первороденный изъ мертвыхъ* (Кол. 1, 18), за которымъ и другіе всѣ родятся изъ мертвыхъ въ жизнь нескончаемую. Какъ въ Ветхомъ Заветѣ, когда приносили въ храмъ Богу начатки, напр., первые снопы съ жатвы, тѣмъ самымъ освящали всѣ снопы и всю жатву: такъ Христосъ Господь, воскресши, освятилъ, благословилъ и утвердилъ воскресеніе всѣхъ, которые возстанутъ изъ земли, какъ колосья изъ сѣмянъ. Но Апостолъ хотѣлъ сказать этимъ и большее нѣчто, именно: что въ воскресеніи Христовомъ положено начало и основаніе воскресенію всѣхъ, что сила его такъ велика, что изъ него изыдетъ жизнь для всѣхъ, или что воскресеніе сіе есть въ возмож-

ности уже воскресеніе всѣхъ. Потому сколько не сомнѣвается вы въ воскресеніи Христа Господа, столько же не должны сомнѣваться и въ воскресеніи всѣхъ.

Ст. 21. 22. *Понеже бо чловѣкомъ смерть бысть, и чловѣкомъ воскресеніе мертвыхъ: якоже бо о Адамѣ вси умираютъ, такожде и о Христѣ вси оживутъ.*

Объясняетъ, почему воскресшій Христосъ есть такой начатокъ умершихъ, въ которомъ положено основаніе воскресенію всѣхъ. Для сего выставляетъ двухъ родоначальниковъ: праотца Адама, въ которомъ всѣ умерли, и Христа Господа, въ которомъ всѣ оживутъ. Умираютъ всѣ, кои отъ Адама, по той причинѣ, что умерли уже въ немъ; и оживутъ всѣ о Христѣ, по той причинѣ, что оживлены уже въ Немъ всѣ. Умираніе всѣхъ есть явленіе въ дѣйствительности того, что въ Адамѣ совершилось въ возможности; и оживленіе всѣхъ будетъ исполненіемъ въ дѣйствительности того, что во Христѣ воскреснемъ положено въ возможности. Теодоритъ пишетъ: „Обратите вниманіе на основаніе рода, и увидите, что за прародителемъ послѣдовали и потомки, и всѣ стали смертными; потому что онъ пріялъ смертность. Такъ все естество чловѣческое послѣдуетъ за Владыкою Христомъ и пріобщится воскресенія; потому что и Онъ *первороденъ изъ мертвыхъ* (Кол. 1, 18), какъ Адамъ есть первородный. Не безъ причины же Христа наименовалъ здѣсь Апостоль чловѣкомъ, зная, что Онъ Богъ; но чтобы, показавъ соестественность, подтвердить ученіе о воскресеніи.“

Эти послѣднія слова блаж. Теодорита относятся къ первому положенію: *чловѣкомъ смерть и чловѣкомъ воскресеніе*, въ сопоставленіи его съ послѣднимъ: *во Адамѣ вси умираютъ, во Христѣ вси оживутъ*. Тамошнему: *чловѣкомъ воскресеніе*, соотвѣтствуетъ здѣсь: *во Христѣ оживутъ*. Выходить: во Христѣ чловѣкъ получаютъ

воскресеніе или оживуть. Лежащая въ основаніи мысль та, что надлежало обоженному человѣческому естеству пройти весь путь возстановленія, чтобъ проложить дорогу возстановляемымъ. Для того Христось умираеть, чтобъ разрушить силу смерти, для того воскресаетъ, чтобы для всѣхъ положить основаніе воскресенія; для того входитъ въ славу, чтобъ и всѣмъ открыть дверь ко вступленію въ сію славу. Древніе святые не входили въ рай, а сходили въ особое мѣсто — шеоль, и тамъ ждали, пока придетъ Обѣтованный и проложитъ имъ туда путь. Пришелъ, прошелъ и ввелъ ихъ въ рай, только человѣческою душою, потому что то есть еще предназначательный рай. Такъ всюду прошло обоженное человѣческое естество, чтобъ собою проложить путь возстановленію всѣхъ людей. Это и выражаетъ Апостоль, когда говоритъ: *человѣкомъ смерть, человѣкомъ и воскресеніе.*—Симъ воскресеніемъ положено основаніе, проложенъ путь воскресенію всѣхъ.

Ст. 23. *Кійждо же во своемъ чину: начатокъ Христось, потомъ же Христу въровавшии, въ пришествіи Его.*

Слова: *кійждо же во своемъ чину*, двояко понимать можно. Если поставить ихъ въ связи съ предыдущимъ, они будутъ значить, что во Христѣ всѣ оживуть; но участь получить по воскресеніи всякій по своему достоинству; всѣ оживуть о Христѣ, не не всѣ вкусятъ блаженной жизни о Немъ, оживуть прежде для суда, а по судѣ для пріятія участи, какою кто заслужилъ. Св. Златоустъ говоритъ: „Дабы ты не подумалъ, что и грѣшники спасутся, онъ присовокупляетъ: *кійждо же въ своемъ чину*. Слыша о воскресеніи, не подумай, что всѣ получаютъ равное воздаяніе: ибо если наказаніе не всѣ понесуть равное, но весьма различное, то тѣмъ болѣе между грѣшниками и праведниками будетъ великое различіе.“ И Феодоритъ пишетъ: „Поелику ска-

заль: *все оживутъ*, по воскресеніи же будетъ раздѣленіе жившихъ цѣломудренно и предававшихся въ жизни невоздержанію, страдавшихъ невѣріемъ и просіявшихъ вѣрою и, однимъ словомъ, стремившихся къ дѣламъ похвальнымъ и къ дѣламъ укоризненнымъ; то по необходимости присовокупилъ: *каждо же въ своемъ чину*. Такъ и Господь въ священномъ Евангеліи учитъ, что агнецъ поставитъ одесную, а козловъ ошуюю (Мѡ. 25, 33).“ Такъ и всѣ и другіе наши толковники. Оправдываетъ такое толкованіе слово: *τάγμα*, которое означаетъ воинскій отрядъ, полкъ. Это подаетъ вмѣстѣ мысль, что самое воскресеніе уже укажетъ каждому свой отрядъ и полкъ, къ которому онъ самъ собою и понесется.

Другіе поставляютъ сіи слова въ связи съ послѣдующимъ, какъ общее указаніе на порядокъ, въ какомъ будетъ идти воскресеніе. Всѣ оживутъ о Христѣ, но это оживленіе будетъ идти въ своемъ порядкѣ: сначала воскресъ Христосъ, потомъ во второе Его пришествіе воскреснутъ тѣ, кои Христовы суть, за тѣмъ кончина, — т.-е., какъ думаютъ иные, послѣдуетъ и окончательное всѣхъ воскресеніе, — воскресеніе и тѣхъ, кои послѣ воскресенія Христовыхъ оставались еще невоскресшими. Что касается до значенія словъ: *каждо же въ своемъ чину*, то ихъ можно поставятъ въ такой связи, только не въ той мысли, какъ инымъ кажется, что тутъ означаются отряды воскресающихъ: т.-е. воскресаетъ Христосъ, потомъ вѣрующіе, потомъ невѣры и грѣшники, а въ той, что всему свое время. Всѣ оживутъ во Христѣ, но не вмѣстѣ съ воскресеніемъ Христовымъ, а въ свое время, — когда придетъ чередъ, придетъ же она во второе пришествіе Христово. Св. Златоустъ говоритъ: „теперь, по воскресеніи Христовомъ, дѣла человѣческія остаются въ обычномъ поряд-

кѣ,—а тогда, во второе пришествіе, и всѣ воскреснутъ, и всему будетъ конецъ.“

Христось воскресшій есть начатокъ, въ которомъ положено основаніе и указанъ путь всеобщаго воскресенія; а чрезъ это воскресеніе совершится окончательное возстановленіе падшаго человѣчества, и явленіе его въ предназначенной ему славѣ и въ свойственномъ ему свѣтѣ и совершенствѣ. Воскресеніе Христово потому есть ручательство за вѣрность всѣхъ христіанскихъ надеждъ, почему и славится христіанами паче всего. Воскресши и вознесшись на небеса, Господь повелѣлъ ждать втораго Его пришествія. Мы и ждемъ,—каждый часъ и каждую минуту. Никто не знаетъ, когда протрубитъ труба, возбуждающая мертвыхъ. Но когда протрубитъ, всѣ подымутся изъ гробовъ, или изъ того мѣста, гдѣ чьи сложены кости. Тогда исполнится то, что говоритъ Апостоль: *потомъ же Христу впровазиши, оі тѣо Христѣо*,—Христовы „т.-е. вѣрующіе и благочестивые“ (св. Злат.). „Не только увѣровавшіе во Христа послѣ Его вочеловѣченія, но и просіявшіе благочестіемъ и добродѣтелію подѣ закономъ и прежде закона“ (Θеод.). Но это только одна часть человѣчества спасеннаго, — гдѣ же другая часть — невѣровъ и грѣшниковъ погибающихъ?—Иные говорятъ: воскресеніе этой части разумѣется въ словахъ: *таже кончина*, которыя означаютъ: потомъ послѣдуетъ окончательное всѣхъ воскресеніе; и такимъ образомъ вводятъ два момента воскресенія, а иные—даже два періода, раздѣленные немалымъ пространствомъ времени. Совершенно произвольно. О двухъ воскресеніяхъ и намека нѣтъ въ Писаніи; а слова: *таже кончина*, означаютъ, что за воскресеніемъ послѣдуетъ конецъ всему,—судь, распредѣленіе оправданныхъ и осужденныхъ по своимъ мѣстамъ, прекращеніе теперешняго порядка бытія вещей

и начало новаго, когда откроется новое небо и новая земля. Другую какую мысль соединять съ сими словами и въ умъ не должно бы приходиться. Св. Златоустъ говоритъ: „Тогда всему будетъ конецъ.“ Θεодоритъ пишетъ: „Тогда все приметъ конецъ, и настоящій порядокъ вещей и предреченія Пророковъ.“ Гдѣ же воскресеніе грѣшниковъ и невѣрующихъ?—Его надо доразумѣвать при словахъ: *потомъ же Христу въровавшии*, доразумѣвать—т.-е. не безъ исключенія и тѣхъ, кои не суть Христовы. Мысль всего будетъ такая: теперь Христосъ воскресъ, а во второе Его пришествіе воскреснутъ и Христовы, но не одни конечно, а со всѣми другими людьми. При этомъ останется только рѣшить, чего же ради Апостоль не помянулъ объ нихъ особо? На это отвѣтимъ: такъ ему было угодно; помянулъ онъ о Христовыхъ, потому что говорилъ къ тѣмъ, кои Христовы суть, и ихъ надежды оживлялъ, а нехристовыхъ промолчалъ, чтобъ не омрачать свѣтлой картины воскресенія, давая доразумѣть о нихъ читающимъ самимъ,—изъ того, что впереди сказалъ, что о Христѣ всѣ оживутъ, безъ различія. Но изъ-за того, что онъ объ нихъ не помянулъ, раздѣлять воскресеніе на два момента, прикрываясь кривотолкованіемъ слова: *также кончина*, совершенно несправедливо. Св. Златоустъ и намека не дѣлаетъ на такіе моменты; то же, кажется, и Θεодоритъ. Экуменій и Θεофилактъ, хотя полагаютъ, что праведные не много упредятъ воскресеніемъ грѣшниковъ и невѣрующихъ, для того, чтобы срѣтнуть Господа на воздухѣ; но какъ они тутъ же говорятъ, что грѣшники останутся внизу, то этимъ подаютъ мысль, что время воскресенія умершихъ и по ихъ разумѣнію будетъ одно:—въ пришествіе Господне,—только одни изыдутъ изъ гробовъ впереди, а другіе позади, какъ выходящіе изъ какого дома всѣ находятся

въ состояніи и дѣйствіи исхода, но выходятъ одни впереди, а другіе позади. Новымъ толковникамъ, не зная почему, нравится навязывать св. Павлу мысль о двухъ моментахъ или временахъ воскресенія мертвыхъ.

3).

Ст. 24. *Таже кончина, егда предасть царство Богу и Отцу, егда испразднитъ всяко начальство и всяку власть и силу.*

Таже кончина. Т.-е. конецъ настоящему порядку вещей, конецъ и царству благодати! По воскресеніи судъ, по судѣ приговоръ, однимъ—*приидите*, другимъ—*отыдите*. *И идутъ сіи въ муку вѣчную, праведницы же въ животъ вѣчный.* Этимъ кончится все.

Егда предасть царство Богу и Отцу. Когда это *егда?*

Когда все кончится, тогда предасть царство Богу и Отцу; и когда Онъ предасть его Ему, тогда все кончится. Это неотдѣлимая современности или событія, одно другое вызывающія, взаимно себя предполагающія. Какое царство предасть? То, которое принялъ, яко основатель, устроитель, и совершитель царства благодатнаго. По воскресеніи Онъ сказалъ: *дадеся Ми всяки власть на небеси и на земли*,—яко побѣдителю ада и смерти. По вознесеніи и сѣдѣніи одесную Бога Отца, Онъ взялъ въ руки бразды правленія Своего царства, во исполненіе всего предначертаннаго въ предвѣчномъ совѣтѣ объ устроеніи спасенія челоувѣчества. По сей власти устроена Церковь на землѣ, по ней обращаются народы, по ней совершаются всѣ благодатныя дѣйствія обычныя (черезъ таинства) и необычныя непосредственно и по молитвѣ Церкви, по ней все челоувѣчество ведется къ послѣдному концу, по ней разрушится окончательно власть сатаны истребленіемъ

антихриста, по ней и смерть упразднится воскресеніемъ, и послѣднимъ судомъ завершится участь всего. Итакъ, когда все это предназначенное совершится въ царствѣ благодати, тогда Господь Иисусъ Христосъ предасть царство Богу и Отцу, т.-е. тогда Онъ отдастъ то, что получилъ по воскресеніи. Этимъ выражается, что царство благодати кончится, и начнется царство славы. Царство сіе есть царство Пресвятыя Троицы, въ коемъ и Сыну такая же часть принадлежитъ, какъ и Отцу и Духу Святому. Но Апостоль всего не говоритъ, а только то, что касается Христа Спасителя. Если разумѣть подъ царствомъ всѣхъ, вошедшихъ въ сіе царство, въ той мысли, что тогда изречетъ Господь: *се азъ и дѣти*,—то отъ этого главная мысль нисколько не измѣнится. Ибо царство Христово конечно имѣетъ подцарственные лица, а они и суть всѣ вѣрующіе, изъ коихъ составится Его царство. Къ этому прибавить только можно: когда всѣ предназначенные къ сему царству войдутъ въ него, тогда и конецъ царствованію Христову, яко Искупителя и Спасителя. Искупительныхъ и спасительныхъ силъ Его приложеніе прекратится: будетъ только непрерывное и нескончаемое дѣйствіе ихъ въ спасенныхъ уже и прославленныхъ.

Сіе преданіе царства Богу и Отцу будетъ послѣднимъ дѣйствіемъ Христа Господа, Царя благодатнаго царства. Ему предшествовать должно покореніе и упраздненіе всѣхъ враговъ сего царства,—дѣвола, смерти, грѣха. Все продолженіе царства Христова есть постоянное ихъ побѣжденіе. Въ своемъ лицѣ Онъ побѣдилъ ихъ Своею смертію, воскресеніемъ и вознесеніемъ. Непрерывно же ихъ побѣждаетъ и будетъ побѣждать до скончанія вѣка, въ лицѣ Своихъ вѣрующихъ. Въ концѣ вѣковъ возстанетъ антихристъ, совмѣститель имѣющій въ себѣ всю сатанинскую и бѣсов-

скую силу. Его Господь убіетъ духомъ устъ Своихъ, и тѣмъ во главу поразитъ сатану и всѣ полчища его. Вслѣдъ за тѣмъ послѣдуетъ воскресеніе мертвыхъ, которое есть упраздненіе смерти, или окончательная надъ нею побѣда. Остается еще грѣхъ. И онъ, въ лицѣ грѣшниковъ, будетъ упраздненъ окончательнымъ рѣшеніемъ: *отгидите отъ Мене проклятіи въ огнь вѣчный, уготованный діаволу и аггеломъ его.* Царство Божіе очистится отъ всего противнаго и богоборнаго, и свѣтъ славы Божіей возсіяетъ во всѣхъ областяхъ бытія. Послѣ всего этого уже Господь предастъ царство Богу и Отцу.

О такомъ упраздненіи Господомъ Спасителемъ враговъ и говоритъ далѣе св. Павелъ. *Егда испразднитъ всяко начальство и всяку власть и силу.* Этимъ указывается на окончательное уничтоженіе сатаны и клеветовъ его. Они будутъ заключены въ адъ, еще прежде суда: ибо на судѣ объ нихъ и помина не будетъ, а только о мѣстѣ, въ которомъ они уже находятся. Св. Златоустъ говоритъ: „Объ упраздненіи какого начальства говоритъ здѣсь Апостоль? Ангеловъ? нѣтъ! Вѣрующихъ? нѣтъ! Какого же? Начальства бѣсовъ, о которомъ онъ же говоритъ: *нѣсть наши брань къ крови и плоти, но къ началомъ и ко властемъ и къ міродержителемъ тьмы вѣка сего* (Еф. 6, 12). Теперь оно еще несовершенно упразднено, ибо они еще дѣйствуютъ часто; а тогда перестанутъ дѣйствовать.“

Ст. 25. *Подобаетъ бо Ему царствовать, дондеже положитъ вся враги подъ ногами Своими.*

Такъ, говоритъ, положено въ предвѣчномъ совѣтѣ, чтобы Господу царствовать, пока положить всѣхъ враговъ подъ ногами Своими; и слѣд. прежде этого не слѣдуетъ и нельзя Ему предать царство Богу и Отцу. Надобно при семъ имѣть въ мысли, что какъ *предистъ*

царство, такъ и *подобаетъ Ему царствовать, дондеже.*., должно разумѣть, по домостроительству спасенія. Ибо, какъ Сынъ Божій и Богъ, Господь имѣетъ надъ всѣмъ неизмѣнное царство, какъ Богъ Отецъ и Богъ Духъ Святой. Мы можемъ не ясно себѣ представлять, что есть пріятіе царства и преданіе его по домостроительству нашего спасенія; но не можемъ не разумѣть, что это не можетъ касаться измѣненія безпредѣльной власти и силы вседержительной, принадлежащихъ Господу Иисусу Христу, яко Богу; не можемъ также не полагать, что многое о Христѣ Спасителѣ и говорится, и имѣющимъ въ Немъ мѣсто представляется, чего не можемъ мы ни понять, ни пояснить, а должны принимать, какъ оно преподается намъ въ словѣ Божіемъ. Такъ то, что Господь Иисусъ Христосъ пріялъ царство, яко Спаситель, и предастъ его яко Совершитель спасенія чловѣчества, вѣрою примемъ, не умѣя до ясности представить, въ чемъ это и какъ. Одно будемъ содержать, что это точно такъ есть, и что это нисколько не нарушаетъ Его Божескаго надъ всѣмъ царствованія. На этой мысли особенно останавливаются наши толковники. Св. Златоустъ говоритъ при словѣ: предастъ царство: „Если мы будемъ принимать это просто, а не богоприлично, то слѣдуетъ, что Христосъ послѣ того уже не будетъ имѣть царства; ибо кто отдастъ что-либо другому, тотъ самъ уже перестаетъ владѣть тѣмъ. И не одна только эта слѣдуетъ недѣльность, но и та, что принявшій также не имѣлъ того прежде, нежели получилъ; т.-е., по ихъ мнѣнію, ни Отецъ не былъ прежде Царемъ и только еще ожидаетъ царства надъ нами, ни Сынъ послѣ того не останется Царемъ. Какъ же Онъ Самъ сказалъ: *Отецъ Мой доселѣ дѣлаетъ и азъ дѣлаю* (Іоан. 5, 17)?—Также изъ словъ: *подобаетъ Ему царствовать, дондеже положитъ*, и проч.—выйдетъ иная

недѣльность, если мы будемъ принимать это небогоприлично. Ибо *дондеже* означаетъ конецъ времени и предѣлъ, а этого нѣтъ въ Богѣ. *Дондеже* — сказалъ онъ не въ томъ смыслѣ, чтобы означить конецъ царствованія, но чтобы сдѣлать сказанное несомнѣннымъ и внушить надежду. Когда, говорить, ты слышишь, что Христосъ низложитъ всякое начальство, не опасайся, что у Него не достанетъ на то силы: Ему надлежитъ царствовать, доколѣ Онъ совершитъ это. Онъ владычествуетъ, управляетъ, и царство Его не прекращается.“
 Θεодоритъ пишетъ: „Богъ всяческихъ вѣчень, совѣчень Ему Единородный Сынъ Его. И царство имѣетъ также вѣчное; и сему именно научилъ насъ прор. Даниилъ, когда сказалъ: *царство Его царство вѣчное* (Дан. 7, 27), оно не разрушится въ вѣчное время!“

Ст. 26. *Послѣдній же врагъ испразднится смерть.*

Смерть испразднится воскресеніемъ, послѣ уже того какъ испразднятся начальство, власть и сила бѣсовская чрезъ пораженіе антихриста. Θεодоритъ пишетъ: „Діавола и споспѣшниковъ его пославъ во тьму кромѣшнюю, Христосъ положитъ конецъ смерти, воскресивъ всѣхъ усопшихъ.“ Св. Златоустъ говоритъ: „Какъ *послѣдній*? Послѣ всѣхъ, послѣ діавола, послѣ всего прочаго; ибо и въ началѣ смерть вошла послѣ всего: прежде совѣтъ діавола, потомъ преслушаніе, а за тѣмъ и смерть. Сила ея и теперь упразднена, но дѣйствіе прекратится тогда.“ Смерть испразднится не въ отношеніи только къ людямъ, но и въ отношеніи ко всѣмъ тварямъ: ибо нельзя тѣлу нашему сдѣлаться чуждымъ смерти и тлѣнія безъ того, чтобы тлѣніе и смерть совсѣмъ не были изгнаны изъ всѣхъ областей бытія. Настанетъ періодъ бытія неба и земли и всего, что въ нихъ, нетлѣнный.

Ст. 27. *Вся бо покори подѣ нозѣ Его. Внегда же рещи,*

яко вся покорена суть Ему, явѣ, яко развѣ Покоршаго Ему вся.

Апостолъ приводитъ слова Писанія въ подтвержденіе, что Господу Спасителю все должно покориться. Мѣсто взято изъ Псалма 8 го, ст. 7, гдѣ говорится, что всѣ твари земныя покорилъ Богъ человѣку. Къ Господу Спасителю примѣняетъ это мѣсто Апостолъ по той причинѣ, что Онъ есть первообразъ возстановленнаго человѣка, и что въ немъ совершеннѣйшимъ образомъ осуществляется то, чѣмъ долженъ быть человѣкъ по первоначальному предназначенію. Но какъ Онъ есть не человѣкъ только, но и Богъ; то и человѣческія принадлежности не могли оставаться въ Немъ въ тѣхъ предѣлахъ, въ какихъ прилично имъ быть въ человѣкѣ, а принимаютъ необычайные размѣры. Посему и власть человѣка надъ тварями только земными, въ Христѣ Спасителѣ, яко Богочеловѣкѣ, стала властію надъ всѣмъ сотвореннымъ. Эту мысль особенно и выясняетъ Апостолъ въ послѣдующихъ словахъ. Чтобы изъ приведеннаго мѣста кто не подумалъ, что и Ему, какъ-бы простому человѣку, покорена только земная тварь, онъ говоритъ: *всегда же реци, яко вся покорена суть Ему, явѣ, яко развѣ Покоршаго Ему вся*, Т. - е. когда говоритъ Писаніе, что *все* покорено Ему, то подъ этимъ *все* надо разумѣть все сотворенное, все, кромѣ Самого Творца, покорившаго Ему все.

Выше сказалъ Апостолъ, что Господь Спаситель Самъ покорить подъ ноги Свои всѣхъ враговъ Своихъ, Самъ испразднить всяко начальство, власть и силу; а здѣсь говоритъ, что Богъ Отецъ покорилъ все подъ ноги Его. Но здѣсь нѣтъ разномыслія, а одно и тоже утверждается въ разныхъ отношеніяхъ. Вся покори Богъ, — предназначилъ покорить, или предназначилъ, чтобы все Ему было покорно. Въ семь предназначеніи

участвовалъ и Сынъ столько же, сколько Отецъ по единодѣйствию Пресвятыя Троицы. Въ исполненіе же это опредѣленіе приводится Сыномъ Божиимъ самимъ по воплощеніи, смерти, воскресеніи и сѣдѣніи одесную Отца. Съ сего момента воспринята Имъ власть надъ всѣмъ покорнымъ и началось покореніе непокорнаго, именно грѣха, діавола, смерти. Покореніе сіе въ дѣйствіе идетъ къ концу, но еще не совершилось: *не у видимъ Ему всяческая покорена* (Евр. 2, 8), говоритъ сей же Апостоль. Если мы будемъ смотрѣть только на видимость, то можемъ подумать: никакого покоренія нѣтъ,—всѣ враги Христа Господа и наши свирѣпствуютъ, и власть ихъ съ вражествомъ не только не умалется, но возрастаетъ. Но не на это надо смотрѣть, а на то, что совершаетъ Господь въ вѣрующихъ; въ нихъ Онъ попираетъ грѣхъ, побѣждаетъ діавола и отъемлетъ силу у смерти. Число же истинно вѣрующихъ когда умалется, когда увеличивается, но всегда они есть и покореніе враговъ сихъ, и исторженіе изъ рукъ ихъ жертвъ ихъ идетъ непрерывно. Трофеи побѣды надъ ними—сонмы святыхъ, которые зрѣютъ въ церкви на землѣ, а просіяваютъ побѣдною славой на небѣ. Враги наши думать могутъ, что они берутъ силы, а Господь оставляетъ ихъ еще дѣйствовать въ видахъ приготовленія чрезъ нихъ побѣдителей ихъ. Когда же исполнится все по преднаписанному, тогда и всѣ враги сіи въ собственномъ ихъ лицѣ будутъ положены Господомъ подъ ноги Свои. Пока покорить такимъ образомъ Господь всѣхъ враговъ Своихъ и нашихъ, до тѣхъ поръ подобаетъ Ему царствовать. А что говорится: *покори*, — это значитъ далъ власть покорять, сѣдалъ властелиномъ и Царемъ.

Въ предыдущемъ стихѣ говорится: *послѣдній врагъ истрадится смертью*; въ настоящемъ: *вся бо покори*.

Основаніе указываетъ вѣрить, что смерть точно упразднится. Не смотри, что смерть еще царствуетъ. Въ числѣ преданныхъ во власть Господу и она состоитъ. Придетъ время и ей конецъ будетъ. Въ посланіи къ Филиппійцамъ Апостоль пряме выражаетъ ту же мысль. Ибо сказавши: *иже преобразитъ тѣло смиренія нашего, яко быти сему сообразну тѣлу славы Его* — это тоже, что упразднить смерть и воцарить нетлѣніе, — присовокупилъ: *по дѣйству еже возмогати Ему и покорити Себѣ всяческая* (—3, 21), — это тоже что: ибо Ему въ руки предана власть покорить всяческая. Этою властію и силою изгонитъ Онъ и смерть и украситъ тлѣнное нетлѣніемъ (Θεод.).

Ст. 28. *Егда же покоритъ Ему всяческая, тогда и самъ Сынъ покорится Покорившему Ему всяческая, да будетъ Богъ всяческая во всехъ.*

Все, говоренное Апостоломъ, — въ ст. 25 — 27, — направлялось къ тому, чтобы пояснить слова: *егда предасть царство Богу и Отцу*. Сущность дѣла въ слѣдующемъ: Ему предано все во власть, чтобъ всехъ враговъ Бога и чловѣчества упразднилъ. Когда это исполнено будетъ, тогда и цѣль врученія означенной власти будетъ достигнута и самой той власти продолжаться нужды не будетъ; почему она и сложена должна быть. И сложится: *Сынъ покорится Покорившему Ему всяческая*, — или, что тоже, *предасть царство Богу и Отцу*. Въ чемъ именно будетъ сіе состоять, мы не можемъ ясно себѣ представить; но что такъ будетъ, не можемъ сомнѣваться; не можемъ сомнѣваться и въ томъ, что хотя это будетъ по домостроительству спасенія, однако покорится самъ Сынъ, — такъ впрочемъ, что этимъ ни мало не будетъ явлено, и тѣмъ паче дѣломъ совершенно какое-либо умаленіе славы, силы и державы Божества Единороднаго. Св. Златоустъ гово-

рить: „Покорится такъ, какъ прилично Сыну-Богу, и не почеловѣчески, но свободно и съ полною властію. Иначе какъ Онъ сѣдитъ на престолѣ вмѣстѣ съ Отцемъ? какъ *Онъ живетъ, ижеже хочетъ, якоже и Отецъ* (Іоан. 5, 21)? Какъ все принадлежащее Отцу принадлежить и Ему, и принадлежащее Ему принадлежить и Отцу (Іоан. 17, 10)? — Это показываетъ намъ совершенную власть Его наравнѣ съ Отцемъ.“

То, что здѣсь говорится: *егда покоритъ*, т.-е. Отецъ, а прежде сказано: *дондеже покоритъ* самъ Сынъ,— „выражаетъ какъ совершенное согласіе Сына со Отцемъ, такъ и то, что Родившій столь могущественнаго и совершающаго такія дѣла Сына есть начало и первая причина всѣхъ благъ“ (св. Злат.).

И *будетъ Богъ всяческая во вѣсѣхъ*. И теперъ Онъ во всѣхъ: *о Немъ бо живемъ, движемся и есмь*. Но тогда это совершится и проявлено будетъ особымъ нѣкимъ образомъ, столько совершеннѣйшимъ, что настоящее исполненіе всяческихъ Богомъ сравнительно съ тѣмъ есть будто неисполненіе. И это непонятно, но такъ должно быть и будетъ. Ибо такія всемірныя измѣненія, какъ упраздненіе всѣхъ враговъ добра, истребленіе всѣхъ слѣдовъ зла изъ всѣхъ областей бытія, съ заключеніемъ производителей его въ одно неисходное мѣсто гдѣ-то, какъ говорить св. Златоустъ, на послѣднихъ границахъ сущаго, а въ заключеніе всего покореніе Сына Отцу и преданіе Ему царства (хотя это дѣйствіе мы не можемъ хорошо представить),— такія измѣненія не могутъ не сопровождаться пріискреннѣйшимъ Бога пріобщеніемъ ко всѣмъ могущимъ вмѣщать Его общеніе.—Богъ всегда есть сокровеннѣйшій; и тогда Онъ пребудетъ таковымъ. Но есть степени Его откровенія. Иначе Онъ въ насъ, иначе въ Ангелахъ, и изъ Ангеловъ иначе въ Херувимахъ,

Серафимахъ и престолахъ. Если мы тогда подвигнемся нѣсколько повыше, по лѣстницѣ совершенства, то что дивнаго, если Онъ въ насъ откроется тогда столь полно, что настоящее будетъ сравнительно съ тѣмъ незначительно.

Мы отпали отъ Бога; для воссоединенія безпредѣльная благодѣть Божія ввела Богочеловѣчество Сына Божія. Въ настоящей періодъ времени симъ неизреченнымъ посредствомъ совершается воссоединеніе, состоятъ въ дѣйствіи, въ ходу есть. Въ лицѣ Его челоѣчество воссоединено съ Божествомъ въпостасно, какъ невозможно ему быть соединену ни въ комъ другомъ. Всѣ однакоже воссоединяются по образу Его, и этимъ показывается, какъ сему воссоединенію предназначено быть прискреннымъ. На землѣ оно совершается тайственно, посредствомъ таинствъ, благодатію Святаго Духа. На небѣ, въ прославленныхъ, оно существеннѣе является,—но должно быть не во всей полнотѣ: ибо они находятся еще не въ цѣлостномъ естествѣ своемъ. Когда облукются всѣ въ нетлѣнныя тѣла, тогда и съ челоѣчествомъ Спасителя сочетаются полнѣе, а чрезъ Него и съ Божествомъ прискреннѣе. Господь Спаситель, какъ глава, все тѣло спасаемыхъ проникнетъ и съ Собою сочетаетъ, а оно все чрезъ сочетаніе съ Его челоѣчествомъ къ Божеству ближе, живѣе и существеннѣе прикоснется.—Вотъ это и есть: *будетъ Богъ всѣческая во всѣхъ*. Всѣ подобныя соображенія суть дѣтскія лепетанія. Но что будетъ нѣчто изумительно великое и преславное въ самыхъ отношеніяхъ Божества къ намъ и насъ къ Нему, это есть несомнѣнный предметъ надеждъ, сколько дивный, столько же и вѣрный.

Бл. Феодоритъ пишетъ на эти слова: „Теперь по сущности Богъ повсюду есть, потому что естество

Его неописанно, и о Немъ, по Апостольскому слову, живемъ и движемся и есмь (Дѣян. 17, 28); но не во всѣхъ по благоволенію, потому что благоволитъ въ болящихся Его, и во уповающихъ на милость Его (Пс. 146, 11). Но и въ нихъ Онъ—не всяческая, потому что никтоже чистъ отъ скверны (Іов. 14, 4); и не оправдится предъ Тобою всякъ живой (Пс. 142, 2). и аще грѣхи назриши Господи, Господи, кто постойтъ (Пс. 129, 3)?—Посему, хотя благоволитъ за то, въ чемъ пресѣвуютъ, но не благоволитъ за то, въ чемъ прегрѣшаютъ. Въ жизни же будущей, когда прекратится тлѣніе и преподается безсмертіе, не будетъ мѣста страстямъ; а по конечномъ изгнаніи страстей не воздѣйствуетъ уже ни одинъ видъ грѣха. Такъ наконецъ будетъ Богъ всяческая во всѣхъ, когда всѣ избавлены будутъ отъ грѣхопадений, и къ Нему обратятся, и не будутъ уже принимать въ себя наклонности къ худшему.—Но что божественный Апостоль сказалъ здѣсь о Богѣ, то въ другомъ мѣстѣ изрекъ о Христѣ, говоря: иже нѣсть Еллинъ, ни Іудей, обрѣзаніе и необрѣзаніе, варваръ и Скивъ, рабъ и свободъ, но всяческая и во всѣхъ Христосъ (Кол. 3, 11). Принадлежащаго Отцу не приписалъ бы онъ Сыну, еслибы благодатию Божіею не наученъ былъ Его равночестію.“

вв).

Продолжая доказывать истину всеобщаго воскресенія, Апостоль приводитъ два убѣжденія къ принятію сей истины: одно беретъ изъ крещенія, ст. 29; а другое—изъ своихъ смертныхъ опасностей при проповѣди о семъ воскресеніи, 30—32.—*Помеже*,—ἐπει, — стоитъ здѣсь въ значеніи: ктому же.

Ст. 29. *Помеже что сотворятъ крестящіися мерт-*

выхъ ради? Аще отнюдъ мертвіи не востаютъ, что и крещаются мертвыхъ ради?

Это мѣсто темновато. Видно, что св. Павелъ выводитъ необходимость вѣры въ воскресеніе изъ таинства крещенія; а въ какой силѣ, не видно.—Не такъ ли?—Крещаемся въ смерть Господа съ приобщеніемъ и силы воскресенія Его; ибо выходящій изъ купели новою уже живетъ жизнію. Это обновленіе жизни есть залогъ воскресенія, какъ воскресеніе Христово основаніе воскресенія мертвыхъ.—Апостоль говоритъ имъ: вы крещаете себя мертвыхъ, но имѣющихъ ожить, здѣсь духовно, а потомъ и тѣлесно. Положите теперь, что кто-нибудь крещается безъ сей надежды воскресенія и слѣдовательно безъ приобщенія силы воскресенія Христова, что онъ дѣлаетъ? Мертвый входитъ въ купель, мертвый и выходитъ. Таковыя крестятся мертвыхъ ради, себя т.-е., и больше ничего. Что же и креститься? Такъ объясняетъ блаж. Фотій у Экумениа. „Что, говоритъ, творять крещаемые, чтобъ не быть навсегда мертвыми и навсегда содержимыми во адѣ? Т.-е. если нѣтъ воскресенія, то крещаемые въ такихъ надеждахъ что дѣлаютъ? Если мертвые не востаютъ,—что и крестятся, чтобы востать? Но онъ выражается разительнѣе, говоря: что и крестятся мертвыхъ ради, говоря какъ бы,—тѣхъ ради, которыхъ вы, по своему невѣрію въ воскресеніе, отчисляете къ имѣющимъ вѣчно быть мертвыми? Отчисляя же къ мертвымъ и другихъ и себя самихъ, и къ мертвымъ вѣчно, что дѣлаете вы, крестясь за себя самихъ, никогда не имѣющихъ воскреснуть, а навсегда осужденныхъ пребыть мертвыми?—Не къ нимъ же прямо говорить, а будто о стороннихъ (т.-е. не во второмъ, а въ третьемъ лицѣ), чтобъ не слишкомъ поразить ихъ.“

Почти въ этомъ же смыслѣ беретъ сіе и св. Злато-

устъ. Вотъ его пространная объ этомъ рѣчь:—„Апостоль приступаетъ теперь къ другому доказательству дѣла, самихъ противниковъ приводя во свидѣтельство истины. Что же говорить онъ?—Но я напередъ скажу вамъ, какъ искажаютъ эти слова зараженные ересію Маркіона. Когда у нихъ умираетъ кто-нибудь изъ оглашенныхъ, то они, спрятавъ живаго подъ одромъ умершаго, приступаютъ къ мертвому и спрашиваютъ его, желаетъ ли онъ принять крещеніе? Спрятанный подъ одромъ вмѣсто его отвѣчаетъ за него, что онъ желаетъ принять крещеніе; тогда этого живаго крестятъ вмѣсто умершаго, разыгрывая какъ-бы представленіе на зрѣлищѣ. Потомъ когда ихъ осуждаютъ за это, они указываютъ на слова Апостола и говорятъ: Апостоль сказалъ: *крестящіися мертвыхъ ради*. Видишь ли, какъ это смѣшно. И стоитъ ли опровергать ихъ?—Не думаю. Что же говоритъ св. Павелъ? Но припомните прежде, что дѣлаемъ мы, приступая къ св. крещенію. Мы исповѣдуемъ предъ тѣмъ принесенные съ неба догматы, въ числѣ коихъ произносимъ и слѣдующее: *вѣрую въ воскресеніе мертвыхъ*. Въ такой вѣрѣ мы и крещаемся; ибо послѣ сего исповѣданія мы сходимъ въ источникъ тѣхъ священныхъ водъ. Это самое припоминая, Апостоль говоритъ: если нѣтъ воскресенія, то для чего и крестись ты *мертвыхъ ради*, т.-е. тѣлъ? Ибо при крещеніи ты вѣруешь воскресенію мертваго тѣла,—тому, что оно уже не останется мертвымъ. Ты словами исповѣдуешь воскресеніе мертвыхъ, а священникъ, какъ-бы въ образѣ, показываетъ тебѣ самымъ дѣломъ то, чему ты вѣровалъ и что исповѣдалъ словами; ты вѣруешь безъ знака, а онъ тогда же представляетъ тебѣ знакъ; ты дѣлаешь зависящее отъ тебя, и Богъ тогда же удостовѣряетъ тебя. Какъ и какимъ образомъ? Водю. Ибо нисхождение и погруженіе въ воду, а потомъ вос-

хождение отъ воды есть знакъ нисхожденія во адъ и восхожденія оттуда. Посему Павелъ и называетъ крещеніе гробомъ, когда говоритъ: *спогребохомся Ему крещеніемъ въ смерть* (Римл. 6, 4). Этимъ онъ удостовѣряетъ и въ несомнѣнности будущаго, т.-е. воскресенія тѣла. Ибо изгладить грѣхи гораздо труднѣе, нежели воскресить тѣло. Въ банѣ же паки-бытія благодать касается самой души и съ корнемъ исторгаетъ изъ нея грѣхъ. Душа крещенаго чище самыхъ солнечныхъ лучей, бываетъ такою, какою была въ началѣ, или даже гораздо лучше; ибо она получаетъ Духа, который совершенно воспламеняетъ ее и дѣлаетъ святою. Какъ ты, переплавляя желѣзо или золото, дѣлаешь чистымъ и новымъ, такъ точно и Духъ Святой, переплавляя душу въ крещеніи, какъ бы въ горнилѣ, и истребляя грѣхи, дѣлаетъ ее чистѣйшею и блистательнѣйшею всякаго чистаго золота. Отсюда теперь ты можешь убѣдиться и въ истинѣ воскресенія тѣлъ. Такъ какъ грѣхъ ввелъ смерть, то по истребленіи корня, безъ всякаго сомнѣнія, истребится и плодъ его. Посему ты и говоришь напередъ объ *оставленіи грѣховъ* (исповѣдую едино крещеніе во оставленіе грѣховъ), а потомъ исповѣдуешь и *воскресеніе мертвыхъ* (чаю воскресенія мертвыхъ), переходя отъ перваго къ послѣдному далѣе, такъ какъ слово: *воскресеніе*, еще не показываетъ всего,—то тебѣ повелѣвается говорить и *въ жизнь вѣчную* (и жизни будущаго вѣка), дабы никто не думалъ, что смерть будетъ и послѣ того воскресенія. Такимъ образомъ, припоминая эти слова, Павелъ говоритъ: *что сотворятъ крестящіиися мертвыхъ ради?* Если нѣтъ, говорить, воскресенія, то эти слова—шутка; если нѣтъ воскресенія, то какъ мы убѣждаемъ другихъ вѣрить тому, чего не даемъ? Заставляемъ подтверждать согласіемъ истину воскресенія, котораго они не получаютъ!—

Какая нужда въ самомъ исповѣданіи, еслибы за нимъ не слѣдовало дѣло?“

Блаж. Феодоритъ своимъ образомъ выражаетъ мысль Апостола, держась все тойже исходной мысли—силы крещенія. По нему Апостоль говоритъ: „крещающійся спогребается со Владыкою, чтобы, приобщившись смерти, содѣлаться общникомъ и воскресенія. Если же тѣло мертво и не воскреснетъ, то для чего и креститься?“

Итакъ, въ поясненіе сего мѣста или надобно принимать какое-либо мнѣніе изъ нашихъ толковниковъ, или оставлять его въ числѣ непонятныхъ. Новѣйшіе толковники очень дурно дѣлаютъ, полагая, будто Апостоль говоритъ здѣсь о крещеніи за мертвыхъ,—т.-е. о томъ, что такъ осмѣиваетъ св. Златоустъ. Можно ли допустить, чтобы Апостоль Павелъ оставилъ безъ обличенія такое нелѣпое нововведеніе, еслибы оно было въ Коринѣ? И сообразно ли съ его характеромъ пользоваться заблужденіемъ для подтвержденія истины, очень твердо доказанной имъ уже изъ другихъ источниковъ?“

Ст. 30. *Почто же и мы бѣды приѣмлемъ на всякъ часъ?*

Второе убѣжденіе беретъ св. Павелъ изъ самоотверженныхъ трудовъ Апостольскихъ въ проповѣди Евангелія, къ предметамъ которой принадлежитъ и догматъ о воскресеніи мертвыхъ. Онъ говоритъ какъ-бы: какъ бы мы рѣшились переносить бѣды, лишенія, смерти, еслибъ не было осязательно достовѣрно Евангеліе, и въ немъ истина воскресенія, послѣ коего трудящихся въ Евангеліи ожидаетъ свѣтлое воздаяніе?! Это немислимо. „Смотри, чѣмъ еще старается онъ подтвердить догматъ,— собственнымъ рѣшеніемъ (т.-е. рѣшимостію на всѣ бѣды и смерти), или лучше не своимъ только, но и прочихъ Апостоловъ. И это не маловажное доказательство—указывать на учителей, вполне увѣренныхъ въ истинѣ и подтверждающихъ ее не только словами, но и дѣла-

ми. Посему онъ не просто говорить: и мы убѣждены въ этомъ,—одного этого недостаточно было для убѣжденія, — но представляетъ доказательство отъ дѣлъ и какъ-бы такъ говорить: исповѣдывать это словами, можетъ-быть, кажется вамъ нисколько не удивительнымъ; но если мы представимъ вамъ доказательство отъ дѣлъ, то что вы скажете противъ этого? Послушайте же, какъ мы проповѣдываемъ это каждый день своими страданіями. Не сказалъ: *азъ*, но *мы*, имѣя въ виду всѣхъ Апостоловъ вмѣстѣ, и такимъ образомъ съ одной стороны показывая свое смиреніе, а съ другой — дѣлая достовѣрными слова свои. Что вы можете сказать? Не обманываемъ ли мы васъ, проповѣдуя это, и не изъ тщеславія ли учимъ такъ? Но допустить такое мнѣніе не позволяютъ наши страданія; ибо кто сталъ бы непрестанно подвергаться страданіямъ тщетно и напрасно? Посему и говорить: *почто же и мы бѣды приемлемъ на всякъ часъ?* Изъ тщеславія, можетъ-быть, кто-нибудь рѣшился бы на это одинъ, или два раза, но не на всю жизнь, подобно намъ; а мы посветили на это всю жизнь свою“ (св. Злат.).

Ст. 31. *По вся дни умираю, тако ми ваша похвала, братіе, юже имамъ о Христвъ Исустъ Господь нашемъ.*

Послѣ указанія на всѣхъ Апостоловъ, на себя одного упираетъ взоръ, своимъ примѣромъ подтверждая и страданія прочихъ Апостоловъ. Вотъ я, говорить, умираю всякій день,—изъ-за чего, если нѣтъ воскресенія! *Умираю по вся дни*—значить: по вся дни нахожусь въ такихъ обстоятельствахъ, что мнѣ угрожаетъ смерть; но я не отступаю, а предаю себя въ рѣшеніе воли моей на сію смерть и такъ себя держу, какъ имѣющій тотчасъ умереть. Такимъ образомъ, хотя смерти и не бываетъ, но я все испытываю чувства умирающаго, какъ будто прохожу сѣнь смертнующу. Св. Златоустъ говорить:

„какъ же онъ умираетъ *по вся дни*? Ревностію и готовностію къ тому. А для чего онъ это говоритъ? Опять для того, чтобы и такимъ образомъ подтвердить истину воскресенія. Кто рѣшился бы, говорить, подвергаться столь многимъ родамъ смерти, если нѣтъ воскресенія и будущей жизни? Если и для вѣрующихъ воскресенію нужно великое мужество, чтобы за него подвергаться опасностямъ, то тѣмъ болѣе невѣрующій не рѣшился бы подвергнуться столь многимъ и столь тяжкимъ родамъ смерти.“

Тако ми похвала ваша—удостоверительный оборотъ рѣчи. Значить или: вы сами мнѣ отдадите сію похвалу, потому что и у васъ я былъ всегда въ такомъ же положеніи. Или: клянусь вашею похвалою (Фотій), будто прозакладую похвалу, какую имѣю о Христѣ Иисусѣ въ васъ, ради вашего обращенія и спасенія,—если говорю неправду. Первая мысль самая удобная: ибо такое усиленное доказываніе сего, всѣмъ извѣстнаго, обстоятельства, какое предполагаетъ вторая мысль, совершенно излишне. Достаточно указать на него.

Ст. 32. *Аще бо по чловѣку со звѣремъ боряхся въ Ефесѣ, кая ми польза, аще мертви не востанутъ? Да ямы и ніемъ, утрѣ бо умремъ.*

По теченію рѣчи ожидается, что здѣсь Апостоль поминаетъ о чемъ-либо большемъ, нежели о чемъ давалъ знать прежде словами: *тды пріемлемъ на всякъ часъ, и умираю по вся дни*. Потому слова *со звѣремъ боряхся въ Ефесѣ*, надо понимать въ прямомъ, а не въ переносномъ смыслѣ. Св. Златоустъ говоритъ: „показываетъ Апостоль, какими родами смерти онъ умиралъ: я боролся, говорить, со звѣрями. Богъ избавилъ меня отъ опасностей; но что изъ того?“ Тоже и бл. Феодоритъ: „я дѣлался пищею звѣрей, но чудесно спасенъ. Какой же для меня плодъ отъ сей опасности, если нѣтъ вос-

кресенія мертвыхъ?“ То, что въ Дѣянїяхъ объ этомъ не поминается, и что самъ св. Павелъ не поминаетъ о томъ во 2 Кор. 11 гл., это не мѣшаетъ такъ понимать сіе мѣсто, потому что ни Дѣянїя не говорятъ всего объ Апостолѣ, ни самъ онъ. Какъ это могло случиться? По человѣку, *κατὰ ἄνθρωπον*, — по человѣческому навѣту. Раздражились недоброжелатели, и рѣшили предать его звѣрямъ. Богъ избавилъ, заградивъ уста звѣрей. Инымъ думается, что Богъ разстроилъ самое злоумышленіе; и Апостоль хотя не боролся дѣйствительно, тѣмъ не менѣе однакожъ въ рѣшимости имѣлъ себя преданнымъ звѣрямъ. Но *бораяся* даетъ мысль о дѣйствительности событія.

Слово: *по чловѣку*, трудно здѣсь улаживается. Св. Златоустъ говоритъ: „сколько возможно чловѣку.“ Теодоритъ: „по чловѣческому разсужденію.“ Фотій у Экуменїя, какъ св. Златоустъ, и еще: „если не для будущей надежды и воздаянїя боролся я со звѣремъ, а для чловѣческой славы, какая мнѣ польза?“

Какъ ми польза? „Если не придетъ время воздаянїя и всѣ наши дѣла ограничиваются настоящимъ, то мы терпимъ большій вредъ; вы увѣровали безъ опасностей, а мы закалаемся каждый день. Впрочемъ все это онъ говоритъ не потому, чтобы подвизался для награды, но по немощи многихъ, дабы ихъ утвердить въ истинѣ воскресенїя. Для него достаточнымъ было воздаянїемъ дѣлать угодное Богу. И подлинно (для вѣрующаго), великая награда уже въ томъ, чтобы во всемъ угождать Христу, и безъ награды для него великое уже воздаянїе въ томъ, чтобы за Него подвергаться опасностямъ“ (св. Злат.).

Да ямы и піемъ, утръ бо умремъ. Если нѣтъ воскресенїя, нѣтъ другой жизни и воздаянїя, которое можетъ быть полно только при цѣлости естества въ чловѣкѣ,

т.-е., чтобъ онъ былъ не духъ только и душа, но и тѣло; то изъ-за чего лишать себя какихъ-либо удовольствій: ѣшь и пей: умрешь и всему конецъ. „Этими словами теперь Апостоль пристыжаетъ ихъ и говорить не отъ себя, но приводитъ слова великаго пророка Исаи противъ беспечныхъ (Ис. 26, 13. 14)“ (св. Злат.). „И Апостоль привелъ сии слова кстати, какъ бы такъ говоря: излишенъ постъ, излишне воздержаніе, насладимся удовольствіями настоящей жизни, если любителямъ добродѣтели не уготовано никакого воздаянія“ (Θеод.). Это слѣдствіе прямо выходило изъ невѣрія въ воскресеніе. Ибо хотя и при этомъ возможно еще вѣрить въ безсмертіе души; но этого недостаточно. Одна душа— не человѣкъ, и жизнь душою—неполная человѣческая жизнь. Всѣ святые въ настоящее время живутъ душою и духомъ, и Божиимъ укрѣпляемые могуществомъ помогаютъ призывающимъ ихъ, но и дѣйствованіе сіе и вкушеніе благъ, до воскресенія не совершенно, есть только начатокъ и залогъ того, что будетъ по воскресеніи. Оно и есть потому, что есть воскресеніе. Не будь сего и того не было бы. Св. Павелъ не различаетъ безсмертія души отъ воскресенія; но полагаетъ, что коль скоро сего нѣтъ, нѣтъ и того; слѣдовательно смертію все кончается, а отсюда прямо выходитъ: *да ямы и пїемъ, утръ бо умремъ.*

в).

Краткое увѣщаніе,—по поводу всего сказаннаго.

Ст. 33. 34.

Ст. 33. *Не лститесь: тлѣтъ обычаи благи беспѣды злы.*

Не лститесь ꙗꙗ ꙗланѣзде, не обманывайтесь, не впадите въ заблужденіе, не поддавайтесь обману. Беспѣды

злыя—собесѣдованіе съ людьми злыми, у которыхъ умъ развращенъ, потому обладаетъ бѣсовскою хитростію верадываться въ умы другихъ и развращать ихъ понятія, а за понятіями и жизнь. Или бесѣды означаютъ вообще соображеніе, интимныя сношенія съ людьми превратно о всемъ разсуждающими. Впереди привелъ Апостоль слова людей предавшихся отчаянію. Теперь говоритъ какъ бы: такихъ людей всегда много можно встрѣчать; смотрите, берегитесь. Рѣчь идетъ у Апостола о здравыхъ и нездравыхъ понятіяхъ, и бесѣды злыя понятія развращаютъ; потому ожидалось бы, что онъ скажетъ: злыя бесѣды растлѣваютъ умы, изгоняя изъ нихъ истину и посѣвая ложь; а онъ говоритъ: растлѣваютъ обычаи добрые, т.-е. добрые навыки, нравы, доброе поведеніе, добрую жизнь. Нравъ утвердившійся нельзя разстроить не разстроивъ понятій. Злыя бесѣды точно прямо умы развращаютъ, но когда умъ развратится, чѣмъ поддержишь нравъ? Онъ тотчасъ и начнетъ портиться. Апостоль, минуя это посредствующее звено развращенія ума, прямо указываетъ на большую опасность развращенія нрава. Благій нравъ и очевиднѣе и дороже. Еслибъ Апостоль сказалъ: бесѣды злыя попортятъ ваши понятія, иной могъ бы сказать или подумать: какъ попортятъ? Въ одно ухо вошли, въ другое вышли; хоть такъ никогда не бываетъ. Но когда сказалъ, что онѣ портятъ нравы, то всякаго заставилъ призадуматься и съ одного уже этого слова заготовляться опасеніемъ отъ злыхъ бесѣдъ и людей. Или подъ благими нравами онъ разумѣетъ и души легкомысленныя, удобопреклонныя ко всякому вѣтру ученія (св. Злат., Феод. и др.). „Этими словами съ одной стороны онъ укоряетъ Коринѣянъ, какъ неразумныхъ (легко увлекающихся), а съ другой—сколько можно извиняетъ ихъ въ прежнихъ заблужденіяхъ, снимая съ нихъ боль-

шую часть вины и возлагая на другихъ, дабы и такимъ образомъ обратить ихъ къ покаянію (къ оставленію заблужденія)" (св. Злат.).

Ст. 34. *Истрезвитесь праведно, и не согрѣшайте; невѣднѣе бо Божіе нынѣ имутъ, къ сраму вамъ глаголю.*

Истрезвитесь: прогоните ложныя мысли, возстановите здравыя о всемъ понятія, какъ научены мною, разсуждайте о всемъ трезвенно, вѣрно, твердо, не колеблясь, не такъ, какъ пьяные, которымъ не знать что мерещится. *Праведно* значить: какъ должно, какъ правда Божія требуетъ, какъ Богъ повелѣлъ въ откровеніи. *И не согрѣшайте*, не погрѣшайте въ образѣ мыслей вашихъ. „Какъ заблудившимся и упоеннымъ невѣріемъ, сказалъ: *истрезвитесь*“ (Ѳеод.). „Говорить, какъ опьянѣвшимъ и неистовствующимъ. Ибо опьянѣвшимъ и неистовствующимъ свойственно не видѣть того, что прежде видѣли и не вѣрить тому, что прежде исповѣдали“ (св. Злат.).

Не согрѣшайте можно поставлять въ отношеніи къ *истрезвитесь*, какъ средство къ цѣли. Не грѣшите, чтобы и возымѣть и всегда хранить здравый образъ мыслей о всемъ, и о самомъ воскресеніи мертвыхъ, и будущемъ воздаяніи. Св. Златоустъ говоритъ: „справедливо прибавилъ онъ: *не согрѣшайте*, показывая, что отсюда происходили у нихъ сѣмена невѣрія. Онъ во многихъ мѣстахъ выражаетъ, что развратная жизнь порождаетъ худыя мысли, напр. говоритъ: *корень всѣмъ злымъ серебромліе есть, егоже нынѣ желающе, заблудша отъ вѣры* (1 Тим. 6, 10). (Такъ и здѣсь). Многіе, сознавая свои пороки и не желая понести наказаніе, отъ страха перестаютъ вѣрить и воскресенію; напротивъ, дѣлающіе много добраго желаютъ увидѣть его каждый день.“

Съ другой стороны и трезвеніе можно поставлять въ

отношеніи къ несогрѣшенію, какъ средство къ цѣли.— Такъ оно стоитъ у всѣхъ святыхъ. Хотя у нихъ трезвеніемъ означаетъ неблужданіе мыслями туда и сюда, стояніе умомъ и вниманіемъ на единомъ, но такого рода состояніе не иначе возможно, какъ по утвержденіи ума во всѣхъ истинахъ. Тогда прекращается блужданіе мысли или пустомысліе и суетномысліе. Но переходъ вниманіемъ ума отъ одной святой истины къ другой не считается нарушеніемъ трезвенія; онъ напротивъ способствуетъ къ возгрѣянію его. Вліяніе же трезвенія на несогрѣшеніе зависитъ отъ того, что трезвенный умъ не допускаетъ не только страстныхъ, но и пустыхъ мыслей; когда же нѣтъ помысловъ, страсти молчатъ; а когда страсти покойны, откуда быть грѣху? ибо всякій грѣхъ есть осуществленіе страсти.

Невѣдѣніе бо Божіе иными умутъ.— *Невѣдѣніе Божіе* есть невѣдѣніе о Богѣ, о свойствахъ Божіихъ и дѣлахъ. Еслибъ они знали это какъ слѣдуетъ, то никакъ не впали бы въ невѣріе о воскресеніи тѣлѣ. Ибо если Богъ открылъ о семъ, а Онъ есть истина, то какъ не вѣрить сему? Кто понимающій, какъ слѣдуетъ, что есть Богъ, посмѣетъ поперечить умомъ своимъ уму Божію? Когда Богъ говоритъ, тварь должна принимать слово Его безпрекословно, съ теплою покорностію. Съ другой стороны, кто знаетъ Бога, тотъ не можетъ допустить ни малаго сомнѣнія о возможности воскресенія, ясно понимая, что Создавшему изъ ничего ничего не стоитъ возсоздать изъ готоваго уже, хотя распавшагося вещества. „Не вѣрить воскресенію свойственно тому, кто не имѣетъ совершеннаго понятія о непобѣдимой и вполне достаточной на все силѣ Божіей. Ибо если Онъ сотворилъ сущее изъ несущаго, то тѣмъ болѣе можетъ воскресить разрушившееся“ (св. Злат.). Феодоритъ тоже заключеніе выводитъ съ другой стороны. „Весьма

премудро невѣрованіе воскресенію назвалъ Апостоль невѣдѣніемъ Бога. Кто *исповѣдуетъ Бога въдѣти* (Тит. 1, 16), тотъ вѣруетъ, что Онъ праведенъ. Праведному прилично воздаяніе (праведное). Но праведнаго воздаянія въ настоящей жизни не видимъ. Посему исповѣдающему, что вѣруетъ въ Бога, должно ожидать воскресенія.“

Такое невѣдѣніе, говоритъ, *нѣщии имутъ*, и тѣмъ смягчаетъ укоръ; но потомъ прибавляетъ: *къ сраму вамъ глаголю*, внушая, что хотя виновны въ этомъ *нѣщии*, но вина эта такого рода, что срамитъ всѣхъ васъ. Какъ допускаете вы, чтобы былъ кто-нибудь среди васъ такой? — Если они не по упорству таковы, то какъ доселѣ не исправлены вами; а если по упорству, то какъ доселѣ терпимы среди васъ? Надобно или исправить ихъ, или очистить общество отъ нихъ. Св. Златоустъ находитъ, что слова сіи прибавлены для смягченія обличенія. „*Къ сраму глаголю*, т.-е., чтобы исправить, чтобы вразумить, чтобы вы, устыдившись, сдѣлались лучшими. Ибо онъ опасался, чтобы поразивъ болѣе надлежащаго, не отвратить ихъ отъ себя.“

2).

Объ образѣ воскресенія.

Ст. 35—53.

Сначала ставитъ Апостоль тему на все послѣдующее разсужденіе, въ видѣ вопроса со стороны, какъ воскреснутъ тѣла, и въ какомъ видѣ, ст. 35.

Затѣмъ рѣшаетъ первый вопросъ: а) какъ воскреснутъ тѣла, т.-е. какою силою? ст. 36 — 38. Потомъ второй: б) въ какомъ видѣ воскреснутъ они, ст. 39—50. Наконецъ пророчески сказываетъ в) какъ совершится самое воскресеніе, ст. 51—53.

Ст. 35. *Но речетъ нѣкто: како востанутъ мертвіи? коимъ же тѣломъ пріидутъ?*

Это обычные вопросы относительно воскресенія тѣлъ, вѣрующій ли ищетъ наученія, или невѣрующій думаетъ озадачить вѣрующаго, полагая, что нечего отвѣтить на такіе вопросы. Апостоль предпологаетъ вопросъ со стороны послѣднихъ. „Здѣсь онъ опровергаетъ возраженія, представляемыя язычниками (принятія и поколебавшимися въ вѣрѣ въ воскресеніе тѣлъ увѣровавшими Коринѣянами). Не сказалъ: *но можетъ быть вы скажете* (хотя ихъ прямо имѣлъ въ виду), а неопредѣленно указываетъ на какого-то возражателя, дабы прямымъ рѣзкимъ указаніемъ не слишкомъ поразить виновныхъ. Онъ приводитъ два недоумѣнія: касательно образа воскресенія и касательно качества тѣлъ; ибо возражавшіе сомнѣвались въ томъ и другомъ и говорили: какъ воскреснетъ разрушившееся и въ какомъ явится видѣ? Что значитъ: *коимъ тѣломъ?* Т.-е., въ этомъ ли истлѣвшемъ, разрушившемся, или въ какомъ-либо другомъ?“ (св. Злат.).

а).

Вопросъ, какъ воскреснутъ тѣла, т.-е. какою силою, рѣшаетъ Апостоль сравненіемъ воскресенія съ рожденіемъ изъ сѣмянъ растеній, вывода отсюда: воскреснутъ силою Божіею.

Ст. 36. *Безуміе, ты еше спши, не оживетъ, аще не умретъ.*

„Съ такими строгими словами обращается онъ къ нимъ потому, что они спрашиваютъ не о чемъ-либо сомнительномъ, но о томъ, что достовѣрно извѣстно. Такъ обыкновенно поступаемъ и мы съ тѣми, которые противорѣчатъ чему-нибудь достовѣрно извѣстному. А почему онъ не тотчасъ указываетъ на силу Божію?

Потому, что разсуждаетъ съ невѣрующими. Когда онъ говоритъ съ вѣрующими, то не прибѣгаетъ къ умо-заключеніямъ. Такъ въ другомъ мѣстѣ, сказавъ: *преобразитъ тѣло смиренія нашего, яко быти сему сообразно Тѣлу славы Его*, и открывъ здѣсь нѣчто болѣе воскресенія, онъ не привелъ сравненій, а вмѣсто всякаго доказательства указалъ прямо на силу Божию, прибавивъ слѣдующее: *по дѣйству, еже возмогати Ему и покорити Себѣ всяческая* (Филип. 3, 21). Здѣсь же онъ употребляетъ и умозаключенія. Доказавъ истину словами Писаній, онъ теперь съ силою направляетъ рѣчь противъ невѣрующихъ Писаніямъ и говоритъ: *безумне, ты еже стѣши*; т.-е. ты самъ у себя имѣешь доказательство воскресенія въ томъ, что дѣлаешь ежедневно, и еще ли сомнѣваешься? Безумнымъ я называю тебя за то, что не знаешь совершаемаго ежедневно самимъ тобою и, тогда какъ самъ ты бываешь виновникомъ воскресенія сѣмянъ, сомнѣваешься въ томъ по отношенію къ Богу. Весьма выразительно говоритъ: *ты еже стѣши*, т.-е. ты смертный и разрушающійся. И смотри, какъ самыя выраженія его соотвѣтствуютъ настоящему предмету: *не оживетъ*, говоритъ, *аще не умретъ*. Не употребляя выраженій, относящихся къ сѣменамъ, какъ-то: прозябаетъ, произрастаетъ, согниваетъ, истлѣваетъ, онъ приводитъ соотвѣтствующія плоти нашей: *не оживетъ, аще не умретъ*, что свойственно не сѣменамъ, а тѣламъ. И не сказалъ: оживетъ послѣ того, какъ умретъ; но, что выражаетъ болѣе, потому оживетъ, что умретъ. Видишь ли, какъ онъ выводитъ противное? Изъ чего другіе выводили заключеніе противъ воскресенія, то самое онъ обращаетъ въ доказательство воскресенія. Они говорили, что тѣло не воскреснетъ, потому что умерло. Чтоже онъ говоритъ вопреки этому? Еслибы оно не умерло, то и не воскресло бы, и потому вос-

креснетъ, что умереть. Подобнымъ образомъ и Христосъ ясно показываетъ тоже самое, когда говоритъ: *еще зерно пшенично падѣ на земли не умретъ, то едино пребываетъ: еще же умретъ, много плодовъ сотворитъ* (Іоан. 12, 24). Отсюда же и Павелъ заимствуя сравненіе, не сказалъ: *не будетъ жить, но не оживетъ* (σὺ ζωοποιῆται, не оживотворится); указываетъ опять на силу Божію и внушаетъ, что не земная природа, но самъ Богъ совершаетъ все“ (св. Злат.).

Ст. 37. 38. *И еже съеши, не тѣло будущее съеши, но голо зерно, еще случится, пшеницы, или иного отъ прочихъ; Богъ же даетъ ему тѣло, якоже восхождетъ, и коемуждо съмени свое тѣло.*

На вопросъ, какъ воскреснутъ умершіе, Апостолъ въ предыдущемъ стихѣ отвѣтилъ: такъ же, какъ изъ брошеннаго въ землю сѣмени и умершаго тамъ выражается и вырастаетъ живое тѣло какое-либо. Какъ изъ умершаго сѣмени, и подѣ условіемъ умертвія сего, возрождается новое тѣло; такъ и изъ умершаго тѣла человѣческаго въ свое время возродится новое живое тѣло. Но такимъ сравненіемъ выясняется только ходъ дѣла, а какъ и какою силою это совершается, — не видно. Это теперь и указываетъ св. Павелъ говоря: ты съеши голое зерно пшеничное или другое какое, а когда оно умретъ въ землѣ, Богъ потомъ въ свое время даетъ ему тѣло, каждому сѣмени свое, такъ совершится и воскресеніе мертвыхъ: изъ cadaго умершаго тѣла силою Божіею возстанетъ новое тѣло. Этимъ вопросъ о *какъ* совершенно рѣшается. Можетъ родиться недоумѣніе: но въ возрожденіи растений изъ сѣмени дѣйствуетъ природа; какъ въ возрожденіи тѣла будетъ она дѣйствовать, когда до сихъ поръ она не явила никакого слѣда такого дѣйствованія? На это надо сказать, что слово: природа — пустое слово. Воля Божія

положила законы, воля Божія хочеть, чтобы они дѣйствовали; они и дѣйствуютъ и производятъ то, что угодно Богу, чтобы они производили. Приписываемое обычно природѣ принадлежитъ Богу. Если же теперь Богъ дѣйствуетъ въ возрожденіи растеній, на какомъ основаніи сомнѣваться, что Онъ не можетъ дѣйствовать такимъ образомъ и въ возрожденіи умершихъ тѣлъ человѣческихъ? Чтобы доселѣ Онъ не являлъ опытовъ сего, никто не можетъ говорить; а что не являетъ надъ всѣми, то это потому, что еще не всѣ тѣла посѣяны и еще не пришла весна, въ которую подобаеть имъ возродиться и возстать къ новой жизни. Св. Златоустъ говоритъ на это возраженіе, что въ растеніяхъ дѣйствуетъ природа, слѣдующее: „Какая, скажи мнѣ природа? И здѣсь все совершаетъ Богъ, а не природа, не земля, не дождь. Посему-то Апостоль, не упоминая ни о землѣ, ни о дождѣ, ни о воздухѣ, ни о солнцѣ, ни о рукахъ земледѣльца, говоритъ: *Богъ дастъ ему тѣло*. Не изслѣдывай же и не допытывайся, какъ и какимъ образомъ, когда слышишь, что это—дѣло силы и воли Божіей.“

Св. Златоустъ замѣчаетъ еще при семъ, что нѣкоторые еретики, не понимая хорошо значеніе словъ Апостола: *не тѣло будущее съеши*, пришли къ такому заключенію, будто иное тѣло умираетъ, а иное тѣло воскреснетъ, и учить такъ стали. На это онъ говоритъ имъ: какое же это будетъ воскресеніе? Это новое твореніе, а не воскресеніе, тогда какъ тѣла воскреснутъ. Вотъ его слова: „Но что это за воскресеніе? Воскресеніе относится къ тому, что умерло. И гдѣ та чудная и славная побѣда надъ смертію, если одно умереть, а другое воскреснетъ? Тогда уже не видно будетъ, что она возвратитъ то, что держала въ своемъ плѣну. Нѣтъ; не иное существо съется, а иное возрастаетъ, но воз-

растаетъ то же самое въ лучшемъ видѣ. Иначе и Христосъ, бывъ начаткомъ воскресающихъ, воскресъ не въ томъ же самомъ тѣлѣ, но, по вашему, одно тѣло Онъ оставилъ (во гробѣ), хотя оно было безъ всякаго грѣха, а другое принялъ (воскресши). Откуда же Онъ взялъ другое? То отъ Дѣвы, а это откуда? Видишь ли, до какихъ нелѣпостей доводитъ такое мнѣніе? Также для чего показалъ Онъ язвы гвоздинныя? Не для того ли, чтобы доказать, что это самое тѣло было пригвождено ко кресту и оно самое воскресло? И что значить прообразъ Іоны? Безъ сомнѣнія, не иной Іона былъ поглощенъ, а иной извергнутъ на землю. И еще, почему Христосъ говоритъ: *разорите церковь сію, и тремидеми воздвигну ю* (Іоан. 2, 19)? Онъ, конечно, воздвигъ тотъ самый храмъ, который разрушенъ; потому Евангелистъ и присовокупилъ: *Онъ же глаголаше о церкви Тѣла Своего* (ст. 21). Итакъ, что же означаютъ слова: *не тѣло будущее съеши?* Не колось цѣлый и не пшеницу новую. Съеешь голое зерно; изъ него уже послѣ возраждается новый колось съ новою пшеницею. Спрашивается, какъ сей колось относится къ зерну посѣянному? Онъ тотъ же съ нимъ и не тотъ же: тотъ же потому, что одного существа съ зерномъ; не тотъ же потому, что онъ лучше: существо осталось то же, но явилось большее благолѣпіе, и онъ возсталъ въ новомъ видѣ. Такъ и будущее тѣло будетъ то же, но явится въ совершеннѣйшемъ видѣ. То же видно и изъ того, что *Богъ каждому сѣмени даетъ свое тѣло*. Гдѣ же чужое (иное) тѣло? Даетъ *свое*. Посему когда Апостолъ говоритъ: *не будущее тѣло съеши*, утверждаетъ не то, будто вмѣсто одного воскреснетъ другое существо; воскреснетъ то же, но въ лучшемъ, славнѣйшемъ видѣ.⁴ Ту же мысль проводитъ здѣсь и Теодоритъ: „какъ отъ пшеницы родится пшеница, отъ чечевицы—чечевица,

и отъ каждаго вида тотъ же видъ: такъ и наши тѣла воскреснуть тѣже самыя, но съ большею силою, нетлѣніемъ и безсмертіемъ.“

б).

Объясняя, въ какомъ видѣ воскреснуть тѣла, св. Павелъ аа) сначала перечисляетъ самыя свойства будущихъ тѣлъ, ст. 39—44; а потомъ выставляетъ бб) основаніе, что такъ, а не иначе и должно быть, именно по домостроительству спасенія нашего, ст. 45—50.

аа).

Тѣло воскреснетъ тоже, такъ что всякій признаетъ то тѣло, въ какомъ воскреснетъ, своимъ собственнымъ тѣломъ, тѣмъ самымъ, которое носилъ живя прежде; но оно будетъ обладать совсѣмъ другими качествами. Оно будетъ тоже, да не тоже. Какими свойствами будетъ обладать будущее наше тѣло, это в) показываетъ Апостоль ниже, ст. 42—44; но прежде того показанія онъ представляетъ вниманію а) разнообразіе тѣлъ на землѣ и на небѣ, ст. 39—41. Для чего это онъ дѣлаетъ? Еслибъ онъ имѣлъ въ мысли этимъ пояснить, въ какой разной славѣ воскреснуть тѣла наши, то дѣлая потомъ наведеніе о свойствахъ будущаго тѣла, ст. 42—44, онъ представилъ бы тѣ свойства такъ, чтобъ видно было, что они принадлежатъ разнымъ степенямъ имѣющихъ воскреснуть тѣлъ. Но онъ представляетъ ихъ такъ, что хотя они различны, но будутъ принадлежать каждому воскресшему тѣлу. Тамъ идетъ сличеніе тѣла, какимъ оно хоронится въ землю, съ тѣломъ, какимъ оно возстанетъ. Различіе ихъ велико до противоположности; они по свойствамъ отстоятъ другъ отъ друга, какъ небо отъ земли. Между тѣмъ,

приступая къ сему сличенію, онъ говоритъ: *также и воскресеніе мертвыхъ*, давая разумѣть, что онъ хочетъ теперь дѣлать наведеніе изъ того, что говорилъ предъ симъ, т.-е. изъ указанія разнообразія тѣлъ земныхъ и небесныхъ, ст. 39—41. Отсюда получаемъ мысль, что перечисляя эти разныя тѣла, онъ имѣлъ въ виду одно лишь, сказать: смотрите, какъ грубы и мрачны тѣла земныя, и какъ свѣтлы и свѣтоносны тѣла небесныя. Таково же будетъ различіе тѣлъ умирающихъ отъ тѣлъ имѣющихъ воскреснуть.

а).

Ст. 39. *Не всяка плоть, также плоть; но ина убо плоть человекѣмъ, ина же плоть скотѣмъ, ина же рыбѣмъ, ина же птицамъ.*

Перечисляетъ всѣ почти классы земныхъ организмовъ, или тѣлъ, чтобъ нагляднѣе представить, что хотя они разнятся по степени совершенства, но всѣ одного чина, грубы, плотяны, скорогиблющи, удобообразуемы. Существенное во всѣхъ ихъ, какъ организамахъ, одно; разности касаются внѣшняго проявленія существеннаго.

Ст. 40. *И тѣлеса небесная, и тѣлеса земная: но ина убо небеснымъ слава, и ина земнымъ.*

Подъ небесными тѣлесами разумѣть Апостолъ солнце, луну и звѣзды, какъ само собою видно по теченію рѣчи; а никакъ не тѣла Ангеловъ, какъ полагають иные. Подъ земными же тѣ, которыя перечислилъ, и всѣ другія подобныя имъ. Онъ говоритъ: есть и небесныя тѣла, какъ есть земныя. Но небесныя совсѣмъ другое, чѣмъ земныя. Они свѣтоносны, неизмѣнны, тверды, постоянны. Довольно простаго взгляда, чтобъ увидѣть, какъ небесныя тѣла славнѣе земныхъ. Этотъ пунктъ кажется, у Апостола и есть главный. И говоритъ онъ

это за тѣмъ, чтобы навести на мысль, что какъ небесныя тѣла разнятся отъ земныхъ, такъ будущія тѣла—отъ теперешнихъ.

Ст. 41. *Ина слава солнцу, и ина слава лунѣ, и ина слава звѣздамъ: звѣзда бо отъ звѣзды разнится во славу.*

Какъ выше, говоря о земныхъ тѣлахъ, не удовольствовался Апостолъ сказать вообще объ нихъ, но перечислилъ разные ихъ роды; такъ говоря о тѣлахъ небесныхъ, не удовольствовался сказать объ нихъ вообще, а тоже перечисляетъ ихъ, какъ они представляются простому глазу: солнце, луна и звѣзды. Разныхъ степеней они; но всѣ одного ранга—свѣтящія на землю тѣла. Перечисляетъ ихъ, чтобы подолже подержать на нихъ вниманіе и утвердить въ мысли, что они со-всѣмъ не то же, что земныя. Небо съ тѣлами своими, въ общемъ мнѣніи, есть представитель всего лучшаго и совершеннѣйшаго, какъ земля представительница всякихъ недостатковъ и немощей.

Во всѣхъ этихъ текстахъ, 39 — 41, Апостолъ не имѣлъ намѣренія указывать различіе въ славѣ воскресшихъ по нравственному ихъ различію; цѣль его рѣчи выяснитъ, что воскресшее тѣло будетъ хотя то же, но по совершенствамъ будетъ несравненно выше теперешняго. Это и обозначаетъ онъ двумя родами тѣлъ земныхъ и небесныхъ. Но можно это мѣсто брать и какъ указаніе на различіе будущихъ тѣлъ по нравственному состоянію. Такъ и толкуютъ всѣ наши толковники. Земныя тѣла, говорятъ они, представляютъ грѣшниковъ, а небесныя праведниковъ; разные же виды тѣхъ и другихъ—разныя степени грѣшности и праведности. Св. Златоустъ говоритъ: „Доказавъ истину воскресенія, Апостолъ теперь доказываетъ, что великое будетъ тогда различіе въ славѣ, хотя воскресеніе одно.

Раздѣливъ всѣхъ на два разряда, на праведниковъ и грѣшниковъ, онъ потомъ раздѣляетъ эти два разряда на многія части, показывая, что праведники и грѣшники получаютъ не одинаковую участь, что ни праведники всѣ не будутъ равны съ праведниками, ни грѣшники съ грѣшниками. Первое дѣленіе—праведниковъ и грѣшниковъ—онъ дѣлаетъ въ словахъ: *тѣlesa небесная и тѣlesa земная*, разумѣя подъ земными послѣднихъ, а подъ небесными первыхъ. Потомъ показываетъ различіе между самими грѣшниками въ словахъ: *не всяка плоть также плоть, но ина убо плоть рыбама, ина же птицама и скотомъ*; хотя всѣ они суть тѣла, но одни болѣе, другія менѣе маловажны, какъ въ образѣ жизни, такъ и въ устройствѣ. Сказавъ объ этомъ, онъ обращается затѣмъ къ небу и говоритъ: ина слава солнцу, ина слава лунѣ. Какъ въ земныхъ тѣлахъ есть различіе, такъ и въ небесныхъ; есть различіе не только между солнцемъ и луною, между луною и звѣздами, но и между самими звѣздами; ибо хотя всѣ онѣ на небѣ, но однѣ имѣютъ болѣе славы, другія менѣе. Чему же мы научаемся отсюда? Тому, что хотя всѣ праведники будутъ въ царствѣ небесномъ, но не всѣ получаютъ одинаковое блаженство; и грѣшники, хотя всѣ будутъ въ гееннѣ, но не всѣ будутъ одинаково мучиться. Потому онъ и присовокупляетъ: *также и воскресеніе мертвыхъ*; такъ и тогда будетъ великое различіе.

Наведши на мысль о различіи будущихъ тѣлъ отъ нынѣшнихъ, какъ разнятся небесныя тѣла отъ земныхъ, Апостоль опредѣленно высказываетъ самыя черты различія.

β).

Ст. 42—44. *Также и воскресеніе мертвыхъ. Смется въ тлѣніе, востаетъ въ нетлѣніи; смется не въ честь,*

возстаетъ въ славу; съется въ немощи, возстаетъ въ силу; съется тѣло душевное, возстаетъ тѣло духовное.

Таковы черты различія! Нынѣшнее тѣло тлѣнно, нечестно, немощно, душевно; будущее будетъ нетлѣнно, славно, сильно, духовно.

Такожде. Чему отвѣчаетъ это сравненіе?—Кажется, должно отнести его къ ст. 36 и 37. Ты, что съешь, не оживетъ, если не умереть,—и съешь ты не будущее тѣло, а голое зерно, которое должно умереть, чтобы изъ него вышло новое лучшее тѣло. Такъ, говорить, и въ воскресеніи будетъ: возстанетъ тѣло наше совсѣмъ не съ тѣми свойствами, съ какими полагается въ землю.—За тѣмъ, ст. 39—41, указаніе на различіе тѣлъ не лучше ли счесть вводною рѣчью, по поводу слова, что Богъ каждому сѣмени даетъ *свое* тѣло, предоставляя себѣ свободу понимать ихъ, не стѣсняясь теченіемъ рѣчи? Св. Златоустъ и говоритъ о нихъ: „зачѣмъ Апостоль уклонился здѣсь отъ воскресенія?“—И хотя вслѣдъ за симъ говоритъ: не уклонился; но понимаетъ ихъ независимо отъ теченія рѣчи. Замѣчается сіе потому, что во всемъ этомъ отдѣленіи трудно установить опредѣленность въ понятіяхъ и сочетаніи ихъ.

Словомъ: *съется* указывается на погребеніе въ землѣ мертвыхъ тѣлъ (св. Злат.). Но въ сравненіе берутся вообще нынѣшнія тѣла, какими они являются на землѣ, а не то только, какими оказываются въ гробѣ и могилѣ, хотя здѣсь очевиднѣе всего открывается, что такое они суть. Такъ надо думать потому, что между чертами сѣмыхъ тѣлъ стоитъ и то, что они душевны, когда въ нихъ уже нѣтъ души; да и то, что они въ немощи, не совсѣмъ уже приложимое къ тѣламъ, опускаемымъ въ могилу.

Противополагаемыя черты нынѣшнихъ и будущихъ тѣлъ понятны сами собою.

Стѣтся въ тлѣніи, затѣмъ, чтобъ разложиться на стихіи, изъ коихъ сложено. „Въ два или три дня подвѣргается оно зловонному тлѣнію“ (Теодоритъ). Оно и въ существѣ своемъ тлѣнно. Будучи само составляемо и поддерживаемо чрезъ разложеніе потребляемыхъ яствъ и потомъ чрезъ насильственное ихъ сочетаніе внутри дѣйствіемъ жизненной силы, а не простаго химическаго сродства, оно обречено уже на то, чтобы, коль скоро отойдетъ отъ него это животворящее начало, распастся и разложиться дѣйствіемъ химическаго процесса, властнаго вовнѣ, наперекоръ которому оно существовало дотолѣ.

Востаетъ въ нетлѣніи. Такъ возстанетъ, что его уже нельзя будетъ почитать обреченнымъ на разложеніе. Оно будетъ составлено и поддерживаемо не чрезъ разложеніе и сочетаніе грубыхъ принимаемыхъ внутрь веществъ; потому и само свободно будетъ отъ разложенія. Апостоль прежде сказалъ, что чрево Богъ упразднитъ: инымъ способомъ будетъ поддерживаться тогда жизнь; иной будетъ образъ и сложенія тѣла. Жизненная сила, которая теперь работаетъ надъ сооруженіемъ и поддерживаніемъ тѣла, борясь съ грубымъ веществомъ, чтобъ доставить изъ него способныя оживотворяться частички, — тогда въ непосредственной будетъ связи съ самою источною всеоживляющею силою, и пить изъ нея жизнь, или что нужно для жизни.

Стѣтся не въ чести. „Что безобразнѣе мертваго, разрушившагося тѣла?“ (св. Злат.). Тѣло наше, и помимо тлѣнія, хотя честнѣе всѣхъ земныхъ тѣлъ, но настоящая его честь потеряна. Оттого твари и не отдають ему должной чести. Ему надлежало бы быть свѣтлымъ, но оно померкло, одобелѣвши отъ грубыхъ веществъ, входящихъ въ него. Тѣла святыхъ, въ часы сильнаго возбужденія духовной жизни, просвѣтлялись

подобно просвѣтлѣнію Спасителя на Ѡаворѣ; и свѣтъ этотъ видимъ былъ для другихъ. И животныя покорствовали имъ, обонявъ въ нихъ воню тѣла Адамова, каково оно было до паденія, какъ объясняютъ повѣствующіе о семъ. Это и подобное сему, напр., раскрытіе зрѣнія до способности видѣть далекое и сокрытое, слуха — до способности слышать пѣніе ангельское, обонанія — до способности обонять въ вещи запахъ страсти, съ которою она дана, движенія — до способности быть въ другомъ мѣстѣ не выходя изъ своего, — все сіе и подобное, проявляющееся въ тѣлѣ у святыхъ, облагодатствованныхъ, не нынѣшнему вѣку принадлежитъ, а будущему, и свидѣтельствуетъ лишь о томъ, какъ умалено въ чести и славѣ нынѣшнее тѣло наше, въ обычномъ его состояніи.

Востаетъ въ славу. Славно — свѣтло и свѣтоносно. Тѣ проявленія славы тѣла въ облагодатствованныхъ уже даютъ разумѣть, коль славно будетъ будущее тѣло, освободившись отъ дебелости вещества грубаго; но вполне опредѣлить и представить той славы мы теперь не можемъ. Не у явися, что будемъ. Пиша къ Филиппіцамъ, св. Павелъ опредѣлилъ это такъ: *Иже преобразитъ тѣло смиренія нашего, яко быти ему сообразну Тѣлу славы Его* (—3, 21). Будетъ смиренное, униженное и посрамленное тѣло наше славно, какъ тѣло Господа Спасителя. — Этого для насъ достаточно.

Съется въ немощи. Ужъ какая тамъ мощь, когда ни движенія, ни чувства нѣтъ! — Но и вообще тѣло наше многонемощно: немного труда, и утомляется; немного бдѣнія, и сномъ одолѣвается; мало какое неблагопріятное прикосновеніе чуждыхъ стихій, и болѣзнію поражается; сколько времени потребно, чтобъ перейти съ мѣста на мѣсто, сколько усилій, чтобы поднять что-либо. сколько предосторожностей, чтобъ избавиться

отъ непріятныхъ воздѣйствій со внѣ — одежда, кровь! Мы привыкли ко всему этому и кажется намъ это въ порядкѣ вещей. Нѣтъ; не пристало являться въ такой немощи царю тварей земныхъ.

Востаетъ въ силу. „Тогда уже ничто не одолѣетъ его“ (св. Злат.). „Восприметъ оно негиблющую силу“ (Феод.). Не всемогущество обѣщается, а что для насъ понятно, упраздненіе всего того, чѣмъ оно немощно нынѣ. Будетъ оно дѣятельно безъ утомленія, бодренно безъ потребности сна, неподверженно болѣзненнымъ и разрушительнымъ вліяніемъ соннѣ, быстроходно, какъ мысль, мощно столько, что въ исполненіи должнаго не встрѣтитъ преградъ со стороны стороннихъ вещей и стихій, и подобное сему.

Стѣтся тѣло душевное, востаетъ тѣло духовное. Изъ многихъ понятій, какія соединяють съ словами: *тѣло душевное* и *тѣло духовное*, кажется, самое здѣсь пригодное будетъ видѣть — *тѣло страстное* и *тѣло безстрастное*.

Наши толковники такъ изъясняютъ слова сіи. Феодоръ пишетъ: „душевымъ называетъ Апостоль, что управляется душою, а духовнымъ, что домостроительствуется Духомъ.“ Св. Златоустъ говоритъ: „что говоришь ты? А это тѣло развѣ не духовно? Оно духовно, но то будетъ гораздо больше. Теперь великая благодать Св. Духа часто отлетаетъ, когда кто впадаетъ въ тяжкіе грѣхи; но тогда не такъ, а напротивъ Духъ будетъ непрестанно пребывать во плоти праведниковъ и станетъ господствовать въ ней, хотя и душа будетъ присутствовать. Такимъ образомъ Апостоль разумѣлъ или что-нибудь подобное, когда сказалъ: *духовное*, — или то, что оно будетъ легче, тонѣе, и будетъ способно носиться даже по воздуху — или лучше то и другое.“ Тоже говорятъ Экуменій и Теофилактъ. Фотій

у Экуменіа толкуеть: „сіе смертное тѣло наше душевно, потому что работаетъ страстямъ; возстанеть же душевное тѣло духовнымъ, потому что не будетъ уже работать страстямъ,—и это не только у праведныхъ, но и у грѣшниковъ.“ Сѣдалище страстей, опора ихъ и орудіе—это тѣло, когда душа не исполнена Духа. Духомъ Божиимъ исполненная душа вооружается противъ страстей и изгоняетъ ихъ изъ тѣла. Потому духовный тоже что безстрастный, а душевный тоже что страстный.

Перечисливъ и пояснивъ всѣ означенныя противоположности въ чертахъ тѣлъ—нынѣшняго и будущаго, св. Златоустъ прибавляетъ: „если не вѣришь сказанному, то посмотри на тѣла небесныя, столь свѣтлыя, неизмѣнныя и никогда нестарѣющіяся, и вѣруй, что Богъ можетъ и тлѣнныя тѣла сдѣлать нетлѣнными и гораздо лучшими видимыхъ.“ Сдѣлаемъ отсюда наведеніе, что и по св. Златоусту приведенныя выше различія тѣлъ были сдѣланы лишь для того, чтобы показать превосходство тѣлъ небесныхъ надъ земными и въ этомъ представить отображеніе превосходства будущихъ тѣлъ надъ нынѣшними.

Есть тѣло душевное и есть тѣло духовное. Нынѣ стали читать: если есть тѣло душевное, то есть и тѣло духовное. Къ мысли это нисколько не прибавляетъ ни ясности, ни силы. Апостоль могъ изречь сіе и прямымъ утвержденіемъ. И это понятнѣе. Есть, т.-е. бываетъ, или возможно - тѣло какъ душевное, такъ и духовное. Обусловливать же такъ, что коль скоро есть тѣло душевное, то есть и духовное, не совсѣмъ удобно.

Еофилактъ приводитъ мнѣніе Оригена, что духовное тѣло значитъ тѣло эѳирное, нѣтончайшее, а душевное—нашъ грубый организмъ,—грузный, неподвижный, многими потребностями бременящій. И такъ можно,

но это не представляетъ большой разности отъ нашего пониманія — душевнаго страстнымъ и духовнаго безстрастнымъ.

66).

Въ словахъ: *душевное тѣло и духовное* Апостоль будто совмѣстилъ всѣ отличительныя черты будущихъ тѣлъ сравнительно съ нынѣшними. Почему доказывая, что, по домостроительству спасенія нашего, такъ и быть должно. онъ преимущественно руководится понятіями: *душевный и духовный*.

Ст. 45. *Тако и писано есть: бысть первый человекъ Адамъ въ душу живу, послѣдній Адамъ въ духъ животворящъ.*

Что Адамъ бысть въ душу живу, это написано въ книгѣ Бытія 2, 7,—а что Господь Спаситель бысть въ духъ животворящъ, этого нигдѣ не написано слово въ слово такъ. Посему св. Павелъ или говорить это отъ себя, прилагая къ сказанному въ Писаніи, безъ обозначенія, гдѣ кончилось слово Писанія и гдѣ началось его собственное: для насъ и въ такомъ случаѣ это будетъ слово Божіе; или онъ совмѣщаетъ въ этомъ словѣ смыслъ многихъ изреченій Писанія о грядущемъ Избавителѣ, яко преизобильнѣйшемъ помазанникѣ отъ Духа, — какъ-то: *помаза тя, Боже, Богъ Твой елема радости* (символь Духа) *паче причастникъ твоихъ* (Пс. 44, 8); еще: *почиетъ на немъ Духъ Божій, Духъ премудрости и разума* и проч. (Исаи 11, 2. 3); такъ же: *Духъ Господень на мнѣ, егоже ради помаза мя* и проч. (Исаи 61, 1). И о рожденіи Его сказано: *Духъ Святый найдетъ на тя и сила Вышняго осянеть тя* (Лук. 1, 35); и во время крещенія сошелъ на Него Духъ въ видѣ голубинѣ. Или, какъ говорить св. Златоустъ и всѣ наши, онъ взялъ это изъ событія: такимъ явился Гос-

подъ, что о Немъ надлежало сказать, что Онъ бысть въ духъ животворящъ. Вотъ слова св. Златоуста: „Первое (т.-е. бысть Адамъ въ душу живу) дѣйствительно написано. а послѣдняго не написано; какъ же Апостолъ сказалъ: *писано есть?* Онъ вывелъ это изъ событій, какъ и часто дѣлаетъ. Такъ обыкновенно поступаютъ и Пророки; напр. Пророкъ сказалъ, что Иерусалимъ наречется градъ истинный (Захар. 8, 3); однако онъ не назывался такъ. Что же? Неужели Пророкъ сказалъ неправду? Нѣтъ, онъ говоритъ о названіи посредствомъ событій. Такъ же: Христосъ *наречется Эммануилъ* (Исаи 7, 14); и однакоже онъ не назывался такъ; но дѣла даютъ Ему это названіе. Такъ и здѣсь.“

Но какая мысль у Апостола въ сихъ словахъ?—Онъ указываетъ на два періода бытія человѣчества, представителями коихъ служатъ душевный Адамъ первый и животворимый Духомъ Христосъ — Адамъ второй. Свойство того и другаго періода означаетъ послѣ, а здѣсь только указываетъ на представителей, какъ-бы такъ: бысть Адамъ въ душу живу,—вотъ тебѣ чловѣкъ душевный, и тѣло душевное, а второй Адамъ въ духъ животворящъ, — вотъ тебѣ чловѣкъ животворимый Духомъ и тѣло духовное. Вникни, что значить тотъ и другой, и поймешь, что есть тѣло душевное, и что духовное, и почему въ будущемъ вѣкѣ умѣстно быть только тѣлу съ послѣднимъ свойствомъ, т.-е. духовному. Фотій у Экуменія пишетъ: „не колеблись, говорить, въ вѣрѣ, что нынѣшнія душевныя тѣла наши тогда содѣлаются духовными. Имѣемъ уже тому доказательства. Адамъ имѣлъ душевное тѣло, а Христосъ имѣлъ тѣло духовное, бывшее пріятелищемъ всей полноты Св. Духа. Это показываетъ пребывшій на Немъ голубь. Ибо поколику Иисусъ Христосъ есть и познается чловѣкомъ, Онъ есть вмѣстилище Духа, хотя Духъ

съ Нимъ, поколику Онъ есть и познается Богомъ, пребываетъ въ единомъ Божескомъ существѣ.“ Тоже говорить и св. Златоустъ: „Апостоль сказалъ это для того, дабы ты зналъ, что уже есть знаменія и залого какъ настоящей, такъ и будущей жизни: настоящей—Адамъ, и будущей—Христосъ. Такъ какъ лучшія блага онъ поставляетъ въ будущемъ, то теперь доказываетъ, что начало ихъ уже пришло, что корень и источникъ ихъ уже явились. Если же корень и источникъ для всѣхъ очевидны, то не должно сомнѣваться и о плодахъ. Посему онъ и говорить: послѣдній Адамъ въ духъ животворящъ; и въ другомъ мѣстѣ: *оживотворитъ и мертвая тѣлеса ваша живущимъ Духомъ Его въ насъ* (Рим. 8, 11).“

Настоящую мысль Апостола опредѣленно представить очень трудно. Но очевидно, что, по нему, въ лицѣ Христа Спасителя человѣчество начинаетъ новую жизнь не душевно только, но и тѣлесно, такъ какъ это явилось и въ Немъ самомъ. Когда явился Господь Иисусъ Христосъ, всѣ люди были, по первому Адаму, душевны. Онъ первый бысть въ Духъ животворящъ. Но Онъ чрезъ воскресеніе и вознесеніе на небо сталъ Главою новаго человѣчества, отъ Него рождаемаго. Характеристическая черта сего новаго человѣчества есть духовность, — то, что оно носить въ себѣ Духа Божія; Сей Духъ есть залогъ будущаго оживленія и тѣла, которое явится тогда одуховленнымъ. Духовныя тѣла готовятся въ области душевнаго Адама; явятся же въ духовной славѣ въ свое время. Надлежитъ совсѣмъ прекратиться сему душевному періоду. Прежде существовала въ человѣчествѣ одна душевность; отъ Христа Спасителя изъ душевнаго, благодатію Духа, образуется человѣчество духовное; во второе Его пришествіе душевность престанетъ, возсіяетъ духовность. Всему свое время!

Ст. 46. *Но не прежде духовное, но душевное, потому же духовное.*

Ужь такъ, говорить, законъ проявленія жизни требовалъ, чтобъ душевное предшествовало, а изъ него, дѣйствиємъ Божиимъ, возникло и духовное. Такъ Богу угодно было постановить. „Не говорить: почему, но довольствуется указаніемъ на распоряженіе Божіе, имѣя во свидѣтельство превосходства домостроительства Божія опытъ событій и чрезъ то доказывая, что все съ нами происходитъ къ лучшему, а вмѣстѣ съ тѣмъ придаетъ еще болѣе достовѣрности словамъ своимъ“ (св. Злат.). Еслибъ не палъ Адамъ, душевность претворялась бы въ духовность тамъ-же въ раю. По паденіи же назначенъ особый продолжительный періодъ душевный, чтобъ въ теченіи его, то особыми промыслительными дѣствіями (вовсѣхъ народахъ), то особыми учрежденіями (въ іудейскомъ народѣ), то наконецъ чрезвычайнымъ домостроительствомъ спасенія чрезъ воплощеніе Бога-Слова, постепенно выработалось человѣчество духовное, и въ свое время явилось въ славу. Душевному необходимо предшествовать духовному, какъ низшей степени къ высшей.

Ст. 47. *Первый чловѣкъ, отъ земли перстень; второй чловѣкъ, Господь съ небесе.*

Какъ первый чловѣкъ отъ земли перстень, это извѣстно изъ образа сотворенія перваго чловѣка; отъ чего и названъ онъ Адамъ—земляной, перстный. А какъ второй чловѣкъ съ небесе? Развѣ не отъ Пречистыя Дѣвы Богородицы принялъ Онъ чловѣческое естество? Развѣ съ неба Онъ принесъ плоть? Были какіе-то еретики, которые такъ думали. Но изъ словъ Апостола такой мысли выводить нельзя. Первый чловѣкъ развѣ весь былъ только изъ земли перстень? Нѣтъ; онъ бысть и въ душу живу. И такъ какъ онъ не весь былъ изъ земли

перстенъ, хотя и называется здѣсь такимъ, но имѣлъ въ себѣ и другую сущность—высшую, небесную, Богомъ въ него вдохнутую: такъ разсуждай и о второмъ человѣкѣ, что Онъ не весь есть Господь съ небесе, хотя и именуется таковымъ, но имѣетъ и другую сущность—низшую, земную, съ нами сродную, взятую Имъ въ утробѣ Матери дѣйствиємъ Духа Божія. Говорить же такъ Апостоль о томъ и другомъ, чтобы рѣзче выставить отличія ихъ; почему въ первомъ указываетъ одну низшую сторону, а во второмъ одну высшую. О Христѣ Спасителѣ можно говорить, что Онъ Господь съ небесе по причинѣ единства Лица при двухъ естествахъ.

Впереди сказалъ: первый человѣкъ бысть въ душу живу; здѣсь говоритъ: первый человѣкъ—отъ земли перстенъ. Выходитъ, что отличительная черта жизни перваго человѣка, или по первому человѣку, есть *душевно-земность*.—О второмъ Адамѣ впереди сказалъ, что Онъ въ духъ животворящъ, а здѣсь—что Онъ Господь съ небесе.—Отсюда отличительная черта жизни втораго человѣка или по второму человѣку, есть *животворная духовность* и *Богодѣйственная небесность*. Цѣль у св. Апостола та, чтобы провести мысль, что еслибы челоуѣчество оставалось только живущимъ по первому человѣку, пребывая лишь душевно-тѣлеснымъ, то конецъ его былъ бы: земля еси и въ землю пойдеши: перстное возвращалось бы персти, а душа одна—не человѣкъ; вслѣдствіе того человѣка не стало бы. Но когда въ среду жизни, по первому человѣку, вторымъ челоуѣкомъ введены начала жизни животворно-духовной и богодѣйственно-небесной; тогда вмѣстѣ съ симъ челоуѣчеству открыта возможность вмѣсто тлѣнія наследовать небесную, духовную, божественную жизнь.

Ст. 48. *Яковъ перстный, таковы и перстни; и яковъ небесный, тацы же и небесни.*

Въ какомъ это смыслѣ? Св. Златоустъ говоритъ: „по перстному перстные, т.-е. также всѣ погибнуть и умрутъ, а по небесному небесные, т.-е., также всѣ пребудутъ безсмертными и свѣтлыми.“ Какимъ глаголомъ дополнить положенія Апостола: суть, бывають, или должны быть? По отцу дѣти, по родоначальнику поколѣнiе, и суть, и бывають, и должны быть. Св. Павелъ пишетъ естественную исторiю человѣчества. Всѣ мы являемся на свѣтъ по первому родоначальнику; но потомъ перерождаемся и становимся такими, каковъ второй родоначальникъ, — таковы есмь, таковыми и быть должны, духовными, небесными, для нетлѣнной вѣчной жизни предназначенными, зачатки которой и приедемъ. Апостолъ не ограничиваетъ взора одними увѣровавшими, а смотритъ на Господа Спасителя по силѣ Его и значенiю, или по идеѣ, — какъ на Спасителя всего человѣчества, и на человѣчество смотритъ въ его цѣлости, какъ ему слѣдуетъ быть, по намѣренiю Бога, въ Троицѣ поклоняемаго, т.-е. перерожденнымъ и обновленнымъ въ Господѣ Спасителѣ.

Ст. 49. *И якоже облекохомся во образъ перстнаго, да облечемся и во образъ небеснаго.*

Вмѣсто: *да облечемся*, по гречески читается *облечемся*. Съ ходомъ рѣчи это будто сообразнѣе. Апостолъ не нравственные уроки пишетъ, а выясняетъ основанiя, по которымъ воскресшимъ тѣламъ слѣдуетъ быть такими, какъ онъ ихъ изобразилъ — нетлѣнными, славными, живодѣйственными, духовными. И въ этомъ мѣстѣ послѣднее слово его объясненiй. Облечемся, говорить, не сомнѣвайтесь. Облечемся во образъ небеснаго, т.-е. станемъ таковыми, каковъ Онъ есть. Удостоверенiе въ этомъ возьмите изъ того, что мы облеклись во образъ перстнаго Адама. Во образъ перстнаго облеклись мы путемъ естественнаго рожденiя; во образъ Небес-

наго духовно облакаемся въ купели крещенія, а всецѣло явимся таковыми по воскресеніи въ будущемъ вѣкѣ. Принявъ залогъ духовнаго облеченія въ Небеснаго, не сомнѣвайтесь, что явитесь вполне облечеными въ Него, подобно, какъ облеченными являетесь въ перстнаго. „Какъ стали мы участниками и общниками смерти перстнаго, такъ сдѣлаемся причастниками славы небеснаго Владыки. Ибо сіе: *да облечемся*, сказалъ Апостоль въ видѣ предреченія, а не увѣщанія“ (Феод.). „Образъ перстнаго Адама есть: *земля еси и въ землю пойдеши*, а образъ небеснаго Христа есть воскресеніе изъ мертвыхъ и нетлѣніе. Апостоль предрекаетъ имѣющее быть, въ видѣ однакожъ рѣшительнаго опредѣленія, говоря: всеконечно облечемся мы во образъ Небеснаго, какъ облечлись и во образъ перстнаго. Образъ перстнаго есть смерть, а образъ Небеснаго воскресеніе. Въ смерти — образъ Адама; ибо онъ первый былъ причиною того, что стали умирать все другіе. А въ воскресеніи и нетлѣнни образъ Христа; ибо Онъ первый воскресъ, побѣдивъ смерть, и чрезъ то всему роду человѣческому даровалъ воскресеніе и нетлѣніе“ (у Экуменія Мееодій—въ словѣ о воскресеніи).

Ст. 50. *Сіе же глаголю, братіе, яко плоть и кровь царствія Божія наследити не могутъ, ниже тлѣніе нетлѣнія наследуютъ.*

„Плотію и кровію называетъ Апостоль природу смертную. А ей, пока она смертна, не возможно участить небеснаго царства. Сіе-то и присовокупилъ Апостоль: *ниже тлѣніе нетлѣнія наследуютъ*. Но явно, что сдѣлавшись нетлѣнною, насладится обѣтованныхъ благъ“ (Феод.). Также судить и Фотій у Экуменія.

Сіе же глаголю, — все это, начиная съ 45 ст., я говорилъ вамъ для того, чтобъ убѣдить васъ, что *плоть*

и кровь,—это тѣло наше, въ томъ видѣ, какъ оно теперь есть—грубое, многостихійное, грузное, и всегда готовое распасться, негоже для царствія Божія. Если предназначено ему участвовать въ семь царствіи, то оно наследовать его иначе не можетъ, какъ претворено будучи. Тлѣнное должно быть отдано тлѣнію. Наслѣдники нетлѣннаго царства должны облещися въ нетлѣніе: ибо тлѣніе нетлѣнія не наследуетъ. Не то хочеть онъ сказать, что всѣ воскресшіе въ нетлѣнномъ тѣлѣ непремѣнно и царство наследуютъ; но что безъ воскресенія и облеченія въ нетлѣніе, хотя бы и святъ кто былъ, царствія, какъ оно устроено, не увидитъ. Онъ смотритъ на человѣка цѣлостнаго — въ полномъ составѣ. Душа одна—не человѣкъ; тѣло же, какъ оно теперь есть, грубо и негоже для царствія. Ему и положено ислѣть; вмѣсто его дастся нетлѣнное тѣло. Для сего былъ новый Адамъ, который воскресъ и положилъ основаніе воскресенію всѣхъ. Воскресеніемъ своимъ Онъ далъ возможность быть наслѣдниками нетлѣннаго царства Его. Участіе въ наслѣдіи подлежить другимъ условіямъ; но не будь воскресенія въ нетлѣніи, исполненіе этихъ условій не ввело бы въ наслѣдіе его. Надобно облещись въ нетлѣнное тѣло, и тогда войти въ царство, если достоинъ того. Такъ оно устроено, что иначе сему быть нельзя, хотя устроено тоже сообразно съ природою человѣческою.

По ходу рѣчи Апостола можетъ родиться мысль, что это не присвоился новому Адаму, небесному, тотъ не будетъ имѣть участія и въ нетлѣніи. Надо поимѣть въ мысли, что Апостоль беретъ человѣчество въ цѣломъ его составѣ и въ его назначеніи: оно все предназначено къ перерожденію въ Господѣ Иисусѣ Христѣ. Для того и сила воскресенія Христова такова, что въ Немъ воскрешено уже все человѣчество. Это уже всѣмъ

принадлежить, къ славъ ли кто воскреснетъ, или не къ славъ. Сила воскресенія Христова и не можетъ быть инакова: ибо воскресшій есть Богъ. Божеское нельзя ограничить какимъ-либо предѣломъ времени или мѣста. Воскресеніе Христово имѣетъ всемірное значеніе и ввело чинъ бытія, на все простирающійся.

Во всемъ этомъ отдѣленіи, ст. 45—50,—св. Павелъ разсуждаетъ догматически, какъ выражается блаж. Фотій. Но внѣ контекста, всѣ эти мѣста, особенно же послѣдніе тексты: *плоть и кровь царствія Божія наследити не могутъ, и: да облечемъ во образъ небснаго, также: яковъ небсній, тацы же и небсній,*—могутъ быть принимаемы въ смыслѣ нравственныхъ уроковъ, какъ принимались всегда и доселѣ принимаются. Св. Златоустъ въ этомъ смыслѣ и толкуетъ ихъ; Фотій и Меѳодій у Экуменія параллельно проводятъ и догматическія мысли и нравственные уроки.

в).

Пророческое сказаніе, какъ дѣломъ совершится будущее воскресеніе.

Ст. 51—53.

Ст. 51. *Се, тайну вамъ глаголю: вси бо не успнемъ, вси же измѣнимся.*

Се тайну вамъ глаголю. „О страшномъ и неизреченномъ, о томъ, что не всѣ знаютъ, намѣревается говорить Апостоль, и оказываетъ слушателямъ великую честь, бесѣдуя съ ними о предметахъ неизреченныхъ“ (св. Злат.). „Тайною называется, что не всѣмъ объявлено, но ввѣрено однимъ друзьямъ.“ Посему Апостоль утѣшаетъ Коринтянъ.

„Что же это такое: *вси бо не успнемъ, вси же измѣнимся?* Смыслъ словъ его слѣдующій: не всѣ мы умремъ,

но всѣ измѣнятся, даже и тѣ, которые не умрутъ; ибо и они смертны. Итакъ, когда умираешь, не бойся этого, какъ будто не воскреснешь; есть, несомнѣнно есть такіе, которые избѣгнуть смерти, но для воскресенія имъ будетъ того недостаточно, а необходимо, чтобы тѣла и тѣхъ, которые не умрутъ, измѣнились и сдѣлались нетлѣнными“ (св. Злат.). „Ибо не только скончавшіеся возстанутъ нетлѣнными; но и остающіеся еще въ живыхъ облечутся въ нетлѣніе“ (Θеод.).

Ст. 52. *Вскорѣ, во мгновѣніи ока, въ послѣдней трубѣ: вострубитъ бо, и мертвы воскреснутъ нетлѣнными, и мы измѣнимся.*

Вскорѣ, ἐν ᾧρατι, въ такой короткій моментъ времени, котораго и дѣлать нельзя. Между повелѣніемъ Божиимъ о воскресеніи и самымъ воскресеніемъ и мгновѣнія времени не пройдетъ (Θеод.). Они современно послѣдуютъ. Какъ гласъ трубы, возвѣщающій Божіе повелѣніе, прозвучитъ, такъ въ то же мгновѣніе мертвые возстанутъ, а живые измѣнятся, т.-е. примутъ нетлѣнное тѣло, въ каковомъ воскреснутъ и умершіе. „Слово—мы здѣсь относить Апостолъ не къ себѣ, а къ тѣмъ, которые тогда окажутся живыми. Такъ, послѣ многаго, сказаннаго о воскресеніи, онъ теперь открываетъ въ немъ весьма дивное. Ибо не то только удивительно, что тѣла сперва сгніютъ, а потомъ воскреснутъ, и не то, что возставшія послѣ гніенія будутъ лучше нынѣшнихъ, и не то, что живые перейдутъ въ лучшее состояніе, и не то, что каждый получить собственное, а не чужое тѣло, но и то, что столь многія и столь великія дѣла, превосходящая всякій умъ и всякое разумѣніе, совершатся *вскорѣ*, т.-е. во мгновѣніе времени, или, какъ онъ яснѣе выражаетъ это, *во мгновѣніи ока*, такъ быстро, какъ смежаются вѣжды“ (св. Злат.).

Ст. 53. *Подобаетъ бо тлѣнному сему облещися въ нетлѣніе, и мертвенному сему облещися въ безсмертіе.*

Подобаетъ — неотложный законъ. Какъ бы на тѣло свое указывая, говорить: это мертвенное, это тлѣнное должно стать нетлѣннымъ и безсмертнымъ. „Тлѣнное есть тѣло, и мертвенное есть тѣло. Тѣло остается тѣломъ, потому что оно есть то, что облачается; исчезаютъ же смертность и тлѣнность, когда оно облечется въ безсмертіе и нетлѣніе. Посему не сомнѣвайся, какъ тѣло будетъ жить безконечно, когда слышишь, что оно будетъ нетлѣнно“ (св. Злат.).

Вмѣстѣ же тутъ и та мысль подтверждается, что возстанутъ именно эти тѣла, а не другія. „Апостоль ясно далъ знать, что воскреснетъ не другое что, но то самое, что истлѣваетъ: ибо какъ-бы нѣкимъ перстомъ указаль на то словомъ: *сему*, говоря: *тлѣнному сему, и мертвенному сему*“ (Θеод.).

3).

Побѣдная надъ смертію пѣснь съ краткимъ увѣщаніемъ

54—58.

Ст. 54. *Егда же тлѣнное сіе облечется въ нетлѣніе и смертное сіе облечется въ безсмертіе, тогда будетъ слово написанное: пожерта бысть смерть побѣдою.*

Когда тлѣніе такимъ образомъ изгнано будетъ изъ всѣхъ областей бытія и всюду воцарится безсмертная жизнь, тогда все преисполнено будетъ радостію жизни. Освободившись отъ узъ тлѣнія, страхомъ смерти обдержавшіеся дотолѣ, какъ-бы свободно вздохнувъ, скажутъ: слава Богу! Смерть поглощена въ конецъ. Слова сіи взяты у Исаи 25, 8, гдѣ онъ обѣщаетъ Іудеямъ полную побѣду надъ врагами и такое спокойное житіе, что непріатели ихъ не станутъ губить ихъ какъ ни

вздумается. Это прилагаетъ Апостоль къ свѣтлому состоянію по воскресеніи. Смыслъ словъ его: *тогда будетъ слово написанное*, таковъ: тогда можно будетъ сказать словомъ Писанія: пожерта бысть смерть побѣдою. *Побѣдою*,—такъ будетъ побѣждена и поражена смерть, что не встать ей болѣе, тоже, что въ конецъ, смерти не будетъ кому. Св. Златоустъ говоритъ: *побѣдою*, т.-е. окончательно, такъ что не останется ни слѣдовъ ея, ни надежды на возвращеніе, когда тлѣніе будетъ поглощено нетлѣніемъ.“

Ст. 55. *Гдѣ ти, смерти, жало? гдѣ ти, иде, побѣда?*

Смерть представляется подѣ образомъ ядовитаго змія, который жаломъ своимъ убивалъ всѣхъ, а когда отнято у него жало, сталъ нестрашенъ и въ посмѣшище дѣтямъ. Адъ, по обычному тогдашнему представленію, вмѣстилище всѣхъ отходящихъ изъ сей жизни, представляется забирающимъ всѣхъ въ свою власть посредствомъ смерти. Теперь и его жертвамъ конецъ. Апостоль олицетворяетъ ихъ и словами Пророка Осіи (13, 14), обращаетъ къ нимъ такую уничижительную рѣчь. „Онъ какъ бы созерцаетъ уже самое исполненіе, видитъ и побѣду Владыки, и воскресеніе мертвыхъ, и воспѣвая торжество надъ врагами, изрекаетъ эту пророческую пѣснь“ (Феод.). „Видишь ли величіе души? Какъ бы торжествуя побѣду, онъ воодушевляется и, созерцая будущее, какъ бы уже совершившееся, восхищается, попираетъ ногами низложенную смерть, и надъ главою поверженной произноситъ побѣдный кликъ, громко взывая: *гдѣ ти, смерти, жало? Гдѣ, ти, иде, побѣда?* Она прошла, погибла и исчезла совершенно. Господь не только обезоружилъ и побѣдилъ смерть, но истребилъ се и обратилъ въ ничто“ (св. Злат.).

Ст. 56. *Жало же смерти, грѣхъ; сила же грѣха, законъ.*

Черезъ грѣхъ вошла смерть. Были мы поставлены въ

раю на безсмертную жизнь. Согрѣшили, и осуждены на смерть. Грѣхъ ужалилъ насъ на смерть; онъ есть смертное, смертельное жало. Истина сія осязательно испытывается грѣшниками: и душу и тѣло разстраиваетъ и поражаетъ грѣхъ, душу во всѣхъ ея способностяхъ, тѣло въ корнѣ жизни; жизнь отъ него становится вялою. *Сила грѣха законъ.* Отъ чего? Отъ дѣйствія совѣсти. Совѣсть Богъ всадилъ въ душу нашу, какъ руководящую, а потомъ какъ судящую, осуждающую и карающую силу Свою. Къ ней идетъ то, что говорится о словѣ Божіемъ: *проходитъ до раздѣленія души же и духа, членовъ же и мозговъ.* Это и бываетъ, когда вооруженная словомъ Божіимъ, изрекающимъ законъ, она находитъ человѣка преступникомъ закона. Она дѣйствуетъ въ это время, какъ развѣдающая и разлагающая какая стихія. Вотъ чѣмъ грѣхъ оказывается столько сильнымъ, что причиняетъ смерть. Законъ проясняетъ совѣсть; имъ просвѣтленная, она зорче смотритъ за дѣянїями человѣка, и не даетъ ему покоя, коль скоро онъ является нарушителемъ закона; а чрезъ это возмущаетъ жизнь и души и тѣла, и разстраивая ее ведетъ къ смерти. Быть же сему такъ положилъ Богъ. Совѣсть исполняетъ законъ правды Божіей.

Съ какою цѣлю приложилъ сіи слова Апостолъ? Не продолжаетъ ли онъ вопросъ: *Гдѣ ти, смерть, жало? Гдѣ ти, иде, побѣда?* Гдѣ жало смерти, т.-е. грѣхъ? И гдѣ сила грѣха — законъ? Ибо тогда ни грѣха не будетъ, ни закона, потому что будетъ царствовать правда вѣчная и святость всесовершенная. Ничто не мѣшаетъ и такъ взглянуть на дѣло. Но прямѣе, можетъ быть, будетъ положить такъ: переносясь мыслію въ созерцаніе преславнаго состоянія по воскресеніи, когда всюду будетъ преизобиловать радость жизни, онъ

восхитился тѣмъ состояніемъ и воззвалъ: *гдѣ ты, смерте, жало?* Но тотчасъ же припомнилъ, что то состояніе еще впереди, хотя несомнѣнно вѣрно; мы же еще на пути къ нему должны исполнять условіе, чтобы, вступивъ въ область безсмертія, начать вкушать блаженство, а не мученіе. При этой мысли жало смерти навело его на грѣхъ; а отсюда родилось побужденіе напомнить всѣмъ: торжествуя надъ смертію, пойте: гдѣ ты, смерте, жало? но не забывайте, что жало смерти грѣхъ. Для насъ пока торжество надъ смертію есть побѣда надъ грѣхомъ въ себѣ самихъ. Воодушевляйтесь же на такую побѣду, чтобы потомъ на радость, а не на ужасы вступить, и въ состояніе торжества надъ смертію. Жало смерти грѣхъ: сила же разрушительная грѣха отъ того, что онъ есть нарушеніе закона, за которое правда Божія караетъ чрезъ совѣсть и отнимаетъ или умаляетъ жизнь. Будьте же стражами закона и вѣрными исполнителями всѣхъ его велѣній! Это прямой путь къ торжеству надъ смертію.

Съ такимъ пониманіемъ связи означенныхъ словъ, въ прямомъ согласіи стоятъ и слѣдующее благодареніе, и дальнѣйшее еще увѣщаніе (въ ст. 58).

Ст. 57. *Богу же благодареніе, давшему намъ побѣду Господемъ нашимъ Иисусъ Христомъ.*

Торжество побѣды надъ смертію еще въ будущемъ; но оно такъ вѣрно, что Богъ какъ бы уже отдалъ ее намъ въ руки. Побѣда въ дѣйстви. Въ лицѣ Христа Спасителя она уже состоялась; вѣрою и мы усвоаемъ ее себѣ, не уповательно только, но и дѣйственно чрезъ пріобщеніе жизни Иисусъ-Христовой въ крещеніи и причащеніи. Исторженіе насъ изъ челюстей смерти идетъ; основанія блаженному безсмертію прочныя кладутся. И все сіе Господомъ нашимъ Иисусъ-Христомъ!—Благодареніе Богу, все сіе тако устроить благоволившему.

Съ. Златоустъ говоритъ при семъ: „Трофей воздвигнулъ самъ Христосъ, а вѣнцевъ удостоилъ и насъ, не по обязанности, а по одному человѣколюбію.“

Благодарить Апостоль Бога за дарованіе побѣды, но надъ чѣмъ, не сказываетъ. Можно разумѣть, и надъ смертію; можно разумѣть, — и надъ грѣхомъ, жалою смерти. Благодареніе Богу, давшему намъ въ Господѣ Иисусѣ Христѣ грѣхопобѣдительную силу, которая ведетъ насъ къ радостному торжественію побѣды надъ смертію. Впереди въ словахъ: *жало же смерти грѣхъ*, онъ сказалъ: смотрите однакожь, жало смерти отсыкайте. При этомъ могла родиться мысль: гдѣ съ нимъ сладишь? Это могло навести на домостроительство спасенія, которое все направлено къ тому, чтобы побѣждать и искоренять въ себѣ грѣхъ. — А отсюда и: благодареніе Богу! Не бойтесь! Все у насъ есть подъ руками. Богъ въ Господѣ Иисусѣ Христѣ даетъ намъ полную побѣду и надъ грѣхомъ.

Ст. 58. *Тѣмже, братіе моя возлюбленная, тверди бывайте, непоступни, избыточествующе въ дѣль Господни всегда, въдлице, яко трудъ вашъ нѣсть тощъ предъ Господемъ.*

Тѣмже, ѿста, такъ что,—поставляетъ сіи уроки въ прямой зависимости отъ непосредственно предшествующаго. Тамъ—торжество надъ смертію, и вмѣстѣ мимоходное внушеніе побѣждать напередъ грѣхъ, къ чему и силы даны въ Господѣ.—Съ этимъ послѣднимъ внушеніемъ прямо и состоитъ въ связи, что говоритъ теперь Апостоль.

Тверди бывайте, непоступни. Какъ Апостоль не указываетъ предмета, то ограничивать твердость и непоступность только въ отношеніи къ вѣрѣ въ воскресеніе, не будетъ справедливо. Скорѣе положить должно, что, какъ впереди благодареніе возносилось къ Богу

за дарованіе побѣды и надъ грѣхомъ, а къ этому ведетъ все домостроительство спасенія въ Господѣ Иисусѣ Христѣ, — то здѣсь твердость и непоступность разумѣется всесторонняя: и въ вѣрѣ, и въ жизни по вѣрѣ, и въ принятіи таинствъ, и въ участіи во всѣхъ освятельныхъ чинахъ церкви, — твердость и непоступность во всемъ этомъ не такая, что поревновалъ и бросилъ, — опять началъ, но поревновалъ и опять бросилъ, — перемежающаяся, а постоянная, неизмѣнная, ровная.

Избыточествующе въ дѣлѣ Господни всегда. Какое это дѣло Господне? Дѣло спасенія. А оно въ чемъ?— *Отложити вамъ по первому житію ветхаго чловѣка, тлѣющаго въ похотехъ прелестныхъ и облещися въ новаго, созданнаго по Богу въ правдѣ и преподобіи истины* (Еф. 4, 22). Это и есть то, что разумѣть св. Златоустъ подъ дѣломъ Господнимъ. Онъ говоритъ, что избыточествованіе есть избыточествованіе „въ чистой жизни.“ Та же мысль и у Θεодорита: „трудолюбно собирайте богатство благочестія.“ Дѣла Господня дѣланіе будетъ дѣланіе всякаго добра.— Надо дѣлать добро не кое-какъ, не какъ случилось, а избыточествовать въ дѣланіи его, „чтобы добро было совершенно обильно и выше предписанныхъ предѣловъ“ (св. Злат.).

Въдѣлице, яко трудъ вашъ нѣсть тощъ предъ Господемъ. „Справедливо это увѣщаніе; ибо ничто столько не колеблеть (твердости и непоступности), какъ мысль, что трудишься тщетно и напрасно“ (св. Злат.). Итакъ, говорить, не колеблитесь! Твердо стойте въ вѣрѣ, въ добродѣланіи, и терпѣніи на пути семъ. Плодь трудовъ вашихъ вѣренъ. „Судія правдивъ и подвижникъ соплетаетъ вѣнцы (1 Тим. 4, 8), дѣлателямъ уготовалъ уже мзду (Мс. 20, 8)“ (Θеод.).— Откуда *въдѣлице?* Изъ того, что сказалъ о воскресеніи и будущей жизни. *Предъ Господемъ*—даетъ мысль, что слѣдовательно весь

трудъ свой такъ и надобно направлять, чтобы онъ былъ *предъ Господемъ*,— Ему былъ посвящаемъ и совершаемъ такъ, какъ бы все, что ни дѣлалось, дѣлалось на глазахъ у Господа. Такой трудъ всегда свободенъ бываетъ отъ всякой примѣси нечистыхъ побужденій и всегда бываетъ приятенъ Господу. Онъ и не допустить, чтобы трудъ для Него и предъ Нимъ былъ тощъ и здѣсь, и тѣмъ паче тамъ.

„Не будемъ же, возлюбленные, предаваться сну: невозможно, совершенно невозможно безпечнымъ сподобиться царствія небеснаго, равно и преданнымъ роскоши и невоздержанію. Скорѣе, изнуряя и измождая свое тѣло и перенося безчисленные труды, мы можемъ получить небесныя блага. Развѣ не видите, какое разстояніе между небомъ и землею, какая предстоитъ намъ брань, какъ склоненъ человѣкъ ко злу, какъ окружаетъ насъ грѣхъ и какія разставляетъ сѣти? Развѣ не знаете, что обѣщанное вамъ выше человѣческаго? Развѣ не знаете, какому представемъ мы судищу? Развѣ не помните, что намъ должно будетъ дать отчетъ въ словахъ и помышленіяхъ?—Вѣдайте, что если мы будемъ безпечны, то насъ не защититъ никто, ни праведникъ, ни пророкъ, ни апостоль; если же будемъ ревностны, то имѣя достаточную защиту въ собственныхъ дѣлахъ, съ дерзновеніемъ удостоимся благъ, уготованныхъ любящимъ Бога“ (св. Злат.).

ПОСЛѢДНЕЕ ЗАКЛЮЧИТЕЛЬНОЕ ОТДѢЛЕНІЕ.

РАЗНОЕ: 1) РАСПОРЯЖЕНІЯ, 2) ИЗВѢСТІЯ, 3) НАКАЗЫ, 4) НАПОМИНАНІЯ, 5) ЦѢЛОВАНІЯ, 6) БЛАГОЖЕЛАНІЯ, Гл. 16.

1).

Распоряженіе о заготовленіи милостыни для Іерусалимлянъ.

16, 1—4.

Ст. 1. *О милостыни же, яже ко святымъ, якоже устроишъ церквамъ Галатійскимъ, тако и вы сотворяйте.*

Эта милостыня собиралась на Іерусалимлянъ, которые больше всѣхъ въ началѣ подвергались лишеніямъ, утѣсненіямъ и гоненіямъ. Извѣстенъ неумолимый фанатизмъ Евреевъ. Со времени гоненія по убіеніи Стефана первомученика нападенія на христіанъ тамъ не прекращались; и они были тѣмъ горше, что совершались по своеволю народа. Св. Павелъ о собраніи на нихъ милостыни получилъ заповѣдь отъ Апостоловъ, не между прочимъ, а какъ первое дѣло, которое онъ и старался исполнять со всѣмъ усердіемъ.—*Святыми* названы іерусалимскіе христіане всѣ, а не особы какія между ними лица. Такъ обычно именуетъ Апостоль христіанъ, яко священннхъ благодатію Святаго Духа и обѣтъ святости давшихъ, и ревнующихъ о ней. Въ Галатійскихъ церквахъ Апостоль сдѣлалъ распоряженіе о собраніи означеннымъ образомъ милостыни, во время пребыванія своего у нихъ, а не въ посланіи, гдѣ объ этомъ не поминается. Помянулъ объ этомъ Апостоль, чтобъ раздражить соревнованіе въ Коринѣянахъ.

Св. Златоустъ говоритъ на это: „*милостынею*, λογίζ. онъ назвалъ сборъ (на бѣдныхъ) для того, чтобы тотъ-

часть же съ самаго начала представить это дѣло легкимъ; ибо, если она должна собираться со всѣхъ, то такое установленіе для каждаго становится легкимъ. Указаніемъ на совершаемое другими (Галатійцами) онъ возбуждаетъ ихъ къ соревнованію, предлагая имъ это въ видѣ повѣствованія. Такъ онъ поступилъ и въ посланіи къ Римлянамъ, гдѣ, объясняя имъ причину своего отправления въ Іерусалимъ, говоритъ между прочимъ и о милостынѣ: *нынѣ же гряду въ Іерусалимъ, служаи святымъ. Благоволиша бо Македонія и Ахайя общеніе нѣкое сотворити къ нищимъ святымъ* (Римл. 15, 25. 26). Тѣхъ располагаетъ къ милостынѣ примѣромъ Македонянъ и Коринѣянъ (здѣсь, въ посл. къ Римл. онъ поминаетъ о милостынѣ, собранной по распоряженію, о коемъ рѣчь), а этихъ примѣромъ Галатійцевъ. Имъ стыдно было оказаться ниже Галатійцевъ.— *Якоже устроишъ въ церквахъ Галатійскихъ*. Не сказалъ: я убѣждалъ, или совѣтовалъ, но *устроишъ*, чѣмъ выражается большая власть; привелъ въ примѣръ не одинъ городъ, не два, и не три, но цѣлый народъ, какъ дѣлалъ онъ и въ отношеніи къ догматамъ: *яко*, говоритъ, *во всѣхъ церквахъ святыхъ* (1 Кор. 14, 33), ибо если такое убѣжденіе сильно для вѣры въ догматы, то еще сильнѣе въ отношеніи къ дѣламъ. Что же, скажи мнѣ, устроилъ ты?“

Ст. 2. *По единнѣи отъ субботъ кійждо васъ да поминуетъ у себе сохраняя, еже аще что благопоспѣшитъ: да, не егда прииду, тогда собранія бывають.*

По единнѣи отъ субботъ, *κατὰ μίαν σαββάτων*,—субботы, *σαββάτα*, означаетъ недѣлю, всѣ семь дней; едина отъ субботъ, *μία σαββάτων*, означаетъ первый день недѣльный, день Господень, воскресенье. *По единнѣи*—не послѣ, а въ каждый первый день недѣли, по воскресеньямъ. Въ воскресенье, съ Апостольскихъ временъ, было

въ обычаѣ между христіанами устроить дѣла благотворенія. Своихъ бѣдныхъ достаточные питали въ этотъ день на вечера любви; а дальнихъ посредствомъ сборовъ и посылокъ имъ вспомошествованія.— Не вдругъ отлагать, а понемножку заповѣдуетъ Апостоль, потому что этимъ способомъ незамѣтно можно собрать больше, нежели сколько готова была бы рука дать заразъ. Почему употребилъ слово: сохраняя, *ῥησαυρίζων*—сокроуиществуя, собирая въ сокровищницу. *Что благотоспшится*, смотря по тому, какая у кого будетъ прибыль у самого отъ оборотовъ и трудовъ; но вмѣстѣ намекается и на благорасположеніе: не хочетъ неволить, *доброзотна бо дателья любитъ Богъ*. „Количество подаенія Апостоль предоставляетъ расположенію, научая, что душамъ, избирающимъ лучшее, содѣйствуетъ Богъ. Ибо сіе выразилъ словами: *еже аще что благотоспшится*“ (Феод.). Почему: *да не когда прииду собранія бываютъ?* Или опять, чтобъ не стѣснять ихъ, или чтобъ когда придетъ, умы ихъ были свободны отъ всякихъ стороннихъ заботъ, а только внимали тому, что онъ имѣлъ имъ предлагать.

Св. Златоустъ говорить: „Смотри, какъ онъ убѣждаетъ ихъ самымъ временемъ; ибо этотъ день самъ по себѣ достаточно располагаетъ къ милосынѣ. Помните, говорить, чего вы сподобились въ этотъ день: неизреченныя блага, корень и источникъ нашей жизни получили начало въ этотъ день. И не потому только это время располагаетъ къ человѣколюбію, но и потому, что оно доставляетъ отдохновеніе и свободу отъ трудовъ; ибо души, облегченныя отъ бремени трудовъ, бываютъ удобопреклоннѣе и способнѣе къ милосердію. Кромѣ того и причащеніе въ этотъ день страшныхъ и безсмертныхъ Таинъ производитъ великую готовность къ подаенію. Итакъ, въ этотъ день *кйждо васъ*, не тотъ

или другой, но *каждо*, бѣденъ ли онъ, или богатъ, жена или мужъ, рабъ или свободный, *да полагаетъ у себе сохраняя*. Не сказалъ: пусть приноситъ въ церковь, дабы имъ не стыдно было принести малое, но: пусть, сберегая мало-по-малу, увеличиваетъ приношеніе, и потомъ покажетъ его, когда я приду; а до того времени, говорить, отлагай у себя, и домъ свой дѣлай церковію, ковчегомъ, сокровищницею; будь стражемъ священнаго имущества, самопоставленнымъ домостроителемъ бѣдныхъ; челоуѣколюбіе даетъ тебѣ сіе священное право. Знакомъ этого остается и донинѣ сосудохранительница. Но знакъ остается, а дѣла нѣтъ.— Смотри опять, какъ это не трудно. Не сказалъ: столько-то, или столько-то, но: *еще еще что благопослышится*, много-ли, мало-ли. Не сказалъ также: сколько кто пріобрѣтетъ, но: *еще еще что благопослышится*, выражая, что пріобрѣтеніе отъ Бога. И не такимъ только образомъ онъ дѣлаетъ совѣтъ свой удобоисполнимымъ, но и тѣмъ, что не повелѣваетъ вносить все въ одно время; ибо, если собирать мало-по-малу, то служеніе и иждивеніе дѣлается нечувствительнымъ. Посему онъ и повелѣваетъ не тотчасъ принести, но назначаетъ продолжительный срокъ и приводитъ причину: *да не егда приду*, говорить, *тогда собранія бывають*, т.-е., дабы не дѣлать сборовъ тогда, когда наступитъ время взноса. И не безъ пѣли предлагаетъ имъ такое замѣчаніе; ожиданіе Павла должно было возбуждать въ нихъ болѣе усердія.“

Ст. 3. *Егда же приду, иже еще искусите, съ посланни сихъ пошлю отнестн благодать вашу во Иерусалимъ.*

Возбуждаетъ къ собранію подаванія и дѣлаетъ все относящіяся къ сему распоряженія, а самъ себя дерзнуть вдали отъ прикосновенія къ собранному. Кого,

говорить, послать съ милостынею, сами изберете довѣрія достойныхъ людей. Это дѣлаетъ онъ для того, „чтобы самому первому дѣлать то, что совѣтуетъ другимъ, и быть безпреткновенну Іудеомъ и Еллинномъ и Церкви Божіей. 1 Кор. 10, 32“ (Ѳеод.). А чтобы не показалось, что онъ безучастенъ къ сему дѣлу, то говоритъ: я пошлю ихъ, и дамъ имъ письма, буду ихъ руководителемъ въ этомъ дѣлѣ. Тутъ все будетъ, говорить, идти отъ васъ: я не заслону собою вашего лица. Іерусалимляне увидятъ въ этомъ не мои труды, а ваше добротство. Почему и назвалъ милостыню благодатію, яко благое даяніе ихъ, или какъ доброе дѣло, благодатію въ нихъ совершаемое, и благодать приносящее, и благодатному обществу христіанскому приличное. Св. Златоустъ говоритъ: „Не сказалъ: кого нибудь пошлете, но *ихже аще испусите*, т.-е. кого изберете, дабы служеніе было несомнительно. Дѣло избранія тѣхъ, которые отнесутъ милостыню, онъ представляетъ самимъ Коринѳянамъ. Но чтобы не показалось, будто устраняетъ себя отъ нихъ, онъ предлагаетъ и свои посланія: *съ посланми сихъ пошлю*; какъ бы такъ сказалъ: и я буду съ вами, и я приму участіе въ служеніи посредствомъ посланій. Не сказалъ: пошлю ихъ отнести *милостыню* вамъ, но: *благодать* вамъ, дабы показать, что они совершаютъ великое дѣло, и дабы внушить, что и сами они отъ этого получаютъ пользу.“

Ст. 4. *Аще же достойно будетъ и мнѣ ити, со мною пойдутъ.*

Аще достойно будетъ,—если нужно будетъ, если такъ случится, что и мнѣ необходимо будетъ идти, *со мною пойдутъ*. Я буду имъ проводникомъ и послужу имъ вмѣсто писемъ руководственныхъ. Количество сбора не имѣло вліянія на такое рѣшеніе. Какъ бы оно велико ни было, все несутъ его повѣренныя. Это, ска-

заль Апостоль, вмѣсто писемъ. Когда со мною пойдуть, не нужно будетъ писемъ. Такая мысль кажется прямѣе. Но можетъ быть и та есть здѣсь мысль, что воль скоро такъ много соберется, что и мнѣ надо будетъ идти, и я пойду. Такъ впрочемъ понимаютъ всѣ и старыя и новыя. Св. Златоустъ говоритъ: „Здѣсь онъ опять располагаетъ ихъ къ щедрости: ибо если, говорить, будетъ столько собрано, что понадобится и мнѣ идти, то и я не откажусь. Но прямо не общалъ этого и не сказалъ: когда приду, то самъ отнесу; ибо не столько расположилъ бы ихъ къ увеличенію подаванія, еслибы сказалъ это въ началѣ; а послѣ такое прибавленіе хорошо и благовременно; потому онъ и не рѣшительно общалъ, и не совершенно умолчалъ объ этомъ, но сказалъ напередъ: *послю*, потомъ упомянулъ и о себѣ. И въ этихъ словахъ: *еще достойно будетъ и мнѣ ити*, онъ опять предоставляетъ на ихъ волю, т.-е., отъ нихъ зависѣло собрать много и столько, чтобы не стыдно было ему предпринять путешествіе.“

2).

Извѣщеніе о своихъ намѣреніяхъ относительно путешествія и трудовъ въ проповѣди

Ст. 5—9.

Ст. 5. *Прииду же къ вамъ, егда Македонію преиду; Македонію бо прохожду.*

Прииду. „Онъ сказалъ то же и прежде, но тогда съ гнѣвомъ, прибавивъ: *и уразумѣю не слово разгордѣвшихся, но силу* (1 Кор. 4, 19); а теперь благосклоннѣе, дабы они желали его прибытія“ (св. Злат.).—*Македонію прохожду*,—не то хочеть сказать, что онъ въ пути: ибо писалъ въ Ефесѣ и тутъ же говоритъ: пребуду еще во Ефесѣ (—ст. 8); но что такъ положилъ идти,

и распоряженія уже о томъ сдѣлалъ, пославъ впередъ св. Тимоея, который долженъ былъ и до Коринѣя дойти (Дѣян. 19, 21 и д.). Такъ, говоритъ, когда пройду Македонію, и тамошнія церкви посѣщу, тогда и къ вамъ приду, давая имъ разсчитать самимъ, къ какому времени придется его приходъ.

Ст. 6. *У васъ же, еще случится мнѣ, пребуду, или и озимью, да вы мя проводите, а може еще пойду.*

Аще случится мнѣ, — тохов, — можетъ быть. „Дабы не сказали: для чего ты предпочитаешь намъ Македонянь, онъ говоритъ: а чрезъ васъ не пройду только, но у васъ побуду. Онъ писалъ это зимою, находясь въ Ефесѣ. Посему и говоритъ: пребуду же во Ефесѣ до Пентикостіи, потомъ пойду въ Македонію; прошедши ее лѣтомъ, приду къ вамъ и, можетъ быть, проведу у васъ зиму. Но почему онъ сказалъ: *можетъ быть*, а не утвердительно? Потому что не все предвидѣлъ Павелъ, и потому, что это было полезно. Посему онъ и не утверждаетъ прямо, дабы, еслибы этого не случилось, имѣть оправданіе въ томъ, что говорилъ тогда неопредѣленно, равно и въ томъ, что имъ руководилъ Духъ по своей власти, куда хотѣлъ, а не куда желалъ самъ Павелъ. — *Да вы мене проводите, а може еще иду.* И это слова любви и великаго благорасположенія“ (св. Злат.). Ихъ гостепріимству и попеченію себя ввѣряетъ. Вы меня у себя упокоите, вы будете проводниками и блюстителями моими и въ дальнѣйшемъ пути. Ничего не предрѣшаетъ, а готовъ направляться, куда персть Божій укажетъ. И хотя у него уже былъ планъ, чтобы прошедши всѣ эти мѣста, побыть въ Іерусалимѣ, а потомъ направиться и въ Римъ (Дѣян. 19, 21), но какъ исполненіе его онъ не полагалъ состоящимъ въ своей власти, то и умолчалъ объ немъ.

Ст. 7. *Не хочу бо васъ нынѣ въ мимохожденіи ви-*

дѣти, утѣваю же время нѣкое пребыти у васъ, аще Господь повелитъ.

„Хочу, говорить, не мимоходомъ зайти къ вамъ, но остановиться и пожить у васъ“ (св. Злат.). „Достаточно утѣшилъ Коринтянъ, общаясь пробить съ ними нѣсколько времени“ (Феод.). Хочетъ побыть; ибо, какъ видно изъ посланія, много вкралось у нихъ не порядковъ; надлежало и поведеніе ихъ исправить, и образъ мыслей ихъ во многомъ измѣнить. Исправнымъ это извѣстіе приносило радость и удовольствіе; а у неисправныхъ должно было родить страхъ и безпокойство. „Здѣсь онъ выражаетъ любовь свою и вмѣстѣ устрашаетъ грѣшниковъ, впрочемъ не прямо, а подъ видомъ дружескаго расположенія“ (св. Злат.). Словами: *аще Господь повелитъ*, Апостолъ показываетъ, „что ничего не намѣренъ дѣлать безъ Божія мановенія, но желаетъ, чтобы управляла имъ Божія десница.“

Ст. 8. *Пробуду же во Ефесѣ до Пятидесятіи.*

„Не напрасно онъ говоритъ обо всемъ этомъ съ точностію, но все открываетъ имъ, какъ друзьямъ; ибо дружбѣ свойственно объявлять причину, почему не приходитъ, почему медлить, и гдѣ находится“ (св. Злат.). Этотъ планъ едва ли исполнился; потому что по случаю возмущенія Димитрія среброковача, св. Павелъ кажется долженъ былъ оставить Ефесъ нѣсколько раньше. Но зиму онъ провелъ у нихъ, какъ видно изъ того, что пробывши три мѣсяца въ Элладѣ, дни опрѣсочные провелъ онъ въ Филиппахъ на возвратномъ пути (Дѣян. 20, 6), а къ Пятидесятницѣ надѣялся прибыть въ Иерусалимъ (Дѣян. 20, 16).

Ст. 9. *Дверь бо ми отверзеса велика и многина, и сопротивнии мнози.*

Подготовленное въ трехлѣтнее пребываніе начало приносить плодъ. Многіе начали обращаться; но это

же раздражило противниковъ, возбудившихъ возстаніе. Дѣло Божіе однакожъ могло быть кончено и безъ Павла, его учениками и оставленными предстоятелями; только самъ св. Павелъ долженъ былъ удалиться. Св. Златоустъ говоритъ: „Если же дверь велика, то откуда *сопротивіи*? Отъ того самаго и много противниковъ, что велика вѣра, что великъ и широкъ входъ. Что же значитъ: *дверь велика*? Многіе готовы принять вѣру; многіе готовы приступить и обратиться; широкъ у меня входъ, потому что души приступающихъ охотно принимаютъ послушаніе вѣры. Сильною злобою дышалъ тогда діаволь, видя, что многіе отступаютъ отъ него. Посему Павлу надлежало остаться тамъ по двумъ причинамъ: потому что велика была польза, и потому что великъ былъ подвигъ. Такими словами онъ также ободрялъ Коринтянъ, сообщая имъ, что наконецъ слово повсюду дѣйствуетъ и удобно возрастаетъ. А что много было противниковъ, и это означаетъ успѣхъ Евангельской проповѣди. Злой бѣсъ никогда такъ не свирѣпствуетъ, какъ когда видитъ, что многіе изъ его судовъ расхищаются. Посему и мы, когда захотимъ совершить что-нибудь великое и отличное, будемъ смотрѣть не на то, что дѣло представляетъ много труда, а на его пользу. И Павелъ, смотри, не теряетъ бодрости и не убѣгаетъ потому, что много противниковъ, но остается и напрягаетъ свои силы, потому что велика была дверь. Ибо это, какъ я сказалъ, было знакомъ обнаженія діавола. Не можетъ раздражить этого злаго звѣря тотъ, кто сдѣлалъ что-нибудь малое и незначительное. Посему не удивляйся, когда видишь, что праведный мужъ, совершающій великіе подвиги, терпитъ множество бѣдствій; ибо надлежало бы дивиться противоположному, т.-е. еслибы діаволь, бывъ часто поражаемъ, оставался въ покоѣ и кротко переносилъ на-

носимыя ему раны. Неудивительно, если змій, получая непрестанные удары, свирѣпѣетъ и бросается на удрающаго. А діаволь, пресмыкаясь, свирѣпствуетъ противъ всѣхъ злѣе всякаго змія и нападаетъ, выставивъ жало, подобно скорпіону.“

3).

Наказъ о Тимоѳеѣ, съ вѣстію объ Аполлосѣ.

Ст. 10—12.

Ст. 10. *Аще же прійдетъ Тимоѳей, блюдите, да безъ страха будетъ у васъ: дѣло бо Господне дѣлаетъ, якоже и азъ.*

Что послалъ къ нимъ св. Тимоѳея, поминалъ Апостоль прежде (4, 17); теперь дѣлаетъ наказъ имъ на случай его прихода. Когда писано было посланіе, св. Тимоѳея не было уже въ Ефесѣ; онъ былъ на пути, направляясь чрезъ Македонію въ Коринѣ. Это то самое шествіе его, о которомъ поминается въ книгѣ Дѣяній (19, 22). Наказъ состоитъ въ томъ, *да безъ страха будетъ*. Это можетъ быть и то значить, чтобы онъ не подвергся никакой опасности и бѣдѣ, — какъ-бы такъ: укройте его, какъ знаете, если случится что. Но прямѣе этимъ означается, чтобы сами они приняли его любовно и уважительно, чтобы предъ ними самими не имѣлъ онъ страха; почему и говорить: *просъ ѹмѣс*, — въ отношеніи къ вамъ, предъ вами. Св. Златоустъ говорить: „Апостоль предостерегаетъ ихъ и говорить, *да безъ страха будетъ у васъ*, т.-е. чтобы кто-нибудь изъ безстыдныхъ не возсталъ противъ него. Ибо ему, можетъ быть, предстояло сдѣлать имъ замѣчаніе за то, о чемъ писалъ Павелъ, для чего онъ и былъ посланъ, какъ выразилъ Апостоль въ словахъ: *послахъ къ вамъ Тимоѳея, иже вамъ воспомянетъ пути моя* (1 Кор. 4, 17).

Итакъ, дабы они, надѣясь на знатность, на богатство, на защиту отъ народа и на мірскую мудрость, не напали на него, не стали оскорблять его и строить противъ него козни, негодуя на его обличенія, или на вразумленія учителя, и желая отмстить послѣднему въ лицѣ перваго, Апостоль говоритъ: *да безъ страха будете у васъ.*“

Св. Тимоѳеѣ посланъ былъ вслѣдствіе извѣстій, полученныхъ отъ домашнихъ *Хлоинныхъ*, чтобъ узнать истинное положеніе дѣлъ и, вѣроятно, чтобъ въ случаѣ нужды сдѣлать зависящія распоряженія. Посланіе же пишется по отправленіи его по случаю прибытія нарочитыхъ пословъ изъ Коринѣа съ письмами. Эти послы удостовѣрили, что дѣла точно требовали исправленія, и что св. Тимоѳею предлежало дѣлать распоряженія. Св. Павелъ и упреждаетъ ихъ. Посланные сіи съ посланіемъ св. Павла, отправясь моремъ, должны были прибыть въ Коринѣъ гораздо прежде св. Тимоѳея.

Теодоритъ понимаетъ эти слова вообще, безъ отношенія къ содержанію посланія, какъ-бы такъ: „примите его, послужите ему, да не испытаетъ никакого огорченія.“

Дѣло бо Господне дѣлаетъ, якоже и азъ. „Достаточное свидѣтельство, чтобы и лѣниваго побудить къ оказанію услугъ ученику“ (Теод.). Не своего ищетъ, а Божіяго. „Апостоль хочетъ внушить имъ довѣріе и уваженіе къ Тимоѳею по самому его служенію: *дѣло бо Господне дѣлаетъ.* Не смотрите на то, что онъ не богатъ, необразованъ и не старъ, а на то, что поручено ему, и что онъ исполняетъ. Это замѣняетъ ему и знаемость, и богатство, и старость, и мудрость. Не довольствуясь этимъ, присовокупляетъ: *якоже и азъ*“ (св. Злат.). Онъ будетъ дѣлать то, что я ему повелѣлъ, мое дѣло; но мое дѣло есть дѣло Господне, слѣдовательно и его. Господне дѣло есть дѣло спа-

сенія людей. Средства къ тому—утвержденіе Евангельской истины въ сердцахъ и введеніе христіанскихъ порядковъ жизни. Вотъ о чемъ мы оба трудимся: онъ по моему указанію, а я по Господню повелѣнію.

Ст. 11. *Да никтоже убо его уничтожитъ, проводите же его съ миромъ, да придетъ ко мнѣ; жду бо его съ братією.*

Да никтоже убо его уничтожитъ. Поелику дѣло Господне дѣлаеть, то не держайте его уничтожать. „Не смотрите на юность возраста, но примите въ немъ во вниманіе Апостольскіе труды“ (Феод.). „Такъ какъ онъ былъ молодъ и ему одному поручено было исправленіе такого общества, то же и другое могло быть причиною пренебреженія къ нему, то Апостоль справедливо предотвращаетъ ихъ отъ уничтоженія его. И не только этого требуетъ для него, но еще большей чести: *проводите*, говоритъ, *его съ миромъ*, т.-е., безопасно, безъ ссоръ и словопреній, безъ вражды и ненависти, но съ покорностію и попечительностію къ нему, какъ къ учителю.—*Да придетъ ко мнѣ.* И этимъ онъ внушаетъ имъ страхъ, дабы они, зная, что онъ расскажетъ Апостолу все съ нимъ случившееся, были болѣе кроткими; для сего и присовокупляетъ: *жду бо его*. А съ другой стороны этимъ онъ также внушаетъ довѣріе къ Тимоѳею, выражая, что онъ самъ, намѣреваясь отправиться, ожидаетъ его, и вмѣстѣ свидѣтельствуетъ любовь свою къ нимъ, показывая, сколь полезнаго послалъ онъ къ нимъ человека“ (св. Злат.).

Жду его съ братією. Жду его и братію, что съ нимъ посланы и должны воротиться вмѣстѣ. Или: жду я и братія, которая со мною. Тамъ онъ, какъ глава посольства, а здѣсь, какъ лице всѣмъ дорогое. Въ томъ и другомъ—побужденіе относится къ нему и съ уваженіемъ и съ любовію. Съ св. Тимоѳеемъ посланъ былъ Ерастъ.

Ст. 12. *О Аполлосѣ же братъ: много молихъ его, да придетъ къ вамъ съ братією, и всяко не бѣ воля, да нынѣ придетъ; придетъ же, егда упраснится.*

Объ Аполлосѣ вѣрно въ посланіи писали Коринѣяне, желая его видѣть. Апостоль пишетъ на это: что касается до Аполлоса—брата, то я много просилъ его, чтобъ онъ шелъ къ вамъ съ братією. Съ какою? Вѣроятно съ тою, которая прислана изъ Коринѣя и теперь должна была возвращаться туда. Дѣло не въ этомъ, а въ томъ, что просилъ много, умолялъ; но *не бѣ воля, да нынѣ придетъ*. Чья воля? Конечно Аполлосова. Или обстоятельства ему преятствовали, или занятія мѣшали: ибо не видно, чтобы дѣло проповѣди было главнымъ дѣломъ Аполлоса. Почему прибавилъ: *придетъ же, егда упраснится*. Когда передѣлаетъ свои дѣла, придетъ. Св. Златоустъ говоритъ: „*О Аполлосѣ же...* Этотъ, какъ видно, былъ и образованъ и старше Тимоѣя; посему, дабы они не сказали, почему онъ не послалъ къ нимъ этого мужа, а прислалъ молодого человѣка, смотри, какъ Апостоль и касательно его успокоиваетъ ихъ, называя его братомъ и сообщая, что много просилъ его отправиться къ нимъ. И дабы не подумали, будто онъ предпочелъ ему Тимоѣя и потому не послалъ его, и дабы не возбудить въ нихъ большей зависти, говоритъ: *много молихъ его, да придетъ*. Что же? Онъ не согласился и не послушался, но воспротивился и отказался? Павелъ не говоритъ это, но дабы и его не обвинить и себя оправдать, говоритъ: *всяко не бѣ воля, да нынѣ придетъ*. Затѣмъ, дабы не сказали, что это только отговорка и предлогъ, присовокупляетъ: *придетъ же къ вамъ, егда упраснится*. Такимъ образомъ онъ и его оправдалъ, и ихъ желавшихъ видѣть его успокоилъ надеждою на его прибытіе.“

4).

Напомянiя—бодренно и мужественно стоя въ вѣрѣ, пребывать во взаимной любви, повинаясь предстоятелямъ, и отдавая должную честь служащимъ и труждающимся въ дѣлѣ Божіемъ. Ст. 13—18.

Ст. 13. 14. *Бодрствуйте, стойте въ вѣрѣ, мужайтесь, утверждайтесь. Вся вамъ любовь да бываютъ.*

Что напоминаетъ? Бодрность, стойкость въ вѣрѣ, мужество, крѣпость и взаимную любовь. Можно прибавить: яко сіе всякъ христіанинъ. Бодрствующій смотритъ во всѣ стороны и сторожитъ, чтобъ не попалъ нечаянно врагъ. Когда врагъ подходит и хочетъ сбить бодрствующаго съ позиціи, онъ стоитъ на своемъ мѣстѣ, не поддаваясь. Позиція христіанъ—вѣра, во всеобъемлющемъ ея значеніи. Врагъ усиливаетъ нападенія; ему противостоятъ мужественно; въ мужествѣ же крѣпятся. Чѣмъ? взаимною любовью. Всѣ составляютъ одно тѣло плотно скрѣпленное. Въ немногихъ словахъ Апостолъ сказалъ имъ и напомнилъ очень многое. „Повидимому онъ предлагаетъ увѣщаніе, а между тѣмъ укоряетъ ихъ за безпечность; и потому говоритъ имъ: *бодрствуйте*, какъ спящимъ, *стойте*, какъ колеблющимся, *мужайтесь, утверждайтесь*, какъ малодушнымъ, *вся вамъ любовь да бываютъ*, какъ неимѣющимъ взаимнаго согласія. Одно направлено противъ обольстителей, именно: *бодрствуйте, стойте*; другое противъ оскорбителей, именно: *мужайтесь*; третье противъ возбуждающихъ несогласія и распри, именно: *вся вамъ любовь да бываютъ*, которая есть союзъ совершенства, корень и источникъ благъ. Что же значитъ: *вся любовь да бываютъ*? Обличаетъ ли кто, начальствуетъ ли кто или служить, учить ли кто или учится, все должно быть

съ любовію; ибо и все упомянутое зло (у Коринѣянъ) произошло отъ пренебреженія любви. Еслибы любовь не была пренебрегаема, то они не гордились бы и не говорили: *азъ убо Павловъ, азъ же Апаллосовъ* (1 Кор. 1, 12); еслибы она была между ними, то они не судились бы у внѣшнихъ (язычниковъ), или лучше, не судились бы вовсе; еслибы она была между ними, то блудникъ не жилъ бы съ женою своего отца, то они не презирали бы немощныхъ братій, не имѣли бы раздѣленій, не тщеславились бы духовными дарованіями. Посему-то и говорить имъ Апостолъ: *вся вамъ любовію да бывають*“ (св. Злат.).

Ст. 15. *Молю же вы, братіе: вѣсте домъ Стефаниновъ, яко есть начатокъ Ахаіи, и въ служеніе святымъ учиниша себе.*

„Еще въ началѣ посланія онъ упомянулъ объ этомъ, когда сказалъ: *крестихъ же и Стефаниновъ домъ* (1, 16), и теперь называетъ его начаткомъ не только Коринѣа, но и всей Греціи. Не маловажная честь первыми приступить ко Христу. Но Апостолъ не то только сказалъ, что они первые увѣровали, но что были начаткомъ, выражая, что вмѣстѣ съ вѣрою они показали и прекрасную жизнь, какъ ея плодъ, и оказались достойными во всѣхъ отношеніяхъ. Подлинно, начатокъ долженъ быть лучше всѣхъ прочихъ, которыхъ онъ есть начатокъ, что Павелъ дѣйствительно и засвидѣтельствовадь объ нихъ такимъ выраженіемъ. Ибо они, какъ я сказалъ, не только искренно увѣровали, но и на дѣлѣ показали великое благочестіе, высокую добродѣтель и ревность въ дѣлахъ милосердія. И не только этимъ онъ доказываетъ, что они достойны чести, но и тѣмъ, что весь домъ былъ исполненъ благочестія. А какъ они были ревностны въ добрыхъ дѣлахъ, это Апостолъ показываетъ въ дальнѣйшихъ словахъ: *въ служеніе свя-*

тымъ учиниши себе. Слышите ли, какую онъ воздаетъ похвалу ихъ страннолюбію? Не сказалъ: служить, но: *учиниши себе въ служеніе*, — такую жизнь они избрали себѣ навсегда, объ этомъ заботятся постоянно“ (св. Злат.).

Ст. 16. *Да и вы повинуйтесь таковымъ, и всякому споспѣшествующу и труждающуся.*

Теченіе рѣчи такое: прошу васъ, братіе, — вы знаете конечно домъ Стефаниновъ — такой и такой, такъ прошу васъ, повинуйтесь таковымъ, и всякому...

Повинуйтесь, — *ὑποτάσσθε*, — больше значить нежели почитайте. Повиновеніе, — *ὑποταγή*; — подчиненіе, покорность есть обязанность подчиненнаго къ властному. Потому надобно полагать, что Стефаносъ былъ въ числѣ предстоятелей церкви. То, что Апостоль обставляетъ его словами: *таковымъ — и всякому*, — смѣшивая его въ массѣ другихъ достойныхъ уваженія лицъ, зависѣло отъ того, что Стефаносъ былъ налицо и долженъ былъ представить посланіе Коринѣскому обществу. Надлежало его прикрыть. Св. Павелъ не оставилъ конечно коринѣскаго общества безъ блюстителей. Кому же лучше онъ могъ поручить его, какъ не такому какъ Стефаносъ и подобные ему. Общество было большое: конечно и блюститель не одинъ. *Споспѣшествующими* называетъ св. Павелъ лица пособствующія благоустройству и благосостоянію церкви чѣмъ-либо другимъ, кромѣ предствительства; *труждающимися* — служащихъ въ церкви и внѣ, — при крещеніи, проповѣди, помогани бѣднымъ и больнымъ. Въ другомъ мѣстѣ онъ отличаетъ труждающихся въ словѣ. Не ихъ ли онъ и здѣсь разумѣетъ? Θεодоритъ пишетъ: „приказаніе даетъ, чтобы они и соизволяющіе на подобное сему пользовались всякою честію.“ Св. Златоустъ говоритъ вообще съ той точки, что они *на служеніе святымъ учиниши себе.* „Содѣйствуйте имъ и денежными пожертвованіями, и тѣлес-

нымъ служеніемъ, имѣйте съ ними общеніе; потому что и трудъ для нихъ сдѣлается легче, если они будутъ имѣть сотрудииковъ, и дѣйствія благотворительности будутъ простираться на большее число людей. Не просто сказалъ: содѣйствуйте, но: *повинуйтесь* имъ, что бы они вамъ ни повелѣли, внушая самое строгое повиновеніе. Но дабы не показалось, будто онъ угождаетъ имъ, присовокупляетъ: *и всякому споспѣшествующему и труждающемуся*. Пусть, говоритъ, этотъ законъ будетъ общимъ; я говорю не объ нихъ исключительно, но и всякій, подобный имъ, пусть получаетъ тоже. Посему, еще начиная говорить о нихъ, онъ призываетъ во свидѣтели самихъ Коринѣянъ. Вы, говоритъ, сами знаете, какъ они трудятся, и не имѣете нужды слышать объ этомъ отъ насъ.“

Ст. 17. *Возрадовался же о пришествіи Стефаниновъ и Fortunатовъ и Ахайковъ, яко ваше лишеніе сіи исполниша.*

Стефаносъ, Fortunатъ и Ахайкъ были послы отъ Коринѣянъ, принесшіе и посланіе отъ нихъ, на которое по пунктамъ отвѣтилъ св. Павелъ. Радъ былъ, говорить, я ихъ приходу, потому что въ ихъ лицѣ я увидѣлъ всѣхъ васъ. Изъявляетъ сильную любовь къ нимъ, свидѣтельствуя, что всѣхъ ихъ желалъ бы видѣть,—да нѣтъ васъ; эти посланные восполнили такое лишеніе васъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ, этимъ изъявленіемъ радости и пославшихъ одобряетъ за выборъ, и посланныхъ похваляетъ, что они такъ достойно себя держали, что ничѣмъ не умалили радости, какую доставила первая ихъ встрѣча. „Похваляя пришедшихъ къ нему, онъ вмѣстѣ съ тѣмъ воздаетъ похвалу и другимъ, съ посланными соединя пославшихъ. Они пришли къ нему вмѣсто всѣхъ, представили въ лицѣ своемъ весь городъ, были представителями всѣхъ вѣрующихъ Коринѣянъ“ (св. Злат.).

Ст. 18. *Упокоиша бо мой духъ и вашъ. Познавайте убо таковыя.*

Упокоили духъ св. Павла тѣмъ, что дали возможность видѣть въ себѣ всѣхъ любимыхъ чадъ Коринтской церкви, и особенно тѣмъ, что представили состояніе этой церкви въ истинномъ ея видѣ, — что т.-е. есть не-исправности, но онѣ скорѣе суть дѣло неразумія, чѣмъ нерадѣнія о добрѣ и нежеланія являть себя во всемъ исправными. А это значило, что стоитъ только указать имъ, какъ чему слѣдуетъ быть, и все пойдетъ какъ должно. Что и дѣлаетъ св. Павелъ въ посланіи. Упокоили духъ Коринтянъ тѣмъ, что согласились принять на себя трудъ путешествія и тѣмъ дать имъ надежду, что духовныя нужды ихъ будутъ удовлетворены и все смущавшее ихъ предотвращено,—упокоили надеждою. Это даетъ мысль, что посланные предъ самыми посланными были лица, на которыхъ во всемъ положиться можно. Въ этомъ же словѣ, можетъ-быть разумѣется и то, — что упокоять; а что упокоять, въ этомъ не могло быть сомнѣнія. Апостоль и говорить объ этомъ какъ-бы оно совершилось уже.

Познавайте убо таковыя, — т.-е. воздавайте имъ за это признательностію, вниманіемъ, любовію, почтеніемъ. „Для васъ они оставили отечество и домъ свой; за всѣхъ васъ рѣшились предпринять такое путешествіе: познавайте убо ихъ. Это вы исполните, если вознаградите ихъ добрымъ къ нимъ расположеніемъ, если станете почитать ихъ, если будете принимать ихъ, если покажете участіе въ ихъ добрыхъ дѣлахъ“ (св. Злат.).

5.

Цѣлованія,—изъявленія благожеланій,—поклоны.

Ст. 19. 20.

Ст. 19. *Цѣлуютъ въ церкви Асійскія; цѣлуютъ въ о Господь много Акила и Прискилла, съ домашнею ихъ церковію.*

Цѣлуютъ въ церкви Асійскія. „И сіе присокупилъ Апостоль на пользу Коринѣянамъ, показывая распространеніе проповѣди“ (Ѳеод.). Такъ обычно Апостолу Павлу. „Онъ всегда въ своихъ привѣтствіяхъ сближаетъ и соединяетъ членовъ (Церкви)“ (св. Злат.). Обращенные Апостоломъ все сознавали себя въ духовномъ отношеніи дѣтьми одного отца духовнаго; потому искренно привѣтствовали другъ друга, какъ родныхъ. Но и кромѣ этого, все христіане одного духа суть, одного Господа главою и живютъ и въ Немъ единомъ роднятся, составляя какъ бы одну семью.

Акила и Прискилла шлютъ свои привѣты и потому еще, что были имъ извѣстны лично, и вѣроятно не мало содѣйствовали св. Павлу въ насажденіи вѣры въ Коринѣѣ. Получить отъ нихъ цѣлованіе не могло не быть утѣшительно для Коринѣянъ, свидѣтельствуя, что сіи лица помнятъ ихъ доселѣ и не перестаютъ питать къ нимъ доброе расположеніе. Это и особо означилъ св. Павелъ словами: *много и о Господь.*—*Съ домашнею ихъ церковію,* — или со всеми, находящимися въ домѣ ихъ, или съ тою частію христіанъ, которая собиралась въ ихъ домъ, для молитвъ и причащенія. Св. Златоустъ и другіе наши толковники замѣчаютъ, что св. Павелъ жилъ у нихъ, и слѣдовательно собранія тутъ бывали многочисленнѣе. Какъ отдѣльныхъ церквей тогда

не было, то для собраній уступались дома. Едва ли можно найти домъ, который могъ бы вмѣстить всѣхъ вѣрующихъ; потому, вѣроятно, назначался для этого не одинъ домъ. Это начало того, что по городамъ бываетъ и теперь много церквей. „Они, по великой добродѣтели содѣлали домъ церковію, вознамѣрившись дѣлать то одно, что прилично церкви“ (Ѳеод.). „И это немаловажная заслуга—обратить домъ свой въ церковь“ (св. Злат.).

Ст. 20. *Цѣлуютъ вы братія вся. Цѣлуйте другъ друга лобзаніемъ святымъ.*

Не Акила только и Прискилла съ церковію своею домашнею, но и всѣ ефесскіе христіане привѣтствуютъ. И безвѣстные вамъ не отстаютъ въ благожеланіи отъ извѣстныхъ. Но если далекіе отъ васъ такъ близятся съ вами, не тѣмъ ли паче въ искреннемъ сближеніи надлежитъ пребывать вамъ между собою. Это я и прошу васъ сдѣлать теперь же, по прочтеніи посланія, взаимнымъ другъ друга цѣлованіемъ, да изгонитъ оно изъ среды васъ всякій разладъ, всякое разномысліе, да будете едино и умомъ и сердцемъ. „Апостолъ изгналъ раздоръ, и святымъ лобзаніемъ связалъ ихъ между собою“ (Ѳеод.). „Такое прибавленіе: *лобзаніемъ святымъ*, онъ дѣлаетъ только здѣсь. Почему? Потому что между Коринѳянами было великое раздѣленіе; они говорили: *азъ убо Павловъ*, и проч.; одни изъ нихъ терпѣли голодъ, а другіе упивались; между ними происходили ссоры, распри и тяжбы; даже изъ-за самыхъ даровъ благодати у нихъ была великая зависть и великая надменность. Примиривъ ихъ своимъ увѣщаніемъ, онъ справедливо повелѣваетъ имъ соединиться и святымъ цѣлованіемъ; оно могло соединить ихъ и сдѣлать единымъ тѣломъ; оно *свято*, если чуждо коварства и лицемерія“ (св. Злат.).

6.

Послѣднее слово и благомеланіе Апостола.

Ст. 21—24.

Ст. 21. *Цѣлованіе моею рукою Павлею.*

Привѣтъ любви вамъ и отъ меня, который пишу своею рукою. Этимъ подтвердилъ онъ, что и все посланіе идетъ отъ него. Цѣлованіе свое Апостоль обычно выражалъ словами: *благодать Господа нашего* и проч. (ст. 23). Но иногда, сообразно съ лицами, къ которымъ писалъ, онъ прибавлялъ что-нибудь къ сему слову. Въ этомъ посланіи онъ обставляетъ его словами о любви...

Ст. 22. *Аще кто не любитъ Господа Исуса Христа, да будетъ проклятъ, маранъ-ава.*

Существо христіанства въ сочетаніи съ Господомъ — существоваемо. Но кто состоитъ въ сѣмъ сочетаніи, можетъ ли не любить Господа? Если кто не любитъ Господа, то прямой знакъ, что онъ не состоитъ въ союзѣ съ Нимъ; а если не состоитъ съ Нимъ въ союзѣ, то чуждъ христіанства, чуждъ тѣла Церкви, самоотлученъ отъ нея, хотя и носить имя христіанина, — анаеема и значить отлученъ отъ тѣла Церкви. Въ подлинникѣ стоитъ только *ἀνάθεμα*, — а что прибавить здѣсь: *εστὶ* или *да будетъ*, — оставляется на волю читающаго. Думается, что здѣсь лучше идетъ: *εστὶ*, въ такой мысли, что кто не имѣетъ любви къ Господу, тотъ уже отсѣченъ отъ Церкви, не членъ ея, или членъ отторгшійся. Слова: *маранъ-ава* — лучше понимать, какъ удостовѣрительное слово въ смыслѣ: право такъ, ей, такъ. Въ переводѣ это значить: *Господь придетъ*. Апостоль выражаетъ: кто не любитъ Господа, тотъ анаеема. Это

такъ вѣрно, какъ вѣрно то, что Господь пришелъ. Въ Ветхомъ Заветѣ Онъ былъ грядый, имѣющій придти, чаемый, а для насъ Онъ есть пришедшій. Исповѣданіемъ этого удостовѣряетъ Апостоль, что нелюбовь ко Господу дѣлаетъ христіанина анаѳемою.

Св. Златоустъ говоритъ: „Однимъ этимъ изреченіемъ Онъ приводитъ въ страхъ всѣхъ тѣхъ, которые дѣлали члены свои членами блудницы, которые соблазняли братію вкушеніемъ жертвъ идольскихъ, назывались по имени людей, не вѣровали воскресенію, — и не только приводитъ въ страхъ, но и указываетъ путь къ добродѣтели и источникъ пороковъ. Какъ любовь ко Христу, когда она сильна, изгоняетъ и истребляетъ всѣ виды грѣховъ, такъ точно она, когда слаба, позволяетъ произрастать имъ. Что значитъ: *маранъ-аѳа*? Господь нашъ пришелъ. Для чего онъ говоритъ это? Дабы подтвердить ученіе о домостроительствѣ Божиѣмъ, такъ какъ преимущественно въ этомъ заключаются сѣмена воскресенія; и еще для того, чтобы пристыдить ихъ, какъ бы такъ говоря: общій всѣхъ владыка благоволилъ уничтожить Себя до такой степени, а вы еще остаетесь въ томъ же положеніи и продолжаете грѣшить? Васъ не поражаетъ чрезмѣрная любовь Его, важнѣйшая изъ всѣхъ благъ? Помните только это одно, и вы будете въ состояніи преуспѣвать во всякой добродѣтели и истреблять всякій грѣхъ.“ Бл. Θεодоритъ дополняетъ сіе слѣдующимъ еще наведеніемъ: „какъ любящіе плотски никого не хотятъ имѣть сообщникомъ въ любви, такъ напротивъ бл. Апостоль желаетъ, чтобы всѣ люди вмѣстѣ съ нимъ были любителями (Господа), и кто не таковъ, того отсѣкаетъ отъ Церкви.“

Ст. 23. 24. *Благодать Господа нашего Иисуса Христа съ вами. И любви моя со всеми вами о Христе Иисусѣ. Аминь.*

„Учителю свойственно помогать не только совѣтами, но и молитвами. Апостоль и молится: *благодать... съ вами. И любви моя съ вами.* Будучи отдаленъ отъ нихъ по мѣсту, онъ какъ-бы простираетъ свою десницу и объѣмлетъ ихъ объятіями любви: *любви моя*, говоритъ, *съ вами*; какъ-бы такъ: я самъ со всѣми вами. Это показываетъ, что написанное имъ происходило не отъ раздраженія и не отъ гнѣва, но отъ попеченія объ ихъ благѣ, если онъ и послѣ такихъ обличеній не отвращается отъ нихъ, но любить и объѣмлетъ ихъ, несмотря на далекое разстояніе, и изливаетъ предъ ними свою душу въ писаніяхъ и посланіяхъ. Но дабы они не подумали, что онъ изъ лести къ нимъ дѣлаетъ такое заявленіе любви, говоритъ: *о Христѣ Исусѣ*; любовь его не имѣетъ въ себѣ ничего человѣческаго, ничего плотскаго, но есть духовная, и потому самая искренняя; слова его впрочемъ выражаютъ сильную любовь“ (св. Злат.).

„А мы извлечемъ (изъ предпоследнихъ словъ Апостола) себѣ пользу, и возлюбимъ возлюбившаго насъ Владыку, чтобы не пала и на насъ клятва; но чтобы сподобиться намъ всякихъ о Немъ благословеній. Съ Нимъ Отцу, со Святымъ Духомъ честь и велелѣпіе, нынѣ и всегда, и во вѣки вѣковъ. Аминь“ (Теодоритъ).

ОГЛАВЛЕНІЕ

ПЕРВАГО ПОСЛАНІЯ КЪ КОРИНѢЯНАМЪ.

Введеніе.

	Стр.
1. Свѣдѣніе о Коринѣ и Коринѣянахъ.	3
2. Основаніе церкви святой въ Коринѣ	—
3. Поводъ къ написанію посланія.	13
4. Время и мѣсто написанія его	20
5. Раздѣленіе	21

Предисловіе.

1. Надпись и прѣвѣтствіе, 1, 1—3	25
2. Начало посланія, 1, 4—9	31

Первое отдѣленіе. Пресѣченіе разнорѣчій, 1, 10—4, 21 . 42

1. Краткое обличеніе начавшихся разнорѣчій, 1, 10—16	43
2. Загражденіе источниковъ, изъ коихъ исходили толки — 1, 17—4, 21,—кои суть.	54
а. Слишкомъ большое довѣріе къ мудрости человѣч- еской, 1, 17—2, 16	56
б. Неправое понятіе о томъ, что суть люди, и даже сами Апостолы въ дѣлѣ насажденія на землѣ вѣры Христовой, 3, 1—4, 16	121
3. Извѣщеніе о посланіи св. Тимоея, и памѣреніи св. Павла, самому посѣтити Коринѣянь, 4, 17—21	184

Второе отдѣленіе. Обличеніе и исправленіе нравственныхъ недостатковъ, гл. 5 и 6 193

1. Обличеніе Коринѣянь за равнодушіе къ грѣху крово- смѣсника и судъ надъ нимъ, 5—8, съ прибавленіемъ увѣщаній очищать и общество христіанское отъ всѣхъ явныхъ грѣшниковъ, 5, 9—13.	—
---	---

II

	Стр.
2. Обличеніе за тѣжбы предъ невѣрными, 6, 1—8 . . .	214
3. Обличеніе грѣшной и страстной жизни вообще, особенно плотоугодливой, 6, 9—20	224
Третье отдѣленіе. Наставленія	247
1. О бракѣ, 7, 1—24.	—
2. О безбрачїи, 7, 25—40	272
Четвертое отдѣленіе. Наставленіе, какъ относиться къ вдо- ложерственному, гл. 8—11, 1	292
Пятое отдѣленіе. Обличеніе и исправленіе нѣкоторыхъ не- порядковъ при церковныхъ собранїяхъ, 11, 2—34 . . .	389
1. О непокровенїи женами головъ въ церкви, 11, 2—16 . . .	—
2. О непорядкахъ на вечерахъ любви, 11, 17—34 . . .	405
Шестое отдѣленіе. О дарахъ Св. Духа, гл. 12—14. . .	433
1. О дарахъ Св. Духа вообще, гл. 12	435
2. О любви, какъ пути превосходнѣйшемъ, гл. 13 . . .	469
3. Объ употребленїи даровъ — особенно языковъ и проро- чества, гл. 14	494
Седьмое отдѣленіе. О воскресенїи мертвыхъ, гл. 15. . .	524
Послѣсловїе. Осьмое заключительное отдѣленіе, гл. 16 . . .	607

1
2
3
4
5
6
7
8
9
10
11
12
13
14
15
16
17
18
19
20
21
22
23
24
25
26
27
28
29
30
31
32
33
34
35
36
37
38
39
40
41
42
43
44
45
46
47
48
49
50
51
52
53
54
55
56
57
58
59
60
61
62
63
64
65
66
67
68
69
70
71
72
73
74
75
76
77
78
79
80
81
82
83
84
85
86
87
88
89
90
91
92
93
94
95
96
97
98
99
100

1
2
3
4
5
6
7
8
9
10
11
12
13
14
15
16
17
18
19
20
21
22
23
24
25
26
27
28
29
30
31
32
33
34
35
36
37
38
39
40
41
42
43
44
45
46
47
48
49
50
51
52
53
54
55
56
57
58
59
60
61
62
63
64
65
66
67
68
69
70
71
72
73
74
75
76
77
78
79
80
81
82
83
84
85
86
87
88
89
90
91
92
93
94
95
96
97
98
99
100

HECKMAN
BINDERY INC.

 MAR 91
N. MANCHESTER,
INDIANA 46962

3 0000 000 840 771